

Уильям З. Фостер

**О Ч Е Р К И
М И Р О В О Г О
П Р О Ф С О Ю З Н О Г О
Д В И Ж Е Н И Я**

William Z. Foster

**OUTLINE
HISTORY OF THE WORLD
TRADE UNION MOVEMENT**

Уильям З. Фостер

О Ч Е Р К И
М И Р О В О Г О
П Р О Ф С О Ю З Н О Г О
Д В И Ж Е Н И Я

Перевод с английского
А. ГОРСКОГО, В. КОСТОМАРОВА
Д. КУНИНОЙ, М. ЯНОВСКОЙ
под редакцией Н. АЛИПОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
ПРОФИЗДАТ — 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

В международном рабочем движении и в широких кругах рабочего класса давно уже назрела потребность в книге, излагающей историю мирового профсоюзного движения. Особенно остро эта потребность ощущается в Соединенных Штатах, где буржуазная пропаганда, которой вторят консервативные профсоюзные лидеры, с давних пор внушает рабочим, что в Америке в отличие от других стран не существует капиталистической системы, что американские рабочие не настоящие пролетарии и что в США нет классовой борьбы. Проповедь этой «американской исключительности», обращенная к рабочим, принимает и другие формы. Поэтому американским рабочим особенно необходимо ознакомиться с историей своего и международного рабочего движения.

Настоящая книга ставит себе целью сделать хотя бы первый шаг в этом направлении. Однако для всестороннего освещения этой обширной темы потребовалось бы несколько таких томов. Это лишь очерк истории, и потому, естественно, что книга слишком кратко затрагивает, а иногда и вовсе опускает важные этапы профсоюзного движения в различных странах.

Всякий труд по истории рабочего движения должен показать эволюцию профсоюзов от их первоначальных примитивных форм до современного высокого уровня развития. В настоящей книге освещаются, в частности, такие проблемы, как рост и распространение профсоюзного движения во всем мире, непрерывные изменения в его структуре, составе, боевой тактике и повседневных задачах, показывается рост его идейной зрелости.

Тред-юнионизм зародился в Англии, которая была родиной капитализма и рабочего класса. Поэтому история

первых шагов тред-юнионизма связана главным образом с ранними английскими профсоюзами. С ростом капитализма профсоюзы распространились по всему миру, и в настоящее время профсоюзное движение есть почти в каждой стране, включая колонии и полукolonии.

Из местных малочисленных цеховых союзов второй половины XVIII века профсоюзы превратились в наши дни во всемирные профсоюзные интернационалы, насчитывающие более 140 миллионов членов. Теперь это не замкнутые группы квалифицированных рабочих, а огромные производственные профсоюзные организации, охватывающие всех рабочих, включая неквалифицированных и сельскохозяйственных, а также женщин, молодежь, негров, служащих.

Усложнились и задачи, стоящие перед профсоюзным движением: от организации простых стихийных стачек за повышение заработной платы в первую пору существования профсоюзов до построения во многих странах социализма в наши дни. В своей тактике профсоюзы прошли путь от примитивных местных забастовок горстки рабочих до больших революционных движений всего рабочего класса и его союзников. Все это результаты бесчисленных забастовок и других ожесточенных битв, в которых рабочие показали чудеса мужества, стойкости, классовой солидарности и политической сознательности.

Количественному росту и укреплению организационной структуры и боеспособности мирового профсоюзного движения сопутствовал и его идейный рост. От путаной идеологии первых членов союза, исполненных боевого духа, но еще не освободившихся от буржуазных иллюзий, рабочее движение шло к принятию марксизма-ленинизма и перспектив социализма. Самыми стойкими вождями рабочего класса в его суровой классовой борьбе были марксисты. Они лучшие руководители забастовок и профсоюзные организаторы; они отчетливо видят, как увязать экономические вопросы с политической борьбой трудящихся масс, как разъяснить им сущность капиталистической системы и воспитать рабочих в духе классовой сознательности. Только марксисты, поддержанные сочувствующими прогрессивными элементами, сумели повести народы ряда стран на борьбу за уничтожение капитализма и построение социализма.

История идеологического роста мирового профсоюзного движения — это история перехода его рядовых членов и руководителей на сторону марксизма. В борьбе за утверждение идеологии рабочего класса марксисты в упорных повседневных битвах на экономическом, политическом и идеологическом фронтах одержали победу над многочисленными вредными идеологическими течениями, преимущественно буржуазного происхождения: анархизмом, лассальянством, фабианством, бернштейнианством, меньшевизмом, гомперсизмом, анархо-синдикализмом и многими другими. В некоторых крупных капиталистических странах, как, например, в Англии и Соединенных Штатах, эта борьба еще не выиграна, но международный рабочий класс в целом тяготеет к идеологии марксизма-ленинизма. В мировом масштабе марксисты-ленинцы сейчас стоят во главе подавляющего большинства членов профсоюзов.

Уильям З. Фостер

Нью-Йорк, январь, 1956 год

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Самое важное для обеспечения настоятельно необходимой политики мирного сосуществования всех стран, как социалистических, так и несоциалистических, — это более дружественные отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Крупным препятствием на пути к этому являются монополисты с Уолл-стрита и их реакционная политика империалистической экспансии. Все видят, что Советское правительство всегда было инициатором исторической политики мирного сосуществования и теперь делает все возможное, чтобы добиться самого полного претворения ее в жизнь.

Что касается американского народа, то он всегда питал чувства дружбы к советскому народу, несмотря на все попытки реакционеров нарушить эту дружбу. Американцы сознают, что их историческая судьба во многом сходна с судьбой советского народа. Советский народ, совершив великую социалистическую революцию, проложил путь к более высокому уровню жизни человечества в условиях враждебного капиталистического окружения. Американский народ почти 200 лет назад, совершив буржуазно-демократическую революцию, также возглавил прогрессивное развитие в обстановке, когда почти во всем мире господствовал враждебный ему феодализм. Он еще не готов совершить великий скачок к социализму, но это со временем придет. Американский народ видит сходство с советским народом также и в области быстрой индустриализации и общего развития огромной, но отсталой страны. Кроме того, американский и советский народы никогда не воевали друг с другом. Наоборот, они сражались плечом к плечу в двух самых ужасных войнах, которые когда-либо знало человечество. Эти важные факты живут в сознании широких масс американского народа, несмотря

на сильную антисоветскую пропаганду, которой их пичкали в период холодной войны.

Одна из важнейших задач в обеспечении более активного сотрудничества между американским и советским народами и тем самым в укреплении международного мирного сосуществования заключается в установлении более тесных и дружественных деловых отношений между гигантским профсоюзным движением в обеих странах. Более тесное сотрудничество двух организаций рабочего класса: советских профсоюзов, насчитывающих более 40 миллионов членов и являющихся крупнейшими во всем мире, и американских профсоюзов, насчитывающих 16 миллионов членов, — самых многочисленных из всех капиталистических стран — значительно способствовало бы делу мира и заложило основу для ликвидации пагубного раскола, существующего ныне в международном профсоюзном движении. Эти цели горячо поддерживают трудящиеся всего мира, как те, кто все еще живет в условиях капитализма, так и трудящиеся стран социализма.

Советские профсоюзы активно выступают за такое тесное сотрудничество с братскими профсоюзами Соединенных Штатов, но на пути этого сотрудничества стоят ультраконсервативные лидеры, господствующие сейчас в американском профсоюзном движении, главным центром которого является АФТ—КПП. Многие из этих лидеров, получающие огромное жалование от своих профсоюзов, открыто и не щадя сил поддерживают капиталистическую систему. Это они, а не рядовые члены профсоюзов отказываются послать братскую рабочую делегацию в СССР, чтобы своими глазами увидеть социалистическую систему, которая строится там с таким самопожертвованием и героизмом. В этом отношении некоторые профсоюзные лидеры занимают даже более консервативную позицию, чем капиталисты, которые и сами в качестве редакторов буржуазных газет, ученых, служащих, фермеров и т. д. жаждут поехать в Советский Союз, чтобы ознакомиться с тем, что же в действительности происходит в этой великой Стране Советов.

Но, конечно, «нет» председателя АФТ—КПП г-на Мيني не будет решающим словом в основном вопросе укрепления советско-американских профсоюзных отношений. Можно с полной уверенностью предсказать, что в недалеком будущем делегации из представителей американских

рабочих, выступающих от имени АФТ—КПП, посетят Советский Союз в качестве гостей советских профсоюзов. Сейчас среди американских трудящихся усиливаются прогрессивные настроения, особенно со времени разрядки международного напряжения. Они все более решительно настаивают на том, чтобы их требования были наконец по-настоящему рассмотрены, они требуют от своих профсоюзов проведения более прогрессивной политики. По сути дела эта растущая активность отражает возрастающие трудности, переживаемые Уолл-стритом с его агрессивной программой американского империализма. В широких массах трудящихся Америки, а также и в других слоях американского народа развивается новое и более дружественное отношение к СССР. Это стало особенно заметным после Женевского совещания «в верхах», происходившего в июле 1955 года, которое усилило надежды на мир, а также в не меньшей степени после недавнего XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, показавшего огромные успехи во многих отношениях. Эти в общем благоприятные события постепенно выдвигают на первый план проблему укрепления отношений между профсоюзами СССР и США, играющую огромную роль для международного рабочего движения, а это еще более улучшит перспективы сохранения мира во всем мире.

У. З. Фостер

Нью-Йорк, июль 1956 год

Часть I

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

(1764—1876)

ПЕРИОД КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Глава I

ЗАЧАТКИ КАПИТАЛИЗМА

Карл Маркс относит зарождение капиталистической системы в Европе к XVI столетию¹. До этого времени в Европе основным общественным строем был феодализм, господствовавший там с момента крушения в V веке Римской империи. Однако корнями своими капитализм уходит гораздо глубже — в римскую экономическую систему, которая существовала на много веков раньше и основывалась на труде рабов, обрабатывавших крупные поместья — латифундии.

Феодализм господствовал не только во всей Европе — от Англии до России, — но и в значительной мере в Азии — Китае, Индии, Японии и других странах, — где он переплетался с различными пережитками предшествующей общественной формации, основанной на рабском труде. На обширных пространствах Америки, Африки и Австралии ко времени зарождения капитализма в Европе был распространен первобытный общинный строй, за исключением только тех узких прибрежных полос, где белые захватчики уже успели создать свои капиталистические форпосты. Несмотря на некоторые успехи, достигнутые феодализмом, он так и не утвердился на Американском континенте. В странах, которые впоследствии стали назы-

ваться Латинской Америкой, крупные землевладельцы и феодалы захватили огромные территории, превратив их в свои поместья, обратили в рабство негров, закабалили индейцев и основали колонии, подчиненные Франции, Испании и Португалии. На территории будущих Соединенных Штатов и Канады богатые английские, французские и голландские землевладельцы также присвоили себе обширные земли, силой отнятые у индейцев, и принялись перестраивать новый континент по образу и подобию феодальной Европы. Однако больших успехов им добиться не удалось, и в конечном счете их попытки провалились. Французы создали феодализм в миниатюре на берегах реки Св. Лаврентия; голландцы насадили систему феодального патроната в районе реки Гудзон; англичанам удалось утвердить в Южных Штатах полуфеодальный строй, основанный на рабском труде негров. Но в целом в ведущих районах Соединенных Штатов и Канады феодализм оказался мертворожденным; отживающий феодальный строй не выдержал децентрализующего влияния «открытой границы» и натиска нарождающегося капитализма: феодализм не смог монопольно завладеть землей, насадить земельную знать, превратить рабочих и фермеров в крепостных и отбросить назад растущий капиталистический класс. Экономика этих обширных районов как в сельском хозяйстве, так и в промышленности почти с самого начала носила в своей основе капиталистический характер.

Хотя в различных частях Европы и Азии феодализм принял разные формы, в основном он базировался на монопольной собственности небольшой группы знатных сеньоров на землю и на природные богатства. Политическая организация земельной знати представляла собой иерархическую лестницу с мелким сельским дворянством внизу и горсткой абсолютных монархов—королей, императоров и пап — наверху. Наиболее богатым и могущественным из всех этих самодержавных сеньоров была на протяжении тысячелетия католическая церковь, которая в зените своего могущества владела примерно одной третью всех земельных угодий в Европе, а позже прибрала к рукам около половины земельных богатств Латинской Америки.

Феодальное общество было по преимуществу аграрным, и 90 процентов населения жило непосредственно обработкой земли. Землю обрабатывали крепостные, поло-

жение которых было немногим лучше положения рабов. Они были прикреплены к земле, бесплатно обрабатывали поля своих господ и добывали себе скудное пропитание, возделывая в остающееся время крохотные участки, которые предоставлял им сеньор. Земли обрабатывались почти такими же допотопными методами, как в древнем Египте. У крепостных не было никаких экономических и политических прав. Воля их господина была для них основным законом; в то время как паразитическая знать купалась в роскоши, они жили в нищете и в течение многих веков массами гибли в бесчисленных войнах, которые вели феодалы, старавшиеся оттягать землю друг у друга.

Не удивительно, что история феодализма во всех странах изобилует героическими восстаниями поработанных и обнищавших крестьян против этой варварской системы эксплуатации.

Цеховой строй

При феодализме города были невелики, малочисленны и далеко отстояли друг от друга. Тем не менее в них было сосредоточено наиболее квалифицированное ремесленное производство той эпохи. Однако многое производили у себя в деревне сами крестьяне, что сыграло немаловажную роль в развитии капитализма. Городские ремесленники изготавливали ткани, изделия из железа, меди, серебра, золота, кожевенные товары, головные уборы, обувь, булочные изделия, корзины, веревки, паруса и т. д. О высоком уровне развития ремесла, особенно на поздних стадиях феодализма, свидетельствуют великолепные соборы, прекрасные картины и другие выдающиеся произведения искусства того времени.

Почти повсюду городские ремесленники были организованы в зависимости от своих профессий и рода занятий в различные цехи — чесальщиков шерсти, ткачей, оружейников, кузнецов, ножовщиков, ювелиров, кольчужников, серебряных дел мастеров, игольщиков, пивоваров, шляпников и т. п. Благороднейшим из цехов, говорит Трант, считался цех каменщиков, строителей великолепных соборов². Возникли также могущественные купеческие гильдии. Цеховые мастерские бывали, как правило, очень невелики и состояли обычно из мастера, двух-трех подмастерьев и одного ученика. Мастера выполняли все про-

цессы в примитивной промышленности того времени: они закупали сырье, обрабатывали его и продавали готовую продукцию на открытом рынке. Все однотипные мастерские одного города объединялись в ремесленные цехи, которым обычно удавалось добиться установления некоторой монополии на рабочую силу, производство и торговлю в своей отрасли. Однако наряду с этим во всех городах имелось обычно значительное число рабочих, по большей части неквалифицированных, которые выполняли черную работу и не примыкали ни к одному цеху.

Возникновение цехов относится к ранним стадиям феодализма. В Европе их можно встретить уже в VII веке, а в Азии они, вероятно, существовали и гораздо раньше. К XI веку европейские цехи во многих городах были уже сильными организациями. Ремесленные цехи, контролировавшие производство и торговлю в городских общинах, сильно враждовали с надменными феодальными сеньорами. Противоречия между ними не раз приводили к местным вспышкам классовых боев и гражданским войнам. Цеховые мастера не только успешно защищались, но и значительно укрепляли свой контроль над экономикой и управлением населенными центрами. «В некоторых городах победа ремесленников была настолько полной, что вся гражданская структура перестраивалась сверху донизу на основе ремесленных цехов»³. По словам Креанжа, к 1376 году цехи контролировали городское управление Лондона⁴, а на континенте их власть была еще сильнее, чем в Англии. Один из первых экономистов капитализма, Адам Смит, живший в середине XVIII века, жаловался, что даже в его время на континенте «власть в самоуправляющихся городах находилась всецело в руках купцов и ремесленников»⁵. И действительно, как говорит Доббс, городами управляли главным образом купеческие гильдии. Ремесленные цехи редко выходили за местные рамки, зато купеческие гильдии часто действовали в национальных и даже межнациональных масштабах.

На Американском континенте, в частности в Соединенных Штатах, цеховая система, как и феодализм вообще, не привилась. Однако в некоторых североамериканских городах попытки создать цехи все же делались. Коммонс упоминает о двух таких попытках, предпринятых в 1648 году бондарями и башмачниками Бостона. «Судя по материалам архивов,— пишет он,— это единственные два

случая в нашей стране, когда ремесленные цехи были созданы и им было предоставлено право регулировать свои профессиональные дела и использовать государственную власть для того, чтобы добиваться соблюдения своих постановлений»⁶. Фонер, однако, указывает еще на один такой случай — Общество плотников, образованное в 1724 году в Филадельфии⁷. Такие организации, состоявшие из мастеров и подмастерьев и пытавшиеся установить свой контроль над заработной платой, ценами, условиями труда, производственным процессом и качеством продукции, были чужды даже капиталистической атмосфере Америки и оказались недолговечными.

Развитие меркантилизма

Капитализм не появился в готовом виде из головы умирающего феодализма; напротив, зачатки капитализма возникают уже на ранних стадиях феодального строя. Так, купцы уже были по существу капиталистами. Они преуспевали на протяжении всего существования феодализма, их можно было встретить даже в древней Греции и Риме, а также в других странах в докапиталистическую эпоху.

Феодальный строй создал благоприятные условия для роста и процветания купеческого класса. Развивался обмен товарами между городскими цехами, торговля между членами цехов и земельной знатью, внешняя торговля. Во всех этих областях купцы старались — и большей частью успешно — создавать свои монополии. У них были свои могущественные гильдии, которые со временем превратились в господствующую силу в большинстве средневековых цеховых городов. Между ремесленными цехами и купеческими гильдиями шла ожесточенная борьба за власть, причем победа обычно оставалась за купцами.

В вечных поисках новых рынков купцы-капиталисты были первыми путешественниками, авантюристами и первооткрывателями. Колумб, Васко да Гама, Магеллан, Кабот и многие другие знаменитые мореходы пускались в плавание в интересах купечества своих стран, — обычно на поиски новых путей в легендарную Индию. Купцы-

исследователи той эпохи, мало чем отличавшиеся от пиратов, беззастенчиво грабили друг друга и тех, кого они встречали в своих странствиях. Доббс замечает, что «во Франции слова шкипер торгового судна и пират были синонимами». Он указывает также, что алчные купцы «не брезговали в торговле ничем». Им было безразлично, чем торговать — рабами или слоновой костью, шерстью или шерстяными тканями, оловом или золотом, — лишь бы торговля приносила прибыль»⁸.

Торговля рабами из Африки — худшее из многих преступлений купцов-капиталистов. Свыше 350 лет, до середины XIX века, они варварски порабощали негров и миллионами переселяли их в Америку, наживая на этой кровавой торговле огромные барыши. Прибыль в 100—1000 процентов за один рейс была обычным явлением. Купцы Испании, Франции, Португалии и особенно Англии и ее американских колоний процветали за счет этого чудовищного промысла.

Купцы и определили первую внешнеэкономическую политику развивающихся государств Европы. К XV веку «меркантилизм» утвердился уже как политика всех ведущих стран. Фолкнер следующим образом излагает «кредо» меркантилизма. «Преуспевает та нация, которая меньше всего покупает и больше всего продает»⁹. Богатые купцы, а также банкиры (ростовщики) сотрудничали с правящим землевладельческим классом, ссужая его деньгами и финансируя его войны. Почти всюду они через королевские монополии устанавливали свой контроль над заморской торговлей. Первые североамериканские поселения в Виргинии, Массачусетсе, Нью-Йорке и Квебеке были основаны именно такими концернами — английскими, голландскими и французскими, — и они же расчистили почву для покорения англичанами Индии и других колоний.

Купцы-мародеры основывали города почти на всех судоходных реках Европы и особенно вдоль морского побережья. Начиная с XI века, они строили цветущие города на Адриатическом и Средиземноморском побережьях Италии, в районе Балтийского моря — в Германии и Скандинавских странах — и позднее, особенно вдоль западноевропейского побережья — в Англии, Голландии, Франции, Фландрии и Португалии.

Промышленный переворот

Расширение национальных и международных рынков дало сильный толчок производству и создало могущественный слой торговых капиталистов, расшатав тем самым основы феодализма; однако само по себе оно не могло свергнуть этот общественный строй и установить в качестве господствующей системы капитализм. Это явилось результатом коренных преобразований в феодальном способе производства и роста нового капиталистического элемента — промышленников. Решающую роль эти революционные преобразования, которые также уходят корнями в далекое прошлое, начали играть во второй половине XVI века.

Маркс говорит: «Переход от феодального способа производства совершается двояким образом. Производитель становится купцом и капиталистом в противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство»¹⁰. Исторически этот процесс осуществляли цеховые мастера, которые богатели, расширяя и развивая ремесленное производство в капиталистическом направлении, и, с другой стороны, богатые купцы, способствовавшие этому своими капиталами.

При помощи различного рода ухищрений, о которых мы скажем в следующей главе, новый слой промышленных капиталистов в конце концов сломил власть цехов и господствовавший способ производства, создав постепенно фабричную систему. Это движение продолжалось неуклонно на протяжении всего XVII и начала XVIII века. В то же время распадалось и феодальное производство в деревне, созревшее для насильственной экономической и политической революции, которая вскоре разразилась.

Промышленный переворот начался в середине XVIII века с изобретения целого ряда машин нового типа, главным образом в текстильной промышленности. В числе их были прядильная машина (Харгривс, 1764 год), прядильный станок (Аркрайт, 1769 год), мюль-машина (Комптом, 1779 год) и автоматическая мюль-машина. Другим революционизирующим механизмом была хлопко-

очистительная машина, сконструированная в 1793 году американцем Уитни. Во Франции крупнейшие изобретения в текстильной промышленности были сделаны де Вокансом и Жакардом. Другими важными изобретениями этих десятилетий были новые процессы плавки и проката железа, внедренные Кортон и Дарби, и, наконец, паровая машина Уатта, построенная в 1764 году, которая позволила перевести зарождающуюся промышленность с ручной и водной энергии на энергию пара. Эти первоначальные изобретения были предвестниками многих других, появившихся в последующие десятилетия. Вместе взятые, они привели к росту фабричной системы и возникновению, по выражению Маркса, «современной промышленности».

Условия для этих коренных преобразований созрели, и они буквально силой пробивали себе путь. Расширявшиеся рынки XVI века требовали всевозможных товаров; налицо имелось множество разоренных крестьян, которых можно было использовать на новых фабриках в качестве наемных рабочих, а в странах Западной Европы гигантскими шагами шло «первоначальное накопление» капитала, особенно в результате притока огромных количеств золота и серебра из Америки, ограбления Ост-Индии. Это и были основные условия, необходимые для возникновения капитализма: голодные рынки, наличный капитал и большое число наемных рабочих,— и в известный момент они породили его.

Капитализм возник на всей территории Западной Европы, а также в английских колониях в Америке. Во Франции, Италии, Голландии и Рейнской области Германии,— повсюду наблюдался усиленный рост капитализма. Бельгия и Италия шли впереди других стран, но вскоре на первое место выдвинулась Англия. Это объяснялось необыкновенно благоприятным стечением обстоятельств и, в частности, тем, что Англия обладала богатыми залежами угля и железа, почти не знала войн на своей территории, периодически опустошавших Европу, занимала ключевое положение на стратегических морских путях того времени и установила свое господство на море. К первой трети XIX века Англия благодаря быстрому росту ее промышленности была уже признанной «мастерской мира».

Буржуазная политическая революция

В первую пору своего развития феодализм, основанный на крепостничестве, представлял шаг вперед по сравнению с предшествовавшей ему римской системой, которая основывалась на рабском труде; но внутренние противоречия и косность вскоре превратили его в тормоз для дальнейшего роста и развития производительных сил. В частности, он являлся помехой на пути развивавшегося капитализма, которому железные тиски феодальных абсолютных монархий и их земельных, торговых и ремесленных монополий не давали свободно расти. Маркс указывал, что ни один правящий класс никогда не уступает власти добровольно, и поэтому развивавшийся капитализм сумел разгромить и вытеснить феодализм лишь после целого ряда революций. Как говорил Сталин, революция, то есть замена одной системы другой, всегда была борьбой, мучительной и жестокой борьбой, борьбой не на жизнь, а на смерть¹¹.

Вступлением к длительной мировой буржуазной революции была протестантская реформация XVI века, сломившая власть католической церкви в Северной и Западной Европе. За этим последовали революция 1644 года в Англии, американская революция 1776 года и французская революция 1789 года. Эти глубокие потрясения нанесли чувствительные удары по загнивающему феодальному строю. Ряд революций в течение последующих двух третей века закрепил победу капитализма. Эти революции, как правило, сопровождались расширением капиталистического способа производства. Таковы революции в испанских, португальских и французских колониях на Американском континенте в 1790—1826 годах, революция 1830 года во Франции, революционная волна, прокатившаяся в 1848 году по Франции, Германии, Австрии, Италии, Бельгии, Испании и другим странам Европы, гражданская война в Америке в 1861 году и японская революция 1868 года.

Эти потрясения, составляющие в целом буржуазную революцию, нанесли окончательный удар мировому феодализму и утвердили капитализм в качестве господствующей системы. Революции были совершены прогрессивной буржуазией, которую активно поддерживали и подталкивали массы крестьян, рабочих, интеллигенции и т. п. Бур-

жуазная революция ослабила или уничтожила абсолютные монархии, сломила земельную монополию феодалов, распустила ремесленные и купеческие гильдии, покончила с бесчисленными ограничениями феодального права и ликвидировала королевско-купеческие торговые монополии. Буржуазная революция ослабила власть католической церкви и значительно сократила обширную сеть католических монастырей; она дала сильный толчок развитию науки, положила конец крепостничеству и рабству, создала современное национальное государство и вообще расчистила путь для быстрого роста и развития как промышленного, так и сельскохозяйственного производства.

Революционная буржуазия боролась против феодального деспотизма, то есть за свободу, но свободу для себя, а не для масс. Свобода ей нужна была для того, чтобы держать в своих руках политическую власть, без помех торговать и производить, эксплуатировать как ей вздумается массы рабочих и крестьян. Она идеализировала свободу в таких замечательных документах, как американская «Декларация независимости» и французская «Декларация прав человека». Однако буржуазия, если оставить в стороне ее собственные права, никогда не принимала всерьез пламенные демократические чувства, выраженные в этих знаменитых документах, которые хорошо помогали вовлечь массы трудящихся в революционную борьбу против феодализма и в многочисленные национальные войны, которые буржуазия вела против своих капиталистических соперников.

Все эти события отражали прогрессивную конкурентную стадию в развитии капитализма, который исторически начал приходить в упадок в начале восьмидесятых годов XIX века с зарождением империализма. Но на этом буржуазная революция не прекратилась. Напротив, в остальных феодальных и полуфеодальных странах она продолжает развиваться до наших дней, когда более одной трети мира, вступив в следующую стадию развития мирового общества, уже идет по пути социализма. Среди буржуазных революций в этот период империализма, подробнее о котором будет сказано ниже, были революции в России в 1905 году и в феврале 1917 года, в Персии в 1906 году, в Китае в 1911 году, в Германии, Австро-Венгрии и Турции в 1918 году, в Индии и многих других колониальных странах Азии после второй мировой войны.

ЗАРОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Капиталистический строй основан на частной собственности на землю и промышленные предприятия, на производстве ради извлечения прибыли и на эксплуатации рабочих. Для его зарождения и существования требуется наличие большого числа людей, которых капиталисты могут заставить работать на себя за заработную плату. Повесть о том, как класс капиталистов по мере развития своего экономического и политического строя собирал для себя рабочую силу, является одной из самых трагических в истории человечества.

Превращение ремесленников в наемных рабочих

На протяжении многовековой истории европейских цехов ремесленники, составлявшие в средние века основную массу промышленных рабочих, были, по существу, независимыми производителями. Орудия, которыми они работали, как правило, были их собственностью, и ремесленники сами закупали для себя сырье и продавали готовую продукцию. Через цехи они регулировали состояние дел в своем ремесле, заботились о больных и престарелых и имели веский голос в определении политического статуса своей жизни. Мастера, работая бок о бок с подмастерьями, обычно получали пропорциональный доход, и каждый подмастерье или ученик рассчитывал стать в один прекрасный день самостоятельным мастером. Эта система с некоторыми вариациями была распространена по всей Европе. Хотя в Соединенных Штатах цехи и не играли заметной роли, однако мастерские цехового типа существовали в городах в течение всего колониального периода и даже позже.

Цех с его независимыми работниками и монополистическими тенденциями был серьезной помехой для растущего капитализма. Поэтому нарождавшийся класс капиталистов всячески стремился покончить с ним. Купцы и богатые цеховые мастера постепенно взяли в свои руки снабжение ремесленников сырьем и, кроме того, обеспечили себе возможность распоряжаться продажей значительной части продукции, изготовляемой цехами. Более

того, еще в XIV и XV веках они подрывали самую основу цеха так называемой «раздаточной» системой или системой «домашней промышленности». Как замечает Итон, «купец-предприниматель (почти капиталист) закупал сырье, например шерсть, и «раздавал» его мелким ремесленникам—прядильщикам, ткачам, чесальщикам, валяльщикам, красильщикам и т. п.»¹. Возникнув в текстильном производстве, эта «раздаточная» система распространилась затем на различные другие ремесла. Она действовала главным образом в сельских районах, где цехи не располагали эффективной властью. Узкая цеховая политика приводила к вытеснению большого числа подмастерьев, и цехи, все более подпадавшие под власть богатых мастеров и купцов, сделались весьма уязвимыми для нападения. Они устанавливали высокие вступительные взносы, ограничивали прием сыновей мастеров и т. п. Доббс пишет, что при Тюдорах подмастерья, не будучи в состоянии заплатить вступительный взнос, все чаще «работали тайно, где-нибудь в каморках на боковых улочках или переезжали в предместья, чтобы вырваться из-под власти цеха»². «Раздаточная» система была широко распространена в Европе и еще в первой половине XIX века играла известную роль в Соединенных Штатах. Совсем недавно следы ее можно было обнаружить в «потогонных мастерских» в швейной промышленности.

Следующим важным этапом в развитии промышленности и, стало быть, в пролетаризации ремесленников, было появление «мануфактуры», как ее называет Маркс. Здесь было по меньшей мере две стадии. Первая когда постепенно большое число ремесленников скапливалось в одном помещении для работы под надзором капиталистов. «Специфическим для мануфактурного периода механизмом является сам совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих»³. Так расчищался путь для второй стадии — появления и внедрения машин, которые на первых порах изготовлялись по большей части из дерева, а позже в связи с быстрым усовершенствованием металлообработки — из железа и стали. Это и было началом фабричной системы, зародившейся сначала в текстильной промышленности. Усовершенствования требовали все большего капитала, собрать который становилось не под силу ремесленникам и даже отдельным капиталистам. Начали возникать акционерные компании.

Подводя итог всему этому процессу, Итон говорит: «Мануфактурный период, возникновение которого относится к середине XVI века, заканчивается вместе с промышленным переворотом конца XVIII и начала XIX века. Промышленный переворот, почву для которого расчистила мануфактура, создал все условия для капиталистического производства, основанного на крупной машинной промышленности»⁴. Такова была общая тенденция во всей Европе и в Соединенных Штатах. В Китае, Индии и других странах, где зачатки индустриализации появились в период империализма, вытеснение ремесленников приняло еще более грубую форму: иностранные капиталисты попросту насаждали в этих странах крупные промышленные предприятия, главным образом текстильные, что приводило к упадку ремесла.

Общим результатом всего этого явилось постепенное вытеснение ремесла как господствующего способа промышленного производства, пролетаризация цеховых работников и систематическое разрушение самих цехов. Длительная отчаянная борьба английских ткачей против фабричной системы в первую половину XIX века была лишь одним из проявлений острой нужды, порожденной этими революционными преобразованиями. Еще в 1858 году на фабриках работала только половина ткачей Йоркшира (Англия)⁵, а в Германии в 1846 году имелось 78 423 ручных станка и всего 4 603 механических станка⁶. Английская и французская революции нанесли тяжелые удары по устаревшему цеховому строю, но тем не менее цехи просуществовали в Англии до XVIII века, а в Германии и Италии до середины XIX века. В Японии и других дальневосточных странах они встречались даже позже. Независимые ремесленники стали наемными рабами капиталистов.

Пролетаризация крестьянства

Еще большее число рабочих для своих растущих предприятий развивавшийся капитализм вербовал среди крестьян, делая это обычными для него грубыми и бесчеловечными методами. Крестьян попросту сгоняли с земли, не оставляя им иного выбора, кроме как стать наемными рабочими или умереть голодной смертью.

В Англии это движение было очень заметным с XVI по

конец XVIII века, и Маркс в «Капитале» придает этому большое значение. Привлеченные высокой ценой на шерсть, в которой нуждалась расширявшаяся текстильная промышленность, крупные землевладельцы начали огораживать свои земли и использовать их под овечьи пастбища. В то же время и с той же целью они принялись расширять свои земельные угодья за счет крестьян. Подсчитано, что в некоторых английских графствах было огорожено до 50 процентов земли⁷. Промышленный переворот ускорил этот процесс. Если между 1710 и 1760 годами было огорожено лишь около 300 тысяч акров, то в период между 1760 и 1843 годами этому процессу подверглось почти 7 миллионов акров⁸. В результате всего этого большое число крестьян было согнано с земли и обречено на голод и нищету. Маркс пишет, что таким способом «удалось завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата»⁹.

Примерно то же самое происходило во Франции, Скандинавии и германских княжествах. Широкие массы крестьян так или иначе лишались своих крохотных земельных наделов и могли быть использованы капиталистами в качестве рабочих. Россия пришла к этому же через отмену в 1861 году крепостного права. Из страха перед растущими крестьянскими бунтами помещики формально «освободили» массу крепостных, превратив их в безземельных крестьян, батраков и наемных рабов для зарождавшейся русской промышленности. Этим же целям служило освобождение крепостных в Германии в 1807—1816 годах, в результате которого крестьяне потеряли от «одной трети до половины своих наделов»¹⁰. Англия была наводнена нищими бродягами, а в одном Париже насчитывалось 80 тысяч нищих. Повсюду этих голодных и бездомных людей избивали, бросали в тюрьмы и беспощадно преследовали. Это были готовые рабочие руки для растущей фабричной системы капитализма, строительства шахт, а впоследствии и для прокладки железных дорог. Они уже полностью находились вне сферы действия умирающих ремесленных цехов.

В промышленность втягивались также жены и дети обездоленного крестьянства. Вскоре они составляли уже большинство рабочих в первой отрасли промышленности,

где водворился капитализм, — текстильной. Женщины и дети с незапамятных времен работали в феодальном сельском хозяйстве, но не в ремесленных цехах и мастерских. На растущих капиталистических предприятиях они подвергались еще не виданной в истории безжалостной эксплуатации. Алчные капиталисты не щадили ни возраста, ни пола. По их мнению, детей пяти-шести лет вполне можно было заставлять работать до упаду.

В Соединенных Штатах, особенно после революции 1776 года, положившей начало быстрому развитию капиталистической промышленности, пролетаризация беднейших фермеров приняла несколько иные формы. Индейцам все еще принадлежали сотни миллионов акров плодородной земли, которую легко было отнять у них по частям, и крупные землевладельцы не смогли установить здесь, как они это сделали в Европе, монопольную собственность на землю. Тем не менее в колониальный период и в первые годы существования Республики, на Атлантическом побережье было много бедных фермеров, владевших лишь клочками земли. Эти-то землевладельцы, многие из которых влачили полуголодное существование, и поставляли рекрутов для развивавшихся капиталистических предприятий. Этот процесс сыграл также свою роль в образовании пролетариата в Англии и в других странах.

В Америке бедные фермеры, еще не отрываясь от земли, становились ткачами или сапожниками, работавшими на раздаточные конторы, а с возникновением фабричной системы они потянулись на фабрики. Их жены и дети также стали наемными рабочими. Из их сыновей набирались команды на рыболовные и китобойные суда и на торговые клиппера, которые несли американский флаг вокруг всего света. К XIX веку на морских промыслах было занято по меньшей мере 100 тысяч человек. Фермеры также принимали непосредственное участие в строительстве многих первых предприятий в сельских районах. Зимой, после уборки урожая, они работали в лесу, закладывая основы лесопильной промышленности. В селах были свои пивоварни, дубильни, мукомольные мельницы и кузницы с непрерывно увеличивавшимся штатом наемных рабочих. Фермеры-полупролетарии были первыми углекопами, и по всему Атлантическому побережью, почти во всех колониях и новых штатах имелись железорудные разработки и небольшие плавильные цехи, в которых

работали фермеры, главным образом в свободное от сельскохозяйственных работ время. Фермеры принимали также активное участие в прокладке дорог, рытье многочисленных каналов и, наконец, в строительстве железнодорожных магистралей. Американские мелкие фермы всегда щедро поставляли рабочих для строительства и расширявшейся промышленности¹¹.

Пролетаризация крестьянства в Соединенных Штатах также шла своим особым путем, резко отличным от других стран. Промышленность поглощала большое число обезземеленных крестьян, отправлявшихся в Америку из других стран на поиски счастья. Особенно заметным стал крестьянский элемент во все ширившемся иммиграционном потоке после гражданской войны. Некоторые из этих крестьян получали землю, но большинство вливалось в промышленность. Вследствие этого накануне первой мировой войны они составляли подавляющее большинство (до 80 или более процентов) рабочей силы в крупных отраслях промышленности — текстильной, сталелитейной, мясоконсервной, угольной, лесопильной, морском транспорте и других.

Принудительный труд, пеонат и рабство

Нигде в молодом капиталистическом мире жажда рабочих рук не была такой острой, как на Американском континенте, и нигде не прибегали к таким жестоким методам, чтобы добыть рабочих для плантаций и нарождавшейся промышленности. Очень часто для этой цели, в частности в североамериканских колониях Англии, применялась система контрактации. Это означало, что рабочих вербовали не только на Британских островах, но и в различных странах Западной Европы и отправляли на «пловучих гробах» в Америку как будущих рабочих. Там они должны были якобы в уплату за проезд отслужить срок, предусмотренный контрактом, — семь или более лет.

Особенно грубыми методами эта контрактация проводилась в Англии. Во многих английских городах похитители загоняли неосторожных прохожих на суда и отправляли в колонии. В поисках рабочих для Нового Света постоянно опустошались также английские тюрьмы, переполненные должниками, мелкими воришками, военнопленными и бунтарями. Гаккер заявляет, что «в течение первых трех четвертей XVII столетия из тюрем Англии

было продано в качестве законтрактованных слуг на семилетний срок около 50 тысяч мужчин, женщин и детей»¹². С этими несчастными, среди которых было много мастеровых, обращались, как с настоящими рабами: у них не было никаких политических прав, их можно было перепродавать, подвергать телесным наказаниям или произвольно продлевать срок действия контракта. Без разрешения хозяев они не смели вступать в брак. «На протяжении всего колониального периода,— пишет Фонер,— свободные рабочие были самым малочисленным и наименее значительным слоем американских рабочих. В период Революции в Пенсильвании, Мэриленде и Виргинии три четверти колонистов были законтрактованными работниками и около одной шестой из трех миллионов жителей там составляли рабы — негры»¹³. Революция нанесла тяжелый удар по этой системе белого рабства, но следы ее сохранились еще и в первые десятилетия XIX века.

Однако не только система контрактации использовалась на ранних стадиях развития капитализма для поставки наемных рабов в страны Американского континента. Различные формы пеоната играли здесь еще большую роль. Первыми жертвами системы принудительного труда были индейцы и негры, особенно в колониях Испании, Франции и Португалии, а также в республиках, выросших на месте этих колоний.

Испанские и португальские завоеватели с первых же шагов стали превращать индейцев в рабов на их собственной земле, но это удавалось им лишь отчасти. В основном в Центральной и Южной Америке индейцы, которых ко времени открытия Америки Колумбом насчитывалось от 10 до 20 миллионов, были низведены до положения полукрепостных в соответствии с испанской системой «энкомьенды»¹⁴. Суть ее заключалась в том, что, прибрав к рукам большие куски территории, конкистадоры захватили вместе с тем и проживавших на этих землях индейцев, превратив их в своих батраков. Индейцы работали на своих хозяев на полях и в рудниках и строили их бесчисленные церкви, получая взамен лишь голод и побои. «Этой участи не избежали ни женщины, ни дети, ни старики. Все были обязаны служить своим хозяевам... При малейшем признаке нерадивости на плечи их опускался бич»¹⁵.

Из-за упорного сопротивления масс устаревшая испанская система энкомьенды и аналогичная ей система в

португальской колонии Бразилии вскоре оказались малоэффективным средством эксплуатации индейцев и постепенно отмерли.

Революции, прокатившиеся по всей Латинской Америке с 1790 по 1826 год, стерли остатки этой крепостнической системы, и повсеместно была введена более современная система — пеонат. Теперь индейцы и «освобожденные» в конце концов негры являлись формально свободными рабочими, получавшими плату за свой труд в рудниках, на ранчо и плантациях. В действительности, однако, получая голодную заработную плату, они попадали в долговую кабалу к землевладельцам. Не менее усердно, чем частные землевладельцы, практиковала этот метод эксплуатации и католическая церковь, являвшаяся крупнейшим землевладельцем в Латинской Америке, но при этом сюда примешивалась также «эксплуатация обрядами». «Священники, — говорится в энциклопедии «Колумбия», — также помогали (держат индейцев в долговой кабале), взимая непомерную плату за требы и играя на суевериях пеонов».¹⁶ Эта система долговой кабалы до сих пор широко применяется в сельском хозяйстве Латинской Америки и играет немаловажную роль в системе издольщины, распространенной в южных районах Соединенных Штатов как среди негров, так и среди белых рабочих.

Другим важным источником, откуда рекрутировался рабочий класс, особенно на ранних стадиях развития капитализма, были негры-рабы. Эта чудовищная система, также распространенная преимущественно в Америке, просуществовала с начала XV века до второй половины XIX века. Около 15 миллионов негров было захвачено и вывезено в Америку, причем, по словам Дюбуа, впятеро больше умерло в процессе превращения их в рабов в Африке и на море во время страшного переезда¹⁷. Когда рабство было наконец отменено — на Гаити в 1790 году, в американских колониях Испании в 1810—1826 годах, в Британской Вест-Индии в 1838 году, в Соединенных Штатах в 1863 году и в Бразилии в 1888 году — общее число освобожденных негров составляло от 15 до 20 миллионов.

Негры-рабы были вынуждены трудиться за одно пропитание. Рабство являлось важным экономическим фактором в развитии мирового капитализма — как в первоначальном накоплении капитала, так и в дальнейшем рас-

ширении сельского хозяйства и промышленности. Маркс писал в этой связи еще во времена рабства: «Подобно машинам, кредиту и пр., это рабство представляет собой краеугольный камень буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка, без хлопка немыслима современная промышленность. Рабство дало значение колониям: колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности. Следовательно, рабство представляет собою в высшей степени важную экономическую категорию»¹⁸. Молодая промышленность Великобритании и Соединенных Штатов, а равно и богатство ханжествующей буржуазии росли и процветали на основе рабского труда в главной отрасли их экономики — хлопководстве.

Негры на всем Американском континенте не только возделывали основные экспортные культуры — хлопок, сахар, рис, какао, кофе и т. п., — но были к тому же искусными ремесленниками. Теперь, когда рабство отменено, миллионы рабочих всех категорий во многих странах Западного полушария составляют негры. В настоящее время негры, которых насчитывается около 45 миллионов, являются самым пролетарским элементом населения Нового Света.

Глава 3

ЗАРОЖДЕНИЕ ТРЕД-ЮНИОНИЗМА В АНГЛИИ (1764—1824)

Капитализм зародился в Англии, и вместе с ним возникли современный рабочий класс и профсоюзное движение. Мы начинаем свой обзор в этой главе с 1764 года, так как именно в этот год начался промышленный переворот, ознаменовавшийся изобретением Джеймсом Харгривсом прядильной машины, с помощью которой один рабочий мог приводить в движение уже не одну, а 16—18 прялок. За этим важнейшим изобретением последовали другие, о которых рассказывалось в первой главе, — и промышленный переворот начался.

Развивающийся английский капитализм двинулся вперед семимильными шагами. Фридрих Энгельс пишет, что «в 1771—1775 годах в среднем ежегодно ввозилось в Англию менее 5 млн. фунтов хлопка-сырца; в 1841 году было ввезено 528 млн. фунтов; в 1738 году в западном окру-

ге Йоркшира было произведено 75 тысяч кусков шерстяной ткани». В 1834 году было выработано уже 940 тысяч кусков. В те времена в Англии, как затем и во всех странах, вступивших в капиталистическую стадию развития, основной отраслью промышленности была текстильная, но другие отрасли также быстро росли и развивались. Новые усовершенствования в процессах плавки железа вызвали бурный рост железодельной промышленности. Энгельс указывает, что если в 1740 году валовое производство железа составило всего 17 тысяч тонн, то в 1834 году оно достигло почти 700 тысяч тонн. Быстро возрастала и добыча угля. В качестве характерного примера можно привести два графства — Нортумберленд и Дургам, где, по официальным данным, в 1753 году разрабатывалось 14 копей, в 1800 — 40, в 1863 — 76 и в 1943 — 130¹. По всей стране протянулась сеть каналов и железных дорог. В то время как Великобритания быстро шла по пути промышленного развития, в Соединенных Штатах, Германии и Франции, ставших впоследствии крупными капиталистическими державами, современная промышленность только зарождалась.

С присущей капиталистам неумеренной алчностью английские предприниматели принялись эксплуатировать новые армии наемных рабов, доводя эксплуатацию до крайних пределов человеческой выносливости. При феодальном строе ремесленники, являвшиеся промышленными рабочими того времени, работали не спеша и жили в сравнительно хороших условиях. Энгельс пишет, что до внедрения фабричной системы положение ткачей «было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, вырабатывали они ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле»². Но теперь рабочие, несмотря на то, что новые машины значительно повысили производительность их труда, были вынуждены выбиваться из сил, точно рабы, и влачить нищенское существование, тогда как капиталисты купались в неслыханной роскоши. Аналогичные и даже еще худшие условия создались вскоре и во всех других молодых капиталистических странах.

В своей знаменитой книге Энгельс рисует ужасающую и в то же время абсолютно правдивую картину условий жизни английских рабочих в первые десятилетия про-

мышленного переворота. Предприниматели систематически усиливали эксплуатацию, удлиняя рабочий день и снижая реальную заработную плату. Рабочие — мужчины, женщины, дети — работали по двенадцать—шестнадцать часов в день. Их заработок не хватало на удовлетворение самых насущных потребностей, рабочие ютились в ужасных трущобах, в таких условиях, которые могли вынести «только люди вырождающиеся, физически опустившиеся, потерявшие человеческий облик, интеллектуально и морально дошедшие до животного состояния»³.

Говоря об этом периоде разнузданной эксплуатации в Англии, современный экономист Кучинский пишет: «Рабочий день уже нельзя было продлить, заработную плату нельзя было больше снизить и здоровье рабочего класса нельзя было подрывать еще больше, не вызвав (во многих случаях) полного прекращения работы»⁴.

С развитием капитализма Англию примерно каждые десять лет стали периодически потрясать циклические кризисы. Маркс упоминает об этих первых экономических потрясениях, в том числе о кризисах 1815, 1825, 1830, 1837, 1840 и т. д. годов⁵. Рабочему классу они приносили новые страдания и лишения. Положение английских рабочих, обреченных в периоды этих потрясений на массовую безработицу и голод, не поддается описанию.

Сопrotивление рабочих

Нищета и эксплуатация, невыносимые условия, в которых оказались английские рабочие по мере углубления промышленного переворота и сравнительно быстрого развития английской промышленности, неизбежно вызвали возмущение и сопротивление трудящихся масс. Стремясь защитить себя от этого нового, непонятного и губительного зла капиталистической эксплуатации, трудящиеся по-разному реагировали на создавшееся положение. Не следует забывать, что в течение нескольких десятилетий после изобретения главных машин, ознаменовавшего начало промышленного переворота, вопрос о сопротивлении рабочего класса представлял в значительной мере еще новую проблему, которую предстояло решить лишенному руководства и неорганизованному пролетариату.

Одной из основных ранних форм этого классового сопротивления было создание обществ взаимопомощи, «дружеских» обществ. Группы рабочих объединялись и

своими силами пытались защитить себя от случайностей, которым подвержена жизнь рабочего при капитализме: от безработицы, болезни, несчастных случаев, старости и тому подобных явлений, когда кормильцы в рабочих семьях могли лишиться своего заработка. Эта тяга к взаимопомощи, хотя она и не давала большого эффекта, была, однако, показательной. Она возникла фактически во всех странах на заре современного капитализма: в Англии, Соединенных Штатах, Франции, Германии, России, Японии, Китае и др. — и сохранилась в той или иной форме до наших дней.

Рабочие рано стали пытаться облегчить свое тяжелое положение посредством политических выступлений. В первые годы промышленного переворота буржуазия в борьбе против своих основных классовых врагов — феодальных сеньоров — заняла в общем сравнительно прогрессивную позицию по отношению к демократии, стремясь привлечь на свою сторону обездоленные и эксплуатируемые массы тружеников полей и мастерских. Там, где буржуазия взяла власть в свои руки — в Англии, Соединенных Штатах и Франции, — она сделала это на основе конституций, содержавших пылкие декларации о равенстве всех людей.

Естественно, что, оказавшись в таком невыносимом положении, рабочие воззвали о помощи к буржуазным правительствам. Этому тем более следовало ожидать, что рабочие еще помнили о том, как правительство регулировало — и притом не всегда неблагоприятным образом — условия труда и оплаты во времена цехов. Но вскоре рабочие на собственном опыте убедились, что их правительства в основном, если не полностью, контролируются теми самыми предпринимателями, которые так варварски эксплуатировали их на своих фабриках и заводах. Чуть ли не единственное, что рабочие могли предпринять в политическом отношении, не считая радикальных революционных выступлений, это взывать о помощи к правительству. Что же касается использования избирательного права, то до первой половины XIX века у широких масс этого права не было не только в Англии, но также и в других капиталистических странах, притом значительно дольше. В 1801 году в Англии, по словам Коула и Постгейта, при населении в 10,5 миллиона человек большинство членов палаты общин — 254 человека было избрано всего 5 723 избирателями⁶. В этих условиях капиталистические

правительства отвергли все требования рабочих о повышении заработной платы, и только в 1802 году, когда рабочий класс был доведен чуть ли не до вымирания, возмущенным рабочим удалось добиться первого, урезанного фабричного законодательства. Вслед за этим в 1819, 1929 и 1933 годах последовали и другие законы.

На заре современного капитализма рабочие прибегали и к такому способу сопротивления, как организованное экономическое сотрудничество. Иными словами, рабочие старались избежать полностью или частично гнета капиталистической эксплуатации, создавая собственные экономические организации. Обычно это бывали различные распределительные «кооперативы», но иногда создавались и кооперативы производственные. Британская энциклопедия упоминает об одном таком кооперативе, существовавшем в Англии еще в 1761 году⁷. Аналогичные организации возникали во многих городах и поселках. После 1820 года огромный толчок развитию кооперативов дало движение, возглавляемое Робертом Оуэном, а образование в 1844 году знаменитого Рочдейльского кооператива придало этому движению практический смысл. Экономическому сотрудничеству, хотя оно мало чем могло облегчить ужасное положение английских рабочих, суждено было тем не менее сыграть в последующие десятилетия очень большую роль не только на Британских островах, но и в рабочем движении других стран и в международных организациях рабочего класса.

Разрушение машин и бунты

В период, который охватывает эта глава (1764—1824 годы), угнетаемые и обнищавшие английские рабочие в поисках способов эффективной борьбы со своими эксплуататорами прибегали также и к гораздо более боевым методам, чем просто организация дружеских обществ и кооперативных групп и составление петиций к правительствам. Одним из таких методов было ярко проявившееся в Англии стремление к разрушению машин. Это движение возникло в 1811 году в текстильной промышленности, хотя случаи разрушения машин имели место и гораздо раньше. Оно было тактикой отчаяния, к которой прибегали преимущественно ткачи, вытесненные механическими станками и пытавшиеся уничтожить то, что они считали причиной своего бедственного положения,— машины.

Вождем этого движения был некий «Нед Лудд», личность более или менее мифическая; «штаб» его помещался в том самом Шервудском лесу, где жил некогда легендарный Робин Гуд. О «короле Лудде» Коул и Постгейт говорят, что «если такой человек и существовал, то совершенно неизвестно, кем он был»⁸. Само движение, однако, было вполне реальным. По словам Уэббов, в период луддитских волнений 1811—1812 годов «взбунтовавшиеся толпы рабочих, действуя с известной организованностью, разрушали текстильные машины, а иногда разносили и фабричные здания». Это движение пользовалось большим сочувствием широких масс рабочих, и Уэббы добавляют, что деньги для поддержки его «собирались среди рабочих других профессий, в частности каменщиков, прядильщиков, ткачей и углекопов, а также среди солдат некоторых полков, расквартированных в провинции»⁹.

Борьба отчаявшихся ткачей переросла в открытый бунт. Правительство жестоко расправилось с движением. Британская энциклопедия по этому поводу пишет: «Мятежники пользовались поддержкой общественного мнения и воздерживались от кровопролития и насилия по отношению к людям до 1812 года, когда по требованию напуганного предпринимателя Хорсфока солдаты обстреляли группу рабочих... В результате массового процесса в Йорке в 1813 году, после которого много рабочих было повешено или сослано, организация была на время разгромлена. В число жертв попал, видимо, и подлинный «король Лудд», ибо организованное движение внезапно затухло». Аналогичные движения возникли в 1815—1816 годах, и «хотя центр восстания и на этот раз находился в Ноттингеме, оно распространилось почти на все королевство»¹⁰.

После окончания наполеоновских войн наступили суровые времена. Это был период многочисленных забастовок, голодных походов и бунтов. Луддиты тех лет, пишут Коул и Постгейт, в отличие от луддитов 1811—1812 годов, которые разрушали лишь некоторые определенные машины, «выступали против всей фабричной системы в целом, грозившей гибелью ручным ткачам. Во многих местах фабрики были сожжены, а машины уничтожены»¹¹. Напуганный воинственностью рабочих, парламент объявил разрушение машин уголовным преступлением, и власти безжалостно преследовали всех, кого им удавалось выловить

с помощью профессиональных шпионов и агентов. Безнадежная борьба ручных ткачей была подавлена. На собственном тяжелом опыте рабочие убедились, что им нужно не разрушать машины, а добиваться перехода их в собственность рабочего класса. В других странах — Соединенных Штатах, Франции, Германии, Бельгии и т. п. — ткачи и рабочие других специальностей также часто противились введению машин, которые заменяли рабочих, но это сопротивление никогда не перерастало в насилие, как это было в Великобритании в начале XIX века.

Забастовки и профсоюзы

Чаще всего рабочие прибегали в порядке самозащиты к забастовкам и организации профсоюзов. Английские рабочие с незапамятных времен использовали забастовки, чтобы отстоять свою заработную плату или добиться ее повышения и улучшения условий труда. Уэббы прослеживают истоки этого движения до средних веков, когда работники, не входившие в цехи, даже организовывались для этой цели¹². Но современные забастовки и профессиональные союзы возникли вместе с отделением производителей от орудий производства и последующим резким падением их жизненного уровня по мере роста капитализма. Уэббы считают, что некоторые английские профсоюзы существуют непрерывно с середины XVII века¹³. Рабочие быстро поняли, что в их руках имеется грозное оружие — возможность приостанавливать производство и лишать предпринимателей их прибылей. В те времена забастовки носили по преимуществу местный характер и обычно бывали направлены лишь против хозяев нескольких мастерских.

Начало сильному росту профсоюзного движения положил промышленный переворот последней трети XVIII века. В 1800 году предприниматели добились от парламента драконовского «Акта о запрещении союзов», который запрещал забастовки и профессиональные объединения. Однако, несмотря на все преследования, рабочие открыто нарушали эти законы. Уэббы указывают, что никогда квалифицированные рабочие «Лондона не были организованы более полно, чем между 1800 и 1820 годами»,¹⁴ то есть тогда, когда действовало антипрофсоюзное законодательство. В период быстро развивавшейся капитали-

стической конкуренции квалифицированные мастера — печатники, каменщики, часовщики и т. п. — составили рабочую аристократию. Они получали еженедельно 30—50 шиллингов, тогда как рабочие, занятые в «новых отраслях промышленности», особенно в текстильной, железоделательной и горной, жили впроголодь, зарабатывая около 10 шиллингов в неделю.

Именно эти категории рабочих участвовали в большинстве самых ожесточенных стачек того периода. Хатт упоминает, в частности, о забастовках углекопов Северо-Восточного побережья (1810 год), Южного Уэльса (1816 год) и Шотландии (1818 год), о стачках шотландских ткачей (1812 год), ланкаширских прядильщиков (1818 год) и уэллских металлистов (1816 год)¹⁵. Он замечает, что «то были бурные дни, и забастовки, особенно на угольных копях, были гражданскими войнами в миниатюре; они подавлялись самыми различными насильственными средствами». Это был период возникновения национальных союзов в Великобритании. Мы не располагаем надежными статистическими данными о числе членов союзов в те времена. В тот период нигде в мире не было союзов, кроме небольшого числа их в Соединенных Штатах, но о них мы скажем ниже.

С самого начала члены тред-юнионов боролись за отмену Акта 1800 года о запрещении союзов. Выдающейся фигурой в этой борьбе был закройщик Френсис Плейс. С 1816 года борьба приняла весьма острые формы, и в 1824 году парламент был вынужден отменить хотя бы частично запрещение забастовок и профессиональных организаций. Ситрин говорит, что история тред-юнионизма как организованного движения в Великобритании начинается практически с момента отмены Акта о запрещении союзов в 1824 году¹⁶. Рабочие приветствовали вновь обретенную свободу шквалом забастовок и усиленной организацией союзов. Историческая борьба английских рабочих за свои профсоюзные права показала всему остальному миру, как надо бороться, чтобы не дать предпринимателям возможности при помощи антипрофсоюзного законодательства лишать рабочих права организовываться и бастовать. Борьбу за завоевание этих прав в конце концов пришлось вести рабочему классу всех капиталистических стран, вступившему на путь, проложенный английскими рабочими.

Цехи и профсоюзы

Некоторые буржуазные авторы, говоря о рабочем движении, прямо или обиняками заявляют, что современный профессиональный союз это лишь продолжение средневекового цеха¹⁷. Такое мнение ошибочно. Эти два типа организации соответствуют двум различным типам общества. Уэббы совершенно правильно подчеркивают этот факт. Они указывают, что тогда как цех был производственной и торговой организацией, в которую входили не только рабочие, но фактически и «директора» предприятий той эпохи, «современный профессиональный союз, напротив, является не ассоциацией предпринимателей, которые сами контролируют производственный процесс и продают свою продукцию, а объединением наемных рабочих, работающих под руководством капитанов промышленности, не входящих в организацию»¹⁸.

Английские профсоюзы не являются прямыми потомками цехов. «Профсоюзы в Соединенном Королевстве ни в коем случае не возникли прямо или косвенно из ремесленного цеха»¹⁹. Однако, как указывает Коул, они родственны возникавшим при феодализме временным организациям подмастерьев, не входившим в цехи и объединявшимся только для того, чтобы добиться повышения заработной платы и улучшения условий труда²⁰.

Хотя исторически профсоюзы и не являются потомками цехов, тем не менее они сохранили многие следы влияния последних на рабочий класс. Об этом говорит цеховая терминология, все еще используемая во многих профессиональных союзах, как, например, «мастера», «подмастерья», «ученики» и т. п., а также сохранившиеся традиции и церемонии. Такие методы и понятия, как забастовки и «закрытый цех», опять-таки восходят к цеховому строю.

«Дружеское» общество, или общество взаимопомощи, которое почти во всех странах предшествует профессиональному союзу, также испытало на себе сильное влияние цехов. Цех уделял много внимания обеспечению своих работников на случай болезни, увечья и смерти, и обычно одной из первых мер, которые рабочие стали принимать для своей защиты в период упадка цехов, было образование дружеских обществ взаимопомощи. В Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатах и других стра-

нах зарегистрированы сотни случаев, когда такие общества под давлением развертывающейся классовой борьбы превращались в настоящие профессиональные союзы. Основоположник японского профсоюзного движения Катаяма также заявляет, что он и его соратники в разгар борьбы реорганизовали несколько цехов в профсоюзы²¹. Почти во всех странах, рано вступивших на путь капиталистического развития, первыми рабочими, организовавшими союзы, были ремесленники — печатники, каменщики, портные, сапожники и др., которые испытывали на себе сильное влияние цеховых традиций.

Глава 4

ОУЭНИЗМ И ЧАРТИЗМ

(1817—1868)

Под двойным гнетом растущей капиталистической эксплуатации и снижающейся реальной заработной платы рабочие Великобритании в первую половину XIX века не только героически защищались, но и переходили в наступление, нанося сильные удары с целью раз и навсегда покончить с капиталистической системой. Таким путем они вписали несколько славных страниц в историю мирового рабочего движения.

Разумеется, первые рабочие Великобритании не стали в одно мгновение сознательными членами союзов. Традиции феодализма, только недавно ушедшего в прошлое, затрудняли понимание новых сложных форм борьбы. Даже самые элементарные идеологические и организационные вопросы, ни у кого не вызывающие сейчас сомнения, на первых порах представлялись им серьезными проблемами, которые решались медленно, в суровой школе классовой борьбы, тем более что в те дни еще не было Маркса, который осветил бы им путь.

Длительная борьба за отмену Акта о запрещении союзов от 1800 года, завершившаяся частичной победой в 1824 году, была лишь одной из многих крупных битв быстро развивавшегося рабочего движения в эти десятилетия. Другим важнейшим движением была борьба за всеобщее избирательное право для мужчин, принявшая особенно острую форму в 1829—1832 годах. В этот период «на Британских островах при шестнадцатимиллионном на-

селении было всего 160 тысяч избирателей»¹. Власть находилась в руках земельной аристократии и крупных капиталистов. Борьбу за избирательную реформу вели менее крупные капиталисты и мелкобуржуазные элементы, а в авангарде ее шли тред-юнионы. Но принятый в 1832 году в результате упорной борьбы Билль об избирательной реформе, лишь удвоил число избирателей; рабочие, которых предали их буржуазные союзники, по-прежнему оставались бесправными.

Другой исторической битвой этого периода была борьба за Билль о десятичасовом рабочем дне. Перед тем рабочие путем непрерывного давления на правительство добились принятия фабричного законодательства, которое в большей своей части осталось мертвой буквой, но все же слегка облегчило варварские условия труда. Особенно упорно рабочие добивались сокращения рабочего дня, который по фабричному акту 1833 года все еще равнялся 15 часам². 1 марта 1834 года по-боевому настроенные прядильщики хлопка призвали к «всеобщей забастовке» за восьмичасовой рабочий день (предвосхитив таким образом на полвека стачечное движение за восьмичасовой день в Америке в 1886 году). Широкая агитация за сокращение рабочего дня привела в 1847 году к принятию Билля о десятичасовом рабочем дне, который хозяева попытались свести на нет, урезав заработную плату. В «Учредительном манифесте» Международного товарищества рабочих (Первый Интернационал), написанном Карлом Марксом в 1864 году, принятие этого закона приветствуется, как «победа принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса»³.

В это же время начинает складываться историческое движение, во главе которого стоял Роберт Оуэн⁴. Оуэн, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в английском рабочем движении, родился в 1771 году в Нью-тоне (графство Монтгомеришир). Он стал совладельцем одной из крупнейших английских текстильных фабрик в Нью-Ланарке (Шотландия), на которой было занято около 2 тысяч рабочих. Потрясенный царившими повсюду в промышленности ужасающими условиями, Оуэн провел на своей фабрике целый ряд реформ. Он повысил заработную плату, сократил рабочий день, изменил условия труда детей и построил лучшие жилища для рабочих, извле-

кая при этом большие прибыли. Его «образцовые» фабрики привлекли внимание всей страны.

Но вскоре Оуэн пошел еще дальше. В 1817 году, продолжая ратовать за фабричные реформы, он выступил с предложением создать сеть самообеспеченных поселков с населением от 500 до 3 тысяч человек, снабженных необходимыми машинами и землей. По мысли Оуэна, в этих кооперативных общинах исчезали все различия между капиталистами и рабочими и ликвидировалась бедность. Оуэн питал наивную надежду, что этот план удастся претворить в жизнь, снискав благосклонную поддержку реакционного правительства и предпринимателей. В тот момент страна переживала в результате наполеоновских войн глубокий экономический кризис, и о плане Оуэна заговорили все.

Проект Оуэна был одной из нескольких известных утопий того периода, выдвинутых людьми, которые были исполнены благих намерений, как, например, Сен-Симон, Шарль Фурье, Этьен Кабе и другие. Эти люди брались устранить ужасные последствия капиталистической эксплуатации и побудить буржуазию претворить в жизнь широкообещательные лозунги равенства, о котором она когда-то столько говорила, чтобы завоевать поддержку масс в своей борьбе против пережитков феодализма. Однако эти социалистические утопии потерпели фиаско, ибо они не основывались на законах общественного развития. Тем не менее Энгельс в своей замечательной книге «Утопический и научный социализм» указывает, что утописты сыграли важную роль в истории рабочего движения, ибо они предприняли первое реальное наступление на капиталистическую систему. Оуэна он называет «родоначальником английского социализма»⁵.

Потерпев неудачу в Англии, Оуэн переехал в 1825 году в Соединенные Штаты, купил в Индиане 30 тысяч акров земли и основал в Новой Гармонии свою кооперативную колонию. Оуэн дважды с большим успехом выступал перед федеральной палатой представителей, и среди тысячи человек, примкнувших к его новой колонии, было несколько видных фигур. В других местах было основано еще 18 таких колоний. Но как и многие подобные утопические проекты, имевшие хождение в ту эпоху в Соединенных Штатах, проект Оуэна потерпел неудачу. Экономически и политически было невозможно создать по-

добные идеалистические островки в море американского капитализма. К 1828 году движение фактически затухло, так и не снискав сколько-нибудь широкой поддержки рабочих или крестьян⁶.

Великий национальный объединенный союз профессий

По возвращении в Англию Оуэн застал рабочий класс в революционном настроении. Надеясь сразу улучшить свое положение и покончить вскоре с капитализмом, рабочие ухватились за оуэновский план кооперации и энергично взялись за его осуществление⁷. В феврале 1834 года это движение привело к образованию Великого национального объединенного союза профессий Великобритании и Ирландии (ВНСП)⁸. Автором основных пунктов программы этой организации был Оуэн, избранный ее председателем. По его замыслу союз должен был взять в свои руки контроль над обществом и управление промышленностью. Это было предвосхищением синдикализма, появившегося спустя несколько поколений. Движение росло как на дрожжах и через несколько месяцев охватило полмиллиона человек, включая, как говорят Уэббы, «десятки тысяч сельскохозяйственных рабочих и женщин».

ВНСП, которому предшествовала созданная в 1830 году недолговечная Национальная ассоциация защиты труда, был замечательной организацией для того очень раннего этапа в жизни рабочего движения. В отличие от разбросанных местных цеховых союзов это была классовая организация, общенациональная и централизованная, стремившаяся организовать весь рабочий класс, как мужчин, так и женщин. Ее целью было не только добиться повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, но также «помешать невежественной, праздной и бесполезной части общества распоряжаться плодами нашего труда, что они сейчас в состоянии делать благодаря порочной денежной системе. Поэтому члены союза не должны упускать возможности взаимно ободрять и помогать друг другу в создании иного порядка вещей, при котором только действительно полезная и разумная часть общества будет управлять его делами и при котором умение и достоинство будут справедливо отличаться и вознаграждаться, а на долю порочной праздности достанутся заслу-

женные презрение и нищета». «Правила и постановления»⁹ предусматривали широкое использование забастовок или стачек (включая организацию кооперативных лавок во время забастовок), но там ничего не говорилось о политических выступлениях. У ВНСП был свой ритуал, делавший его похожим на организацию американских «Рыцарей труда», возникшую полвека спустя.

Создание Великого национального объединения союза профессий сопровождалось волной забастовок и усиленной организационной деятельностью по всей территории Британских островов. Уэббы говорят, что началась «мания» профсоюзного строительства и что «в анналах профсоюзного движения нашей страны нет ничего похожего на ту быстроту, с которой совершался этот рост»¹⁰. Крупные союзы строителей, швейников, прядильщиков хлопка и горшечников, хотя и не вступили во Всеобщий национальный союз профессий, тем не менее поддерживали с ним дружественные отношения.

Напуганное столь грозным развитием профсоюзного движения, подобного которому Англия еще не знала, правительство перешло в наступление на ВНСП, как на преступную организацию, поскольку его члены давали клятву хранить в тайне дела организации, и начало арестовывать руководителей и рядовых членов союза. Предприниматели, сами виновные во многих локаутах и несвоевременных забастовках, вынуждали рабочих подписывать «желтые обязательства», бесславный «документ» той эпохи, по которому рабочие обязывались не вступать в члены союза. Под этим объединенным натиском Всеобщий национальный союз профессий, не успевший еще укрепиться, рухнул. К концу 1834 года он исчез со сцены как национальная организация.

Возникновение чартизма

Поражение ВНСП не сломило боевого духа английского рабочего класса. Через три года он снова активно выступил со своим историческим движением борьбы за Народную хартию. Главной целью рабочих в этом движении была коренная перестройка устарелой и реакционной политической системы. В частности, они были убеждены, что без права голоса им не добиться серьезного улучшения невыносимых условий их труда и жизни. В этот

период в Англии из 25 человек населения правом голоса пользовался только 1, в Уэльсе — 1 из 23, в Шотландии — 1 из 45 и в Ирландии — 1 из 115 ¹¹.

Хартия была составлена в Лондонской ассоциации рабочих, организованной в 1836 году. Главным ее автором был Уильям Ловетт, квалифицированный механик и последователь Роберта Оуэна. В качестве программы она была выдвинута открыто в 1838 году. Целью ее было добиться тех политических форм, которых не дал Акт о реформе 1832 года. В Народной хартии было 6 пунктов: а) всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних мужчин; б) ежегодно переизбираемый парламент; в) равные избирательные округа; г) вознаграждение депутатам; д) тайное голосование; е) отмена имущественного ценза для депутатов. Аналогичная программа была безрезультатно выдвинута 58 годами ранее неким Картуайтом ¹².

Хартия появилась в весьма благоприятный момент. С 1835 года страна находилась в тисках тяжелого экономического кризиса (продолжавшегося до 1842 года), и среди рабочего класса царил страшная нищета. Боевой дух рабочих рос, особенно со времени борьбы 1824 года за легализацию профсоюзов. Широкие слои мелкой буржуазии, лишенные, подобно рабочим, избирательного права и переживавшие трудные времена, также были настроены радикально. Крупная буржуазия вела в это время борьбу против тори, за отмену хлебных законов. В Англии складывалась потенциально революционная ситуация. Энгельс писал: «Этих шести пунктов, которые касаются только организации палаты общин, как они ни невинны на первый взгляд, достаточно все же для того, чтобы смести с лица земли английскую конституцию вместе с королевой и палатой лордов» ¹³.

Хартия была восторженно встречена угнетенными и обнищавшими массами. По стране прокатилась волна многочисленных митингов, на которых иногда присутствовало до 350 тысяч человек. Общий план действий состоял в том, чтобы провести усиленную массовую агитацию и собрать миллионы подписей под колоссальной петицией о предоставлении Хартии, внести эту петицию в парламент, а тем временем созвать конвент по образу и подобию конвента, созданного во времена французской революции.

Все эти стихийные выступления масс вселяли ужас в сердца правящих групп помещиков и капиталистов. В их памяти еще были свежи грозные события Великой французской революции, они дрожали за безопасность своей хитроумной системы ограбления народных масс. Поэтому они, не теряя времени, собрали свои силы, чтобы раздавить грозное чартистское движение. Таково было общее положение в начале 1839 года. Надвигались решающие бои.

Упадок чартистского движения

В руководстве чартистским движением с самого начала существовали серьезные разногласия по поводу его ближайших и конечных целей, а также в вопросе о способах достижения этих целей. Движение вскоре раскололось на левое и правое крыло. Хартия, блестяще задуманная, с тем чтобы сплотить все демократические силы страны, была принята всем движением в целом, но там, где дело не касалось самой Хартии, был целый ряд разногласий. Руководители рабочих требовали решительного пересмотра позорного закона о бедных, введения всеобщего восьмичасового рабочего дня и других важных реформ, тогда как мелкобуржуазные элементы относились к этим требованиям весьма прохладно. У чартистов не было ясного представления, каковы общие цели движения и каковы его конечные перспективы. Последователи Оуэна мечтали о кооперативном содружестве, лидеры тред-юнионов не шли дальше сравнительно маловажных изменений в положении рабочих при капитализме. Это было за десять лет до выхода в свет «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса, и даже такие передовые руководители чартизма, как Бронтер, О'Брайен, Фаргюс, О'Коннор и Г. Дж. Гарни, будучи врагами капиталистов и обладая поразительным пониманием сущности классовой борьбы, тем не менее имели лишь смутное представление о будущем рабочего класса и общества вообще.

Серьезные разногласия существовали также в вопросах стратегии и тактики в борьбе за Хартию. Ловетт и его группа правых оппортунистов ратовали за мирное воспитание, «моральное убеждение», тогда как О'Брайен, О'Коннор, Гарни и другие представители левого крыла, сторонники тактики и «физической силы», зная безжалостность врага, с которым они вели борьбу, предлагали ответить всеобщей стачкой и восстанием, если парламент

отвергнет их петицию. Их девизом было: «Если можно — мирными средствами, если нужно — насильственными».

Первое крупное столкновение с правительством произошло летом 1839 года. 12 июля петиция о Хартни, подписанная 1 250 тысячами человек, была представлена в парламент, который тут же отклонил ее. Правительство, мобилизовавшее армию и полицию, арестовало много чартистских руководителей. Долго заседавший конвент единогласно решил, что он не в состоянии провести всеобщую стачку или восстание, и 14 сентября был распущен. Кое-где предпринимались попытки поднять восстание, но они были жестоко подавлены. Множество национальных и местных руководителей было арестовано.

Эта неудача нанесла чартистскому движению тяжелый удар, но примерно через год, когда из тюрьмы начали выходить многие руководители движения, оно начало возрождаться. В конце 1840 года была создана и начала быстро расти Национальная чартистская ассоциация, представлявшая собой политическую партию. Снова проходили огромные массовые митинги, и под петицией в парламент было собрано 3 317 700 подписей. Список подписей был длиной в 6 миль. Высшей точкой движения была попытка провести в августе 1842 года всеобщую забастовку, стачку «священного месяца». Массы рабочих, застигнутые врасплох этим внезапным и неподготовленным выступлением, не откликнулись, и забастовка провалилась. Эта катастрофа привела к новым арестам, преследованиям и смятению. Движение пошло на убыль.

1848 год был годом последней вспышки чартизма. В 1847 году Великобританию поразил серьезный экономический кризис, а серия революций в Европе, начавшихся революцией в феврале 1848 года в Париже, вдохновила рабочих на борьбу. Массовое движение ширилось. По всей стране собирались огромные митинги, еще более многочисленные, чем митинги 1839 и 1842 годов. 4 апреля 1848 года О'Коннор сообщил на съезде, что при населении Великобритании в 19 миллионов человек под петицией в парламент подписалось 5 700 тысяч человек, — явное преувеличение. Заговорили о революции. Петиция должна была быть вручена 10 апреля, во время грандиозной манифестации. Но правительство, напуганное революционной волной на континенте, не хотело идти на риск. Оно сосредоточило 250 тысяч солдат и полицейских под

началом герцога Веллингтона, запретило демонстрацию и объявило, что ответит на нее применением силы. Перед лицом этой угрозы О'Коннор, Джонс и другие чартистские вожди отменили демонстрацию и лично вручили петицию в парламенте, где ее постигла обычная участь. Правительство воспользовалось случаем, чтобы арестовать многих руководителей и заключить их на длительные сроки в тюрьму. Это поражение нанесло чартизму смертельный удар. Движение кое-как просуществовало еще несколько лет, но оно безвозвратно утратило свою силу и поддержку масс¹⁴.

Главной причиной поражения чартистского движения была незрелость рабочего движения, его неспособность совершить революцию, о которой думали чартистские вожди. К числу конкретных причин поражения можно отнести отсутствие у его руководителей четкого представления о целях и тактике движения, разлагающее влияние мелкобуржуазных элементов и отсутствие сильной политической партии, которая возглавила бы это движение. Важную роль сыграла в этом отношении и отчужденность многих союзов квалифицированных рабочих во главе с их консервативными лидерами. Энгельс указывал, что чартизм был в своей основе движением рабочего класса. Он привлек много рядовых членов из всех союзов, несмотря на отрицательное отношение некоторых профсоюзных руководителей. Особым успехом он пользовался среди текстильщиков, металлистов и шахтеров. Показательно, что свои первые профессиональные союзы шахтеры создали во время активного движения чартистов в начале сороковых годов. Опыт чартизма показал, что хотя первыми членами профессиональных союзов были почти во всех странах квалифицированные рабочие, последние редко возглавляли революционные движения рабочего класса в целом.

Несмотря на поражение, чартистское движение оставило большой след в истории рабочего класса Англии и всего мира. По выражению Энгельса, это была «первая партия трудящихся, какую когда-либо знал мир»¹⁵. Это было также первое подлинное движение на классовой основе. Оно дало толчок организации рабочего класса и помогло сделать более ясными цели и тактику борьбы пролетариата. Опыт чартизма многому научил Маркса, Энгельса и других революционных деятелей. Что касается

его конкретной программы, то его знаменитые «шесть пунктов», отвергнутые в свое время парламентом, уже давно вписаны в английское законодательство под давлением наступающего рабочего класса. Чартизм, эта борьба молодого английского пролетариата, явился важной вехой в истории мирового рабочего движения.

Рабочие организации поворачивают вправо

Время между 1848 и 1884 годом, когда было основано Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал), было периодом быстрого роста и расширения английской промышленности и торговли. Текстильная, угольная, железодельная и другие отрасли промышленности росли как на дрожжах, удваивая и утраивая объем выпускаемой продукции. По всей стране раскинулась сеть железных дорог. Англия, эта «мастерская мира», быстро заменяла свой парусный флот железными пароходами, и к середине шестидесятых годов ее экспорт увеличился по сравнению с 1850 годом в три раза. Евангелием преуспевавших капиталистов были свобода торговли и свобода действий, — викторианская эпоха, в которую английскому капитализму суждено было достичь вершин процветания, уже началась.

Рабочим, особенно квалифицированным, доставались кое-какие крохи от этого процветания. Работа стала более постоянной, и благодаря отмене в 1846 году хлебных законов, что привело к ввозу более дешевого американского зерна, цены на продукты питания сильно упали. Появилась, следовательно, тенденция к росту реальной заработной платы. Кучинский отмечает, что «с конца 40-х годов и до конца 60-х реальная заработная плата выросла с 52 пунктов (1843—1849 годы) до 63 (1859—1868 годы)»¹⁶ (1900 год = 100).

В этих условиях, а также вследствие поражения чартизма английское профсоюзное движение начало поворачивать вправо. Постоянная классовая война предшествующих десятилетий уступила место партизанским маневрам отдельных цеховых союзов. Перспективы восстания и революции исчезли, и на смену им пришла концепция классового сотрудничества. Старый девиз тред-юнионов — «справедливая оплата за справедливый рабочий день» — стал символом примирения с капитализмом. Забастовки считались чем-то вредным, попытки создать независимую

партию рабочего класса были оставлены ради того, чтобы тащиться в хвосте у либералов. Английский рабочий класс вступил в эру, которую Сэмюэль Гомперс назвал впоследствии «чистым и простым тред-юнионизмом». Начинаясь, по выражению Энгельса, сорокалетний сон английского рабочего класса.

Полными хозяевами положения были союзы квалифицированных рабочих-механиков, возглавляемые обюрократившимися функционерами. Характеризуя квалифицированных рабочих того времени, Энгельс писал: «В среде рабочего класса они составляют аристократию. Им удалось отвоевать себе относительно приличное положение, и они приемлют его как окончательное»¹⁷. Их преуспеяние, как неоднократно указывали Маркс и Энгельс, отражало мировую промышленную монополию, осуществляемую Великобританией.

Образцом союзов того периода может служить Объединенное общество машиностроителей, образованное в 1851 году в результате слияния нескольких небольших союзов. Оно было высоко централизованным, и его деятельность сводилась к созданию сложной системы профсоюзного страхования. Затем последовала организация нескольких других «объединенных» профсоюзов (плотники, металлисты, горняки и т. д.).

Все рабочее движение строило свою тактику по образцу консервативной тактики первого союза. Тем не менее в эти годы рабочий класс провел несколько серьезных битв, в частности борьбу 1867 года за девятичасовой рабочий день и за Билль о реформе.

В шестидесятые годы в Лондоне и многих других городах были созданы профсоюзные советы. В 1868 году в Манчестере был организован Национальный конгресс тред-юнионов, представлявший 118 тысяч членов союза, вероятно, одну четвертую часть всех организованных рабочих. Эта организация существует и по сей день. Руководство профсоюзами того периода находилось в руках «хунты», или «клики», как ее тогда называли. В эту ведущую группу входили Уильям Аллан (машиностроители), Роберт Эпплгарт (плотники), Даниель Гайл (литейщики), Эдвин Колсон (каменщики) и Джордж Оджер (башмачники). Большинство этих руководителей сыграло впоследствии важную роль в Международном товариществе рабочих.

Глава 5

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ (1776—1865)

Развитие капитализма в Соединенных Штатах протекало в общем в очень благоприятных условиях. Эта страна богата природными ресурсами, ее территория, находящаяся под властью единого централизованного правительства и простирающаяся от Атлантического до Тихого океана, представляет собой превосходный национальный рынок. Кроме того, Соединенные Штаты, за исключением рабовладельческого Юга, были сравнительно свободны от таких феодальных пережитков, как землевладельческая аристократия и государственная церковь, и могли поэтому развиваться на капиталистических началах. Большое преимущество давало им также их географическое положение, которое защищало от войн, периодически опустошавших Европу.

Однако до 1776 года развитию американского капитализма в колониях препятствовало английское владычество. Революция разорвала эти экономические и политические пути, положив начало бурному росту капитализма. Следующий большой скачок капитализм сделал, разбив рабовладельческую олигархию в гражданской войне 1861—1865 годов. К восьмидесятым годам Соединенные Штаты уже догнали Англию и быстро двигались вперед, далеко опережая в своем промышленном развитии бывшую «мастерскую мира».

На протяжении всего предреволюционного периода, пишет Фонер, «свободные рабочие составляли меньшинство в рядах американских трудящихся»¹. Их было значительно меньше, чем белых должников и черных рабов. Хотя условия труда свободных белых были подчас вдвое лучше, чем в Англии², они все же ухудшались по мере роста капитализма; для них были характерны нищенская заработная плата, двенадцати — пятнадцатичасовой рабочий день и полный произвол хозяев³. Вследствие этого американские рабочие вскоре вступили на тот же путь, что и рабочие Великобритании, — путь забастовок, создания профсоюзов и политических выступлений.

За период существования колоний отмечено около сорока восстаний рабов⁴ и большое число выступлений мел-

ких фермеров и рабочих, например восстание Бекона в Виргинии в 1676 году, восстание Лейслера в Нью-Йорке в 1689 году и различные другие выступления в 1756, 1771 и других годах. Все они были подавлены силой. В конце колониального периода было несколько небольших забастовок, а во время революции, как рассказывает Моррис, рабочие Бостона объявили забастовку против английских военных властей⁵. В послереволюционный период с ростом промышленности начались и настоящие забастовки, из которых наиболее значительной была стачка нью-йоркских башмачников в 1785 году и забастовка филаделфийских печатников в 1786 году. Первые забастовки, как почти и во всех остальных молодых капиталистических странах, были организованы почти исключительно квалифицированными рабочими — печатниками, каменщиками, медниками, пекарями, башмачниками и т. д.

В колониальную эпоху единственными классовыми организациями рабочих были обычные «дружеские» общества, или общества взаимопомощи. Во время революции, говорит Моррис, рабочие создали много объединений, близких по своему характеру к профсоюзам, чтобы оказывать сопротивление требованиям англичан. Но реальный толчок экономической организации рабочего класса был дан после революции. Первые настоящие профессиональные союзы возникли в начале девяностых годов XVIII века.

С этих пор забастовки и профсоюзы начинают играть все большую роль в жизни Америки.

Зарождение профсоюзного движения

После революции промышленность добилась весьма значительных успехов. В общем, если не считать одного-двух послевоенных кризисов, она процветала в результате революционной войны, войны 1812 года и наполеоновских войн. Быстро увеличивалось и население страны. Развивалась фабричная система, и к 1815 году текстильная промышленность уже в значительной мере была переведена на фабричную основу;⁶ первая забастовка текстильщиков относится к 1828 году. Неуклонно расширялись железодельная, лесопильная, мукомольная и другие отрасли промышленности, главным образом за счет

небольших предприятий, на которых и шло образование настоящего пролетариата. В 1810 году стоимость промышленной продукции составляла 198 миллионов долларов, а в 1834 году — 325 миллионов долларов⁷. Особенно быстро рос торговый флот.

Революция положила конец системе контрактации рабочих и привела также к тому, что в ближайшие несколько десятилетий большинство белых рабочих получило право голоса. Она, однако, мало облегчила трагическое положение негров-рабов. Только в 1808 году была запрещена африканская работорговля и положено начало движению, которое в 1818 году увенчалось отменой рабства в Северных Штатах. Но в главном районе распространения рабства — на Юге — рабовладение сохранилось в полной неприкосновенности. Другим важным фактором, который способствовал росту молодого пролетариата, был приход большого числа женщин — домашних хозяек в промышленность в качестве наемных рабочих.

В целом это был период роста цен, и рабочие вели активную борьбу, чтобы отстоять и повысить свой жизненный уровень. Бесплатная земля, расширение личной свободы, более высокие заработки и более широкие экономические возможности в Соединенных Штатах наложили определенный отпечаток на союзы рабочих в том смысле, что они задержали пробуждение классового сознания пролетариата. Тем не менее рабочие молодой Америки твердо вступили на путь классовой борьбы, в частности на путь создания профсоюзов, проложенный до них английским рабочим классом. Попытки американских рабочих создавать свои организации наталкивались на суровые судебные постановления, произвольно опиравшиеся на английские законы о запрещении союзов, и многие участники забастовки были арестованы по обвинению в «заговорщической деятельности». Однако, несмотря на это, американские рабочие организовывали свои союзы и объявляли забастовки. К 1824 году, когда в Англии был принят закон о тред-юнионах, в Соединенных Штатах белые рабочие своими решительными выступлениями также добились права на организацию или по меньшей мере на терпимое отношение к их организациям. Во многих городах Атлантического побережья начали быстро возникать союзы.

Фонер относит начало американского рабочего движения к 1827 году, то есть ко времени образования Союза профессиональных ассоциаций механиков Филадельфии⁸. Это был первый серьезный шаг рабочих от простой защиты узких цеховых интересов к широкой классовой политике, хотя пока еще в местном масштабе. Это был первый центральный совет в мире⁹. За ним быстро последовало создание подобных организаций и в других городах, и к 1836 году число таких местных рабочих советов уже достигло 13. Было проведено много стачек за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и улучшение условий труда. В течение 1833—1837 годов было 173 стачки. В 1835 году в Филадельфии состоялась первая в Америке всеобщая забастовка. В марте 1834 года в том же городе была сделана первая попытка создать всеобщую рабочую организацию — Национальное объединение профсоюзов, просуществовавшее три года.

Для американского рабочего класса начался период бурных наступлений; именно благодаря этим методам борьбы он добился в основном прогресса. Это движение нашло свое выражение и в политической области в виде создания первых в истории мирового рабочего движения местных рабочих партий. Первая из них была организована в Филадельфии в 1828 году, вторая — в Нью-Йорке в 1829 году. В общей сложности в 1828—1833 годах существовала 61 партия; они выпускали 50 газет¹⁰. Нигде в мире рабочая печать еще не достигала такого расцвета.

Местные рабочие партии в период президентства Джексона отражали радикальные демократические настроения трудящихся масс. Буржуазные партии еще не окрепли, и в этот период было сравнительно легко создать самостоятельное политическое движение рабочих. Местные партии вели борьбу за бесплатные государственные школы (которые в конце концов были созданы), за уничтожение долговых тюрем, демократическую систему землевладения, ограничение эксплуатации женщин и детей, десятичасовой рабочий день и т. п. Они, однако, обращали мало внимания на положение негров и совершенно не обращали внимания на хищническое разграбление земель индейцев. Они избрали много депутатов в конгресс и играли заметную роль в большинстве северных городов и штатов. В общенациональном масштабе движение поддерживало Эндрю Джексона.

Рабочие партии исчезли в середине тридцатых годов, в значительной мере из-за внутренних раздоров и происков буржуазных политиков, но в основном из-за политической незрелости молодого рабочего движения. Что касается местных профсоюзных советов, то их почти полностью смел с лица земли экономический кризис 1837 года, во время которого массовая безработица впервые стала подлинно политической проблемой. В Соединенных Штатах, равно как и в Англии и в других странах, рабочие не скоро еще смогли создать достаточно сильные профсоюзы, которые могли бы пережить периодические экономические кризисы.

Жгучий вопрос о рабстве

В Соединенных Штатах период между 1830 и 1860 годами в общих чертах характеризовался быстрым ростом промышленности на Севере, расширением рабства на Юге, усиленным освоением Запада, открытием золота в Калифорнии, быстрым распространением сперва сети каналов, а затем и железных дорог, постепенным укреплением профсоюзов, возникновением мощного движения за отмену рабства и все обострявшимися раздорами — «неразрешимым конфликтом» между северными промышленниками и южными рабовладельцами.

После изобретения в 1793 году хлопкоочистительной машины начался бурный рост производства хлопка, сопровождавшийся расширением рабовладельческой системы. В 1790 году было произведено всего 3 тысячи кип хлопка, но к 1860 году это количество достигло 3 841 тысячи кип. За тот же период число рабов возросло с 697 624 в 1790 году до 3 953 760 в 1860 году¹¹. Вместе с ростом производства основной культуры рабовладельческого Юга — «короля хлопка» — росли высокомерие и политическая агрессивность южных рабовладельцев. До 1860 года они при помощи филиалов своих банковских и судоходных компаний на Севере «поставили» 11 из 16 президентов и в течение двадцати четырех лет контролировали сенат, двадцать два года — палату представителей и двадцать шесть лет — верховный суд. Их целью было установление господства над всей страной, и они мечтали даже о введении рабского труда на промышленных предприя-

тиях Севера ¹². Как указывает Карл Маркс, рабовладельцы хотели «не роспуска Союза, а реорганизации его, реорганизации на базе рабства, под признанным контролем рабовладельческой олигархии» ¹³.

Расширявшаяся система рабовладения на Юге прямо противоречила промышленной и сельскохозяйственной системам Севера и Запада. Рабство лишало северную буржуазию южных рынков, предоставляя их в основном англичанам. Оно сильно тормозило развитие промышленности на Юге и являлось постоянной помехой росту капиталистического земледелия на Западе. Контроль Юга над правительством также препятствовал развитию необходимой промышленникам тарифной системы, внутренним улучшениям и организации банковского дела. Рабство, в частности, оказывало пагубное воздействие на рабочие организации на Юге ¹⁴. Эти две системы были несовместимы; поэтому, как указывал Маркс, в гражданской войне вопрос стоял о неминуемой гибели одной из них. В течение полувека, предшествовавшего гражданской войне, в центре американской политической жизни находился растущий конфликт между промышленным Севером и аграрным (рабовладельческим) Югом.

Все эти годы конгресс был ареной бесчисленных битв между основными соперничающими классовыми силами и различных, ни к чему не приводивших компромиссов, бывших делом рук Клея, Уэбстера и других. Общая аболиционистская агитация среди широких народных масс велась под руководством Американского общества борьбы против рабства, возникшего в 1831 году и возглавлявшегося такими борцами, как Уильям Ллойд Гаррисон, Тадеуш Стивенс, Уэнделл Филипс и великий негритянский деятель Фредерик Дуглас. Несмотря на преследования, это движение охватило весь Север, раскрыв перед народом несправедливость и ужасы рабства негров.

Многочисленные героические восстания рабов на Юге дополняли и подкрепляли его ¹⁵. Соединенные Штаты неуклонно шли к гражданской войне, в которой на одной стороне стояли южные рабовладельцы и их финансовые союзники на Севере, а на другой — северные промышленники, большинство купцов и массы рабочего класса, трудящихся фермеров, негритянского народа и городского среднего класса.

Успехи рабочих организаций

Период подъема рабочего движения в 1827—1837 годах характеризуется не только тем, что рабочий класс рос в количественном и политическом отношении, но и тем, что он начал проникаться антикапиталистическими настроениями и идеями, нашедшими свое отражение в произведениях Томаса Скидмора и других¹⁶. Однако последствия кризиса 1837 года предопределили в этом отношении шаг назад. Появилось множество утопических проектов: оуэнизм, фурьеризм, кабетизм и т. п. Молодое профсоюзное движение также подпало под влияние различных неосуществимых проектов, включая планы земельной реформы и организацию производственных кооперативов. Союзы медленно оправлялись после тяжелого кризиса 1837 года.

К началу пятидесятих годов союзы уже стали снова расти. Профсоюзы того периода почти повсюду состояли исключительно из квалифицированных рабочих, и многие из этих организаций систематически отказывали в приеме неграм, женщинам и неквалифицированным рабочим. Важным шагом вперед в это время явилось вступление в профсоюзное движение рабочих текстильной промышленности, которые проявили себя как активная сила.

Улучшение методов производства и развитие национального рынка требовали организации профсоюзов на более широкой основе. Вследствие этого в десятилетие, предшествовавшее гражданской войне, возникло много национальных профсоюзов, первым из которых был союз печатников, основанный в 1852 году. Среди новых национальных союзов были союзы обойщиков, шляпников, водопроводчиков, строителей, железнодорожных машинистов, камнетесов, литографов, табачников, лудильщиков, кожевников, механиков, кузнецов, маляров и сапожников. Большое значение имел также Национальный производственный конгресс, собиравшийся с 1845 года по 1856 ежегодно.

В середине сороковых годов прошлого века квалифицированные печатники, башмачники и шляпники получали от 4 до 6 долларов в неделю, тогда как, по подсчетам нью-йоркской газеты «Трибюн», прожиточный минимум семьи составлял 10 долларов 37 центов¹⁷. Союзы вели упорную борьбу против этой нищенской заработной пла-

ты. Они также вели — и не без успеха — борьбу за десятичасовой рабочий день. «В 1830 году средний рабочий день в Америке равнялся 12 с половиной часам»¹⁸. В этот период появились первые «коллективные договоры». До тех пор профсоюзы просто публиковали предлагаемую шкалу заработной платы и старались заставить хозяев согласиться на эти условия.

Важным событием этих лет был растущий приток иммигрантов из Европы. С 1820 по 1860 год в страну въехало около 5 миллионов иммигрантов, главным образом ирландцев и немцев. В 1860 году 47 процентов населения Нью-Йорка, 59 процентов жителей Сент-Луиса, 49 процентов жителей Чикаго и 50 процентов населения Питтсбурга составляли люди, родившиеся за границей. Немцы, среди которых было много беженцев после революции 1848 года, сыграли ведущую роль в зарождавшемся рабочем движении.

Важным фактором явился также приезд в США в начале пятидесятых годов многих марксистов, главным образом из Германии. Среди них мы встречаем таких деятелей, как Иосиф Ведемейер, Фридрих Зорге, Адольф Дуэ и А. Якоби. Большинство из них были в Германии соратниками Маркса и Энгельса, и, живя в Америке, они продолжали поддерживать тесную связь со своими руководителями. В 1857 году они организовали в Нью-Йорке Коммунистический клуб, опиравшийся на принципы «Коммунистического манифеста», и создали аналогичные организации в других крупных центрах. Они сразу же активно включились в работу по организации профсоюзов, в руководство стачками, в борьбу за уничтожение рабства, за просвещение и организацию рабочих, готовя их к близившейся гражданской войне¹⁹. Их деятельность и борьба отвечали духу известного заявления Маркса о том, что «труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо»²⁰. Многие из них покрыли себя славой во время гражданской войны.

С приближением Великой гражданской войны в среде белых рабочих произошел раскол в связи с вопросом о рабстве. Более передовые элементы, например фабричные рабочие Новой Англии, стояли за отмену рабства. Еще в 1832 году в Лоуэлле (штат Массачусетс) женщины-текстильщицы образовали Общество борьбы против рабства. Однако среди рабочих находилось немало таких, ко-

торые относились к освобождению негров безразлично и даже враждебно, считая, что оно приведет к наводнению рынка дешевой рабочей силой. Некоторые считали, что положение белых рабочих не лучше, если не хуже, положения рабов-негров, и требовали освобождения и тех и других. Отрицательное отношение рабочих к освобождению рабов усугублялось тем, что Гаррисон и другие аболиционистские руководители враждебно относились к профсоюзному движению. Однако, когда вспыхнула война, профсоюзное движение стало активным участником великой северной коалиции, которая довела войну до победного конца и освободила рабов.

Профсоюзы и гражданская война

12 апреля 1861 года мятежные войска рабовладельцев обстреляли форт Самтер в Южной Каролине. Так началась революционная гражданская война. Перевес сил как в военном, так и в промышленном отношении был явно на стороне Севера. На Юге проживало всего 9 миллионов человек, в том числе 4 миллиона рабов, тогда как население Севера составляло около 23 миллионов человек. Фолкнер пишет, что «в 1860 году на долю Юга приходилось только 8 процентов готовой продукции, произведенной в стране (общий объем продукции США в то время оценивался в 2 миллиарда долларов)»²¹, лишь одна треть железных дорог, 3 процента добычи железа, 8 процентов добычи угля и 10 процентов капиталовложений. За четыре года ожесточенной войны Юг сумел завербовать только 1 300 тысяч солдат против 2 898 999, выставленных Севером. Кроме того, рабовладельцам приходилось силой принуждать большинство жителей Юга поддерживать войну.

Правительство Авраама Линкольна начало с попытки воссоединить расколотую страну, ограничив рабство признанными рабовладельческими штатами, но требования войны и сильное давление масс вынудили его отказаться от этой консервативной линии. 1 января 1863 года Линкольн освободил рабов, а еще раньше, в 1862 году, разрешил вербовку негров в армию. После ожесточеннейших в американской истории боев война закончилась 9 апреля 1865 года полной капитуляцией Южной конфедерации.

Капитализм смел главную преграду, стоявшую на пути его развития.

Рабочий класс в общем вступил в войну, активно поддерживая предложенную Линкольном тактику, а марксисты с самого начала требовали освобождения негров. Большую роль в освобождении негров сыграл, конечно, негритянский народ, который мужественно сражался во время войны. Тайные агенты южан, которых было много на Севере, безуспешно старались настроить рабочих против правительства Линкольна.

Гражданская война в огромной мере стимулировала рост и укрепление промышленности. Фолкнер заявляет, что примерно до 1850 года основная масса товаров, выпускаемых в Соединенных Штатах, производилась в мастерских и на дому трудом членов семьи, как индивидуальных собственников²². Но гражданская война коренным образом изменила положение, уничтожив примитивный характер производства. К концу войны фабричная система прочно утвердилась почти во всех отраслях обрабатывающей промышленности того времени, в том числе в текстильной, обувной, швейной, железоделательной, машиностроительной, мясоконсервной и т. п.²³

Гражданской войне сопутствовал сильный рост стоимости жизни: капиталистическая спекуляция процветала вовсю, а заработки рабочих сильно отставали от роста цен. Фолкнер считает, что во время войны цены на предметы первой необходимости выросли на 125 процентов, а заработная плата в среднем лишь на 60 процентов²⁴. В результате экономических кризисов 1854 и 1857 годов²⁵ профсоюзы вступили в войну очень ослабленными, но под давлением растущей дороговизны они вскоре снова начали расти и набираться сил. Несмотря на то, что рабочие искренне поддерживали войну, было довольно много забастовок. Фолкнер сообщает, что «в декабре 1863 года рабочие 20 профессий были организованы в 79 союзов, к июню было организовано 40 профессий и 203 союза, к декабрю 1864 года — 53 профессии и 207 союзов и в ноябре 1865 года — 61 профессия и примерно 300 союзов. Считалось, что в 1864 году в профсоюзы входило около 200 тысяч рабочих»²⁶. После того как в 1856 году прекратились ежегодные производственные конгрессы, в 1864 году была сделана еще одна попытка создать всеобщую федерацию труда — Международную промышленную ассамблею Се-

верной Америки. Но создание этой организации оказалось преждевременным. Первая прочная американская национальная рабочая организация появилась с основанием в 1866 году Национального рабочего союза, почти в одно время с образованием Британского конгресса тред-юнионов, возникшего в 1868 году.

Глава 6

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЕВРОПЕ (1848—1864)

В начале XIX столетия континентальная Европа, до тех пор сильно отстававшая от Англии по темпам промышленного развития, начала постепенно избавляться от прогнившей феодальной системы. Французская революция, опустошительные войны Наполеона и падение коронованных голов в странах Средней и Западной Европы ускорили крушение феодализма и рост капиталистических сил. На Западе возникали современные капиталистические государства, но Германия и Италия все еще были раздроблены на множество мелких частей. На Востоке царила Россия, а большую часть Балкан контролировала Турция. Созданная в 1815 году после падения Наполеона лоскутная Австрийская империя простиралась от Тосканы до Карпат и господствовала над большинством крошечных государств, слившихся впоследствии в Германию и Италию.

Как уже указывалось в главе 1, капитализм во всем этом районе развивался медленно. Европа на промышленный переворот в Англии отозвалась через пятьдесят—сто лет. Могучим толчком в этом отношении явилась европейская революция 1848 года. Замедленный рост капитализма на Европейском континенте по сравнению с Англией обусловил и более медленное развитие профсоюзного движения. Отправным пунктом развития европейского профсоюзного движения послужила главным образом революция 1848 года. В этой главе мы проследим первые шаги профсоюзов в различных европейских странах до исторического 1864 года, когда было создано Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал) — событие, которое явилось важнейшей вехой в истории мирового рабочего движения.

Зарождение немецкого профсоюзного движения

«В начале XIX века, — пишет Кучинский, — практически весь рабочий класс Германии состоял из крепостных, работавших в условиях феодального гнета, подмастерьев и мастеров, организованных в цехи»¹. Фабричная система начала распространяться в Германии, главным образом в Пруссии, в третьем и четвертом десятилетиях XIX века. В 1850 году протяженность железных дорог Германии равнялась 6 тысячам километров, в 1860 году — 14 687 километрам. На угольных шахтах Пруссии в 1850 году было занято 29 907 рабочих, в 1860 году — 64 682. Количество паровых машин (не считая локомотивов) в Пруссии в 1846 году составляло 1 216 и в 1861 году — 4 582². Однако в 1848 году, замечает Фленли, «число ремесленников или цеховых мастеров значительно превосходило число рабочих фабрик и шахт»³. В стране все еще имелось 78 423 ручных станка против 4 603 механических станков.

В молодой капиталистической Германии рабочие трудились по двенадцати — шестнадцати часов в день за нищенскую заработную плату, жили в жалких трущобах и были лишены социального страхования и права голоса. Как и во всех других странах, вступивших в стадию капитализма, в промышленных центрах Германии существовали типичные для рабочих «дружеские» общества взаимопомощи, через которые рабочие стремились обеспечить себе элементарную защиту от новых форм эксплуатации. Происходили там также и стачки, разрушались машины. Так, Маркс напоминает, что в XVII веке во всей Европе, включая Германию, «имели место возмущения рабочих против ленточного станка, машины для тканья лент и галунов, изобретенной в Германии. Применение машины было запрещено после множества бунтов, во время которых изобретатель был тайно задушен и утоплен»⁴.

До 1848 года в Германии почти не было профсоюзов. В 1848 году немецкая буржуазия попыталась ослабить, если не порвать, феодальные путы, сковывавшие экономическую и политическую жизнь. Растущая германская буржуазия не могла мириться с разделом Германии на 36 независимых, управляемых реакционными помещиками и подчиняющихся власти Австрии государств, отгородившихся друг от друга экономическими и политическими

барьерами. Поэтому, следуя по стопам французской буржуазии, немецкая буржуазия решила воссоединить Германию и избавить ее от мешающего ей феодального контроля и барьеров. Однако напуганная революционностью развивавшегося рабочего класса, буржуазия не собиралась заходить слишком далеко и в конце концов пришла к компромиссу с прусскими землевладельцами-юнкерами. Они сохраняли политическую власть, и Германия по-прежнему оставалась раздробленной, но в то же время создавались возможности для развития капиталистической экономики. В этой борьбе, как мы увидим ниже, рабочие приняли активное участие, что привело к зарождению профсоюзного и политического движения немецкого рабочего класса.

Союзы, преимущественно цехового типа, возникали в различных промышленных центрах. Два из них: профсоюзы табачников и печатников — были союзами общенационального масштаба. Молодое движение оформилось в организацию *Arbeiter Verbrüderung* (братство рабочих) на первом рабочем конгрессе в сентябре 1848 года. Основателем братства был Стефан Борн, работавший вместе с Марксом и Энгельсом во время революции 1848 года. Эта организация, имевшая в 1850 году 250 местных отделений и представлявшая нечто среднее между дружеским обществом, профсоюзом и политической организацией, разработала обширную программу рабочих требований. Эта расплывчатая программа требовала создания смешанных комиссий из рабочих и предпринимателей для урегулирования вопросов заработной платы и условий труда⁵. Вместе с разбросанными по всей стране профсоюзами она была сметена реакцией, воцарившейся после поражения революции 1848 года⁶. В июле 1854 года профсоюзы и другие организации, «преследующие политические, социалистические или коммунистические идеи», были распущены, а стачки строгойше запрещены.

Во время большого промышленного подъема пятидесятых и шестидесятых годов немецкие рабочие, как это делали до них их братья в Великобритании и Соединенных Штатах, продолжали создавать свои организации и бастовать, невзирая ни на какие официальные запреты. Бебель говорит, что в течение этих десятилетий союзы «вырастали из земли, словно грибы после летнего дождя»⁷. За этим последовало неизбежное стремление к со-

зданию общегерманской профсоюзной организации. В 1862 году группа саксонских рабочих, побывавших в Лондоне и ознакомившихся там с английскими тред-юнионами, образовала комитет по созыву общегерманского рабочего конгресса. С этой целью они установили связь с социалистом Фердинандом Лассалем, работавшим в то время с Марксом. Лассаль посоветовал рабочим решительно порвать с буржуазной прогрессивной партией и создать свою собственную⁸. На конгрессе, состоявшемся в Лейпциге 23 мая 1863 года, был создан во главе с Лассалем Allgemeine Deutscher Arbeiterverein (Всеобщий германский рабочий союз)⁹. Лассаль считал, что социализма можно достичь с помощью субсидируемых правительством экономических кооперативов, для чего рабочие должны отвоевать себе право голоса. Организация Лассаля была прямой предшественницей германской социал-демократической партии. Приняв в основном политический характер, она в то же время служила общегерманским профсоюзным центром. В 1869 году эта организация раскололась, и в результате раскола образовалась эйзенахская группа, или социал-демократическая рабочая партия, во главе с Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем. Лассальянцы и эйзенахцы вели ожесточенную борьбу до 1875 года, когда партийное единство было восстановлено.

Первые французские профсоюзы

Как мы уже отмечали выше, Франция одной из первых вступила на путь капиталистического развития. Уже в 1765 году растущий капитализм был достаточно силен, чтобы побудить Людовика XVI нанести уничтожающий удар цехам¹⁰. Они так и не оправились от этого удара, а Великая французская революция объявила их вне закона. Во время революции состоялось несколько забастовок, и Бабеф разработал коммунистическую программу, но законы 1791 года запретили не только цехи, но и всякие объединения и всякую деятельность с целью повышения заработной платы¹¹.

Примерно до 1830 года во Франции были нередки случаи, когда безработные ткачи и другие рабочие разрушали машины. Лефранк отмечает много таких случаев: в Гавре и Руане в 1790 году, в Лионе в 1807 году, в Париже в 1830 году, когда рабочие уничтожили печатные станки

одной из ведущих французских газет¹². В тридцатых годах девизом французских рабочих было: «Долой министра! Долой паровые машины! Да здравствуют рабочие Лиона!»¹³

Годы 1820—1850 были во Франции периодом расцвета утопических учений. Так же как в Англии и Соединенных Штатах, ряд великодушных, но непрактичных интеллигентов — Сен-Симон, Фурье, Кабе, Блан и другие — выступил с идеалистическими проектами создания новых форм общества. Разочарованные тем, что демократические лозунги Великой революции не были претворены в жизнь, они хотели освободить рабочих и общество вообще от ужасов молодого капитализма. Беда была в том, что их утопические проекты были созданы ими произвольно, из головы, и не отвечали законам общественного развития. Однако утописты с их едкой критикой капитализма были предшественниками марксизма. Во Франции у них в общем было мало последователей среди рабочего класса¹⁴. Более молодые капиталистические страны — Италия, Россия и т. п. — не проходили этой утопической стадии, которую рабочий класс к тому времени уже перерос.

В первые полвека после Великой революции, несмотря на суровые противостачечные законы, возникало много забастовок. В 1825—1847 годах было вынесено 1 250 приговоров 7 тысячам рабочих за участие в стачках против невыносимых условий труда и низкой заработной платы¹⁵. Самой выдающейся забастовкой этих лет была стачка 40 тысяч лионских ткачей в 1831 году. Борьба началась в связи с профсоюзными требованиями, но вскоре переросла в восстание, причем рабочие вынудили вооруженные силы к отступлению и несколько дней удерживали власть в городе. В большинстве забастовок этого периода участвовали либо неорганизованные рабочие, либо рабочие — члены многочисленных «бродячих» организаций мастеровых¹⁶, дружеских обществ и тайных «обществ сопротивления»¹⁷. Во Франции, как и в других странах, такие организации оказались удобным средством обойти противостачечные законы.

Революция 1830 года завершилась победой реакции, а революция 1848 года, в которой рабочие приняли самое активное участие, закончилась в интересах буржуазии. Тем не менее во Франции, как и в остальной Европе, она способствовала пробуждению классового сознания, укреп-

лению солидарности и организованности рабочего класса. Революция положила начало быстрому росту промышленности. Между 1850 и 1865 годами производство чугуна утроилось, а количество локомотивов возросло в четыре раза. Продолжался и численный рост рабочего класса. В 1867 году только в механизированной текстильной промышленности было занято 300 тысяч рабочих. Усилилось стремление рабочих к организации и борьбе.

Вредное влияние на рост профсоюзного движения и политических выступлений рабочего класса Франции оказывала в тот период широко распространенная среди рабочих иллюзия, будто желанного освобождения можно достичь посредством взаимопомощи, например, через экономические кооперативы, в частности производственные. Особенно широкое распространение эта идея получила во время революции 1848 года под влиянием утописта Луи Блана, который организовал движение, побудившее правительство создать большие мастерские, чтобы обеспечить безработных работой¹⁸. Впоследствии эти мастерские ждал печальный конец. Дальнейшему укреплению кооперативных иллюзий способствовала деятельность печатника и отца анархизма Пьера Жозефа Прудона, пропагандировавшего идею общества без государства на основе кооперативных обществ рабочих. В 1863 году он создал в Париже и провинциях несколько рабочих банков. Прудон сыграл весьма важную роль не только во французском, но также и в международном рабочем движении, и мы к нему еще вернемся.

Несмотря на правительственные преследования и прудонистские иллюзии, профсоюзы во Франции постепенно росли. Их росту способствовал, в частности, экономический кризис 1857 года, а также поездка делегации французских рабочих на Международную промышленную выставку в Лондоне в 1862 году, где они получили возможность ближе познакомиться с английским тред-юнионизмом. По возвращении во Францию рабочие повели агитацию за создание профсоюзов. В 1864 году новый толчок движению дало «Письмо 60 рабочих», призывавшее рабочих к самостоятельным политическим выступлениям и требовавшее права на беспрепятственную организацию профсоюзов. Под растущим давлением масс Наполеон III в 1864 году смягчил драконовский закон 1791 года о запрещении объединений, и профсоюзы, которые «терпело

правительство, но не легализовало», стали расти и множиться. Однако накануне основания Первого Интернационала в 1864 году французское профсоюзное движение все еще находилось в младенческом состоянии.

Зарождение профсоюзного движения в Италии

В начале XIX века к моменту своего вступления на путь капиталистического развития Италия была расколота на множество самостоятельных государств (чем сильно напоминала Германию). Страна находилась под пятой Австрии. Великая буржуазная революция 1848 года, которая пронеслась по всей Европе, глубоко затронула также и Италию. В течение 1848—1849 годов вся Италия была охвачена восстанием. Но это национальное восстание потерпело поражение. Австрийцы были изгнаны только в 1859 году, а французов удалось изгнать из Рима лишь в 1870 году. Таким образом, под руководством собственной буржуазии Италия смогла стать независимым капиталистическим государством.

Рабочий класс играл активную роль в революционных вооруженных боях. Однако он недостаточно созрел, чтобы иметь свою собственную классовую политическую программу, организацию и руководство, и следовал за мелкобуржуазными радикалами Гарибальди и Мадзини. Рабочий класс нанес также несколько самостоятельных ударов «от своего имени». Так, во время революции 1848 года был проведен ряд забастовок. В этот период заработная плата итальянских рабочих была одной из самых низких в Европе. Примерно в это же время рабочие начали создавать первые рабочие союзы. Первой попыткой создания профсоюзной организации явилось образование в 1848 году союза печатников¹⁹. За ним вскоре последовало создание других организаций, или, как их называли рабочие, «лиг сопротивления». Однако и на ранних стадиях развития всех других капиталистических стран почти единственной защитой, которой располагали рабочие, были их «дружеские» общества взаимопомощи, возникновение которых относится ко времени упадка цехов. В 1859 году правительство в подражание французским законам 1791 и 1810 годов о запрещении объединений запретило рабочие союзы и стачки, и закон этот оставался в силе до 1890 года.

Тем не менее профсоюзная деятельность продолжала шириться, и в течение десятилетия (1860—1870) ежегодно бывало в среднем по 13 стачек — цифра, которая в последующие годы сильно выросла. Некоторые из этих стачек были проведены сельскохозяйственными рабочими, что весьма показательно для будущей истории итальянского рабочего движения. В 1853 году состоялся первый местный, а в 1861 году — первый Всеитальянский рабочий съезд. На этом съезде решающее влияние на рабочее движение приобрел Мадзини, который и прежде заигрывал с организацией рабочих, и такое положение сохранялось до Национального съезда 1871 года, когда произошел раскол.

Мадзини отражал в молодом итальянском рабочем движении влияние среднего класса. Его роль вполне устраивала буржуазию всех стран, пытавшуюся контролировать — прямо или косвенно — профсоюзное и политическое движение рабочего класса, которое она не в силах была разгромить лобовым ударом. Мадзини предложил консервативную линию действия, ратуя против стачек и утверждая, что антипрофсоюзный закон 1859 года может быть нарушен лишь легальными и мирными средствами. У Мадзини, который не являлся социалистом, были столкновения с Марксом. С ростом революционного влияния Первого Интернационала на рабочих Италии политика и руководство Мадзини были отвергнуты.

Зачатки профсоюзного движения в других странах

Ко времени образования Международного товарищества рабочих, девяносто лет тому назад, крупные централизованные организации национального масштаба имелись только в Великобритании, Соединенных Штатах и Германии. Во всех других странах организованное рабочее движение лишь зарождалось.

Возникновение профсоюзного движения в Австро-Венгерской империи относится к моменту революции 1848 года, когда были созданы союзы в Богемии (Чехословакия) и Австрийской Польше. В 1846 году в Пильзене и Праге прошли забастовки, а два года спустя был создан первый в этих странах профессиональный союз — союз печатников. За разгромом революции 1848 года последовал разгул реакции, но в 1867—1870 годах австрийское законодательство разрешило организацию союзов с

известными ограничениями. В 1867 году в Вене было образовано Просветительное товарищество рабочих (профсоюзно-политическая организация)²⁰. В последующие три десятилетия отдельные разбросанные профсоюзы возникли в Венгрии и в различных промышленных центрах громадной Австро-Венгерской империи.

В Испании первая профсоюзная организация — союз ткачей — была организована в 1840 году в Барселоне. В Бельгии первый профсоюз — союз печатников — образовался в 1842 году²¹, и движение росло после этого очень медленно. В Голландии, Дании, Швеции и Норвегии в 1864 году еще не было настоящих профсоюзов, хотя в большинстве этих стран имелись общества взаимопомощи рабочих и время от времени вспыхивали забастовки. В России, которой в дальнейшем суждено было сыграть такую огромную роль в мировом рабочем движении, общества взаимопомощи существовали, как указывает Лозовский, еще в 1838 году, но до семидесятых годов профсоюзов не было и почти не возникало забастовок²².

Если оставить Европу и обратиться к остальным странам мира того периода, то (за исключением Соединенных Штатов) там вообще почти не имели понятия о профсоюзах, из чего можно сделать вывод, что капитализм в этих странах лишь начинал завоевывать позиции. В середине XIX века консервативные английские союзы стремились проникнуть в различные английские доминионы и даже колонии, главным образом для того, чтобы организовать имевшихся там квалифицированных английских рабочих. Так, еще в 1833 и 1836 годах в Сиднее (Австралия) имелись союзы печатников и столяров-краснодеревцев, а в Новом Южном Уэльсе в 1840 году существовало минимум 10 союзов и уже было проведено несколько стачек. Золотая лихорадка пятидесятих годов сильно способствовала созданию организации горняков, и в 1854 году горняки подняли бунт против тяжелых условий труда²³. В 1871 году возник Рабочий совет Сиднея, а в 1879 году была заложена основа национальной профсоюзной федерации. В 1891 году рабочие провели там всеобщую забастовку, не принесшую успеха. В Новой Зеландии также имелось некоторое число цеховых союзов, возникших около 1841 года²⁴. Федерация труда была организована только в 1916 году, но первый Национальный рабочий съезд состоялся в 1885 году.

Первый союз в Канаде — союз печатников — был образован в 1827 году, а в тридцатых и сороковых годах образовалось еще несколько цеховых союзов. В пятидесятых годах появились английские союзы плотников и машиностроителей, открывшие в Канаде свои филиалы. Десять лет спустя их примеру последовали профессиональные союзы Соединенных Штатов — литейщики, печатники, бондари, водопроводчики, табачники и т. д.²⁵ В тот же период английские союзы также последовали за эмигрировавшими механиками в Соединенные Штаты, где их деятельность привела к столкновению с национальным профсоюзным движением по вопросу об юрисдикции.

В Ирландии, «первой колонии Англии», цеховые союзы появились в начале XIX века, в основном в Бельфасте и других крупных городах. Уже в 1824 году главный констебль Дублина жаловался на активность профсоюзов, заявляя, что все ремесленники организованы и осуществляют «профсоюзную тиранию». Союзы горячо откликнулись на оуэнизм и чартистское движение этого периода. По большей части то были цеховые организации квалифицированных рабочих, действовавшие либо в составе английских профсоюзов — тред-юнионов, либо в тесном сотрудничестве с ними. Ирландские иммигранты сыграли заметную роль в чартистском движении, в которое они внесли свой пламенный революционный дух. В 1894 году был организован Ирландский конгресс тред-юнионов. Примерно половину из 70 входивших в него союзов составляли ирландские союзы, а остальное приходилось на долю «национальных» союзов с центром в Англии.

Глава 7

ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И КАРЛ МАРКС

Международное товарищество рабочих (МТР), первая подлинно международная организация рабочего класса, было основано 28 сентября 1864 года в Лондоне на митинге в Сент-Мартин-холле. Его деятельность и борьба ознаменовали собой огромный шаг вперед для мирового рабочего класса вообще и для профсоюзного движения в частности. Создание МТР явилось воплощением чаяний и стремлений рабочих. Мысль о создании международной организации рабочего класса возникла уже на первых этапах чартистского движения, а важнейшим предше-

ственным Первого Интернационала был возглавлявшийся Марксом и Энгельсом Союз коммунистов (1846—1852 годы).

Образованию Интернационала в тот момент способствовали как экономические, так и политические факторы. В экономической области английские тред-юнионы, чтобы защитить более высокие заработки своих членов и не допустить использования штрейкбрехеров, вербовавшихся среди низкооплачиваемых рабочих с континента, должны были положить конец международному штрейкбрехерству, а сделать это можно было через международную организацию. То же соображение — угроза международного штрейкбрехерства — привлекло к МТР и Национальный рабочий союз Соединенных Штатов. С политической точки зрения потребность в международной организации рабочего класса подтверждалась также тем, что в то время во многих европейских странах развернулась пролетарская и национально-освободительная борьба. Все это явно свидетельствовало о солидарности интересов рабочего класса.

Конкретно инициатива создания МТР исходила от французского и английского рабочего движения. Прибывшая на Лондонскую промышленную выставку 1862 года делегация французских рабочих встретила с английскими профсоюзными деятелями и предложила им создать международную организацию. Англичане откликнулись на это предложение, и два года спустя обе группы наконец встретились и претворили свои планы в жизнь, основав МТР. На этом историческом международном собрании присутствовал Карл Маркс¹.

Следующие два месяца ушли на детальную разработку общего плана. В созданный на первом заседании Генеральный Совет вошло 55 членов, из которых 27 были англичане, в том числе члены знаменитой «хунты», руководящего профсоюзного ядра того времени. Были избраны секретари от различных стран; Германию представлял Карл Маркс.

При разработке общей программы рабочего класса новорожденному Интернационалу пришлось столкнуться с множеством не стоявших дотоле политических и экономических проблем. Не последней среди них было определение перспектив профсоюзного движения, его роли, организационной структуры и тактики, ибо в этот ранний

период в рядах рабочего движения наблюдалась большая путаница в отношении самых элементарных вопросов такого рода. В программе и уставе новой организации необходимо было наметить четкую линию по этим проблемам. После того как были отвергнуты один за другим три проекта этих документов, был принят проект, внесенный Карлом Марксом. Маркс уже приобрел широкую известность своей коммунистической деятельностью во всем мире. Появившиеся вслед затем Учредительный манифест и Временный устав Международного товарищества рабочих, которым суждено было иметь большое значение для рабочего движения, были написаны этим глубоким мыслителем и борцом². Маркс сразу же стал идейным и практическим вождем Первого Интернационала.

Маркс и общая рабочая программа

Лучшего вождя для МТР нельзя было бы и желать, ибо задолго до образования Интернационала Карл Маркс вместе с Фридрихом Энгельсом уже составили революционную программу рабочего класса — программу, которая по сей день служит для рабочих лучшим руководством в их борьбе за свои интересы при капитализме и за построение социализма. Вместе с Энгельсом Маркс впервые изложил эту программу в «Коммунистическом манифесте», изданном в 1848 году в качестве программы Союза коммунистов. В то же время Маркс усиленно работал над шедевром научного анализа — «Капиталом», первый том которого вышел в 1867 году.

До выхода «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса в рабочем движении различных стран подвизалось, помимо упомянутых выше утопистов, много других деятелей, критиковавших капиталистическую систему. Среди них был американец Томас Скидмор, с 1829 года выступавший с критикой капиталистического строя и предлагавший земельную реформу как панацею от всех бед; немецкий рабочий Вильгельм Вейтлинг, который в 1838 году высказал предположение, что рабочие могли бы достичь того, что он называл социализмом, с помощью банков, через которые они могли бы обменивать продукты своего труда; Пьер Ж. Прудон, французский печатник, выступивший в середине сороковых годов со своей панацеей в виде кооперативов и анархизма, и, наконец, блестя-

ший идейный руководитель чартистского движения в Великобритании в 1837—1848 годах Джеймс · Бронтер О'Брайен, ирландский националист, проявивший поразительное понимание классовой борьбы и сущности капиталистического государства. Но лишь с появлением «Коммунистического манифеста» социализм стал наукой, основанной на законах развития общества. Вот почему марксистские принципы научного социализма по сей день сохраняют свою несокрушимую силу, невзирая на все нападки реакционеров.

Пойдя гораздо дальше Рикардо, Милля, Смита и других буржуазных экономистов, Маркс проанализировал существо капиталистического строя, раскрыв, в частности, секрет происхождения капиталистических прибылей и обогащения капиталистов за счет рабочих. Эту тайну раскрыла его революционная теория прибавочной стоимости. Маркс показал, что сущность эксплуатации кроется в разнице между стоимостью того, что выплачивается рабочим в виде заработной платы за их труд, и стоимостью производимых ими товаров³. Ленин излагает это следующим образом: «Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный продукт или прибавочную стоимость»⁴. Так был вскрыт элементарный процесс капиталистической эксплуатации, раскрыты те основные средства, с помощью которых капиталисты обогащаются, в то время как рабочие остаются нищими,— процесс, который капиталисты неизменно стараются затемнить при помощи бесчисленных «теорий».

Маркс и Энгельс дали также глубокий анализ классовой борьбы. Они указали, что «история всех до сих пор существующих обществ была историей борьбы классов». Эта борьба велась между эксплуататорами и эксплуатируемыми или между соперничающими группа-

ми эксплуататоров. «В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодалных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации». «Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших стоящих друг против друга класса — буржуазию и пролетариат»⁵. Манифест показывает, что эта борьба должна продолжаться до тех пор, пока она не завершится окончательной победой пролетариев, которые уничтожат капитализм и построят социализм.

Важнейшим в марксизме является определение государства как орудия угнетения и эксплуатации поработанных производителей существующим правящим классом. Так, «Коммунистический манифест» устанавливает ту простую истину, что «современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии». Маркс безжалостно критиковал теории профсоюзных оппортунистов всех мастей, утверждавших, что государство — это благотворительное учреждение, стоящее над классами и посвятившее себя охране интересов общества в целом. Он показал, что государство рабочих, которое идет на смену государству капиталистов, является диктатурой пролетариата, правлением рабочего класса. Это, однако, временное явление, так как от социализма общество рабочих начнет переходить к следующей высшей стадии — коммунизму, на которой государства не существует. Энгельс подчеркнул, что социалистическое государство в конечном счете «отомрет» и будет заменено негосударственным «управлением вещами». Но как показал современный опыт Советского Союза и других социалистических стран, рабочее государство не может исчезнуть окончательно, пока капитализм сохраняет силу в остальном мире и представляет вооруженную угрозу для развивающегося социализма.

Маркс и его ближайший соратник Энгельс не только дали глубокий анализ капиталистической экономики и государства, раскрыли революционную роль и социалистические перспективы рабочего класса, но также изложили революционную философию пролетариата. Этой фило-

софией является диалектический материализм, охватывающий все области науки, человеческого мышления и деятельности.

Марксистский материализм показывает, что сознание людей определяется их бытием, то есть их идеи обуславливаются в основном их материальными интересами. Таким образом, говорит Маркс, «совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁶. Однако, как неоднократно подчеркивали Маркс и Энгельс, экономический фактор не единственный в этом определении; известную роль играют также традиция и другие элементы, но они обычно являются второстепенными.

В соответствии с этим принципом главным соображением, которым руководствуется буржуазия при определении своей политики и философии, является сохранение системы эксплуатации рабочих. С этой целью она старается культивировать религиозные предрассудки, фальсифицировать историю общества и исказить в своих классовых интересах науку. Это особенно относится к периоду империализма, когда капитализм во всех областях безнадежно погряз в болоте реакции. С другой стороны, пролетариат, не будучи классом эксплуататоров, может занимать объективную позицию во всех научных и философских вопросах. Когда рабочий класс сознает свои классовые интересы, он является злейшим врагом всех форм религиозных суеверий, философской метафизики и мракобесия. При капитализме, как и при социализме, неустанные поиски объективной истины во всех областях мышления прямо отвечают классовым интересам рабочих.

Основным в марксистском диалектическом материализме является принцип развития. Это учение распространяется на все стадии истории и все отрасли науки. Для диалектической философии, говорит Энгельс, «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного

процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему»⁷. Буржуазии, напротив, несмотря на то, что она отчасти признает принцип эволюции в биологических науках, присуща статичность философских воззрений. Это целиком приложимо к религии и особенно к капиталистическому строю. Капитализм, этот источник существования и благоденствия буржуазии, с его варварским принципом, по которому каждый старается вырвать у ближнего все, что только возможно, рассматривается как своего рода особое творение, основанное на известных человеческих (и божеских) законах и предназначенное существовать во веки веков.

Марксисты же считают, что общество находится в состоянии непрерывного изменения и развития. В свете этого развития капитализм, как и феодализм и рабство до него, представляется лишь временным, преходящим этапом. Основываясь на своем научном анализе, Маркс и Энгельс предвидели победу новых этапов общественного развития, опирающихся на принцип собственности народа на землю и все ее богатства. Эти этапы, во-первых, социализм с его принципом «каждому по труду» и затем коммунизм, в основе которого лежит принцип «каждому по потребности». В наши дни научный прогноз социализма, сделанный Марксом и Энгельсом, стал в ряде стран политической действительностью, а в Советском Союзе уже поставлена непосредственная практическая задача построения коммунизма.

Марксизм и профсоюзное движение

Закладывая фундамент общей политической программы и перспектив рабочего класса, Маркс и Энгельс разрабатывали также теоретические основы профсоюзного движения. Они были первыми и сильнейшими теоретиками в этой области. До сих пор их учение стоит незыблемо, невзирая на тысячи нападок. Они впервые разъяснили основные вопросы мировоззрения, политики, структуры и тактики профсоюзов. Их труд представляется тем более замечательным, что они писали в то время, когда профсоюзное движение, малочисленное, слабое и с путаной идеологией, еще переживало период своего младенчества⁸.

Уже в «Коммунистическом манифесте», написанном

в 1847 году, Маркс и Энгельс нарисовали поразительно ясную картину роли профсоюзов в той борьбе, которую вели рабочие, защищая свои интересы при капитализме и прокладывая себе путь к социализму. Они проследили истоки профсоюзного движения, указав, что оно было порождено исторической потребностью рабочих преодолеть конкуренцию в своей собственной среде и объединить силы в борьбе против хищничества предпринимателей. Профсоюзы выросли на почве отчаяния рабочих, толкавшего их некогда на разрушение машин; они первичный организационный центр рабочих и необходимый фактор в развитии единства экономических и политических действий рабочего класса. Более поздние труды Маркса и Энгельса также содержат прогрессивный анализ профсоюзных проблем; Маркс и Энгельс вели неутомимую борьбу не только против враждебных сил — государства и буржуазии, но также против всех тех рабочих — сектантов, оппортунистов и просто путаников того времени, которые хотели бы ослабить, расколоть или уничтожить профсоюзное движение.

Один из основных вкладов Маркса и Энгельса в теорию профсоюзного движения состоял в том, что они показали практические выгоды борьбы профсоюзов за повышение заработной платы вопреки армии буржуазных экономистов (и многим путаникам из числа профсоюзных лидеров), которые утверждали, будто рабочие, зажатые в своего рода экономических тисках, утратили ввиду роста стоимости жизни всякую возможность добиться повышения заработной платы при помощи профсоюзной борьбы. Такая теория означала неизбежность пассивного подчинения капиталистической эксплуатации. В своем известном споре с Уэстоном в 1865 году Маркс разбил эту опасную иллюзию. Он показал на примерах, что при капитализме рабочие могут посредством профсоюзной деятельности вырвать у предпринимателей большую долю прибавочной стоимости. Маркс указывал, что «общее повышение заработной платы приводит к понижению общей нормы прибыли, но не влияет ни на средние цены товаров, ни на их стоимости»⁹. Этот элементарный довод Маркса открыл перед профсоюзным движением перспективы решительной борьбы против капиталистической эксплуатации. Сейчас он принят в рабочих кругах как нечто не требующее доказательств и до сих пор успешно используется

при переговорах профсоюзов с предпринимателями, которые возлагают на союзы вину за высокую стоимость жизни. Но для того чтобы добиться признания этого довода, Марксу понадобились годы ожесточенной борьбы с различными оппозиционными элементами в рабочем движении.

Другим важным вкладом Маркса в теорию профсоюзного движения было то, что он показал рабочему движению необходимость не только экономических, но и политических действий. Маркс доказал, что политические действия необходимы для защиты классовых интересов. В частности, он приветствовал как большую победу рабочего класса принятие в Великобритании в 1847 году Билля о десятичасовом рабочем дне. Маркс говорил, что «объединение сил, уже осуществленное рабочим классом в ходе его экономической борьбы, должно также послужить рычагом в его борьбе против политической власти помещиков и капиталистов» и что «рабочий класс не может действовать как класс против этой коллективной власти имущих классов, не организовавшись в политическую партию, отличную от всех старых партий, образованных имущими классами, и противостоящую им»¹⁰. Этот принцип также в значительной мере усвоен теперь рабочим классом всего мира, если не считать консерваторов, вроде тех, которые господствуют в американском профсоюзном движении; однако Марксу и Энгельсу, чтобы утвердить этот принцип, пришлось много лет вести в Интернационале борьбу против анархистов, синдикалистов и всевозможных проповедников «простого и чистого» тред-юнионизма, которые хотели бы, чтобы рабочие совершенно устранились от политики.

Маркс указал также на руководящую роль, которую играет в классовой борьбе партия как представительница широчайших классовых интересов пролетариата. Он обосновал теснейшую связь между чисто профессиональным и политическим отрядами рабочего движения. Чтобы расчистить почву для утверждения этих основных принципов, понадобилась долгая ожесточенная борьба с аполитичными анархистами, не признававшими вообще никаких партий, и с оппортунистами, которые хотели, чтобы профсоюзы заняли по отношению к политическим выступлениям и самой партии позицию «нейтралитета».

Маркс активно поддерживал каждую забастовку и

другие формы борьбы за улучшение тяжелого положения рабочих и неоднократно вырабатывал программы ближайших требований. Но одновременно он снова и снова предостерегал профсоюзы не ограничиваться такой частичной борьбой. Профсоюзы не должны забывать, что конечная их цель — это полное уничтожение капитализма. Основная задача, стоящая перед рабочими, заключается в завоевании политической власти. В известных словах, обращенных к профсоюзам, Маркс сказал: «Вместо консервативного девиза «Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день» рабочие должны написать на своем знамени революционный лозунг «Уничтожение системы наемного труда!»¹¹ Рабочим было трудно практически усвоить этот урок из-за предательской деятельности своих оппортунистических лидеров, апологетов капитализма, но тем не менее урок этот был постигнут миллионными массами рабочих, которые сейчас претворяют его в действие.

Учредительный манифест и Временный устав Международного товарищества рабочих

Учредительный манифест и Устав¹², написанные Карлом Марксом и представляющие собой программу Международного товарищества рабочих, содержат в популярном изложении общую политическую линию, намеченную Марксом и Энгельсом вначале в «Коммунистическом манифесте», а позже и в других их произведениях. В Учредительном манифесте дан анализ положения в Великобритании: углубление противоположности между богатством на одном полюсе и бедностью на другом и дальнейшее обнищание масс, несмотря на огромный рост производительности английской промышленности. Кроме того, «Манифест» заклеил господство реакции на всем Европейском континенте. Он одобрил борьбу рабочих в экономической и политической областях и провозгласил лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Устав учреждал международную организацию, состоящую из «рабочих обществ», «преследующих одинаковую цель, а именно — защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса». Как показали дальнейшие события, под эту категорию попадали политические объединения рабочих, профсоюзы, культурные общества и

кооперативы. В 1871 году все эти организации были разбиты на секции, главным образом по национальному признаку. Время создавать самостоятельные интернационалы для каждой из этих нескольких основных форм рабочего движения еще не назрело. Международное товарищество рабочих принимало в свои ряды как отдельных лиц, так и коллективы и стремилось создать национальные центры в различных странах. Во главе движения в целом стоял Генеральный совет с местопребыванием в Лондоне. Предполагалось ежегодно собирать международные конгрессы. В Уставе, содержащем общие принципы новой организации, в частности, отмечалось:

«что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то-есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, в основе всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза между рабочими разных стран;

что освобождение труда — не местная и не национальная, а социальная проблема, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

что нынешний новый подъем движения рабочего класса в передовых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем торжественным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения все еще разрозненных движений»¹³.

Глава 8

ИНТЕРНАЦИОНАЛ, ПРОФСОЮЗЫ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

(1864—1876)

Первый Интернационал был политической организацией. Он поставил своей целью объединить силы рабочего класса различных стран для совместной экономической и политической борьбы против капиталистических эксплуататоров и их социальных систем. Он боролся против войны, против пережитков умирающего феодализма, за отмену рабства негров в Соединенных Штатах, за независимость Польши и Ирландии, за право голоса для рабочих, за социальное законодательство и неустанно воспитывал массы в революционном духе.

Вместе с тем Международное товарищество рабочих было также международным профсоюзным объединением, и оно настойчиво боролось за конкретные требования профсоюзов. Оно активно поддерживало забастовки, создавало союзы и боролось против применения детского труда и дискриминации женщин-работниц. Оно первым начало борьбу за восьмичасовой рабочий день. Короче говоря, оно заложило основы профсоюзной программы современного рабочего движения. МТР просуществовало двенадцать лет, и все его конференции и конгрессы отражали кровную заинтересованность в развитии профсоюзного движения *.

На своем первом конгрессе в Женеве в 1866 году Международное товарищество рабочих сразу же определило свою позицию по основным вопросам профсоюзного движения, приняв резолюцию, написанную Карлом Марксом. Эта резолюция, озаглавленная «Тред-юнионы; их прошлое, настоящее и будущее», одобряла традиционную борьбу профсоюзов за улучшение условий труда и жизни, критикуя в то же время узость, обычно присущую этим организациям. Союзы, — говорилось в ней, — еще не осознали до конца своей способности наносить удары по самой системе наемного рабства и современным методам произ-

* Конгрессы Международного товарищества рабочих состоялись в Лондоне в 1864 году (конференция), в Женеве в 1866 году, в Брюсселе в 1868 году, в Базеле в 1869 году, в Гааге в 1872 году и в Филадельфии в 1876 году.

водства... в дополнение к своим первоначальным задачам профсоюзы должны теперь стать центрами организации рабочего класса в более широких интересах его полного освобождения. Они должны поддерживать всякое общественное и политическое движение, направленное к этой цели.

Во времена Международного товарищества рабочих, в неразвитом и политически незрелом рабочем классе, естественно, было распространено много путаных представлений как о профсоюзном движении, так и по другим социальным вопросам. Поэтому проблема профсоюзного движения всегда была одним из основных предметов затяжных споров между марксистами и группами Прудона, Лассалья, Бланки, Мадзини, Бакунина и других, причем марксисты неустанно боролись за создание мощных профсоюзов с политической направленностью.

Роль британских тред-юнионов

Британские тред-юнионы с самого начала играли важную роль в Международном товариществе рабочих. Они были в значительной мере инициаторами создания этой организации и активно участвовали в ней. Как мы уже видели, члены ведущей группы профсоюзных лидеров того времени, «хунты», входили в состав Генерального совета МТР. Очень многие тред-юнионы непосредственно вступили в Интернационал, и временами к нему примыкало большинство английских союзов. Конференция тред-юнионов, состоявшаяся в Шеффилде в 1866 году, рекомендовала тред-юнионам вступать в Интернационал. Такую же позицию горячей поддержки занял Бирмингемский съезд тред-юнионов в 1869 году¹. В том же году на Базельском конгрессе Интернационала Эпплгарт доложил, что в Англии насчитывается 95 тысяч членов Международного товарищества рабочих, то есть почти все члены тред-юнионов. С другой стороны, некоторые союзы, включая Лондонский профсоюзный совет, решительно отказались вступить в Интернационал. Маркс первый предложил принимать профсоюзы непосредственно в Интернационал, показав этим, какое большое значение он придавал профсоюзному движению².

Большинство лидеров английских профсоюзов не одобряло революционного руководства Маркса и общих

политических целей МТР. Они подходили к Интернационалу вообще с узко профсоюзной точки зрения, считая его действенным средством прекращения или ограничения международного штрейкбрехерства, и, кроме того, они ценили финансовую и моральную поддержку в национальном и международном масштабе, которую МТР могло оказать их забастовкам. Под разлагающим воздействием быстро развивавшегося капитализма эти лидеры уже давно растеряли революционный боевой дух своих предшественников — чартистов. Их союзы состояли главным образом из квалифицированных рабочих, новой рабочей аристократии, а этим привилегированным элементам капитализм казался в то время вполне приемлемым.

В общем английские профсоюзные лидеры не принимали особенно активного участия в работе Интернационала; они никогда не делали таких решительных попыток захватить власть в этой организации, какие делали прудонисты и бакунисты. Как правило, они лишь присутствовали на различных конгрессах МТР и довольно пассивно принимали их резолюции. Их подход к вопросам, стоявшим перед Международным товариществом рабочих, основанный на «чистом и простом» тред-юнионизме, тянул организацию назад. Между ними и Карлом Марксом все чаще возникали разногласия. Некоторые наиболее активные элементы из руководства британских тред-юнионов, как, например, Хейлс, Оджер и Эккариус, в конце концов открыто выступили против Маркса; кроме того, они заигрывали с оппозиционными группами Прудона и Бакунина, не приемля, однако, их конкретных программ. Они использовали также английскую секцию Интернационала как оружие в борьбе против Генерального совета, возглавлявшегося Марксом. Им не нравилось требование Маркса о предоставлении свободы Ирландии, а вопрос о Парижской коммуне привел их к разрыву с МТР. Особенно рьяно возражали они против активной поддержки, которую Маркс оказывал сражающейся Коммуне: ее революционный дух оскорблял их либеральных друзей. И в 1871 году все они, за исключением Эпплгарта, вышли из Генерального совета. Это был один из ударов, которые способствовали ослаблению МТР и привели в конечном счете к его роспуску.

Немецкие профсоюзы и Интернационал

Немецкие марксисты в какой-то мере участвовали, правда ограниченно, в работе Первого Интернационала, но слабое немецкое профсоюзное движение как таковое не играло в нем никакой роли. В период деятельности МТР, с 1864 по 1876 год, профсоюзы переживали тяжелое время: им приходилось вести упорную борьбу за сохранение и развитие в условиях сильнейшего сопротивления предпринимателей, яростного преследования властей и — что самое худшее — грубой недооценки значения профсоюзов различными социалистически настроенными политическими руководителями немецкого рабочего класса.

Лассаль, предлагавший для рабочих создание системы субсидируемых государством кооперативов, был решительным противником профсоюзного движения. Он считал, что при капитализме рабочие испытывают на себе действие «железного закона заработной платы», который неизбежно сводит их зарплату к прожиточному минимуму. Именно против этой теории Маркс боролся в своей известной полемике с Уэстоном (см. главу 7). Таким образом, по Лассалю выходило, что забастовки и профсоюзы — это не только бесполезная трата времени и сил, но и прямая опасность для политического движения рабочего класса. Лассальянцы были даже против закона 1869 года, предоставившего промышленным рабочим (но не сельскохозяйственным) право организовываться. Как указывал Маркс, «Либкнехт организовывал союзы берлинских печатников вопреки желаниям Лассалья»³.

Лассаль был убит на дуэли в 1868 году, но И. Б. фон Швейцер, его преемник на посту руководителя Всеобщей ассоциации немецких рабочих — основной политической организации лассальянцев, продолжал антипрофсоюзную политику Лассалья.

Тем не менее, находясь под гнетом возраставшей капиталистической эксплуатации, немецкие рабочие все острее ощущали потребность в собственной профсоюзной организации и все решительнее стремились к ее созданию. В связи с этим лассальянцы созвали в сентябре 1868 года в Берлине всеобщий конгресс рабочих, на котором был организован *Arbeiterschaftsverband*, или рабочий союз. Первоначально он насчитывал около 142 тысяч членов. Председателем его стал Швейцер, он же возглавлял Все-

общую ассоциацию немецких рабочих, которая была политической организацией. Швейцер, бюрократ с диктаторскими замашками, рассматривал новую экономическую организацию только как один из второстепенных филиалов политической организации. Он всеми силами старался превратить ее в своего рода благотворительное общество и помешать рабочим использовать ее как орудие для проведения забастовок.

К этому времени из Англии вернулся Август Бебель, который привез с собой примерные уставы профсоюзов. Вместе с другими социал-демократами он взялся за организацию независимых профсоюзов. Примерно в то же время начали создавать союзы и буржуазные политики Гирш и Дункер, также изучавшие тред-юнионизм в Англии. Эти союзы должны были служить придатками к их либеральной прогрессивной партии. Таким образом создались три национальных профсоюзных центра: лассальянский, социал-демократический и прогрессивный, которые воевали друг с другом. Постоянные полицейские преследования, деморализующее действие франко-прусской войны 1870—1871 годов и суровый мировой экономический кризис 1873 года еще более усугубляли эти трудности.

В мае 1875 года в Готе лассальянцы и социал-демократы урегулировали свои отношения и восстановили партийное единство. Это сразу же вызвало к жизни движение за объединение профсоюзов. Но и теперь обстановка все еще не благоприятствовала союзам, так как лассальянская недооценка профсоюзов господствовала и в объединенной партии. Большинство социалистов считало, что достигнутое рабочими повышение заработной платы автоматически сводится на нет ростом цен и это сводит на нет роль профсоюзов. Маркс, представлявший Германию в Генеральном совете МТР, пытался добиться того, чтобы члены этой партии поняли необходимость единства и сущность профсоюзного движения, но его старания увенчались лишь частичным успехом. В 1900 году лидер социал-демократов Бебель говорил об этом периоде: «Партия считала, что профсоюзы играют специальную роль — служат для социал-демократии источником пополнения ее рядов. Многие социал-демократы оказывали свою поддержку только на этом условии. Даже я на первых порах рассматривал профсоюзы с этой точки зрения»⁴. Что касается политической деятельности, то среди немецких социал-демократов

было распространено мнение, что союзам как организациям следует совершенно избегать политики, но рабочие индивидуально должны вступать в социал-демократическую рабочую партию.

Эти ограничения и препятствия мешали немецким профсоюзам добиться больших успехов. Сообщалось, что в 1877 году в Германии насчитывалось в общей сложности 25 национальных союзов примерно с 50 тысячами членов, что составляло 2,5 процента от общего числа промышленных рабочих. Крупнейшими из них были союзы: табачников — 8 100 членов, печатников — 5 500, плотников — 5 100 и металлистов — 4 400 членов. Многие профессии вообще не имели своих союзов⁵. Но даже и этим скромным успехам был положен конец, когда после двух покушений на кайзера Вильгельма I в мае и июне 1878 года — покушений, к которым социал-демократы совершенно не были причастны, — правительство своими пресловутыми законами против социалистов запретило и загнало в подполье все социал-демократическое движение, включая партию и профсоюзы.

Лассальянство получило широкое распространение главным образом среди рабочих, говорящих на немецком языке. В основном лассальянцев можно было встретить только в Германии, Австрии и среди немецких эмигрантов в Соединенных Штатах. В американских профсоюзах влияние лассальянства чувствовалось даже в конце семидесятых годов прошлого века. Лассальянцы не вступили официально в Первый Интернационал, хотя в общем поддерживали его.

Профсоюзы и Парижская коммуна

Прудонизм с его упором на взаимопомощь и экономическое сотрудничество (см. главу 6) был врагом профсоюзного движения. Прудон не только вел во Франции и Бельгии борьбу против союзов и забастовок, но и перенес эту борьбу в Интернационал.

Первые конгрессы Интернационала были ареной непрерывной борьбы марксистов с теми анархистскими элементами, которые возражали против политических действий, забастовок и восьмичасового рабочего дня. На первом конгрессе в Женеве в 1866 году прудонисты добились того, что большинство поддержало их проект создания банка взаимопомощи, а на третьем конгрессе в Брюсселе

в 1868 году они провели резолюцию об организации среди рабочих обществ взаимного кредита. Однако к Базельскому конгрессу 1869 года марксистам удалось нанести поражение прудонистам, и Интернационал определенно высказался за национализацию предприятий и земли, за политические действия, профсоюзное движение, забастовки и в конечном счете ниспровержение капитализма. Последовавший в 1869 году крах главного банка ⁶ прудонистов в Париже окончательно лишил эту мелкобуржуазную группировку ее опоры.

Другое течение, сыгравшее отрицательную роль (на этот раз слева), представляли последователи Бланки, также стремившиеся задержать рост профсоюзного движения. Ветеран революции 1848 года Бланки возлагал все свои надежды на скорое восстание. Поэтому его раздражала перспектива медленной, терпеливой организации профсоюзов. В дальнейшем его движение приняло новую ориентацию и слилось с движением марксистов.

Несмотря на все эти затруднения, профсоюзы мало-помалу крепили, и во Франции, Дании и Бельгии множилось число забастовок. Правительства безжалостно подавляли их — десятки рабочих были убиты и тысячи арестованы. «Интернационал, — замечает Критский, — сыграл огромную роль»⁷ в организации союзов. В первые десятилетия боевые группы рабочих именовались в разных странах «обществами сопротивления», и первыми, кто назвал себя синдикатом или профсоюзом, были башмачники. К 1868—1870 годам, накануне франко-прусской войны, в Париже было 70 союзов ⁸, а во всей Франции Интернационал насчитывал примерно 200 тысяч человек⁹. Бельгийское рабочее движение также становилось одним из сильных в Интернационале.

19 июля 1870 года началась франко-прусская война, и за шесть недель продажное правительство Наполеона III было безнадежно разбито. 4 сентября французский народ сверг вторую империю и учредил Республику, а 15 февраля 1871 года рабочие Парижа, возмущенные предательством реакционных лидеров Республики, восстали и создали у себя в городе Коммуну, чтобы спасти его от немцев и французской реакции. И в других городах Франции делались попытки, правда безуспешные, создать аналогичные коммуны.

Коммуна была первой в истории диктатурой пролета-

риата¹⁰. Хотя рабочие и не составляли фактического большинства в правительстве, все движение было пронизано пролетарским духом. Знаменем Коммуны был красный флаг рабочих, а ее целью — социализм. Самую многочисленную группу в правительстве образовали бланкисты, а марксисты составляли влиятельное меньшинство. Интернационал сначала возражал против восстания в Париже, считая его обреченным на провал, но с самых первых дней основания Коммуны оказывал ей искреннюю поддержку. Об уроках этой великой борьбы Маркс написал одну из своих самых знаменитых книг — «Гражданскую войну во Франции».

Хотя Коммуна просуществовала всего два с половиной месяца, до 28 мая, и почти все это время ей пришлось вести ожесточенную гражданскую войну, тем не менее она успела многое сделать в области законодательства и пролетарской организации. Она провозгласила отделение церкви от государства, заменила регулярную армию народной милицией, лишила полицию политической власти, сделала всех чиновников ответственными перед избирателями, установила максимальный оклад жалования в размере 6 тысяч франков в год, избрала судей и магистраты и установила контроль над ними, сожгла гильотину, снесла Вандомскую колонну — этот зловещий символ милитаризма — и претворила в жизнь много практических мер по сохранению запасов продовольствия и поддержанию здоровья народа.

Активное участие во всей этой созидательной работе, а также в вооруженной обороне города принимали профсоюзы. В частности, они приступили к реорганизации производства на кооперативных началах. В момент восстания много предпринимателей бежало из Парижа, бросив на произвол судьбы свои заводы. Это создало серьезную проблему безработицы и уменьшило снабжение народа предметами первой необходимости. Поэтому 16 апреля Коммуна призвала профсоюзы взять на себя задачу восстановления производства на базе рабочих кооперативов. Этот декрет энергично претворялся в жизнь. В итоге было организовано 43 производственных и 7 распределительных кооперативов¹¹.

Но героический Париж не мог устоять один против массы ополчившихся на него врагов. 21 мая войска версальского правительства вступили в Париж, и после

восьми дней ожесточенной борьбы, во время которой рабочие защищали город квартал за кварталом, Коммуна в конце концов пала, залитая кровью. Вслед за тем победоносная вооруженная реакция во главе с палачами — президентом Тьером и генералом Галифе — принялась хладнокровно тысячами убивать побежденных рабочих. Эта резня была более ужасной, чем даже кровавая бойня после поражения революции 1848 года. Первая великая попытка рабочего класса создать социалистическое общество потерпела поражение¹².

Парижская коммуна дала рабочим всего мира много важных уроков, которые Маркс, Энгельс и Ленин годами изучали с величайшей тщательностью. В частности, она научила их, что рабочие не могут уничтожить капитализм и построить социализм, не имея сильной Коммунистической партии и марксистской программы; что основным условием победы рабочего класса является его союз с крестьянством; что победившие в революции рабочие не могут просто взять в свои руки буржуазный государственный аппарат, но должны создать свой собственный; что Коммуна явилась живым доказательством реальности диктатуры пролетариата, и многому другому.

Возрождение французского рабочего движения

Подавив Парижскую коммуну, правительство стало зверски преследовать ее вождей и выдающихся борцов. Уже после прекращения вооруженного сопротивления по приказу генерала Галифе было расстреляно по меньшей мере 30 тысяч рабочих, женщин и детей. Еще 45 тысяч было арестовано после падения Коммуны; около 15 тысяч из них было казнено, замучено, брошено в тюрьмы или сослано в страшные исправительные лагеря на островах. Много тысяч бежало из страны в Англию, Швейцарию и особенно в Соединенные Штаты. Были разгромлены и запрещены все рабочие организации, включая прудонистские группы. Французский пролетариат был обезглавлен. Это страшное поражение погрузило в глубокий траур рабочих всего мира.

Несмотря на страшные потери, понесенные рабочими во время Парижской коммуны и последующих гонений, неустрашимый и непобедимый французский пролетариат вскоре снова поднялся на ноги и активно включился в классовую борьбу. Франция переживала период быстрого

промышленного развития. Между 1860 и 1881 годами число рабочих в Париже удвоилось: быстро росли размеры и менялся характер промышленных предприятий. Уже в самом скором времени рабочие стали пытаться сломить осадное положение, в котором правительство держало их до 1876 года. На первых порах их сопротивление нашло свое выражение в росте «дружеских» обществ взаимопомощи и кооперативов, но вскоре начали появляться и настоящие профсоюзы («синдикаты») и возникать забастовки.

Республиканец журналист Барбаре, поддержанный Гамбеттой, приступил к систематической организации рабочих в рабочие союзы. Это вполне отвечало типичной политике либеральной буржуазии, старающейся захватить контроль над профсоюзами, которые, как хорошо понимали капиталисты, рабочие неизбежно станут создавать. Барбаре отрицал забастовки и ратовал за социальный мир. Рабочие продолжали организовываться: они создали союзы печатников, ювелиров, гранильщиков мрамора, кожевников, машинистов, плавильщиков, ткачей и многие другие. По словам Лефранка, в 1875 году существовало уже 135 рабочих союзов¹³. В 1876 году в Париже состоялся первый в истории французского рабочего класса Всеобщий рабочий конгресс, на котором присутствовало 360 делегатов. Конгресс представлял 1 100 тысяч рабочих, объединенных в профсоюзы, кооперативы и общества взаимопомощи.

Однако то был лишь пробный предварительный шаг. Конгресс ограничился рассмотрением различных непосредственных требований рабочих, касавшихся права на профсоюзную организацию, положения женщин-работниц в промышленности, системы ученичества, кооперативов, банков взаимопомощи, рабочего представительства в парламенте и т. п. Конгресс отверг социализм¹⁴. Подобная политическая умеренность глубоко потрясла революционера Бланки. Однако правительство запретило даже эту слабую и робкую организацию. Но пробуждавшийся и активизировавшийся рабочий класс Франции вскоре отверг консервативную программу и руководство Барбаре. На последующих конгрессах движение приняло более боевой характер и поставило перед собой революционную цель. Марсельский конгресс 1879 года уже определенно назвал себя «социалистическим». Так зародилось современное французское профсоюзное движение.

Глава 9

ИТАЛЬЯНСКИЕ И ИСПАНСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ И БАКУНИН (1864—1879)

За двенадцать лет существования Международного товарищества рабочих профсоюзное движение в Италии добилось существенных успехов. Но при этом ему приходилось вести в собственных рядах борьбу с двумя мощными чуждыми классовыми силами, которые тормозили его прогресс. Это были разрушительные мелкобуржуазные тенденции, представленные Мадзини и Бакуниным. Как уже указывалось в 6-й главе, Джузеппе Мадзини был буржуазным республиканцем, вождем и героем революции 1848 года. В 1841 году он основал рабочую ассоциацию как секцию своей партии «Молодая Италия» и играл главную роль в итальянском рабочем движении до 1871 года, когда его влияние было сломлено совместной (если не единой) оппозицией марксистов и бакунистов.

Честолюбивый и агрессивный Мадзини попытался даже установить свое господство над Первым Интернационалом. На учредительную конференцию МТР в Лондоне в 1864 году Мадзини послал своего эмиссара Л. Вольфа, который представил развернутую программу новой организации. В основу ее легла буржуазная программа мадзиниевской Ассоциации итальянских рабочих, основывавшаяся на ложной теории классового сотрудничества. Однако эта программа, противоречившая интересам рабочего класса, была отвергнута делегатами, которые вместо этого приняли программу Карла Маркса, исходившую из принципа классовой борьбы. Этим поражением закончилась дерзкая попытка Мадзини захватить Первый Интернационал. Мадзини умер в 1872 году, но его движение просуществовало еще несколько лет, оказывая отрицательное влияние на молодые итальянские профсоюзы.

Бакунин в Италии

Более внушительной фигурой, чем Мадзини, в истории итальянского рабочего движения был русский анархист Михаил Бакунин, бежавший от преследования царских властей и обосновавшийся в 1864 году в Италии. Бакунин был учеником Прудона, но расходился с ним по ряду важных вопросов теории и тактики. Как и его учи-

тель Прудон, Бакунин в общем стоял за революцию и развитие общества, основанного на «свободной ассоциации» рабочих организаций взаимопомощи. Однако в отличие от Прудона Бакунин не считал, что общество можно постепенно преобразовывать систематическим созданием новых производственных организаций. Он утверждал, что разрушить государство и построить новое общество можно только с помощью вооруженного восстания. Как и Прудон, Бакунин имел самое смутное представление о роли рабочего класса и классовой борьбы. Всю тяжесть своего удара он направлял не против класса капиталистов, а против государства и религии. Он самым решительным образом протестовал против политической борьбы рабочего класса, а его политические партии рассматривал как разрушительную силу. Вся его теория и практика основывались на порочной предпосылке, что пролетарская революция в том виде, как он ее смутно представлял себе, является делом ближайшего будущего. Его линия неизбежно привела к резкому столкновению с марксистами в Италии и во всем мире.

Одно из самых резких разногласий между анархистами Бакуниным и Прудоном возникло в связи с вопросом о профсоюзном движении. Как мы уже видели, Прудон был открытым врагом профсоюзов, забастовок и движения за сокращение рабочего дня. Профсоюзное движение он считал естественным врагом своих проектов кооперации на началах взаимопомощи, и в этом отношении он не ошибался. Одна из главных задач профсоюзов, особенно во Франции, на родине прудонизма, состояла в том, чтобы лишить влияния это враждебное движение.

С другой стороны, Бакунин в известной, ограниченной степени признавал профсоюзное движение. В его глазах забастовки были мелкими восстаниями, битвами, предшествовавшими всеобщему вооруженному восстанию, которое в конечном счете сделает рабочих, или, как он говорил, «народ», господствующим классом общества. В своей программе он требовал «передачи земли в пользование сельскохозяйственным ассоциациям и передачи капитала и всех средств производства промышленным ассоциациям рабочих». В этом отношении, замечает Лозовский, «Бакунин уже здесь сформулировал идею передачи предприятий промышленным ассоциациям рабочих, идею, которая впоследствии была взята за основу всех теорий, выдвину-

тых французскими, испанскими и итальянскими анархистами и анархо-синдикалистами»¹. Однако, как мы видели в главе 4, эта идея относится еще ко времени распространения оуэнизма в Англии.

Несмотря на то, что Бакунин поддерживал профсоюзное движение, общая его линия противоречила созданию прочного профсоюзного движения. Он рассчитывал на стихийные выступления масс и децентрализацию больше, чем на организованность и дисциплину, а его политика втягивания профсоюзов при каждом удобном случае в вооруженное восстание определенно мешала укреплению основ профсоюзного движения. За два года в Италии бакунисты устроили не менее 60 местных восстаний. Самыми значительными из этих выступлений были восстания в 1868 и 1874 годах; оба они были подавлены правительством. Подобная авантюристическая политика вела к тому, что молодые итальянские профсоюзы превращались в нечто вроде заговорщических групп.

Тем не менее Бакунин приобрел сильное влияние на очень молодое и незрелое итальянское профсоюзное движение. В первую очередь это объяснялось тем, что в момент приезда Бакунина в Италию страна переживала заключительный период длительной национальной революционной борьбы за независимость и массы еще не имели ясного представления о программе рабочего класса. Укреплению влияния Бакунина способствовало и то, что, по словам Лозовского, он был «человеком колоссальной энергии и большого организаторского таланта»². Он собрал вокруг себя сильную группу сторонников и использовал Италию как одну из своих главных баз в борьбе за господство в Первом Интернационале.

Лиги сопротивления

В 1871 году итальянские рабочие в ходе борьбы против влияния Мадзини и отчаянного сопротивления репрессивным мерам предпринимателей и государства организовали общество, которое называлось «Рабочее объединение»³; среди руководителей нового общества были Андреа Коста, занимавший в ту пору боевую позицию, и Карло Кафферо. Новое общество было по существу организацией до профсоюзного и до партийного типа, той самой «лигой сопротивления», которую мы встречаем в латинских стра-

нах на этом этапе развития рабочего движения. Первый съезд новой организации состоялся в 1872 году, через год после разрыва с Мадзини. В этот период марксисты в Италии были очень слабы, и руководство движением оказалось в руках Бакунина. Последний организовал Итальянскую федерацию Интернационала. Вначале организация примыкала к Лондонскому Генеральному совету, во главе которого стоял Карл Маркс, но вскоре стала краеугольным камнем бакунистской соперничающей организации.

В 1869 году в Италии насчитывалась в общей сложности 771 рабочая организация всех видов⁴. В течение 1870—1880 годов организации типа лиг сопротивления стали господствующей формой в итальянском рабочем движении. Лиги провели много забастовок и других классовых битв. Вскоре на их основе сложились профсоюзы и социалистическая партия. Первый прочный профсоюз, союз печатников, образовался в 1872 году⁵. Вначале это был цеховой союз, но он быстро перестроился на производственной основе. Мало-помалу появились и другие союзы. В 1872 году была создана первая палата труда (местный профсоюзный совет)⁶. Таково было общее положение в итальянском рабочем движении к моменту роспуска Первого Интернационала в 1876 году.

Испанские организованные рабочие в Интернационале

В течение первых трех четвертей XIX века Испания была ареной нескольких революционных битв — в 1808, 1820, 1834, 1854 и 1873 годах⁷. В своей совокупности эти бои представляли различные стадии разворачивающейся буржуазной революции, непосредственная цель которой состояла в том, чтобы изгнать французских захватчиков, сломить власть земельной аристократии и абсолютной монархии, лишить католическую церковь ее колоссальных угодий и урезать ее политическую власть — короче, расчистить путь для развития капитализма в Испании. Эти революционные усилия буржуазии увенчались лишь частичным успехом.

Между 1850 и 1870 годом испанская промышленность, главная база которой находилась в Барселоне, добилась значительного прогресса. Барселона издавна была центром ожесточенной борьбы, которую рабочий класс вел против своих феодальных и капиталистических варвар-

ских угнетателей и эксплуататоров. Энгельс назвал Барселону «величайшим промышленным городом Испании, история которого знает больше баррикадных боев, чем история любого другого города в мире»⁸. Ценой многочисленных битв, среди которых была и всеобщая забастовка 40 тысяч рабочих в 1855 году⁹, жестоко подавленная правительством, испанские рабочие в 1869 году в известной мере добились права создавать профсоюзы¹⁰. Результатом этого явился быстрый рост профсоюзного движения в последующие несколько лет. Датт заявляет по этому поводу, что в 1873 году в Испании насчитывалось 537 союзов и 270 региональных федераций с 300 тысячами членов¹¹. Заработная плата и условия труда испанских рабочих стояли на трагически низком уровне, и рабочий класс был исполнен решимости добиться их улучшения.

Первый Интернационал сыграл решающую роль в создании сильного профсоюзного движения в Испании того времени, точно так же как и во Франции, Италии, Бельгии, Португалии, Голландии, Польше и ряде других стран. Его руководители и организаторы были в первой шеренге всех забастовок и других битв, которые рабочие этих стран вели против невыносимых условий их труда.

Бакунин, главная база которого с самого начала находилась в латинских странах, на первых же порах вмешался в испанские дела. Вскоре он подчинил своему влиянию испанскую секцию Интернационала, одну из первых и самых сильных организаций в составе МТР. На учредительной конференции МТР в Лондоне в 1864 году присутствовал один испанский рабочий, а во всех последующих конгрессах испанская делегация принимала активное участие. На протяжении всего существования Интернационала марксисты в Испании оставались в меньшинстве. После раскола Интернационала в 1872 году Испанская федерация пошла за Бакуниным, и бакунистские тенденции дают себя знать в Испании и по сей день.

После раскола Бакунину не пришлось долго ждать решающей проверки своей организации и политики. Таким пробным камнем явилась для него революция 1873 года. В феврале этого года внезапное отречение короля Амедео, которого Энгельс назвал «единственным королем-забастовщиком», ввергло Испанию в давно назревавший политический кризис. Воспользовавшись столь благопри-

ятым моментом, буржуазные силы сумели оттеснить монархию и учредить республику. Впрочем, правительство их было слабым и раздиралось внутренними противоречиями, и в декабре 1874 года монархисты свергли республику и вновь посадили на трон династию Бурбонов.

Очевидно, как указывает Энгельс, Испания еще не созрела для социализма. Рабочие, не имевшие сильной организации, четкой программы и хорошего руководства, не могли возглавить буржуазную революцию и превратить ее в революцию пролетарскую. Самое большее, что они могли сделать в тех условиях, — это бороться за укрепление буржуазной демократии, завоевать демократические политические права для рабочего класса и создать в ходе этого свои организации.

Однако для пылкого Бакунина подобные действия совершенно исключались. Ему казалось, что рабочий класс не заинтересован кровным образом в переходе от монархической формы правления к республиканской. Поэтому он призвал рабочих воздержаться от участия в апрельских всеобщих выборах, в результате которых была избрана Конституционная ассамблея (учредительное собрание) и создано буржуазно-демократическое правительство. Подобная тактика деморализовала рабочих, многие из которых тем не менее участвовали в выборах.

Бакунин взял курс на революцию. Он намеревался организовать летом 1873 года всеобщую забастовку в крупнейших центрах страны. Однако боевые рабочие Барселоны, позиция которых решала все, ожидали, по мнению Энгельса, призыва к вооруженному восстанию и не откликнулись на призыв начать забастовку. Таким образом, борьба была с самого начала обречена на провал. В Алкое, фабричном городе с населением в 30 тысяч, и некоторых других центрах состоялись местные забастовки, но правительство вскоре подавило их. В то же время многие последователи Бакунина, позабыв о провозглашенной ими аполитичности, пошли на сговор с буржуазией и заняли различные посты в местных управлениях. В итоге рабочие потерпели поражение, а испанская секция Первого Интернационала, включая молодое профсоюзное движение, была распущена. Оценивая все движение в целом, Энгельс едко замечает: «Одним словом, бакунисты в Испании дали нам непревзойденный образец того, как не надо делать революцию»¹².

Раскол Первого Интернационала

В долгой борьбе за утверждение революционной пролетарской идеологии марксистам в Международном товариществе рабочих пришлось давать бои многочисленным сектантам и оппортунистам — последователям «чистого и простого» тред-юнионизма, приверженцам Мадзини, лассальянцам, бланкистам и прудонистам. Но самой серьезной из всех была, несомненно, борьба против псевдореволюционной группировки бакунистов. В этой борьбе на карту была поставлена вся будущность рабочего движения. Борьба началась почти сразу же после вступления Бакунина в Интернационал в 1868 году.

Бакунин пришел в МТР с готовой системой взглядов, которые нашли свое отражение в программе и организационной структуре созданного им незадолго перед тем международного альянса социалистической демократии. Альянс был прямым преемником заговорщических групп, с которыми Бакунин был связан в прежнее время. Он создавал в различных секциях Интернационала свои тайные группки, которые должны были продвигать его программу бунтарской деятельности. Генеральный совет возражал против всего этого, настаивая, чтобы Бакунин ликвидировал свою международную организацию, после чего Интернационал примет его группировку. Бакунин пообещал сделать это, но так и не сдержал своего обещания. Результатом явилось существование параллельной организации и обострение внутренней борьбы в Италии, Испании и других странах.

На различных конгрессах Интернационала между марксистами и бакунистами происходили столкновения буквально по всем вопросам, входившим в круг деятельности МТР: по вопросу о создании политических партий, проведении политических выступлений, борьбе за рабочее законодательство, методах профсоюзной работы, дисциплине Интернационала, социалистических перспективах диктатуры пролетариата и т. п. — и по всем этим вопросам бакунисты в корне расходились с марксистами. Высшей точки эта борьба достигла на Гаагском конгрессе в 1872 году. На этом конгрессе лично присутствовал Маркс, знавший Бакунина с 1848 года и сознававший, что на карту поставлена судьба Интернационала. В итоге Бакунин и некоторые другие анархисты были исключены за созда-

ние тайной подрывной организации, за недисциплинированность и за несовместимость их линии с политикой и программой Первого Интернационала¹³.

Марксисты выиграли ожесточенную борьбу в Интернационале и окончательно утвердили марксизм как основную идеологию рабочего класса. Правильность этой идеологии была всецело доказана развитием мирового рабочего движения в последующие десятилетия. Несмотря на это, Интернационал оказался в тяжелом положении. Тогда Энгельс внес предложение, которое было принято, перенести штаб-квартиру МТР из Лондона в Нью-Йорк. Однако это была последняя попытка спасти организацию. Интернационал сыграл свою роль. Внутренние споры с подрывными анархистскими элементами в сочетании с яростными гонениями, которым подвергали организацию различные правительства в годы последовавшего за падением Парижской коммуны разгула реакции, сделали невозможным дальнейшее существование организации в ее прежней форме. Кроме того, перед международным движением встали новые задачи партийного и профсоюзного строительства в различных странах, требовавшие новых методов и новых организаций. Международное товарищество рабочих, которое провело колоссальную работу по формированию основ мирового рабочего движения как в промышленном, так и в политическом отношениях, выполнило свою великую миссию. После четырех лет борьбы в Соединенных Штатах, о которой подробнее будет сказано в следующей главе, Первый Интернационал 15 июля 1876 года официально объявил в Филадельфии о своем самороспуске.

Бакунин и его союзники не подчинились решениям Гаагского конгресса. В сентябре 1872 года они созвали в Сент-Имьере, в Швейцарии, другой конгресс, утверждая, что это и есть конгресс Первого Интернационала. За новой организацией пошли федерации латинских стран. Анархистский интернационал продолжал еще в течение нескольких лет созывать конгрессы и вести деятельность в различных странах. Но эта работа шла на убыль, и к 1878 году Интернационал окончательно перестал существовать как организованное международное движение. Сам Бакунин умер в июле 1876 года.

Происходившая в недрах Первого Интернационала великая идеологическая борьба глубоко отразилась на

молодом профсоюзном движении во всем мире, особенно на его общеполитических воззрениях. В главных капиталистических странах — Великобритании, Соединенных Штатах и Германии, — где марксисты пользовались наибольшим влиянием, союзы продолжали идти вперед вопреки множеству трудностей. Даже в тех странах, в которых преобладало подрывное влияние бакунистов, союзы в последующие годы проявили большую жизнеспособность и стойкость, несмотря на неправильную политику, на которую их долго обрекали анархисты.

Анархистское движение с его стихийностью в теории и на практике, с его недисциплинированностью, плохой организацией, мелкобуржуазным ультрарадикализмом и нереальными перспективами, доказало своей деятельностью как в Первом Интернационале, так и в качестве независимого движения, что оно не может предложить молодому международному рабочему движению ничего конструктивного. Это была негативная, разрушительная сила, и в своем неуклонном движении вперед рабочие должны были пройти — и прошли — мимо нее. Что касается марксистских сил, то хотя роспуск героического Первого Интернационала временно замедлил их развитие, они, однако, все больше активизировали свою деятельность в соответствующих странах, создавая политические рабочие партии, профсоюзы и кооперативы и закладывая, таким образом, основу для следующего большого шага вперед в мировом масштабе — создания Второго Интернационала.

Глава 10

НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ И ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(1866—1876)

В то время как Международное товарищество рабочих в Европе шло своим трудным путем, в молодом рабочем движении Соединенных Штатов также происходили важные сдвиги. Как уже отмечалось в 5-й главе, гражданская война дала огромный толчок развитию американской промышленности как с точки зрения концентрации производства, так и увеличения объема выпускаемой продукции. Еще больше этот процесс ускорился в послевоенные годы, когда северные промышленники всемерно использовали

свою выдающуюся победу над южными рабовладельцами. Все это, как говорилось выше, вызвало быстрый рост профсоюзного движения, который привел 20 августа 1866 года к созыву рабочего съезда и образованию Национального рабочего союза.

Сущность профсоюзов во всех капиталистических странах одна и та же, но в остальном их характер обуславливается конкретными экономическими, политическими и историческими условиями в различных странах. В Соединенных Штатах к числу таких специфических характерных условий, определивших многие конкретные задачи и проблемы Национального рабочего союза, относились: почти полное отсутствие экономических и политических пережитков феодализма, существование класса капиталистов, только что перед тем одержавшего огромную революционную победу; вдвое более высокий, чем в Европе, уровень жизни рабочего класса; на редкость неустойчивые классовые градации; 4 миллиона негров, только что освобожденных после трехсотлетнего рабства; наличие огромных пространств дешевой земли в пограничных районах; колоссальный, увеличивающийся из года в год приток иммигрантов и рабочий класс (белые мужчины), обладавший правом голоса в масштабах, неизвестных в Европе. Все это создавало совсем иное положение, чем в Великобритании, Германии, Франции и других капиталистических странах, но ни в коем случае не изолировало рабочее движение Соединенных Штатов от остального мира, как это любят утверждать проповедники теории американской исключительности.

Национальный рабочий союз

В этот период в связи с быстрым расширением сети каналов и железных дорог и соответственным ускоренным развитием национального рынка, в том числе рынка рабочей силы, среди рабочих усиливается потребность придать своим местным профсоюзам общенациональный характер. Ибо только таким путем рабочие могли надеяться установить какой-то контроль над заработной платой и рабочим днем. Эта потребность вызвала к жизни много цеховых союзов и привела также к образованию Национального рабочего союза (НРС), который был для того времени самой удачной попыткой американского рабочего класса создать всеобщую национальную рабочую организацию.

На учредительном съезде НРС присутствовало 60 делегатов, в том числе 38 — от местных союзов, 6 — от «лиг борьбы за восьмичасовой рабочий день», 12 — от местных профсоюзных советов и 3 — от общенациональных союзов; большинство же общенациональных союзов воздержалось от участия в съезде. По явно преувеличенным данным, делегаты представляли около 600 тысяч рабочих. Во главе движения стоял руководитель союза литейщиков Уильям Г. Сильвис¹. Марксисты принимали очень активное участие в организации НРС, но их выдающийся политический и профсоюзный лидер Иосиф Ведемайер умер от холеры в Сент-Луисе в день открытия съезда.

Находясь под впечатлением только что пережитой Великой революции, Национальный рабочий союз с самого начала одобрил прогрессивную политику. Своей целью он провозгласил организацию всего рабочего класса без различия расы, пола и вероисповедания. Он активно руководил забастовками рабочих и, добиваясь проведения своей классовой политики, порвал с республиканской партией, являвшейся партией крупного капитала, и взял вскоре курс на создание рабочей партии².

НРС был одной из первых организаций такого рода и почти не имел возможности использовать опыт рабочего движения в Соединенных Штатах, Великобритании и Германии. Тем не менее Карл Маркс, внимательно следивший за положением в Америке, отмечал способности и понимание обстановки, проявленные делегатами на первом съезде НРС, состоявшемся за две недели до первого Конгресса МТР в Женеве. «Американский рабочий конгресс в Балтиморе, — говорил он, — собравшийся почти в одно время с Женевским конгрессом Международного товарищества рабочих, доставил мне большую радость. Он проходил под лозунгом организации рабочих для борьбы с капиталом, и, что весьма примечательно, верный инстинкт рабочих подсказал им большинство требований, подготовленных мною для Женевы»³. С особым удовлетворением Маркс отмечал боевое требование НРС о восьмичасовом рабочем дне и то, что он впервые поднял вопрос о равной оплате за труд женщин.

НРС и негритянские рабочие

Перед молодым Национальным рабочим союзом сразу встал вопрос о 4 миллионах негров, только что освободив-

шихся от рабства. В первую очередь им нужна была земля, работа в промышленности и вообще обеспечение всех прав американских граждан⁴. Эти права надо было защитить от решительных попыток южных плантаторов оставить негров фактически на положении рабов. В 1867 году негры на Юге получали меньше, чем рабы до войны⁵. Негритянский вопрос был прежде всего аграрным вопросом и острее всего стоял на Юге. Карл Маркс понимал эту проблему. Так, в сентябре 1866 года в письме к президенту Джонсону он заявил по поводу освобожденных негров: «Объявите ваших соотечественников отныне свободными и равными без всяких оговорок. Если вы откажете им в гражданских правах, в то же время требуя от них выполнения гражданских обязанностей, вам рано или поздно придется столкнуться с возобновлением борьбы, которая снова ввергнет вашу страну в море крови».

К несчастью, это пророчество очень скоро сбылось.

На рабочем классе лежала важная обязанность помочь негритянскому народу завоевать свои права; однако НРС не понял этого и не сумел подняться на высоту марксового понимания «реконструкции». Вследствие этого борющийся негритянский народ был предоставлен самому себе, и только радикальные республиканцы оказывали ему помощь, но и она постепенно ослабевала. Бывшие союзники рабочего класса в войне — северные промышленники — предательски сговаривались с плантаторами о совместной эксплуатации негритянских трудящихся. НРС так и не поддержал программу «реконструкции», за которую активно боролись Фредерик Дуглас, Тадеуш Стивенс, Чарльз Самнер и другие. В результате негритянский народ на Юге, преданный своими капиталистическими союзниками военного времени и покинутый белыми профсоюзными деятелями, был обречен на самый ужасающий режим линчевания, джимкромизма и безжалостной эксплуатации, какая только была известна капиталистическому миру.

Несколько больший интерес НРС проявил к проблеме вовлечения негритянских рабочих в промышленность. Делегаты первого съезда выразили свою солидарность с этими вдвойне угнетаемыми рабочими и обещали организовать их. Многие руководители и союзы НРС честно пытались выполнить это решение. Но позиция рабочего класса натолкнулась на сопротивление ряда союзов квалифицированных рабочих, проникнутых белым шовиниз-

мом и узкоцеховым духом. После каждого из ежегодных съездов НРС делались попытки (постепенно затухавшие) организовать негритянских рабочих. Последние были готовы примкнуть к профсоюзному движению белых, но поскольку доступ во многие союзы им был закрыт, они приступили к созданию собственных организаций. Это устраивало антинегритянские элементы, которые уже на съезде НРС в 1867 году настаивали на том, что негры должны организоваться самостоятельно⁶.

5 декабря 1869 года негритянские рабочие создали в Вашингтоне Национальный союз цветных рабочих, который избрал своим председателем корабельного конопатчика Исаака Майерса⁷. Однако эта организация, столкнувшись с множеством трудностей и получая мало поддержки со стороны руководителей НРС, вскоре заглохла. Уже на том этапе становилось ясно, насколько труден вопрос об объединении негритянских и белых рабочих в единых профсоюзах. Неспособность взяться за его решение была одной из основных причин, которые привели в конечном счете к упадку Национального рабочего союза.

Профсоюзы и вопрос о земле

Еще со времени существования колоний рабочие и их организации с надеждой обращали свои взгляды к обширным просторам невозделанной земли на западе, надеясь получить собственные фермы. Профсоюзы с самого своего зарождения неизменно интересовались этим вопросом. Все их программы содержали требования земельной реформы, суть которой сводилась к предоставлению рабочим бесплатных государственных ферм. Интересно отметить, что членами Национальной ассоциации реформы, главным требованием которой было проведение земельной реформы, состояли в основном рабочие. Главным лозунгом движения за земельную реформу было «Голосуйте за ферму для себя». То, что эта земля принадлежала индейцам, почти никого не смущало. Как правило, индейцев считали чем-то вроде захватчиков, которых необходимо было безжалостно выгнать. Правительство утверждало, что вся эта земля принадлежит ему.

Под неуклонным давлением масс, жаждавших земли, правительство после 1789 года несколько раз облегчало условия приобретения земельных участков из колоссальных земельных резервов. Землю постепенно распродавали

в кредит небольшими участками по низкой цене. В 1852 году правительство все еще располагало 1 300 миллионами акров земли, и было подсчитано, что на их продажу и распределение уйдет от пятисот до девятисот лет⁸. Борьба за землю была одной из основных причин, побудивших в конечном счете западных фермеров выступить против рабовладельцев, старавшихся захватить как можно больше земли. Своей высшей точки эта борьба достигла ко времени принятия в 1862 году знаменитого Билля о гомстедах. По этому закону переселенцам предоставлялись бесплатно 160 акров пахотной земли при условии, что они проживут на ней не менее пяти лет и внесут минимальные улучшения. Сбылась, казалось, мечта, которую десятилетиями вынашивали рабочие и бедные фермеры. Это была одна из величайших уступок, завоеванная ими в революции 1861—1865 годов.

Однако демократический эффект этого исторического закона был сильно преувеличен. До вынесения его, еще со времен колонии, рабовладельцы и северные спекулянты активно присваивали огромные куски государственных владений, и закон о гомстедах не остановил грабежа, которым занимались крупные расхитители земли. Гаккер заявляет, что к 1890 году, когда большая часть государственных земель была уже занята, по закону о гомстедах было распределено всего 372 659 участков по 160 акров, или в общей сложности 48 225 736 акров, тогда как железнодорожными компаниями было расхищено в четыре раза больше⁹. Кроме того, мелкие поселенцы получали самые плохие участки. Освобожденные негры вообще почти не получали земли.

Существует школа буржуазных экономистов и историков, утверждающих, что свободная земля на западе служила как бы важным предохранительным клапаном, который должен был уменьшить недовольство рабочего класса на востоке страны. По их словам, еще в дни колонии много рабочих отправлялось на запад за дешевой землей. Другая группа авторов, напротив, заявляет, что почти все западные переселенцы были первоначально фермерами и что переезд на запад и приобретение сельскохозяйственного инвентаря, даже при условии бесплатного получения земли, были не по карману рабочему. Истина находится посередине. Нет никакого сомнения, что значительное число рабочих, особенно холостых, проделало свой

путь на запад и ухитрилось «сев на землю» или другими способами завладеть большими участками сельскохозяйственной земли и ценными строительными участками. Ибо, как указывает Фолкнер, «на новом месте простой рабочий мог отложить за год достаточную сумму, чтобы купить 80 акров, а квалифицированному рабочему или школьному учителю, в которых на границе ощущалась большая нужда, нужно было для этого еще меньше времени»¹⁰. Выдвигая в течение столь длительного срока свои настойчивые требования о предоставлении ферм, профсоюзные деятели не просто действовали наобум. Пограничная земля действительно разряжала до некоторой степени атмосферу недовольства на бедствующем фабричном востоке.

Борьба за свободную землю породила важную социальную утопию, типичную для Соединенных Штатов. Это была идея, будто угнетаемые наемные рабочие восточных районов могут обрести свободу и благоденствие, получив свободную землю на западе. Такое ложное представление распространялось на протяжении нескольких десятилетий, до самой гражданской войны и позже, такими способными руководителями, как Томас Скидмор, Джордж Г. Эванс и Герман Криге. Карл Маркс вел борьбу с этими утопическими теориями о свободной земле, особенно в том виде, как их пропагандировал его бывший соратник по деятельности в Европе Криге.

НРС и Интернационал

После образования Международного товарищества рабочих почти все рабочие союзы и другие организации рабочих во всем мире либо непосредственно вступили в него, либо поддерживали с ним дружеские отношения. Национальный рабочий союз не составлял исключения в этом отношении. В НРС был очень силен дух международной солидарности в значительной степени потому, что в американском рабочем классе была большая прослойка недавних иммигрантов, среди которых было много чартистов, ирландских националистов, беженцев после германской революции 1848 года и, наконец, французских борцов — участников Парижской коммуны. Касаясь рабочего движения в Нью-Йорке в начале семидесятых годов, Сэмюэль Гомперс писал: «Там были солдаты краснорубашечной армии Гарибальди, участники революции 48 года

в Германии, английские чартисты — люди большой души и высоких принципов, итальянские карбонарии, участники движения за гомруль в Ирландии, революционеры из Дании, Австрии, России»¹¹.

Подобно британским тред-юнионам, Национальный рабочий союз был особенно заинтересован в МТР ввиду необходимости приостановить приток штрейкбрехеров в страну. В то время это было настоящим бедствием. Вопрос о вступлении в МТР рассматривался на первом съезде НРС в 1866 году, но недостаток времени и отсутствие средств не позволили послать делегата. На последующих съездах этот вопрос неоднократно возникал. В 1867 году в Чикаго делегаты ограничились посылкой приветственной телеграммы с выражением солидарности. Съезд 1869 года, состоявшийся в Филадельфии, не решив вопроса о вступлении, все же направил на Базельский конгресс Интернационала своего делегата. Этим делегатом был редактор газеты «Защитник рабочих» А. К. Камерон, который вел переговоры о борьбе с отправкой штрейкбрехеров в Соединенные Штаты. На съезде НРС в 1870 году вновь был поднят вопрос о вступлении в Интернационал. В принятой резолюции говорилось, что «Национальный рабочий союз является приверженцем принципов Международного товарищества рабочих и рассчитывает в ближайшее время вступить в упомянутую ассоциацию». Однако после неожиданной смерти руководителя НРС У. Г. Сильвиса, о котором хорошо отзывался Маркс и по поводу смерти которого Генеральный совет выразил свое официальное соболезнование, движение за вступление в МТР ослабло, и НРС так и не примкнул к этой организации¹². Однако рабочая печать того времени знакомила американский рабочий класс с документами и деятельностью Первого Интернационала.

Важное решение в связи с МТР принял на своем учредительном съезде в 1869 году Национальный союз цветных рабочих. Эта организация проголосовала за то, чтобы послать своего делегата Селлу Мартин на конгресс Интернационала, который должен был состояться в 1870 году в Париже, но был отменен ввиду начавшейся франко-прусской войны. Негры хорошо знали об Интернационале и дружески относились к нему, особенно ввиду позиции Маркса и Энгельса, решительно выступавших против рабства в период гражданской войны.

Упадок НРС

Несмотря на многие ценные качества: поддержку международного рабочего единства, борьбу за восьмичасовой рабочий день, за права женщин и т. д., Национальный рабочий союз страдал множеством недостатков как организационного, так и идеологического порядка. Прежде всего его руководителей увлекла шарлатанская теория дешевых денег — иллюзия, будто выпуск правительством большого количества бумажных денег может улучшить положение рабочих. Они не понимали, что такой образ действий привел бы к головокружительному росту дороговизны, за которым не угнаться заработной платой рабочих. Это экономическое заблуждение во многом способствовало подрыву национального рабочего союза.

Как и большинство рабочих организаций того периода, НРС также отдавал много сил и внимания созданию производственных и потребительских кооперативов. Это вызывалось широко распространенными тогда иллюзиями, будто кооперативы и есть главный путь к освобождению рабочего класса. Поглотив много союзных средств и внимания, такие кооперативы в конечном счете терпели крах. НРС еще не усвоил того основного урока, о котором Маркс говорит в «Учредительном манифесте» МТР, что хотя кооперативы и являются ценными организациями рабочего класса, сами по себе они не могут освободить рабочих. Основная задача рабочих в этом отношении, указывал он, заключается в захвате политической власти. Более того, непосредственная организация кооперативов является функцией самостоятельного кооперативного движения, а не центральной задачей профсоюзов.

Смелым шагом к высвобождению рабочего класса из-под политического контроля буржуазии явилась попытка Национального рабочего союза создать национальную рабочую партию. Шаг этот был, однако, преждевременным и не мог увенчаться успехом. Квалифицированные рабочие и их руководители не поддержали проект, и он вызвал много путаницы и разногласий. К тому же массы рабочих еще не успели разочароваться в основных партиях, особенно в демократической.

Другой серьезной слабостью НРС было отсутствие у него сильного национального центра. Вся его национальная организация сводилась в основном к ежегодным съездам. Поэтому НРС был не в состоянии постоянно руково-

дить молодым рабочим движением. Под влиянием упомянутых выше слабостей руководство, погруженное в планы земельной реформы, кооперативного строительства и денежных мероприятий, пренебрегало такими основными вопросами, как создание союзов и организация забастовочного движения. Вследствие этого в течение 1870/71 года от НРС отпал ряд национальных цеховых союзов, и организация быстро пришла в упадок. На съезд 1872 года прибыло всего 7 делегатов, и организация прекратила свое существование.

Фонер следующим образом характеризует это важное движение: «Несмотря на свою короткую жизнь, Национальный рабочий союз был важным этапом в развитии американского рабочего движения. Он придавал четкую форму наиболее важным проблемам, волновавшим рабочих в тот период, а своей просветительной деятельностью помог сплотить вокруг этих проблем рабочий класс всей страны. Он был одной из первых в мире организаций, поднявших вопрос о равной оплате за равный труд для женщин и выдвижении их на руководящие посты. Он был первой американской рабочей федерацией, радушно принявшей негритянских делегатов. Будучи первым американским рабочим органом, имевшим в Вашингтоне сильное «лобби» *, он требовал создания министерства труда; он обратил внимание на необходимость сокращения рабочего дня и участвовал в борьбе за введение восьмичасового рабочего дня в федеральных учреждениях и органах штатов. Он добивался изменения несправедливого законодательства, боролся против несправедливой передачи земли железным дорогам и призывал к передаче государственных владений в собственность народа. Международное товарищество рабочих признало его представителем американского рабочего класса... НРС содействовал организации многих рабочих партий в штатах и образованию первой национальной рабочей партии в истории американского рабочего движения»¹³.

* «Лобби» (дословно «кулуары») — «кулуарные деятели», представители тех или иных кругов или общественных организаций, добивающиеся в конгрессе США принятия или отклонения законопроектов. В последнее время «лобби» все более становится олицетворением деятельности агентов монополистического капитала, действующих путем подкупа и шантажа. (*Прим. ред.*)

Первый Интернационал в Соединенных Штатах

Когда по решению Гаагского конгресса Интернационала в 1872 году Генеральный совет МТР переехал в Нью-Йорк, Национальный рабочий союз только что исчез с арены рабочего движения в Соединенных Штатах. Для молодого американского профсоюзного движения роспуск НРС явился серьезным шагом назад. Разразившийся в 1873 году глубокий экономический кризис, который в течение нескольких лет бушевал во всем капиталистическом мире, еще усугубил действие этого поражения. Экономический крах нарушил и работу союзов. По словам Сэмюэля Гомперса, если в 1873 году профсоюзы насчитывали в общей сложности 300 тысяч членов, то к 1878 году число их сократилось до 50 тысяч ¹⁴.

Генеральный совет МТР обосновался в Нью-Йорке. Генеральным секретарем МТР был Ф. А. Зорге. В Соединенных Штатах МТР опиралось преимущественно на индивидуальное членство, и лишь немногие союзы входили в него непосредственно. Число марксистов, входивших в МТР в течение всех четырех лет пребывания Генерального совета в Америке, вероятно, ни разу не превышало 15 тысяч. МТР имело свои филиалы в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Милуоки, Сент-Луисе и других промышленных центрах. Организация состояла в основном из лиц иностранного происхождения, иммигрантов; решающим элементом в ней были немецкие рабочие ¹⁵.

Интернационал принимал активное участие в развертывании экономической и политической борьбы рабочих. 1 октября 1871 года он возглавил в Нью-Йорке большую демонстрацию, требовавшую введения восьмичасового рабочего дня и проходившую, как сообщает Гомперс, под чартистским лозунгом «Если можно — мирными средствами, если нужно — насильственными». Впервые в истории нью-йоркского рабочего движения важную роль в этой демонстрации играла делегация негритянских рабочих ¹⁶. Члены Интернационала также организовали 13 января 1874 года историческую демонстрацию безработных на Томпкинс-сквере в Нью-Йорке. Демонстрация была грубо разогнана полицией. Аналогичная борьба против нищенского существования велась и в других городах. Безработные рабочие требовали пособий и организации общественных работ.

Гомперс пишет в своих мемуарах, что «в те семидесятые годы Интернационал, бесспорно, оказывал преобладающее влияние на рабочее движение Нью-Йорка» и что «Нью-Йорк был колыбелью американского рабочего движения»¹⁷.

Понятно, что в силу общей политической незрелости рабочих Интернационал в Соединенных Штатах испытывал на себе вредное воздействие идеологии, чуждой интересам рабочего класса. Одним из проявлений этой идеологии был буржуазный либерализм Виктории Вудхэлл и Теннесси Клафлина, который вызвал серьезный раскол в Интернационале в 1871 году и создал путаницу, сохранившуюся и в период пребывания Интернационала в Нью-Йорке. Но особенно много хлопот доставили Интернационалу лассальянцы, которые, пользуясь большим влиянием в среде немецких рабочих-иммигрантов, причинили большой вред своими фантастическими домыслами насчет «железного закона заработной платы» и мнимой бесполезности профсоюзного движения. Лассальянцам резко возражали марксисты, которые, подчеркивая необходимость профсоюзов для борьбы в промышленности, указывали также, что профсоюзы должны послужить массовой базой рабочей партии. Гомперс, который был в эту пору радикальным профсоюзным деятелем, стал на сторону марксистов.

В конечном счете, раздираемый внутренней борьбой, Интернационал объявил в июле 1876 года в Филадельфии о своем роспуске.

Роспуск сначала Национального рабочего союза, а затем и Международного товарищества рабочих был, казалось, серьезным ударом для американского рабочего движения. Но в то же время развивались новые течения, вполне отвечавшие общему курсу, взятому европейскими рабочими. Это, во-первых, дальнейшая организация и рост национальных профсоюзов, во-вторых, создание национальной марксистской организации в виде образованной в 1876 году социалистической рабочей партии и в-третьих, постепенное развитие организации «Рыцари труда», которая, будучи основана в 1869 году в Филадельфии, через несколько лет стала самой многочисленной в мире и самой боевой рабочей организацией.

Глава 11

РАБОЧИЕ И БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(1644—1876)

Как мы уже отмечали в первой главе, буржуазия проложила путь к власти, разбив в целом ряде революций и национальных войн предшествовавшую ей феодальную систему. В этой борьбе нарождавшийся класс капиталистов, выступая в роли поборника интересов всего народа против тиранической власти, обычно пользовался поддержкой рабочих и других трудящихся. В то же время трудящиеся пытались выдвигать и собственные, народные требования. Беглый обзор многих революционных битв, происходивших в период, охватываемый первой частью настоящей книги, то есть с зарождения капитализма и до конца Первого Интернационала в 1876 году, являет картину развивающегося классового самосознания, укрепления организации и программы молодого рабочего класса. Проследим, хотя бы в общих чертах, это развитие.

Английская, американская и французская революции

Протестантская реформация XVI века была тяжелым ударом, нанесенным буржуазией по сильнейшему из всех феодальных институтов — католической церкви. Однако первой успешной национальной буржуазной революцией явилось нидерландское восстание 1579 года, ознаменовавшее собой выход на сцену Голландии как главной морской державы. За этим последовала Великая английская революция, продолжавшаяся с 1640 по 1686 год и превратившая Англию в господствующую капиталистическую страну и владычицу морей¹. Эти первые революции проходили под религиозными лозунгами, и их экономическое и политическое содержание было завуалировано ввиду колоссальной роли, которую играла при феодализме католическая церковь.

Английская революция в основе своей была борьбой между растущими силами капитализма и умирающим феодализмом. На одной стороне находились абсолютная монархия, крупные феодалы, церковные сановники и богатые купцы-монополисты, на другой — нарождавшиеся промышленники с их «раздаточной» системой домашней

промышленности, мелкие купцы, мелкопоместные дворяне, которые с крахом феодализма стали фактически капиталистическими фермерами, обрабатывавшими свои владения наемным трудом или сдававшими их в аренду, и широкие массы трудящихся — ремесленники, наемные рабочие и арендаторы. Энгельс указывает, что «Английская революция XVII века является прямой предшественницей Французской революции 1789 года» и что «Кромвель — это Робеспьер и Наполеон в одном лице».² Революция, стоившая головы Карлу I, закончилась в 1688 году компромиссом, оставившим значительную власть развивавшейся буржуазии.

Пролетарский, народный элемент в этой борьбе представляли диггеры *, или левеллеры. Их выдающимся руководителем был Джон Лильберн, написавший несколько памфлетов об этом движении. Левеллеры выступили с утопической теорией нового эгалитарного общества. Главными их требованиями были республика, избирательное право для всех мужчин, писанная конституция, единая национальная законодательная палата и полная религиозная свобода. Они были особенно сильны в 1647—1650 годах, и их давление немало способствовало тому, что аристократические кавалеры и буржуазные круглоголовые в конце концов пришли в 1688 году к компромиссу. В целом движение левеллеров было подавлено силой, причем были произведены массовые аресты.

Главной целью американской буржуазной революции 1776—1783 годов было сломить экономическое и политическое господство консервативной Англии, укрепить национальный рынок и передать власть в руки растущей американской буржуазии. Эта революция была первой фазой буржуазного революционного движения, которое в течение последующих пятидесяти лет захлестнуло обе Америки — от Чили до Канады. Эта широкая общеамериканская революция, хотя и не сломила власти крупных национальных землевладельцев во многих странах, тем не менее смела с лица земли американские колонии Великобритании, Испании, Португалии и Франции

* «Диггеры» (буквально «копатели») или «левеллеры» (уравниватели в эпоху буржуазной революции в Англии в XVII веке захватывали и распахивали пустующие земли и требовали переустройства общества на началах полного равноправия, коллективизма и отмены частной собственности. (*Прим. ред.*)

и принесла независимость восставшим колониям на большей части территории Западного полушария³. В Соединенных Штатах революция расчистила путь для быстрого развития капиталистической системы. Ленин называл борьбу в американских колониях Англии одной из «великих, действительно освободительных, действительно революционных войн»⁴.

Ко времени революции 1776 года капитализм в американских колониях уже достиг значительного уровня развития, и ремесленники, наемные рабочие и бедные фермеры оказывали активную поддержку борьбе за национальную независимость и даже своим давлением в какой-то степени направляли ее. Их главными организациями были «Сыны свободы» и «Дочери свободы», с первых же шагов своей деятельности оказывавшие сильное давление на колеблющиеся слои буржуазии, которые, опасаясь, что революция слишком уклонится влево, были готовы продать ее врагу. Как мы уже говорили выше, первые рабочие организации того времени также стали в решительную оппозицию к англичанам. Характерно, что «мысль о том, чтобы сбросить чай в бостонскую гавань, впервые обсуждалась на митинге корабельных плотников и конопатчиков»⁵. И, разумеется, трудящиеся массы поставляли большинство солдат, выигравших эту тяжелую войну.

Как только война была выиграна, буржуазия по своему обыкновению постаралась сделать так, чтобы массы забыли о пламенных демократических принципах и обещаниях, которые она провозгласила в Декларации независимости 1776 года. В соответствии с этим на Конституционном конвенте 1787 года, на котором безраздельно господствовали купцы и плантаторы, новые правители выработали конституцию, не только оставившую в основном без изменения чудовищную систему рабского труда, но и предоставившую очень мало гражданских прав массам белых трудящихся. Однако рабочие и фермеры были начеку и оказали новой конституции такое сопротивление, что в 1791 году конгрессу пришлось добавить к ней десять демократических поправок — знаменитый Билль о правах. Рабочие и их союзники сумели вырвать у победоносной буржуазии Соединенных Штатов гораздо большие демократические уступки, чем это удалось за сто лет до этого английским трудящимся во время английской

революции. Однако сами массы не намеревались в то время выходить за рамки буржуазной демократии.

Французская революция 1789—1794 годов пошла в политическом отношении гораздо дальше английской и американской революций. Она не только отрубила головы Людовику XVI и Марии-Антуанетте, но отправила на гильотину многих аристократических паразитов, конфисковала и разделила их земельные владения, объявила вне закона католическую церковь, перешла в решительное наступление на религию и безжалостно смела все феодальные преграды, стоявшие на пути растущего капитализма.

Боевыми силами в этой ожесточенной революционной борьбе были рабочие, крестьяне и мелкие лавочники. Бастилия была взята рабочими Сент-Антуанского предместья. Они неуклонно стремились пойти в своей борьбе дальше, чем этого хотела буржуазия. Тем временем эта последняя, стараясь поддержать свою репутацию поборницы интересов всего народа, изощрялась в провозглашении демократических лозунгов и принципов. Декларация прав человека — один из самых широковещательных документов, какие были когда-либо написаны о буржуазной демократии. Однако после 9 термидора (27 июля 1794 года), когда правое крыло буржуазии свергло Робеспьера и его радикальных якобинцев, рабочие и крестьяне не получили от революции ничего, кроме лишений и нищеты. Мерилом их действительных прав был пресловутый закон Ле-Шаппелье от 1791 года, запретивший всякие объединения в целях повышения заработной платы или улучшения условий труда. Право голоса получила только горстка налогоплательщиков — 50 тысяч мужчин из двадцатичетырехмиллионного населения.

После падения Робеспьера, представлявшего крайнее левое крыло буржуазии, борьбу от имени рабочего класса повел Франсуа Нозль Бабёф, родившийся в 1760 году в крестьянской семье; через свою газету «Трибюн дю Пепль» он пропагандировал своего рода утопический коммунизм, призывал рабочих захватить политическую власть путем восстания. В числе его программных положений были: «1) лишение права голоса всех, не занятых полезным трудом; 2) вооружение народа и разоружение врагов революции; 3) цензура печати; 4) отмена права наследования; 5) конфискация имущества контрреволюционеров (и всех бездельников); 6) обязательное заня-

тие полезным трудом для всех трудоспособных граждан; 7) внедрение машин для облегчения труда человека; 8) устройство в каждой коммуне государственных складов; 9) создание советов экономического планирования; 10) введение равной для всех системы народного образования; 11) предоставление в конечном счете всем производителям права участвовать в законодательной деятельности; 12) аннулирование государственного долга, уничтожение денег и монополия внешней торговли»⁶.

10 мая 1796 года правительство арестовало Бабёфа и его руководящую группу, готовившуюся захватить власть. До этого, в 1795 году, они активно готовили восстание, которое едва не увенчалось успехом. После трехмесячного суда несколько руководителей движения было осуждено. 28 мая 1797 года Бабёф умер на гилотине. Этот мужественный борец решительнее боролся за пролетарское дело и лучше понимал его, чем кто-либо из его предшественников в революциях в Англии, Соединенных Штатах и Франции⁷.

Рабочие в европейской революции 1848 года

Революция 1848 года, в ходе которой капиталистический класс повел широкое наступление на быстро пришедший в упадок феодализм, потрясла Европу от края до края. Ее эпицентры находились главным образом во Франции и Германии, но она оказала также большое влияние на Англию, Ирландию, Испанию, Италию, Польшу, Россию и другие страны. Это был решающий удар, нанесенный в интересах утверждения капиталистического господства в Европе. Даже Латинская Америка и Соединенные Штаты явственно ощутили ее воздействие. Поскольку к началу этой революции капитализм был уже более развит, рабочий класс неизбежно играл в ней большую роль, чем в любой из предыдущих революций в Англии, Соединенных Штатах или Франции. Роль рабочих в революции 1848 года выразилась, в частности, в быстром росте профсоюзов во многих европейских странах.

Революция началась во Франции в феврале 1848 года. Предыдущая революция 1830 года оказалась неудачной. Маркс писал о ней: «При Луи-Филиппе господствовала не французская буржуазия, а лишь одна ее фракция: банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы

угольных копей, железных рудников и лесов, часть примыкающего к ним крупного землевладения — так называемая финансовая аристократия... Собственно промышленная буржуазия составляла часть официальной оппозиции...»⁸ «Мелкая буржуазия во всех ее разновидностях, а также крестьянство были совершенно устранены от участия в политической власти», — так же как и рабочий класс, хотя последний начал и провел эту революцию.

Революция 1848 года, вызванная неурожаями 1845 и 1846 годов, дороговизной, экономическим кризисом 1847 года и опустошительными оргиями правительства короля Луи-Филиппа, началась 25 февраля. Парижские рабочие воздвигли баррикады, старое правительство пало; и было создано новое, в которое вошли два представителя рабочего класса: Ледрю-Роллен и Флакон. Это временное правительство колебалось, не решаясь провозгласить республику, пока один из руководителей рабочих, Распайль, не отправился в ратушу и не приказал немедленно провозгласить республику, так как в противном случае он вернется через два часа во главе 200 тысяч человек. Это подействовало, и еще до истечения двухчасового срока родилась вторая французская республика⁹.

Новая власть была правлением всей буржуазии. Оказавшись у власти, капиталисты сразу же решили, что революция полностью сыграла свою роль и что «требования парижского пролетариата — это вздорные утопии, которым надо положить конец». «На это заявление Учредительного национального собрания, — указывает Маркс, — парижский пролетариат ответил июньским восстанием, этим грандиознейшим событием в истории европейских гражданских войн»¹⁰.

Огромное значение этого восстания заключалось в том, что пролетариат, решительно порвав с буржуазией, впервые предпринял вооруженную попытку захватить власть для себя самого. Стены Парижа запестрели лозунгами: «Долой буржуазию», «За диктатуру рабочего класса». Но эти героические усилия оказались тщетными. «Победительницей осталась буржуазная республика. На ее стороне стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, средние слои, мелкие буржуа, армия, организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат, интеллигенция, попы и сельское население. Парижский пролетариат выступал один, не имея союзников. Пос-

ле победы свыше трех тысяч повстанцев было убито, пятнадцать тысяч сослано без суда»¹¹. В декабре Национальное собрание избрало президентом Луи Бонапарта. Три года спустя он захватил диктаторскую власть и провозгласил себя императором Франции под именем Наполеона III.

Июньское восстание 1848 года было предвестником Парижской коммуны. Во время этой доблестной, но потерпевшей поражение революции, о которой мы говорили в главе 8, французские рабочие достигли вершины политической сознательности и инициативы, захватив власть для своего класса и перейдя от буржуазной революции 1870 года, которую они сами подняли, к диктатуре пролетариата, славной Парижской коммуне 1871 года¹².

Революция в Германии началась через неделю после первого выступления во Франции. В этот период Германия, в которой быстро развивалась промышленность, задышалась под гнетом землевладельческой аристократии, стоявшей на пути всякого капиталистического прогресса. Положение трудящихся масс крестьянства, ремесленников и наемных рабочих было ужасающим, а экономический кризис 1847 года еще ухудшил дело. Революция давно назрела, но тем не менее правящие классы были застигнуты ею врасплох.¹³

В течение нескольких дней трудящиеся массы свергли правительство в Бадене, Вюртемберге, Баварии, Ганновере, Брунсвике, Гессене, Нассау, Тюрингии и Саксонии. Берлин также перешел в руки народа, и насмерть перепуганный король был вынужден согласиться на народные требования о созыве национального собрания. В Вене победу тоже одержал народ; правительство Меттерниха бежало из города, и императору пришлось согласиться на созыв рейхстага. «Венгры, богемцы, южные славяне и итальянцы в Ломбардии и Венеции одновременно требовали автономии и дарования конституций их провинциям. Дунайская монархия, казалось, вот-вот распадется на ряд самостоятельных государств»¹⁴. В Италии, как мы уже видели в главе 6, рабочие играли очень важную роль в неудавшейся революции 1848 года.

Маркс и Энгельс, руководители Союза коммунистов, только за несколько недель перед тем выпустившего знаменитый «Коммунистический манифест», переехали из Бельгии в Германию, чтобы помочь руководству револю-

цией. Они обосновались в Кельне, в самой развитой в промышленном отношении части страны, и издавали там «Новую рейнскую газету». Они поддерживали либерально-буржуазную программу: свобода мысли и ассоциаций, всеобщее и равное избирательное право для мужчин, народная милиция, прогрессивный подоходный налог, суд присяжных, народное образование, рабочие реформы и парламентарное правление — все в рамках единой Германской республики. В то же время эти коммунистические вожди вели большую работу по организационному и идеологическому укреплению рабочего класса как решающего фактора в революции, подчеркивая классовые требования рабочих о праве на организацию, сокращении рабочего дня и т. д. и не упуская также из виду перспективы социализма. Энгельс говорит, что он и Маркс рассматривали создавшееся положение как отправной пункт длительного революционного движения, в ходе которого пролетариат постепенно завоюет в ряде боев одну позицию за другой ¹⁵.

Однако немецкие и австрийские буржуа не собирались даже довести революцию — что они могли бы сделать — до стадии осуществления их собственных демократических требований. Как это неоднократно бывало и раньше в других революционных ситуациях, буржуазия питала смертельный страх перед пробуждавшимся революционным духом рабочего класса и поспешила фактически капитулировать перед помещичьей реакцией. Она не боролась ни за республику, ни за воссоединенную Германию, однако заручилась достаточными уступками, создавшими условия для дальнейшей индустриализации Германии и Австрии. В обеих странах преданные буржуазией трудящиеся дали несколько арьергардных боев, но немецкий пролетариат, даже несмотря на замечательное руководство Маркса и Энгельса, был слишком малочисленным и незрелым политически, чтобы самому довести буржуазную революцию до успешного завершения и перейти к построению социализма. К середине июля 1849 года революция потерпела поражение, и правительство принялось громить профсоюзы, кооперативы и первичные политические организации, которые рабочим удалось создать в ходе борьбы. Много рабочих было брошено в тюрьмы, тысячи бежали в Соединенные Штаты и другие страны.

Профсоюзы и вторая американская революция

Гражданская война 1861—1865 годов в Америке была буржуазно-демократической революцией. Перед американским народом стояли следующие центральные задачи: сломить политическую власть южных рабовладельцев, уничтожить их плантационную систему и ликвидировать рабство негров. Крайне нуждаясь в проведении всех этих мер, северная буржуазия тем не менее проявляла нерешительность перед лицом революционных задач. Правительство Линкольна отражало все эти колебания. Если революция была в конце концов доведена до победы — пусть ограниченной, — то это явилось всецело результатом растущего давления слева¹⁶.

Великая народная коалиция, выигравшая гражданскую войну под официальным руководством северной буржуазии, опиралась на несколько классов и групп: а) более радикальные слои промышленной буржуазии и мелких буржуа; б) негритянский народ, самый дальновидный и решительный из всех, который вел национально-освободительную войну¹⁷; в) мелкие фермеры, особенно на западе, боровшиеся за землю; г) рабочий класс, который сражался против угрозы рабства вообще, в защиту своего жизненного уровня и за землю. Таковы были демократические силы, которые хотя никогда не контролировали полностью правительство Соединенных Штатов, тем не менее являлись движущей силой революции.

Характерно, что северную буржуазию, которая боялась сил слева не меньше, чем стоявшего перед ней врага, приходилось буквально силой заставлять принимать меры, необходимые для того, чтобы выиграть войну: активное ведение военных действий, удаление из правительства предательских элементов, подавление мятежных сил Копперхеда на севере, освобождение рабов, вооружение негров и многое другое, без чего войну нельзя было бы выиграть. Не менее характерно и то, что, достигнув своей основной цели — военного разгрома южных рабовладельцев, буржуазия тут же предала своих демократических союзников, удвоив эксплуатацию рабочих, захватив землю, за которую боролись фермеры, и, главное, войдя в сговор с плантаторами с целью держать «освобожденный» негритянский народ фактически на положении рабов¹⁸.

Рабочий класс играл в революции важную, но не главную роль. Маркс и Энгельс вели в международном масштабе блестящую борьбу против рабства. Статьи Маркса в нью-йоркской газете «Трибюн», несомненно, помогали внести ясность в позицию и политику Америки в этой сложной борьбе¹⁹. С другой стороны, аболиционистская деятельность английских рабочих, их колоссальные митинги и агитация были тем решающим фактором, который удержал английское правительство от вступления в войну на стороне Южной конфедерации, что привело бы к катастрофическим последствиям. Написанные Карлом Марксом письма Первого Интернационала к народу Соединенных Штатов о гражданской войне принадлежат к классическим образцам политических документов пролетариата²⁰.

Американские рабочие, среди которых немалым влиянием пользовались первые марксисты, внесли решающий вклад в победоносный исход революционной войны. Вместе с трудящимися фермерами они составляли подавляющую массу солдат Северной армии, и их политическое влияние постепенно приобретало все более радикальный, левый характер.

В отличие от французских рабочих в 1848 и 1871 годах американский рабочий класс был слишком неразвит политически, чтобы претендовать на революционное руководство великой борьбой. Кроме того, объективные условия для такого рода революционных выступлений еще не созрели. Пролетариат не имел своей политической партии, поддерживал в массе республиканскую партию и обладал лишь зачатками профсоюзного движения. У него не было определенной программы, и он не выдвигал революционных требований рабочего класса. Все главные требования, за которые боролись рабочие: разгром рабовладельцев, сохранение союза, освобождение рабов, закон о гомстедах, восьмичасовой рабочий день и т. п., не выходили за общие рамки буржуазно-демократической революции. Социализм, уничтожение капитализма еще не стали боевыми лозунгами; они оставались целиком темой агитации марксистских групп и предметом туманных революционных чаяний, находивших свое отражение в уставах профсоюзов и в рабочей печати того времени.

Глава 12

МИРОВОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ДО 1876 ГОДА

Две основные причины позволяют считать 1876 год важной вехой в жизни рабочего движения и подвести итог прогрессу, достигнутому им до этого времени. Во-первых, в этом году с роспуском Первого Интернационала закончилась первая попытка рабочих создать международную организацию. Вторая причина состоит в том, что примерно в этот период заканчивается стадия свободной конкуренции в истории капитализма и появляются первые признаки другой стадии — стадии монополистического капитализма или империализма. Добб считает «водоразделом» между двумя стадиями капиталистического развития затяжной мировой экономической кризис, начавшийся в 1873 году¹.

Рост мирового капитализма

В течение периода, о котором говорилось в предыдущих главах, капиталистическая система, зародившаяся в Западной Европе, быстро распространяется и становится фактически мировой системой. Почти во всех европейских странах и в Соединенных Штатах сильно растет капиталистическая промышленность, и ее предприимчивые торговые агенты проникают во все большее число «отсталых» стран. Глубокие изменения претерпевает промышленная техника. Примитивные методы производства и обмена, присущие цеховому строю, меркантилизму, «раздаточной» системе и «мануфактурному» периоду, в значительной мере уступают место развивающейся технике современной промышленности. Начавшаяся в середине XVIII века промышленная революция быстро распространяется из страны в страну, несмотря на все усилия английской буржуазии монополизировать новые машины.

Развитие новых капиталистических методов оказывало революционизирующее влияние не только в промышленности, но и в области политики. Развивающаяся буржуазия приходит в столкновение с устаревшим феодальным строем и в целом ряде революций, начиная с XVI века, ломает торговые и землевладельческие монополии феодализма, его цеховой строй и приручает или уничтожает монархов и земельную аристократию. Взамен политически раздробленных феодальных государств капитализм

создает современные капиталистические государства. К 1876 году мировой капитализм наносит смертельный удар мировому феодализму, и отныне борьба, которую последний ведет в «отсталых» странах, представляет собой лишь арьергардные бои.

Однако не во всех странах капитализм развивался равномерно. Напротив, темпы развития различных стран весьма разнятся между собой. Англия, как отмечалось выше, благодаря опережающему развитию своей модернизированной промышленности, вначале фактически захватила мировой рынок. Однако к семидесятым годам XIX века ей уже угрожает соперничество Соединенных Штатов и возможность появления опасного конкурента — Германии. Это скачкообразное развитие, которое Ленин охарактеризовал впоследствии как закон неравномерного развития капитализма, стало играть в конечном счете решающую роль в капиталистическом мире, приводя к быстрому изменению соотношения сил между капиталистическими государствами, урегулировать которые можно было только при помощи больших войн.

Как показывает опыт всех стран, развитие капитализма шло не по непрерывно восходящей линии, а характеризовалось рядом подъемов и спадов. Тот факт, что производительные силы капитализма систематически опережают в своем развитии емкость капиталистического рынка, как указывали еще в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс, приводил к периодическому затовариванию рынка и экономическим кризисам. Только после того как эти кризисы сильно сокращали производительные силы, возобновлялось движение вперед. На самом сильном участке мирового капитализма, в Соединенных Штатах, такие циклические кризисы имели место в 1790, 1793, 1798, 1802, 1808, 1813, 1820, 1828, 1834, 1837, 1840, 1843, 1848, 1857, 1861, 1865 и 1873 годах². Эти кризисы вскрывали коренной порок капиталистической системы, который в конечном счете должен был стать для нее роковым.

На первых порах капиталистическое производство велось на крошечных предприятиях с небольшим числом рабочих и примитивными орудиями. Но с изобретением дорогих машин и усовершенствованием производственных процессов размеры мастерских и число занятых в них рабочих начинают неуклонно возрастать. Вследствие это-

го индивидуальный капиталист мало-помалу уступает место акционерной компании, которой было легче накапливать капитал и конкурировать с соперничающими фирмами. По словам Добба, уже к 1703 году около 10 процентов всего ликвидного капитала в Англии находилось в руках акционерных компаний³. Промышленная революция дала огромный толчок развитию объединений этого типа во всех капиталистических странах, так что к 1876 году процесс монополизации в Великобритании, Соединенных Штатах, Германии и Бельгии зашел уже довольно далеко. Подробнее на этой концентрации капитала мы остановимся в последующих главах.

Развитие рабочего класса

С ростом капитализма происходит не только превращение цеховых рабочих, бывших при феодализме квалифицированными ремесленниками, в наемных рабочих, но коренным образом меняются и самые методы труда. Существующие профессии дробятся и перестраиваются, появляются совершенно новые специальности. Маркс приводит в качестве примера производство иголок. В то время, как в Нюрнберге (Германия) квалифицированный цеховой ремесленник сам выполнял все 20 операций, требующихся для того, чтобы изготовить иголки, в Англии при мануфактурной системе эти операции выполняли 20 (и даже до 92) отдельных рабочих⁴, а в конечном счете все или большинство операций производились машинами.

В реорганизованной молодой промышленности на месте старых квалификаций появляются новые. В числе созданных таким образом в разных отраслях промышленности категорий квалифицированных ремесленников мы встречаем в третьей четверти XIX века ткачей, работающих на механических станках, наладчиков, пудлинговщиков, механиков, кузнецов, котельщиков, литейщиков, формовщиков, водителей локомотивов, стрелочников, телеграфистов, диспетчеров, углекопов, наборщиков, печатников, бетонщиков и т. д. Между этими новыми квалифицированными рабочими и квалифицированными ремесленниками цехов имелось то основное экономическое различие, что в то время как цеховой рабочий почти без всякого разделения труда изготовлял отдельные продукты с начала и до конца, современные рабочие были лишь винтиками в общем производственном аппарате, причем

каждый рабочий выполнял только небольшую часть всего процесса производства данного товара.

При феодальном цеховом строе, просуществовавшем тысячу лет и распространившемся на всю Европу, практически вся рабочая сила (кроме некоторого числа неквалифицированных чернорабочих) состояла из квалифицированных рабочих или учеников, готовившихся стать опытными ремесленниками. В 1700 году в Англии ремесленники и их семьи составляли всего 240 тысяч человек из 5 674 тысяч жителей, или 4,2 процента ⁵. Однако развитие капиталистического производства быстро и коренным образом изменило все положение. Отныне квалифицированные рабочие составляли меньшинство рабочей силы, и в промышленность с ее широким разделением труда и дроблением и механизацией прежде единых профессий влились массы полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих. Уже в это время Маркс мог сказать, что «неквалифицированный труд составляет основную массу всего труда, затрачиваемого в капиталистическом обществе» ⁶.

Значительную часть неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих, созданных капитализмом, составляли женщины и дети. Энгельс пишет, что «из 419 560 фабричных рабочих (1839 год) 192 887 человек, то есть почти половина, были моложе 18 лет; 242 296 — были женского пола, из них 112 192 моложе 18 лет». Энгельс добавляет, что в текстильной промышленности, которая в Англии, как и во всех рано вступивших на путь капиталистического развития странах, была крупнейшей и важнейшей отраслью промышленности, женщины составляли 56¹/₄ процента рабочих на хлопчатобумажных фабриках, 69¹/₂ процентов на фабриках шерстяных изделий и 70¹/₂ процентов на шелковых и льнопрядильных предприятиях ⁷. Аналогичное положение в этот период отмечалось в текстильной промышленности Соединенных Штатов, Германии, Франции, Бельгии и Италии.

В Англии и в других странах развитие капитализма вызвало колоссальный рост числа рабочих. Возникали крупные промышленные города, население которых быстро росло. С появлением новых фабрик в старых торговых центрах число жителей увеличивалось в два-три раза. Между 1685 и 1760 годом население Ливерпуля возросло в десять раз, Манчестера — в пять раз, Шеффилда —

в семь раз и т. д.⁸. В 1841 году численность английского рабочего класса, «включая нищих и бродяг», достигла 9 миллионов человек при четырнадцатимиллионном населении⁹.

Энгельс замечает по этому поводу: «Так возникли большие фабричные и торговые города Великобритании, в которых, по меньшей мере, три четверти населения принадлежит к рабочему классу, а мелкая буржуазия состоит только из лавочников и очень, очень немногочисленных ремесленников»¹⁰. Вслед за Великобританией аналогичный быстрый рост рабочего класса происходил и во всех других капиталистических странах. С ростом капиталистического сельского хозяйства множилось также число наемных сельскохозяйственных рабочих.

В Соединенных Штатах в 1820 году число лиц, занятых не в сельском хозяйстве, составляло 812 042 против 2 068 958 человек, работавших на фермах; но в 1880 году соотношение уже изменилось: большинство — 8 807 289 человек было занято несельскохозяйственной работой и меньшинство — 8 584 810 человек работало в сельском хозяйстве. С тех пор эта тенденция сохраняется. В 1850 году в обрабатывающей и строительной промышленности было занято 1 260 тысяч человек, но к 1880 году эта цифра поднялась до 4 600 тысяч. В 1840 году насчитывалось 15 тысяч шахтеров, а в 1880 году уже около 320 тысяч. Аналогичное явление имело место и в других отраслях промышленности. За период 1850—1880 годов население Соединенных Штатов выросло немногим более чем в два раза, тогда как число лиц, занятых не в сельском хозяйстве, увеличилось в одиннадцать раз¹¹.

Самым важным было то, что (как мы уже отмечали мимоходом) внедрение капиталистической системы повсюду вызвало катастрофическое ухудшение положения рабочих. Где бы ни возникал капитализм, он неизменно проявлял себя как средство перекачивания богатств, производимых рабочими, из рук этих трудящихся в карманы капиталистических владельцев средств общественного производства, промышленных предприятий, земли, банков, средств транспорта и связи. Никогда еще рабочий класс не страдал так от продолжительного рабочего дня, ужасающих жилищных условий, низкой оплаты труда женщин, губительного детского труда и тирании хозяев.

Буржуазия, с другой стороны, прославляла свою систему, приносившую ей неисчислимые миллионы, как вершину человеческого благоденствия и свободы. В своем историческом труде о положении рабочего класса в Англии в сороковых годах XIX века Энгельс пишет о капитализме и его мнимых свободах и возможностях следующее: «Пролетарий беспомощен; предоставленный самому себе, он не может просуществовать и одного дня. Буржуазия захватила в свои руки монополию на все средства жизни в самом широком смысле этого слова. Все, что требуется пролетарию, он может получить только от этой буржуазии, монополия которой охраняется государственной властью. Таким образом, пролетарий является юридически и фактически рабом буржуазии; она имеет власть над его жизнью и смертью... Хороша свобода, которая не оставляет пролетарию иного выбора, как только подписать условия, предлагаемые ему буржуазией, или же умереть от голода и холода, голым и босым искать приюта у лесных зверей»¹².

Создание основ профсоюзного движения

Рабочие различных капиталистических стран скоро почувствовали, что для того, чтобы выжить в условиях этой новой варварской капиталистической эксплуатации, им нужно объявить борьбу предпринимателям. Поначалу эта борьба носила оборонительный характер и велась главным образом через общества взаимопомощи и кооперативы, но вскоре рабочие перешли в наступление, вылившееся в разрушение машин, проведение забастовок, создание профсоюзов, политические выступления и восстания. Помимо этого, рабочие начали подумывать о том, как уничтожить капиталистический строй и заменить эту систему убийственной эксплуатации обществом, достойным человеческих существ.

К 1876 году профсоюзное движение, следуя за развивавшимся капитализмом, распространилось на все страны Западной Европы, на Соединенные Штаты и до некоторой степени на британские доминионы. Тем не менее число членов профсоюзов во всем мире вряд ли было больше 2 миллионов, что являлось лишь крохотной частицей всего рабочего класса в целом и составляет не более 2 процентов числа членов профсоюзов в наши дни.

Уэббы заявляют, что в 1874 году Британский конгресс тред-юнионов представлял 1 100 тысяч членов профсоюзов, но два года спустя, по официальным данным, в конгрессе числилось фактически всего 557 тысяч членов¹³. В Соединенных Штатах, как мы видели, Гомперс исчислял общее количество членов союзов в 1873 году примерно в 300 тысяч человек. В Германии в 1877 году, по данным Цвинга, 30 социал-демократических союзов имели в общей сложности лишь около 50 тысяч членов¹⁴, а немецкие независимые союзы охватывали всего несколько тысяч человек. Вполне вероятно также, что действительные профсоюзы Франции, Бельгии, Италии, Австрии, Испании, Голландии и других стран не могли бы насчитать в общей сложности более 500 тысяч членов.

Крупнейшим достижением рабочего движения в этот организационный период была разработка Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» и целом ряде классических произведений, последовавших за этим бессмертным документом, принципов научного социализма. Марксизм впервые в истории дал рабочим ясное понимание природы общества, в котором они живут, с его зверской эксплуатацией, опустошительными периодическими экономическими кризисами, деспотическим государством и резкой противоположностью между богатством и нищетой. Он дал рабочим ясную перспективу того, как развешивать борьбу за частичные требования, как уничтожить капитализм и построить новый общественный строй — социализм. Одна из наиболее ценных сторон марксизма, как мы видели в главе 7, состоит в том, что он первый раскрыл роль и возможности тред-юнионизма. Как отмечалось выше, марксизму пришлось вести борьбу с различными сектами и уклонами, но к 1876 году, то есть к моменту роспуска Первого Интернационала, он уже определенно вышел победителем и утвердился в качестве господствующего мировоззрения рабочего движения вообще.

В течение десятилетий организационной работы до 1876 года профсоюзное движение решило также много трудных организационных проблем. Первоначальная тенденция полагаться на стихийные забастовки и другие формы борьбы сменилась пониманием необходимости создать прочные, постоянные и систематически финансируемые боевые организации — профсоюзы. Рабочие поняли так-

же, что всем союзам данной местности нужно создать свой центральный совет и, кроме того, объединиться в масштабе всей страны. Городские и национальные советы создавались еще во времена оуэнистского движения двадцатых годов, но прочные центральные рабочие советы и национальные союзы появились в Англии лишь в пятидесятых и шестидесятых годах XIX века. В Соединенных Штатах возникновение первых центральных рабочих союзов относится к тридцатым годам, а первых общенациональных союзов — к пятидесятым.

В Англии первой всеобщей национальной организацией труда была Национальная ассоциация защиты труда, созданная в 1830 году, и Великий национальный объединенный союз профессий (1833 год). Но оба они просуществовали недолго. Образование нынешнего Британского конгресса тред-юнионов относится к 1868 году. В Соединенных Штатах после нескольких неудачных попыток, включая образование Национального союза профессий в 1835 году и Международного индустриального собрания в 1864 году, была создана первая настоящая федерация — Национальный рабочий союз, просуществовавший с 1866 по 1872 год. В Германии первая Всеобщая федерация рабочих союзов появилась в 1863 году. Однако к 1876 году еще не было организовано ни одной международной профсоюзной федерации; свой первый опыт международной солидарности профсоюзы приобрели в Первом Интернационале, который, будучи политической организацией, охватывал все отряды рабочего движения: партии, профсоюзы, кооперативы и общества взаимопомощи.

К середине XIX века профсоюзное движение накопило также большой опыт в области стратегии и тактики классовой борьбы. Оно провело бесчисленное множество местных стачек и сделало несколько попыток объявить общенациональные забастовки: в 1842 году в Англии, в 1868 году в Италии и в 1873 году в Испании. В американском рабочем движении первая местная всеобщая забастовка состоялась в Филадельфии в 1835 году, и в том же году Национальный союз профессий предложил организовать общенациональную забастовку, но не осуществил своего намерения¹⁵. К пятидесятым годам профсоюзы Англии и Соединенных Штатов уже заключали с предпринимателями коллективные договоры в отличие от пре-

жней системы, когда союзы лишь объявляли о предлагаемой шкале заработной платы, а затем пытались заставить предпринимателей придерживаться этой шкалы.

Первыми членами профсоюзов в Великобритании и других капиталистических странах были квалифицированные рабочие. В 1876 году они повсюду контролировали рабочее движение и использовали силу союзов, чтобы улучшить условия только в своей профессии, не заботясь об интересах пролетариата в целом. В Англии уже существовала совершенно определенная прослойка рабочей аристократии, которая охлаждала революционный пыл рабочего класса. Такое же положение наблюдалось в Соединенных Штатах, Германии, Франции и Бельгии. Однако широкое развитие текстильной, угольной и металлургической промышленности вынудило начать организацию различных категорий полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, в том числе женщин.

Уэббы сообщают, что хотя первый постоянный женский союз был создан в Англии лишь в 1872 году, подобного рода попытки делались гораздо раньше¹⁶. Такая тенденция существовала и в Германии. В Соединенных Штатах первая забастовка работниц вспыхнула в 1828 году в текстильной промышленности, но примерно до 1880 года сколько-нибудь долговечных организаций почти не было. Большое внимание уделял женщинам-работницам Национальный рабочий союз. Первым американским союзом, принимавшим женщин на равных правах с мужчинами, был Союз типографских рабочих, образованный в 1864 году¹⁷.

Подобно тому, как Великобритания была в этот период самой передовой промышленной страной, так и английские рабочие союзы представляли собой ведущий отряд молодого международного профсоюзного движения. Изучать опыт английских тред-юнионов приезжали рабочие делегации Франции, Бельгии, Германии и других стран. Показательно также, что Маркс и Энгельс избрали главной ареной своей деятельности Великобританию и провели там наибольшую работу. Европейские либералы, вроде Макса Гирша в Германии, также изучали английские союзы, надеясь, что это научит их, как установить контроль над растущим рабочим движением своих стран.

Политические действия и организации

Высшей формой организации рабочего класса являются политические рабочие партии (в особенности партии коммунистические). Эти партии, поднимаясь над узкими цеховыми соображениями, создают свои организации на классовых началах (в том случае, если они свободны от буржуазных влияний) и сообща ведут борьбу вокруг проблем, затрагивающих весь рабочий класс в целом. Они также направляют свои удары против буржуазного государства, этого главного оплота и защитника класса капиталистов и важнейшего средства выражения его основных классовых интересов. Поэтому не удивительно, что в Западной Европе и в Соединенных Штатах политические действия и политические партии возникли уже после того, как рабочие приобрели значительный опыт в области профсоюзной деятельности и организации.

Прежде чем стать действительно боевыми организациями, первые профсоюзы пережили своего рода функциональную революцию. Одной из главных ее черт было выделение в самостоятельное движение кооперативов, которыми сначала занимались главным образом сами профсоюзы. Однако эта наука давалась не легко, и много десятилетий спустя американские профсоюзы, например «Рыцари труда», еще считали организацию кооперативов своей центральной задачей. Гораздо более медленным процессом было перекладывание на государство функций взаимопомощи (пособия по болезни, смерти и безработице), унаследованных союзами от цехов и «дружеских» обществ, а также требование, чтобы государство ввело систему социального страхования. Многие консервативные союзы по сей день уделяют чрезмерно много внимания взаимопомощи и даже считают ее необходимой для сохранения профсоюзов.

В ту раннюю эпоху рабочие политические партии возникали зачастую из профсоюзов, первичных, примитивных боевых организаций пролетариата. В периоды особенно сильного подъема рабочего движения рабочие создавали недолговечные политические партии, как, например, местные рабочие партии в тридцатых годах и Национальная рабочая партия конца шестидесятых годов в Соединенных Штатах, Национальная чартистская ассоциация в 1840 году в Великобритании, но, как правило, они ста-

рались вести свою политическую деятельность через профсоюзы — оказывать давление на депутатов или проводить кампании за принятие тех или иных законов или определенных кандидатов. Одной из основных сторон деятельности Маркса и Энгельса в Первом Интернационале и вне его было непрестанное подчеркивание ими того факта, что рабочим нужна своя политическая партия. Высшим достижением рабочих в этой области в течение указанного периода было образование в 1864 году Первого Интернационала, который представлял собой международную политическую организацию.

Процесс возникновения политической партии рабочих в разных странах осложнялся тем, что для этого нужно было порвать с буржуазными партиями, особенно с партиями либерального толка, которые всюду добивались поддержки рабочих против партий, создаваемых феодалами и крупными капиталистами. А для этого рабочие должны были стоять на более высокой ступени классового самосознания. Вследствие этого в то время, несмотря на то что рабочие уже накопили в профсоюзах к 1876 году немалый политический опыт, существовала лишь одна подлинно национальная рабочая партия — социал-демократическая партия Германии, символизировавшая собой ту ведущую роль, которую немецкому рабочему движению суждено было сыграть в международном масштабе в наступавший период.

Борьба, которую рабочие вели на протяжении всех десятилетий, предшествовавших 1876 году, не осталась бесплодной. Они не только заложили с помощью Маркса и Энгельса основы революционной программы освобождения международного рабочего класса от капитализма и создали крупные рабочие организации, но и сумели вдобавок заметно улучшить свое материальное положение. В Западной Европе отмечалось некоторое улучшение реальной заработной платы трудящихся, особенно квалифицированных рабочих. В этом сыграло определенную роль падение цен на продукты питания, но нельзя игнорировать и влияние профсоюзной деятельности. Коул утверждает, что между 1815 и 1860 годами реальная заработная плата в Англии, самой передовой капиталистической стране, поднялась для наборщиков на 50 процентов, для прядильщиков на 35 процентов, сельскохозяйственных рабочих на 36 процентов и шахтеров на 44 процента¹⁸.

Но эти циффы представляются в высшей степени приближительными.

Более очевидным достижением было сокращение прежнего четырнадцати—шестнадцатичасового рабочего дня, развертывание успешной борьбы за десятичасовой рабочий день и постановка в международном плане вопроса о сокращении рабочего дня до восьми часов. Следует отметить также, что в своды законов Англии и других стран было вписано довольно много фабричных законов и было достигнуто некоторое ослабление эксплуатации детского и женского труда. В Великобритании, Соединенных Штатах и Франции рабочие добились легализации их права организовываться в профсоюзы, что, впрочем, не помешало предпринимателям прибегать к самым жестоким мерам для того, чтобы разрушить профсоюзы или помешать их возникновению. В Соединенных Штатах, Франции и отчасти в Великобритании рабочие-мужчины завоевали право голоса. Во всех других капиталистических странах это также было одним из основных требований их программы. Таково вкратце было положение в мировом профсоюзном движении к моменту роспуска Первого Интернационала в 1876 году.

Часть II

ПРОФСОЮЗЫ И МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

(1876—1914)

ПЕРИОД СОЗРЕВАНИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА

Глава 13

ИМПЕРИАЛИЗМ И ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Четыре десятилетия, охватываемые второй частью настоящей книги: с роспуска Первого Интернационала и до первой мировой войны, ознаменовались подъемом, развитием и началом заката мирового империализма. К 1876 году ведущие капиталистические страны мира начали выходить из первой затяжной конкурентной стадии капитализма и вступать в стадию монополий или империализма. Наступление империализма возвестило завершение прогрессивной стадии в развитии капитализма и начало приближения его к реакции в ее наихудших формах. Развитие империализма вызвало также сильное обострение классовой борьбы, завершившееся в конце этого периода первым прорывом цепи, совершенным социализмом. Так началась эра великих мировых войн и пролетарских революций.

Развитие мирового империализма

Ленин называет империализм «монополистической стадией капитализма», «эпохой финансового капитала», «последней стадией капитализма» и «умирающим капита-

лизмом». К его основным характерным признакам он относит: а) концентрацию производства и капитала, дошедшего до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; б) слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого финансового капитала финансовой олигархии; в) вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особое значение; г) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мировые рынки и ресурсы, и д) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами¹.

Уже в конце семидесятых годов концентрация капитала в укрупнявшихся монополистических концернах была заметным явлением во всех ведущих капиталистических странах. Дженкс и Кларк следующим образом иллюстрируют эту общую тенденцию в Соединенных Штатах: «С 1860 по 1910 год обрабатывающие предприятия в среднем увеличили свой капитал более чем в 30 раз, число наемных рабочих почти в 7 раз и стоимость своей продукции более чем в 19 раз»². Фирма «Стандард ойл компани», основанная в 1865 году, к 1877 году контролировала 95 процентов добычи нефти. Ее примеру последовали многие другие концерны. Ленин считает, что к 1900 году империализм достиг полного развития. В это время Муди насчитывает в Соединенных Штатах 445 «действующих трестов» в области промышленности, коммунальных услуг и транспорта с общим капиталом в 20 379 162 551 доллар. К началу первой мировой войны эта тенденция колоссально усилилась, и вся американская промышленность оказалась во власти монополистического капитала. «С 1909 по 1929 год богатство всех небанковских корпораций увеличилось согласно исчислениям примерно на 108 процентов»³.

Бок о бок с промышленностью росли и крепили американские банки, и банкиры стали господствующей силой в промышленных корпорациях. Основанная в 1863 году компания Моргана к 1904 году имела примерно на 2 миллиарда активов (данные Муди), а к 1912 году эта цифра превысила 10 миллиардов долларов (данные Рочестера). Огромными богатствами располагали и многие другие ведущие концерны.

Аналогичные события в более или менее заметной

форме имели место и во всех других капиталистических странах. На протяжении всех этих десятилетий происходил рост крупных промышленных и банковских концернов с общей тенденцией к слиянию банковского и промышленного капитала в финансовый. Более того, эти экономические объединения и тресты распространились, как указывает Ленин, на весь мир. Итон заявляет, что «в 1897 году существовало 40 международных картелей, к 1910 году количество их возросло до 100 и к 1931 году до 320»⁴.

Другой основной особенностью империализма, отмеченной Лениным, является вывоз капитала. Почин в этой области принадлежал старейшей капиталистической стране — Великобритании, где было накоплено больше всего капитала. Видя, что внутренняя сфера приложения накопленного капитала все более суживается, особенно после глубокого экономического кризиса 1873 года, английские капиталисты в погоне за прибылями стали все шире прибегать к иностранным вложениям. В 1880 году вложения Великобритании за границей составляли в переводе на доллары 5 миллиардов, к 1905 году — 10 миллиардов, а к 1913 году ее иностранные капиталовложения достигли почти 20 миллиардов долларов⁵. В это время, добавляет Итон, «текущие вложения капитала за границей, вероятно, превышали общую сумму капиталовложений внутри страны». Франция в это время, говорит Итон, имела свыше 1,2 миллиарда долларов иностранных капиталовложений, Германия — около 1,7 миллиарда и США — 400 миллионов долларов — цифра, сильно возросшая в течение нескольких последующих лет.

Одним из важнейших проявлений развивавшегося империализма был массовый захват капиталистическими державами слабых стран. Эти новые колонии служили бесценными рынками и источниками сырья. Разграбление земель происходило в основном в последнюю четверть XIX века. С 1884 по 1900 год Англия, по данным Гобсона⁶, захватила 3,7 миллиона квадратных миль территории в Африке, Азии и Полинезии с населением в 57 миллионов человек; Франция приобрела 3,6 миллиона квадратных миль с 36 миллионами населения; Германия — 1 миллион квадратных миль и 16,7 миллиона населения; Бельгия — 900 тысяч квадратных миль и 30 миллионов населения и Португалия — 800 тысяч квадратных миль и 9 миллионов населения. Россия также расширя-

лась, покорив Бухару и Хиву и захватив значительную часть Маньчжурии. Япония, только появлявшаяся на сцене в качестве капиталистической державы, захватила в войнах с Китаем (1895 год) и Россией (1904 год) Корею. Соединенные Штаты, чтобы не отстать от своих империалистических соперников, захватили Филиппины, Кубу и Пуэрто-Рико в испано-американской войне 1898 года и к началу первой мировой войны при помощи своей политики ультраимпериалистической агрессии установили господство над всем Караибским районом Латинской Америки.

Эти все обострившиеся столкновения между соперничающими империалистическими державами, наперебой старавшимися оттянуть друг у друга и других народов земли, природные богатства и рынки, привели к грандиозной империалистической войне 1914—1918 годов. Впрочем, на этой циничной массовой бойне мы остановимся ниже.

Основание Второго Интернационала

Быстрая экспансия капитализма в конце семидесятых и восьмидесятых годах и усиление основной капиталистической тенденции к концентрации промышленности и капитала заложили основу быстрого роста всех отрядов рабочего движения — профсоюзов, кооперативов и политических партий. Этот рост наталкивался на сильное сопротивление, так как с развитием монополизации промышленности крупные капиталисты все больше и больше стремились задержать развитие рабочего движения и особенно создание профсоюзов в основных отраслях промышленности.

Последние десятилетия XIX века были периодом в общем быстрого развития классового сознания рабочих. Высшим выражением этого широкого политического пробуждения явилось возникновение социал-демократических политических партий, появившихся почти во всех крупных капиталистических странах. Рост этих партий и одновременное расширение профсоюзов, происходившее в атмосфере усиления забастовочного движения, борьбы рабочих за избирательное право и большого увеличения числа голосов, собираемых социалистами, сильно укрепили дух международной солидарности среди рабочих. В связи с этим возросла потребность в создании нового Интерна-

ционала взамен прежнего Международного товарищества рабочих, то есть Первого Интернационала, распущенного в 1876 году. С этой целью было проведено несколько международных конгрессов и конференций: в Генте в 1877 году, Куре (Швейцария) в 1881 году, в Париже в 1883 и 1886 годах и в Лондоне в 1888 году. Однако свое окончательное выражение это неуклонно растущее стремление к образованию нового Интернационала нашло только 14 июля 1889 года в Париже. Созданная там организация вначале не получила официального названия, но вскоре приобрела всеобщую известность под именем Второго Интернационала.

Парижский конгресс всколыхнул рабочих всего мира. Они справедливо увидели в нем колоссальный шаг вперед для рабочего движения всех стран. Это была вторая крупная попытка рабочих осуществить исторический лозунг «Коммунистического манифеста» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Среди 391 делегата конгресса от двадцати стран находились виднейшие профсоюзные и социалистические деятели мирового рабочего движения.

Подобно МТР, Второй Интернационал в организационном отношении был всеобъемлющей организацией рабочего класса, непосредственно принимавшей в свои ряды не только социалистические партии, но также профсоюзы и кооперативы. Мировое рабочее движение еще не достигло той стадии, когда для двух последних категорий можно было бы создать отдельные интернационалы. Однако от своего великого предшественника Второй Интернационал отличался весьма расплывчатой организацией руководства. В отличие от Первого Интернационала он сначала не имел регулярного международного центра или руководства, не издавал международного печатного органа, не имел твердого устава, определенной международной программы, обязательных решений и даже определенного названия. Прошло с десятков лет, прежде чем были частично исправлены даже некоторые из этих недостатков.

Важной особенностью учредительного конгресса было господство на нем марксистских взглядов. Большинство сектантских течений, терзавших Первый Интернационал, — прудонизм, бланкизм и лассальянство — исчезли или были значительно ослаблены. Логика марксистов и суровая действительность классовой борьбы практически уничтожили их. Из старых замкнутых сект было налицо

анархистское меньшинство, которое еще в течение многих лет играло важную роль в виде анархо-синдикализма. Однако в целом в мире труда восторжествовала идеология марксизма (не без множества уклонов), и Парижский конгресс отразил это положение.

Работа, сделанная Первым Интернационалом под руководством блестящих вождей Маркса и Энгельса, не пропала даром. Посеянные ими семена упали на благодатную почву.

Однако уже на этом конгрессе проявились зловещие признаки правого оппортунизма, в конечном счете подорвавшего Второй Интернационал. Это было по своей сущности буржуазное влияние в рабочей организации. Организационно социалистические партии порвали с капиталистическими политическими партиями, но они не разорвали полностью своих идеологических связей, как это трагически проявилось впоследствии. На первом конгрессе правооппортунистические тенденции были представлены большим числом примкнувших к движению мелкобуржуазных радикалов и, главное, теми элементами в профсоюзном руководстве того времени, в частности в Англии, которые уже проявляли склонность «ревизовать» марксизм, чтобы подчинить интересы рабочих интересам предпринимателей.

Учредительный конгресс Второго Интернационала не принял в отличие от Первого Интернационала четкой общей программы; свою работу он начал просто с поочередного рассмотрения насущных политических проблем и задач, стоявших перед рабочими всего мира. Конгресс одобрил требование восьмичасового рабочего дня, предложил создать вместо постоянных армий народную милицию, поддержал предложение о международном рабочем законодательстве и отклонил предложение французов считать всеобщую забастовку методом осуществления пролетарской революции. Одним из наиболее важных мероприятий конгресса было решение об утверждении 1 Мая международным днем демонстраций и борьбы рабочего класса во всем мире. Это было сделано по предложению французов и англичан в память большой забастовки, проходившей 1 мая 1886 года под лозунгом борьбы за восьмичасовой рабочий день, и выразилось в форме активной поддержки всеобщего выступления рабочих в Соединенных Штатах под тем же лозунгом, назначенного на 1 мая 1890 года.

Однако ввиду сильного сопротивления правительства и предпринимателей празднование 1 мая во всем мире постепенно выходило за рамки простых демонстраций, превращаясь в однодневную всеобщую забастовку. В конце концов 1 мая стало международным днем трудящихся повсюду... кроме Соединенных Штатов, где все более впадавшая в консерватизм АФТ предпочла назначить днем трудящихся первый понедельник сентября. Конкретная инициатива организации Второго Интернационала исходила от немецкой социал-демократической партии. Фридрих Энгельс принял активнейшее участие в его образовании. К этому времени центром распространения марксизма стала Германия. Организация первого конгресса этого Интернационала явилась одним из первых конкретных выражений той ведущей роли, которую немцам суждено было играть в жизни международного рабочего класса в недрах Второго Интернационала до трагических дней первой мировой войны. Английский рабочий класс, который в Первом Интернационале представлял собой ведущую массовую силу, теперь отстал, парализованный разлагающим влиянием британского империализма на рабочую аристократию и ее вожakov.

Роль профсоюзов во Втором Интернационале

Только в 1901 году профсоюзное движение различных стран после всевозможных маневров в этом вопросе установило, наконец, первые международные связи, и лишь в 1914—1919 годах эта предварительная договоренность приняла реальную форму профсоюзного Интернационала (см. главу 19). До той поры ареной международного представительства и средством выражения солидарности многочисленных национальных групп профсоюзов служили конгрессы Второго Интернационала. Поэтому на них всегда присутствовали внушительные профсоюзные делегации, состоявшие почти поголовно из профсоюзной верхушки, и, разумеется, многие, если не большинство делегатов, представлявших соответственные социалистические партии, также были членами профсоюзов.

За время своего существования (1864—1876 годы) Первый Интернационал, являвшийся также профсоюзным интернационалом, поскольку это входило в круг его общей классовой политической деятельности, уделял са-

мое пристальное внимание всевозможным профсоюзным вопросам. В МТР Маркс разработал основы профсоюзной теории, по сей день остающейся фундаментом, на который опираются профсоюзы в своей деятельности. Интернационал при самом непосредственном участии Маркса много занимался забастовками и другими формами борьбы, которую союзы вели во всех странах, где в ту пору имелось профсоюзное движение. Наглядной иллюстрацией этого может служить приводимая Лозовским цитата из протоколов Генерального совета МТР, показывающая, что Генсовет в своей повседневной работе подробно рассматривал десятки вопросов и мероприятий, связанных с поддержкой забастовок и руководством забастовочной борьбой в различных странах⁷. Такая забота Первого Интернационала о забастовках была необходима, ибо в то время местные союзы в различных странах не имели, как правило, ни национальных цеховых организаций, ни национальных рабочих федераций.

Однако Второй Интернационал не уделял конкретным профсоюзным вопросам столь пристального внимания, как МТР. Отчасти это объяснялось недооценкой значения профсоюзной деятельности многими руководителями немецкой социал-демократии, но главная причина заключалась в том, что ко времени основания Второго Интернационала почти во всех крупнейших капиталистических странах уже существовали национальные рабочие союзы и всеобщие местные и национальные рабочие федерации, которые взяли на себя конкретное руководство.

Разумеется, профсоюзы как широкие организации рабочего класса были кровно заинтересованы во всех общих теоретических и практических программах, обсуждавшихся соответственными конгрессами Второго Интернационала и его руководящим ядром. Кроме того, конгрессы часто занимались вопросами, имевшими более непосредственное отношение к профсоюзам. В числе их следует назвать борьбу за восьмичасовой рабочий день, на которой Интернационал делал большой упор, и проведение первомайских демонстраций в различных странах. Кстати, эти демонстрации были не мирными праздниками, а настоящими битвами, и на протяжении всего существования Интернационала оппортунисты, особенно в Германии, не упускали ни одной возможности выхолостить или отменить их⁸. Далее, принцип всеобщей забастовки как

средства предотвращения войны, неоднократно выдвигавшийся на конгрессах, самым непосредственным образом затрагивал профсоюзы.

Профсоюзы оказались также вовлеченными в идеологическую борьбу, периодически потрясавшую Второй Интернационал. Как мы увидим ниже, руководство профсоюзов, главным образом высшие профсоюзные функционеры, сыграли важную роль в насаждении ревизионистского оппортунизма, который в конечном счете причинил такой вред Интернационалу. Ввиду всей этой профсоюзной деятельности во Втором Интернационале в первые годы его существования широкое распространение получила теория о том, будто требование создания самостоятельного профсоюзного интернационала является совершенно беспочвенным. Поэтому история профсоюзов в течение всего этого периода сводится почти целиком к жизни профсоюзного движения в различных странах.

На конгрессах Второго Интернационала и в движении в целом выявились три главных профсоюзных течения. Первым и самым примитивным было то, которое Сэмюэль Гомперс назвал впоследствии «чистым и простым» тред-юнионизмом. Этот тип профсоюзной деятельности, опиравшийся главным образом на квалифицированных рабочих и цеховую форму организации, обычно молчаливо или явно мирился с капиталистическим строем, как с таковым. Его девизом было «никакой политики в союзах», то есть никакой политики рабочего класса, ибо, как правило, эти профсоюзы были связаны политически с либеральными партиями буржуазии. Когда же эти партии, наконец, начинали заниматься политикой рабочего класса, то превращались не в социал-демократические партии, а в широкие рабочие партии. Главным обиталищем тред-юнионизма этого типа были Великобритания, британские доминионы и Соединенные Штаты.

Второй общей формой профсоюзного движения во Втором Интернационале являлся анархо-синдикализм, главные базы которого находились в то время в латинских странах: Франции, Испании, Италии и Португалии. Большую часть своих программных и тактических соображений анархо-синдикализм, заимствовавший, впрочем, у марксизма в искаженной форме некоторые принципы классовой борьбы, черпал из бакунистских анархистских источников. Он ставил своей задачей создать широкую

классовую организацию, которая, избегая политических действий и партийности, как таковых, в конце концов уничтожит капитализм и заменит его собственной организацией как основой будущего общества рабочих.

В основе третьего и преобладающего типа профсоюзной деятельности лежали марксистские принципы. Эта форма была распространена главным образом в Германии, Австрии, Скандинавских странах и позднее в России и странах Балканского полуострова. Приемля в общих чертах установки, перспективы и тактические принципы марксизма, эти союзы, централизованные, дисциплинированные и развивавшиеся в сторону производственного принципа организации, обычно следовали политическому руководству соответствующих социал-демократических партий. Однако, как будет видно, многие из них в ходе классовой борьбы сильно уклонились от марксистских принципов профсоюзной деятельности, опираясь зачастую на квалифицированную рабочую аристократию и придерживаясь оппортунистической политики. Христианские (католические) союзы (см. главу 19) представляли второстепенное течение и не входили во Второй Интернационал.

История профсоюзного движения в годы деятельности Второго Интернационала до первой мировой войны была в общем наполнена борьбой этих трех постоянно развивавшихся типов профсоюзной деятельности, каждый из которых стремился утвердиться в качестве основной формы профсоюзной организации рабочего класса, и постепенным выдвижением на первый план марксизма, как наиболее отвечавшего нуждам рабочих. Однако для того, чтобы проследить за всеми событиями и всем ходом истории мирового рабочего движения этих лет вообще, необходимо ознакомиться с опытом профсоюзов в ведущих капиталистических странах. При этом представляется уместным избрать в качестве вехи 1900 год, когда организованные рабочие приступили к созданию своей международной организации и когда также окончательно сложившийся империализм поставил мировое движение перед множеством новых острых проблем. Начнем наш обзор с Германии, ибо в период господства Второго Интернационала немецкому рабочему движению суждено было возглавить мировой рабочий класс в области как политической, так и профсоюзной деятельности.

БИСМАРК И НЕМЕЦКИЕ ПРОФСОЮЗЫ
(1878—1900)

«Железный» канцлер воссоединенной Германии, твердолобый прусский юнкер, князь Отто фон Бисмарк имел тщательно разработанную программу разгрома растущего и пробуждавшегося немецкого рабочего класса. Программа эта предусматривала, в частности, мелкие подачки рабочим в области социального страхования, насаждение буржуазных и христианских (католических), так называемых желтых союзов, или терпимое отношение к ним, сохранение прусской избирательной системы* и подавление социал-демократического движения во всех его формах. Это был классический метод кнута и пряника: с одной стороны, мелкие реформы для рабочих и, с другой — террор против них. Наметив себе такую общую программу и воспользовавшись покушениями на кайзера Вильгельма I в 1878 году, Бисмарк немедленно запретил социал-демократическую партию. Предприниматели, следуя примеру правительства, также с удвоенной силой обрушились на профсоюзы. Результатом явилось открытое столкновение между рабочим классом и организованными силами реакции. Социалисты всего мира с растущим вниманием и тревогой следили за развертыванием этой борьбы.

Закон против социалистов

21 октября 1878 года вошел в силу закон против социалистов, озаглавленный «Закон против опасной деятельности социал-демократов». В частности, этим законом были запрещены социал-демократическая партия и ее печать. Пока закон рассматривался в рейхстаге, Бисмарк обещал, что он не распространится на союзы, добивающиеся улучшения материального положения рабочего класса, но на практике все эти обещания не выполнялись. Как указывает Цвинг, «в действительности профсоюзы в силу самой своей структуры были задеты этим законом

* По этой реакционной избирательной системе крупные землевладельцы получили гораздо больше голосов, чем рабочие. Так, в 1909 году социал-демократы собрали в Пруссии 23 процента голосов, но получили всего 6 мест из 420.

гораздо сильнее, чем политическая партия».¹ А по словам Фарвига, уже 23 октября, всего через два дня после вступления закона в силу, был распущен союз табачников. Вслед за этим такая же участь постигла вскоре многие другие союзы — стекольщиков, плотников, металлстов, обувщиков, горняков и т. д. За короткий срок было официально распущено 17 национальных союзов и 18 местных организаций. Кроме того, такая же мера была применена в отношении 330 обществ взаимопомощи, возглавляемых социал-демократами². Христианские и буржуазные союзы правительство, естественно, не тронуло.

Не в пример более позднему периоду социал-демократическая партия тех дней все еще была боевой организацией, которая решительно отстаивала свои позиции перед лицом правительственных гонений. Начало этой борьбе против антисоциалистического закона было положено еще во время обсуждения законопроекта в рейхстаге, когда депутат Браке заявил под бурю аплодисментов своих социал-демократических коллег: «Мы будем бороться против всего закона в целом». И партия привела свое намерение в исполнение³. В сентябре 1879 года социал-демократическая партия выпустила в Швейцарии свою первую нелегальную газету, за которой вскоре последовали другие; в 1880 году она провела, опять-таки в Швейцарии, свой первый съезд. Следующие два съезда состоялись в 1883 и 1887 годах. Помимо этого, партия вела также подпольную борьбу и создала в самой Германии разветвленную сеть организаций.

Чтобы действовать успешно, профсоюзам, несмотря на все трудности, приходилось работать преимущественно открыто. С этой целью они использовали всякие формы маскировки: общества взаимопомощи, клубы и другие организации. Бисмарк своим законом допускал существование местных союзов при условии, что они являются сугубо аполитичными, и рабочие не преминули воспользоваться этим указом. При помощи подобного рода уловок рабочим удалось сохранить активно действующие профсоюзы и провести в течение этого периода много забастовок. В ходе этой тяжелой борьбы заметно улучшилась структура и идеология профсоюзов: во-первых, они стали более централизованными, дисциплинированными, приобрели большую политическую направленность и, кроме того, больше, чем когда-либо, полагались на политическое руко-

водство социал-демократической партии. Искусственно насаждаемые христианские и буржуазные профсоюзы переживали период застоя.

Однако в этой борьбе партия и профсоюзы понесли также серьезные потери: были запрещены газеты, начались преследования рабочих. Всего было запрещено около 14 газет, и по меньшей мере 1 500 социалистов были арестованы и брошены в тюрьмы; многие были сосланы или подверглись другим репрессиям, а большое число эмигрировало в Соединенные Штаты. Тем не менее борьба, которую они вели, была успешной. Из года в год увеличивалось число голосов, поданных за социал-демократов: от 493 тысяч в 1878 году до 1 427 тысяч в 1890 году, то есть почти втрое больше. Росли также численность, влияние и политическая мощь профсоюзов. Они вступили в эту историческую борьбу плохо организованными, насчитывая всего 50 тысяч членов, а двенадцать лет спустя вышли из нее с 58 сплоченными национальными союзами и 300 тысячами членов.

Закон против социалистов явно не достиг своей цели — разгрома социал-демократов в Германии. Вследствие этого Бисмарку, который перестал уже быть таким «железным», пришлось уступить. 30 сентября 1890 года правительство официально отменило его хваленый закон. Это была колоссальная победа немецкого рабочего класса, которую приветствовали рабочие всего мира. Она дала большой толчок развитию партии и союзов в Германии и окончательно выдвинула немецкую социал-демократическую партию и профсоюзы в авангард всего международного рабочего движения. Эту руководящую роль они сохранили до рокового 1914 года.

Эрфуртская программа

Избавившись от тяжелых условий, в которых они находились в годы действия закона против социалистов, руководители немецкой социал-демократии сразу же взялись за пересмотр политики партии. Эти усилия завершились в октябре 1891 года созданием знаменитой Эрфуртской программы. Предшествующий политический документ, написанный в 1875 году в Готе главным образом Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем, явился результатом произошедшего в то время слияния соперни-

чающих лассальянской и марксистской партий. Готская программа, изобиловавшая лассальянскими ошибками, подверглась резкой критике со стороны Маркса⁴. Эрфуртская программа 1891 года, составленная в основном Карлом Каутским и исправившая большую часть этих ошибок, стала образцом для социал-демократических партий почти всех стран и свыше двух десятилетий служила своего рода неофициальной программой Второго Интернационала.⁵

Эрфуртская программа состояла из двух частей: программы-максимум, предусматривавшей конечное построение социализма, и программы ближайших частичных требований, осуществимых при капитализме. Первым из этих частичных требований было введение «всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на всех выборах для всех подданных империи старше 20 лет, без различия пола». Это требование, продолжая линию Готской программы, предусматривало предоставление права голоса женщинам. С профсоюзной точки зрения другим важным завоеванием Эрфуртской программы было то, что она отказалась от лассальянской теории о «железном законе заработной платы», которая вредила профсоюзному движению, рисуя бесплодную всю его деятельность. Кроме того, в отличие от Готской программы она выдвигала требование о восьмичасовом рабочем дне.

Эрфуртская программа стала также общим политическим руководством для социал-демократических профсоюзов, хотя они обычно не слишком интересовались теоретическими вопросами. Однако подобно своей предшественнице — Готской программе, новая программа страдала тем серьезным недостатком, что она не касалась конкретно роли профсоюзов в классовой борьбе. То же самое нужно сказать и о трех важных «нелегальных» съездах партии во время действия законов против социалистов, поскольку эти съезды не занимались насущными вопросами профсоюзного движения.

Образование Всеобщей профсоюзной комиссии

Другим важным шагом, предпринятым немецким рабочим движением после отмены закона против социалистов, было создание Всеобщей комиссии для координации

деятельности немецких профсоюзов в масштабе всей страны. Эта мера предусматривалась еще в 1878 году, но начатые Бисмарком преследования не позволили в то время претворить ее в жизнь. Первый профсоюзный съезд после эпохи террора состоялся в марте 1892 года в Гальберштадте; на нем присутствовало 208 делегатов, представлявших 62 союза с 303 тысячами членов. Съезд избрал Всеобщую комиссию немецких профсоюзов из 7 членов, которая должна была представлять все профсоюзное движение. Председателем ее был избран Карл Легин, который до самой своей смерти (в 1920 году) оставался во главе немецкого профсоюзного движения и играл видную роль в деятельности международного рабочего класса.

Во время действия закона против социалистов союзы функционировали в основном как местные органы, и поэтому предложение создать общегерманские централизованные организации натолкнулось на Гальберштадтском съезде на значительное сопротивление. В результате от движения откололась небольшая группа, которая впоследствии приобрела известность, как немецкая анархосиндикалистская организация. Предложение о предоставлении новой комиссии сколько-нибудь значительных полномочий также было встречено в штыки. В конечном счете съезд определил, что в задачи комиссии входит вовлечение в профсоюзы неорганизованных рабочих, сбор общих статистических сведений, касающихся движения, издание печатного органа, который должен был публиковать фактические данные и отчеты союзов, и налаживание международных связей. На последующих съездах эти довольно скромные функции были значительно расширены: комиссии было вменено в обязанность представлять общие доклады о состоянии профсоюзного движения, посредничать в спорах о юрисдикции, проводить просветительную работу, собирать и распределять средства, предназначенные для проведения 1 мая, и т. д. Однако под сильным бюрократическим контролем Легина Всеобщая комиссия, число членов которой было доведено до 13, превратилась вскоре в автократический руководящий орган.

В первые десятилетия своего существования немецким профсоюзам пришлось столкнуться с серьезной недооценкой и даже враждебностью со стороны ряда партийных руководителей. Подобного рода негативистские настроения, о которых свидетельствовал тот факт, что ни Готская

и Эрфуртская программы, ни нелегальные партийные съезды не занимались общим вопросом профдвижения, были порождены идеологическими пережитками антипрофсоюзной позиции лассальянства и сильными опасениями, как бы профсоюзное руководство не выступило в роли соперника партийного руководства. С другой стороны, развитию профсоюзного движения препятствовали также надежды на скорый приход социализма. Фон Фольмар, например, был уверен, что в результате роста числа голосов, подаваемых за социал-демократов, партия к 1898 году будет иметь большинство в рейхстаге.

Вопрос о роли профсоюзов остро стал на съезде социал-демократической партии в Кельне в октябре 1893 года. Легин горько жаловался на антипрофсоюзные настроения руководства, особенно Ауэра. Последний в ответ нарисовал перспективу превращения Всеобщей комиссии профсоюзов в конкурента Центрального Комитета партии (что действительно произошло в конечном счете). Другие делегаты, в том числе Бебель и Клара Цеткин, сомневались в будущем профсоюзов перед лицом быстрого роста мощных промышленных корпораций и концернов. Оппозиция зашла столь далеко, что съезд 169 голосами против 29⁶ отклонил резолюцию, предлагавшую обязать членов партии вступить в соответствующие профсоюзы. Съезд лишь заявил о своей солидарности с профсоюзами. Столь пессимистическая позиция немецкой социал-демократии в отношении профсоюзного движения составляла резкий контраст с позицией Маркса и Энгельса, которые всю свою жизнь были поборниками профсоюзов.

В девяностых годах в связи с экономическим кризисом и усилившимся противодействием предпринимателей немецкие профсоюзы росли очень медленно. Собственно, только в 1896 году общее число членов профсоюзов — 329 230 человек — перешагнуло за цифру 1892 года. Этот сравнительный застой в профсоюзах, в то время как число голосов, собираемых партией, неуклонно росло, усиливал широко распространенную недооценку профдвижения. Эти антипрофсоюзные тенденции стали настолько сильными, что профсоюзный съезд 1895 года пришлось отложить, а съезд 1896 года удалось созвать лишь с большим трудом⁷. В партии велась также открытая агитация против Всеобщей комиссии профсоюзов; говорили, что ее

нужно ликвидировать и что вполне достаточно отдельных союзов. Тем не менее с улучшением экономического положения немецкие профсоюзы двинулись вперед и вскоре в своем росте опередили профсоюзы других стран: в 1900 году они насчитывали 680 427 членов; в 1905 — 1 344 803; в 1910 — 2 017 298 и в 1914 году — 2 556 251⁸. Независимые христианские и буржуазные профсоюзы составляли около одной трети этого количества.

Тресты и производственные профсоюзы

С ростом монополистического капитала в Германии, как и во всех ведущих капиталистических странах, перед профсоюзами встали серьезнейшие проблемы, не решив которые профсоюзы не могли бы существовать, действовать и развиваться. С 1882 по 1907 год число рабочих крупных предприятий возросло на 200 процентов, тогда как увеличение численности рабочих, занятых на мелких фабриках и заводах, составило всего 25 процентов⁹. Быстро складывались огромные промышленные империи Круппа и других крупных магнатов. Появилось много картелей: в 1905 году 385 с 12 тысячами компаний и к началу войны — вдвое больше. Кроме того, шел быстрый рост ассоциаций предпринимателей: к 1913 году 145 тысяч компаний, на предприятиях которых было занято 4 641 361 рабочий, создали агрессивную Объединенную ассоциацию немецких предпринимателей.

Новые капиталистические объединения, активно поддержанные правительством, были гораздо более действенными организациями борьбы против союзов, нежели их предшественники — мелкие капиталисты. Как и в других странах, они проявляли сильные антипрофсоюзные тенденции, защищая принцип «открытого цеха». Герр Крупп нагло заявлял, что намерен «остаться хозяином в собственном доме», и действовал сообразно этому. Предприниматели все чаще прибегали к локаутам в ответ на требования объединенных в союзы рабочих. Многие забастовки провалились, и в результате в трестированных отраслях промышленности профсоюзы, оказавшись фактически вытесненными из этих отраслей, были вынуждены перейти к обороне. Фарвиг пишет, что в этот период почти все коллективные договоры заключались лишь на

мелких и средних предприятиях¹⁰. Проблема эта продолжала обостряться до самого начала первой мировой войны. В той или иной степени она стояла перед рабочим движением Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и других стран.

Старые цеховые союзы оказались не в силах противостоять все укрупнявшимся объединениям капитала. Специализация труда лишала квалифицированных рабочих стратегического положения в промышленности. Забастовки уже не действовали на предпринимателей с их колоссальными резервными фондами, возможностью прибегнуть для подавления к помощи правительства, с их контролем над массами полуквалифицированных неорганизованных рабочих и возможностью набрать толпы профессиональных штрейкбрехеров. В условиях трестированной промышленности форма цехового союза безнадежно устарела.

Простейшим решением этой серьезной проблемы была реорганизация рабочего движения на базе производственных профсоюзов. Это означало перевод профсоюзного движения с узкой цеховой основы на основу классовую. Английские союзы, которые в отличие от союзов других стран возникали буквально вместе с трестами и пустили глубокие корни на своих предприятиях, решили эту проблему посредством постепенного слияния цеховых союзов. С другой стороны, американские цеховые союзы, которым пришлось столкнуться с проблемой трестов в ее наиболее острой форме, игнорировали ее и цеплялись за свои устаревшие организационные формы до тех пор, пока не оказались почти полностью вытесненными из трестированных отраслей и пока рабочее движение не претерпело двух расколов: одного в 1905 году, приведшего к образованию ИРМ, и другого — в 1935, когда был создан КПП.

Немецкие профсоюзы, несмотря на сильное сопротивление цеховых профсоюзных деятелей, которые были не способны видеть дальше своего носа, постепенно уразумели существо дела и рано вступили на путь организации производственных союзов. Впервые этот вопрос встал на рабочем съезде в 1868 году, но был провален¹¹. Это была одна из основных проблем, обсуждавшихся на Гальберштадтском съезде в 1892 году и стоявших в повестке дня всех последующих съездов вплоть до первой мировой вой-

ны. Производственные союзы рассматривались не только как средство создать более эффективные боевые организации, но и как способ ослабить периодические споры цеховых союзов по поводу их юрисдикции и охватить широкие массы полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, среди которых было много женщин. В результате этой тенденции к созданию производственных профсоюзов число национальных союзов в Германии сократилось за 1891—1914 годы с 62 до 46, тогда как общее число членов возросло за тот же период с 303 тысяч до 2 556 251; профсоюзным движением было охвачено много новых отраслей промышленности. Это был период роста числа забастовок и локаутов. В 1891 году было 73 забастовки, в 1906 — 3 480 (здесь следует учесть толчок, который дала русская революция) и в 1913 году — 2 600 ¹².

Бернштейнианский ревизионизм

В восьмидесятых годах и позже в партиях и профсоюзах Второго Интернационала появляется много оппортунистов, распространяющих исподтишка теорию, что рабочие могут разрешить все свои насущные проблемы в рамках капиталистической системы и что поэтому бороться за социализм глупо и бесполезно. Свои ложные устремления и выводы они обосновывали, в частности, тем соображением, что ожидаемая пролетарская революция, видимо, запаздывает, что рабочие в Англии и других странах постепенно завоевывают себе избирательное право и что число голосующих за социалистические партии быстро растет. Распространялись иллюзии, будто эти партии скоро завоюют парламентское большинство и, стало быть, окажутся правящей силой в большинстве капиталистических стран. В подтверждение своей правоты ревизионисты, в частности, ссылались на постепенно растущий уровень жизни масс. Экспансия капитализма и проникновение его в колониальные страны принесли капиталистам экономические выгоды, и некоторые крохи от этого «процветания» действительно доставались рабочим основных капиталистических держав, особенно квалифицированным. Так, по данным Кучинского, реальная заработная плата в Великобритании увеличилась с 74 пунктов (1900 год — 100) в 1869—1879 годах до 99 в 1895—1903 годах ¹³, в Германии с 78 пунктов в 1868—1878 го-

дах до 97 в 1894—1902 годах ¹⁴ и в Соединенных Штатах с 87 в 1868—1878 годах до 102 в 1897—1908 годах ¹⁵. Некоторое повышение жизненного уровня, в котором решающую роль сыграла разворачивающаяся борьба рабочих, все еще оставляло заработную плату на нищенском уровне и к тому же было сведено на нет огромным усилением эксплуатации рабочих в промышленности.

Фон Фольмар в Германии, приверженцы фабианского «социализма» в Англии и аналогичные элементы во Франции, Соединенных Штатах и других странах также начали выдвигать новую оппортунистическую идею, будто капитализм мало-помалу превращается в социализм или во что-то похожее на него. Видным представителем этого международного антимарксистского течения был немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн. Бывший банковский клерк, сын железнодорожного машиниста Бернштейн под флагом ревизии и обновления марксизма выпустил в 1898 году на английском языке книгу под названием «Эволюционный социализм», в которой открыто обрушился на все принципы марксизма. Он раскритиковал исторический материализм, высмеял понятие прибавочной стоимости, издевался над принципом классовой борьбы, отрицал, что средние классы приходят в упадок, отвергал социализм, как конечную цель, и утверждал, что при капитализме массы рабочих не только не нищают, но, напротив, непрерывно улучшают свое материальное положение. Он нарисовал картину длительного эволюционного развития рабочего класса, где не отводил никакого места социалистической революции и диктатуре пролетариата, предсказанным Марксом и Энгельсом. Это была попытка оппортунистически приспособить рабочее движение к экономическим и политическим тенденциям империализма, пожертвовать для этого политикой классовой борьбы и перспективой построения социализма.

Вскоре Бернштейн оказался во главе большой группы своих последователей во Втором Интернационале. В числе его сторонников было множество мелкобуржуазных элементов, которые, видя разительные успехи социал-демократических партий, поспешили примкнуть к ним в надежде на легкую и выгодную карьеру. В основном это были различного толка интеллигенты. Они заняли в некоторых партиях влиятельное руководящее положение. Однако важнее было то, что ревизионистские теории Берн-

штейна нашли отклик у многих социал-демократических профсоюзных лидеров. Эти элементы, опираясь в первую очередь на квалифицированных рабочих, быстро поддавались под влияние подобных консервативных теорий. Как правило, они не слишком много теоретизировали по поводу бернштейнианства, но оно вполне соответствовало их оппортунистическому образу мыслей и действий. В конечном счете они стали главным оплотом антимарксистского ревизионизма.

В течение последующих лет и до начала первой мировой войны в центре идеологической борьбы во всех партиях и союзах, входивших во Второй Интернационал, была неустанная борьба марксистов против бернштейнианского ревизионизма. И Второй Интернационал потерпел поражение в этой борьбе.

Глава 15

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. КЛАССОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И НОВЫЕ ФОРМЫ ТРЕД-ЮНИОНИЗМА (1876—1906)

Годы с 1850 по 1875 были «золотым веком» английского капитализма, который очень быстро рос внутри страны и проникал на многие иностранные рынки. Это был также период роста профсоюзов. С 1863 года, когда был создан Конгресс тред-юнионов, и до 1876 года число его членов увеличилось в четыре раза. Однако начавшийся в 1873 году глубокий экономический кризис нанес тяжелый удар по английскому капитализму и английским тред-юнионам. В период от 1872 до 1879 года английский экспорт сократился на 25 процентов и лишь в 1890 году достиг прежнего уровня¹. По объему промышленной продукции Англия сильно отстала от Соединенных Штатов. В условиях, вызванных кризисом, массовой безработицей и растущим наступлением предпринимателей, профсоюзы понесли известные потери: с 1876 по 1886 год число членов Конгресса тред-юнионов почти не изменилось.

Консервативные британские тред-юнионы

В течение этого периода тред-юнионы, насчитывавшие всего 580 976 членов (данные по БКТ в 1885 году), тогда как численность рабочего класса была во много раз

больше, всецело находились под влиянием квалифицированных рабочих и их вожakov. Эти элементы, находившиеся с точки зрения заработной платы в привилегированном положении и составлявшие рабочую аристократию, не хотели и слышать о революционных идеях Карла Маркса и своих чартистских предшественников. Предприниматели определенно культивировали эту консервативную тенденцию, поддерживая высокие расценки квалифицированной прослойки за счет широких масс неквалифицированных и неорганизованных рабочих. Маркс и Энгельс уделяли самое серьезное внимание систематическому подкупу верхушки рабочего класса предпринимателями, которые вступали в то время в монополистическую стадию капитализма. В одном из писем Марксу уже 7 октября 1858 года Энгельс заявлял, что «английский пролетариат все больше и больше обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат»².

К восьмидесятым годам XIX века английские союзы под консервативным руководством избавились от своего бывшего боевого духа и радикализма. Они уделяли много внимания кооперативам и разработали по примеру «дружеских» обществ целую систему пособий на случай болезни, безработицы, смерти и т. п. Такую тенденцию проявляли деятели цеховых союзов во всем капиталистическом мире; подобной «самопомощью» увлекались немецкие, болгарские, американские и другие союзы этого типа. Они считали эти системы пособий необходимыми для сохранения и роста своих профсоюзов, и предполагалось, что чем больше будет таких пособий, тем лучше для союзов.

Характерно, что такие консервативные профсоюзные деятели дружно восставали против государственных планов социального страхования, считая их посягательством на профсоюзную деятельность. В течение всех этих лет, пишет Ротштейн, несмотря на сильную безработицу, те профсоюзные вожаки, которым удалось попасть в парламент, ни разу не подняли там вопроса о страховании на случай безработицы.³ Участь широких масс безработных не тревожила главарей цеховых союзов, покамест были «ограждены» их собственные узкие цеховые интересы. По-

добным же образом реакционные руководители Американской федерации труда, враги всех видов федерального социального страхования, уже во время большого экономического кризиса 1929 года решительно возражали против государственного страхования по безработице как антипрофсоюзной меры.

Практиковавшаяся английскими тред-юнионами сложная система пособий предусматривала также создание забастовочного фонда. Большие расходы по этому фонду во время стачек и общая тенденция социальных воззрений профсоюзных вожakov привели последних к осуждению забастовок вообще. Некогда активный руководитель профсоюза машинистов Аллан заявил в королевской комиссии, что «стачки — это пустая трата денег»⁴. Такова была типичная позиция цеховых союзов того времени. Показательно, что в более поздний период революционные профсоюзы, сознавая, что рабочие должны выиграть забастовки своим мощным воздействием на экономику, а не при помощи денег, обычно почти не имели страховых фондов и активно боролись за то, чтобы заставить государство полностью взять на себя финансовое бремя всех видов социального страхования.

Левое крыло английского профсоюзного движения семидесятых и восьмидесятых годов критиковало консервативные профсоюзы с их громоздкими системами пособий, называя эти союзы «похоронными» обществами. Радикальный профсоюзный деятель Даннинг заявил, что «некогда мощное объединенное общество машинистов сейчас так же не способно провести забастовки, как «Дубовые сердца», «Лесники» или любое другое благотворительное общество»⁵. Критика образная, но несколько преувеличенная, ибо, несмотря на парализующее действие системы пособий и консервативное руководство, эти старые цеховые союзы провели немало упорных забастовок. Однако они явно были не в состоянии защищать интересы рабочего класса в целом — факт, который будущее не преминуло продемонстрировать самым наглядным образом.

Великая забастовка докеров

В связи с крушением прежней мировой монополии Великобритании в области промышленной продукции и торговли предприниматели усилили в восьмидесятых го-

дах свое наступление на профсоюзы и на жизненный уровень трудящихся масс. Усиливавшееся левое крыло в профсоюзном движении во главе с такими людьми, как Том Манн, Бен Тиллетт и Джон Бернс, ратовало за активную профсоюзную борьбу. Но контролировавшая в то время Конгресс тред-юнионов консервативная бюрократическая клика, преемники старой «хунты», в том числе секретарь Генри Бродхерс, Джон Бернет, Джордж Шиптон и другие, упорно не желала понять требований времени и отчаянно цеплялась за свою безнадежную уставшую цеховую политику.

В это время, словно гром среди ясного неба, грянула великая забастовка лондонских докеров. Ей предшествовал ряд более мелких забастовок рабочих спичечных фабрик, работников газовой промышленности и др., во главе которых стояли Том Манн и другие социалисты. Все эти забастовки были успешными. Это, по выражению Энгельса, был «тот легкий толчок, который привел в движение всю лавину». Организовался союз рабочих газовой промышленности и чернорабочих, который начал быстро расти. Затем в бой вступили лондонские докеры. Докеры, на которых твердолобые главари цеховых союзов давно не обращали никакого внимания, работали в тяжелых условиях и жили в страшной нищете. Историческая борьба в доках началась 13 августа 1889 года, через месяц после Парижского учредительного конгресса Второго Интернационала. Забастовка возникла из-за незначительного спора по поводу заработной платы. Том Манн и другие активисты, которые в течение нескольких лет расширяли масштабы своей деятельности, быстро пришли на помощь забастовщикам, помогли создать союз докеров и повели агитацию за забастовку в других доках. Забастовка распространялась с быстротой молнии, и через три дня забастовало уже 10 тысяч рабочих, а спустя неделю работа в доках полностью приостановилась. Впервые в истории рабочего движения большой лондонский порт замер. Притесняемые и эксплуатируемые докеры начали осознавать свою колоссальную экономическую мощь.

Забастовка в доках проходила под руководством Тома Манна, Тиллетта, Бернса и других левых. Секретарем забастовочного комитета была дочь Маркса Элеонора Эвелинг. Бурные митинги, уличные шествия и демонстрации популяризировали забастовку, которая снискала со-

чувствие не только в рядах рабочих, но и со стороны средних слоев населения. Забастовка привлекла внимание и поддержку всего мира. Из 48 тысяч фунтов, собранных в пользу забастовщиков, не менее 30 тысяч фунтов — по тем временам очень большая сумма — поступило от профсоюзов Австралии. Этот замечательный акт солидарности вызвал большой подъем у забастовщиков и немало способствовал их конечной победе.

Работа в доках была полностью остановлена, и сочувствие широких слоев населения было настолько велико, что в конце концов предпринимателям пришлось уступить. Рабочие требовали платы 6 пенсов в час, отмены работы по контрактам и минимального срока найма 4 часа; все эти рабочие требования были практически удовлетворены при окончательном урегулировании вопроса. Рабочие доков выиграли одну из важнейших забастовок в истории Великобритании ⁶.

Великая победа лондонских докеров глубоко всколыхнула широкие массы рабочего класса, до тех пор полностью игнорировавшиеся вожаками цеховых союзов, которых занимало лишь отстаивание своих узких цеховых интересов. В 1890 году забастовки докеров вспыхнули также в Австралии и Новой Зеландии. В различных отраслях английской промышленности развернулась широкая кампания по вовлечению рабочих в профсоюзы, главным образом среди неорганизованных полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих. Союз докеров, председателем которого был избран Том Манн, ⁷ быстро рос, распространяясь и на другие важные области; новый союз рабочих газовой промышленности насчитывал уже 70 тысяч членов, главным образом чернорабочих; число членов образованного в 1877 году союза моряков и кочегаров возросло в 1889 году до 65 тысяч человек; федерация горняков, которая при своем возникновении в 1888 году имела всего 36 тысяч членов, к 1890 году насчитывала уже 200 тысяч; быстро развивался союз железнодорожников и другие союзы ⁸. Заметные результаты были достигнуты в организации женщин и сельскохозяйственных рабочих. Число членов Конгресса тред-юнионов, в который входили не все профсоюзы, увеличилось с 580 976 в 1885 году до 1 471 191 в 1890 — наиболее быстрый рост, отмеченный в профсоюзном движении Великобритании за этот период.

Широкий отклик победа докеров встретила также в старых тред-юнионах, которые смягчили правила, препятствовавшие приему в союзы полуквалифицированных рабочих той же профессии. Многие из этих союзов принялись активно вовлекать новых членов и проявили подъем боевого духа. Старому фетишу в виде пособий по болезни и смерти был нанесен удар; характерно, что новый Всеобщий союз железнодорожников объявил, что «не станет обременять себя созданием каких-либо фондов пособий на случай болезни или увечья». Между 1889 и 1891 годом, говорит Хатт, было создано свыше 60 новых местных профсоюзных советов. А на первомайскую демонстрацию в Гайд-парке в 1890 году собралось около 200 тысяч рабочих. Центральным лозунгом демонстрантов было требование восьмичасового рабочего дня, которого вожаки «неполитических» профсоюзов боялись пуще огня.

Прогрессивные тенденции среди рабочих, выявленные забастовкой лондонских докеров, вели к коренным улучшениям в английском рабочем движении. С прежней узкоцеховой основы тред-юнионы начали переходить на широкий классовый фундамент. Это привело также к выдвижению руководителей более прогрессивного типа: на Ливерпульском съезде Конгресса тред-юнионов в 1890 году глава «старой банды» профсоюзных бюрократов Бродхерст был вынужден уйти с поста секретаря. Подъем масс повлек за собой политизацию рабочего движения. Это был «тред-юнионизм нового типа», который привел к важным последствиям не только в Великобритании, но и в Германии, Соединенных Штатах и ряде других стран.

Основание английской лейбористской партии

Примерно с 1868 года английские профсоюзные лидеры действовали обычно на политическом поприще заодно с либералами. Либеральная партия, представлявшая мелких капиталистов и средние слои населения, в свою длительную борьбу против консервативной партии — главной организации крупного капитала и землевладельцев — старалась вовлечь также массу квалифицированных рабочих. Вождем либералов этого периода был Уильям Э. Гладстон, который за шестьдесят один год, проведенный им в парламенте, четырежды был премьер-министром. Стремясь заручиться поддержкой рабочего класса,

Гладстон провел несколько небольших законодательных реформ, систематически включал рабочих кандидатов в избирательный список либеральной партии, назначал деятелей рабочего движения на высокооплачиваемые политические посты, а в 1886 году даже ввел двух из них — Бродхерста и Барта — в свой кабинет в качестве заместителей министров. Гладстон был гораздо опытнее Бисмарка в искусстве подкупа и разложения рабочих лидеров.

Это были дни союза либералов и рабочих вожakov, дни, когда профсоюзные лидеры пользовались благоволением властей и делали политическую карьеру за счет рабочего класса. Они разделяли славу «великой» викторианской эпохи и с величайшим презрением относились к марксизму и «непрактичным» бойцам времен чартизма. Как замечает Узбб, «в это время все сходились на том, что тред-юнионы Великобритании явятся непроницаемой преградой, о которую разобьются всякие социалистические проекты»⁹. Капиталисты Германии и Соединенных Штатов, сталкиваясь с бунтарскими настроениями своих рабочих, радовались, видя «решительный» отпор, который английский рабочий класс якобы давал социалистическим идеям.

Однако решительное пробуждение английского рабочего класса в восьмидесятых годах, замечательным выражением которого явилась забастовка лондонских докеров, внезапно поколебало веру капиталистов в якобы «врожденный» консерватизм английских рабочих. Это не было неожиданностью для Энгельса, который в 1885 году писал о положении в Англии: «Пока сохранялась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало себе привилегированное меньшинство, но и широким массам хоть изредка кое-что перепало. Вот почему, с тех пор как вымер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение. Наступит день, когда он весь, не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, окажется на таком же уровне, на каком находятся рабочие других стран. И вот почему социализм снова появился в Англии»¹⁰.

Первая марксистская партия в Великобритании — Социал-демократическая федерация (СДФ) — возникла в августе 1884 года, на двадцать один год позже, чем в Германии, и на семь лет позже, чем СРП в Соединенных Штатах. Это показатель того сдерживающего влияния, которое оказывал на рабочих подъем британского империализма. Лидер новой партии сын богатого либерала Г. М. Гиндеман был политически неустойчивым псевдомарксистом, который от ультралевых взглядов в первую пору своей деятельности пришел в конечном счете к поддержке первой мировой войны. У него сразу же возникли разногласия с Энгельсом, как в прежнее время с Марксом. Новая партия оказывала значительное влияние во время подъема, вызванного стачкой докеров, но сектантская политика вскоре отодвинула ее на задний план. Членами этой партии были Том Манн и Джон Бернс.

Тем временем группа левых либералов, называвших себя социалистами, среди которых были супруги Уэбб, Джордж Бернارد Шоу и много других интеллигентов, основала в 1884 году Фабианское общество. Эта антимарксистская организация, выступавшая против классовой борьбы, предложила ряд реформ, которые должны были несколько сгладить шероховатости грубого британского империализма. Супруги Уэбб считают, что большую роль в организации общества сыграл труд Генри Джорджа «Прогресс и бедность»¹¹. Фабианское общество на протяжении многих лет увеличивало размах своей агитации. Особенно хорошо оно было принято профсоюзными бюрократами, ибо снабжало их «социалистической» фразеологией, помогавшей обманывать пробуждавшийся английский рабочий класс. Фабианское общество послужило главной идеологической опорой современного правосоциалистического оппортунизма в Великобритании. В 1893 году под руководством Кейра Гарди была предпринята новая попытка создать широкую партию рабочего класса, апеллирующую в основном к профсоюзам. Это была независимая рабочая партия (НРП). У нее была реформистская программа, облеченная в социалистическую фразеологию. Социал-демократическая федерация и Фабианское общество послали своих делегатов на учредительный съезд партии, но ни та, ни другая не примкнули к ней. В 1894 году секретарем НРП стал Том Манн¹². В 1895 году партия выставила 28 кандидатов в парламент, но все

они потерпели поражение. Вследствие этого партия пришла в упадок, но позже ей суждено было сыграть значительную роль в английском рабочем движении в качестве «центристской партии», то есть партии, падкой на радикальные фразы, но слабой в том, что касалось классовой деятельности рабочих. Одним из первых членов этой партии был будущий архиренегат Дж. Рамсей Макдональд.

Под давлением развивавшегося кризиса Британской империи английский рабочий класс неуклонно поворачивал к политическим действиям и организации. Свое массовое выражение эта тенденция нашла во всеобщей рабочей партии, опирающейся на тред-юнионы. Марксистская партия с ее революционной идеологией не могла на том этапе служить такого рода организацией. Массовая рабочая партия того периода должна была быть широкой организацией, в которую могли бы войти тред-юнионы с их все еще путаной идеологией. Поэтому первоначально роль марксистов состояла в том, чтобы, если возможно, поднять изнутри эту массовую партию до уровня марксистской сознательности и политики.

Первый непосредственный шаг к образованию английской лейбористской партии был сделан в Лондоне в феврале 1900 года, когда был создан Комитет рабочего представительства в соответствии с решением Плимутского конгресса тред-юнионов в 1899 году. Левые делегаты требовали принятия этой меры уже в течение нескольких лет. На Лондонской конференции присутствовало 129 делегатов, представлявших 300 тысяч членов профсоюзов и 70 тысяч членов социалистических организаций. В избранный исполнительный комитет вошло 7 человек от профсоюзов, по 2 от НРП и СДФ и один от Фабианского общества. Секретарем комитета был избран Дж. Рамсей Макдональд¹³. Партийная организация приняла программу ближайших требований, в которой лишь смутно говорилось о конечной социалистической цели.

Вначале успехи новой организации были весьма скромными. Профсоюзам не так легко было отвыкнуть от старой привычки поддерживать либеральную партию. На выборах 1900 года лейбористы выдвинули 15 кандидатов, но только 2 из них были избраны. Действительное начало новому движению было положено бесславным решением Тафф-вейлского суда в 1901 году¹⁴. На Тафф-вейлской железной дороге в Южном Уэльсе вспыхнула забастовка,

и компания (такой же враг профсоюзов, как и все прочие железнодорожные концерны) передала дело в верховный суд и добилась обвинительного приговора союзу и вердикта о возмещении ущерба, что обошлось союзу в 35 тысяч фунтов. Эта атака на профсоюзы, представлявшая собой серьезное нарушение профсоюзных актов 1871 и 1875 годов, вызвала сильнейшее возмущение среди рабочих. На следующем Конгрессе тред-юнионов в Суонси, в 1901 году, к Комитету рабочего представительства примкнуло много новых союзов, и общее число его членов достигло 850 тысяч. В этот критический момент, замечает Хатт, сектантская СДФ предпочла выйти из лейбористской партии.

Рядовые рабочие с самого начала называли Комитет рабочего представительства лейбористской партией, но официально он принял это название лишь спустя несколько лет. Тем временем лейбористская партия продолжала расти: в 1903 году в нее входило 165 тред-юнионов с 969 тысячами членов*, и партия начала одерживать политические победы. В 1902 году один из ее кандидатов был избран на дополнительных выборах, а в следующем году еще двое. На всеобщих выборах 1906 года было избрано 29 лейбористских кандидатов против 14, избранных от коалиции либералов и тред-юнионов. Тем самым лейбористская партия утвердила свое положение массовой политической силы.

Лейбористские партии в доминионах

В английских доминионах: Ирландии, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке — рабочий класс шел к созданию массовой политической партии также главным образом через широкую рабочую партию. Ирландская лейбористская партия, решение о создании которой было принято в 1913 году, образовалась в 1919 году на базе профсоюзного движения, охватывающего около 225 тысяч человек. В Австралии в 1891 году рабочие после провала всеобщей забастовки в Квинсленде, Новом Южном Уэльсе и Виктории организовали лейбористскую партию, опирающуюся на профсоюзы. На выборах 1891 года было

* В 1905 году общее число членов Конгресса тред-юнионов составляло 1 541 тысячу человек.

избрано 35 из выдвинутых ею 45 кандидатов. Организация лейбористской партии в Квинсленде фактически завоевала в 1899 году парламентское большинство, а первое прочное лейбористское правительство было сформировано в Новом Южном Уэльсе в 1912 году¹⁵. В 1941 году вся Австралия была под властью лейбористского правительства.

Новозеландская лейбористская партия была образована в 1916 году, а первое всецело лейбористское правительство пришло к власти в 1936 году¹⁶. В Новой Зеландии, как и в Австралии, ведущую роль в организации лейбористской партии играли марксисты. В Южно-Африканском Союзе, где до англо-бурской войны 1899—1902 годов тред-юнионизм не играл сколько-нибудь заметной роли, имеются сейчас несколько профсоюзных федераций и сравнительно сильная лейбористская партия. Несколько иным путем, чем в Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке, шло политическое развитие рабочего класса в Канаде. В 1904 году там возникла социалистическая партия Канады и в 1919 — Коммунистическая партия, но опирающаяся на профсоюзы широкая лейбористская партия, подобная партиям в Австралии и Новой Зеландии, не была создана. Это объяснялось в значительной степени консервативным влиянием Американской федерации труда, которая, будучи злейшим врагом независимых политических действий рабочего класса, всегда душила канадское рабочее движение.

Глава 16

ОЖЕСТОЧЕННАЯ ПРОФСОЮЗНАЯ БОРЬБА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ (1876—1900)

Последняя четверть XIX века отмечена сильным ростом профсоюзного движения во всех ведущих капиталистических странах. Только что мы видели, какие формы это приняло в Германии и Великобритании; теперь мы остановимся на борьбе рабочего класса в Соединенных Штатах. В течение этого периода американским профсоюзам пришлось вести беспримерную по своей ожесточенности классовую борьбу, какой не знала ни одна

крупная капиталистическая страна. Массу рабочих в сталелитейной, угольной, текстильной и других отраслях промышленности составляли лица иностранного происхождения.

Американский капиталистический класс, который быстро становился самым богатым в мире, был также и самым жестоким. Едва успев одержать победу над работодателями в гражданской войне, он развил лихорадочную деятельность, прибирая к рукам земельные, лесные и рудные богатства страны при услужливой помощи государственных чиновников. Капиталисты полностью контролировали правительство. Они ввезли в страну огромные армии иммигрантов — с 1870 по 1914 год было ввезено 25 123 457 человек¹ — и массами вовлекали их на свои фабрики и заводы, подвергая убийственной эксплуатации. Они яростно противились всем попыткам рабочих организовать профсоюзы, бесстыдно грабили мелких фермеров. Капиталисты создавали огромные тресты, которые бешено враждовали между собой, отбирая друг у друга железные дороги и промышленные предприятия, словно обыкновенные гангстеры и бандиты. В Соединенных Штатах шло развитие монополистического капитализма — империализма.

Войска против забастовщиков

В течение последней четверти XIX века многие забастовки достигли напряженности местных гражданских войн, в которых борющиеся рабочие оказывали сопротивление правительственным войскам и вооруженной заводской охране. В первой шеренге широкого фронта классовой борьбы шли железнодорожники. В 1877 году забастовка железнодорожных рабочих потрясла страну, подобно взрыву; это была первая общенациональная забастовка в американской истории. Железнодорожные союзы были в эту пору очень малочисленны и не играли большой роли. Начавшись среди неорганизованных рабочих — негров и белых в Мартинсбурге (штат Огайо) 16 июля в знак протеста против снижения заработной платы, забастовка распространилась с быстротой молнии по всей стране: от Нью-Йорка до Калифорнии и от Канады до Мексиканского залива, парализовав много важных магистралей. Перепуганные власти приняли суровые

меры против забастовщиков, пытаясь сломить эту небывалую стачку. Железнодорожные рабочие, поддержанные рабочими других отраслей, решительно сопротивлялись. За время забастовки десятки рабочих, солдат были убиты, сотни человек ранены, большое число забастовщиков было арестовано; много железнодорожного имущества подверглось уничтожению. «Это не забастовка, а революция», — вопила буржуазная печать. Рабочие Сент-Луиса, возглавляемые социалистами, неделю удерживали город, 2 августа великая забастовка была подавлена, но вся нация получила первый наглядный урок, показавший грандиозную силу рабочего класса². После этой забастовки встревоженный класс капиталистов начал строить во всех крупных городах арсеналы, которые должны были служить укреплениями для войск в случае новых выступлений рабочих. Эта тактика продолжается и по настоящее время.

Еще одной из нескольких крупных железнодорожных забастовок этих бурных десятилетий была стачка, объявленная в 1894 году Американским союзом железнодорожников (АСЖ) — независимой организацией, во главе которой стоял Юджин В. Дебс, ставший впоследствии лидером социалистической партии. АСЖ возглавил забастовку 26 июня в знак солидарности с бастовавшими рабочими Чикагского вагоностроительного завода компании «Пульман». Забастовка и на этот раз распространилась очень быстро, несмотря на противодействие консервативного руководства железнодорожных братств. Бастовала, вероятно, одна треть из 85 тысяч железнодорожных рабочих. Правительство и Всеобщая ассоциация предпринимателей решили раздавить забастовку. Против забастовщиков были брошены федеральные войска; правительство издало указ, объявлявший забастовку противозаконной, так как она нарушала работу государственной почты. Дебс и другие руководители забастовки были арестованы. Забастовка была сломлена после того, как Гомперс и руководство Братств железнодорожников отказались поддержать борьбу всеобщей стачкой³.

Несколько больших забастовок провели в течение этой бурной четверти столетия и шахтеры. Первая из них — «долгая стачка» (с декабря 1874 по июнь 1875 года) — на пенсильванских антрацитовых шахтах проходила в обстановке, близкой к гражданской войне. Эта заба-

ставка завершилась одной из величайших трагедий в истории Америки: 10 ирландских шахтеров было казнено, а еще 14 приговорено к длительным срокам тюремного заключения якобы за принадлежность к тайной террористической организации «Молли Магвайрс»⁴. В 1894 году в Огайо и близлежащих округах забастовало 125 тысяч шахтеров битуминозных шахт. Забастовка была вызвана сокращением заработной платы в момент глубокого экономического кризиса. Подавленная обычными террористическими методами, она была тем не менее одной из тех битв, которые заложили основу Объединенного профсоюза горняков⁵.

Третьей крупной битвой, которую провели шахтеры, была забастовка 145 тысяч шахтеров пенсильванских антрацитовых шахт в 1902 году. Именно в этом районе, в Латтиморе, в 1897 году вооруженная охрана шахт обстреляла мирное безоружное шествие рабочих, убив 19 и ранив 40 человек. Забастовка началась 2 июня и продолжалась пять месяцев в условиях террора. «Каждая шахта превратилась в укрепленный лагерь, обнесенный частоколом и колючей проволокой». «Лидер» врубовых машинистов самодур Джордж Ф. Бейкер заявил, что «о правах и интересах трудящихся позаботятся не рабочие агитаторы, а христиане, которым бог в своей неизреченной мудрости вручил бразды правления собственностью в нашей стране». Солидарность забастовщиков восторжествовала, но дело их было передано в федеральный арбитражный суд, который лишил рабочих многих плодов их победы. Эта историческая забастовка окончательно привела к образованию Объединенного профсоюза горняков и выдвинула на первый план Джона Митчелла, ставшего впоследствии одним из самых известных профсоюзных реакционеров в истории американского рабочего движения⁶. До самой мировой войны угольные копи Алабамы, Западной Виргинии, других штатов постоянно были ареной боев, стоивших жизни сотням рабочих.

В этот же период одну из самых славных страниц в анналы истории рабочего класса вписали сталелитейщики Питтсбурга. 30 июня 1892 года «Карнеджи стил компани», предшественница фирмы «Юнайтед стейтс стил корпорейшн» в попытке навязать сокращение заработной платы и разгромить сильную Ассоциацию рабочих метал-

лургической промышленности уволила в предместье Питтсбурга, Хомстед, 800 квалифицированных рабочих. 3 тысячи других неорганизованных рабочих сразу же заявили о своей солидарности с уволенными. Борьбу возглавлял Хью О'Доннел. Компания, превратившая свои заводы в укрепленные пункты, попыталась сломить сопротивление рабочих при помощи обычных насильственных мер. С этой целью она доставила из Огайо по реке Мононгахила 300 сыщиков из агентства Пинкертона. Однако рабочие, уже отразившие аналогичное вторжение в 1889 году, заняли сталелитейные заводы и встретили прибывших сыщиков ружейным огнем. В стычке несколько рабочих и сыщиков было убито. Агентам Пинкертона пришлось капитулировать и покинуть город. Несмотря на победу рабочих, компания с помощью войск, судов и шайки наемных головорезов в конце концов после пятимесячной ожесточенной борьбы подавила забастовку. Провал забастовки на десятки лет парализовал профсоюзную деятельность на сталелитейных заводах, но создал одну из величайших боевых традиций организованного рабочего движения. Хомстед навсегда вписан золотыми буквами в историю американского рабочего класса⁷.

На Дальнем Западе в этот период также происходили многочисленные вооруженные забастовки рабочих рудников в Скалистых горах. Борьба рабочих велась под знаменем героической Федерации горняков Запада, основанной в 1893 году, во главе с Уильямом Д. Хейвудом, Винсентом Сент-Джоном и другими революционными борцами. В последнее десятилетие XIX века и в начале первого десятилетия XX века горняки Монтаны, Колорадо и Айдахо давали решительный отпор варварским попыткам шахтовладельцев разрушить их союз и низвести рабочих чуть ли не до положения рабов. Эти забастовки обычно перерастали в ожесточенные бои горняков с войсками штатов и рудничной охраной — бои, в которых вооруженные рабочие доблестно отстаивали свои позиции⁸.

Важным этапом в эти десятилетия ожесточенной классовой борьбы была всеобщая забастовка 1 мая 1886 года, проходившая под лозунгом борьбы за восьмичасовой рабочий день. Эта историческая стачка началась после того, как молодая Американская федерация труда на своем съезде в 1884 году приняла резолюцию, требующую введения после 1 мая 1886 года восьмичасового рабочего

дня, а также призывающую развернуть после 1 мая общую забастовку за введение восьмичасового дня в масштабе всей страны. Это выступление отвечало предложению Промышленного братства, которое за десятилетие перед тем предлагало ввести восьмичасовой рабочий день посредством всеобщей забастовки. Вопрос о восьмичасовом рабочем дне волновал рабочих еще со времени гражданской войны 1865 года, и на этот раз была сделана серьезная попытка решить его на практике. Движение натолкнулось на предательское сопротивление Теренса В. Паудерли, реакционного руководителя «Рыцарей труда» — организации, соперничавшей с АФТ.

В первомайской забастовке 1886 года приняло участие 350 тысяч рабочих; главный ее центр находился в Чикаго, где в союзах было сильно влияние левых. Около 185 тысяч рабочих, в частности строителей, добились восьмичасового рабочего дня. Забастовка послужила колоссальным толчком к развертыванию рабочего движения; в ходе этой борьбы возникло много новых союзов. Она обеспечила также победу АФТ в ожесточенной борьбе с «Рыцарями труда». Эта же великая борьба положила начало празднованию 1 Мая; в 1889 году учредительный конгресс Второго Интернационала постановил считать этот день международным праздником трудящихся⁹.

Всеобщая забастовка 1886 года ознаменовалась одним из гнуснейших преступлений капиталистов против рабочего класса. 4 мая на митинге в Хеймаркете (Чикаго), организованном в знак протеста против зверского убийства шестерых забастовщиков на заводе сельскохозяйственных машин фирмы Маккормик, какой-то неизвестный бросил бомбу, убившую 7 полицейских и 4 рабочих и многих ранившую. Полиция арестовала нескольких вожаков. Это были анархисты или, вернее, анархо-синдикалисты. 11 ноября 1887 года после гнуснейшей кампании и комедии суда, построенной на инсценированных обвинениях, Парсонс, Спайс, Фишер и Энгел были повешены, а Нибе, Шваб и Филден приговорены к длительному тюремному заключению. Линг был найден мертвым у себя в камере; по словам полиции, он покончил самоубийством. Рабочие всего мира бурно протестовали против варварской хеймаркетской расправы, во время которой суды в своих отчаянных попытках уничтожить аме-

риканское рабочее движение опустились до уровня штрейкбрехеров и обыкновенных бандитов.

В этот период происходило много других крупных забастовок, например всеобщая стачка негритянских и белых рабочих в Новом Орлеане в 1892 году и забастовка чикагских возчиков в 1905 году, во время которой 20 человек было убито, 400 ранено и 500 арестовано. Сотни яростных забастовок 1875—1900 годов были вызваны попыткой предпринимателей помешать разворачиванию профсоюзного движения. Это была жестокая борьба, бушевавшая еще в течение нескольких десятилетий, пока, наконец, в тридцатых годах рабочим не удалось создать союзы в основных трестированных отраслях промышленности.

Политический союз рабочих и фермеров

Многим ожесточенным забастовкам 1876—1900 годов сопутствовало широкое политическое движение трудящихся масс. В этой борьбе складывался союз рабочих, фермеров и городской мелкой буржуазии, носивший специфически американский характер, совершенно не похожий на все то, что происходило до тех пор в Европе. Сплочение демократических сил в общей борьбе против монополистического капитала делало этот союз историческим предвестником организаций народного фронта и борьбы тридцатых годов XX века. Движение было направлено против гнета и разбойничьей политики трестов. Эта всеобщая борьба приняла форму трех широких волн: фермерское движение в семидесятых годах, движение рабочей партии гринбекеров в восьмидесятых и создание народной партии в девяностых годах¹⁰.

Костяком движения были бедные фермеры среднего запада и юга. Зажатые в тиски ростовщицескими банками алчных железнодорожных и других трестов и преданные продажными политиками буржуазных партий, они искали выхода в активных самостоятельных политических действиях. Одним из ударных отрядов этих сил был Национальный союз цветных фермеров, объединявший 1 250 тысяч человек и действовавший на юге страны, где хозяйничал Ку-Клукс-Клан¹¹. Рабочие, которые вели в это время отчаянную борьбу на промышленном фронте и в среде которых были живы традиции рабочих партий, также быстро двигались по пути самостоятельных

политических действий, хотя их профсоюзные вожаки проявляли в этом вопросе гораздо меньше энтузиазма. Политический союз рабочих и фермеров привлек также широкие слои мелкой буржуазии, на которую все больше давили тресты.

Центральным требованием этого широкого движения был выпуск дешевых денег, сперва бумажных, а затем в виде серебряной монеты — по соотношению 16 унций серебра за 1 унцию золота. Фермерам это казалось панацеей, которая должна была принести им избавление от душивших их долгов, что было, конечно, иллюзией. Рабочие, не столь восторженно относившиеся к денежной реформе, тем не менее поддерживали это требование, считая, что увеличение количества денег в обращении будет означать наступление лучших времен и обеспечит им больше работы.

Движение направляло свой огонь также против алчных железнодорожных компаний, требуя на первое время регулирования тарифов и в конечном счете перехода железных дорог и телеграфа в собственность государства. Народный политический союз требовал также предоставления государственных земель тем, кто действительно живет на них, и демократизации правительства.

Наибольшее число голосов это движение рабочих и фермеров собрало на выборах в конгресс в 1878 году (1 050 тысяч голосов, или около 12 процентов общего числа поданных голосов). Оно еще много лет оставалось решающей силой в сельскохозяйственных штатах юга и запада. На востоке одной из крупнейших битв, проведенных в это время, была кампания 1886 года за избрание Генри Джорджа мэром Нью-Йорка. Джордж, вероятно, одержал бы победу, но клика политиканствующих мошенников фальсифицировала результаты выборов. В конечном счете движение выдохлось и распалось во время президентской кампании 1896 года, когда Уильям Дженнингс Брайан, прославившийся своей борьбой за свободную чеканку серебра, объединил на выборах кандидатские списки народной и демократической партий.

Выборы 1900 года были последней серьезной попыткой этого поколения рабочих и фермеров создать широкую независимую политическую партию. Они, однако, были недостаточно сильны, чтобы порвать политические оковы, которыми опутали их агенты трестов — республикан-

ская и демократическая партия. В политической области победу одержал не рабочий класс, а быстро развивавшиеся тресты.

«Рыцари труда» и Американская федерация труда

В течение трех бурных десятилетий до 1900 года рабочий класс не только провел много забастовок и избирательных кампаний, но и создал также две крупные общенациональные рабочие федерации: «Благородный орден рыцарей труда» и Американскую федерацию труда. «Рыцари труда» были фактически организованы в 1869 году в Филадельфии во времена Национального рабочего союза, но приобретать влияние они начали лишь в результате большого подъема рабочего движения, начало которому положила историческая забастовка железнодорожников 1877 года. В начале восьмидесятых годов после нескольких внушительных забастовок и бойкотов организация начала разрастаться, словно степной пожар, достигнув максимальной численности в 1886 году, когда охватывала около 600 тысяч человек. К концу девяностых годов оно фактически затухло ¹².

Под сильным давлением масс «Рыцари труда» поставили своей целью «собрать в одном лоне всех благородных тружеников без различия национальности, пола, вероисповедания или цвета кожи». Девизом этой организации было: «Кто обидел одного — обидел всех». Орден стремился к «полному освобождению производителей богатств от гнета наемного рабства». Он опирался в основном на классовые принципы и в соответствии с этим в духе своего предшественника НРС развернул активную работу по организации в союзы не только квалифицированных, но и неквалифицированных рабочих, а также женщин и негров. В этом отношении он провел большую работу на Юге, где около 10 процентов членов «Рыцарей труда» были негры.

Будучи вначале сугубо тайной организацией со сложным ритуалом, орден в 1881 году отказался от секретности и открыто включился в классовую борьбу. Он провел много забастовок и бойкотов, несмотря на то, что руководство «Рыцарей труда», особенно их «великий магистр» Т. В. Паудерли, решительно противилось такого рода действиям. Паудерли, на примере которого особенно ясно

проявилось разлагающее влияние капитализма на рабочих лидеров, старался отвлечь членов ордена от активной борьбы и направить их деятельность по таким каналам, как производственные кооперативы, денежная и земельная реформы, агитация за трезвенность и единый налог. Хотя «Рыцари труда» были боевой организацией, Паудерли проповедовал гармонию интересов капитала и труда: «Люди, владеющие капиталом,— не враги нам»,— заявлял он.

Как указывает Фонер, это противоречие между радикализмом рядовых членов и консервативностью руководства пропизывало насквозь всю структуру «Рыцарей труда». Предательская позиция Паудерли во время большой забастовки 1886 года, проходившей под знаком борьбы за восьмичасовой рабочий день,— позиция, которая оказала пагубное действие на «Рыцарей труда», целиком отвечала всему духу его подрывной политики. Роковой удар нанесла «Рыцарям труда» и их неспособность сохранить руководство над квалифицированными рабочими. В рядах «Рыцарей труда», как убедительно доказывает Фонер, состояло много квалифицированных рабочих, и эта организация ввела в практику созыв национальных профсоюзных собраний в целях вовлечения этих рабочих в союзы. Однако Паудерли недооценивал важную роль, которую все еще играли в промышленности квалифицированные рабочие. Он заявлял, что машина, «сберегающая труд, низвела квалифицированного рабочего до уровня поденщика и вскоре между ними не будет никакой разницы»¹³. Союзы квалифицированных рабочих постепенно отходили от «Рыцарей труда» и организовывали отдельное, в конечном счете враждебное им движение. В итоге это привело к образованию Американской федерации труда (АФТ).

АФТ была основана в Питтсбурге 15 ноября 1881 года шестью цеховыми союзами: печатников, плотников, литейщиков, стекольщиков, табачников и металлистов, насчитывавшими в общей сложности около 50 тысяч членов. Влиятельное положение «Рыцарей труда» сначала не давало ей играть сколько-нибудь заметную роль, но начатая по инициативе АФТ большая забастовка 1886 года, которую саботировали лидеры «Рыцарей труда», выдвинула АФТ на первый план. В течение некоторого времени их лидеры поддерживали дружественные отношения и

пытались провести слияние этих двух организаций, но их усилия потерпели провал, и вскоре организации вступили в единоборство, имевшее роковой исход для «Рыцарей труда».

АФТ с самого начала претендовала на руководящую роль по отношению к рабочим Канады. Руководители АФТ пытались рассматривать центральную организацию этой страны просто как одну из местных федераций труда. В 1902 году, через несколько лет после образования Канадской профсоюзной ассамблеи труда, АФТ не признала права этой организации регистрировать федеральные и местные союзы, а собственные интернациональные союзы АФТ пользовались в Канаде полной автономией¹⁴. Канадские союзы внутри АФТ неоднократно вступали в конфликт с ее руководителями, отстаивая свое право вершить собственные дела. Это был один из двух случаев (вторым была Ирландия), когда профсоюзы независимой страны контролировались союзами соседнего государства.

Организатором АФТ был еврейский рабочий — табачник Сэмюэль Гомперс, иммигрант из Лондона. Создавая АФТ, Гомперс и его соратники имели в виду создать организацию совсем иного типа, чем «Рыцари труда». Образцом для АФТ служило английское профсоюзное движение, которое в то время опиралось почти исключительно на квалифицированных рабочих и сотрудничало с предпринимателями за счет рабочего класса в целом. Политически она стремилась выступать в качестве рабочего крыла либеральной партии. Устав АФТ был списан почти слово в слово с устава Конгресса британских тред-юнионов¹⁵, а руководящий орган новой федерации, законодательный комитет, был точной копией парламентского комитета английской организации. В течение многих лет международные связи АФТ сводились к обмену делегатами с английскими союзами на соответствующих национальных съездах.

В прошлом Гомперс, Макгайр, Страссер, Лаурелл и другие основатели АФТ были или прикидывались социалистами. Сам Гомперс как-то заявил, что он изучал немецкий язык, чтобы иметь возможность читать Маркса в оригинале. «Я разделяю веру самых передовых мыслителей, — говорил он, — в конечные цели, в том числе в уничтожение системы наемного труда»¹⁶. Он называл Энгельса и Зорге своими друзьями и с уважением отзывался о

Марксе. В письме Виктору Делайе Гомперс утверждал, что целью его организации является «конечное освобождение мирового пролетариата»¹⁷. Даже поверхностное знакомство Гомперса и его друзей с марксизмом позволило им избежать многих пагубных, специфически «американских» ошибок лидеров «Рыцарей труда» и, в частности, увлечения последних такими панацеями, как кооперация, денежная и земельная реформы и единый налог. К 1900 году АФТ насчитывала 548 321 члена и продолжала быстро расти. «Рыцари труда» (имевшие в 1890 году всего 100 тысяч членов) были фактически мертвы к началу века, пав жертвой грубых ошибок руководства. Сам Паудерли был в 1893 году провален на выборах в руководство «Рыцарей труда» левым крылом организации и провел остаток своих дней в качестве мелкого чиновника на службе федерального правительства¹⁸.

На первых порах АФТ, рожденная в огне великих классовых битв 1876—1900 годов, в значительной мере сохраняла воинственность и классовый дух и исходила в своих действиях из признания классовой борьбы. Но в 1890 году она окончательно складывается как организация прежде всего квалифицированных рабочих, опирающаяся на принцип гармонии интересов капитала и труда. Она вступила на путь отстранения неквалифицированных рабочих, негров и женщин, на путь борьбы против социализма и движения за рабочую партию, привязывая рабочих к капиталистическому строю и торгуя интересами рабочего класса во имя мнимого благополучия квалифицированных рабочих. При этом надо сказать, что цинизм и личная продажность главарей АФТ далеко превзошли все, что было когда-либо видано в Великобритании или любой другой стране. Вскоре гомперизм стал во всем мире символом всего продажного и реакционного в рабочем движении.

Роль марксистов

В течение периода 1876—1900 годов главной политической организацией американских марксистов была социалистическая рабочая партия. Несмотря на свою малочисленность и различные идеологические недостатки, марксисты играли очень важную роль во многих ожесточенных экономических и политических битвах тех лет.

В своем большинстве это были рабочие-иммигранты, которые составляли основную массу рабочей силы в главных отраслях промышленности и которые привезли на свою новую родину радикализм, усвоенный ими в Европе. Он очень помог в той отчаянной борьбе, которую им пришлось вести против алчных капиталистических хозяев Америки.

Марксистам приходилось вести борьбу с рядом чуждых идеологических течений в рабочем классе, не говоря уже о таких чисто американских уклонах, как увлечение денежной и земельной реформами и единым налогом и шовинистическая позиция в отношении негритянского народа. Прежде всего следует упомянуть о лассальянстве, ввезенном немецкими иммигрантами. Этот уклон с его умалением роли профсоюзного движения долго служил источником борьбы не только в АФТ и «Рыцарях труда», но также в СРП. В этой борьбе Гомперс поддерживал марксистов; в своих воспоминаниях он не устает хвалить разумную позицию Маркса, Энгельса, Зорге и других левых в вопросе о профсоюзном движении в семидесятые и восьмидесятые годы ¹⁹.

Бакунизм, ослаблявший Первый Интернационал, также сыграл свою отрицательную роль в Соединенных Штатах. Самым видным его представителем был Иоганн Мост. В восьмидесятых годах бакунисты добились большого влияния в Чикаго, Питтсбурге и других местах. Бакунисты раскололи СРП. Но хеймаркетская трагедия нанесла удар бакунизму, а рост профсоюзных и политических выступлений все больше ослаблял его.

Опаснейшим уклоном, с которым рабочим и, в частности, марксистам приходилось вести борьбу в эти годы, был «чистый и простой» тред-юнионизм Гомперса. Он являлся носителем буржуазного влияния в рабочем движении. К 1900 году этот правый оппортунизм достиг полного размаха и уже являлся в рядах рабочего класса главным препятствием на пути развития сильного и прогрессивного рабочего движения.

Одной из многих слабых сторон первых марксистов была развитая среди социалистов-иммигрантов, особенно немцев, сектантская тенденция устраняться от общей борьбы рабочих и заниматься главным образом делами своих национальных групп. Энгельс, внимательно следивший за развитием американского рабочего движения, не

раз резко выступал против сектантской отчужденности и настаивал на полном участии во всех экономических и политических движениях рабочих ²⁰.

Эти хронические сектантские тенденции в новых формах сильно обострились с приходом к руководству СРП в 1890 году псевдомарксиста Даниеля де Леона. Человек блестящего ума, де Леон сразу же начал толкать СРП к ультралевым, сверхреволюционным воззрениям в политике. Он призывал рабочих покидать массовые профсоюзы с их примитивными взглядами и продажным руководством и создавать совершенные революционные производственные союзы. Всякую борьбу рабочих за политические реформы он считал вредной, ибо, по его мнению, у рабочих имеется лишь одно требование — пролетарская революция. Он яростно восставал против всяких тенденций к созданию рабочей партии и какого бы то ни было сотрудничества с борющимися фермерами. Негритянский вопрос для де Леона просто не существовал, хотя в то время на Юге еженедельно происходили ужасные линчевания и негры по всей стране подвергались неслыханным притеснениям и эксплуатации ²¹.

Узкое сектантство де Леона, догматически прикрываемое марксистской фразеологией и поддерживаемое бюрократическим правлением в СРП, породило вскоре сильную оппозицию. Сектант де Леон не мог долго держать в оковах американское социалистическое движение, стремившееся активно участвовать в широкой экономической и политической борьбе, которую вел в то время рабочий класс. Неизбежным результатом был раскол партии в 1900 году. Год спустя это привело к образованию социалистической партии под руководством Морриса Хилквита, Ю. В. Дебса и Виктора Бергера.

Глава 17

ОРГАНИЗОВАННЫЕ РАБОЧИЕ ВО ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ И ИСПАНИИ

(1876—1900)

После серьезного поражения, понесенного французским рабочим классом, — падения Парижской коммуны 1871 года (см. главу 8) — рабочие постепенно восстанавли-

ливали свои профсоюзы. Начиная с 1876 года, ежегодно стали созываться национальные рабочие съезды. Возрождение профсоюзов совершалось в условиях развития промышленности и роста рабочего класса. Хотя основным сектором французской экономики оставалось производство предметов роскоши, заметно выросла также и тяжелая промышленность: с 1880 по 1913 год выплавка стали увеличилась с 383 тысяч тонн до 4 630 тысяч тонн¹.

Рост французского профсоюзного движения

Данные о числе членов союзов в эти десятилетия весьма ненадежны. Сообщалось, что в 1890 году имелось 138 692 члена союза, а к 1894 году число их возросло до 403 440². В 1912 году во Франции насчитывалось в общей сложности 1 064 тысячи членов союза, из которых около 400 тысяч было объединено во Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ). После 1884 года профсоюзы получили по закону право на организацию.

В поисках высших форм организации французские союзы пошли обычным путем создания общенациональных и местных федераций. Первая национальная федерация, или союз, была создана шляпниками в 1879 году; за ней последовали печатники в 1881 году и горняки в 1883 году. К 1910 году существовало уже 66 таких федераций, построенных как по цеховому, так и по производственному принципу³. Однако более важную роль на ранних этапах французского профсоюзного движения играли местные и региональные федерации, или биржи труда.

Французская «биржа» выполняла гораздо более разносторонние функции и пользовалась значительно большей властью над союзами, нежели центральные рабочие советы в англо-американских странах. Такие «биржи» обеспечивали страхование по безработице и на случай увечья, а также осуществляли другие формы социального страхования. Они играли роль собственно бирж труда, имели свои библиотеки, информационные центры, музеи труда и вели просветительную работу, организовывали местные союзы, собирали статистические сведения и проводили забастовки. Как правило, «биржи» получали субсидии от местных органов городского самоуправления. На первых этапах движения рабочие уделяли работе

«бирж» гораздо больше внимания, чем работе национальных федераций.

Первой попыткой объединить французское рабочее движение было основание в 1886 году Национальной федерации рабочих союзов. Главенствующая роль в этом движении принадлежала Жюлю Геду, социалисту-марксисту с сильными левацкими тенденциями. С его точки зрения, профсоюзы должны были служить лишь вспомогательными органами социалистической партии, снабжая ее кадрами и деньгами. Под его удушающим контролем новая национальная организация оттолкнула от себя рабочих и к 1894 году пришла в упадок.

Первая успешная общенациональная организация профсоюзов была создана местными «биржами». Первая «биржа» возникла в Париже в 1887 году; за нею быстро последовало появление аналогичных организаций в Ниме, Марселе, Сент-Этьене и других центрах. В 1892 году имелось 14 «бирж», в 1898 — 74 и в 1908 — 157. В 1892 году, на конференции в Сент-Этьене, «биржи» объединились в общенациональном масштабе в Федерацию бирж труда⁴. Лидером этого движения был Фернан Пелутье, умерший в 1901 году⁵.

Тем временем продолжались усилия создать всеобщую организацию, охватывающую все профсоюзное движение. В 1895 году они завершились образованием в Лиможе Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). Отныне Франция имела две общенациональные организации: одну, состоявшую из местных «бирж», и другую, в которую входили национальные федерации, причем первая была гораздо сильнее. Этот параллелизм привел в конечном счете к тому, что на конгрессе в Монпелье в 1902 году «биржи» влились в ВКТ, однако при этом они не потеряли своего лица. До 1912 года ВКТ состояла из двух национальных секций: «бирж» и федераций — с двумя секретарями, пользовавшимися равной властью. Обе секции проводили отдельные национальные конференции и съезды, и, кроме того, они ежегодно встречались на конгрессах ВКТ.

Развитие французского анархо-синдикализма

Специфические особенности господствующей тенденции французского профсоюзного движения — анархо-синдикализма — начали проявляться после 1895 года, когда анар-

хисты по приглашению Пелутье примкнули к профсоюзам. Анархо-синдикализм представлял собою смешение: а) профсоюзного принципа построения как для повседневной борьбы рабочих, так и для построения будущего общества; б) анархистских воззрений на общество (анархистские методы) и организацию; в) искаженного марксистского принципа классовой борьбы и г) французских революционных традиций. Опыт показал, особенно после того как анархо-синдикализм подвергся суровому испытанию в горниле первой мировой войны и русской революции, что он является не чем иным, как одной из разновидностей оппортунизма, прикрывающегося революционными фразами.

Анархо-синдикалисты целиком уповали на профсоюзы и профсоюзную деятельность. Они утверждали, что профсоюзы, или синдикаты, — единственные организации рабочего класса и что только они одни могут представлять интересы рабочих! Профсоюз в их глазах был не только боевой организацией рабочего класса в настоящий момент, но и производственной организацией завтрашнего дня, после свержения капитализма. Подобная мысль высказывалась еще в дни оуэновского движения в Англии (см. главу 4) и была также одним из пунктов платформы Бакунина в Первом Интернационале. В конце концов она была разоблачена ходом классовой борьбы как утопическая теория.

Французский синдикализм был по своему характеру аполитичным; он решительно отвергал все политические партии и всякое участие в выборах и парламентах. Появлению этой ложной анархистской позиции способствовал ряд факторов. Гед и другие социалистические лидеры того времени серьезно недооценивали профсоюзы, что заставляло рабочих с подозрением относиться ко всем политическим деятелям вообще. Кроме того, в это время в рядах социалистов царил такой раскол, что в 1899 году имелось не менее пяти самостоятельных социалистических партий. Все они переносили свои ссоры в профсоюзы, что еще больше настраивало эти последние против всех политических партий. Ухудшило положение вступление в 1899 году правого социалиста Мильтерана в буржуазное правительство Вальдека-Руссо. Это была измена, потрясшая весь Второй Интернационал и еще больше оттолкнувшая французское профсоюзное движение от политики.

Анархо-синдикалисты придерживались того взгляда, что надо не проникать в государство изнутри, а полностью уничтожить его извне при помощи прямых действий.

Анархо-синдикалисты широко пользовались забастовками как оружием в повседневной борьбе рабочих, поддерживая их широким применением бойкота и практикой саботажа. Такого рода саботаж по принципу «плохая работа за плохую оплату» испокон веку применялся в рабочих организациях многих стран в самых различных формах. Когда дело доходило до серьезной схватки, французские союзы, не колеблясь, заставляли при помощи различных ухищрений «бастовать машины». Этот метод также давно известен рабочему движению различных стран, в том числе АФТ. Ведя борьбу с безжалостными предпринимателями, старавшимися голодом принудить рабочих к покорности, и реакционным правительством, которое, не колеблясь, пускало в ход оружие, французские синдикалисты активно защищали саботаж как законное оружие рабочих в классовой борьбе. В 1900 году съезд ВКТ поддал 117 голосов за саботаж при 76 против него⁶.

Французские синдикалисты выдвинули также кардинальный принцип «воинствующего меньшинства». Это была небольшая группа особенно активных и мужественных рабочих, «крохотная закваска, приводящая в состояние брожения всю массу». Это воинствующее меньшинство должно было приводить в движение массы рабочего класса и в случае саботажа вести в основном борьбу от имени всех рабочих. Большое значение придавалось также анархистским принципам стихийности, препятствовавшим созданию сильных союзов и укреплению дисциплины.

Опраясь в общем на массовые действия широких профсоюзов, анархо-синдикалисты не отводили места индивидуальному террору анархистов. Террористические акты, игравшие такую видную роль в анархистском движении восьмидесятых и девяностых годов XIX века, полностью отсутствовали в синдикалистском движении, — лишнее доказательство марксистского влияния.

Главным оружием, которое, по мысли синдикалистов, должно было в конце концов свергнуть капитализм, была всеобщая стачка, за которую анархисты ратовали с давних пор на конгрессах Первого и Второго Интернационалов. «Полное прекращение работы — это революция», — заявила в 1894 году Федерация бирж⁷. В своей книге

«Как мы совершим революцию» видные профсоюзные деятели Пато и Пуже разъяснили, как французские союзы того времени намеревались уничтожить капитализм посредством всеобщей забастовки. Это свидетельствовало о сильной переоценке ударной мощи профсоюзов, а также о недооценке сил капиталистического государства при подобном критическом положении. Французские рабочие, имевшие опыт революций 1789, 1830, 1848 и 1871 годов, ухватились за план уничтожения капитализма при помощи всеобщей стачки.

Различные группировки социалистов во Франции заняли разные позиции по отношению к развивавшемуся синдикализму. Однако основное марксистское течение, во главе которого стоял в то время Жюль Гед, порвавший с ним во время первой мировой войны, наотрез отвергало все синдикалистские установки. В 1905 году пять социалистических партий Франции объединились в единую партию, но эта объединенная партия не смогла убедить рабочих и ВКТ поддержать практику политических выступлений и общую марксистскую линию борьбы. Однако на всех съездах ВКТ социалисты составляли сильное меньшинство.

Можно сказать, что французский синдикализм достиг своей зрелости на Амьенском съезде ВКТ в 1906 году. На этом собрании он впервые выявился как самостоятельная тенденция в рабочем движении. Один из делегатов съезда Латапье заявил: «Здесь слишком много говорили так, словно на съезде присутствуют одни социалисты и анархисты. Намеренно забывают, что здесь имеются также синдикалисты. Синдикализм — это новая социальная теория». Принятая на съезде резолюция, знаменитая Амьенская хартия, написанная главным образом генеральным секретарем ВКТ Грифуэльсом, провозгласила независимость ВКТ от всех политических школ и партий, одобрила классовую борьбу и заявила, что профсоюз (синдикат), «являющийся в настоящее время отрядом сопротивления рабочего класса, станет в будущем производственно-распределительной ячейкой, основой социального переустройства»⁸.

Теоретическую работу по развитию французского анархо-синдикализма проделала в основном группа рабочих, профсоюзных активистов и лидеров, включая Фернана Пелутье, Виктора Грифуэльса, Эмиля Пуже, Жоржа

Ивето и других. Однако к этому приложили свою руку и многие интеллигенты: Анри Бергсон, Поль Лагардель, Густав Эрве, Жорж Сорель и другие. Крупнейшим из них был Сорель. Главным «вкладом» Сореля являлось прославление насилия в классовой борьбе и низведение всеобщей забастовки и социализма до уровня социальных мифов. Сорель, в частности, критиковал многие принципы марксизма. Общей его линией была критика марксизма «слева». Поскольку прудонистские и бакунистские теории были неуместны в современном рабочем движении, а бернштейнианский правый ревизионизм не отвечал революционному духу французских рабочих, Сорель попытался дать анархо-синдикализму приглашенную философию, приспособив для этой цели марксизм. При этом Сорель, подобно Бернштейну, продолжал называть себя марксистом.

В качестве «новой социальной теории» синдикализм не привился в мировом рабочем движении и был осужден на провал. Но прежде он вызвал сильное брожение в рабочих кругах многих стран. К этому вопросу мы еще вернемся.

Марксистское профсоюзное движение в Италии

В главе 9 мы видели, что на первых этапах, в течение пятидесятих годов и в начале шестидесятых, итальянское рабочее движение находилось под руководством буржуазных республиканцев, типичным представителем которых был Мадзини. Дальнейший путь движения вел (до начала семидесятых годов) к бакунистскому анархизму. Начиная с семидесятых годов, господствующей политической идеологией среди организованных итальянских рабочих и крестьян стал марксизм. Рост марксизма происходил через многочисленные экономические и политические организации и нашел свое завершение в классических для Европы того времени формах — в создании широкой социалистической партии и Национальной федерации труда.

Одним из важнейших шагов на этом пути было образование в 1882 году рабочей партии под руководством Ч. Ч. Джаззари. Эта организация развернула за время своего существования — до 1888 года — довольно значительную деятельность. Но господствующим типом движения были упоминавшиеся ранее «фашии» (союзы).

Это движение, представлявшее нечто среднее между промышленной и экономической организацией с левой программой, быстро разрасталось. Подобно всем прочим организациям рабочего класса, «фашии» подвергались правительственным преследованиям. У этого-то раннего типа подлинно рабочего движения Муссолини заимствовал поколение спустя название для своего контрреволюционного «Союза борьбы».

«Фашии» были прямыми предшественниками социалистической партии. Эта партия, организованная в Генуе в августе 1892 года⁹, приняла в свои ряды «фашии» и профсоюзы в промышленных и сельскохозяйственных районах. Выдающимся лидером партии был в то время Филиппо Турати, впоследствии видный итальянский ревизионист. Вождем сильного левого крыла в этот период являлся Артуро Лабриола.

К этому времени относится появление и собственно профсоюзного движения. Как и испанские профсоюзы, оно строилось в организационном отношении по образцу французского рабочего движения с его сильным упором на местные «биржи» или рабочие советы. История рабочего класса знает много примеров, когда молодое рабочее движение строилось по образцу старого, с которым оно находилось в тесных отношениях. Так зарождавшиеся рабочие движения в английских колониях и доминионах почти неизменно называли свои национальные организации конгрессами тред-юнионов; точно так же в Средней Европе молодые профсоюзные движения обычно имели свои «всеобщие комиссии» по немецкому образцу, а в наши дни профсоюзы стран народной демократии обычно следуют в своей организационной структуре примеру советских профсоюзов.

Первые итальянские палаты труда или местные профсоюзные советы, аналогичные французским биржам труда, были организованы в Милане, Турине и Пьяченце в 1891 году. За ними быстро последовали другие, инициатива создания которых принадлежала социалистам. В 1901 году число их достигло 60. В 1893 году состоялся национальный съезд с участием 12 таких советов и была создана Федерация итальянских рабочих советов. Новая национальная организация приняла программу действий в духе программы аналогичной организации во Франции; однако тогда как во Франции профсоюзное движе-

ние находилось под руководством левых, в Италии его контролировали более консервативные элементы. Весь этот период «фашии» продолжали играть важную и активную роль. На партийном съезде в 1893 году один из их руководителей передал приветствия от 65 тысяч организованных «крестьян»; сообщалось также, что в общей сложности «фашии» охватывали около 300 тысяч крестьян, горняков и фабричных рабочих.

В 1902 году возник Генеральный секретариат сопротивления, которому было поручено объединить в общенациональном масштабе различные элементы итальянского профсоюзного движения. В октябре 1906 года в Милане была организована ВИКТ во главе с Ринальдо Риголо. На учредительном съезде ВИКТ большинство составляли правые социалисты, но имелось также сильное меньшинство, состоящее из анархистов, синдикалистов и левых социалистов. Новая национальная централизованная организация приняла программу, которая, одобряя политические действия, в то же время утверждала независимую позицию по отношению ко всем политическим партиям. Одной из самых показательных черт итальянского профсоюзного движения было то внимание, которое оно с самого начала уделяло массам сельскохозяйственных рабочих, работавших в крупных поместьях, или латифундиях. Тридон сообщает нам о забастовке 300 тысяч батраков в 1894 году¹⁰. В 1907 году ВИКТ насчитывала 190 422 члена, а к 1911 году ее численность возросла до 383 770 человек¹¹. Рост этой организации происходил в обстановке быстрого развития итальянской промышленности, особенно с 1900 по 1913 год.

Рабочему движению, промышленному и политическому, приходилось вести борьбу в условиях сильнейших правительственных преследований. Сотни рабочих были расстреляны, брошены в тюрьмы. Но волна забастовок продолжала нарастать по всей Италии. В 1898 году правительство издало декрет, фактически являвшийся попыткой ликвидировать профсоюзы. Тем не менее союзы и партия продолжали расти. Энгельс заявил по поводу этого периода в Италии: «Италия переживает те же испытания, через которые пришлось пройти Германии в течение 12 лет действия закона против социалистов. Германия одержала победу над Бисмарком; Италия восторжествует над Криспи»¹². Это пророчество сбылось.

Как вообще в латинских странах, итальянские рабочие уже давно используют в качестве своего оружия местную общенациональную всеобщую забастовку. Мы уже видели, что попытки провести всеобщую забастовку, близкую по своему характеру к восстанию, делались бакунистами в семидесятых годах. В обсуждаемый нами период одной из самых значительных битв этого типа была всеобщая забастовка в Генуе в 1900 году, подавленная силой. Но самой важной классовой битвой этого периода явилась всеобщая стачка 1904 года.

Причиной этой большой забастовки, которую Крук называет «одной из крупнейших стачек в истории рабочего движения до этого времени»,¹³ было возмущение рабочего класса крайними насильственными мерами, к которым прибегли полиция и войска, чтобы подавить несколько предшествующих забастовок. Инициатива объявления всеобщей забастовки исходила, собственно, от рабочего совета Монцы; Миланский и другие советы подхватили эту инициативу, и 5 сентября борьба началась. В забастовке приняли участие рабочие многих категорий; экономическая жизнь страны была в значительной мере парализована. В разгар стачки бастовало около 1 миллиона рабочих. Забастовка, представлявшая, в сущности, грандиозную демонстрацию протеста, была прекращена 19 сентября совместным решением местных рабочих советов. Поскольку официальное рабочее движение контролировалось реформистами и революционное меньшинство было лишено возможности действовать эффективно, забастовка была сорвана ее бюрократившимся руководством. Канделоро заявляет, что она оставила у рабочих неприятный осадок¹⁴.

В октябре 1907 года, опираясь на решения Стокгольмского конгресса Второго Интернационала, СП и ВИКТ установили тесное сотрудничество, которое приняло впоследствии форму договора о союзе. В итоге профсоюзы в еще большей степени подпали под разлагающее влияние реформистов из социалистической партии. А это в свою очередь стимулировало рост синдикализма, как протест против реформизма.

Профсоюзы в Испании

В 1876 году после роспуска Первого Интернационала анархизму удалось просуществовать еще несколько лет в качестве международного течения (см. главу 9). В не-

которых странах, например в Великобритании, анархизм умер как реальная сила в классовой борьбе; в других, как это было во Франции, он фактически растворился в анархо-синдикалистском движении. В Испании, однако, анархизм, имевший много последователей среди пролетариата, оставался важным фактором в рабочем движении до гражданской войны 1936—1939 годов и даже после нее. Эта историческая живучесть анархизма — результат специфических испанских условий, главным из которых было отсутствие в Испании крупной промышленности, а также общая слабость марксистского движения в этой стране.

Оплот испанского анархизма со времен Первого Интернационала находился в Барселоне, главном центре малоразвитой испанской экономики. Барселонские анархисты играли ведущую роль в профсоюзном движении, стараясь направить его на путь анархо-синдикализма. Движение распространилось также на Андалузию, где оно пользовалось влиянием среди обедневшего крестьянства. В последнюю четверть XIX века Барселона, где царила самая разнузданная эксплуатация и тирания, была ареной многих упорных забастовок и политических битв. О влиянии анархистских элементов говорит целый ряд террористических актов, совершенных в это время, особенно в девяностых годах. Главной анархистской организацией в течение большей части этого периода была основанная в 1881 году Федерация рабочих Испании. Она просуществовала до 1888 года и была заменена рядом местных группировок и в конечном счете Федерацией анархистов Иберии. Довольно долго профсоюзное движение развертывалось главным образом в подполье.

Центр марксистского движения в Испании находился в Мадриде, где имелся малочисленный пролетариат. В 1879 году была образована социалистическая партия Испании. Вождем ее был Пабло Иглесиас, ставший впоследствии одним из известнейших правосоциалистических деятелей во Втором Интернационале. В 1888 году по инициативе марксистов был организован первый действительно профсоюзный центр — Всеобщий союз трудящихся (ВСТ). В 1890 году эта организация имела 7 секций и 2 тысячи членов; в 1900—138 секций и 50 тысяч членов и в 1913 году — 331 секцию со 147 тысячами членов¹⁵.

Однако союзы в районе Барселоны продолжали вести независимое существование, развиваясь в общем в синди-

калистском направлении. В 1908 году под влиянием международного конгресса анархистов в Амстердаме анархисты создали в Испании организацию «Рабочее единство», а в 1910 — Национальную конфедерацию труда, отличавшуюся еще более явным синдикалистским уклоном.

В числе многих тяжелых боев, которые испанский рабочий класс вел на протяжении этого времени, можно назвать всеобщую забастовку 26 июля 1909 года, организованную в знак протеста против войны в Марокко. В этом массовом протесте против войны, который возглавила социалистическая партия, приняли участие социалисты, анархисты, синдикалисты, националисты и радикальные республиканцы. Забастовка, парализовавшая коммунальные предприятия, продолжалась неделю. Центр ее, как всегда, находился в Барселоне. Для подавления этой массовой антивоенной демонстрации правительство прибегло к грубому насилию, после чего начался период жестоких репрессий¹⁶.

Глава 18

ПРОФСОЮЗЫ В ДРУГИХ СТРАНАХ

(1876—1914)

Десятилетия, следовавшие за роспуском в 1876 году Первого Интернационала, отмечены распространением капитализма на многие новые страны и вместе с тем возникновением новых отрядов в растущем мировом профсоюзном движении. В четырех предыдущих главах мы проследили ход развития этого движения в главных капиталистических странах — Великобритании, Соединенных Штатах, Германии, Франции и Италии. Остановимся теперь на положении профсоюзов в других капиталистических странах.

Профсоюзное движение в Нидерландах и Скандинавии

Бельгия и Голландия были первыми капиталистическими странами, и, как уже отмечалось, они начали развивать свою промышленную систему почти в одно время с Англией. Это, естественно, вызвало рост цеховых союзов в середине XIX века. Однако царившая там политическая реакция замедлила его. Тем не менее рабочие этих

стран играли важную роль на конгрессах Первого Интернационала, где их представляли такие видные фигуры, как Сесарде Пепе и Домела Ньювенхьюс, которые стали анархистами. К первой мировой войне профсоюзное движение обеих этих стран, особенно промышленной Бельгии, занимали уже заметное место в мировом рабочем движении. Значение их усугублялось еще и тем, что эти две страны, так же как маленькая Португалия, в период территориального раздела мира, с 1875 по 1900 год, действуя в основном в качестве сателлитов Британской империи, ухитрились прибрать к рукам огромные куски Азии и Африки.

Что касается Скандинавии, то в Дании, Швеции и Норвегии быстрое развитие капитализма началось только около 1880 года. Первой вступила на этот путь Дания. До тех пор в этих по преимуществу аграрных странах имелись лишь отдельные разбросанные цеховые союзы. Уже в 1862 году в Копенгагене имелись 44 цеха, которые были созданы еще в средние века, а по всей Дании — 226 цехов. Последующий быстрый рост объединенного профсоюзного движения в этих странах облегчался тем обстоятельством, что там не было крупных расовых, национальных или религиозных меньшинств, которые могли бы осложнить положение созданием своих самостоятельных организаций.

В Скандинавии первым профсоюзом был союз печатников, образованный в Копенгагене в 1877 году; за ним вскоре последовало много других. К 1885 году в Швеции насчитывалось 105 местных союзов, причем первым национальным союзом был, как обычно, союз печатников. Дания создала первую общенациональную федерацию профсоюзов в 1877 году, но эта организация была временно распущена полицией. В 1898 и 1890 годах возникли шведская и норвежская национальные рабочие федерации. В 1900 году профсоюзное движение Дании охватывало 70 тысяч человек, Норвегии — 5 тысяч и Швеции — 44 тысячи; в 1915 году численность этих трех групп увеличилась соответственно до 132 тысяч, 76 тысяч и 111 тысяч.¹ Общая тенденция вела от цеховой к производственной форме.

Прежде чем укрепиться, скандинавское рабочее движение выдержало много битв, крупнейшей из которых была неудачная забастовка в Швеции в 1909 году. В значи-

тельной степени под идеологическим влиянием соседней сильной немецкой социал-демократии скандинавские рабочие образовали свои социал-демократические партии: в Дании в 1871 году, в Норвегии в 1887 и в Швеции в 1889 году. Норвегия уклонилась от общепринятого пути, создав широкую рабочую партию. Рабочие организовали также в этих трех странах мощное движение потребительских кооперативов. В профсоюзах и социал-демократических партиях всех этих стран имелось довольно сильное левое крыло. После провала забастовки в Швеции в 1909 году левые элементы стали уклоняться в сторону анархо-синдикализма, о чем ниже будет сказано подробнее. Одним из виднейших проводников бернштейнианского ревизионизма был выдающийся скандинавский социалистический деятель швед Хьялмар Брантинг.

Профсоюзы в Восточной Европе

До первой мировой войны, которая привела к революции и разрушению Русской, Германской, Австро-Венгерской и Турецкой империй, такие восточноевропейские страны, как Польша, Чехословакия, Венгрия, Югославия и другие, существовали не как отдельные независимые государства, а как колонии. Развитие промышленности в них парализовалось и задерживалось соседними, более крупными капиталистическими системами. Эти народы находились под железной пятой четырех больших империй, вследствие чего профсоюзное движение развивалось в очень трудных политических условиях, особенно в сфере влияния России и Турции, терроризировавших подвластные им народы. Кроме того, развитие капитализма во всем этом районе, а стало быть и профсоюзного движения, тормозилось тем, что Русская, Австро-Венгерская и Турецкая империи сами занимали по отношению к более сильным империям Запада — Великобритании, Германии и Франции — положение полукolonий.

В России организация профсоюзов, так же как и рабочих и крестьянских партий, была строгойше запрещена варварским царским самодержавием под страхом ссылки на долгие времена в Сибирь. Как мы увидим ниже в особой главе, до революции 1905 года в России почти не было открытых профсоюзов. Такой же режим царил

в Польше, Финляндии и других странах, находившихся под господством России.

В Австрии, где режим носил несколько менее самодержавный характер, в последние десятилетия XIX века существовало несколько разрозненных профсоюзов. В 1892 году металлисты образовали первый общенациональный союз; была также создана Всеобщая комиссия профсоюзов. В следующем году в Австрии состоялся первый Всеобщий профсоюзный съезд. К 1912 году социал-демократические союзы насчитывали в общей сложности 428 363 члена.² В 1888 году была организована социал-демократическая партия, базировавшаяся под руководством Отто Бауэра, Карла Реннера и Виктора Адлера на особой оппортунистической теории австро-марксизма. Эта партия сыграла большую роль в жизни Второго Интернационала. В Австрии, как и в некоторых других странах (см. следующую главу), весьма важную роль играли католические профсоюзы.

В Польше, несмотря на то, что она была разделена на три части, находившиеся соответственно под властью Русской, Германской и Австрийской империй, также возникли зачатки профсоюзного движения, особенно в той части страны, которая контролировалась австрийцами. Первым союзом был союз печатников, созданный в семидесятых годах в Галиции. К началу века в австрийской и германской Польше действовали довольно большие союзы горняков, железнодорожников и рабочих муниципальных предприятий и другие.³ Впоследствии в польском рабочем движении произошел серьезный раскол, вызванный национальными и религиозными разногласиями. Польская социалистическая партия образовалась в 1892 году.

Чехословакия также формально не существовала до окончания первой мировой войны, но под тяжелым национальным и капиталистическим гнетом чешские рабочие еще в 1867 году начали закладывать основы профсоюзного движения. В 1878 году они образовали социалистическую партию. В 1897 году, после того как Австрийская всеобщая федерация профсоюзов отказалась предоставить им автономию в рамках этой организации, они создали собственный национальный централизованный профсоюзный орган. В 1913 году чешские союзы насчитывали 104 574 члена.⁴

Возникновение венгерского профсоюзного движения относится примерно к 1890 году, отмеченному большим количеством забастовок и многолюдной первомайской демонстрацией. В это же время была создана и социалистическая партия. В 1894 году был организован венгерский профсоюзный совет. В период с 1900 по 1905 год возникло много цеховых союзов. В 1912 году в Международный секретариат национальных профсоюзных центров входило 111 966 венгров. В 1897 году в Венгрии была проведена всеобщая забастовка, а в 1905, 1906 и 1907 годах происходили крупные забастовки в сельских районах.

Несмотря на жестокие преследования, в Болгарии в 1894 году была создана социал-демократическая партия, и к концу XIX века там уже имелись зачатки профсоюзного движения. Георгий Димитров, который впоследствии стал председателем Третьего Интернационала, еще в 1879 году был секретарем Союза типографских учеников⁵. Под влиянием русской революции 1905 года в последующие годы в Болгарии произошло большое число забастовок шахтеров, текстильщиков и рабочих других профессий. Молодое профсоюзное движение Румынии, Греции, Сербии и других Балканских стран зародилось примерно в то же время, развиваясь в трудных условиях диктаторского режима. По данным, содержащимся в отчете Международного секретариата профсоюзов за 1912 год, число членов профсоюзных организаций в этих странах составляло: 5 522 в Боснии и Герцоговине, 5 538 в Хорватии, 5 тысяч в Сербии, 9 708 в Румынии и 3 тысячи в Болгарии (данные за 1910 год).⁶

Первые профсоюзы в странах Латинской Америки

В Латинской Америке, на огромных просторах Центральной и Южной Америки и в районе Карибского моря профсоюзное движение стало развиваться в самом конце XIX века,⁷ с того времени, когда англичане начали делать крупные капиталовложения в этих странах (в 1891 году эти капиталовложения достигли 167 миллионов фунтов стерлингов). После испано-американской войны 1898 года примеру англичан стали следовать американцы и немцы. До этого жестоко эксплуатировавшиеся

рабочие и бедные крестьяне активно участвовали в бесконечных восстаниях и революциях, которые периодически возникали во всех двадцати латиноамериканских странах после того, как они в результате революционной борьбы в двадцатых годах прошлого века сбросили с себя иго зависимости от Португалии, Испании и Франции. Но когда рабочие стали непосредственно ощущать влияние империалистического гнета, они развернули забастовочное движение и начали создавать профсоюзы. Зачинателями профсоюзного движения на огромной территории Латинской Америки были анархисты и анархосиндикалисты.

Капиталистические хищники и землевладельцы относились к забастовкам, как к бунтам, и применяли в борьбе с ними самые жестокие меры. Так, в 1907 году во время забастовок в Чили было убито несколько тысяч рабочих, в январе 1919 года, во время «кровавой недели» в Аргентине, было убито 1 500 участников всеобщей забастовки. Такие кровавые расправы с бастующими происходили в течение многих лет.

Подсчитано, что не менее 68 процентов населения стран Латинской Америки составляют индейцы и негры, поэтому национальный состав членов профсоюзов был не однороден. Но в этих профсоюзах полностью отсутствовала расовая дискриминация, оставившая такие позорные следы в истории профсоюзного движения в США и британских доминионах.

С самого начала структура профсоюзов в латиноамериканских странах носила такой же характер, как и во всех полуколониальных и колониальных странах, то есть, помимо обычных цеховых гильдий в городах, там существовали союзы, объединявшие большое число сельскохозяйственных рабочих (батраков крупных сахарных, кофейных, хлопковых, сизалевых и банановых плантаций), шахтеров, портовых грузчиков, текстильщиков и железнодорожников. Еще до первой мировой войны рабочим стран Латинской Америки удалось создать организованные национальные профсоюзные центры в Перу (1884 год), Аргентине (1890 год), Кубе (1890 год), Чили (1909 год), Мексике, Боливии (1912 год) и Эль Сальвадоре (1914 год) ⁸. Уже в 1909 году в Буэнос-Айресе состоялась организованная синдикалистами всеобщая профсоюзная конференция шести южноамериканских стран.

Наряду с профсоюзами развивались также социалистическая партия и анархо-синдикалистское движение.

Наиболее массовое профсоюзное движение в тот период наблюдалось в Мексике, особенно во время революции, начавшейся в октябре 1910 года и длившейся несколько лет. В 1912 году рабочие Мексики начали организовывать профсоюзы и вскоре, объединившись с крестьянством, сражавшимся под руководством Запата и Вильи, стали оказывать решающее влияние на ход революции. В мексиканской конституции, принятой в 1917 году, незадолго до Октябрьской социалистической революции в России, содержались самые радикальные в мире принципы улучшения положения трудящихся. К 1927 году в ходе длительной и напряженной борьбы число членов организованной в 1918 году Мексиканской рабочей конфедерации достигло примерно 2 200 тысяч человек. Большинство из них было сельскохозяйственными рабочими. Таким образом, по численности эта организация лишь немногим уступала Американской федерации труда в США, которая к этому времени насчитывала 2 812 526 рабочих.

В испанских колониях — на Филиппинах, Кубе и Пуэрто-Рико, — захваченных США во время испано-американской войны в 1898 году, американские промышленники продолжали усиленно проводить свою пресловутую антипрофсоюзную политику «открытого цеха». На Филиппинах, где ранее часто происходили крестьянские восстания, в 1902 году был организован первый профсоюз, объединивший рабочих-печатников. В 1908 году был создан профсоюз рабочих табачной промышленности, а в 1913 году в день 1 Мая, который стал национальным праздником, была создана первая общенациональная рабочая организация — Национальный рабочий конгресс Филиппин.⁹ Еще в период господства испанцев на Кубе, примерно с 1895 года, существовали хотя и непрочные местные профсоюзы железнодорожников, а также рабочих сахарной и табачной промышленности. В 1892 году там состоялся первый рабочий съезд. После захвата Кубы американцами рабочие в чрезвычайно трудных условиях стали постепенно создавать свои профсоюзные организации. Первая прочная национальная рабочая федерация — Национальная рабочая конфедерация Кубы была создана в 1920 году.¹⁰ В Пуэрто-Рико в девяностых годах прошлого века также имелись кой-какие местные профсоюзы, которые, как и

профсоюзы Кубы, были связаны с профсоюзными центрами Испании. В 1898 году была создана Региональная федерация рабочих Пуэрто-Рико¹¹, а в 1901 году профсоюзное движение в Пуэрто-Рико волилось в АФТ на тех же началах, что и рабочие федерации отдельных штатов, располагая одним голосом на национальных съездах АФТ. В период перед первой мировой войной профсоюзы всех трех колоний США организовали ряд крупных забастовок, в особенности среди рабочих сахарной промышленности.

Начало профсоюзного движения в Африке

До первой мировой войны единственным сколько-нибудь значительным профсоюзным движением на территории Африки было профсоюзное движение в Южно-Африканском Союзе. Это движение начало развиваться еще в 1887 году, когда в Кейптауне был создан союз столяров и плотников.¹² Но в течение первого же десятилетия XX века, когда Англия, одержав победу над бурами в войне 1899—1902 годов, захватила сказочно богатые золотые и алмазные прииски в этом районе, профсоюзное движение приняло массовый характер. Под гнетом жестокой эксплуатации и диктаторских методов правления, практиковавшихся горнопромышленными корпорациями, белые горняки — главным образом англичане — начали организовывать союзы. Как это характерно для поведения белых в колониальных странах (за исключением прогрессивного меньшинства), они почти полностью игнорировали исключительно тяжелые условия работы и настоятельные нужды огромных масс горняков-негров. На рудниках Йоганнесбурга негры обычно получали в то время в восемь раз меньше, чем белые рабочие.¹³ В настоящее время в Родезии «негр, работающий на медных рудниках, зарабатывает 200 долларов в год, тогда как белые рабочие в среднем получают 5 600 долларов в год» («Нью-Йорк таймс», 13 сентября 1955 года).

Союз горняков провел ряд упорных забастовок. Во время всеобщей забастовки в 1913 году рабочие в течение нескольких дней удерживали в своих руках город Йоганнесбург. Их забастовка была подавлена правительственными войсками под командованием генерала Смэтса. На следующий год они снова организовали всеобщую забастовку, которая опять была подавлена войсками Смэтса.

Все рабочие вожди были арестованы и десять из них высланы без суда. В общей сложности в тюрьмы было брошено 10 тысяч рабочих, принимавших участие в забастовке¹⁴. Во время этих жестоких боев шахтеры — негры и индейцы действовали заодно со своими белыми товарищами и одновременно организовали ряд самостоятельных забастовок.

Условия труда белых рабочих тоже были тяжелыми, и они стремились добиться их улучшения. Но еще тяжелее было положение горняков — негров и индейцев. Белые же профсоюзные лидеры, несмотря на растущую оппозицию со стороны левых элементов, почти ничего не предпринимали для того, чтобы помочь цветным рабочим. Наоборот, они ревниво следили за тем, чтобы не допускать негров в профсоюзы, и старались помешать им овладевать квалифицированными профессиями, а сформировавшаяся в результате многолетней классовой борьбы лейбористская партия протестовала против предоставления избирательных прав неграм и индейцам. В этом смысле их узкошовинистические взгляды сходились с позицией профсоюзов «Белой Австралии» и с дискриминационной политикой многих американских профсоюзов. За последние годы в практике «белых» южноафриканских профсоюзов наметились в этом отношении известные изменения.

Начало пробуждения рабочих Азии

За несколько десятилетий до первой мировой войны началось заметное движение среди трудящихся масс в Азии, обнищание и порабощение которых достигло в условиях беспощадного экономического, политического и военного гнета империалистических держав неслыханных масштабов. На этих огромных территориях с многомиллионным населением начинали формироваться национальная буржуазия и национальный пролетариат, поднявшийся на борьбу за национальное освобождение. Пролетариат еще верил политическому руководству национальной буржуазии своих стран, но он уже начинал вести борьбу не только в интересах всей страны в целом, но и в интересах своего собственного класса. До первой мировой войны в ряде колониальных и полуколониальных стран уже происходили забастовки, но там еще не было настоящих профсоюзов и политических партий рабочих.

Из всех колониальных стран Индия в то время была наиболее развитой в промышленном отношении; кроме того, капиталисты и пролетариат были там наиболее многочисленными и четко оформившимися классами. Постепенно, несмотря на политику английских империалистов, стремившихся препятствовать промышленному развитию Индии, там начали развиваться некоторые отрасли национальной промышленности. Если в 1858 году в Бомбее была только одна небольшая текстильная фабрика, то в 1900 году их насчитывалось уже 193 со 161 тысячей рабочих. Обнищание рабочих и крестьян в период господства англичан не поддается описанию. По словам Датта, с 1800 по 1900 год в Индии погибло 21 400 тысяч человек от голода¹⁵, причем эта высокая смертность прежде всего объяснялась беспощадной эксплуатацией населения.

С 1857 года, когда произошло первое крупное вооруженное восстание против британских властителей (англичане неправильно называли его «восстанием сипаев»), народ Индии начал вести ожесточенную борьбу против своих угнетателей. Но по-настоящему он начал бороться за свою национальную независимость только с 1885 года, когда был создан Индийский национальный конгресс. Правда, эта партия влачила жалкое существование в течение двадцати лет, пока в 1905 году ее развитию не был дан мощный толчок бурным подъемом национально-освободительного движения. Важным фактором, способствовавшим этому, явилась революция в России. Примерно в это же время трудящиеся массы, рабочие и крестьяне начали проявлять себя в Индии как новая крупная политическая сила. Датт сообщает о множестве крестьянских восстаний и первых забастовках рабочего класса. По его данным, в 1877 году состоялась одна забастовка, а за период с 1882 по 1890 год в провинциях Бомбей и Мадрас было зарегистрировано 25 забастовок. В 1884 году рабочие текстильных фабрик Бомбея создали общество для организации забастовок. Забастовочное движение приняло более широкий размах после русской революции 1905 года, которая глубоко всколыхнула весь колониальный Восток. В период с 1905 по 1909 год волна забастовок на железных дорогах и на текстильных фабриках приняла неслыханные размеры; среди них следует отметить шестидневную всеобщую забастовку в Бомбее в 1908 году, имев-

шую целью добиться освобождения из тюрьмы лидера рабочих Тилака.

Английские власти ответили суровыми репрессиями на национально-освободительную борьбу, организованную партией Индийский национальный конгресс; особенно жестокие меры принимались ими против забастовочного движения. Но никакой террор не мог остановить прогресса индийского народа. Движение за национальную независимость с развивавшимся в его рамках организованным рабочим движением непреодолимо шло вперед, по пути ликвидации английского господства в Индии.

В великом Китае народ еще до первой мировой войны развернул борьбу против империалистических захватчиков и эксплуататоров, которая в конечном счете завершилась полной победой. Крупное восстание тайпинов в 1850—1854 годах, беспощадно подавленное войсками под командованием английского генерала «китайца» Гордона, было проникнуто сильными антиимпериалистическими настроениями. Те же настроения пронизывали восстание «боксеров» в 1900 году, которое было лопнуло в крови объединившимися для этой операции английскими, французскими, русскими, японскими и американскими войсками. Китайский народ, так же как и народы Индии и Европы, вдохновила на борьбу русская революция 1905 года. Она явилась серьезным фактором, способствовавшим созданию гоминьдановской националистической организации и частичной победе китайской буржуазной революции 1912 года, возглавлявшейся Сунь Ят-сеном.

Втянутый в национально-освободительное движение рабочий класс, вначале шедший за национальной буржуазией, впоследствии, как этого и следовало ожидать, стал под руководством левых кругов организовывать свои собственные профсоюзы и политическую партию. Ему пришлось это сделать, чтобы защитить свои классовые интересы и оградить себя от жестокой эксплуатации со стороны как иностранных империалистов, так и своих собственных феодальных помещиков и капиталистов. Все это придавало огромную силу национально-освободительному движению. История показывает, что рабочий класс в союзе с крестьянством в конечном счете отстраняет колеблющуюся буржуазию и в борьбе за национальную независимость принимает на себя руководство всем народом. Так произошло в Китае в середине XX века. Но в период,

предшествовавший первой мировой войне, численно слабый китайский промышленный пролетариат, как и пролетариат Индии, Индокитая, Индонезии, Бирмы, Малайи и других колониальных стран, только лишь начал проводить свои первые забастовки. Организованные профсоюзы и политические партии рабочего класса появились позднее¹⁶.

Зарождение рабочего движения в Японии

Из всех стран собственно Азии только Япония никогда не была колонией или полуколонией империалистических хищников — западных держав. Это в основном объяснялось тем, что Японии легко было обеспечивать оборону своей территории. Тем не менее в 1853 году коммодору Перри удалось пробить себе путь в Японию, после чего в 1854—1856 годах за ним сразу же последовали англичане, русские и голландцы, которые наводнили страну своими товарами и стали добиваться установления в ней своего политического господства. Всем им удалось обеспечить себе права экстерриториальности в Японии. В 1868 году в результате революции Мейдзи была свергнута династия императоров Шогун, правивших Японией с 1192 года. Эта революция была своего рода государственным переворотом, возглавлявшимся наиболее прогрессивными элементами феодальной аристократии и низших самураев. «Случилось только то, что власть перешла в руки более прогрессивных кругов феодальной аристократии и дворянской военщины (самураев). Первая постепенно превращалась в буржуазию и все больше сближалась с купечеством»¹⁷. Новому правительству пришлось под нажимом извне провести ряд буржуазных политических и экономических реформ.

В противовес Индии и Китаю, находившимся под империалистическим гнетом, Япония имела полную возможность осуществлять быстрыми темпами индустриализацию страны и пойти по пути нормального капиталистического развития. Большая часть необходимого для этого первоначального капитала обеспечивалась за счет налогов, взимаемых государством с крестьян, но значительная доля его была получена вначале от банкиров, купцов и помещиков. Правительство создало показательные фабрики, которые оно продавало богатым купцам. Такие старинные купеческие семьи, как Мицуи, Сумитомо, Коноике

и другие, стали быстро превращаться в крупных промышленников. Появились также новые крупные капиталисты — Мицубиси, Окура, Шибусава и т. д. Большие резервы рабочей силы создались в результате «молниеносной экспроприации» крестьянства в восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия.

Специфическими особенностями положения японского рабочего класса были исключительно низкий уровень заработной платы, который едва превышал уровень заработной платы в колониальных странах, тесная связь между пролетариатом и крестьянством и высокий процент женщин среди рабочих (в 1910 году 71 процент).¹⁸ Промышленность страны быстро развивалась. В 1860 году в Японии не было ни одной бумагопрядильной фабрики, а в 1900 году их стало уже 162. Из 7 171 промышленного предприятия Японии в 1900 году 4 150 были заняты производством текстильных изделий, но только 2 388 из них механизированы. С 1900 по 1914 год сумма капиталовложений в промышленности, банковском деле и транспорте увеличилась втрое; соответственно вырос и экспорт Японии. В 1889 году, после жестокой классовой борьбы, была провозглашена национальная буржуазная конституция прусского образца, а в 1890 году впервые состоялись всеобщие выборы, в которых имели право участвовать только 10 процентов рабочих страны. В этих псевдodemократических условиях император фактически продолжал пользоваться абсолютной властью.

Япония, имевшая весьма воинственное прошлое, легко пошла по пути агрессивной внешней политики, которая вскоре приняла типично империалистический характер. В 1874 году она захватила остров Рюкю, а в 1878 году острова Бонин. В 1895 году одержала победу в агрессивной войне против Китая и захватила контроль над Кореей. В 1900 году Япония наряду с другими империалистическими державами приняла участие в подавлении «боксерского» восстания в Китае. Хотя Япония отставала еще по некоторым ведущим отраслям промышленности от других капиталистических стран, в 1905 году она была уже вполне развитым империалистическим государством. В том же году она одержала крупную победу в войне с царской Россией, в результате чего ее «сфера влияния» в Китае значительно расширилась. В 1914 году Япония приняла участие в империалистической мировой войне на стороне

Англии, Франции, России и США с конкретной целью захватить как можно большую территорию и рынки сбыта в Китае.

Профсоюзное движение в Японии стало развиваться в восьмидесятых годах прошлого века, начавшись с обычных спорадических забастовок. Первый организатор профсоюзного движения и социалистический (а впоследствии коммунистический) лидер Сен Катаяма * считает, что организованное профсоюзное движение начало развиваться в Японии с 1897 года; именно в этом году рабочими-металлистами был организован в Токио первый в стране профсоюз¹⁹. За ним вскоре последовали и другие профсоюзы — железнодорожников, печатников и т. д., состоялось множество забастовок, из которых особого внимания заслуживает крупная и успешная забастовка железнодорожников в 1898 году. В 1900 году быстро развивавшиеся профсоюзы были запрещены. В течение последующих лет количество рабочих в промышленности быстро возрастало: с 338 тысяч в 1900 году до 1 086 тысяч в 1914 году. В условиях широко развивавшегося организованного профсоюзного движения в 1901 году 6 лидерами, включая Сен Катаяму, Дендзиро Котоку и Исао Абе, была основана социалистическая партия. Профсоюзы обычно шли за социалистическим руководством, но в период с 1908 по 1922 год в профсоюзах, так же как и в социалистической партии, было сильно влияние анархо-синдикалистов.

Вскоре после периода девяностых годов, получившего в истории название «либерального», правительство стало с исключительной жестокостью преследовать рабочее движение, в особенности его левое крыло. В тот же день, когда была создана социалистическая партия, правительство издало распоряжение об ее роспуске, и она была переименована в Комитет по вопросам пропаганды²⁰, но в 1906 году ее снова реорганизовали, а в 1907 году она вернулась к нелегальному положению. Забастовки жестоко подавлялись, а лидеры забастовочного движения повсюду заключались в тюрьмы. Социалисты мужественно сопротивлялись империалистической войне с Россией в 1904—1905 годах, а рабочие провели ряд забастовок, за которые они подвергались самым свирепым преследованиям. На состоявшемся в 1904 году Амстердам-

* Сен Катаяма умер в 1933 году.

ском конгрессе Второго Интернационала руководители японской и русской социалистических партий Сен Катаяма и Плеханов под бурные аплодисменты делегатов съезда пожали друг другу руки и поклялись объединить свои силы в борьбе против войны. В 1911 году рабочий класс всего мира был потрясен известием о тайной казни в тюрьме Котоку и еще 11 лидеров левого крыла японского рабочего движения. Вступление Японии в первую мировую войну было ознаменовано дальнейшими жестокими репрессиями против рабочего движения. В 1914 году, к началу войны, в Японии едва ли насчитывалось более 10 тысяч членов профсоюза.

Глава 19

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОФСОЮЗНЫЙ СЕКРЕТАРИАТ (1900—1914)

Почти с самого начала профсоюзное движение, развивавшееся в различных странах, стремилось к созданию международной организации для совместных действий. Профсоюзы ощущали острую необходимость в том, чтобы иметь возможность оказывать поддержку забастовкам, проводившимся в той или иной стране, препятствовать доставке штрейкбрехеров, обмениваться опытом классовой борьбы и совместно разрешать множество проблем, с которыми они сталкивались в условиях капиталистического строя, принявшего к тому времени международный характер. Для профсоюзных масс — если и не для их консервативных лидеров — провозглашенный «Коммунистическим манифестом» основной лозунг рабочего класса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» всегда имел величайшее значение.

Еще во время чартистского движения в рабочих союзах Англии наблюдались сильные тенденции к международному объединению; аналогичные тенденции высказывались пионерами профсоюзного движения во Франции, Бельгии и других странах. Как мы уже видели, именно по инициативе организованных рабочих Англии и Франции было создано Международное товарищество рабочих — Первый Интернационал. Орган Лондонского совета профсоюзов «Бихайв» («Улей») стал официальным органом МТР. Первый Интернационал всегда проявлял величайшее внимание ко всем вопросам профсоюзного движе-

ния. Многие авторы, занимающиеся вопросами рабочего движения, сделали даже из этого ложное заключение о том, что Первый Интернационал, который в основном был политической организацией, фактически являлся профсоюзным Интернационалом.

Хотя первые профсоюзы и использовали Интернационал в качестве своей международной организации, однако они с самого начала требовали создания отдельной международной организации для связи между профсоюзами. Более того, на первом же съезде, состоявшемся в 1866 году в Женеве, была сделана попытка ограничить состав новой организации исключительно рабочими физического труда. Однако съезд принял мудрое решение отклонить это предложение, так как иначе в организацию не были бы допущены многие борцы за дело рабочего класса, не принадлежащие к этому классу непосредственно, вплоть до Маркса и Энгельса¹. С точки зрения исторических условий в тот момент международный пролетариат больше всего нуждался в широкой политической организации, такой, за которую боролся Маркс и которую создали рабочие.

Однако необходимость в международной профсоюзной организации в той или иной форме также все возрастала, и вопрос о ее создании постоянно поднимался на конгрессах Первого Интернационала. Именно это и повело к созыву съезда социалистических партий в Генте в сентябре 1877 года — в период между роспуском Первого Интернационала в 1876 году и возникновением Второго Интернационала в 1889 году. К этому моменту положение профсоюзов различных стран достаточно укрепилось, чтобы они могли обеспечить создание профсоюзного Интернационала параллельно Интернационалу политическому. Но руководство рабочим движением во многих случаях оказалось настолько консервативным, что оно воспрепятствовало созданию такого органа. В те годы твердолобые бюрократы, возглавлявшие рабочее движение в Англии, решительно противились созданию международного профсоюзного центра.

Супруги Уэбб говорят по этому поводу: «Парламентская комиссия ясно заявила в своих годовых отчетах, что принятая ею позиция была далеко не в пользу создания международного органа, наоборот, она считает, что английские рабочие настолько хорошо организованы по срав-

нению с рабочими других стран, что в этом направлении мало чего можно достигнуть до тех пор, пока последние не займут такое же положение, как квалифицированные рабочие в Англии».² Тем не менее в 1886 году Британский конгресс тред-юнионов не посчитался с мнением своих лидеров и высказался за созыв международных конгрессов. Эти конгрессы состоялись в 1887 и 1888 годах и, к большому огорчению английских консервативных профсоюзных лидеров, в основном заняли марксистские позиции.

Второй Интернационал, как в свое время и Первый Интернационал, также являлся международным сборным пунктом профсоюзов. На конгрессах в 1889, 1890 и 1907 годах вообще ставился вопрос о том, чтобы профсоюзы примкнули к Второму Интернационалу и принимали участие в его работе. Так, например, на Штутгартском конгрессе в 1907 году 266 делегатов из 877 присутствовавших на конгрессе были зарегистрированы как непосредственные представители профсоюзов. В то же время очень многие из партийных делегатов конгресса, без сомнения, являлись также и представителями профсоюзов. Среди 123 делегатов английской лейбористской партии только 8 были зарегистрированы как непосредственные представители профсоюзов,³ хотя не подлежит сомнению, что не меньше половины делегатов фактически были профсоюзными деятелями. Однако большинство делегатов от профсоюзов были платными работниками профсоюзных организаций.

На первых конгрессах Второго Интернационала также часто возникал вопрос о создании международной профсоюзной организации. Однако этому проекту с самого же начала был нанесен удар. Он был отвергнут большинством голосов на учредительном съезде, созванном в 1889 году в Париже. На этот раз оппозицию возглавили немецкие лидеры.⁴ Они, очевидно, испугались, что, если такая организация будет создана, она скорее всего попадет под контроль английских, французских и американских профсоюзов, преданность которых делу социал-демократии была, мягко выражаясь, очень ненадежной. АФТ, стремившаяся к установлению более тесного международного сотрудничества профсоюзов по причинам, обратным тем, которые заставили немцев возражать против него, предложила созвать с этой целью съезд

в Чикаго в 1893 году, во время Всемирной выставки. Но впоследствии от этого плана пришлось отказаться, так как приглашенные участвовать в съезде принял только Британский конгресс тред-юнионов.⁵ Позже, когда идея создания международной профсоюзной организации снова возникала на очередных съездах Второго Интернационала, в частности в 1893 году в Цюрихе и в 1896 году в Лондоне, она неизбежно наталкивалась на оппозицию со стороны чиновников из немецких профсоюзов, консерватизм которых продолжал усиливаться.

Организация профсоюзных секретариатов

Однако потребность в создании международной организации и в международном сотрудничестве профсоюзного движения в различных странах была слишком велика для того, чтобы консервативные профсоюзные лидеры так легко могли от нее отмахнуться. Поэтому, поскольку последние упорно отказывались создать общую международную профсоюзную организацию сверху, профсоюзы сами начали постепенно создавать ее снизу. Процесс этот протекал медленнее, но, как мы увидим ниже, в конечном счете цель была достигнута.

Одним из характерных моментов в процессе создания международного органа снизу явилось то, что между отдельными английскими профсоюзами и профсоюзами на континенте стали устанавливаться органические связи. Национальные профсоюзные центры также начали обмениваться делегатами для участия в съездах. Так, в 1891 году АФТ и Британский конгресс тред-юнионов обменялись братскими делегациями на национальные съезды; такая практика обмена делегациями сохранилась и до настоящего времени⁶.

Однако это были еще только первые шаги. Требования международной солидарности, выдвигающиеся рабочими всего мира, продолжали возрастать, и вскоре они подняли рабочее движение на более высокий уровень. Начали создаваться международные секретариаты союзов по отдельным профессиям и отраслям промышленности. Первый шаг в этом отношении сделали печатники, созвавшие в июле 1889 года в Париже первую конференцию такого рода, в которой приняли участие 17 делегатов профсоюзов типографских рабочих

Франции, Испании, Италии, Германии, США, Англии и Бельгии. В мае 1890 года за ней последовала вторая конференция в Париже, на которую съехались 112 делегатов национальных союзов горняков Англии, Франции, Германии и Австрии с целью создания международной федерации шахтеров⁷.

Эти международные конференции и организации нового типа обеспечили соответствующим союзам данных профессий и отраслей промышленности возможность осуществлять между собой, пусть примитивный, но все же ценный контакт. Многие другие профсоюзы последовали примеру печатников и горняков, создав международные профсоюзные секретариаты, как вскоре начали называть эти новые органы. К 1900 году функционировало уже 17 таких секретариатов, а к началу первой мировой войны их было уже 32. Крупнейшими из них были секретариат печатников, объединявший 1 374 тысячи человек, металлистов — 1 106 тысяч человек и транспортников — 881 950 человек. Путем организации этих секретариатов профсоюзы создавали свои постоянные, хотя и элементарные рабочие органы, и в настоящее время как Всемирная федерация профсоюзов, так и Международная конференция свободных профсоюзов имеют с теми или иными вариантами развитую систему таких организаций.

Международный секретариат национальных профсоюзных центров

В тот же период, когда происходило формирование отдельных международных профсоюзных секретариатов, требования о создании всеобщего профсоюзного Интернационала, в который вошли бы представители национального рабочего движения как такового, становились все более настойчивыми, в особенности со стороны английских, французских и американских профсоюзов. Но немецкие профсоюзные лидеры, как всегда, продолжали возражать против создания такого органа. Тем не менее англичанам удалось добиться, чтобы представителям профсоюзов различных стран были разосланы приглашения на предстоящий в 1900 году съезд датских профсоюзов в Копенгагене. На съезде Карл Легин, самодержавный лидер германских профсоюзов, высмеял идею создания профсоюзного Интернационала, заявив, что пробле-

мы, имеющие общее значение для всех профсоюзов, «могут с успехом рассматриваться на очередных конгрессах рабочего и социалистического Интернационала (Второго Интернационала)»⁸. Однако даже после такого ушата холодной воды пришлось в 1902 году созвать вторую всеобщую рабочую конференцию в Штутгарте, где одновременно состоялась конференция немецких профсоюзов. Эта международная конференция создала нечто вроде международного центра, но без руководителей и аппарата.

Фактически новый международный орган был создан лишь в 1903 году в Дублине. Здесь был официально сформирован Международный секретариат национальных профсоюзных центров, генеральным секретарем которого был избран, хотя и без официального утверждения, Легин. Этот прожженный бюрократ, который сопротивлялся развитию движения, пока это было в его силах, сразу же взял на себя руководство им, когда дальнейшее сопротивление оказалось невозможным. Бюрократический аппарат Легина проявил не меньшую активность в захвате ведущих постов в отдельных международных профсоюзных секретариатах, как только они создавались. Так, Умбрейт указывал, что к моменту возникновения первой мировой войны в 1914 году центральные органы всех 32 международных секретариатов, за исключением пяти, находились в Берлине⁹.

После предварительных конференций в Копенгагене (1900 год), Штутгарте (1901 год) и Дублине (1903 год) Международный секретариат национальных профсоюзных центров созвал в период до первой мировой войны еще несколько конференций: в Амстердаме (1905 год), Христиании (1907 год), Париже (1909 год), Будапеште (1911 год) и Цюрихе (1913 год). Общая численность членов профсоюзов, входящих в секретариат, в 1904 году составлявшая 2 477 тысяч человек, в 1914 году достигла 6 843 909 человек. В этом году в Международный секретариат входило 19 национальных профсоюзных центров¹⁰.

Как на совещаниях международных профсоюзных секретариатов, так и на заседаниях Международного секретариата шла постоянная борьба между теми элементами — главным образом англичанами, французами и американцами, — которые стремились к тому, чтобы этот новый международный орган развился в нечто вроде настоя-

щего профсоюзного Интернационала, и группировкой консервативных чиновников Легина, старавшихся превратить различные профсоюзные секретариаты и Генеральный секретариат в международные почтовые конторы и статистические бюро. Так, например, на Парижской конференции (1909 год) в ответ на настойчивые требования французов о том, чтобы Международный секретариат национальных профсоюзных центров занялся рассмотрением вопроса о всеобщей забастовке, под влиянием приверженцев Легина было принято решение о том, что «все теоретические вопросы, как и вопросы, касающиеся направления или тактики профсоюзного движения в отдельных странах, не подлежат обсуждению». Исходя из той же узкой точки зрения, конференция секретариата в Христиании (1907 год) отказалась от обсуждения вопроса о «Международных действиях профсоюзов против войны» и передала его как «политический» вопрос на рассмотрение Социалистического Интернационала ¹¹.

В течение этого периода АФТ была формально связана с Международным секретариатом, и американские делегаты присутствовали на большинстве его конференций. В политических вопросах АФТ обычно занимала консервативную позицию. В Будапеште в 1911 году делегация Индустриальных рабочих мира (членом которой был автор) подняла вопрос о том, имеет ли право АФТ как организация, ставящая целью сохранение капитализма, представлять американский рабочий класс в рабочем Интернационале. Однако протест Индустриальных рабочих мира был отклонен, его поддержали только 2 делегата от французской Всеобщей конфедерации труда (анархо-синдикалистской) ¹².

Международная федерация профсоюзов

Несмотря на саботаж Легина и других консервативных социал-демократических лидеров, следовавших по его пути, массы по-прежнему требовали создания подлинной Всемирной федерации труда. Эти требования постоянно выдвигались на очередных заседаниях Международного секретариата, а в особенности после 1907 года. Как всегда, они исходили главным образом от английских, французских и американских делегатов. Французы и американцы, не удовлетворенные руководством Легина и социал-

демократов вообще, не участвовали в совещании, состоявшемся в 1907 году в Осло, но они присутствовали на последующих конференциях и снова выдвинули требование о создании международного органа, основанного на более широких началах.

Лорвин говорит по этому поводу следующее: «Французские делегаты требовали созыва всеобщих профсоюзных съездов, на которых обсуждались бы не только вопросы профсоюзного движения, но также и политические и социальные проблемы общего характера. Американские делегаты подвергли критике само название «секретариат», которое ничего не говорило американским рабочим, и предложили, чтобы Международный секретариат был реорганизован в Международную федерацию профсоюзов»¹³. Это происходило в 1909 году в Париже. Две конференции, состоявшиеся после этого, — в 1911 году в Будапеште и в 1913 году в Цюрихе — уделили основное внимание этой проблеме, которая приобретала все более острый характер. Что касается Гомперса, это давало ему в руки хорошее оружие против американских социалистов, которых он ненавидел.

Наконец, в Цюрихе обстановка стала настолько напряженной, что даже Легину пришлось пойти на маневр и допустить создание хотя бы символического профсоюзного Интернационала. Американский делегат Дж. В. Перкинс, руководитель профсоюза табачников и близкий соратник Гомперса, прибыл на Цюрихскую конференцию с полученными им от состоявшегося перед этим съезда АФТ твердыми инструкциями о том, чтобы требовать создания Международной федерации труда¹⁴, но, как это стало привычным для чиновников из АФТ, он не считался с этими инструкциями. Зассенбах в своем рассказе о том, что произошло в Цюрихе, пишет, что «американский делегат Перкинс внес предложение о замене названия «Интернационал» названием «Международная федерация профсоюзов», которое было принято единогласно. Перкинс указал, что вопрос идет об изменении не характера организации, а лишь ее наименования, и Легин согласился...»¹⁵. Таким образом, американские инструкции, а с ними и рабочий Интернационал были выброшены за борт. Зассенбах добавляет, что, когда встал вопрос об избрании председателя МФП, «был, конечно, избран Легин».

Это предательство интересов международного проле-

тариата произошло в Цюрихе накануне первой мировой войны. Легин и его друзья, так же как и Гомперс, не имели ни малейшего намерения оказать сопротивление империалистической войне, которая уже маячила на горизонте. Поэтому в обстановке быстро и неумолимо надвигавшегося величайшего мирового кризиса они оставили международное профсоюзное движение без настоящей организации и руководства.

Католический рабочий интернационал

В то время как профсоюзы, невзирая на предательство верхушки своего руководства, вели борьбу за создание международного органа, католические, или так называемые «христианские», профсоюзы (так как в них входило и некоторое число протестантов), существовавшие тогда в ряде стран, также стремились к международному сотрудничеству в той или иной форме. Наконец, им удалось добиться этого примерно в той же мере, как и социал-демократическим профсоюзным лидерам, путем организации Международного секретариата христианских профсоюзов. Они также создали международные секретариаты по различным профессиям и отраслям промышленности. Все это движение осуществлялось под руководством Ватикана.

Еще в 1847 году католическая церковь начала организовывать религиозные группы среди рабочих некоторых профессий¹⁶, но это движение фактически не получило должного размаха до 1891 года, когда папа Лев XIII, «папа рабочего класса», издал свою знаменитую энциклику «Де Рерум Новарум» («О новых вещах»), суть которой сводилась к предложению организовать католические профсоюзы. Это обращение было направлено на борьбу с растущим влиянием социал-демократии среди католических рабочих. Знаменательно, что самые большие усилия в создании этих организаций прилагались именно в тех католических странах — или странах, в которых преобладало католическое население, — где социал-демократическая партия была сильнее всего, например в Германии, где рабочий класс только что добился отмены бисмарковского «исключительного закона против социалистов».

В течение следующих двух десятков лет католические (христианские) профсоюзы получили известную опору в

некоторых, главным образом католических странах. К моменту возникновения первой мировой войны христианский Интернационал насчитывал 542 213 членов, из которых, как сообщает Нестрипке, 342 785 находились в Германии. Остальные принадлежали к организациям, разбросанным главным образом во Франции, Австрии, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Италии. Заслуживает внимания то обстоятельство, что все эти годы церковь не делала попыток создать свои союзы в странах Латинской Америки, почти сплошь населенных католиками, ввиду отсутствия там сильного социал-демократического движения, с которым надлежало бороться. Однако следует отметить, что никогда даже в таких странах, как Франция, Италия, Польша и т. п., где преобладает католическое население, количество членов, которых католическим союзам когда-либо удавалось завербовать (вплоть до наших дней), не было сколько-нибудь значительным. Рабочие-католики, как и весь рабочий класс, явно предпочитают тактику, экономические и социальные перспективы Карла Маркса, а не Ватикана.

Католические союзы проводили политику сотрудничества между классами, включавшую и элементы религии. Они боролись против социализма, синдикализма и коммунизма. Они отрицали существование классовой борьбы, протестовали против применения забастовок и других активных методов борьбы, противились политическим действиям рабочего класса (в особенности социалистов) против предпринимателей и проповедовали общую линию сотрудничества с последними. Они соглашались на существование капиталистического строя и буржуазного государства и предлагали лишь незначительные реформы. Наряду с этим они требовали признания союзов, заключения коллективных договоров, охраны труда на фабриках и заводах, восьмичасового рабочего дня, законодательства для женщин и т. п., надеясь достичь всего этого на базе сотрудничества с хозяевами ¹⁷.

Создание католических союзов, по существу, представляло собой наступление на рабочее движение. Тем не менее путь этих организаций не всегда был усыпан розами для их руководителей. Нестрипке рассказывает, как немецкие капиталисты, которые были принципиально против профсоюзного движения вообще, часто проявляли враждебное отношение даже к этому жалкому подобию проф-

союзов. Такую же позицию занимали и многие предприниматели-католики. Вследствие этого христианские союзы, высказывавшиеся в своей программе против забастовок, вынуждены были иногда к ним прибегать. Однако в целом эти союзы подрывали единство рабочего класса. Они вносили идеологическую путаницу в сознание рабочих, ослабляя этим их экономическую и политическую борьбу.

В некаатолических странах, главным образом в США, где католики составляют всего лишь около 23 процентов населения, Ватикан, начиная с девяностых годов прошлого века, постоянно стремился осуществлять контроль над профсоюзами и влиять на них, хотя ему и не удалось создать там свои собственные профсоюзы. Известно, что хотя сам Паудерли был католиком, церковь заняла резко отрицательную позицию по отношению к радикальному ордену «Рыцарей труда», что явилось одной из многих причин его упадка. В течение последующих десятилетий церковь настойчиво пыталась воздействовать на политику и руководство АФТ, чтобы сделать их более консервативными, причем здесь ей удалось добиться довольно значительного успеха. Католическая церковь продолжает проводить эту политику и поныне не только косвенно через такие органы, как Общество членов католических профсоюзов, но и путем прямого нажима на верхушку руководства АФТ и КПП. Характерно, что из 8 членов Исполнительного комитета этих двух недавно слившихся (в декабре 1955 года) федераций 4 являются католиками.

Для религии как таковой в профсоюзной жизни нет места. Конечно, партия рабочего класса — Коммунистическая партия — должна считаться с этим активным и важным идеологическим элементом, и она придерживается в вопросах религии научной, атеистической позиции. Но профсоюзы, по необходимости являющиеся широкими классовыми организациями, охватывающими рабочих различных религиозных и нерелигиозных убеждений, не могут заниматься проблемами религиозных доктрин, ибо это привело бы к немедленному расколу в рабочем движении. Однако они должны с практической профсоюзной точки зрения отстаивать свои позиции против всех и всяческих церквей и отдельных их представителей, которые нападают на рабочее движение или другими методами проводят реакционную политическую деятельность. В этом смысле

профсоюзы часто вступали в острые конфликты с реакционным духовенством даже в тех странах, где религия наиболее распространена, и при этом они обычно получали поддержку всех своих членов независимо от их религиозной принадлежности.

На Женевском конгрессе Первого Интернационала в 1866 году Карл Маркс дал мировому пролетариату ясную установку по этому сложному вопросу, которой рабочий класс в основном следует и до сих пор. Стремясь добиться антирелигиозной декларации со стороны Первого Интернационала, французская делегация предложила на этом конгрессе внести в повестку дня его работы вопрос о религии, но Маркс резко возражал против этого предложения, ибо оно могло повести к серьезному расколу в рабочем движении, и конгресс не стал рассматривать предложение французов. Это было новым действенным подтверждением принципа, который впоследствии стал известен как принцип «протянутой руки» рабочим любых вероисповеданий, то есть профсоюзного единства. Вообще говоря, рабочее движение всех стран всегда с тех пор придерживалось этого здравого принципа и строило работу профсоюзов на базе отказа от сектантства. В этом основная причина сравнительно незначительного успеха христианских профсоюзов даже среди рабочих с глубокими религиозными убеждениями.

Глава 20

ПРОФСОЮЗЫ В ПЕРИОД РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

Русско-японская война 1904—1905 годов явилась первой из великих империалистических войн. Императорская Россия и императорская Япония, как волки, схватились из-за территории, которую они старались урвать у беспомощного Китая. Но пока они вели между собой кровопролитную войну, русские рабочие и крестьяне взяли дело в свои руки и начали гражданскую войну, ставившую целью свержение царизма и капитализма.

Прежде чем приступить к более конкретному рассмотрению обстановки, необходимо отметить огромные изменения, которые происходили в русском рабочем движении на протяжении нескольких лет до революции. События

эти, как показали последующие годы и десятилетия, имели величайшее значение не только для России, но и для всего мира. Под руководством Ленина в рабочем движении России выкристаллизовывался большевизм, или марксизм-ленинизм, как его стали называть в дальнейшем. Сталин впоследствии определил ленинизм как «марксизм эпохи империализма и пролетарских революций»¹.

Восстановление Лениным марксистских принципов

К концу века в сознание мелкобуржуазных и профсоюзных чиновников Второго Интернационала стал уже глубоко проникать яд бернштейновского ревизионизма (см. главу 14). Обманутые иллюзорным процветанием, которым сопровождался длительный подъем капитализма, они все больше утверждались в мысли о том, что марксизм устарел, что экономика Маркса уже не соответствует современным условиям, а его принципы классовой борьбы неприменимы и что рабочие должны добиваться своего освобождения не путем революционного свержения капитализма, а путем постепенного перехода от капитализма к социализму. Под влиянием империализма они идеологически разложились.

Эти ревизионистские оппортунистические настроения проникли в рабочее движение в России, так же как и в других странах, причем в России в соответствии с местными условиями они приняли специфическую форму. Выдающимся борцом против этого ревизионизма был В. И. Ленин, родившийся 22 апреля 1870 года в Симбирске, в семье, принадлежащей к среднему сословию. Ленин подверг блестящей критике всю оппортунистическую систему взглядов ревизионистов и их программу, доказав с неопровержимой логикой, что революционные принципы и программа Маркса остаются в силе и в период империализма. Одной из ранних работ Ленина по этому коренному вопросу была написанная им в 1902 году знаменитая брошюра «Что делать?» Первое серьезное столкновение между революционным и ревизионистским течениями в партии произошло в Лондоне в 1903 году, на втором съезде Российской социал-демократической партии, которая была основана на первом съезде партии, состоявшемся в марте 1898 года. На историческом втором съезде, который в силу господствовавшего тогда в России террора приш-

лось созвать за границей, сторонники Ленина оказались в большинстве *.

Обе группировки в партии сходились в вопросе о том, что Россия стоит накануне буржуазной революции, но они коренным образом расходились во взглядах на роль рабочего класса в данной ситуации. Коротко говоря, меньшевики считали, что революцию неизбежно должна возглавить буржуазия, что рабочие должны поддерживать ее, что крестьянство в основном является контрреволюционной силой и что вопрос о социализме надо отложить на неопределенное время, так как он будет достигнут в результате медленного, эволюционного процесса по мере постепенного развития капитализма и рабочего движения в России. Ленинцы же утверждали, что буржуазия предаст революцию, вступив в сговор с царскими помещиками, и что поэтому рабочие в союзе с крестьянством должны бороться за революционное руководство, что они должны бороться за государство (диктатуру) рабочих и крестьян и должны поставить себе целью добиться перерастания буржуазной революции в пролетарскую. Как оказалось впоследствии, приближавшаяся революция 1905 года явилась пробным камнем для проверки диаметрально противоположных теорий и программ меньшевиков и большевиков.

Ленинская партия нового типа

Одним из основных моментов разногласий в партии явился вопрос о том, какую партию должны создать рабочие. Меньшевики, подобно своим политическим собратьям в других странах и в соответствии со своей оппортунистической точкой зрения на роль рабочего класса, как второстепенную по сравнению с буржуазией, выступали за широкую, аморфную и расплывчатую партию, в которой настоящая дисциплина и твердое руководство были бы излишними и неосуществимыми. В условиях жестких рамок царского режима такая партия лишила бы пролетариат возможности бороться с буржуазией за политическое руководство революцией.

Резким контрастом этой партии мелкобуржуазного типа была предложенная Лениным сильная и сплоченная

* Отсюда и появились названия «большевики» и «меньшевики».

организация с твердой дисциплиной, основанная на принципе демократического централизма. Он настаивал на том, что члены партии должны не просто оказывать поддержку осуществляемым партией мероприятиям, как этого хотели оппортунисты, а состоять в одной из организаций партии, платить членские взносы, посещать партийные собрания, участвовать в борьбе партии и подчиняться ее дисциплине. Партия, разумеется, должна была оставаться на нелегальном положении, ибо самодержавный царизм жестоко подавлял всякие попытки создавать подлинные организации рабочего класса, как политические, так и профессиональные, заточая участников рабочего движения на длительные сроки в тюрьмы.

Ленин прекрасно понимал, что хотя внутренние разногласия по поводу формы, которую должна принять партия, касались как будто только вопроса организации, они фактически отражали глубокий политический раскол между обоими течениями в партии. Оппортунистическая программа меньшевиков диктовала необходимость создания расплывчатой и неоформленной партии, тогда как революционная программа большевиков требовала ленинской «партии нового типа». В этой исторической борьбе Троцкий стоял на стороне меньшевиков, к которым впоследствии присоединился и Плеханов, первый руководитель марксистского движения в России.

Ленин и профсоюзы

В конце XIX века ввиду жесточайших репрессий царского режима в России не было профсоюзов². Однако забастовки там начались еще в семидесятых годах прошлого века, а в девяностых годах они начали принимать больший размах. В мае 1896 года в Петербурге состоялась всеобщая забастовка 40 тысяч текстильщиков против четырнадцати-пятнадцатичасового рабочего дня; в мае 1902 года в Ростове-на-Дону состоялась стачка железнодорожников, которая переросла во всеобщую забастовку; весной 1903 года произошла массовая стачка рабочих-нефтяников на юге России, а весной 1904 года — всеобщая забастовка в Одессе³. Все эти забастовки были подавлены самым зверским образом; много рабочих было при этом убито. К концу XIX столетия в России не было легальных профсоюзов. Рабочие имели всего лишь несколь-

ко подпольных профсоюзов и несколько обществ взаимопомощи. Легальные профсоюзы были созданы лишь в ходе революции 1905 года. Однако ввиду развития промышленности и роста рабочего класса признаки рабочего движения появились уже давно. Поэтому в начале XX века правительство предприняло довольно фантастическую попытку обуздать и лишить почвы зарождавшееся рабочее движение, которого оно страшилось, путем создания «рабочих союзов», непосредственно организованных полицией. Это были так называемые зубатовские организации, названные так по имени создавшего их начальника Московского охранного отделения Зубатова. Но эти организации провалились главным образом потому, что в них проникли революционно настроенные рабочие.

Еще раньше, в конце девяностых годов, в рабочем движении России возникло новое течение — «экономизм». Экономисты, несомненно, под прямым влиянием предпринимателей (ибо многие из них впоследствии вступили в реакционную партию «кадетов») предлагали создать «чистые и простые» профсоюзы, примерно типа профсоюзов Гомперса. Они хотели, чтобы рабочие ограничивались только экономической борьбой, оставив политическое руководство в руках буржуазии. Они стремились также втиснуть профсоюзное движение в жесткие легальные рамки царского режима.

Политически экономисты были предтечами отколовшейся впоследствии от партии фракции меньшевиков, основные установки которых во многом сходились со взглядами экономистов. Ленин немедленно дал им отпор. Он разоблачил экономизм, как «отступничество от марксизма, отрицание необходимости самостоятельной политической партии для рабочего класса, попытку превратить рабочий класс в политический придаток буржуазии»⁴.

В своей полемике с экономистами и меньшевиками и особенно в книге «Что делать?» Ленин глубоко разработал теоретические принципы профсоюзного движения, заложив организационные, тактические и теоретические основы рабочего движения в эпоху империализма. Маркс и Ленин были величайшими теоретиками профсоюзного движения. Важнейшие высказывания Маркса по этому вопросу содержатся в «Коммунистическом манифесте», учредительном манифесте Первого Интернационала и в работе. «Заработная плата, цена и прибыль». Основные

теоретические установки Ленина по вопросам рабочего движения разработаны им в «Что делать?» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Ленин боролся против аполитичности оппортунистов гомперсовского толка. Он доказал необходимость политической борьбы профсоюзов. Он также доказал превосходство общеполитической борьбы, включающей такие вопросы, как борьба за экономические требования рабочих, борьба против самодержавия, национальный вопрос, фабрично-заводское законодательство и даже сама революция,— над узкоэкономической борьбой за повышение заработной платы и улучшение условий труда, проповедовавшейся экономистами и их кровными братьями — меньшевиками.

Ленин боролся и с оппортунистической теорией нейтральности профсоюзов по отношению к партии — теорией, на основе которой ревизионистские профсоюзные лидеры в Германии и в других странах строили свое собственное узкобюрократическое руководство как силу, противостоящую партийному руководству. Ленин же настаивал на необходимости единства рабочего класса и самого тесного сотрудничества всех его организаций во главе с партией. Его установкой по вопросу о профсоюзах было требование о том, чтобы они, не сливаясь с партией, в то же время не занимали по отношению к ней нейтральной позиции. Профсоюзам и партии следует вести совместную борьбу против самодержавия. Ленин дал ясное теоретическое обоснование положению о руководящей роли Коммунистической партии, как передового отряда рабочего класса.

Ленин также обрушился на узкопрактические представления о стихийности в организации и идеологии, господствовавшие в то время среди экономистов и меньшевиков. В противовес этому он отстаивал принципы твердо определенной структуры профсоюзов, централизованного руководства и необходимости внесения элементов сознательности в рабочее движение. Ленин подробно изложил свои взгляды на характер организации, необходимой рабочему классу, указав, что единственной ее возможной формой в условиях царского террора является широкое, но в то же время четко организованное подпольное рабочее движение. Ленин заявил: «...если мы хотим широких рабочих организаций и не хотим широких провалов, не хотим доставлять удовольствия жандармам, то мы долж-

ны стремиться к тому, чтобы эти организации были совершенно не оформлены»⁵. Он указал, что в трудных условиях того времени не могло быть и речи о регулярных отчетах, массовых съездах и т. п. Ленин умело сочетал легальные и нелегальные формы рабочего движения. Большевики, конечно, с самого начала отстаивали производственный принцип построения профсоюзов. Русские профсоюзы строились на основе указанных выше ленинских принципов, и они сыграли важнейшую роль в революции 1905 года.

Ленин вел особенно упорную борьбу против грубой недооценки экономистами роли теории, против их оппортунистических утверждений, что социалистическая идеология может возникнуть из стихийного движения рабочего класса. Это была русская версия той же оппортунистической линии, которую проводил Гомперс, постоянно хваставшийся тем, что он и его соратники действовали практически, руководствуясь исключительно соображениями данного момента, а не какой-либо общей теорией рабочего движения. Этому буржуазному идеологическому оппортунизму Ленин противопоставил настоятельные требования марксистской теории по вопросу как непосредственной повседневной борьбы в условиях капитализма, так и конечной борьбы за свержение капитализма и установление социализма. Ленин заявил, что «без революционной теории не может быть и революционного движения»⁶.

В этом историческом споре Ленин в ответ на нападки экономистов типа Гомперса, отрицавших необходимость «вмешательства интеллигентов», сделал свое знаменитое заявление в защиту роли революционной интеллигенции в рабочем движении. Он сказал: «История всех стран свидетельствует, что исключительно своими силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнистское, то есть убеждение о необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции»⁷.

Ход революции 1905 года

Русско-японская война началась 8 февраля 1904 года, когда японцы совершили предательское нападение на находившийся в Порт-Артуре русский флот, причинив ему огромные потери. В течение последующих полутора лет русские терпели одно катастрофическое поражение за другим, и 23 августа 1905 года, на мирной конференции, состоявшейся под председательством президента Теодора Рузвельта, Япония отняла у России Порт-Артур, Южный Сахалин, ее сферу влияния в Корее и всю Северную Маньчжурию. Один империалистический волк вырвал добычу из пасти другого.

Обнищавшие народные массы России, подвергавшиеся жестокой эксплуатации и тирании, с самого начала не хотели этой империалистической войны. Они не имели никакого желания служить пушечным мясом для прогнившего самодержавного царизма. Первой предгрозовой молнией накануне назревавшей революционной бури явилась огромная стачка бакинских нефтяников в декабре 1904 года, окончившаяся победой рабочих. Зверский расстрел 22 января 1905 года у Зимнего Дворца в Петербурге мирной рабочей демонстрации, в которой участвовало 140 тысяч человек, еще подлил масла в огонь. Этот день, когда царскими войсками было убито свыше тысячи рабочих и ранено свыше 2 тысяч, получил название «Кровавого воскресенья». Волна жгучего возмущения охватила всю Россию. Начались рабочие забастовки по всей стране; в первых рядах борющегося пролетариата шли металлисты Петербурга. Волна забастовок приняла широкий, революционный характер. Только в январе в стране бастовало около 450 тысяч человек. Ленин говорит, что в течение 1905 года «общее количество бастующих равнялось 2 миллионам 800 тысячам, в полтора раза больше общего количества фабричных рабочих в стране»⁸. Огромные массы крестьянства также стали подниматься на борьбу. Крестьяне сожгли 2 тысячи имений и поделили между собою землю. К революционному движению повсеместно присоединялись студенты. Народ начал создавать в крупных центрах Советы. В Польше вспыхнуло национальное движение, вылившееся в восстание.

Русские рабочие требовали установления восьмичасового рабочего дня, свержения царского правительства, со-

зыва Учредительного собрания. Их революционный подъем достиг такого размаха, что 19 августа 1905 года царь учредил реакционную Думу. Но революционная буря не утихала; рабочие не дали себя обмануть этим пустым маневром. Революционное движение достигло кульминационной точки в декабре, когда в Москве началось вооруженное восстание. Хотя среди царских войск кое-где также начались колебания, они все же подавили московское восстание огнем, и в условиях нараставшего террора революционный подъем начал спадать.

Революция 1905 года явилась, как ее назвал Ленин, «генеральной репетицией» победоносной революции 1917 года. Революционная борьба 1905 года подтвердила теоретические и тактические положения большевизма, разработанные Лениным в годы, предшествовавшие революции. Рабочие боролись за руководство в буржуазной революции; они создали великий боевой союз с крестьянством и ставили непосредственную цель — установление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В этом в основном и заключалась общая ленинская программа, которая впоследствии обеспечила успех Великой Октябрьской революции 1917 года. Если революция не одержала победу в 1905 году, то это объяснялось главным образом тем, что рабочий класс еще не был достаточно развит и организован политически, широкие массы крестьянства еще не вполне созрели для революционной борьбы, а меньшевики со своей контрреволюционной политикой все еще имели достаточно сильный вес в рядах рабочего класса.

Роль профессиональных союзов

Революционное забастовочное движение 1904—1905 годов, названное Круком «величайшей массовой забастовкой, которую когда-либо знал мир»⁹, непосредственно возглавлялось Лениным и социал-демократической рабочей партией. В некоторых пунктах руководство забастовками непосредственно осуществлялось только что зародившимися Советами; вообще говоря, основной организационной силой в широко развернувшейся забастовочной борьбе явились первые органы профсоюзного движения в России. Московский Совет рабочих депутатов 7 декабря объявил всеобщую политическую забастовку, кото-

рая переросла в вооруженное восстание¹⁰. Лозовский говорит по этому поводу, что «везде создавались инициативные группы, комиссии, забастовочные комитеты, профсоюзы и Советы рабочих депутатов»¹¹, все они приняли участие в происходившем широком забастовочном движении. Благодаря революционному подъему среди рабочих и большой стихийной силе их действий партия и профсоюзы сумели организовать крупные забастовки.

Несмотря на продолжавшийся террор, рабочие начали открыто создавать профсоюзы. Как сообщает Лозовский, первый союз был организован московскими печатниками. Вскоре за ними последовали и рабочие других профессий — портные, кожевники, обувщики и т. д. Начали организовываться также железнодорожники, металлисты и текстильщики, которые шли в первых рядах широкого забастовочного движения. По словам Лозовского, к концу 1905 года «В России не было ни одного крупного города, где не был бы создан профессиональный союз». Во многих из этих городов имелись также центральные рабочие советы. Это происходило в условиях царского режима, когда по закону 1874 года проведение забастовок считалось преступлением, каравшимся лишением гражданских прав, конфискацией имущества и ссылкой в Сибирь.

В сентябре 1905 года в Москве состоялась первая в истории России национальная профсоюзная конференция. Лозовский сообщает, что в этой конференции участвовали делегаты от 26 московских союзов и рабочих кружков и от 10 союзов из других городов. Членам рабочих обществ взаимопомощи было также разрешено присутствовать на конференции, но члены оставшихся еще нескольких союзов, организованных полицией, не были допущены к участию в конференции. В феврале 1906 года в условиях возрастающего террора состоялась вторая общерусская конференция профессиональных союзов. На ней было представлено около 200 тысяч рабочих. Маркан сообщает, что к 1907 году «число союзов резко возросло — до 650 организаций, охватывавших 250 тысяч членов, свыше трети которых работали в металлургической и текстильной промышленности»¹². Положение союзов было чрезвычайно непрочным, ибо царская полиция могла в любой момент запретить их и арестовать руководителей. В 1907 году было 104 случая запрещения и роспуска профсоюзов полицией.

После революции

Русская революция 1905 года имела громадное значение для пролетариата и для угнетенных народов во всем мире. Как мы уже отмечали выше, она явилась огромным источником вдохновения для колониальных и полуколониальных народов Азии. Она дала мощный толчок развитию национально-освободительного движения в Персии, Турции, Египте, Китае, Индии и различных других странах, находившихся под гнетом империализма. Она также способствовала развитию зарождавшегося в этих странах рабочего движения.

Революция глубоко всколыхнула рабочее движение в Европе и Америке. Рабочие всех стран были взволнованы и воодушевлены мощными ударами, которые пробуждавшийся русский пролетариат и крестьянство нанесли надменному царизму. Революция явилась пробным камнем для испытания марксистских и ревизионистских теорий, борьба между которыми в организациях Второго Интернационала становилась все упорнее. Одним из многих уроков революции явился опыт массовой политической стачки, который, как мы увидим из следующей главы, стал вопросом решающего значения в жизни Интернационала.

Что же касается положения русских профсоюзов в тяжелые годы после поражения революции, то они, по словам Лозовского, подвергаясь жестокому преследованию со стороны полиции, «влачили жалкое существование». Поражение революции было также и поражением профессиональных союзов. Но к 1910 году профсоюзное движение стало возрождаться и активизироваться¹³. Под блестящим политическим руководством великого Ленина и большевистской партии русский рабочий класс быстро оправился от серьезного поражения, которое понесла революция. В 1912 году пролетариат фактически снова стал пробивать себе путь к решительной революционной победе, которую он одержал в ноябре 1917 года. Но в то время рабочие не в состоянии были восстановить открытое профсоюзное движение. Лозовский сообщает, что, когда началась революция 1917 года, в России существовало всего лишь три профессиональных союза, которые охватывали около 1 500 человек¹⁴.

ВОПРОС О ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКЕ

Помимо ряда других важных уроков, которые рабочий класс извлек для себя из русской революции 1905 года, она дала ему ясные установки по поводу сложной проблемы всеобщей забастовки. Ранее, в течение многих лет — почти с самого момента зарождения рабочего движения — этот вопрос оставался неясным, и во всем этом деле царила большая путаница. Революция же 1905 года, подобно вспышке молнии, показала огромную эффективность всеобщей стачки, в особенности при наличии революционной ситуации, и сразу же поставила это великое и в основном политическое оружие в порядок дня мирового рабочего движения.

Всеобщая стачка в истории рабочего движения

Когда рабочие впервые начали организовываться, сознавать свою экономическую мощь и при помощи забастовок вынуждать предпринимателей идти на уступки, то с ростом рабочего движения нетрудно было прийти к представлению о всеобщей стачке как о средстве разрешения серьезнейших проблем, стоявших перед рабочим классом. Даже в первые дни развития рабочего движения вопрос о всеобщей стачке не раз более или менее стихийно возникал в сознании рабочих. В Англии, на родине тред-юнизма, член союза рабочих обувной промышленности Уильям Бенбоу еще в 1832 году выдвинул в своей брошюре «Великий национальный праздник и конгресс производителей классов» план месячного национального праздника, или всеобщей стачки.¹ Идея эта, как мы видели в главе 4, сыграла впоследствии огромную роль в историческом чартистском движении. План всеобщей стачки — по крайней мере в местном масштабе — явился, как это показала всеобщая стачка в Филадельфии в 1835 году, также важным фактором в профсоюзном движении США во время крупных рабочих волнений в тридцатых годах прошлого века.

Организационная и тактическая эволюция профсоюзного движения исторически развивалась в направлении к всеобщей стачке. Так, в самом начале рабочие бастовали

по отдельным профессиям, а затем по группам фабрик в отдельных районах. Однако в дальнейшем с развитием промышленности и национальных рынков они начали проводить общенациональные забастовки в торговле и промышленности, пока эти забастовки не стали обычным явлением для капиталистических стран. Наряду с этим в условиях ярого противодействия со стороны предпринимателей во всем мире начали также проводиться многочисленные всеобщие стачки местного характера. Общая тенденция к постоянному расширению борьбы рабочего класса неизменно ведет к всеобщей или массовой забастовке, и в истории мирового рабочего движения таких забастовок было немало. Кульминационным пунктом в этом течении явился международный праздник 1 Мая, который по существу предусматривает проведение однодневной всеобщей забастовки во всех странах мира.

В течение всего периода деятельности Первого Интернационала (1864—1876 годы) анархисты-бакунисты постоянно проповедовали всеобщую стачку и выдвигали ее в качестве панацеи для разрешения всех проблем, стоявших перед пролетариатом. Они неоднократно поднимали этот вопрос на съездах и перед национальными секциями Интернационала. Они также в ряде случаев пытались, правда с сомнительными результатами, проводить свой лозунг в жизнь, главным образом в Испании и Италии. В качестве поборников всеобщей стачки как универсального средства для рабочего класса к анархистам примкнули анархо-синдикалисты. Начиная с середины девяностых годов прошлого столетия, они сделали всеобщую стачку центральным пунктом всей своей идеологии и программы, и вся их деятельность была направлена на ее осуществление. Ниже мы дадим оценку опыта их работы в этом отношении.

Обычно марксисты противились кампании за всеобщую стачку, проводившейся анархистами и анархо-синдикалистами. Они понимали, что последние вынашивали идею об универсальном средстве всеобщей стачки, чтобы заменить ею подлинную организацию и борьбу рабочего класса; они также сознавали, что для успешного осуществления стачки необходимы твердая организация, подходящие условия и сознательность рабочих. Они, разумеется, не разделяли настроений сторонников всеобщей стачки, которые делали ставку на стихийное движение

рабочего класса, и рассматривали всеобщую стачку как путь к разрешению любой крупной проблемы. На этой первоначальной стадии рабочее движение еще неспособно было успешно осуществлять всеобщие забастовки, политические партии рабочих были еще слабыми и неоформившимися, а профсоюзы во всех странах, за исключением Англии, охватывали лишь незначительную часть рабочего класса.

Марксисты того времени поступали правильно, возражая против идеалистического представления анархистов о роли всеобщей стачки, но в своей оппозиции ей они подчас страдали некоторой односторонностью, хотя политика их в других направлениях была очень действенной. В 1873 году Энгельс дал анализ этого положения в журнале «Дер Фольксштаат» (в номерах от 21 октября, 2 и 5 ноября), высказавшись против установки анархистов-бакунистов о стихийности всеобщей стачки. Он заявил, что для такой стачки необходимы полная организация рабочего класса и достаточные средства, и высказал мнение о том, что реакционные правительства не позволят рабочим осуществить намеченные ими задачи. А если рабочие будут располагать этими условиями, то им не понадобится прибегать к окольным путям всеобщей стачки для достижения своей цели². Фактически при напряженном политическом положении, когда осуществление всеобщей стачки становится возможным, достаточно, конечно, наличия прочной организации в ключевых отраслях промышленности, чтобы обеспечить успех такой стачки. В настоящее время многие органы рабочего движения в состоянии осуществлять «всеобщие» забастовки, если говорить об их организационных возможностях.

На протяжении нескольких десятков лет деятельности Второго Интернационала до первой мировой войны его правые лидеры, ухватившись за это заявление Энгельса, использовали его в своих целях. Грубо искажая смысл заявления, они сделали его своей заповедью, к которой постоянно прибегали в борьбе против всех попыток рабочих применить оружие всеобщей массовой забастовки. Лидер немецких социал-демократов Ауэр выразил эту тактику оппозиции в следующей фразе: «Общая стачка — это общий абсурд». По вопросу об отношении Энгельса к всеобщей забастовке Сталин говорил: «...Энгельс критиковал не любую общую забастовку, а лишь определен-

ный род общей забастовки, всеобщую экономическую забастовку анархистов, выдвигавшуюся анархистами взамен политической борьбы пролетариата» *. Только во время революции 1905 года русский рабочий класс под руководством Ленина доказал теоретически и практически ценность всеобщей стачки как грозного оружия в руках рабочего класса. С тех пор марксисты стали действительными поборниками надлежащего стратегического и тактического применения всеобщей национальной забастовки, или, выражаясь точнее, массовой политической стачки, в классовой борьбе.

Всеобщие экономические забастовки и забастовки солидарности

История мирового рабочего движения знает много примеров всеобщих забастовок как местного, так и общенационального характера, в которых рабочие ставили вопрос о повышении заработной платы или поддерживали других рабочих, выступавших с этими требованиями. Немало было и таких случаев, когда всеобщие забастовки, намечавшиеся обычно на короткий срок, проводились в порядке демонстрации. Такой массовой международной забастовкой демонстративного характера был, как уже указывалось выше, международный праздник 1 Мая.

В Италии имело место множество таких забастовок: общегородская забастовка в Генуе в 1900 году, во Флоренции в 1902 году, в Риме в 1903 году, в Парме в 1908 году, в Милане в 1907 и 1913 годах — и всеобщие забастовки во всей стране в 1904 и 1914 годах. В истории рабочего движения в Испании, начиная с семидесятых годов прошлого века до тридцатых годов XX века, произошло не менее двух десятков местных и общенациональных массовых забастовок, выдвигавших экономические и политические требования, а также забастовок солидарности. Особенно выделяются среди них общие стачки в 1902 и 1909 годах, начало которым было положено в Барселоне. При помощи этих забастовок рабочие добились крупных экономических и политических успехов.

Во Франции в середине девяностых годов, а особенно с развитием анархо-синдикализма, велась широкая пропа-

* И. В. Сталин. Об основах ленинизма. Т. I, стр. 90.

ганда за применение общей забастовки, и французские лидеры неоднократно поднимали этот вопрос на различных международных съездах. На протяжении рассматриваемого нами периода, то есть нескольких десятков лет, предшествовавших первой мировой войне, в результате этой пропаганды делалось несколько попыток осуществления всеобщей забастовки. В октябре 1902 года ВКТ организовала общую забастовку в поддержку бастующих шахтеров, но она не дала существенных результатов³. В 1904 году в Марселе состоялась всеобщая забастовка, имевшая также ограниченный успех. В период подъема синдикализма после состоявшегося в 1906 году Амьенского съезда французские союзы провели ряд забастовок солидарности, но они не стали успешными общими забастовками местного или общенационального характера. Французские союзы приложили также много усилий к тому, чтобы день 1 Мая действительно стал днем забастовок и борьбы. Так, демонстрация в 1906 году фактически вылилась в общую забастовку за восьмичасовой рабочий день, в которой участвовало 200 тысяч рабочих.

Тот же боевой дух проявляли и профсоюзы Латинской Америки; почти в каждой из латиноамериканских стран произошло не менее чем по одной забастовке, которые фактически проводились в обстановке гражданской войны. В течение этого периода местные и общенациональные массовые забастовки происходили в Аргентине, Чили, Перу, Уругвае и в других странах этого района. После второй мировой войны произошло несколько крупных всеобщих забастовок и в Японии.

Не останавливаясь на всех забастовках такого характера, происходивших в течение этих десятилетий, упомянем лишь о некоторых из них, как, например, всеобщая забастовка за восьмичасовой рабочий день в Америке в 1886 году, всеобщая забастовка в Австралии в августе 1917 года, всеобщая забастовка в Сиэттле (штат Вашингтон) в феврале 1919 года, когда 65 тысяч рабочих забастовали в поддержку бастующих рабочих судостроительной промышленности; всеобщая забастовка 35 тысяч рабочих в мае 1919 года в Виннипеге (Канада) в знак солидарности с бастующими металлистами, историческая всеобщая забастовка солидарности 5 миллионов рабочих в Англии в 1926 году в поддержку бастующих шахтеров и всеобщая забастовка 125 тысяч рабочих в Сан-Фран-

диско в июле 1934 года в поддержку портовых рабочих, бастовавших во всех портах Тихоокеанского побережья. Все эти забастовки в основном терпели поражение из-за предательской политики консервативной верхушки профсоюзного руководства.

Общие забастовки за предоставление рабочим избирательного права

Рабочий класс Европы широко применял общую забастовку также в борьбе за избирательные права. Еще до первой мировой войны почти во всех европейских странах, включая Германию, по отношению к рабочим применялись дискриминационные законы, лишавшие их прав участия в выборах наравне с другими гражданами. Вследствие этого социал-демократические партии почти повсеместно выдвигали на первый план в своих программах-минимум борьбу за «равное, тайное, прямое и всеобщее» избирательное право. Большинство партий и создавалось главным образом в связи с этой борьбой. В движении за избирательное право часто выдвигался вопрос о применении всеобщей забастовки. Естественно, что все такие планы проведения всеобщих забастовок были непосредственно связаны с работой профсоюзов, без которых забастовки не могли быть осуществлены.

Правящие классы всех стран упорно отказывались предоставлять рабочим полное избирательное право, главным образом из боязни, что предоставление рабочим права свободного участия в выборах сразу же положит конец их собственному господству. Ввиду этого рабочие, не имевшие возможности добиться для себя права участия в выборах законным образом через парламент, обратились к общей политической стачке, как средству заставить предпринимателей и правительства предоставить им это право. Эта тенденция особенно четко наметилась после русской революции 1905 года, в которой массовая забастовка сыграла решающую роль. Однако анархо-синдикалисты с их принципом аполитичности отнюдь не были заинтересованы в применении своей излюбленной тактики общей забастовки в политических целях.

Английские рабочие, которые обычно являлись пионерами во всех вопросах профсоюзного движения, первыми добились для себя избирательного права, применив широ-

кую массовую политическую забастовку. Требование избирательных реформ было центральным пунктом программы великого чартистского движения тридцатых и сороковых годов прошлого столетия. Однако, как мы уже знаем из главы 4, мощное забастовочное движение за избирательное право, развернувшееся в Англии, не увенчалось успехом из-за неопытности и недостаточной организованности рабочего класса, и английским рабочим пришлось бороться еще несколько десятков лет, прежде чем им удалось, наконец, добиться избирательного права.

Ни этот провал, ни пессимистические проповеди консервативных социалистических лидеров не помешали бельгийским рабочим также прибегнуть к забастовкам в начатой ими в 1893 году борьбе за предоставление избирательных прав. В то время из всего населения Бельгии численностью в 6 500 тысяч человек правом голоса пользовались только 137 772 человека. Рабочие провели три массовые стачки против предпринимателей и правительства в 1893, 1902 и 1913 годах. Они добились частичного изменения несправедливых законов об избирательном праве, но окончательно добиться равного избирательного права им удалось лишь после первой мировой войны, в период большого революционного подъема в стране. Рабочие Швеции, где система голосования носила такой же недемократический характер⁴, также провели в 1902 году всеобщую забастовку за предоставление им равных избирательных прав, которая завершилась частичным успехом, несмотря на то, что лидеры и на этот раз проявили нерешительность. В 1909 году снова была организована всеобщая забастовка, продолжавшаяся целый месяц. Рабочие требовали улучшения условий работы и избирательных форм, причем и на этот раз забастовка имела лишь частичный успех⁵. В 1903 году голландские рабочие также провели общую забастовку, в которой в основном выдвигались экономические требования, но ставился также и вопрос об избирательных реформах. В Австрии в октябре 1905 года под непосредственным влиянием всеобщих забастовок в России рабочие остановили все промышленные предприятия страны, требуя предоставления им избирательных прав. В результате в январе 1907 года они добились всеобщего избирательного права для мужчин⁶.

Под влиянием яркого примера забастовочного движения в России немецкие рабочие также решили положить

конец неравноправным законам об избирательном праве, применив общую стачку. Они оказывали такой сильный нажим на социал-демократических лидеров, что на съезде, состоявшемся в Иене в сентябре 1905 года, в тот момент, когда за рубежами Германии, в России грозным потоком разливалось забастовочное движение, социал-демократическая партия, хотя и не без колебаний, одобрила применение массовой политической забастовки как средства защиты и расширения избирательных прав рабочих. Но консервативное профсоюзное руководство не желало допускать этого. На съезде, состоявшемся в мае 1905 года, — за четыре месяца до съезда партии — чиновники из профсоюзного руководства, понимая, что будет ставиться вопрос о массовой забастовке, осудили применение общих забастовок в принципе и на практике⁷. Это лишило силы последующее решение партии, и в конечном счете вопрос о массовой забастовке стал запретной темой для немецких профсоюзов. Этот конфликт между профсоюзами и партией оказал огромное влияние на рабочее движение в Германии в целом; ниже мы вернемся к этому вопросу.

Антивоенные и революционные всеобщие стачки

В течение полувека до русской революции 1917 года все многочисленные международные съезды социалистических и профсоюзных организаций занимались вопросом о применении общей стачки как средства борьбы с империалистическими войнами и осуществления социалистической революции. Но, как мы увидим из главы 24, мировое рабочее движение в целом не справилось с этой антивоенной проблемой и понесло жестокое поражение в своей неудавшейся попытке предотвратить кровавую бойню первой мировой войны. Русская революция 1905 года дала ясную установку о политике, которую необходимо было проводить в этом отношении, но господа ревизионисты, стоявшие во главе Второго Интернационала, не желали ничему учиться у «русских варваров».

Общие забастовки во время революции 1905 года были направлены против войны и против самого существования царизма и капитализма. В то время в России произошло много крупных забастовок, но наибольший раз-

мах забастовочное движение получило в январе и октябре—ноябре, когда по всей стране прокатились две широкие волны всеобщих стачек. В результате этих забастовок в ряде промышленных центров был установлен восьми-часовой рабочий день. По словам Ленина, в январе число бастующих составило 444 тысячи, а в ноябре — полмиллиона, причем к этому количеству надо добавить еще несколько сот тысяч железнодорожных рабочих, почтово-телеграфных служащих и др.»⁸. Во главе забастовочного движения шли квалифицированные металлисты и железнодорожные рабочие. Эти всеобщие забастовки, которые в основном начались с экономических требований, переросли в декабрьское вооруженное восстание, о печальной развязке которого мы говорили в главе 20.

Ленин писал, что «ни в какой капиталистической стране мира, даже в самых передовых странах, вроде Англии, Соединенных Штатов Америки, Германии, мир не видел такого грандиозного стачечного движения, как в России в 1905 году». По поводу событий в революционной России он сказал, что «только борьба за немедленное непосредственное улучшение своего положения способна встряхнуть отсталые слои эксплуатируемой массы, дает им действительное воспитание и превращает их — в революционную эпоху — в течение нескольких месяцев в армию политических борцов. Только волны массовой стачки, прокатившиеся по всей стране в связи с жестокими уроками империалистической русско-японской войны, пробудили широкие массы крестьянства от летаргического сна». Роза Люксембург, которая стала ярым поборником всеобщей стачки и написала историю массовых стачек в России, назвала январскую забастовку «широким фоном революции».⁹

В период между революциями 1905 и 1917 годов всеобщие забастовки, как мы видели выше, произошли в ряде европейских стран. Одной из крупнейших и важнейших из этих забастовок была революционная забастовка испанских рабочих в 1909 году против агрессивной войны, развязанной испанским правительством в Марокко. 26 июля революционные рабочие Барселоны начали всеобщую антивоенную забастовку, в которой участвовало 300 тысяч человек. Всеобщая забастовка, охватившая весь город, распространилась и на другие районы Испании. На 2 августа была назначена всеобщая забастовка

рабочих всей страны, но суровые репрессии правительства помешали ее полному осуществлению.¹⁹

Большая русская революция 1917 года вызвала новую волну национальных всеобщих забастовок в ряде стран Восточной и Центральной Европы, ставивших себе основной целью свержение капиталистических правительств. В самой России первая фаза революции — буржуазная революция — началась с всеобщей политической стачки рабочих. Стачка началась 9 января в Петрограде и через несколько дней охватила также Москву и другие города страны. 18 февраля забастовкой путиловских рабочих в Петрограде началась новая волна забастовочного движения; она стала быстро распространяться и под руководством большевиков перерастать в восстание. 27 февраля царские войска отказались стрелять в рабочих — и буржуазная революция победила. Вторая фаза революции, социалистическая революция, была осуществлена семь месяцев спустя, 7 ноября, под руководством большевиков, причем восставшие вооруженные рабочие захватили в свои руки фабрики и заводы.

Германская революция 1918 года, которой предшествовало распространившееся к концу войны широкое забастовочное движение, началась 5 ноября всеобщей стачкой и восстанием, вынудившим кайзера 9 ноября бежать из страны. В течение нескольких лет после этого, в то время как ревизионисты из социал-демократической партии отказывались взять в свои руки власть и приступить к строительству социализма, немецкие рабочие провели еще несколько всеобщих забастовок. В последующих главах мы еще вернемся к вопросу о русской и немецкой революциях и роли, которую в них сыграли профсоюзы.

Всеобщая стачка как оружие в руках рабочего класса

Длинный перечень всеобщих забастовок в истории рабочего движения убедительно доказывает, что в периоды острой борьбы против предпринимателей и их агентов в правительстве рабочие всего мира инстинктивно обращаются к всеобщим забастовкам как средству, которое может сломить реакционное сопротивление буржуазии и ее политических органов. Пораженчески настроенным лидерам также не удалось помешать рабочим

использовать всеобщую забастовку с этой целью. Рабочие не раз прибегали к массовой политической стачке в самых тяжелых условиях, но не всегда эти стачки приводили к положительным результатам. Величайшая экономическая и политическая мощь всеобщей забастовки получила полное признание лишь после огромных массовых стачек в России в период революции 1905 и 1917 годов, осуществлявшихся под боевым руководством коммунистов.

Проведение всеобщей забастовки вовсе не такое легкое дело, каким его часто считали в прошлом. Массовая политическая забастовка — это обоюдоострое оружие, которое при неправильном его применении может принести рабочим больше вреда, чем пользы. Это такое оружие, которое необходимо твердо удерживать в руках и умело применять для того, чтобы обеспечить его успешное использование. Величайшим препятствием, с которым рабочие большинства стран сталкивались в своих попытках осуществления всеобщих забастовок, являлись нерешительность и предательство консервативных социал-демократических профсоюзных лидеров, которые, опасаясь огромной мощи возглавлявшегося ими движения, принимали все меры к тому, чтобы подорвать его основы и нанесли этим серьезный ущерб делу рабочего класса.

Всеобщая или массовая стачка — это в основном революционное политическое оружие. Остановка производственного процесса в масштабе всей страны неизбежно влечет за собой постановку вопроса о политической власти. Всеобщая стачка — это серьезная политическая борьба. Капиталистический строй рассматривает такие забастовки как реальную угрозу его политическому господству и поэтому старается подавлять их всеми средствами, имеющимися в его распоряжении. Это основной урок, который дала нам история рабочего движения за последние полтора столетия.

Конечно, было множество всеобщих забастовок протеста, которые обычно проводились в местном масштабе и намечались только на короткий срок, и государство не всегда считало необходимым полностью использовать все меры насильственного подавления забастовочного движения. Состоялось также несколько национальных всеобщих забастовок, при которых социал-демократические лидеры проводили настолько робкую политику усту-

пок и отступлений, что капиталисты, считая их линию поведения и без того достаточно пораженческой, не видели необходимости в использовании всей принудительной силы государства.

Однако опыт рабочего движения говорит о том, что обычно, когда рабочие приступают к проведению всеобщей политической стачки как местного, так и общенационального характера, не ограничивая ее заранее кратковременным сроком, им приходится сталкиваться с самыми решительными мерами, которые государство использует, чтобы сломить забастовку (применение насилия и поощрение правых социал-демократов и предательство внутри самого рабочего движения).

Именно с целью борьбы с забастовочным движением все крупные капиталистические страны и особенно США принимают законодательство, ограничивающее права профсоюзов, тщетно надеясь предотвратить этим возможность осуществления всеобщих забастовок в будущем. История доказывает, что насилие со стороны государства и запрещение забастовок не могли помешать пролетариату снова и снова с решающим успехом применять массовую стачку, когда его боевой дух и руководство им находились на должной высоте. И можно с уверенностью заранее предсказать, что рабочий класс будет поступать так и в дальнейшем.

Глава 22

АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ КАК МИРОВОЕ ДВИЖЕНИЕ (1906—1914)

Анархо-синдикализм зародился и получил полное развитие во Франции. Как мы указывали в главе 17, он достиг идеологической зрелости к моменту Амьенского съезда в 1906 году. В последующий период вплоть до первой мировой войны это движение распространилось во всем мире и получило известную точку опоры почти во всех странах, где существовало профсоюзное движение. В этот период анархо-синдикализм вел борьбу против социал-демократии и марксизма, за идеологическое господство в мировом организованном рабочем движении.

Анархо-синдикалистское движение в странах, являвшихся его оплотом,— во Франции, Испании и Италии —

было порождено его идейными предшественниками в рабочем классе — прудонизмом и бакунизмом, относительной отсталостью промышленности в этих странах с ее высоким процентом кустарных ремесел, сильными революционными традициями, господствовавшей там глубокой политической коррупцией, захватившей и социал-демократических депутатов парламента, а также огромным влиянием авторитарного католицизма на общественную жизнь этих стран. Но в годы, непосредственно предшествовавшие войне, синдикализм получил значительное распространение в странах монополистического капитала, доказав, что он вполне может укрепиться и в таких странах, как США и Англия, где анархизм не подготовил почву для его развития.

Такое распространение анархо-синдикализма в мировом масштабе оказалось возможным потому, что он создавал иллюзию удовлетворительного разрешения многих стоявших перед рабочим классом проблем, а в особенности тех, которые выдвигались эпохой империализма и которые явно неспособна была разрешить социал-демократия, все более и более впадавшая в оппортунизм. Так, например, аполитичность синдикалистов казалась многим рабочим правильным ответом на деятельность целых орд политиканов ревизионистского толка, в огромном количестве проникших в ряды почти всех социал-демократических партий и высасывавших из них все жизненные соки; их воинствующая пропаганда «прямого действия» представлялась рабочим эффективной заменой нерешительных политических действий социал-демократии: их производственные профсоюзы были единственным типом профсоюзов, способных бороться с трестами, причем они стояли значительно выше разобщенных цеховых союзов, с существованием которых социал-демократы еще мирились во многих странах; кроме того, ввиду блестящего успеха массовых политических стачек в русской революции 1905 года применение всеобщей стачки, проповедовавшееся синдикалистами, казалось надежным и действенным способом сопротивления нависшей угрозе войны, а впоследствии также и полной ликвидации капитализма. Поэтому в условиях, настоятельно требовавших наличия боевой организации пролетариата и соответствующей этому политики, способных противостоять инертной позиции склонных к компромиссу социал-демократических реви-

зионистов, развивался и процветал синдикализм, претендовавший на то, что он может разрешить эти проблемы. Он имел эту возможность потому, что коммунизм, возглавлявшийся великим Лениным, в то время еще только начинал проявляться как международный фактор в рабочем движении.

Во многих странах синдикализм представлял левое крыло в рабочем движении или оказывал на него большое влияние. Такое положение существовало не только в рабочем движении вообще, но и во многих социал-демократических партиях. Заслуживает внимания то обстоятельство, что на Штутгартском конгрессе Второго Интернационала (в 1907 году), когда делегация большинства французской социалистической партии предложила конгрессу резолюцию по обсуждавшемуся в тот момент вопросу о взаимоотношениях между профсоюзами и партией, эта резолюция была осуждена и отвергнута как синдикалистская, какой она по существу и была. Далее, опубликованная в 1912 году представителями левого крыла в американской социалистической партии программа в виде брошюры, написанной У. Д. Хейвудом и У. И. Боном и озаглавленная «Промышленный социализм», фактически тоже была синдикалистским документом. Такие же тенденции наблюдались и в других социалистических партиях. Поэтому, несмотря на множество слабостей и недостатков, присущих анархо-синдикализму, он все же в некотором отношении был предтечей мощного коммунистического движения, оформившегося десятилетиями позднее в качестве организации левого крыла в рабочем движении. Тем не менее коммунистические партии возникли повсеместно на базе социалистических партий, а не синдикалистских профсоюзов.

Анархо-синдикализм в латинских странах

Во Франции ВКТ, в особенности после Амьенского съезда 1906 года, проводила боевую политику. Под ее руководством происходила борьба в день 1 Мая 1906 года. «Первое мая в Париже было осадное положение», — говорит Левин¹. Со времени Парижской коммуны там еще никогда не было такого количества войск. Бастовало около 202 507 рабочих, занятых на 2 385 предприятиях. Ряд забастовок, происходивших в ближайшие годы после

этого, кончился столкновениями с полицией и войсками, во время которых было убито множество рабочих. Наиболее революционной секцией ВКТ был профсоюз строительных рабочих, который проводил в Париже и других городах крупные всеобщие забастовки.

Крупнейшей забастовкой во Франции в период непосредственно перед войной явилась забастовка железнодорожных рабочих, внезапно начавшаяся в Париже 10 октября 1910 года. В ней выдвигались требования о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня. Забастовка вызвала остановку движения на нескольких важнейших железных дорогах страны. В то время премьер-министром французского кабинета был Аристид Бриан, бывший социалист и в свое время ярый сторонник применения всеобщей стачки. Он приказал арестовать забастовочный комитет, мобилизовал железнодорожников как солдат и использовал войска против бастующих рабочих. Забастовка была подавлена. Союз железнодорожников, осуществивший эту забастовку, обычно считался одним из наиболее консервативных в рабочем движении Франции.

ВКТ привлекала к себе внимание воинствующих элементов во всем мире, причем не только анархистского толка, но также и большого количества левых социалистов. Их подкупала наступательная политика ВКТ, ее неутомимая борьба против политических приспособленцев в социалистической партии, активное применение оружия стачки, ее новые формы организации пролетариата и боевая тактика, решительное сопротивление милитаризму, ее неоднократные угрозы противодействовать войне путем революционной всеобщей забастовки и ее планы построения нового общества на базе профсоюзов. В годы с 1904 по 1912 количество членов ВКТ возросло с 150 тысяч до 400 тысяч.

В Италии на протяжении десятилетия, предшествовавшего первой мировой войне, анархо-синдикалистское движение, развивавшееся примерно по тому же пути, как и во Франции, также получило значительное распространение. В 1907 году в забастовках, организованных анархо-синдикалистами, участвовало 575 тысяч рабочих. Центр синдикалистского движения находился в Парме. В 1908 году анархо-синдикалисты сочли, что они достаточно сильны, чтобы попытаться осуществить всеобщую

забастовку в этой провинции. Все рабочее движение Италии оказало им поддержку, но после жестокой борьбы забастовка была подавлена. В то время итальянские профсоюзы и социалистическая партия находились в руках реформистов, и поэтому анархо-синдикалисты (не в пример своим собратьям во Франции, которые возглавляли профсоюзное движение) откололись от социалистической партии и возглавлявшихся ею профсоюзов и стали организовывать параллельные профсоюзы. В 1912 году, собрав свои значительно поредевшие ряды, они создали Объединение итальянских профсоюзов, охватившее 101 729 человек. В тот момент в руководимой социалистами организации рабочих профсоюзов — ВКТ — насчитывалось 320 тысяч членов. Постоянный контакт с итальянским движением поддерживали теоретики французского синдикализма Лагардель и Сорель².

В Испании, где мощное анархистское движение вело свою историю еще со времен Первого Интернационала, анархо-синдикализм укрепился еще больше, чем в Италии. В 1910 году анархо-синдикалисты создали Национальную конфедерацию труда (НКТ), но она примерно до 1916 года не играла важной роли в испанском рабочем движении. Испанское синдикалистское движение подобно синдикалистскому движению в соседней Португалии и Италии, в основном следовало образцу французской Всеобщей конфедерации труда в отношении организационной структуры, тактики и идеологии. В этих странах рабочие-анархисты вступали в профсоюзы и представляли собой один из важнейших элементов в анархо-синдикалистском движении.

В странах Латинской Америки анархо-синдикализм также был важным фактором в широком рабочем движении, в особенности среди рабочих-эмигрантов из Испании, Италии и Португалии. В этом огромном районе анархисты и синдикалисты явились пионерами создания профсоюзов. Социалистическое движение там в основном было очень слабым, ибо в годы, предшествовавшие первой мировой войне, Второй Интернационал почти не уделял внимания вопросу создания партийных и профсоюзных организаций в колониальных и полуколониальных странах. Коммунистического движения в то время, конечно, еще не существовало. Синдикалисты были особенно активны в Аргентине, Чили, Мексике и Боливии и сыграли важную роль

в создании первых профессиональных союзов как в этих, так и в других латиноамериканских странах.

Американская организация Индустриальные рабочие мира и синдикализм

Крупнейшей анархо-синдикалистской организацией в США явилась организация Индустриальные рабочие мира, основанная в Чикаго 27 июня 1905 года. ИРМ возникла как протест против позорной реакционной и продажной политики гомперсовских профбюрократов. В то время как быстро развивающиеся тресты проводили, с одной стороны, беспощадную политику «открытого цеха» в промышленности, а с другой — систематически подкупали руководство профсоюзов через Национальную гражданскую федерацию, гомперсовские лидеры упорно придерживались своих устарелых принципов цеховых профсоюзов и насквозь прогнившей практики классового сотрудничества. Создание ИРМ явилось боевым ответом рабочих на это сочетание предательства и загнивания.

В начале организацией руководили социалистические лидеры Юджин Дебс, Уильям Хейвуд и Даниель де Леон. На учредительном съезде были представлены 34 организации, насчитывавшие 90 тысяч членов³. Это были исключительно профсоюзные организации, возглавлявшиеся социалистами, главным образом левого крыла. Съезд принял предварительную программу, предусматривавшую поддержку политических действий, но не стремившуюся к созданию какой-либо особой политической партии. Программа содержала резкие нападки на гомперсовскую реакционную политику цеховых профсоюзов и делала основную ставку на создание производственных профсоюзов.

Уже на первом съезде ИРМ в программе намечались свойственные синдикализму черты аполитичности, в особенности в пункте, выдвигавшем требование о том, чтобы рабочие «брали и удерживали продукты своего труда с помощью своей экономической организации, не сливаясь с какой бы то ни было политической партией». Эта оговорка была внесена де Леоном, который сам был наполовину синдикалистом. На четвертом съезде ИРМ, в 1908 году, в программу были внесены дальнейшие изменения в духе синдикализма: пункт о политических

требованиях был полностью вычеркнут и добавлено знаменитое изречение синдикалистов о том, что «организуясь в промышленности, мы создаем структуру нового общества в рамках старого»⁴.

Тем временем пролетарские элементы среди анархистов, по-видимому под влиянием анархо-синдикализма и главным образом ВКТ во Франции, присоединились к ИРМ и стали толкать ее на путь принятия синдикалистской программы. Большую роль в этом сыграло возмущение рабочих оппортунистической политикой лидеров социалистической партии, а также и то, что основная масса многомиллионной армии рабочих-эмигрантов, на которых ИРМ делала главную ставку, не имела избирательных прав. Де Леон и Дебс, хотя и по различным причинам, вышли из ИРМ, которая к этому времени стала абсолютно аполитичной организацией. Вскоре после этого активисты ИРМ стали так же яростно ненавидеть правосоциалистических лидеров, как они ненавидели чиновников из гомперсовских профсоюзов. Как в ряде других стран, так и в США основная масса левых элементов в социалистической партии, состоявшая главным образом из рабочих-эмигрантов, проявляла большие симпатии к ИРМ, не будучи непосредственно связана с ней.

ИРМ организовала множество забастовок, в ходе которых рабочие вели ожесточенную борьбу за свои требования, причем некоторые из этих забастовок прославились в истории рабочего движения США. Среди них особенно выделяется крупная забастовка 23 тысяч рабочих-текстильщиков в 1912 году в г. Лоуренс (штат Массачусетс). Эта яркая забастовка привлекла к себе внимание всего мира. Миллионы рабочих восхищались стойким боевым духом ИРМ. Но после семи лет напряженной борьбы, накануне вступления США в первую мировую войну, ИРМ, которая страдала обычными пороками синдикализма, насчитывала всего лишь около 60 тысяч членов⁵.

Второстепенными организациями в американском синдикалистском движении была Синдикалистская лига Северной Америки, основанная в 1912 году, и Международная профсоюзная лига по вопросам образования, созданная в 1914 году. Автор настоящей книги был генеральным секретарем обеих этих организаций. Их программа отли-

чалась от программы ИРМ, на базе которой они возникли, в двух важных пунктах. Во-первых, они возражали против проводившейся ИРМ политики двойных союзов, которая отвлекала активистов от работы в массовых консервативных союзах и замыкала их в рамки выхолащенных революционных сект, и, во-вторых, они отвергали ходячую теорию синдикалистов о том, что профсоюзы явятся производственными органами в будущем обществе, считая, что производственная организация должна быть организацией совершенно иного типа, создающей своих собственных управляющих, инженеров и администраторов⁶.

Синдикалистское движение в Англии

В Англии организация ИРМ стала развиваться еще в 1905—1910 годах, хотя и в небольшой степени. На ее работу значительное влияние оказало анархо-синдикалистское движение, характерное для периода, непосредственно предшествовавшего первой мировой войне. Первоначальную организационную форму это движение приняло 26 ноября 1910 года, когда в Манчестере была создана Промышленная синдикалистская лига по вопросам образования (ПСЛО)⁷. Выдающимся лидером лиги был Том Манн, ветеран великой лондонской забастовки докеров 1889 года, который всю свою жизнь боролся в рядах рабочего движения. Это движение вскоре широко было поддержано левыми элементами в рабочем движении, а также и многими профсоюзными лидерами, которые в то время еще стояли на прогрессивных позициях (Дж. Хикс, Дж. Уиллс, Джон Гамильтон, У. Мейнуэринг, Н. Аблетт, А. Кук, У. Крейк, А. Парсел и другие)⁸. ПСЛО, хотя и придерживалась общих идейных принципов французского синдикализма, фактически делала упор на создание производственных профсоюзов путем слияния и на боевую и единую забастовочную политику. Английские синдикалисты поступали более благоразумно, чем американская ИРМ, сосредоточивая свои усилия на работе внутри старых профсоюзов.

Английские синдикалисты почти сразу же стали мощной силой в рабочем движении. К тому времени профсоюзы уже созрели для требования об единстве и проведении активной забастовочной политики. Рабочие Англии, как и рабочие других крупных капиталистических стран,

сталкивались с насущными проблемами, возникшими в связи с появлением монополистического капитала и империализма, но социал-демократические бюрократы из профсоюзов с их практикой классового сотрудничества в промышленности, устаревшими цеховыми союзами и мягкотелым лейбористским политическим курсом не в состоянии были обеспечить подлинное руководство рабочим классом. Исторические условия настоятельно требовали левого руководства, и поскольку коммунизм еще только начинал формироваться в России, руководство рабочим движением взял на себя анархо-синдикализм.

В период с 1910 по 1914 год рабочее движение в Англии развивалось небывало быстрыми темпами⁹. Был проведен ряд успешных забастовок, крупнейшими из которых были забастовки железнодорожников, транспортных рабочих и горняков. Эти успешные национальные забастовки, которые неоднократно связывали всю экономику страны, заставили сильно встревожиться как английский правящий класс, так и его верных приспешников в профсоюзном руководстве, которые, почти так же как капиталисты, были напуганы непокорностью рабочего класса Англии. Широкое наступление пролетариата докатилось и до Ирландии, где в Дублине под руководством Джима Ларкина произошла всеобщая забастовка транспортных рабочих — одна из самых упорных забастовок того периода.

Профсоюзы очень быстро развивались, втягивая все новые категории неквалифицированных рабочих и работниц. Число членов союза горняков за один год возросло с 160 тысяч до 900 тысяч. За период с 1910 года по 1915 год число членов Конгресса тред-юнионов, которое до того оставалось почти неизменным, подскочило с 1 647 715 до 2 682 357. Если учесть, что многие союзы не входили в состав Конгресса тред-юнионов, то общий рост числа членов профсоюзов был значительно больший. В союзах также наблюдалась огромная тяга к слиянию, причем повсюду усиливались настроения в пользу создания производственных союзов. Объединение союзов было просто необходимо, так как в 1907 году мелкие цеховые профсоюзы в Англии были чрезвычайно распылены: например, в горнорудной промышленности имелось 75 отдельных союзов, в строительной — 77, а в текстильной — 273¹⁰.

Одним из важнейших результатов этой тяги рядовых рабочих к объединению явилась реорганизация Национального союза железнодорожников в производственный профсоюз. Но наиболее существенное значение имело создание по инициативе горняков в апреле 1914 года Тройственного союза. Этот мощный орган рабочих ключевых отраслей английской промышленности — транспортников, горняков и железнодорожников, — охвативший в общей сложности около 2 миллионов человек, был задуман как наступательный и оборонительный союз, которому предстояло вступить в бой с монополистическим капиталом. Возникновение первой мировой войны прервало проводившуюся Тройственным союзом подготовку к всеобщей забастовке всех рабочих, входивших в его состав. Ниже мы увидим, как реформистское руководство выхолостило это мощное движение, которое в то время вызывало восхищение и надежды боевого пролетариата во всем мире.

Главной силой в мощном наступлении рабочего класса в период с 1910 по 1914 год — величайшем движении в истории английского рабочего класса, явившемся как бы продолжением упорной борьбы чартистов и крупной забастовки лондонских докеров, были синдикалисты, возглавлявшиеся Томом Манном. Эту руководящую роль синдикалистов признают все, кто занимался историей рабочего движения. Синдикалисты направляли и вдохновляли движение трудящихся масс, которое, проявляясь в той или иной форме, было движущей силой всей этой широкой борьбы. Официальное руководство профсоюзов не имело ничего общего с этим возрождением рабочего движения, если не считать того, что оно старалось затруднять и саботировать его. Бурный, прогрессивный характер развернувшегося движения был прямо противоположен всей их программе классового сотрудничества.

Возникновение первой мировой войны временно затормозило мощное развитие рабочего движения в Англии. Оно также заставило мировое синдикалистское движение пойти по иному пути, о чем мы будем говорить ниже. В течение нескольких лет после этого синдикализм в Англии оказывал довольно значительное влияние на революционное движение фабрично-заводских старост в военное время, а впоследствии породил недолговечный гильдейский социализм послевоенного периода¹¹.

Анархо-синдикализм в других странах

Синдикалистское движение получило распространение в той или иной степени почти во всех странах Центральной и Западной Европы. В Германии оно было представлено Свободным объединением немецких союзов. Эта организация ведет свою историю со времени отмены закона против социалистов в 1890 году. В период действия этого закона существовавшие в то время профсоюзы в силу необходимости носили чисто местный характер, но после его отмены, когда начали создаваться общенациональные союзы, группа «социалистов» численностью около 10 тысяч человек отказалась принять участие в этом движении. Она в конечном счете стала центром синдикализма в Германии. Эта группа никогда не играла важной роли, хотя в 1919 году число ее членов поднялось до 100 тысяч человек¹².

В Скандинавских странах синдикалистское движение приняло несколько более широкие размеры и имело больший политический вес. Известную роль в его развитии сыграло влияние американской ИРМ. Ланге говорит, что в Норвегии «после скромного начала в 1911 году хорошо организованное и умело руководимое движение меньшинства, проповедовавшего необходимость создания производственных профсоюзов и осуществления ими более боевой тактики, сумело в 1920 году добиться большинства в профсоюзном центре»¹³. Впоследствии делались попытки реорганизовать это движение. Как в Швеции, так и в Дании имелось также довольно сильное синдикалистское движение; такое же положение существовало в Голландии и Бельгии.

Зачатки синдикализма имелись также в тех странах Восточной Европы, которые теперь стали Польшей, Чехословакией и Югославией. В самой России не было организованного синдикалистского движения, но в первые годы после революции 1917 года там наблюдались заметные синдикалистские тенденции, выражавшиеся в получивших широкое распространение предложениях и попытках поставить профсоюзы во главе управления промышленностью.

Япония, единственная из дальневосточных стран, обладавшая довольно развитой промышленностью в период до мировой войны, была исключением и в смысле наличия в ней значительного синдикалистского движения. Подъем

синдикализма, начавшийся примерно в 1910 году, отразился на Японии, так же как и на многих других капиталистических странах. Значительная часть интеллигенции и рабочего класса Японии прониклась этой новой идеологией. Котоку и его одиннадцать товарищей, убитые в 1911 году полицией в тюрьме, были анархистами и синдикалистами. Одно время синдикалистские тенденции оказывали значительное влияние на социалистическую партию и профсоюзное движение. В 1920 году они повели к частичному расколу в работе профсоюзов.

Во всех «белых» доминионах Британской империи — Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке — синдикалистское движение (и его отпрыск — течение за «один большой союз») получило довольно значительное распространение. Синдикалистские организации этих стран в основном были связаны с американской ИРМ. Как на это указывало ее название, американская организация Индустриальные рабочие мира была организацией международного характера и стремилась укрепиться в качестве таковой. Помимо официальных отделений в Мексике и других латиноамериканских странах, она создала свои центры в Англии и ее доминионах. ИРМ пользовалась значительным влиянием в западных районах Канады и сыграла также известную роль в Южной Африке и Австралии. В Австралии была создана довольно сильная организация, но в 1916 году ее запретили за антивоенную деятельность¹⁴. Она сыграла, как считают, большую роль в происходившей в Австралии с августа по октябрь 1917 года всеобщей стачке, в которой участвовало около 100 тысяч рабочих, а также в принятии профсоюзами в 1918 году недолговечного плана организации «Одного большого союза» (Э. Х. Кэмпбелл. История рабочего движения в Австралии).

Глава 23

БОРЬБА ПРОТИВ РЕВИЗИОНИЗМА В ПРОФСОЮЗНОМ ДВИЖЕНИИ

(1900—1914)

В течение десятилетия, непосредственно предшествовавшего первой мировой войне, борьба против оппортунизма, воплотившегося в бернштейновском ревизиониз-

ме в Германии (см. главу 14), постепенно развивалась во всех секциях Второго Интернационала. Это имело, конечно, самое прямое отношение к работе профсоюзов, ибо фактически главным оплотом ревизионизма была консервативная профсоюзная бюрократия.

Ревизионизм далеко не ограничивается отходом от теоретических положений Маркса и общей цели установления социализма. Он также ставит себе задачу компрометировать и подрывать всю борьбу рабочих за осуществление своих повседневных требований. Ревизионисты, теоретически мирясь с существованием капитализма, фактически соглашались также и на политическое и экономическое господство буржуазии. Это и есть классовое сотрудничество, которое представляет собой полную противоположность марксистской политике классовой борьбы. В рабочем движении ревизионистские элементы исторически базировались на культивировании интересов рабочей аристократии, проводя политику, прекрасно сочетающуюся с политикой империалистических монополистов и направленную на обеспечение выгодных условий для квалифицированного меньшинства за счет массы рядовых рабочих.

Суть ревизионизма заключается в том, что ревизионисты, или оппортунисты, входят в открытые или тайные соглашения с буржуазией, не считаясь с интересами широких масс рабочего класса. Ревизионисты становятся, по выражению Ленина, агентами буржуазии в рядах рабочего класса. В руках капиталистов — они орудие, которое те используют, чтобы убедить или заставить пролетариат работать и жить в самых худших условиях.

Борьба против ревизионизма во Втором Интернационале и профсоюзах в период, непосредственно предшествовавший войне, в основном велась по двум направлениям. Первым была теоретическая борьба за восстановление уже почти забытых марксистских принципов. Эту политическую борьбу возглавляли Ленин и его соратники, хотя в те годы левые элементы в мировом рабочем движении были идейно далеко не едины. Вторым же была повседневная борьба в каждой организации социалистической партии и в каждом профсоюзе против растущего оппортунизма в руководстве и за развитие боевой политики в осуществлении тех или иных требований. Фактически эти два направления были органически связаны между собой,

ибо теоретическая борьба против бернштейнианства во всех его проявлениях постоянно вращалась вокруг сугубо практических вопросов организации рабочего класса и его экономических и политических требований. Борьба против ревизионизма начала развиваться еще в самом начале века, и, по мере того как ревизионизм укреплял свои позиции, она все больше обострялась вплоть до момента возникновения первой мировой войны. Как мы уже видели, эта борьба получила известное отражение также и в синдикалистском движении.

Ревизионисты принесли огромный вред рабочему движению. Они подрывали идеологию пролетариата, тормозили развитие его организаций и вообще саботировали повседневную борьбу рабочего класса, в особенности после 1907 года, когда ревизионизм более четко оформился и укрепился. Иногда рабочим удавалось прорвать заслоны бюрократической машины, организовать широкое забастовочное движение и показать хотя бы частично, какой огромной потенциальной боевой мощью обладает пролетариат, как мы убедились на опыте истории рабочего движения в Англии за период с 1910 по 1914 год. Но обычно они проигрывали, и оппортунистическое бюрократическое руководство профсоюзов повсюду, за исключением России и еще нескольких стран, постепенно усиливало свои позиции и становилось все более консервативным, пока не пришло к ужасающему предательству и к катастрофе в начале первой мировой войны.

Наиболее изощренные теоретические формы бернштейнианство приняло в Германии, но самые отъявленные и разложившиеся элементы мирового ревизионизма были представлены в гомперсовской профсоюзной бюрократической машине в США. Эти обманщики, выбросившие за борт скудные крохи марксизма еще в восьмидесятых годах прошлого века, когда они закладывали фундамент Американской федерации труда, открыто и нагло стали на защиту капитализма. Многие из них, откровенные головорезы и гангстеры, управляли профсоюзами буквально силой оружия. Они без зазрения совести предавали забастовки, грабили рабочих и шантажировали предпринимателей направо и налево. Гомперсизм был язвой на теле мирового рабочего движения¹.

Начиная с 1900 года — момента, на котором мы остановились в истории профсоюзного движения в Америке

(см. главу 16), — и до вступления США в войну в 1917 году борьба против ревизионизма в США в основном представляла собой борьбу против прогнившей гомперсовской машины и ее правосоциалистических союзников. Борьба эта главным образом велась ИРМ и левым крылом социалистической партии. Постоянным полем битвы являлись съезды АФТ. Силы социалистов достигли максимума на съезде АФТ в 1912 году, когда во время выборов на пост председателя АФТ они собрали 5 073 голоса против 11 974, поданных за кандидатуру Гомперса.

В Германии в тот же примерно период борьба против ревизионизма также велась нарастающими темпами. Эта борьба сопровождалась постепенным выкристаллизовыванием могущественной бюрократии, возглавлявшей руководство партий и профсоюзами, и растущим ее поправлением. Наряду с этим происходило постепенное формирование левого крыла, ярким представителем которого в Германии была Роза Люксембург, а главным теоретиком — Ленин.

Практическая сущность борьбы против ревизионизма

Одним из главных вопросов борьбы рабочих против их консервативных профсоюзных лидеров был вопрос об осуществлении решительных мероприятий для повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и улучшения условий труда. Ревизионисты, связанные с предпринимателями соглашениями о классовом сотрудничестве в той или иной форме, яростно сопротивлялись любому намеку на активную забастовочную политику. Обычно они соглашались на забастовку только в тех случаях, когда их вынуждали к этому рядовые члены профсоюзов. А уж если они начинали забастовку, то спешили окончить ее любым компромиссом, не останавливаясь перед саботажем, чтобы вернуть рабочих на фабрики. Само собой разумеется, что для этих оппортунистов сама идея всеобщей забастовки была хуже яда.

Такова была обычная, направленная на удушение забастовочного движения политика правых социал-демократических профсоюзных лидеров в Германии, Англии, Бельгии, Японии и других странах. Но хуже всего было

положение в Соединенных Штатах. Там на протяжении всех этих лет сотни забастовок подавлялись при помощи профсоюзного штрейкбрехерства, то есть тем, что одна группа цеховых союзов спокойно продолжала работать в период забастовки под тем предлогом, что заключенные ими договоры с предпринимателями являются «священными». Они помогали, таким образом, предпринимателям подавить забастовку, а также сплошь и рядом хладнокровно предавали забастовки ради собственной выгоды. Имелось, конечно, немало профсоюзов, которые были исключениями из этой практики штрейкбрехерства, но реакционная деятельность считалась нормальной для гомперовских профсоюзов, а они составляли большинство и господствовали в профсоюзном движении.

Другим моментом в деятельности ревизионистских лидеров, тормозившим работу профсоюзов, был их сознательный отказ организовывать широкие массы рабочих. Они удовлетворялись тем, что квалифицированные рабочие состояли в профсоюзах; это соответствовало их основной политике, заключавшейся в том, что вся организационная работа профсоюзов была рассчитана главным образом на квалифицированных рабочих в промышленности. Эти тенденции были особенно заметны в Англии; в меньшей степени была поражена этим недугом Германия, где имелось сильное левое крыло, но США опять-таки стояли здесь на первом месте, ибо на протяжении полувека многие американские профсоюзы систематически не допускали в свои ряды негров, женщин, неквалифицированных рабочих, рабочих неамериканского происхождения и особенно китайцев. В течение многих лет сама АФТ также умело уклонялась от проведения крупных и решительных кампаний за организацию миллионов рабочих, занятых в трестированной промышленности, куда почти не допускались члены профсоюзов. Характерно, что рабочие этих предприятий так и оставались неорганизованными вплоть до 1935 года, когда АФТ вынуждена была приступить к их организации ввиду возмущения сил, входивших в КПП, твердолюбой политикой реакционной бюрократии из руководства АФТ.

В практической борьбе против ревизионистского тред-юнионизма развивалось движение за производственные союзы. После девяностых годов с ростом трестов и мощных объединений предпринимателей цеховые профсоюзы

полностью устарели. Возникла настоятельная необходимость в создании таких организаций, которые охватывали ту или иную отрасль промышленности в целом, а не отдельные профессии. Но обычно лидеры цеховых профсоюзов упорно защищали свои устарелые цеховые союзы и сопротивлялись всяким попыткам их слияния по производственному принципу. Возникновение производственных профсоюзов в большинстве стран, по существу, явилось результатом бунта рядовых рабочих против цеховых союзов и их лидеров. В Германии, Австрии и некоторых других странах, где имелись крупные социал-демократические партии с сильным левым крылом, переход к профсоюзам, построенным в основном по производственному принципу, осуществлялся легче, но в Англии и особенно в США для этого понадобилась многолетняя ожесточенная борьба против профсоюзной бюрократии, зараженной духом цехового юнионизма.

Вообще говоря, борьба левого крыла в рабочем движении и рядовых членов профсоюзов была направлена на то, чтобы поднять работу и организацию профсоюзов с цехового до классового уровня; именно эту общую задачу они и ставили себе, провозглашая активную забастовочную политику, организацию рабочих, не охваченных профсоюзным движением, и переход к производственным профсоюзам. Эта основная тенденция особенно ярко проявлялась в борьбе за государственное социальное страхование. На протяжении всей истории своего существования союзы квалифицированных рабочих подходили к этой проблеме почти исключительно с точки зрения своей узкой профессии, то есть они создавали сложные системы организаций взаимопомощи в цеховых союзах, представляя огромным массам неквалифицированных и неорганизованных рабочих заботиться о себе в меру сил и возможностей, без всякого финансового обеспечения на случай безработицы, болезни, несчастных случаев и старости. Это положение было особенно характерным для английских и американских цеховых союзов, которые в течение многих десятков лет систематически противились введению государственного страхования в любой форме, считая, что это может ущемить интересы профсоюзов. Они заявляли, что профсоюзы не смогут существовать без организаций взаимопомощи. Немецкие профсоюзы даже в свои лучшие дни также не были свободны от этих узкоцеховых

взглядов; они располагали сложной системой индивидуальной взаимопомощи и не проявляли никакого интереса к созданию государственной системы социального страхования. Левое крыло в рабочем движении добилося исторической победы тем, что сумело нарушить эту цеховую изоляцию и подвести классовый базис под всю проблему социального страхования, подняв весь рабочий класс на политическую борьбу за обеспечение социального страхования и распространив его не только на горстку привилегированных аристократов среди рабочих, но и на весь рабочий класс.

Борьба за самостоятельные политические действия

Буржуазия всегда пыталась удерживать в своих руках политическое господство над рабочим классом после того, как он начал успешную борьбу за избирательное право. Эта тенденция в более ранний период обычно получала свое отражение в создании какой-нибудь либеральной партии. Все оппортунисты в рабочем движении — как ревизионисты, так и другие — неизменно ставили себе целью помочь буржуазии удержать рабочий класс под ее политической опекой. Эта задача была одним из центральных пунктов в их общей программе классового сотрудничества. Самостоятельные политические действия рабочего класса всегда вызывали у оппортунистических профсоюзных лидеров почти такую же злобу, как и у самих капиталистов.

Возникновение социалистических партий в 1865—1900 годах почти во всех капиталистических странах означало собой огромный шаг вперед для рабочего класса. Оно означало организационное, а частично и политическое освобождение от контроля буржуазии, хотя оппортунистические элементы, влившиеся в социалистические партии, оказывали там значительное буржуазное влияние. В более молодых капиталистических странах, как, например, Германия, Австрия, Россия, Скандинавские страны, Япония и т. д., где профсоюзы и рабочие партии фактически возникали и развивались одновременно, рабочее движение без особого труда достигало своей основной цели — создания независимых классовых организаций и осуществления самостоятельных действий. В более же старых капиталистических странах, главным обра-

зом в Англии и США, где профсоюзное движение начало развиваться задолго до появления политических партий, возможность осуществления самостоятельных политических действий могла быть достигнута только многолетней борьбой против консервативных профсоюзных бюрократов, прочно связавших себя с предпринимателями в типичном союзе «либ-лейб»*, который означал политическое подчинение пролетариата буржуазии. Фактически даже и поныне левое крыло в рабочем движении и рабочие массы, несмотря на многолетние усилия, не сумели сломить этого союза американского профсоюзного руководства с партиями капиталистических хозяев.

Когда в Германии на сцене появилось бернштейнианство, которое наряду с фабианством в Англии было наиболее четкой теоретической формой ревизионизма (см. главу 14), самостоятельные политические организации и действия пролетариата, по существу, уже стали свершившимся фактом, если не в Англии и США, то во всяком случае на Европейском континенте. Ревизионисты с их общей линией классового сотрудничества не могли не попытаться положить конец этому движению и снова надеть на рабочий класс ярмо непосредственного политического господства буржуазии. Они не могли, конечно, открыто предложить ликвидировать социалистические партии, но постарались добиться этого на практике, заставляя эти партии через своих представителей участвовать в буржуазных правительствах. Это должно было привести к прекращению политической оппозиции рабочего класса по отношению к данным правительствам, причем рабочие были бы вынуждены принять на себя политическую ответственность за реакционную политику этих правительств. Такой курс ревизионистов вызвал одну из самых жестоких схваток в истории Второго Интернационала.

Первым шагом ревизионистов в этом направлении явилось принятие в 1899 году социалистом Александром Мильераном поста в кабинете правительства Вальдека-Руссо. Бок о бок с Мильераном в кабинете заседал генерал Галифе, убийца рабочих в период Парижской коммуны. Этот случай вызвал ожесточенные споры на конгрессе Второго Интернационала, состоявшемся в 1900 году в Париже, в результате чего была принята предложенная

* Либералы-лейбористы.

Каутским центристская резолюция, содержащая очень мягкую критику в адрес Мильерана. Мильеран был исключен из Французской социалистической партии. Ревизионизм был осужден также и в немецкой партии. Однако это не смутило ревизионистов, и они продолжали проводить свою линию. В 1905 году Джон Бернс, в прошлом член Английской социалистической партии, принял пост в кабинете правительства Кэмпбелл-Баннермана, а в 1906 году его примеру последовали Аристид Бриан и Рене Вививани во Франции, занявшие посты в правительстве Клемансо. Все эти люди стали самыми отъявленными предателями дела рабочего класса. Они были предшественниками многих других социал-предателей, которые во время первой мировой войны приняли посты в буржуазных правительствах.

Союз «либ-лейб» в США был отмечен характерной для гомперсовских союзов предельной коррупцией. Связь профсоюзных лидеров с капиталистами в основном осуществлялась через Национальную гражданскую федерацию, основанную крупными промышленниками в 1893 году. Эта организация открыто ставила перед собой задачу выхолостить профсоюзное движение или положить ему конец, но Гомперс и другие лидеры АФТ обычно вступали в сотрудничество с ней. Лидеры АФТ были такими послушными слугами правящего класса, что их даже незачем было подкупать правительственными постами. Их больше устраивала звонкая монета, вместо которой — или вместе с которой — они охотно принимали хорошо оплачивавшиеся должности в промышленности.

Во время сенсационных разоблачений в 1913 году было доказано, что М. Малхолл, агент Национальной ассоциации промышленников и Национального комитета республиканской партии, израсходовал сотни тысяч долларов на подкуп руководителей АФТ, чтобы обеспечить их помощь в период избирательной кампании, и что многие из этих господ, так называемых лидеров рабочего движения, регулярно получали от него жалованье². Излишне говорить о том, что демократическая партия также имела своих малхоллов. Такое разложение было присуще самой природе АФТ, и гомперсовская бюрократия легко перенесла все скандальные разоблачения, связанные с делом Малхолла, как будто они не представляли собой ничего особенного.

Партия и профсоюзы

Марксистская партия — ныне Коммунистическая партия — является руководящим органом рабочего класса. Партия, состоящая из передовых представителей пролетариата, занимаясь всеми вопросами, имеющими важнейшее значение для рабочих, и ведущая борьбу с капитализмом по идеологической, экономической и политической линии, является единственной организацией, способной осуществлять общее руководство пролетариатом в его повседневной деятельности и возглавить его борьбу за ликвидацию капитализма и построение социализма. Это ленинская «партия нового типа», передовой отряд рабочего класса³.

Ревизионисты и прежде всего консервативные профсоюзные бюрократы всегда вели систематическую борьбу против всяких тенденций к созданию руководящей партии такого типа. Борьба эта в той или иной форме велась во всех странах мира на протяжении многих лет. На Штутгартском конгрессе Второго Интернационала в 1907 году развернулись ожесточенные прения по вопросу о взаимоотношениях между партией и профсоюзами, не сходявшему с повестки дня. В результате этих прений была принята австро-бельгийская (фактически немецкая) резолюция, безоговорочно отрицавшая руководящую роль партии и утверждавшая, что как перед партией, так и перед профсоюзами стоят одинаково важные задачи в борьбе за социализм и что они должны работать абсолютно самостоятельно⁴. Это была так называемая политика нейтралитета профсоюзов по отношению к партии, знаменовавшая победу ревизионизма*.

Большевики теоретически стояли за то, чтобы профсоюзы примыкали к партии (что в искаженной форме практикуется, например, в английской лейбористской партии), но в то время они не настаивали на своей точке зрения ввиду того, что ряды рабочего класса все еще были сильно разрознены. В своем выступлении на конгрессе Плеханов указывал, что в этот период в России существовало пятнадцать партий**, боровшихся за поддержку

* У В. И. Ленина этот вопрос получил другое освещение. См. В. И. Ленин. Сочинения. Т. 13, стр. 71. (Прим. ред.)

** Количество партий указано неверно. См. В. И. Ленин. Сочинения. Т. 13, стр. 72. (Прим. ред.)

рабочего класса, и что любая попытка организационного сближения профсоюзов с социал-демократической партией будет только способствовать углублению этого раскола. Практическая установка большевиков по вопросу о работе профсоюзов требовала не слияния их с партией и не нейтралитета по отношению к ней, а тесного сотрудничества всех организаций рабочего класса под общим политическим руководством партии.

Тем временем повсеместно шла борьба по извечному вопросу о роли партии. В Англии ревизионисты пришли к решению о создании широкой лейбористской партии, которая будет проводить реформистскую политику и лишь в незначительной степени заниматься теоретическими вопросами. Эта партия, которая должна была по идее контролироваться членами профсоюзов, в силу того что они располагают большинством мест в составе ее Исполнительного комитета⁵, фактически возглавлялась горсткой представителей верхушки профсоюзного руководства, неизменно сопротивляющихся всяким попыткам создания крепкой марксистской партии, способной обеспечить подлинно пролетарское руководство всем рабочим движением.

В Германии руководители Свободных профсоюзов, которые почти без исключения являлись членами социал-демократической партии и главными сторонниками бернштейнианского ревизионизма, вели тайную борьбу за обеспечение себе господства в партии. В конечном счете в 1906 году им удалось в связи с ожесточенной борьбой, которая велась в то время по вопросу о всеобщей забастовке, захватить в свои руки функции контроля в партии. Сознывая, что под влиянием происходившей в тот момент в России жестокой борьбы социал-демократическая партия примет на своем предстоящем съезде решение о применении всеобщей стачки как средства завоевания всеобщего избирательного права для рабочих, профсоюзные лидеры, как мы уже упоминали в главе 21, предупредили решение партии, решительно осудив применение всеобщей стачки на своем собственном съезде в мае 1905 года. Четыре месяца спустя в Иене партия одобрила применение всеобщей стачки. В результате оба крыла в рабочем движении — политическое и профсоюзное — вступили в прямой конфликт между собой, ибо первое официально стояло за применение всеобщей стачки, а вто-

рое было против него. В связи с этим в феврале 1906 года в Маннгейме состоялось совещание представителей руководства партии и профсоюзов, на котором руководство партии полностью капитулировало перед профсоюзным руководством⁶. Профсоюзам было запрещено даже ставить на обсуждение вопрос о всеобщей стачке. Легин стал, если не официальным, то фактическим лидером немецкой социал-демократии. Некоторые из немецких публицистов, занимавшихся вопросами профсоюзного движения, особенно Цвинг, по существу, начали выступать против партии. Результаты совещания в Маннгейме явились решительной победой ревизионистов. Отход немецкой социал-демократической партии вправо стал принимать все более четкие формы. Это расчистило оппортунистам путь к разгрому партии, который они и учинили семь лет спустя, когда началась первая мировая война.

Во Франции лидеры анархо-синдикалистских профсоюзов также были настроены против создания сильной руководящей политической партии, да фактически и против любой рабочей партии. Однако они исходили при этом из иных соображений. Их позиция базировалась не на желании навязать рабочим политическое руководство буржуазии, а на левацких попытках полностью игнорировать политические проблемы. В конечном счете практические результаты были одинаковыми: и в этом случае аполитичность также сыграла на руку правым ревизионистам и явилась основным фактором в капитуляции французских профсоюзных лидеров в 1914 году перед поджигателями войны.

В Соединенных Штатах ультрареакционные лидеры гомперсовских профсоюзов в своей борьбе против попыток создать руководящую марксистскую политическую партию проводили крайнюю ревизионистскую линию. Они вообще были против создания политической партии рабочего класса, даже такой, которая возглавлялась бы лидерами бернштейнианского толка. На протяжении примерно трех десятков лет они боролись с социалистической партией «огнем и мечом», стремясь уничтожить ее⁷. Они были удовлетворены, видя, как эта партия, растерявшая как марксистскую принципиальность, так и своих пролетарских борцов, полностью разложилась, превратившись в политический нуль и став жалким приспешником профсоюзной бюрократии.

До событий 1905 года Россия была ареной наиболее ожесточенных споров по вопросу о руководящей роли партии, причем здесь ревизионистам был нанесен сокрушительный удар. В главе 20 мы проследили за ходом этой исторической борьбы, осуществлявшейся под гениальным руководством Ленина. Без этой победы боевой партии пролетариата триумф Великой революции 1917 года оказался бы невозможным; она ознаменовала собой новый решительный поворот в мировой истории. Ленинская партия нового типа была необходимым условием для построения социализма.

Глава 24

ПРОФСОЮЗЫ И БОРЬБА ПРОТИВ ВОЕННОЙ УГРОЗЫ

Массовая бойня первой мировой войны была спровоцирована и осуществлена крупными империалистическими державами исключительно из корыстных соображений. Свыше 10 миллионов человек было убито, 20 миллионов изувечено и бесчисленные миллионы были ввергнуты в нищету для того, чтобы монополисты, как стая голодных волков, могли заняться переделом мира, дабы удовлетворить свою ненасытную жажду прибыли. Характерно, что война велась под лицемерными лозунгами национальной самозащиты и обеспечения демократических порядков во всем мире. Характерно также и то, что армии, противостоявшие друг другу в этом великом конфликте, получили на это ханжеское благословение христианской церкви каждой из участвовавших в войне стран¹.

Грандиозная бойня 1914—1918 годов, естественно, вытекала из условий капиталистического строя. В основе его развития лежал закон, который Ленин назвал законом неравномерного развития капитализма. Это означало, что поскольку в некоторых империалистических державах, главным образом в Германии, Японии и США, экономическое развитие протекало быстрее, чем в других странах, в особенности в Англии, России и Франции, то единственным способом противодействия изменению мирового соотношения сил в соответствии с быстрым ростом тех или иных империалистических держав была мировая война. Соперничавшие между собой империалистические державы прилагали все усилия к тому, чтобы уничтожить друг

друга в этой войне. В развязывании войны виноваты все империалистические державы, весь капиталистический строй как таковой.

Ответственность социал-демократии за войну

Оппортунистические социал-демократические лидеры мирового рабочего движения как в партиях, так и в профсоюзах несли большую долю ответственности за развязанную капиталистами войну. Как мы уже указывали выше, они (как и их собратья поныне), несмотря на всю их болтовню о социализме и преданности идеям марксизма, фактически являлись агентами буржуазии в рядах рабочего класса, которые были обязаны следить за тем, чтобы требования и борьба пролетариата не выходили за рамки капитализма и коренных интересов монополистического капитала. Как это сейчас стало абсолютно ясно, в 1914 году социал-демократические лидеры были главными защитниками капиталистического строя; поэтому они вынуждены были вслед за своей национальной буржуазией принять участие в жестокой войне первой мировой войны и потянуть за собой рабочий класс. Социал-демократические лидеры не менее умело, чем буржуазные поджигатели войны, прикрывали свою предательскую политику по отношению к рабочему классу шарлатанством и лживыми фразами. Они являлись необходимой частью огромной военной машины международного империализма.

Многие защитники предательской линии социал-демократии в этот критический момент истории человечества утверждали, что для социал-демократических лидеров военная катастрофа, ошеломившая их своей внезапностью и сложностью выдвинутых ею проблем, была полной неожиданностью. В действительности дело обстояло как раз наоборот. Война явно готовилась уже в течение двадцати пяти лет, и они все хорошо это знали. Еще за двадцать лет до этого Энгельс дал точный прогноз и анализ грядущей войны, приближение которой было ясно для всех марксистов. Кроме того, с начала XX века большинство социалистических партий проводило широкую кампанию борьбы с военной угрозой. Если учесть активное участие масс в этой кампании, то особенно возмутительно выглядит попытка оппортунистов взвалить ответственность за военную катастрофу на рабочих, которые, как они утверждали, настолько были охвачены буржуазным шови-

низмом и военной истерией, что разорвали бы своих лидеров на куски, если бы последние попытались активно выступить против войны. Однако факты неумолимо говорят о том, что поддержка, оказанная социал-демократами буржуазии в период первой мировой войны, полностью соответствовала всей программе оппортунистических лидеров Второго Интернационала. Широкое антивоенное движение, возглавлявшееся социалистическими партиями до момента возникновения войны, явно доказывало, что при наличии должного руководства рабочие оказали бы сопротивление войне.

В оправдание своей тактики бюрократы Легина приводили также довод о том, что, если бы они выступили против войны, правительство разгромило бы профсоюзное движение, которое они с таким трудом создавали в течение многих лет. Это был тот же трюк, которым они пользовались на всех конгрессах Второго Интернационала, чтобы предупредить любые боевые выступления пролетариата. Они поддержали войну не потому, что стремились в первую очередь спасти профсоюзы, а потому, что это соответствовало прокапиталистической оппортунистической линии ревизионистских лидеров.

Длившаяся десятилетиями борьба мирового пролетариата против приближавшейся империалистической войны неизбежно была борьбой на два фронта. Приходилось бороться против явного военного курса империалистических держав и против социал-демократических ревизионистов, историческая роль которых заключалась в том, чтобы сломить сопротивление рабочих надвигающейся большой войне. Только учитывая все это, можно понять историю Второго Интернационала в период с 1889 по 1914 год.

Очень большая доля ответственности социал-демократии за ужасающий крах Второго Интернационала в 1914 году падает на верхушку социал-демократического (и анархо-синдикалистского) руководства профсоюзов. Как мы уже видели, эти профсоюзные лидеры, в особенности в рабочем движении Германии, которое в то время играло решающую роль, фактически господствовали в социал-демократических партиях и в основном определяли их политику. Если бы они выступили против войны, их, безусловно, поддержали бы миллионы рабочих в руководимых ими профсоюзах всего мира. Но именно этого-то

самовластные горе-лидеры и не желали. Развращенные систематическим и тесным сотрудничеством с капиталистами, они давно уже позабыли о своем пролетарском происхождении, порвали с принципами и чаяниями социализма и стали ядром ревизионизма. В августе 1914 года, когда для организованного пролетариата наступил момент решительного испытания, они попросту оказались верны своей прокапиталистической ориентации, объединив силы с империалистами для совместного участия в войне.

Ход антивоенной борьбы

С момента основания Первого Интернационала в 1864 году рабочим всего мира пришлось заняться вопросом о том, как помешать капиталистам развязывать войны². Во время существования Первого Интернационала усилия сохранить мир были направлены против таких проявлений военной угрозы, как попытка английских реакционеров ввергнуть Англию в гражданскую войну в Америке на стороне Конфедерации Южных штатов, австро-прусская война 1866 года и франко-прусская война 1870 года. Характерной особенностью этих войн было то, что это были национальные войны (то есть они обычно велись только между двумя странами) и что исторически они были проявлениями общего процесса формирования современных буржуазных государств в Европе и Америке. Однако в 1889 году после основания Второго Интернационала проблема войны изменилась и приобрела значительно более грозный и зловещий характер. Это было началом периода империалистических войн, грандиозных схваток между целыми группами агрессивных держав, стремящихся завоевать весь мир. Таким образом, борьба против войны стала делом жизни и смерти для всего мирового рабочего движения.

С самого начала существования Второго Интернационала ему приходилось на всех своих конгрессах заниматься проблемой все возрастающей угрозы опустошительной империалистической войны. Что же касается вопроса о понимании характера надвигавшейся войны, то Энгельс, Каутский и другие марксисты того времени дали ее ясный анализ, определенно показав, что угрожавшая миру война будет иметь империалистический характер, что она губительно отразится на интересах рабочего класса и что

поэтому для борьбы с ней должны сплотиться все силы мирового пролетариата. Эти положения пронизывали множество антивоенных резолюций, принимавшихся на конгрессах Второго Интернационала, и легли в основу общей кампании, проводившейся социалистическими партиями против надвигавшейся войны.

Антивоенные программы, выработанные в ходе этих длившихся годами дискуссий, предусматривали такие мероприятия, как отказ правительствам в военных кредитах (путем голосования), систематическое ограничение вооружений, решение международных конфликтов посредством арбитража, проведение народных референдумов для решения вопроса об объявлении войны, замена регулярных войск милицией и постоянное разоблачение всеми рабочими союзами и партиями империалистического характера грядущей войны.

Французская, испанская и другие делегации, а в особенности те из них, в которых еще сохранились анархистские традиции, систематически выдвигали на всех конгрессах предложения об организации всеобщей забастовки в ответ на объявление войны. Начиная с 1864 года, вряд ли был хоть один международный съезд рабочих представителей, на котором этот вопрос не ставился бы. Сторонники всеобщей стачки стали высказываться все более и более настойчиво после грандиозных массовых стачек, применявшихся в период русской революции 1905 года. Однако за исключением Женевского конгресса в 1866 году все последующие конгрессы неизменно отвергали предложения о всеобщей стачке, как практически неосуществимые.

На Штутгартском конгрессе, состоявшемся в 1907 году, Второй Интернационал принял свою окончательную программу, направленную против империалистической войны. Это было сделано по инициативе Ленина, которому активно помогала Роза Люксембург. Их совместное предложение приняло форму поправки к довольно беззубой антивоенной резолюции, предложенной Августом Бебелем. В этой поправке говорилось следующее: «Если возникнет угроза войны, долг рабочего класса и его представителей в парламенте данной страны при поддержке Международного (Социалистического) бюро заключается в том, чтобы предотвратить возникновение войны средствами, которые будут сочтены наиболее эффективными и которые,

естественно, будут меняться в зависимости от характера классовой борьбы и общей политической ситуации. Если война все же возникнет, то его долгом будет вмешаться, чтобы добиться ее скорейшего окончания и сделать все возможное для использования вызванного войной экономического и политического кризиса, чтобы поднять народы на борьбу и тем самым ускорить ликвидацию капиталистического строя»³.

Бebelь и другие делегаты конгресса настояли на «смягчении» предложенной Лениным поправки, но она все же явно сохранила принципы революционной политики противодействия империалистической войне путем борьбы пролетариата за уничтожение капитализма и установление социализма. Как это доказала впоследствии революция в России, проведение ленинской политики повело бы к свержению капитализма в Европе и установлению социалистического строя если не во всех, то в большинстве европейских стран. Многие представители правого крыла, присутствовавшие на Штутгартском конгрессе, явно не имели ни малейшего намерения осуществлять революционные предложения такого рода, но, учитывая сильные антивоенные настроения участников конгресса, они сочли за благо не высказывать своего мнения и не выступали с официальными возражениями против этого исторического предложения, имевшего огромное значение для всего мира. Эта исторически правильная резолюция была единодушно принята в целом.

В течение последующих пяти-шести лет военный кризис продолжал назревать, и в ряде случаев соперничавшие между собой Тройственный союз Германии и ее союзников — Австрии и Италии — и Тройственное соглашение, куда входили Великобритания, Россия и Франция, стояли на грани войны. Впоследствии на Копенгагенском конгрессе в 1910 году и на Базельской конференции в 1912 году (созванной в связи с кризисом, вызванным войной на Балканах) проблема войны снова выступила на первый план, причем в более острой форме, чем когда бы то ни было в прошлом. На обоих этих совещаниях были приняты резолюции, содержавшие историческую поправку, внесенную Лениным и Розой Люксембург. Что касается вопроса о всеобщей стачке, который был снова поставлен, то его решено было широко обсудить на следующем очередном конгрессе Второго Интернационала, который

должен был состояться в Вене 23 августа 1914 года, но в связи с вспыхнувшей за три недели до этого первой мировой войной так и не состоялся.

Предательство по отношению к рабочим в период войны

Есть все основания полагать, что рабочие в большинстве европейских стран поднялись бы на активную борьбу против войны, если бы их лидеры подали к этому сигнал. Рабочий класс всего мира был в боевом настроении. В 1909 году испанские рабочие ответили забастовкой на войну в Марокко. В период балканского кризиса 1912 года социалистические партии соответствующих стран этого района заняли твердую антивоенную позицию. В России боевой дух рабочих был, по-видимому, очень силен; фактически, по словам Сталина, «подъем революции был прерван мировой войной»¹. А грандиозные антивоенные митинги в Германии, Англии, Франции, Бельгии и в других странах непосредственно после объявления войны могли означать только одно: рабочие Европы готовы были схватиться с капиталистическими палачами, стремившимися затопить весь мир в крови трудящихся масс.

Второй Интернационал имел в своем распоряжении внушительные отряды пролетариата. В сердце капиталистической Европы его политические партии могли рассчитывать на поддержку 12 миллионов избирателей, причем он имел многочисленных представителей во всех парламентах. Руководимые социалистами профсоюзы, включая союзы, не входившие в МФП, насчитывали не менее 10 миллионов членов — стратегический отряд, способный остановить работу любой крупной отрасли промышленности на континенте. Кроме того, социал-демократы контролировали мощное кооперативное движение. Если бы все руководимые ими силы приняли твердую антивоенную позицию, то они могли бы обеспечить себе поддержку еще многих миллионов людей и сделать войну невозможной. Даже будучи не в состоянии помешать войне, они могли бы добиться того, чтобы она завершилась революцией, как это сделали русские.

Несмотря на все это, социал-демократические лидеры пошли на великое предательство. Его начали социал-де-

мократы Германии, проголосовав 3 августа за военные кредиты и объявив о своей готовности стать на защиту отечества. Их примеру быстро последовали социалистические партии Австрии, Франции, Великобритании, Бельгии и других стран, к которым присоединились профсоюзы, в том числе и французские синдикаты. Капиталисты всего мира, наверное, посмеивались про себя над рабочими лидерами, которые предали дело рабочего класса и открыто перешли на службу к палачам, организовавшим массовую бойню. Это предательство заставило рабочих большинства стран мира стать на позорный путь убийства своих же товарищей.

Но не все пошли по этому пути: рабочий класс России во главе с большевистской партией и великим Лениным остался верен Штутгартской резолюции и коренным интересам трудящихся всего мира. Его представители в Думе смело бросили вызов грозному царскому режиму, проголосовав против военных кредитов и начав борьбу против войны. Это был первый шаг той ленинской политики, которая впоследствии нанесла капитализму смертельный удар и обеспечила победу революции в России.

Рабочие Сербии, страны, в которой началась война, последовали примеру русских в борьбе против войны; в ходе войны то же самое сделали и болгарские «тесняки», социалистическая партия Канады, представители меньшинства в партиях Австралии и Новой Зеландии, большинство членов итальянской и американской социалистических партий, ИРМ и ряд других организаций. Но их мужественная антивоенная позиция не могла компенсировать тот вред, который принесло ужасающее предательство социалистических партий крупнейших мировых держав. Рабочий класс был продан своими руководителями поджигателям войны, которые использовали его как пушечное мясо.

Одно время существовала тенденция возлагать всю вину за военную катастрофу только на немецкую социал-демократию. Она действительно несла тяжелую ответственность за то, что перед лицом военной угрозы нарушила единство рядов пролетариата. Это была ведущая партия Второго Интернационала, которая гордилась своими пролетарскими традициями и ревниво охраняла свое политическое главенство. Рабочие всего мира ожидали, что перед лицом жестокого испытания войны она покажет

пример пролетарского мужества и дальновидности. Когда же она потерпела полный провал как руководящая партия и первая пошла на союз с империалистическими инициаторами войны, ее тактика оказала пагубное влияние на деятельность рабочих партий и профсоюзов во всех других странах, вызвав в их рядах замешательство и деморализацию.

Однако эти факты не должны заслонять собой то основное обстоятельство, что крах антивоенной политики пролетариата после возникновения первой мировой войны явился естественным завершением оппортунистической линии, которую руководство крупнейших социалистических партий всего мира и Второго Интернационала в целом проводило уже в течение двух десятилетий. Это был результат политики классового сотрудничества, которая подрывала боевой дух в профсоюзах, плод рабочего империализма, давно развивавшийся в условиях все увеличивающейся поддержки, которая оказывалась империализму и милитаризму, логический исход политики оппортунистов, утверждавших в течение многих лет, что они будут проводить грань между «оборонительными» и «агрессивными» империалистическими войнами и окажут поддержку своим странам в случае «оборонительных» войн. Крах социал-демократии в период первой мировой войны явился неизбежным результатом международного бернштейнианского ревизионизма всех пород и форм.

Рабочие не могли повлиять на это чудовищное решение. Предательство явилось исключительно делом рук могущественной бюрократии, сложившейся в партиях, профсоюзах, кооперативах и т. п. В книге «Политические партии», написанной накануне войны, Мишель рисует ужасающую картину попрания всех основ демократии, циничного рутинерства, грубого делячества и политической коррупции среди клики партийных чиновников, а в особенности в немецкой социал-демократической партии, руководившей организациями рабочего класса. В решающий момент они оказались послушным орудием в руках правящего класса, который, следуя своей империалистической политике захватничества, счел необходимым в 1914 году поднять народы на реакционную войну.

Роль профсоюзов

Профсоюзные бюрократы в Германии, Англии, Франции, Австрии, США и других странах сыграли решающую роль в ужасной катастрофе, разразившейся в августе 1914 года. Эти элементы, давно уже ставшие на деле, если и не всегда на словах, сторонниками капитализма и по сути рассматривавшие себя как партнеров или агентов капиталистов в рабочей среде, не стали колебаться, когда пришло время ответить на призыв их хозяев, требовавших огромного количества пушечного мяса. Во всех рабочих организациях, поддерживавших войну, верхушка профсоюзного руководства занимала позицию самого агрессивного шовинизма. Без ее активной поддержки и инициативы ведущие социалистические партии никогда не могли бы одержать победу над антивоенными левыми элементами в своих рядах и осуществить эту великую измену делу рабочего класса. Характерно, что на протяжении многих лет, которые истекли после первой мировой войны, лишь очень немногие из правых лидеров признавали, что поддержка войны была их ошибкой, если не преступлением.

Обычно профсоюзное руководство следовало за правыми лидерами социал-демократических партий, сразу же официально заявляя о своей поддержке войны. Но в Германии Легин, который фактически был полноправным хозяином социал-демократической партии, взял на себя инициативу ее великого предательства, выступив с заявлением о мире в промышленности и об осуществлении провоенной политики 2 августа, за день до голосования партией вопроса о военных кредитах, что оказало большое влияние на принятое ею пагубное решение⁵. В Англии 4 августа, на следующий день после предательского акта немецкой социал-демократии, лейбористская партия и Конгресс тред-юнионов также присоединились к военному лагерю. То же самое произошло и в Бельгии. Несмотря на то, что во Франции анархо-синдикалистские лидеры лишь за две недели до разразившейся войны демагогически заявляли о своем намерении объявить всеобщую забастовку в случае возникновения войны, большинство профсоюзных чиновников бок о бок с руководством социалистической партии покорно стали на путь поддержки войны, потянув за собой массы. В Япо-

нии Судзуки — японский Гомперс — дал благословение на войну. Италия вступила в войну лишь в мае 1915 года, но ее правооппортунистические лидеры социалистической партии и профсоюзов, заявившие 4 августа о своей готовности начать всеобщую забастовку в случае вступления Италии в войну, тоже стали «перестраиваться», выступая в поддержку войны, но прикрывая свои маневры радикальными фразами. В Соединенных Штатах буржуазия сначала придерживалась такой тактики, чтобы остаться вне войны, но использовать ее в своих интересах. В этот период гомперсовские бюрократы, как и монополисты, проводили политику «строгого нейтралитета». Но когда капиталисты решили, что настало время вмешаться в войну (что они и сделали в апреле 1917 года), лидеры гомперсовских профсоюзов оказались в самых первых рядах сторонников войны, помогая сломить упорное сопротивление рабочих.

Провоенная позиция ревизионистских профсоюзных лидеров отчетливо проявилась в том, что Международная федерация профсоюзов не сделала абсолютно ничего, чтобы помешать войне. Эта хилая организация, возникшая в 1900 году под названием «Международный секретариат национальных профсоюзных центров» (см. главу 19), даже не ставила на обсуждение вопрос о войне в течение предвоенного десятилетия, хотя было ясно, что угроза мировой войны возрастает из года в год. Контролирующий аппарат Легина принял решение о том, что все такие вопросы подпадают исключительно под компетенцию политического Интернационала. В дальнейшем в условиях кризиса, разразившегося в августе 1912 года, МФП также продолжала полностью бездействовать в такой момент, когда весь мир был охвачен ужасной трагедией войны. Явная несостоятельность МФП полностью соответствовала банкротству родственной ей ревизионистской политической организации — Второго Интернационала.

Глава 25

МИРОВОЕ ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ (1876—1914)

Прежде чем говорить о деятельности профсоюзов в период ужасающей бойни первой мировой войны, следует остановиться на некоторых основных сторонах рабочего

движения — его росте, его борьбе и стоявших перед ним проблемах в период, рассматриваемый в данном разделе книги, а именно: с 1876 года, когда был распущен Первый Интернационал, до краха Второго Интернационала в связи с возникновением первой мировой войны в августе 1914 года.

Вообще говоря, это были годы быстрого роста, развития и укрепления капитализма. В Западной Европе и США, где зародился капиталистический строй, происходила не только активная индустриализация; там быстро выкристаллизовывались промышленные, транспортные и финансовые синдикаты, что повело к созданию финансовой олигархии, занявшей господствующие позиции как в промышленности, так и в управлении страной. Таким образом, капитализм эпохи свободной конкуренции превратился в монополистический капитализм, или империализм, как это показал в своем анализе Ленин. В непрекращающейся ожесточенной борьбе между капиталистическими державами США проявили себя как наиболее могущественная из этих держав. Великобритания, которая в свое время, бесспорно, занимала в системе мирового капитализма первое место в области производства, осталась далеко позади. Так, в США выплавлялось стали, имеющей решающее значение в промышленности, в два с половиной раза больше, а в Германии в два раза больше, чем в Англии. Так же обстояло дело и в других отраслях мировой экономики.

В течение этих десятилетий капитализм проник в ряд новых районов. Во всех странах Восточной и Центральной Европы стала в той или иной степени развиваться собственная промышленность. В этот период империалистические державы также поделили между собой огромные просторы и многомиллионное население Африки и Полинезии. Они также низвели на положение колониальных или полуколониальных стран почти все страны Азии и Латинской Америки. Накануне первой мировой войны капитализм достиг высшей точки своей экономической и политической мощи. Предшествующий ему строй, феодализм, был разбит на всех фронтах, а новый общественный строй — социализм, которому историей суждено было сменить собой капитализм, еще не появился на горизонте.

Рост рабочего движения

Как мы уже указывали в главе 12, в 1876 году общее количество членов профсоюзов во всех странах вряд ли превышало 2 миллиона; однако к 1914 году эта цифра повысилась более чем в шесть раз. Согласно данным Международного бюро труда, общее число членов профсоюзов в 1914 году, включая христианские союзы (542 263 человека), гириш-дункеровские союзы (65 тысяч человек) и некоторые другие им подобные союзы, достигало 13 222 тысяч человек.¹ По основным странам число членов профсоюзов разделялось следующим образом: Англия — 4 199 тысяч; США — 2 672 тысячи; Германия — 2 271 тысяча; Франция — 1 026 тысяч; Италия — 962 тысячи; Скандинавские страны — 319 тысяч; Австралия — 523 тысячи; Нидерланды — 227 тысяч; Бельгия — 203 тысячи и Канада — 166 тысяч. Хотя профсоюзное движение значительно увеличилось в численном отношении, оно все еще почти целиком ограничивалось странами Европы, США и Австралией. Единственными крупными союзами в Азии в тот период были профсоюзы Японии, которые тогда едва ли охватывали свыше 100 тысяч человек. В Латинской Америке было еще очень мало профсоюзов, а в Африке их почти совсем не было.

Численность профсоюзов быстро возрастала, одновременно в значительной мере изменялось их лицо в связи с изменениями в составе промышленного пролетариата. В профсоюзном движении не преобладали уже в такой степени квалифицированные рабочие, как это имело место в годы, предшествовавшие этому периоду; полуквалифицированные рабочие становились все более значительным фактором в работе профсоюзов. В промышленности и в профсоюзах появилось также большое число женщин. Широко привлекались в союзы сельскохозяйственные рабочие. Все более и более важную роль в рабочем движении стали играть различные категории «рабочих в белых воротничках» — учителя, канцелярские и торговые служащие и т. п. Профсоюзы различных стран не без труда стали перестраиваться, отказываясь от своих традиционных форм и методов работы, чтобы привлечь в свои ряды эти новые категории наемных рабочих. Такое положение было особенно характерным для США, где ультрареакционная гомперсовская бюрократия в угоду

привилегированным группам квалифицированных рабочих систематически игнорировала элементарные задачи, связанные с организацией неквалифицированных и сельскохозяйственных рабочих и «рабочих в белых воротничках», а также не допускала в свои профсоюзы женщин и негров.

На протяжении рассматриваемого периода (1876—1914 годы) профсоюзы также коренным образом изменили свою структуру в связи со все возрастающей необходимостью в более совершенных боевых организациях. Это было время, когда в ряде стран создавались мощные национальные союзы, местные советы и национальные федерации. Однако наиболее важным шагом вперед в организационном отношении явился (хотя и частичный) переход от цеховых к производственным союзам. Создание производственных союзов стало необходимым с развитием трестов и ростом могущественных ассоциаций предпринимателей во всех отраслях промышленности; ему также способствовало и то обстоятельство, что квалифицированные рабочие перестали играть решающую роль в промышленности. Но хотя в тех странах, где рабочее движение возглавлялось марксистами (Германия, Россия, Австрия), переход к более совершенной, производственной форме профсоюзов был осуществлен сравнительно легко, он вызвал резкую оппозицию со стороны руководства «чистых и простых» профсоюзов в англо-саксонских странах, и прежде всего в США, где цеховой юнионизм был для гомперсовской профсоюзной машины фетишем, вопросом жизни и смерти. Переход от цеховых к производственным профсоюзам символизировал собой также поворот в рабочем движении от защиты обособленных интересов квалифицированных рабочих к защите общих интересов рабочего класса в целом.

Наряду с ростом и расширением профсоюзов наблюдался также значительный рост политической организации рабочего класса. В 1876 году к моменту роспуска Первого Интернационала имелась одна настоящая социалистическая партия — германская, основанная в 1869 году. Зачатки социалистических партий еще только появились в тот момент в таких странах, как Голландия (1870 год), Дания (1871 год) и США (1876 год). Общее число избирателей, голосовавших за социалистов в целом, составляло в лучшем случае несколько сот тысяч человек.

Но положение быстро изменилось. В 1889 году несколько социалистических партий основали Второй Интернационал, а к августу 1914 года во всех главных капиталистических странах уже имелись рабочие партии, которые в большинстве стран оформились как социал-демократические партии. В это время Второй Интернационал объединял двадцать семь социалистических партий двадцати двух стран, представлявших в общем 12 миллионов избирателей и имевших многочисленных представителей почти во всех парламентах: в Германии — 110, Франции — 103, Финляндии — 90, Австро-Венгрии — 82, Италии — 80, Швеции — 73, Великобритании — 42, Бельгии — 34, Дании — 32, Норвегии — 23, России — 13, Голландии — 16². Австралийская рабочая партия располагала в то время большинством в федеральном парламенте³. Ввиду того, что организованные рабочие в Америке обычно следовали гомперсовской политике классового сотрудничества и голосовали за кандидатов капиталистов, так называемых «друзей рабочих», рабочие США имели только одного представителя-социалиста в конгрессе, причем гомперсовские лидеры заняли по отношению к нему резко враждебную позицию.

Кооперативное движение также достигло блестящих успехов за этот период. В 1876 году оно было еще очень малочисленным, а в 1914 году европейские кооперативы, возглавлявшиеся социал-демократическим руководством, насчитывали уже около 9 миллионов членов.

Борьба рабочего класса

На протяжении этих четырех десятков лет пролетариат отдельных стран проводил бесчисленные забастовки и прибегал к иным методам борьбы, которая становилась все интенсивнее и принимала все более широкий размах. К 1914 году национальные забастовки в различных отраслях промышленности начали проводиться настолько часто, что они стали уже почти обычным явлением. Как мы видели выше, имели место также многочисленные всеобщие забастовки местного характера и несколько всеобщих национальных забастовок. Помимо этого, непрерывно велась политическая борьба за предоставление рабочим избирательного права, за сокращение рабочего дня, за право выбирать представителей в парламент и за при-

нятие элементарного законодательства о социальном страховании по безработице и по болезни и об установлении пенсий для престарелых. В большинстве случаев профсоюзы (за исключением гомперсовских) твердо усвоили, что они не могут надеяться добиться разрешения проблем социального обеспечения исключительно с помощью их собственных обществ взаимопомощи, а должны настаивать на принятии государством соответствующего законодательства. Для профсоюзных деятелей старого типа это было очень большим шагом вперед.

Рассматриваемый период начался бурной национальной забастовкой железнодорожников в США в 1877 году, за которой вскоре последовало множество классовых боев того же типа. Среди бесчисленных схваток, происходивших в те годы в других странах, следует отметить ожесточенную и успешную борьбу немецких рабочих против бисмарковских антисоциалистических законов с 1878 по 1890 год, грандиозную забастовку английских докеров в 1889 году, всеобщую забастовку американских рабочих (1886 год), бельгийских рабочих (1893, 1902, 1913 годы), шведских рабочих (1902, 1909 годы), голландских рабочих (1903 год), испанских рабочих (1909 год), итальянских рабочих (1904, 1914 годы) и, наконец, массовые забастовки русских рабочих в 1905 году. Это мощное революционное движение, поднявшее борьбу рабочих на еще более высокий уровень, чем европейская революция 1848 года и Парижская коммуна 1871 года, нанесло такой удар в сердце капитализма, который заставил содрогнуться весь буржуазный мир. На протяжении всего этого периода острой борьбы Второй Интернационал возглавлялся немецким рабочим классом.

В упорных боях рабочим некоторых стран удалось добиться от предпринимателей ряда важных уступок. Главной из них было сокращение рабочего дня. В странах, где имелись сильные профсоюзы, двенадцати—пятнадцатичасовой рабочий день почти полностью отошел в прошлое и, за исключением некоторых отраслей промышленности, работавших круглые сутки, правилом стал восьми — десятичасовой рабочий день; на повестку дня встал вопрос о завоевании восьмичасового рабочего дня повсюду. Во многих странах рабочим удалось также добиться осуществления первых мероприятий в области обеспечения социаль-

ного страхования, охраны труда и некоторых избирательных реформ.

Непрекращавшаяся борьба рабочих за повышение заработной платы привела также к известному смягчению жестокой эксплуатации, которой они подвергались со стороны предпринимателей. В течение этого периода в ведущих капиталистических странах наблюдалось некоторое повышение жизненного уровня рабочих, в особенности квалифицированных. Фолкнер указывает, что в США, крупнейшей из капиталистических держав, с 1897 по 1914 год имело место некоторое, хотя и очень незначительное, повышение реальной заработной платы⁴. Такое же положение существовало, по-видимому, в Англии и в Германии. Однако установленный Марксом закон относительного и абсолютного обнищания рабочих продолжал действовать, так как, во-первых, несмотря на быстрый рост выпускаемой продукции, рабочие получали все уменьшающуюся долю продукта, который они производили, и, во-вторых, хотя в империалистических странах реальная заработная плата несколько и повысилась, общее положение рабочего класса в целом даже ухудшилось в силу таких факторов, как рост безработицы и числа несчастных случаев на производстве, ускорение темпов работы и в особенности катастрофическое падение жизненного уровня в результате осуществлявшейся империалистами эксплуатации миллиарда, если не более, жителей колониальных и полуколониальных стран.

Одной из главных и наиболее значительных тенденций в широко развернувшейся в тот период борьбе рабочего класса был ее усилившийся политический характер. Это обстоятельство проявилось не только в создании социалистических партий и в многочисленных политических кампаниях, проводившихся этими партиями, но также и в изменении самого характера забастовочного движения. На протяжении первых десятилетий после зарождения профсоюзного движения в отдельных странах забастовки носили почти исключительно экономический характер, то есть эти забастовки, сопровождавшиеся частичной остановкой производства, имели основной целью нанести предпринимателям материальный ущерб и поставить их перед альтернативой — идти на уступки или подвергать себя опасности разорения. Но крупные национальные забастовки — по отдельным отраслям промышленности, во всей про-

мышленности или всеобщие — перед первой мировой войной, не теряя своего экономического характера, имели также и мощный политический эффект. Эта тенденция проявлялась настолько четко, что государство рассматривало такие забастовки как прямой вызов его собственной власти и принимало соответствующие меры, причем предприниматели никогда не упускали случая обращаться к государству за активной помощью для подавления забастовок. Несмотря на предательскую тактику «рабочих» лидеров, старавшихся отвлечь рабочих от политической борьбы, рабочее движение неуклонно и неизбежно развивалось в направлении борьбы за политическую власть.

Успехи и недостатки в области идеологии

Огромной потерей, которую понесли рабочие всего мира в этот период, явилась смерть Карла Маркса (14 марта 1883 года) и Фридриха Энгельса (5 августа 1895 года). Оба они были великими зачинателями социалистического и профсоюзного движения. Они дали анализ капиталистического строя и проблем, стоящих перед мировым пролетариатом; они разработали основную экономическую и политическую программу пролетариата; стратегию и тактику, при помощи которых эта программа должна была осуществляться в условиях капитализма; они четко изложили условия, на основе которых должен быть создан и организован новый общественный строй — социализм, указав, что все эти условия не обязательно должны быть одинаковы в каждой стране.

В многочисленных упорных и жестоких боях, которые пролетариат вел в течение этих десятилетий, он одержал много важных экономических и политических побед, но его величайшей победой явилась созданная им в этой борьбе могучая экономическая и политическая организация. Маркс и Энгельс дали следующую оценку повседневной борьбы рабочих: «Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих»⁵, подразумевая также развитие идеологии пролетариата.

В этом смысле мировое рабочее движение достигло действительного успеха за рассматриваемый период, ибо, несмотря на множество попыток как изнутри, так и извне исказить сущность марксизма и ликвидировать его, он

стал господствующей идеологией организованных рабочих во всем мире. Это превосходство марксизма как идеологии рабочего класса особенно упрочилось благодаря классическим трудам Ленина и опыту, полученному рабочим классом во время русской революции 1905 года. Доказательством этого служит также и то обстоятельство, что сектантская идеология, в свое время ставшая бичом Первого Интернационала, была почти полностью изжита. Получившие широкое распространение в предшествующий период прудонизм, бланкизм и лассальянство были ликвидированы в ходе классовой борьбы. Бакунизм, ослабивший Первый Интернационал, еще сохранился кое-где в изолированных группах в своей первоначальной форме чистого анархизма. Примитивные же «чистые и простые» профсоюзы с их пренебрежением к социализму, отрицанием необходимости политических действий со стороны рабочего класса, организационным слиянием с капиталистическими политическими партиями и их жесткими рамками цехового юнионизма также стали отмирать; их единственным сильным оплотом оставалась устаревшая и разложившаяся система гомперсовских профсоюзов в США.

Все это были положительные моменты, но в формировании идеологии пролетариата имелись также и серьезные недостатки. Как мы уже видели, начиная с восьмидесятых годов, происходило развитие анархо-синдикализма, который, зародившись во Франции и создав свои основные центры в Латинских странах, после 1906 года начал становиться мировым движением. Эта идеология представляла собой смесь анархизма и воинствующего тред-юнионизма с отдельными элементами марксистских установок в вопросе о классовой борьбе. Она вносила путаницу в рабочее движение и ослабляла его.

Создание католических («христианских») профсоюзов, которое явилось важным событием в период после девятых годов, сыграло роль клина, вбитого в систему организации и идеологии рабочего класса. Впоследствии это движение стало одним из препятствий, тормозящих прогресс рабочего движения во многих странах.

В период с 1876 по 1914 год зародилось также «ультралевое» течение в марксизме, которое впоследствии сыграло значительную и сугубо отрицательную роль в рядах организованного рабочего класса. Наиболее показатель-

ным примером этого уклона явилось течение в США, возглавлявшееся де Леоном. Даниель де Леон с его сектантским и идеалистическим толкованием марксизма заявлял, что борьба за удовлетворение непосредственных требований является бесполезной и вредной. Он утверждал, что у рабочих есть только одно требование—социалистическая революция. Он возражал против участия в старых профсоюзах и выдвигал скороспелые утопические планы создания «совершенных» революционных производственных союзов. Де Леон полностью игнорировал ожесточенную борьбу негров и беднейших фермеров. Ввиду того, что де Леон играл большую роль в рабочем движении, как глава социалистической рабочей партии, когда она еще была признанной партией левого крыла, его сектантская политика, приводившая к отрыву марксистов от массовых организаций и основной борьбы пролетариата и других демократических масс, принесла большой вред рабочему движению.

Вторым серьезным извращением марксизма, которое также получило большое развитие в тот период, был центризм, или каутскианство. Это было течение, которое Ленин подвергал резкой критике за то, что оно стояло за революцию только на словах, а не на деле. Для сторонников Каутского были характерны громкие марксистские фразы, но на практике их политика совпадала с политикой правого крыла. Ленин сказал о Каутском и его русском соратнике Плеханове, что они «из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают все, кроме революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении»⁶. Наиболее резко каутскианство проявлялось в Германии, но оно имело представителей во всех странах. Ленин указывал на близость Троцкого к этому течению. Центризм начал оформляться в последнее десятилетие перед первой мировой войной, в период, когда начала быстро надвигаться эта величайшая мировая катастрофа. Основная задача этого течения, делавшего упор на радикальные фразы, заключалась в том, чтобы путем предательства заставить массы остановиться на полпути в своем восстании против правых элементов, которое привело бы их к сдвигу влево. Ленин боролся с центризмом Каутского, как с главной

опасностью в критический период первой мировой войны и последовавшей за ней революции.

Но самой большой опасностью, угрожавшей рабочему классу изнутри, которая также назрела в рассматриваемый нами период, был правый ревизионизм. Эта болезнь рабочего движения возникла в тех или иных формах в ряде стран: бернштейнианство в Германии, фабианство и макдональдизм в Англии, меньшевизм в России, гомперсизм и бергеризм в США, но суть везде была одна и та же — проявление буржуазного влияния в рядах рабочего класса. Этот давнишний уклон, который продолжает свою разрушительную работу и поныне, питая все остальные уклоны — правый, «левый» и центризм.

С первых же дней существования профсоюзного движения и борьбы рабочего класса в любой ее форме имелись консервативные элементы, правые оппортунисты, которые считали, что рабочие могут больше выиграть прислужничеством перед предпринимателями, чем открытой борьбой с ними. Однако особенностью правого ревизионизма является то, что он представляет собой специфический продукт монополистического капитала. Он возник и процветает в эпоху империализма. Он по сути представляет собой организованные усилия прокапиталистических сил в рабочем движении поставить рабочий класс под свой контроль и помешать ему наносить буржуазии сокрушительные удары. Ревизионизм, возникший в середине девяностых годов, развивался с ростом империализма. К 1914 году он стал господствующим течением среди элементов, возглавлявших Второй Интернационал. В период первой мировой войны ревизионисты, или правые социал-демократы, которые фактически являются «левым крылом» буржуазии, как их назвал Ленин, полностью оформились как контрреволюционная сила, открытые защитники капитализма против революционного наступления рабочего класса. Основным источником, питавшим эту контрреволюционную силу, было консервативное профсоюзное руководство, опиравшееся на рабочую аристократию из квалифицированных рабочих.

Из предыдущих глав мы видели, как сильно ревизионизм, то есть правая социал-демократия, тормозил прогресс и борьбу рабочего класса; он создал могущественную бюрократию (новый и опасный элемент в жизни пролетариата), которая душит всякое проявление демокра-

тии в социалистических партиях и профсоюзах; он явился главным препятствием, мешавшим развитию производственных профсоюзов и организации широких масс; он выступал против решающего политического руководства партии и поддерживал политику «нейтралитета» по отношению к профсоюзам, означавшую подчинение оппортунистической верхушке профсоюзного руководства; его отрицательное влияние сказывалось на каждой крупной забастовке; он саботировал русскую революцию 1905 года. Мы только что видели также, как он предательски сломил сопротивление, оказывавшееся рабочими империалистической мировой войне 1914 года, и превратился в бюро вербовки пушечного мяса для кровавой бойни. Из последующих глав мы также увидим, как правая социал-демократия борется с мощным подъемом пролетарской революции в послевоенный период и проявляет себя как главная опора загнивающего капиталистического строя.

**ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД
МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ**

(1914 — 1939)

**ОБЩИЙ КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА И ЗАРОЖДЕНИЕ
МИРОВОГО СОЦИАЛИЗМА**

Г л а в а 26

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

(1914—1918)

В самом начале первой мировой войны Международная федерация профсоюзов, не имевшая ни четкой структуры, ни прочного единства, сделала несколько слабых попыток сохранить свою организацию. Стремясь вернуть себе контроль над организованным международным профсоюзным движением, председатель МФП Легин вел переписку с руководителями отдельных национальных профсоюзных центров, настаивая, чтобы они поддерживали между собой контакт и в военное время. Характерно, что Легин полностью отрицал свою ответственность за возникновение войны, заявив: «Работа нашей организации была прервана не по нашей вине. Ход событий был решен другими силами, а не рабочим классом. Мы должны принимать вещи так, как они есть»¹. Гомперс, Жуо, Мертенс и другие рабочие лидеры отвечали ему в том же духе, но во всей их переписке сквозило стремление защитить капиталистические правительства своих стран.

При таких условиях единства действий добиться не удалось, и МФП распалась. Совершенно очевидно, что с точки зрения представителей обуржуазившейся верхушки профсоюзного руководства связь профсоюзов между собой через линии фронтов была бы недопустимым явлением, если не изменой. По мнению этих элементов, их прямым назначением было помогать уничтожению своих товарищей — рабочих — в других странах. Вследствие этого было создано три международных профсоюзных центра: в Берлине, Амстердаме и Париже. Профсоюзы в основном были реорганизованы в три большие группы в соответствии с группировками капиталистических стран, то есть в группы профсоюзов центральных держав, союзных держав и нейтральных стран.

В дальнейшем в течение всех четырех лет кровавой братоубийственной бойни сторонники войны из руководства профсоюзным движением отдельных воюющих стран превратились в своего рода рабочую секцию воинствующей буржуазии этих стран. Они повторяли военные лозунги капиталистов, приспособлявая их к использованию в рабочих кругах. Они стали одной из решающих сил в небывалой массовой бойне трудящихся в угоду буржуазии.

Профсоюзные лидеры становятся частью государственной военной машины

После возникновения войны капиталисты некоторых воюющих стран начали применять методы классового сотрудничества, рассчитанные на то, чтобы как можно сильнее втянуть политических и профсоюзных лидеров пролетариата в свою военную машину. Они делали это различными путями, в зависимости от условий, сложившихся в той или иной стране, но при этом всегда держали представителей рабочих на положении своих пособников. Капиталисты тщательно следили за тем, чтобы рабочее движение не использовало военной ситуации для повышения собственного престижа или укрепления своего положения.

В Бельгии председатель Международного социалистического бюро Эмиль Вандервельде, став членом буржуазного правительства, добился того, что руководство социалистической партии и профсоюзов безраздельно поддерживало войну. Во Франции сразу же после начала войны Марсель Самба и Жюль Гэд также вошли в состав

буржуазного правительства. Ранее Гэд в течение долгого времени был одним из «правоверных» марксистов и много лет вел активную борьбу против правых ревизионистов. Впоследствии еще один известный деятель Второго Интернационала Альбер Тома также вступил в состав французского правительства в качестве министра вооружений². Так образовался этот «священный союз».

В России меньшевики и другие оппортунистические элементы активно поддерживали войну, но они не получали открытой помощи или признания со стороны царского правительства. Не отличавшийся гибкостью самодержавный режим, использующий террор как основной способ обеспечения своего господства, рассчитывал удерживать народные массы в войне силой. Классовое сотрудничество никогда не применялось царизмом в качестве одного из основных методов. В Италии вскоре после того, как в 1915 году она вступила в войну, правые социал-демократические лидеры перестали играть в оппозицию. Правительство организовало их сотрудничество с консервативной профсоюзной бюрократией д'Арагона путем создания комитетов промышленной мобилизации как в общенациональном масштабе, так и по отдельным провинциям.³ В Австрии социал-демократы отнюдь не пользовались поддержкой таких же, как они сами, поджигателей войны в самодержавном правительстве Австро-Венгрии. Реакционеры продолжали нападать на рабочее движение, и положение настолько обострилось, что в октябре 1916 года видный социал-демократический лидер Фридрих Адлер выстрелом из револьвера убил премьер-министра графа Штюргка⁴. Это был беспрецедентный акт в истории социал-демократии. В Японии правительство использовало тактику лести и восхвалений по адресу профсоюзных лидеров типа Судзуки с их провоенными настроениями, но вместе с тем воздерживалось от официального признания прав рабочего движения.

В Германии, где накануне войны борьба профсоюзов с предпринимателями приобретала все более острый характер, самодержавное правительство кайзера вначале не нуждалось в таком сложном механизме классового сотрудничества, какой существовал в демократических странах Запада. Там уже с первых дней войны существовало прочное сотрудничество с социал-демократической партией и профсоюзами, но юнкерское правительство недву-

смысленно дало им понять, что оно остается хозяином положения. Так, сразу же после возникновения войны, когда профсоюзы стали жаловаться, что им приходится сталкиваться со множеством трудностей, министр внутренних дел прямо заявил, что профсоюзам будет разрешено действовать в условиях войны, только «если они не будут причинять нам затруднений».⁵ Шейдеман и другие социал-демократы были введены в состав правительства только в начале 1918 года, когда нависла угроза, что немецкие рабочие под влиянием русской революции свергнут кайзеровское правительство.

В Англии в начале войны Конгресс тред-юнионов и лейбористская партия добровольно объявили о «перемирии в промышленности» на весь период войны. Впоследствии эта программа подчинения военному руководству буржуазии приняла форму твердой коалиции, вначале с правительством Асквита, а затем с правительством Ллойд Джорджа. Артур Гендерсон вошел в состав правительства Асквита, а в правительство Ллойд Джорджа вошло несколько представителей партии и профсоюзов. Когда война закончилась, членами правительства Ллойд Джорджа были Дж. Барнс, Джон Ходж, Дж. Клайнс и Дж. Робертс,⁶ а другие, менее видные представители профсоюзного руководства входили в военные комитеты, охватившие всю страну.

В США правительство и предприниматели разработали целую систему мероприятий для обеспечения классового сотрудничества с целью привязать к военной машине гомперсовские профсоюзы и правых социалистов, являвшихся сторонниками войны, но монополисты, ярые приверженцы системы «открытого цеха», стремившиеся сохранить для своей огромной трестированной промышленности право использовать неорганизованных рабочих, внимательно следили за тем, чтобы рабочее движение не могло подняться до положения их партнера по коалиции. Как обычно, им было очень легко без значительных уступок в смысле политического признания прав рабочих на организацию добиться сотрудничества пустозвонных и пропитанных шовинизмом лидеров гомперсовских профсоюзов. В созданной, таким образом, военной машине этих «рабочих» лидеров обычно держали только на положении консультантов; правящий класс капиталистов ясно дал понять, что только он руководит страной и ходом войны.

Максимум того, чего мог добиться для себя Гомперс, являвшийся близким другом президента Вильсона, был пост председателя Комитета по вопросам труда в Совещательной комиссии Совета национальной обороны⁷. Другим представителям верхушки профсоюзного руководства были также предоставлены третьестепенные посты консультантов в военных комитетах отдельных штатов и районов.

Правящий класс добился в ряде стран от представителей рабочего движения, которых он сделал частью своей машины военного контроля, следующего: во-первых, полной поддержки войны, в силу чего рабочих можно было заставить хотя бы примириться с массовой бойней, и, во-вторых, обеспечения социального мира в период войны, то есть фактической ликвидации классовой борьбы пролетариата. Но возможности сохранения классового мира во многих случаях оказались очень ограниченными.

События в Англии могут служить иллюстрацией общего положения в отдельных странах в период «перемирия в промышленности», установившегося во время войны. Профсоюзы отказались от права проводить забастовки и взяли на себя обязательство повысить до предела темпы выпуска военной продукции, хотя бы даже ценой отказа от многих прав, завоеванных рабочими в тяжелой борьбе. На так называемой «конференции министерства финансов», состоявшейся в феврале 1915 года, «профсоюзный ягненок возлежал рядом с капиталистическим львом». Достигнутое на этой конференции соглашение с правительством приняло впоследствии форму закона, в результате чего фактически была установлена промышленная мобилизация. Хатт характеризует положение следующим образом: «Право забастовок было отменено на весь период, и их место занял государственный арбитраж; все положения и условия, установленные профсоюзами, были временно отменены; стало широко практиковаться использование неквалифицированной рабочей силы вместо квалифицированных рабочих; введение «увольнительных свидетельств» фактически привязывало рабочих к их месту работы»⁸. Взамен этого правительство дало туманное обещание о том, что установленные профсоюзами положения вновь вступят в силу в конце войны и что не будет разрешаться извлечение прибылей за счет рабочих. В то же время, как это имело место и в других странах, бри-

танское правительство ввело суровый «Закон о защите королевства», чтобы силой противодействовать всякому сопротивлению.

Такое же разоружение боевых сил пролетариата было осуществлено руководством профсоюзов и социалистических партий и в других воюющих странах. В Соединенных Штатах услужливые бюрократы Гомперса пошли даже на заключение с правительством формального соглашения о том, что они не будут пытаться организовать рабочих в трестированной промышленности. Это был так называемый принцип «статус-кво», который лег в основу опубликованной ими 29 мая 1918 года декларации и стал официальной политикой Военного комитета труда, членами которого были рабочие лидеры⁹. Все эти уступки вырывались у профсоюзов западных стран под аккомпанемент самых широкообещательных обещаний о благах, которые ожидают рабочих после окончания войны; в то же время эти обещания сопровождались принятием ряда репрессивных законов, ограничивавших гражданские права.

Выколачивание прибылей и сопротивление рабочего класса

Как только началась война, капиталисты воюющих стран начали проводить политику самой беспощадной эксплуатации и выколачивания прибылей. Как и всегда, бедственное положение страны, втянутой в жестокую войну, не мешало этому. Наоборот, оно использовалось как блестящий шанс для быстрого обогащения. Цены на все товары безудержно росли, правительства в угоду капиталистам отказывались ввести действенную систему контроля над ними, и реальная заработная плата рабочих повсеместно снижалась. В Германии, Бельгии, Франции, Италии, Австралии и других странах капиталисты старались перешеголять друг друга в погоне за наживой. В России ненасытные капиталисты и царские чиновники так мошенничали в поставках для нужд армии, что сильно подорвали ее боевую мощь. В Японии жестокая спекуляция привела в 1918 году к колоссальным всенародным «рисовым бунтам», сильно напугавшим правящий класс. Рабочие играли центральную роль в этом движении, носившем исключительно боевой характер. В Англии, по словам Хатта, война привела к «колоссальным прибылям,

равных которым страна никогда не видела... Капиталисты получали в ходе войны на 4 миллиарда фунтов стерлингов прибылей больше, чем до войны»¹⁰. В США погоня за прибылью превзошла все то, что происходило в любой другой стране. Бирды указывают, что за время войны появилось не менее 18 тысяч новых миллионеров¹¹.

В этих условиях рабочим всех стран было чрезвычайно трудно защищать свой жизненный уровень. Их лидеры официально отказались от права забастовок и постоянно убеждали рабочих, что те должны идти на любые жертвы ради победы в войне. Рабочие могли защитить свои интересы лишь путем стихийного забастовочного движения, что фактически и наблюдалось почти во всех воюющих странах вопреки стараниям профсоюзных лидеров, предпринимателей и правительств подавить это движение.

Во Франции после первоначальной деморализации, вызванной полным провалом попытки анархо-синдикалистских вождей осуществить свою программу всеобщей стачки в условиях уже начавшейся войны, организовалось меньшинство, придерживавшееся антивоенной позиции, которое провело ряд забастовок, в основном возглавлявшихся профсоюзом металлистов¹². В Италии под нажимом трудящихся масс во время войны также был проведен ряд забастовок в 1916 и 1917 годах. Состоялось несколько всеобщих забастовок в Испании, сохранявшей нейтралитет. В Германии в первые годы войны наблюдалось довольно много мелких забастовок, возникавших в большинстве случаев стихийно. Позднее, однако, забастовки приняли более широкий характер. В январе 1917 года под давлением рядовых рабочих была организована забастовка на военных заводах в Берлине и других местах. Русская революция 1917 года глубоко всколыхнула немецкий пролетариат. Под ее непосредственным влиянием произошли крупная забастовка горняков в конце декабря 1917 года и всеобщая политическая стачка в январе 1918 года, охватившая главным образом военные заводы, в которой участвовало около миллиона рабочих¹³. Эти забастовки произошли помимо воли Генерального комитета немецких профсоюзов, лидеры которых — как Легин, так и другие — по шею погрязли в сотрудничестве с эксплуататорами и поджигателями войны. В Австрии в 1915 и 1916 годах также произошли отдельные забастовки, но гораздо более широкий размах и боевой характер забастовок

стовочное движение приняло непосредственно после русской революции. Кульминационным пунктом этого движения явилась всеобщая забастовка в Вене в июне 1918 года, которая была прекращена после того, как рабочие добились известных уступок ¹⁴.

В Англии основной силой, противодействующей предательской провоенной политике профсоюзных лидеров, было движение фабрично-заводских старост. Вот что говорит по этому поводу Хатт: «Характерной особенностью положения в 1914—1918 годах явилось развитие цехового руководства, заменившего собой разоружившуюся профсоюзную машину... Это была организация «на месте производства», явившаяся ответом рабочих на сотрудничество с государственной машиной» ¹⁵. Подобно движению меньшинства во всех странах Европы, движение фабрично-заводских старост возглавлялось левым крылом. Первой забастовкой, в которой оно сыграло важную роль, была забастовка машиностроителей в районе реки Клайд в марте 1915 года. В этой борьбе фабрично-заводские старосты требовали предоставления им права заключать договоры с компаниями на том основании, что их лидеры, связанные с правительством политикой классового сотрудничества, не обладают свободой действий. Другой крупной забастовкой явилась забастовка горняков Южного Уэльса в июле 1917 года. В ней фабрично-заводские старосты также играли главную роль. В 1916 году рабочие основали Национальный комитет движения фабрично-заводских старост и рабочих. По словам Хатта, 1917 год был годом максимального подъема забастовочного движения, охватившего в общей сложности свыше 300 тысяч рабочих с «потерей» 2 500 тысяч дней рабочего времени.

В Соединенных Штатах и Канаде наблюдалась примерно такая же картина. Гомперсовские приспешники, действовавшие в тесном контакте с правительством, не щадили сил на то, чтобы искоренить и подавить активность рабочих в проведении забастовок и кампаний за организацию пролетариата. Тем не менее во время войны происходило немало забастовок и проводилась большая организационная работа. На протяжении девятнадцати месяцев войны состоялось не менее 6 800 забастовок ¹⁶. «Количество забастовок в 1917 году — в общей сложности 4 233 забастовки, — говорит Лорвин, — превысило количество забастовок за любой предшествующий год» ¹⁷. По-

добно своим собратьям в Европе, американские рабочие явно не питали такого благоговения перед империалистической войной, как их официальные вожди. Движение профсоюзного меньшинства в США, в котором были представлены левые социалисты, синдикалисты и фермерская трудовая партия, не обладало такой политической и организационной четкостью, как движение фабрично-заводских старост в Англии, но и оно в период войны по-боевому организовало забастовки. Боевой дух пролетариата был очень высок, и забастовки рабочих, входивших в АФТ, зачастую возникали стихийно. Во многих случаях забастовки и кампании по вовлечению новых членов в профсоюзы возглавлялись также местным руководством АФТ. Что касается ИРМ, то, несмотря на жестокое преследование ее правительством, угрозы со стороны верхушки руководства АФТ и нападения головорезов, подкупленных буржуазией, она провела в военный период целый ряд забастовок — в деревообделочной и медеплавильной промышленности, среди докеров и т. п. Члены бывшей Синдикалистской лиги Северной Америки, продолжавшие свою деятельность в АФТ, возглавили национальную кампанию за забастовки и организацию рабочих в профсоюзы, которая охватила 200 тысяч рабочих мясоконсервной промышленности, а конец войны застал их за активной работой по организации полумиллионной армии рабочих огромных государственных сталелитейных заводов. Результатом этой деятельности было забастовочное движение в сталелитейной промышленности в период войны. Имевшая исключительно важное значение кампания по организации рабочих-литейщиков натолкнулась на позорный саботаж со стороны гомперсовской бюрократической машины, который привел к катастрофическим последствиям; она вызвала также жестокие репрессии со стороны предпринимателей и правительства.

Общий рост мирового профсоюзного движения, наблюдавшийся во время войны, происходил в основном за счет высокой активности рядовых рабочих. В США число членов АФТ возросло с 2 020 671 в 1914 году до 2 726 478 в 1918 году, но при активной политике верхушки профсоюзного руководства оно легко могло бы увеличиться еще на несколько миллионов человек. Во Франции ВКТ чуть не распалась в начале войны, но к концу войны ее численность уже почти достигла первоначального уровня. В не-

мецких социал-демократических союзах в 1914 году, к моменту вступления Германии в войну, насчитывалось 2 521 303 человека. В первые годы войны численность их резко сократилась вследствие инертной политики профсоюзных чиновников и замешательства в рядах пролетариата, вызванного предательством со стороны ее руководства, а также в результате мобилизации большого числа членов профсоюзов на военную службу. В 1916 году число членов этих профсоюзов сократилось примерно на две трети и составляло лишь 944 713 человек, но к 1918 году оно уже снова повысилось до 1 369 799 человек¹⁸. К моменту вступления Англии в войну число членов Британского конгресса тред-юнионов начало быстро возрастать. В 1915 году в БКТ состояло 2 682 957 человек, а в 1918—4 532 085 человек¹⁹. Что касается роста мирового профсоюзного движения в военные годы в целом, то в 1914 году в профсоюзах двадцати крупнейших стран, за исключением России, состояло в общем 13 222 тысячи человек, а в 1918 году — 21 миллион человек²⁰.

От активности военного времени к революционной борьбе

В момент возникновения войны, в августе 1914 года, бюрократическое руководство социалистических партий и профсоюзов с их жестким организационным контролем и шовинистической демагогией было еще достаточно сильным, чтобы деморализовать рабочий класс и помешать ему начать борьбу против войны. Но в ходе войны, которая принесла пролетариату горы трупов, а сотням миллионов людей за линией фронтов — нестерпимые лишения, растущее возмущение и сопротивление масс постепенно прорывалось через препоны, установленные их предательскими лидерами. Важнейшим показателем этих настроений был рост числа забастовок в противовес планам рабочих лидеров о «перемирии в промышленности» и «священном союзе». В ходе войны масштабы и упорство этих забастовок непрерывно увеличивались, что явилось ясным предзнаменованием грядущей великой революционной бури, в которой поднявшемуся на борьбу рабочему классу предстояло свести последние счета с капиталистическим строем, навлекшим на все народы мира эту кровавую бойню и тяжелые страдания.

Во время войны революционный пролетариат пытался

воссоздать Интернационал и антивоенное движение, ликвидированные ревизионистами. Именно в этом и заключалось значение конференций, созывавшихся левыми во время войны в Швейцарии, в Циммервальде (сентябрь 1915 года) и Кинтале (апрель 1916 года). На этих исторических конференциях присутствовал великий Ленин, стремившийся воспитать пролетариат и привлечь его на сторону революционной большевистской политики, которой вскоре суждено было одержать в царской России победу, потрясшую весь мир. Эти конференции открыли перед рабочим движением путь, который в конечном счете привел его к созданию Коммунистического Интернационала в 1919 году и Красного Интернационала профсоюзов в 1921 году. Среди делегатов конференции были представители Итальянской конфедерации труда, Болгарской федерации труда. Движения профсоюзного меньшинства во Франции и Движения фабрично-заводских старост в Англии ²¹.

Одним из предвестников приближавшейся бури явилось восстание в Ирландии, состоявшееся на пасхальной неделе в 1916 году. Эта трагическая борьба была одним из эпизодов в длинном ряду таких восстаний на протяжении семисотлетней борьбы ирландского народа за свободу, против гнета англичан. Лидером этого движения был рабочий Джемс Конноли, в прошлом один из организаторов американской ИРМ. Это был исключительно одаренный марксист. Штаб движения находился в Либерти Холле, где помещался Союз ирландских транспортных рабочих. Восстание началось 24 апреля и было подавлено 29 апреля, после того как участвовавшие в нем патриоты — в большинстве своем рабочие — вынуждены были отдать Дублин, который они удерживали в течение пяти дней. 12 мая англичане казнили Конноли, Пирса и других лидеров этого неудачного восстания, причем раненого Конноли доставили к месту казни на носилках ²².

Нараставшие антивоенные настроения рабочих и крестьян достигли кульминационного пункта в царской России, где трудящиеся массы, прорвав все препяды, ставившиеся на их пути социал-демократическими предателями и фальшивыми лидерами, нанесли капитализму удар, потрясший его до самого основания. Это был удар, эхо которого до сих пор с нарастающей силой звучит во всем мире. Русская революция явилась первой успешной попыткой

рабочего класса и его союзников во всех странах положить конец чудовищному капиталистическому строю, который мог породить такую колоссальную трагедию, какой явилась для человечества первая мировая война.

Г л а в а 27

ПРОФСОЮЗЫ В ПЕРИОД РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (1917—1921)

Русская революция 1917 года была осуществлена двумя мощными ударами, которые нанесли царскому и капиталистическому режиму рабочие и крестьяне, сражавшиеся бок о бок. Первый из этих ударов достиг максимальной силы 14 марта, когда он сломил мощь романовского абсолютизма и привел к власти капиталистов. Это была буржуазно-демократическая фаза революции. 7 ноября за ней последовало еще более грандиозное революционное выступление рабочих и крестьян, свергнувших буржуазию и поставивших у власти пролетариат. Это была пролетарская, или социалистическая революция.

Эти события, потрясшие весь мир, разворачивались по пути, задолго до этого намеченному Лениным. Основными моментами в программе Ленина, которая так блестяще осуществилась в ходе революционных событий в России, были следующие: а) первой фазой революции была буржуазно-демократическая революция, которая под возрастающим нажимом масс, как и предсказывал Ленин, переросла в более высокую — социалистическую фазу; б) как это предвидел Ленин, революция была осуществлена в марте широким союзом рабочего класса со всей массой крестьянства, а в ноябре с беднейшим крестьянством; в) революция носила насильственный характер, ибо, как и указывал Ленин, у помещиков и капиталистов был только один ответ на требования народа — вооруженное насилие и гражданская война; г) весь ход революционного движения подтвердил зафиксированные в Штутгартской антивоенной резолюции 1907 года знаменитые ленинские положения о переходе империалистической войны в войну за свержение капитализма и установление социализма; д) пролетариат с Коммунистической партией во главе был ведущей силой революции во всех ее фазах. Величие

Ленина как политического вождя ярко проявилось в этом его предвидении пути, по которому неизбежно будет следовать русская революция.

Как указывал позднее Сталин, русская революция прорвала цепь империализма в ее самом слабом звене. Монархия Романовых, основанная на почти феодальной системе землевладения, прогнила насквозь, а русская буржуазия была также относительно слаба. Эти силы сломились под мощным напором рабоче-крестьянских масс, подвергавшихся жестокой эксплуатации и угнетению, еще более усилившимся в условиях кровавой бойни и погони за прибылями во время первой мировой войны. Одним из наиболее слабых мест царско-капиталистического строя было то, что при данной ситуации правые социал-демократы — меньшевики — были недостаточно сильны, чтобы смягчить и отвести революционные удары восставших масс. Они пытались спасти русский капитализм — как спасли капитализм социал-демократы в других странах Европы в период революционного кризиса, охватившего эти страны к концу войны, — но они попросту были слишком слабы, чтобы осуществить свою историческую контрреволюционную миссию. Кроме того, пролетариат смог нанести им поражение потому, что ему посчастливилось бороться под руководством такого гениального политического деятеля, как Ленин. Он успешно провел революционные силы через множество тяжелых испытаний, которые при менее умелом руководстве могли бы привести пролетариат к непоправимой катастрофе.

Капиталисты всего мира с безошибочным политическим инстинктом сразу же поняли, какое значение для них имела Октябрьская социалистическая революция. Они с самого начала уловили ее внутренний смысл — угрозу гибели во всяком случае в России, а в конечном счете, вероятно, и во всем мире капиталистического строя, благодаря которому они ежегодно систематически выкачивали миллиарды из труда рабочих и крестьян. Поэтому революция с самого же начала вызывала у них жестокую ненависть и злобу, на которой и поныне основывается их отношение к СССР и новым странам социализма — Китайской Народной Республике и народно-демократическим республикам Европы и Азии.

Вследствие этого с конца 1917 года до конца 1920 года революционному советскому народу пришлось вести

жесточайшую войну против интервенционистских войск Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов и Польши, а также целого ряда царских генералов — Юденича, Корнилова, Деникина, Семенова, Колчака, Врангеля и других, которых вооружали и поддерживали враждебные Советской России капиталистические державы. Советскому народу пришлось сражаться в этой войне в условиях тяжелой экономической разрухи и жестокого голода. Существенную роль в войне — как в области промышленности, так и на фронтах — играли профсоюзы. Наконец, с неслыханными в истории человечества героизмом и целеустремленностью рабочие и крестьяне к концу 1920 года разгромили и прогнали из страны войска интервентов, после чего они могли свободно выполнять свою следующую великую революционную задачу — построение социализма.

Профсоюзы в период революции

Русская революция разразилась в феврале 1917 года вслед за грандиозной забастовкой в Петрограде и в Москве в январе 1917 года. Революционное восстание началось 18 февраля (3 марта) забастовкой рабочих Путиловского завода в Петрограде. Эта забастовка быстро переросла во всеобщую политическую стачку, которая приняла характер вооруженного восстания. Шла война, и в Петрограде было сосредоточено большое количество войск. 27 февраля (12 марта) солдаты отказались стрелять в революционеров-забастовщиков — и тирания Николая Романова пала. Буржуазно-демократическая революция победила ¹.

После некоторых изменений в составе капиталистического правительства, образовавшегося в результате этой первой революции, его возглавил эсер Александр Керенский. Новое правительство отнюдь не собиралось держать курс на построение социализма или даже на выход из войны. При полной поддержке со стороны меньшевиков оно продолжало участвовать в империалистической войне, стремясь в то же время прочно укрепить ярмо капитализма на шее рабочих и крестьян. Поэтому трудящиеся массы под руководством Коммунистической партии, во главе с Лениным пошли вперед, ко второй революции — социалистической революции 7 ноября (н/ст.) 1917 года. Это восстание повело к созданию Советского правитель-

ства и к установлению диктатуры пролетариата, или власти рабочего класса.

Семь месяцев, которые истекли между буржуазно-демократической и социалистической революциями, явились периодом исключительно острой классовой борьбы, в ходе которой рабочие быстро создавали Коммунистическую партию и профсоюзы, готовясь к приближавшимся решающим боям. Понимая, что на карту поставлено все, капиталисты создавали свои собственные объединения и пытались укрепить силы, чтобы обеспечить себе политическое и экономическое господство в стране. Но пролетариат не позволил отнять у него плоды его победы. Вот как описывает Лозовский напряженную борьбу, бушевавшую в то время: «В июле, августе и сентябре происходила жестокая экономическая борьба. Предприниматели закрывали предприятия. Рабочие снова открывали их. Если предприниматель оказывал сопротивление, красногвардейцы-рабочие выкидывали его с фабрики».

В этот критический период происходило много забастовок, но в общем создалось такое положение, что рабочие все чаще и чаще занимали фабрики при помощи оружия и настаивали на возобновлении работы. «В августе и сентябре,— говорит Лозовский,— мы выдвинули лозунг «Не бастовать!», ибо конфликт между рабочими и предпринимателями не мог быть разрешен отдельным союзом или отдельной отраслью промышленности. В течение этого периода рабочий контроль был не пустым звуком, а вопросом жизни и смерти для рабочего класса. «Заккрытие предприятия, прекращение производства попросту означало — смерть революции, тогда как предотвращение таких остановок означало спасение революции и ее завоеваний»².

Теперь уже речь определенно шла о борьбе за политическую власть. Коммунистическая партия, поддерживаемая профсоюзами, выдвинула лозунг «Вся власть Советам!» 7 ноября (н/ст.) власть перешла в руки революционного пролетариата; революционное восстание началось в Петрограде, причем большую роль в нем сыграли профсоюзы, создавая отряды Красной гвардии, сражаясь на баррикадах и охраняя фабрики от саботажа и диверсий.

Наряду с основной борьбой пролетариата с буржуазией за политическую власть в течение критических месяцев (с марта по ноябрь 1917 года) шла также решитель-

ная борьба против капиталистических агентов в рабочем движении — меньшевиков — по вопросу о руководстве работой профсоюзов и об их политике. На третьей Всероссийской профсоюзной конференции, состоявшейся в июне 1917 года *, меньшевики все еще находились в большинстве (такое же положение было и в Советах); большевиков было 36,4 процента, а меньшевиков 55,5 процента. Конференция приняла общую политическую линию меньшевиков. Однако на профсоюзном съезде, состоявшемся в январе 1918 года (первом съезде такого рода в России), состав представленных на нем профсоюзов был совершенно иным: большевиков было уже 65,6 процента, а меньшевиков 21,4 процента³. Начиная с этого момента, влияние меньшевиков в профсоюзах стало очень быстро падать, и на третьем съезде профсоюзов, в 1920 году, только 6,8 процента делегатов были меньшевиками. Лозовский сообщает, что в период октябрьского восстания большевики настолько укрепили свое руководство в профсоюзах, что против захвата власти высказывались только союз печатников, союзы торговых и банковских служащих и некоторые другие профсоюзы служащих.

На протяжении нескольких месяцев после февральской буржуазно-демократической революции 1917 года происходил бурный рост профсоюзов. В начале этого периода, по словам Лозовского, в России было только три настоящих профсоюза, охватывавших 1 500 человек. Однако к июню 1917 года число организованных рабочих возросло до 1 475 429 человек, к январю 1918 года — до 2 532 тысяч; к январю 1919 года — до 3 638 тысяч, а к апрелю 1920 года — до 4 326 тысяч. В этот момент в стране имелось 32 общерусских профсоюза, но планировалось сократить их число до 23, ибо профсоюзные организации строились по производственному принципу: «в одном предприятии — один союз»⁴.

Забастовка, сдельщина и рабочие советы

Октябрьская революция, ликвидировавшая капитализм и открывшая перед народом путь к социализму, выдвинула перед профсоюзами и Коммунистической партией целый ряд специфических организационных и политиче-

* Первая и вторая профсоюзные конференции состоялись в 1905 и 1906 годах.

ских проблем, требовавших в огне революционной борьбы немедленного разрешения. Одной из самых насущных проблем такого рода явился вопрос о применении забастовки. Здесь профсоюзам пришлось внести революционные изменения в свою тактику. С незапамятных времен, еще с тех пор, когда в Англии только появились зачатки капитализма, рабочие повсюду прибегали к забастовке, как к мощному оружию в борьбе с предпринимателями. Выдающийся пример в этом отношении показали русские рабочие в революциях 1905 и 1917 годов.

Но одно дело бастовать против враждебных предпринимателей — капиталистов — и совершенно другое дело бастовать против своего собственного социалистического правительства, важнейшей задачей которого в тот момент было поддерживать и повышать уровень производства. Петроградские и московские профсоюзы сразу же осознали, что для рабочих забастовки против Советского правительства означали бы саботаж против самих себя. В соответствии с этой новой ситуацией Московский совет профсоюзов 28 октября (с/ст.) призвал рабочих к забастовке и к вооруженному восстанию, но 7 ноября, как только была одержана победа, он предложил рабочим немедленно прекратить забастовку, начатую во время их активного участия в вооруженном конфликте, вернуться на фабрики и приступить к работе⁵. Правильность этого решения доказывает тот факт, что на протяжении критического периода, в первые годы революции, меньшевики и все контрреволюционные группировки стремились спровоцировать забастовки, чтобы вредить этим молодой и еще слабой советской промышленности, а вместе с ней и делу революции. Промышленность была подорвана войной, голодом и экономической разрухой, и перед лицом настоятельной необходимости создать мощную индустрию в кратчайший срок со стороны рабочих было бы чистым безумием вредить своему собственному делу забастовками.

Исходя из этих основных соображений, советские рабочие вскоре же отказались от практики применения забастовок и стали прибегать к совещаниям и переговорам для урегулирования мелких конфликтов, возникавших главным образом на почве бюрократизма. Тем не менее в 1920 году было зарегистрировано 43 забастовки, а в последующие годы произошло еще несколько забастовок.

Советское правительство никогда не вводило законов против забастовок. Посещавшие Советский Союз консервативные рабочие лидеры часто делали вид, что их смущает отсутствие практики забастовок в СССР, но это чистое лицемерие с их стороны. Совершенно очевидно, что в условиях социалистического строя в забастовках нет необходимости.

Другим объектом критики со стороны этих профсоюзных лидеров с их буржуазными установками являлось широкое применение в советской промышленности принципа сдельной работы, который поощряется профсоюзами. Но, как советские рабочие поняли с самого начала, если в условиях капитализма сдельщина является средством эксплуатации рабочих, то в советских условиях, где нет эксплуататоров, сдельщина является необходимым средством для обеспечения максимума продукции, для расширения производства и повышения жизненного уровня трудящихся. В капиталистических странах, если заработок рабочих при сдельщине увеличивается, производится пересмотр норм и сокращение зарплаты, но в СССР такие манипуляции не применяются, какими бы высокими ни были заработки рабочих. В СССР работа является делом чести и общественного долга, и рабочие используют всю свою творческую инициативу, чтобы построить промышленность в условиях постоянной угрозы войны со стороны окружающих их капиталистических хищников. Следующая важная проблема, с которой русский пролетариат и профсоюзы столкнулись в первые же дни после февральской революции 1917 года, относилась к роли заводских (и цеховых) комитетов. Эти организации, охватывающие всех рабочих данного предприятия — как членов, так и нечленов профсоюза, — стихийно возникли по всей России. Их развитию способствовал ряд различных факторов и, в частности, то обстоятельство, что промышленность России в то время носила не общенациональный, а главным образом местный характер, что общенациональные профсоюзы были еще очень слабы и не имели местных отделений и что форма заводских комитетов в то время давала особенно эффективные результаты в организации рабочих, проведения забастовок и осуществления рабочего контроля над капиталистическим производством. Заводские комитеты сыграли также важную роль в национализации фабрик и заводов, а на более ран-

ней стадии — и в восстановлении производства под контролем советских органов власти.

Многие рабочие (как в России в то время, так и позднее в Европе) считали, что профсоюзы устарели, что исторически их функция заключалась только лишь в защите повседневных интересов рабочих при капитализме и что заводские комитеты являются революционными хозяйственными органами рабочего класса. Но русские коммунисты никогда не разделяли этого ошибочного взгляда. Они понимали необходимость наличия сильной общенациональной профсоюзной организации вместо анархических местных заводских комитетов. Они высказывались против созыва Всероссийского съезда заводских комитетов и отрицательно относились к идее создания самостоятельных организаций заводских комитетов. В июне 1917 года делегаты третьей национальной конференции профсоюзов * приняли решение о том, что фабрично-заводские комитеты должны стать местными органами профсоюзов. Эта практика применяется в советском профсоюзном движении и поныне, и заводские комитеты выполняют все сложные функции местных органов профсоюзов при социалистическом режиме **.

Профсоюзы, партия и государство

При социалистическом строе все организации рабочего класса и крестьянства неизбежно работают в тесном контакте между собой, постоянно стремясь к установлению органической взаимосвязи. Было бы принципиальным противоречием и политическим абсурдом, если бы каждая отдельная организация рассматривала себя, как независимую от всех остальных социалистических организаций, и противопоставляла бы свои собственные интересы их интересам. Хотя каждая организация должна пользоваться известной самостоятельностью в работе, все они являются частью одного большого и гармоничного общественного механизма. Небольшие конфликты или трения,

* Вопрос о слиянии фабрично-заводских комитетов и профсоюзов был решен на I съезде профсоюзов в январе 1918 года. (Прим. ред.)

** Вообще говоря, термины «заводские комитеты», «фабричные комитеты» и «цеховые комитеты» часто понимаются по-разному. Мы применяем термины «заводские» или «фабричные комитеты», как относящиеся ко всему предприятию, и «цеховые комитеты» в отношении отдельных цехов завода.

которые могут иногда возникать между ними, объясняются не антагонистическими интересами, а исключительно организационными недостатками, бюрократизмом и отсутствием опыта.

Коммунистическая партия, состоящая из передовых представителей рабочего класса и его союзников и работающая на решающем участке политической деятельности, является руководящим органом диктатуры пролетариата в Советском Союзе и разрабатывает основные проблемы советской политики. Профсоюзы в России, как правило, создавались и воспитывались коммунистами и развивались на базе ленинского принципа о руководящей политической роли Коммунистической партии. Основная часть членов партии — рабочие, то есть члены профсоюзов, и обе организации осуществляют самое тесное и дружеское сотрудничество между собой. Партия и профсоюзы обмениваются братскими делегациями на своих съездах.

Разработка вопроса о взаимоотношениях, которые должны существовать между профсоюзами и Советами, была связана с целым рядом специфических проблем и вызвала множество дискуссий в первые годы революции. Троцкий хотел сделать союзы официальными органами государства, но Ленин в период знаменитой дискуссии 1920 года самым резким образом выступил против этой бюрократической установки⁶. Он настаивал на необходимости сильного профсоюзного движения, основной задачей которого должна являться защита интересов рабочих. «Наша страна имеет преобладающее крестьянское население. У нас есть, конечно, диктатура пролетариата, но с бюрократическими извращениями. А борьба с бюрократическими извращениями может идти по двум линиям: и через государственный аппарат и по линии непосредственного действия самих рабочих, профессиональные объединения которых, защищая интересы своих членов, этим самым борются с бюрократизмом».⁷ «Вопрос об «огосударствлении» профсоюзов, — добавляет Лозовский, — постепенно отпадает, откладывается — выдвигаются вопросы непосредственной защиты интересов (пришел НЭП)». Ленинская установка о сильных и жизнеспособных профсоюзах одержала верх в этой исторической дискуссии, и с тех пор она остается основой советской профсоюзной политики. Разработка вопроса о взаи-

отношениях между профсоюзами и Советским государством является одним из многих важных вкладов Ленина в теорию и практику профсоюзного движения.

Профсоюзы играли крупнейшую роль во всех сторонах политической жизни. Многие из их руководителей и рядовых членов заняли руководящие посты в правительстве, промышленности, армии и советских учреждениях. Профсоюзы полностью ведают такими вопросами, как социальное страхование, фабрично-заводское законодательство и охрана здоровья трудящихся. На втором Всероссийском съезде профсоюзов (в январе 1919 года) было принято решение о том, что «особые обязательные постановления (издаваемые Комиссариатом труда), касающиеся условий труда и производства, предварительно должны быть одобрены пленумом Всероссийского совета профсоюзов». Решение профсоюзов фактически было также окончательным в вопросе определения ставок заработной платы. Другая резолюция второго Всероссийского съезда профсоюзов призывает профсоюзы принять более активное и энергичное участие в работе Советов путем прямого участия во всех государственных органах, организации массового пролетарского контроля над их деятельностью и т. п.⁸

Вопрос о роли профсоюзов в управлении промышленностью также представлял собой очень сложную проблему в первые дни революции. Вначале существовали сильные синдикалистские тенденции к тому, чтобы именно профсоюзы, а не заводские комитеты непосредственно ведали вопросами промышленного производства. В периоды острой революционной борьбы заводские и цеховые комитеты установили жесткий контроль над предприятиями, находившимися еще в руках капиталистов, а после национализации промышленности многие настаивали, чтобы эти функции контроля были сохранены за заводскими комитетами как руководящими органами на промышленных предприятиях.

Такое предложение было неправильным, ибо промышленности нужна самостоятельная организация, поэтому Коммунистическая партия и в особенности Ленин выступили против такой установки. Промышленностью непосредственно управляют хозяйственные органы государства, а общее руководство ее работой осуществляется Коммунистической партией. Еще в декабре 1917 года был

создан Высший совет народного хозяйства; в 1918 году Ленин положил начало широкому государственному планированию производства; в апреле 1921 года был создан Госплан, то есть всероссийский планирующий орган, а в 1928 году государственные хозяйственные органы приняли первый пятилетний план.

За исключением непосредственного участия в работе промышленности, профсоюзы сохранили и развили множество важнейших и наиболее существенных функций в промышленности. Они имеют большое число представителей во всех хозяйственных органах страны. Помимо того, что профсоюзы занимаются вопросами заработной платы и условий труда рабочих, социального страхования, фабрично-заводского законодательства и общих условий жизни рабочих, они также играют основную роль в поддержании трудовой дисциплины и проведении в жизнь общих директив хозяйственных органов страны. Профсоюзы выделили из своей среды огромное число руководящих работников промышленности; они обучают вопросам экономики производства массы рабочих, они оказывают активную поддержку всем мероприятиям, направленным на увеличение производительности, как создание ударных бригад, стахановское движение и т. п., и вообще являются незаменимыми помощниками государства в деле интенсивной индустриализации страны.

В 1928 году Коммунистический Интернационал дал следующую оценку роли советских профсоюзов: массовые рабочие организации, в которых наиболее широкие слои пролетариата впервые организационно спланируются и воспитываются — профессиональные (производственные) союзы, являются при капитализме основным орудием стачечной борьбы, а затем массовой борьбы против трестифицированного капитала и его государства. При пролетарской диктатуре они превращаются в главнейший ее рычаг, в такую школу коммунизма, которая вовлекает огромные массы пролетариата в дело социалистического управления производством, в организацию, непосредственно связанную со всеми частями государственного аппарата, влияющую на все отрасли его работы, стоящую на страже длительных и злободневных интересов рабочего класса и ведущую борьбу с бюрократическими извращениями органов Советского государства. Профсоюзы превращаются, таким образом, в основной

костяк хозяйственных и общегосударственных организаций пролетариата, поскольку они выделяют для строительной работы руководящие кадры, поскольку они втягивают в эту работу широкие слои пролетариата и поскольку они ставят своей особой задачей борьбу с бюрократическими извращениями, неизбежно вырастающими на почве чуждых пролетариату классовых влияний и недостаточной еще культуры масс⁹.

Глава 28

ПРОФСОЮЗНЫЕ МАССЫ И РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ (1918—1920)

Первая мировая война ознаменовала собой начало общего кризиса мирового капитализма. Это означает, что в силу действия законов монополистического капитализма, или империализма, все основные противоречия, присущие капиталистическому строю, обострились в такой степени, что начали подрывать и уничтожать самые основы этого строя. Растущая производственная мощь имеет тенденцию обгонять возможности сбыта на сокращающихся капиталистических рынках, а циклические экономические кризисы все в большей и большей степени перерастают в подлинные катастрофы, для которых характерны массовая безработица и застой в промышленности. Экономическая эксплуатация рабочих достигает новых рекордных пределов, и забастовочное движение развертывается в неслыханных дотоле масштабах. Монополистические капиталистические группировки ведут все обостряющуюся борьбу между собой и против своих более слабых капиталистических конкурентов. Захватнические войны между капиталистическими державами перерастают в мировую бойню таких масштабов, о которых человечество не имело понятия. Колониальные и полуколониальные народы подвергаются неслыханной эксплуатации и угнетению, в результате чего их восстания приобретают больший размах и силу, чем когда бы то ни было в прошлом. Начинается эра пролетарской революции, путь которой проложила великая русская революция. Социализм, который ранее лишь отражал надежды и чаяния рабочего класса во всем мире, стал живой действи-

тельностью на территории одной шестой части всего земного шара.

Первая мировая война нанесла тяжелый удар мировому капитализму. Она опустошила многие капиталистические страны и подорвала их мощь, обездолила миллионы людей, вселила в мировой пролетариат новый революционный дух и дала русским рабочим и крестьянам возможность пробить в твердыне мирового капитализма основательную социалистическую брешь. Одним из важнейших событий в капиталистическом мире в период войны было выдвижение США на первый план в качестве ведущей мировой империалистической державы. Американская промышленность переживала период процветания; ее капиталистические заправилы купались в золоте, которое им добывали миллионы солдат, уничтожавших друг друга на залитых кровью полях сражений в Европе. Соединенные Штаты вступили в войну с государственным долгом в сумме около 7 миллиардов долларов, а вышли из войны как один из главных кредиторов мира, причем остальные капиталистические страны задолжали им около 16 миллиардов долларов¹. Америке удалось также захватить значительную часть мировых запасов золота, а так как промышленность США была оснащена более современной техникой, она стала грозным конкурентом во внешней торговле для всех остальных стран. То обстоятельство, что Америка выдвинулась на первое место среди капиталистических держав, оказало огромное влияние на судьбы мира в последующие десятилетия.

Свержение монархии Гогенцоллернов

Немецкие рабочие, втянутые в войну в результате измены их политических и профсоюзных социал-демократических лидеров, лишь постепенно начали преодолевать установленный ими бюрократический контроль и оказывать противодействие войне с сопровождавшим ее массовым уничтожением людей и обнищанием масс. Возраставший оппортунизм социал-демократической партии вызвал в декабре 1915 года раскол, который повел к основанию в 1917 году Независимой социал-демократической партии — центристской организации, руководимой Каутским. Левое крыло выкристаллизовалось в начале 1916 года в группу Интернационал, или Союз Спартака,

возглавлявшийся Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Францем Мерингом и Кларой Цеткин. Эта организация, вначале примыкавшая к Независимой социал-демократической партии, в декабре 1918 года стала Коммунистической партией. Однако раскол не повел к серьезному нарушению органического единства профсоюзного движения.

Тем временем, как мы видели из главы 26, стали развертываться многочисленные забастовки военного времени, главным образом на военных заводах. В 1915—1917 годах состоялась 601 забастовка². Надо сказать, что профсоюзные лидеры к проведению забастовок относились резко отрицательно.

Внезапно в непосредственной близости от Германии, как колоссальный взрыв, разразилась русская революция. Это событие сильно воодушевило пробуждавшийся рабочий класс Германии. Его растущие революционные настроения проявились, между прочим, в организации грандиозных массовых митингов 6 января 1918 года в знак протеста против жестоких условий мира, навязанных русскому народу надменными немецкими генералами в Брест-Литовске. В апреле 1917 года произошла забастовка, охватившая 300 тысяч человек; за ней в январе 1918 года последовала крупная забастовка рабочих военной промышленности, в которой участвовало до миллиона человек. В этот период под сильным влиянием событий в России стало также развиваться мощное массовое движение за создание заводских комитетов с центром в Берлине, вселась широкая пропаганда среди членов профсоюза.

В начале 1918 года центральные державы потерпели тяжелые военные поражения на Западном фронте. Доведенные этим до отчаяния, немецкие военные руководители приказали своему основному флоту, базировавшемуся в Киле, выступить против основного флота Англии. Это была безнадежная затея, имевшая целью помешать англичанам захватить германский флот после неизбежного поражения Германии. Но немецкие моряки отказались умирать гуртом во славу «отечества». 2 ноября они восстали, сломали сопротивление своих офицеров и создали Совет. Восстание распространялось с быстротой молнии, и в течение недели во всех городах Германии появились Советы рабочих и солдатских депутатов.

Кульминационным пунктом революции были события в Берлине 9 ноября. Правительство Гогенцоллерна, возглавлявшееся в тот момент принцем Максом Баденским, понимало, что его ждет, и, пытаясь умиротворить рабочих кой-какими политическими взятками, ввело в состав кабинета Шейдемана и других социал-демократов. Но ему не удалось с помощью этих маневров остановить революционный подъем. 9 ноября, несмотря на сопротивление Лёгина, рабочие стихийно начали всеобщую забастовку. Старое правительство ушло в отставку, а кайзер бежал в Голландию. Огромная радость охватила весь немецкий рабочий класс. Казалось, что свершилась, наконец, долгожданная революция.

В момент, когда политическая власть фактически перешла в руки немецкого рабочего класса, он при революционном руководстве безусловно мог бы покончить с капитализмом в Германии и повести свою страну по пути социализма, как это сделали русские рабочие. Революционный энтузиазм рабочих, их боевые действия, их стремление последовать советскому образцу были достаточными доказательствами, что такая возможность была. Но именно социализма-то их консервативные лидеры желали меньше всего, несмотря на их ярлыки социал-демократов и многолетнюю болтовню о том, что они стремятся к социализму. Эти бюрократы были прочно связаны своим обязательством оказывать поддержку капитализму (что стало полностью ясно только сейчас), и все, к чему они стремились, было осуществление небольших реформ в рамках капитализма, чтобы слегка сгладить его острые углы, сделать его более привлекательным для рабочих. Социал-демократические бюрократы в партии, профсоюзах и кооперативах нанесли удар антивоенному движению рабочих в августе 1914 года и в угоду немецкой буржуазии втянули народ в войну; теперь же, в критический момент декабря 1918 года, перед ними стояла другая контрреволюционная задача — спасти капиталистический строй в Германии от пролетарской революции. Они рьяно и не колеблясь приступили к осуществлению этой задачи.

Рабочие создали Национальный совет комиссаров в составе 6 человек. Трое из них: Эберт, Шейдеман и Ландсберг — были представителями правого крыла (социалисты большинства), а трое: Гаазе, Дитман и Барт — представителями центра (независимые). Эти 6 человек

имели полномочия действовать до предстоящего созыва Национального съезда Советов. Съезд Советов собрался в Берлине 16 декабря, чтобы решить вопрос о форме будущего правительства Германии. Коммунисты потребовали установления диктатуры пролетариата. Но правое крыло, обеспечившее себе контроль в партийном и профсоюзном аппарате, располагало большинством голосов, в соотношении примерно 8 : 1 против всех сил оппозиции. Поэтому оно приняло решение, направленное против создания Советов и за созыв Учредительного собрания 19 января 1919 года. Это обстоятельство означало, что оппортунистическое большинство снова возвращало страну на путь капитализма, что и нашло свое отражение на заседании Учредительного собрания. Группа центра, как этого и следовало ожидать, колебалась то вправо, то влево и фактически помогла правому крылу одержать победу на совещании в Берлине.

Легин и К^о предают дело социализма

Тем временем проницательный Легин, настоящий хозяин социал-демократической партии, приступил к «урегулированию» революции своими собственными методами. Еще 8 ноября, до бегства кайзера, Легин, сохранивший прочное влияние на профсоюзную бюрократию, связался с предпринимателями и заключил с ними соглашение, определившее общеполитический курс Германии на будущее. Это было самое широкое совещание между представителями труда и капитала, которое когда-либо до сих пор имело место в любой из стран мира. Весь класс капиталистов был представлен на нем через свои ассоциации, главным же их представителем был крупный монополист Гуго Стиннес. С другой стороны, был представлен также и весь рабочий класс (включая христианские и гирш-дункеровские союзы, но не синдикалистские), главным представителем которого был Карл Легин. Эта историческая конференция происходила в то время, когда на улицах Берлина и других немецких городов еще трещали пулеметы; она продолжалась до 15 ноября³ и закончилась заключением общего соглашения.

Соглашение содержало 12 пунктов. Суть его сводилась к тому, что профсоюзы получали признание как представительные органы рабочего класса в промышлен-

ности и за ними полностью признавалось право организовать рабочий класс, «желтые» (компанейские) союзы подлежали ликвидации, принимались меры по обеспечению работой возвращающихся фронтовиков, достигалась договоренность о совместных действиях предпринимателей и профсоюзов по вопросам найма и увольнения, должны были быть разработаны общие принципы коллективных договоров, на всех предприятиях с числом рабочих свыше 50 должны быть созданы заводские комитеты, создавались арбитражные комиссии, устанавливался восьмичасовой рабочий день без снижения заработной платы, предусматривалась организация общего «парламента» в составе представителей предпринимателей и рабочих для урегулирования всех вопросов, связанных со всеми этими мероприятиями и другими моментами, касающимися промышленной жизни страны⁴. Это было пресловутое «Арбейтс геймайндшафт» («договор о деловом содружестве»), или соглашение о классовом сотрудничестве.

Смысл этого соглашения Стайнса—Легина заключался в том, что в Германии нельзя было допускать революции и социализма и что капитализм должен был сохраниться на базе согласованных с ним реформ. Общая идея сводилась к тому, что революция «урегулирована», как будто это был обычный «трудовой конфликт»; и этого удалось достигнуть. Обе стороны, участвовавшие в переговорах, сознательно ставили себе целью совместное сотрудничество для борьбы с революцией. Впоследствии предприниматели открыто признавали это, но приспешники Легина, конечно, не могли пойти на такое признание. Председатель Ассоциации немецких металлопромышленников д-р Рейхард заявил: «Фактическое положение было ясно еще в первые дни октября. Вопрос заключался в том, как мы могли бы спасти промышленность. Как мы могли бы оградить класс предпринимателей от стремительной социализации всех отраслей промышленности, от национализации и угрозы революции?»⁵

Так Легин продал германскую революцию за чечевичную похлебку. Предприниматели-монополисты, которые были прижаты к стене и стремились спасти от гибели все, что было в их силах, рады были отделаться всеобщим признанием прав профсоюзов и восьмичасовым рабочим днем. Это была недорогая цена за то, чтобы избежать

социализма. Не удивительно, что немного времени спустя Стиннес назвал один из многих принадлежащих ему пароходов именем Карла Легина, умершего в 1920 году. Циннизм, с которым предприниматели на деле относились к этому печальной памяти соглашению, получил трагическое подтверждение девятнадцать лет спустя, при Гитлере, когда они отнеслись к нему, как к клочку бумаги, и беспощадно ликвидировали восьмичасовой рабочий день, профсоюзы и все, что было с ним связано.

Рабочие пытаются совершить революцию

Преданные социалистами-оппортунистами, как в партии, так и в профсоюзах, наиболее передозые немецкие рабочие попытались тем не менее совершить социалистическую революцию, которая, казалось, была уже вполне достигаемой. Их открытая борьба против реакции началась всеобщей стачкой в январе 1919 года. Непосредственным поводом к этой борьбе было увольнение начальника берлинской полиции, независимого социал-демократа Эйхгорна. Под руководством коммунистической группы спартаковцев, которая в декабре 1918 года стала Коммунистической партией Германии, рабочие взялись за оружие. Восстание было поддержано также и левым крылом независимых. В несколько дней революционеры заняли в Берлине помещения вокзалов, телеграфных отделений, газовой сети и системы водоснабжения, электростанций и других важнейших предприятий. Революционная борьба перекинулась и на другие города.

Временное правительство социал-демократов, вернее социал-демократической политики спасения капитализма от социализма любой ценой, мобилизовало реакционных отставных офицеров, поставило их под командование социал-демократа предателя Носке и с помощью войск из провинции подавило революционное движение огнем. Вооруженная борьба длилась две недели. Беспощадные действия правительства заставили независимых заявить о своем выходе из состава кабинета, но, будучи, как всегда, людьми революционной фразы, а не дела, они не стали решительно на сторону революционных сил.

В начале марта 1919 года революционные рабочие снова провели всеобщую стачку, стремясь вынудить этим

правительство стать на путь революционных мероприятий. Рабочие требовали ареста Носке, Шейдемана и Эберта, возобновления дипломатических отношений с Советской Россией и освобождения политических заключенных. Забастовка, организованная берлинским Советом, началась 3 марта и стала быстро развиваться. Существенную роль в ней играли коммунисты. Но через неделю она была подавлена войсками под командованием Носке и генерала фон Лютвица. Основным оплотом забастовочного движения был Мюнхен, где рабочие продолжали держаться до 1 мая. Правительство прибегло к кровавым репрессиям против бастовавших рабочих.

Одним из результатов жестоких январских боев было зверское убийство выдающихся коммунистических лидеров Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Люксембург и Либкнехт были схвачены 15 января, когда восстание было подавлено и тысячи рабочих подверглись аресту. Их хладнокровно умертвили, когда они находились на пути в тюрьму под охраной полиции. Так погибли двое крупнейших руководителей мирового рабочего движения. Имена убийц были хорошо известны, но они не понесли кары⁶.

Выборы в Национальное собрание состоялись 21 января 1919 года. Они дали победу буржуазным партиям, которые были представлены на заседании Национального собрания в Веймаре 54 процентами делегатов. Однако это не трезожило правых социал-демократов, которые немедленно связались с капиталистическими лидерами и создали буржуазную республику, к чему они фактически и стремились. Социал-демократы Эберт и Шейдеман как представители крупнейшей партии в стране были избраны председателем и канцлером. На заседаниях Национального собрания капиталисты, еще не оправившись от испуга, много болтали о социализации ключевых отраслей промышленности, но это была лишь дымовая завеса, которая не привела, конечно, ни к чему существенному.

В 1919 году немецкие рабочие безусловно стремились к осуществлению социализма, но они допустили ошибку, доверившись своим псевдосоциалистическим лидерам, изменникам и болтунам. На выборах в Национальное собрание социалисты получили 11 112 450 голосов — большей частью голосов рабочих. Независимые получили

только 2 188 305 голосов, коммунисты же не участвовали в выборах⁷. При такой сильной поддержке правые лидеры в сотрудничестве с капиталистами снова стали укреплять ярмо наемного рабства на шее рабочих. Так было остановлено продвижение социализма в Германии, а затем и во всей Центральной Европе. Капиталисты всех этих стран могли благодарить правых социал-демократов за то, что их общественный строй не был вытеснен социализмом в период великих революционных потрясений после первой мировой войны.

Веймарская республика и капповский путч

Чтобы подавить социалистическую революцию, правые социалисты, как уже говорилось, вновь призвали на военную службу офицерский корпус и наиболее реакционные элементы из старой, сильно дезорганизованной империалистической армии, используя их против революционных рабочих. Это преступление привело к тому, что 12 марта 1920 года войска под командованием генерала фон Лютвица (военного соратника Носке) и под политическим предводительством д-ра Вольфганга Каппа вступили в Берлин, захватили город и создали правительство, поставившее себе целью восстановить монархию. Веймарское правительство, не способное организовать свою самозащиту, бежало в ту же ночь в Дрезден, а затем в Штутгарт. Это был пресловутый «капповский путч».

На карту была поставлена судьба немецкой демократии, и 16 марта президент Эберт обратился к рабочим с отчаянным призывом начать всеобщую стачку. Но, как сообщает Крук, они начали бастовать еще до того, как до них дошел его призыв. Почти мгновенно вся территория Германии была охвачена забастовочным движением. Забастовку поддержали как правые социал-демократы, так и центристы и Коммунистическая партия; к ним примкнула также и буржуазная демократическая партия. В забастовку приняли участие все профсоюзы, в том числе христианские, гиш-дункеровские союзы и даже «желтые». По сообщению Нестрипке, в ней не участвовало только несколько профсоюзов служащих государственного аппарата. 14 марта, за два дня до официального обращения Эберта, всеобщая забастовка была уже в пол-

ном разгаре⁸. Она дала исключительные по своей эффективности результаты.

Генерал фон Лютвиц попытался сломить забастовку воснной силой, но рабочие, охваченные пылом борьбы, не сдавались. 17 марта Капп вышел в отставку и бежал в Швецию, а 18-го ушел в отставку и фон Лютвиц. Забастовка же продолжалась еще несколько дней, причем в Руре рабочие заняли территорию заводов. Революционные рабочие спасли положение, в то время как преступное безумие их лидеров открыло путь для этого опаснейшего наскока реакционнейших сил в Германии.

Победа давала социал-демократам превосходную возможность захватить в свои руки полный контроль над страной, если бы они захотели этого. Но такой курс шел бы вразрез с их общей линией. Поэтому они удовлетворились заключенным от имени профсоюзов соглашением с правительством Эберта, обязавшим его наказать участников капповского путча, осуществить немедленную социализацию некоторых отраслей промышленности, распустить реакционные военные организации и вывести из состава правительства Носке⁹. Лишь немногие из этих требований были выполнены. Берлинские рабочие настояли на добавлении к соглашению еще нескольких, более острых пунктов, и 22 марта забастовка была прекращена.

Тогда веймарское правительство, возглавлявшееся правыми социалистами, пошло на новые преступления. Вместо того чтобы распустить реакционные военные организации, оно набросилось на боевые организации рабочих. Оно видело перед собой только одного врага — коммунистов — и обрушило на них террор. Крук приводит слова социал-демократа Штребеля о том, что правительственные войска и полиция проводили повальные обыски в домах, арестовывали рабочих лидеров; были случаи, когда дела рабочих руководителей передавались в военно-полевые суды, которые приговаривали их к казни. Это была ультрареакционная политика, в духе тех методов, которые двенадцать лет спустя использовал гитлеровский фашизм при захвате власти. В результате капповского путча среди реакционеров в огромной степени вырос престиж Лёгина, ибо не он ли с его профсоюзами спас положение после того, как социал-демократические политические лидеры чуть не погубили все.

Революция в Венгрии

Первая мировая война вызвала бурный рост национально-освободительной борьбы в Центральной Европе, в результате которой народы ряда стран — и среди них народы Польши и Чехословакии — откололись от таких империалистических держав, как Россия, Германия, Австрия и Турция, которые в течение долгого времени держали их в цепях. В различных странах в этом районе имели место народные волнения, как, например, крупные забастовки в Австрии в последний год войны, которые привели к свержению династии Габсбургов 5 октября 1918 года. Возмущенные войной и вдохновленные примером русской революции, рабочие добились бы создания революционного правительства в Австрии, но их социал-демократические руководители, подобно их собратьям в Германии, стремились к установлению буржуазной республики. Именно ее-то рабочие и получили взамен социалистического строя. Быстро растущие австрийские профсоюзы в военные и послевоенные годы провели целый ряд забастовок.

Единственной страной, где рабочее движение переросло в пролетарскую революцию, оказалась Венгрия. Октябрьская буржуазная революция в 1918 году была осуществлена главным образом профсоюзами, насчитывавшими в то время примерно 721 437 человек. В декабре 1918 года была создана Коммунистическая партия. Крайнее обнищание масс, их политический революционный подъем привели к тому, что рабочие свергли 21 марта 1919 года капиталистическое правительство Карольти и установили диктатуру пролетариата. Руководящей силой в этом движении была социалистическая партия. Новое правительство возглавил коммунист Бела Кун.

Рабочее правительство просуществовало только до августа. Против него выступили правые социалисты Вены и их единомышленники в Венгрии. Правительство Куна сменилось правительством социал-демократов, но и оно было сметено наступлением объединившихся для этой цели реакционных румынских, чехословацких и французских войск. Предательство революции в Германии правыми социал-демократами оказало пагубное влияние на революционное движение в Австрии и Венгрии и фактически заранее обрекло его на гибель.

ВОЛНА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА ВО ВСЕМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ МИРЕ

(1918—1921)

Годы после первой мировой войны ознаменовались во всем мире огромным подъемом в мировом движении рабочего класса, измученного войной и вдохновленного на борьбу примером русской революции. В ряде стран это широкое наступление рабочего класса переросло в революционные выступления против капиталистического строя, во многих других странах оно выразилось в забастовках, небывалых по своему размаху и боевому подъему масс. За исключением России, везде наблюдалась одна и та же картина. Пролетариат рвался к борьбе, а бюрократы, принадлежавшие к правому крылу, старались прийти к соглашению с капиталистами и буржуазным государством с целью ослабить и предать борьбу пролетариата; левое же крыло было еще недостаточно сильным, чтобы обеспечить руководство боевыми действиями пролетариата. Весь этот период завершился мощным контрнаступлением международного капитализма.

Зарождение итальянского фашизма

Кроме стран, о которых говорилось в двух предыдущих главах, в первые годы после войны центром самой ожесточенной революционной борьбы была Италия. Крайнее недовольство масс достигло своего апогея в момент всеитальянской забастовки 500 тысяч металлистов в сентябре 1920 года. Не добившись удовлетворения своих требований о повышении заработной платы, рабочие стали бороться, применяя политику обструкции на заводах; предприниматели ответили на это угрозой общего локаута; тогда рабочие организовали всеобщую «сидячую» забастовку. Подняв на заводских зданиях красные флаги, революционные рабочие вооружились и заняли все сталелитейные, чугунолитейные, машиностроительные и металлургические заводы в Италии. Весь итальянский рабочий класс и основная масса крестьянства стали на сторону бастующих. Рабочие были готовы к революционным действиям; внезапное наступление пролетариата парализовало правительство Джоллити и сделало его бес-

сильным. Настало время для итальянской социалистической революции¹.

В момент величайшего кризиса итальянского капитализма оппортунисты из социал-демократической партии, которые, как и во всех других капиталистических странах мира, возглавляли в Италии руководство в социалистической партии и в профсоюзах, пришли на помощь капиталистам. На совместном заседании Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) и социалистической партии, состоявшемся 9 сентября, левые элементы потребовали переключить рабочее движение на борьбу за власть, но верховодившие группировки Турати, Серрати и д'Арагона отвергли это предложение, выдвинув другое — об урегулировании развязавшейся острой борьбы на базе удовлетворения требований профсоюзов². Правительство приняло это предложение и в ответ на директивы профсоюзов о прекращении забастовки сделало им некоторые небольшие уступки, большинство которых так и не было осуществлено на практике.

Это опять-таки было предательством по немецкому образцу, последствия которого были губительными. Число членов ВКТ, увеличившееся с 249 039 в 1918 году до 2 320 163 в 1920 году, стало катастрофически падать. Среди рабочих, надеявшихся на осуществление революции, воцарился полный хаос. Воспользовавшись замешательством и разочарованием рабочих, предприниматели начали беспощадное контрнаступление, которое в 1922 году привело к переходу власти в руки Муссолини, установлению фашистской диктатуры и уничтожению профсоюзного движения. Это трагическое поражение явилось результатом действий реформистского социалистического руководства. Созданная в январе 1921 года Коммунистическая партия, генеральным секретарем которой был талантливый Антонио Грамши, не была еще достаточно сильной, чтобы предотвратить эту катастрофу, имевшую роковые последствия не только для итальянского пролетариата, но и для рабочего движения во всей Европе³.

Наступление и контрнаступление во Франции

В послевоенные годы численность Всеобщей конфедерации труда Франции (ВКТ), как и других рабочих организаций во всем мире, значительно увеличилась, что

являлось отражением роста боевых настроений пролетариата. Число членов ВКТ поднялось с 400 тысяч в 1912 году до 1 200 тысяч в 1918 году и 2 миллионов к концу 1919 года. Рабочие рассчитывали, что после разрушительной войны им удастся добиться улучшения условий своего существования. Во время войны капиталисты во Франции, как и во всех других странах мира, сушили рабочим всякие блага в послевоенный период. Подобно профсоюзам большинства стран, ВКТ приняла на съезде, состоявшемся в Лионе в сентябре 1918 года*, программу «реконструкции». Франция, потерявшая 1 300 тысяч убитыми и 4 500 тысяч ранеными, серьезно пострадала в результате войны. Центральным пунктом принятой ВКТ программы была «национализация под контролем производителей и потребителей главных отраслей современной экономики; сухопутного и водного транспорта, рудников, нефти, крупных кредитных организаций»⁴. Для руководства работой промышленности должен был быть создан Экономический совет труда. В соответствии с реформистскими настроениями правых лидеров ВКТ все это предстояло осуществить путем мирных политических действий.

И все же забастовочное движение начало разворачиваться. Забастовки происходили главным образом на железных дорогах и достигли высшей точки в мае 1920 года, когда началась крупная всеобщая забастовка. Основным требованием забастовщиков была национализация железных дорог. В то время во французском рабочем движении существовал глубокий раскол, который уходил своими корнями еще в период предательства, совершенного в 1914 году. Революционное меньшинство, возглавлявшееся Гастоном Монмуссо и другими лидерами, большая часть которых впоследствии стали коммунистами, стояло за решительную борьбу, тогда как лидеры типа Жуо, Дюмолена и Мергейма, в прошлом анархосиндикалисты, теперь сделались типичными социал-демократическими реформистами, проводя соответствующую линию на практике. Движение за проведение забастовки завершилось всеобщей стачкой железнодорожников, начавшейся 1 мая. Действуя в соответствии с планом, ВКТ

* Автор, повидимому, спутал даты: Лионский съезд ВКТ происходил в сентябре 1919 года. (*Прим. ред.*)

поддержала эту стачку тремя последовательными волнами забастовок металлистов, строителей, транспортных рабочих, докеров, горняков, рабочих газовых заводов и рабочих других профессий; забастовки продолжались в течение десяти дней.

Но это стачечное движение потерпело жестокое поражение. Забастовка не имела большого эффекта, и 22 мая она была прекращена без всяких условий. Основной причиной ее провала явилось то обстоятельство, что реформистское руководство, которое втайне было против всего этого движения, абсолютно не обеспечило организацию и подготовку рабочих для серьезной борьбы⁵. Левое крыло, большинство лидеров которого было арестовано в самом начале забастовки, было недостаточно сильным, чтобы довести забастовку до конца в этих условиях. В результате разыгравшейся катастрофы ВКТ в течение года потеряла свыше двух третей своих членов; ее численность сократилась до 600 тысяч человек, а в конце 1921 года произошел полный раскол на правое и левое крыло; к этому мы еще вернемся ниже.

Провал английского Тройственного союза

Английские рабочие были втянуты в войну в 1914 году, как раз в то время, когда они были заняты укреплением своего Тройственного союза, состоящего из 2 миллионов горняков, железнодорожников и транспортных рабочих. Боевое настроение рабочих, а также активность движения фабрично-заводских старост вызвали бурный рост профсоюзного движения. В 1914 году общая численность английских профсоюзов, как объединенных, так и самостоятельных, достигала примерно 4 миллионов человек; в начале 1919 года она увеличилась до 6 500 тысяч человек, а к концу 1920 года — до 8 344 тысяч человек⁶. Число избирателей, голосовавших за лейбористов, также увеличилось в 1918 году до 2 375 тысяч человек. Как и немецкая и французская федерации, Британский конгресс трудящихся провел в 1919 году реорганизацию, необходимость в которой возникла в связи с большим наплывом новых членов. Наиболее существенным моментом этой реорганизации явился переход от слабого в организационном отношении Парламентского комитета в составе

10 человек к более централизованному Генеральному совету в составе 32 человек с 17 производственными отделами.

Как и в других странах, английские рабочие, полные боевого духа, имели в послевоенный период ряд столкновений с предпринимателями. Но политические и профсоюзные лидеры, социал-демократы, как и их собратья в Германии, Италии, Франции и в других странах, стремились не к борьбе со своими капиталистическими компаньонами военного времени, а к сотрудничеству с ними. Чтобы добиться этого сотрудничества, они были готовы пойти на самое крайнее предательство рабочего класса, как это делали правые социал-демократы во всех странах.

Первой крупной послевоенной забастовкой явилась успешная забастовка рабочих судостроительной промышленности в районе реки Клайд в январе 1919 года. В сентябре за ней последовала успешная, хотя и кратковременная всеанглийская забастовка железнодорожников. Вскоре после этого, в середине октября, началась общенациональная забастовка шахтеров, требовавших увеличения заработной платы и национализации угольной промышленности. Забастовка охватила миллион рабочих. Горняки обратились за активной поддержкой к своим союзникам по Тройственному союзу — транспортным рабочим и железнодорожникам, что явилось решающим испытанием для этой широко рекламированной организации. Предприниматели, заранее предвидевшие перспективы такой борьбы, еще в 1916 году объединили свои силы в Федерацию британской промышленности, и правительство Ллойд Джорджа дало понять, что оно не поколеблется применить войска для подавления забастовки, организованной Тройственным союзом. Несмотря на готовность рабочего класса к борьбе, руководство транспортных рабочих и железнодорожников из Тройственного союза пошло на попятную. На обращение шахтеров об оказании им активной помощи в забастовке эти руководители ответили отказом. Хатт говорит по этому поводу: «Лидеры профсоюзов железнодорожников и транспортных рабочих уклонились от забастовки солидарности и ограничили ролью миротворцев»⁷. Сначала они дважды переносили дату забастовки, а затем окончательно отказались от ее проведения, утверждая, что якобы шахтеры

добились урегулирования конфликта. Это была «черная пятница» — один из самых мрачных дней в истории английского рабочего движения.

Так, в результате гнусного предательства со стороны оппортунистических лидеров бесславно закончил свои дни хваленый Тройственный союз, от которого английские рабочие ожидали великих результатов. Шахтерам пришлось в течение тринадцати недель сражаться в одиночку, и вопрос был урегулирован самым неудовлетворительным для них образом. Во всем рабочем движении царил хаос и возмущение циничным предательством руководства Тройственного союза. Эта предательская политика стоила английскому профсоюзному движению потери 2 миллионов членов в ближайшие же несколько лет, а к концу 1921 года заработная плата более чем 6 миллионам английских рабочих была снижена в среднем на 8 шиллингов в неделю⁸.

Во всех других странах Европы в первые послевоенные годы в результате огромного влияния русской революции наблюдался быстрый рост профсоюзного движения и борьбы рабочего класса. В Польше, которая только что обрела свою независимость, в 1920 году состоялся первый Всепольский съезд профсоюзов, на котором в общей сложности было представлено около миллиона членов социал-демократических, национальных и христианских профсоюзов. В Чехословакии, тоже только что добившейся независимости, число членов профсоюзов стремительно возросло — с 161 247 в 1918 году до 727 055 в 1920 году. В Югославии, где в 1920 году произошли две всеобщие забастовки, общее число членов профсоюзов достигало почти 180 тысяч. Численность австрийских профсоюзов в 1920 году составляла 940 тысяч человек, то есть на 700 тысяч человек больше, чем в 1914 году. В Венгрии число членов профсоюзов в январе 1918 года составляло 100 тысяч, а в июне 1919 года оно повысилось до 800 тысяч человек. Аналогичный рост профсоюзного движения, несмотря на ожесточенное противодействие предпринимателей, наблюдался в Испании, Голландии, Бельгии и Скандинавских странах. В тот период в большинстве этих стран были основаны коммунистические партии, которые стали мощным фактором бурного роста профсоюзного движения.

Послевоенная борьба в странах американского континента

В период войны рабочие США и Канады, не особенно считаясь с **н**уждами империалистической войны, проводили боевую политику забастовок и организации рабочего движения. К концу войны эта политика приобрела резко наступательный характер. Она ставила целью добиться повышения заработной платы, которая сильно упала во время войны. Но здесь рабочим пришлось столкнуться с мощными организациями монополистов, которые стремились обеспечить себе условия «открытого цеха» и были полны решимости ликвидировать все успехи рабочих в отношении их самоорганизации, сделанные рабочими во время войны (число членов АФТ увеличилось с 2 020 671 человека в 1914 году до 4 078 740 в 1920 году).

В результате этой политики по Америке прокатилась величайшая в истории волна массовых забастовок. Забастовки происходили почти во всех отраслях промышленности, и в каждой из них профсоюзы, как входившие так и не входившие в АФТ, вели жестокую борьбу за свое существование. Больше всех пострадали такие отрасли промышленности, как сталелитейная, мясная, мясоконсервная, лесная, угольная, горнорудная, железнодорожный транспорт, текстильная, металлургическая, строительная, швейная, типографская промышленность и т. п. Начиная с 1918 года и до 1922 года, капитализм проводил грандиозную кампанию, имевшую целью полностью уничтожить американское профсоюзное движение или нанести ему такой удар, от которого он не смог бы уже оправиться. Размах этой кампании еще ярче выявился во время циклического экономического кризиса в 1921 году. Борьба эта со стороны рабочих достигла высшей точки во время проведения местных всеобщих забастовок в Сиэттле (в феврале 1919 года), в Виннипеге (в мае 1919 года) и общенациональной стачки в сентябре 1919 года, в которой участвовало 637 тысяч рабочих сталелитейной промышленности. В нетрестированной промышленности профсоюзы выдержали оказывавшийся на них напор, но в трестированной промышленности почти все забастовки были подавлены. С 1920 по 1924 год АФТ потеряла 1 212 941 члена, или около 30 процентов всего ее состава⁹,

а профсоюзы лишились своих и без того непрочных позиций в ряде ведущих отраслей промышленности.

В условиях этого крупного контрнаступления представителей монополистического капитала реакционные лидеры АФТ дошли до самого низкого предательства рабочего класса. Они открыто саботировали важнейшие забастовки этого периода: систематически удерживали членов своих собственных цеховых профсоюзов от стачек, в то время как другие профсоюзы данной отрасли промышленности вели отчаянную забастовочную борьбу; они цинично отвергали все предложения о слиянии профсоюзов и о создании единого фронта против наступавшего врага; их политика была политикой отступления под девизом «Каждый за себя и к черту остальных»; они с позором отступили перед натиском предпринимателей, и итогом всей этой деятельности была их полная капитуляция в 1922 году, когда они приняли так называемый план «Балтимора — Огайо», вызвавший широкие отклики во всем мире. К этому моменту мы еще вернемся ниже.

В странах Латинской Америки под влиянием таких двух событий, как первая мировая война и русская революция, также происходили многочисленные забастовки и значительный рост профсоюзного движения (см. главу 18). Как всегда, предприниматели и правительство ответили на эти забастовки вооруженным насилием. Характерными событиями этого периода были: убийство 1 500 бастовавших рабочих Буэнос-Айреса (Аргентина) в январе 1919 года и 2 тысяч рабочих в Патагонии в июне 1921 года; кровавая резня, в результате которой было убито 3 тысячи рабочих, участвовавших в забастовке в селитровой промышленности в Чили в июне 1925 года; убийство 500 забастовщиков в ноябре 1925 года в Эквадоре и убийство 1 500 рабочих банановых плантаций агентами «Юнайтед фрут компани» в Колумбии в декабре 1928 года¹⁰. Всего активнее действовали профсоюзы в Мексике, где они продолжали играть существенную роль в мексиканской революции. В это время в большинстве латиноамериканских стран возникли коммунистические партии, которые явились одним из важнейших факторов, определивших рост молодого профсоюзного движения. В Аргентине, Чили и т. д. было несколько отдельных организаций социалистической партии, но они

были немногочисленны, слабы и не имели большого влияния.

Молодые профсоюзы стран Латинской Америки, полные сильных антиимпериалистических настроений, готовились к серьезной борьбе против ненавистного «северного колосса» — Соединенных Штатов, против империализма янки. С целью противодействия этому движению гомперсовские лидеры АФТ создали в 1918 году в Ларедо (штат Техас) Пан-американскую федерацию труда (ПАФТ). Эти агенты американских монополий стремились захватить в свои руки контроль над рабочим движением в Латинской Америке, но профсоюзы латиноамериканских стран видели в ПАФТ именно то, чем она и была, — орудие империализма США. Цинично прикрывая и защищая грубую агрессию США против латиноамериканских стран, ПАФТ дотянула до 1930 года, созвав за это время пять всеамериканских съездов. Достоверные статистические данные о численном составе рабочих организаций того времени в Латинской Америке отсутствуют, но во всех этих странах, за исключением революционной Мексики, где профсоюзы насчитывали около 2 миллионов членов, число членов профсоюзов было невелико.

Развитие профсоюзного движения в Азии

Из главы 18 известно, что, несмотря на забастовки, происходившие в ряде стран, до первой мировой войны профсоюзное движение в Азии было еще очень слабым повсюду, за исключением Японии и в значительно меньшей степени Филиппин. Но после войны картина резко изменилась, в особенности под влиянием русской революции 1917 года. Революция 1905 года в России послужила стимулом для развития национально-освободительного движения и борьбы рабочего класса во всей Азии, а Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года явилась огромным толчком, вдохновившим народы Азии на усиление этой борьбы. Ее влияние в этом отношении особенно сильно сказалось потому, что основанный в 1919 году Коммунистический Интернационал с самого начала придавал особое значение развитию профсоюзного и национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах.

В Японии, как почти во всех других странах, война вызвала огромное расширение промышленности, сопровождавшееся соответствующим ростом рабочего класса и резким снижением жизненного уровня. В период с 1914 по 1919 год количество фабрик и заводов в Японии увеличилось с 17 тысяч до 44 тысяч, а число промышленных рабочих — с 854 тысяч до 1 777 тысяч¹¹. В 1914 году там произошло 50 забастовок, а в 1918 году количество забастовок достигло 417. Русская революция глубоко всколыхнула весь рабочий класс Японии. Развивавшаяся в стране борьба народных масс достигла высшего предела в августе 1918 года, когда по всей стране вспыхнул «рисовый бунт», который Э. Латтимор назвал «величайшим восстанием японского народа в истории нашего столетия». В нараставшем массовом движении приняли участие студенты и крестьяне. В 1920 году в стране впервые праздновался день 1 Мая. В 1921 году старое Братское общество (Юай-Кайт) — профсоюз, ставивший своей задачей классовое сотрудничество, организацию взаимопомощи, — созданное в 1912 году консерватором Бундзи Судзуки, было реорганизовано в Японскую федерацию труда. К 1923 году общая численность членов профсоюзов в Японии достигла примерно 125 тысяч, причем в крупных центрах были созданы местные советы профсоюзов. Первая национальная крестьянская федерация была основана в 1922 году. Профсоюзное движение, как правило, разрывалось в условиях жестоких полицейских репрессий¹². В 1922 году была создана японская Коммунистическая партия, которая сразу же стала играть важную роль в развитии молодого профсоюзного движения. Она была немедленно запрещена правительством.

В американской колонии Филиппинах, которые до первой мировой войны являлись вторым, хотя и небольшим центром профсоюзного движения в колониальных странах Азии, разрозненные профсоюзы объединились в мае 1919 года в Филиппинскую федерацию труда, число членов которой достигало около 100 тысяч. В Индии во время войны наблюдалось значительное расширение промышленности и соответственно этому рост рабочего класса. В 1914 году общее количество промышленных рабочих (за исключением шахтеров и железнодорожников) составляло 951 тысячу, а к 1922 году оно повысилось до 1 361 тысячи человек. Трудящиеся массы Индии жили и

работали в кошмарных условиях, и рабочие, вдохновленные примером русской революции, все чаще становились на путь организованных действий. Датт указывает, что вторая огромная волна борьбы широких масс в Индии относится к периоду с 1919 по 1922 год: «Первая мировая война, которая нанесла тяжелый удар всему империализму и открыла путь для революционной волны, прокатившейся по всему миру в 1917 и последующие за ним годы, положила начало этому массовому повстанческому движению в Индии»¹³. Далес он пишет: «В последние месяцы 1918 года и первые месяцы 1919 года в Индии развернулось забастовочное движение, достигшее невиданных в Индии масштабов». Правительство ответило на эту борьбу жестокими репрессиями. Так, во время массовых расстрелов в связи с забастовкой в Амритсаре было убито 379 человек и ранено 1 200. За первое полугодие 1920 года состоялось 200 забастовок, в которых участвовало 1 500 тысяч рабочих.

Председатель Всеиндийского конгресса профсоюзов С. Данге следующим образом описывает положение дел в рабочем движении в это время: «До 1921 года в Индии не было коммунистов, а до 1934 года — социалистов ни в виде отдельных группировок, ни в виде партии. Ни профсоюзов, ни центральных органов рабочего класса до 1918 года в жизни Индии не существовало. Всеиндийский конгресс профсоюзов был основан в октябре 1920 года, но не для того, чтобы координировать деятельность профсоюзов, а главным образом с целью избрания «представителей рабочих» в Международную организацию труда, созданную в 1919 году. Однако вновь основанный Всеиндийский конгресс профсоюзов сразу же начал играть роль главного профсоюзного органа»¹⁴. Первые реальные успехи в работе профсоюзов относятся к 1927—1930 годам. Достоверные данные о численности профсоюзов на этой первоначальной стадии движения отсутствуют, но она была невелика. Возглавлявшаяся Ганди партия Индийский национальный конгресс в общем положительно относилась к профсоюзному движению, но не оказала ему почти никакой реальной поддержки. Оно также не получило никакой существенной помощи и от английских профсоюзов с их консервативным руководством. Действительными зачинателями профсоюзного движения в Индии были коммунисты.

Профсоюзное движение в Китае, главным образом под влиянием русской революции 1917 года, также сделало значительный шаг вперед. В этот период произошел целый ряд забастовок. Так, Ху Чжао-му говорит: «Китайский рабочий класс впервые продемонстрировал свою мощь в 1919 году, во время забастовки 4 мая, и начал развиваться под влиянием идей марксизма-ленинизма. Рабочие Шанхая, Таншани и Чэншаньдзяо впервые в истории Китая организовали политическую забастовку, внося этим свой вклад во всенародную антиимпериалистическую борьбу»¹⁵. Друг Ленина Сунь Ят-сен, возглавлявший в то время революционное движение китайского народа, поддерживал организацию профсоюзов.

В Китае, как и во всех странах Азии, зачинателями профсоюзного движения явились коммунисты. В июле 1921 года Мао Цзэ-дун и несколько других лидеров создали Коммунистическую партию на базе ранее существовавших в стране марксистских группировок. Партия немедленно занялась вопросом создания профсоюзов, считая это одной из важнейших сторон своей деятельности. Хотя на 450 миллионов населения страны приходилось всего лишь миллион промышленных рабочих, Мао Цзэ-дун и его соратники понимали, что рабочий класс неизбежно станет ведущей силой в развертывавшемся в стране национально-освободительном движении.

Первый Всекитайский съезд профсоюзов состоялся в мае 1922 года в Кантоне. На нем присутствовало 162 делегата, представлявшие 300 тысяч рабочих из 200 союзов двенадцати городов. Как отмечает Латтимер, заслуживает внимания то обстоятельство, что съезд был созван по инициативе секретариата Коммунистической партии по вопросам труда¹⁶. Принятая съездом резолюция требовала установления восьмичасового рабочего дня, организации профсоюзов по производственному, а не цеховому признаку, оказания взаимопомощи при забастовках и создания постоянной федерации профсоюзов¹⁷. Как мы увидим ниже, в последующие несколько лет китайское профсоюзное движение под руководством Коммунистической партии стало развиваться очень быстрыми темпами. За это время произошел ряд крупных забастовок. Профсоюзы сыграли чрезвычайно важную роль в быстро развивавшемся революционном антиимпериалистическом движении китайского народа.

Рост мирового профсоюзного движения (1914—1921)

Несмотря на все предательство профсоюзных лидеров правого крыла, господствовавших почти во всех капиталистических странах, мировому рабочему движению удалось добиться значительного роста численности профсоюзов с 1914 года (первого года войны) до 1921 года, ознаменовавшего собой конец широкого послевоенного наступления пролетариата. Статистические данные за этот период вряд ли достоверны, но Лорвин считает, что в 1913 году общее число членов профсоюзов составляло 15 миллионов, а в 1920 году — 45 миллионов¹⁸. В период с 1920 по 1922 год численность членов профсоюзов снова сократилась примерно на 25 процентов. В общих цифрах, приводимых Лорвином, следует отметить также 3 367 400 членов христианских профсоюзов (согласно данным, зарегистрированным на их Гаагском конгрессе в 1920 году); в это число входят все члены христианских профсоюзов в Германии, Бельгии, Голландии, Франции, Австрии, Чехословакии, Италии, Венгрии и Испании.

Согласно данным за 1920 год численность крупнейших национальных групп профсоюзов, входивших в соответствующие национальные центры, составляла: в Германии — 8 500 тысяч человек, Великобритании — 6 500 тысяч, Советской России — 5 200 тысяч, Соединенных Штатах — 4 500 тысяч, Италии — 2 300 тысяч, Франции — 1 500 тысяч, Польше — 1 миллион, Австрии — 800 тысяч, Чехословакии — 750 тысяч, Бельгии — 700 тысяч и Австралии — 650 тысяч человек¹⁹.

В течение этих лет профсоюзам удалось организовать значительное число женщин, сельскохозяйственных рабочих и «рабочих в белых воротничках». В 1920 году число женщин в профсоюзах капиталистических стран согласно подсчетам достигало 2 500 тысяч, и в МФП на правах коллективного членства входил Международный конгресс трудящихся женщин. В августе 1920 года по инициативе МФП в Амстердаме был создан международный съезд сельскохозяйственных рабочих, на котором было представлено около 2 миллионов организованных рабочих. В то время сельскохозяйственные рабочие играли очень важную роль в рабочем движении Советской России, Германии, Италии, Испании, Балканских стран и некоторых колониальных стран. Германия являлась

лучшим примером успешной организаторской работы среди «рабочих в белых воротничках» — учителей, инженерно-технических работников, канцелярских и торговых служащих и т. д.; 700 тысяч немецких служащих были членами 12 немецких социал-демократических союзов, которые стали называться • после их реорганизации в июне 1919 года Всеобщим немецким рабочим союзом. Все эти цифры показывают значительный рост мирового рабочего движения по сравнению с 1914 годом.

Глава 30

РЕОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ

(1919—1920)

После кровавой бойни первой мировой войны перед правящим классом империалистов встали три важные и срочные задачи: а) остановить, а если возможно, то и отбросить назад пролетарскую революцию, угрожавшую самому существованию мирового капитализма; б) постараться снова как-то укрепить свой экономический и политический строй, сильно ослабленный войной, и в) закрепить победу англо-франко-американо-японских империалистов. В осуществлении этих задач принимали большое участие также и партнеры империалистов по войне — правые социал-демократы всех стран.

Лига Наций

Главным орудием, изобретенным победителями для достижения своих империалистических целей, явилась Лига Наций. Основы проекта создания Лиги Наций, главным инициатором которого был президент Вудро Вильсон, были включены в Версальский договор — «грабительский мир», как назвал его Ленин. Мирный договор, подписанный в июне 1919 года, возлагал всю ответственность за войну исключительно на Германию и ее союзников, передавал Эльзас-Лотарингию обратно Франции, лишал Германию остальных принадлежавших ей территорий в Европе, отнимал у нее все заморские колонии и возлагал на нее бремя колоссальных военных репараций.

Таким образом, этот договор посеял семена второй мировой войны: Гитлер нашел в условиях Версальского договора превосходную платформу для усиления ярого национализма и фашизма.

В течение всего периода существования Лиги Наций, до 1939 года, когда началась вторая мировая война, она была не более чем орудием соблюдения интересов победивших союзников. Ее претензии на роль организации, стремящейся обеспечить мир во всем мире, были всего лишь ширмой, как это с трагической ясностью показал ход событий. С первого момента своего существования Лига Наций проводила резкую антисоветскую линию. Лигу изнутри контролировали Англия и Франция, а ими управляли Соединенные Штаты. Если США и отказывались официально вступить в Лигу Наций, то главным образом потому, что, по мнению американских монополистов, это связало бы им руки.

Ленин и большевики разоблачали Лигу Наций как орудие империализма, но ревизионисты из социал-демократии восхваляли ее и с начала до конца оказывали ей полную поддержку. Прокапиталистические и антисоветские установки Лиги полностью соответствовали их собственной линии. По существу, неприглядную деятельность Лиги Наций в значительной мере определяли многочисленные социал-демократы, возглавлявшие или представлявшие европейские капиталистические правительства в этом органе на всем протяжении его существования.

Международная организация труда

Международная организация труда (МОТ) как часть Лиги Наций была создана на широкой конференции, состоявшейся в Вашингтоне в октябре 1919 года. Во главе ее стал имеющий печальную известность правый социалист Альбер Тома. МОТ, строившаяся на тройственной основе: участия в ней представителей предпринимателей, правительства и рабочих,— что являлось прочной гарантией против радикальных действий со стороны рабочих, и твердо намеревавшаяся, конечно, сохранить капиталистический строй, была основана с целью препятствовать революционным настроениям пролетариата. С самого начала своей деятельности МОТ сталкивалась с резкой оппозицией со стороны левых элементов, но она всегда

была любимицей реформистов из социал-демократических партий.

МОТ пережила развал Лиги Наций и продолжает существовать и поныне в качестве одной из секций Организации Объединенных Наций. Ее центральный аппарат находится в Женеве, но она ежегодно созывает конференции в различных частях мира. Обычно в работе этих конференций принимает участие большое число представителей соответствующих правительств, ассоциаций предпринимателей и профсоюзов. Представители рабочих выделяются для участия в этих конференциях правительствами. На протяжении всего периода своего существования эта организация прочно оставалась в руках агентов монополистического капитала, и откуда бы ни подул революционный ветер, МОТ всегда придерживалась своего первоначального курса на противодействие революционным выступлениям рабочего класса во имя иллюзорных реформ.

МОТ занимается многими проблемами, представляющими интерес для рабочего класса, как, например, сокращением рабочего дня, охраной женского и детского труда, социальным страхованием, борьбой с несчастными случаями на производстве и т. д. Ее практика заключается в том, что она в порядке консультации принимает по этим вопросам «конвенции» или «рекомендации». До 1952 года было принято примерно 198 таких резолюций¹. Но лишь очень немногие из них были приняты как законы и проведены в жизнь предпринимателями и правительствами различных стран. Суммируя итоги работы МОТ, один из представителей советского профсоюзного движения говорит, что «принималось немало резолюций, которые на деле, однако, оставались лишь благими пожеланиями»².

Возрождение Второго Интернационала

1919 год был годом, когда капитализм, мобилизуясь для борьбы, создал несколько новых международных организаций с целью восстановления своего потрепанного войной строя. Одним из его важнейших достижений в этом смысле явилась реорганизация Второго Интернационала, который полностью развалился в самом начале первой мировой войны. Второй Интернационал оказал капита-

лизму огромную услугу, сломив в сентябре 1914 года сопротивление рабочих войне. Входившие в него во время войны партии также несли верную службу, стараясь удерживать рабочих в подчинении у империалистов, чтобы их можно было использовать как пушечное мясо для кровавой бойни. Теперь возрожденный Второй Интернационал должен был помочь капиталистам восстановить их систему и, что было особенно важно, противодействовать революционной угрозе со стороны рабочего класса. Второй Интернационал сразу же целиком посвятил себя выполнению этих послевоенных задач.

Второй Интернационал был восстановлен на Конгрессе в Берне в феврале 1919 года, на котором присутствовало 102 делегата из двадцати шести стран, причем левые организации России, Италии, Швейцарии, Польши, Болгарии, Румынии, Сербии, Финляндии и Латвии демонстративно отсутствовали; не были также представлены Интернационал молодежи и Женский секретариат. Бельгийская социалистическая партия и АФТ отказались принять приглашение на конгресс ввиду присутствия на нем представителей «вражеских» партий.

Повестка дня Бернского конгресса в основном отражала работу происходившей одновременно с ним мирной конференции империалистов в Версале. Большинство делегатов, присутствовавших на конгрессе, возлагало ответственность за войну на немцев и критиковало немецкую партию за катастрофу 1914 года. Они полностью поддерживали идею создания Лиги Наций, высказывались в пользу принципа самоопределения наций, что, впрочем, отнюдь не отражало их истинной точки зрения. В основном немецкие социал-демократы занимали враждебную позицию по отношению к Советской России, но ввиду того, что массы оказывали сильную поддержку первой Социалистической республике, им приходилось в этом вопросе действовать осторожно, и они целиком передали его на рассмотрение следующего конгресса. Было восстановлено Международное бюро социалистических партий с центром в Брюсселе; секретарем его был избран Камилл Гюисманс.

Центристы — Каутский, Ледебург, Лонге и К° — присутствовали на Бернском конгрессе. Но они должны были играть особую роль, заключающуюся в том, чтобы отвлекать трудящиеся массы от революционных действий;

поэтому в феврале 1921 года они создали Венский, или Двухсполовинный Интернационал. Однако это был лишь кратковременный спор между кровными братьями, и после двухлетнего самостоятельного существования центристы и созданный ими Интернационал вернулись в лоно Второго Интернационала.

Реорганизация Международной федерации профсоюзов

Другой, созданной в бурный 1919 год организацией, придерживавшейся капиталистической ориентации, являлась Международная федерация профсоюзов, которая как мы видели, также распалась в период первой мировой войны. Первый шаг к восстановлению МФП был сделан в Берне в феврале 1919 года на совещании профсоюзных лидеров. Однако там мало что было сделано, если не считать споров по поводу того, на ком и каким образом лежит ответственность за войну. Единственным их реальным достижением было постановление созвать в июле 1919 года в Амстердаме Международный конгресс профсоюзов. Одновременно проводилась работа по восстановлению международных профсоюзных секретариатов в том виде, в каком они существовали до войны.

На Амстердамский конгресс, первый профсоюзный международный конгресс в истории мирового рабочего движения, съехались 91 делегат из четырнадцати стран, представлявшие 17 740 тысяч организованных рабочих. На конгрессе присутствовали делегаты Англии, Германии, Соединенных Штатов, Франции, Австрии, Чехословакии, Голландии, Бельгии, Швеции, Дании, Норвегии, Люксембурга, Швейцарии и Испании. Характерно, что на нем отсутствовали профсоюзы Советской России и стран Восточной Европы. Колониальные страны также абсолютно не были представлены. Делегатов на конгресс прибыло только примерно 50 процентов общего числа членов профсоюзов во всех странах мира. Эти факты доказывали наличие действительного раскола в мировом профсоюзном движении вследствие предательского поведения социал-демократов во время первой мировой войны и русской революции.

Конгресс воссоздал МФП на новой основе. С 1901 по 1914 год (см. главу 19) этот орган фактически су-

ществовал лишь в зачаточном состоянии: без устава, без съездов, без массового представительства и с чрезвычайно ограниченными функциями. Однако после реорганизации он пошел по новому пути, взяв на себя, в частности, задачу разрешения целого ряда экономических и политических проблем. Такая линия явилась отражением революционных настроений пролетариата в течение этих лет и настойчивых требований масс о создании настоящего профсоюзного Интернационала. Рабочие вынуждали своих бюрократических социал-демократических лидеров волей-неволей идти на создание такого органа хотя бы для профформы.

В Амстердаме МФП впервые выработала настоящий устав. Этот устав предусматривал создание бюро в составе 5 членов, которое должно было собираться ежемесячно, и руководящего комитета бюро в составе еще 10 человек, которые должны были собираться два раза в год. Председателем был избран представитель Англии У. Эпплтон (его сменил на этом посту Дж. Томас, который вскоре после этого сыграл главную роль в развале Тройственного союза в Англии), заместителями председателя были избраны представитель Франции Леон Жюо и представитель Бельгии К. Мертенс. Гомперс не мог быть избран на руководящий пост, так как АФТ еще не примкнула официально к МФП после ее реорганизации. Секретарями были избраны голландцы Ян Удегест и Эдо Фиммен. Местопребыванием МФП был избран Амстердам — отсюда название «Амстердамский Интернационал», под которым МФП стала широко известна впоследствии.

В довоенные годы работа МФП, секретариат которой находился в Берлине, проводилась под строгим контролем бюрократического аппарата Легина. Такое положение отражало гегемонию немецкой социал-демократии во Втором Интернационале в целом, с момента его основания в 1889 году до начала первой мировой войны в 1914 году. Но в новую эру, открывшуюся для мирового рабочего движения, дело должно было принять другой оборот. Центральные державы проиграли войну; поэтому в представлении обуржуазившихся социал-демократических профсоюзных чиновников из стран Антанты профсоюзы центральных держав потеряли руководящее положение, которое они ранее занимали в Интернацио-

нале. Как говорит Лозовский: «Победа союзников, которая привела к разгрому Германии, привела и к падению Легина»³.

В момент выбора руководства МФП проявился весь узконациональный шовинизм социал-демократических лидеров. Легин, как националист, признавал буржуазную логику, заключавшуюся в том, что, будучи представителем побежденной страны, он не должен возглавлять профсоюзный Интернационал. Но он все же выступил с настойчивым требованием о предоставлении ему поста первого заместителя председателя, и когда этот пост был поручен Жуо, он отказался принять пост второго заместителя председателя⁴.

МФП контролировали англичане и французы; такое положение сохранилось вплоть до начала второй мировой войны.

Прокапиталистическая программа МФП

Профсоюзные лидеры, верховодившие во Втором Интернационале, до первой мировой войны были глубоко заражены буржуазным национализмом. Особенно усилились эти прокапиталистические тенденции во время войны, когда профсоюзные руководители работали бок о бок с империалистическими агрессорами. Вследствие этого Амстердамский конгресс, на который собрались почти исключительно представители верхушки руководства профсоюзов, в основном был посвящен тому же вопросу, которым занимались руководители капиталистических правительств на Версальской мирной конференции, а именно: вопросу о том, как снова поставить на ноги пошатнувшийся во время войны капитализм и как спасти его от грядущей пролетарской революции. Интересы рабочего класса были лишь второстепенным соображением в работе конгресса и, безусловно, были подчинены основной задаче — восстановлению мирового капитализма. На конгрессе выявились такие расхождения, вызванные резкими националистическими настроениями, что одно время представлялось сомнительным, удастся ли восстановить МФП как действенную организацию.

Первый из таких конфликтов националистического характера возник в связи с вопросом о военной ответственности. Вместо того чтобы подвергнуть друг друга

взаимной критике, все представители союзных стран оправдывали позицию своих стран во время войны и возлагали всю ответственность за войну на немцев — совершенно так же, как это сделало собрание империалистов в Версале. Однако это не понравилось немцам и австрийцам, которые не меньше их стремились защищать роль своего собственного капиталистического отечества в войне. Казалось, что достичь соглашения по этому вопросу будет невозможно и что конгресс закончится провалом, но когда «союзники» предъявили, наконец, немцам и австрийцам ультиматум, последние в порядке самооправдания заявили через делегата конгресса Зассенбаха: «Мы признаем вину Германии в оккупации Бельгии, и, как выясняется в настоящее время, мы действительно не совсем правильно учли общее положение, но это объясняется тем, что рабочий класс обязательно должен защищать свое отечество, поскольку оно в опасности». Тем не менее это чрезвычайно осторожно сформулированное заявление Зассенбаха было впоследствии с негодованием опровергнуто общеперманским объединением профессиональных союзов, как неоправданное признание военной ответственности⁵.

Оппортунистические профсоюзные лидеры, собравшиеся в Амстердаме, были, конечно, врагами молодой Советской республики. Они восхваляли февральскую буржуазную революцию 1917 года и правительство Керенского, но по мере того как росли возможности осуществления социалистической революции, они в составе различных «рабочих» делегаций из Англии, Франции, Соединенных Штатов и других стран совершали поездки в революционную Россию, чтобы постараться убедить рабочих не допустить выхода страны из империалистической войны и остерегаться большевиков. В момент, когда происходили заседания Амстердамского конгресса, революционное Советское правительство, на которое со всех сторон наступали армии союзников и контрреволюционных сил внутри страны, в то время, когда рабочие жили на голодном пайке, было буквально прижато к стене. Для амстердамцев это, конечно, отнюдь не было катастрофой. Конгресс, опасаясь трудящихся, которые глубоко сочувствовали революции, выразил мягкий протест против капиталистической блокады и интервенции и платонические пожелания успехов в построении социализма в России. Тем не менее он не сделал ничего, чтобы до-

биться отвода империалистических войск, делавших ожесточенные попытки низвергнуть Советское правительство. Куда более откровенным выражением политики социал-демократов была активная поддержка, оказанная Польской социалистической партией диктатору Польши Пилсудскому в войне против Советской России.

Шовинистические элементы, занимавшие главенствующее положение на Амстердамском конгрессе, защищая цели союзников, в общем согласились с условиями, продиктованными победителями, собравшимися в Версале, побежденным странам; при этом они не посчитались с протестом со стороны немцев и австрийцев и не высказали почти никакой критики по поводу этих условий. Конгресс согласился с тем, что Германия должна выплатить репарации, которые в 1921 году были установлены Лигой Наций в фантастической сумме 132 миллиардов золотых марок (в настоящее время это составляет примерно 60 миллиардов долларов). Амстердамский конгресс, подобно тому как это делалось позднее на заседаниях МФП, уклонился от обсуждения специфической проблемы разоружений, завуалировав свою тактику дымовой завесой пацифистских фраз⁶. Впоследствии оказалось, что единственными странами, которые разоружались после первой мировой войны, были побежденные центральные державы, что вполне устраивало лидеров МФП с их империалистическими настроениями. Конгресс принял также приветствие в адрес Международной организации труда, которая вскоре должна была открыться в Вашингтоне.

На Амстердамском конгрессе произошел резкий конфликт между Карлом Легином и Сэмюэлем Гомперсом по поводу так называемой «Конвенции по вопросам труда», принятой на Версальской мирной конференции. Гомперс, один из главных авторов условий мирного договора, оказывал особую поддержку Конвенции по вопросам труда, поскольку в ней отражался его абсурдный «принцип» о том, что «труд человеческого существа не является товаром или предметом торговли» — обычное демагогическое утверждение о свободном труде рабочих в условиях капитализма. Легин же резко нападал на конвенцию, прямо обвиняя Гомперса в предательстве. «Легин,— пишет Лорвин,— дошел до намека на то, что любой, кто может соглашаться с такими утверждениями,

является платным агентом капиталистов. Этим он вызвал Гомперса на скандал»⁷. Несмотря на сопротивление английских и американских делегатов, конгресс подверг конвенцию резкой критике.

АФТ и МФП

В ноябре 1920 года в Лондоне состоялся второй конгресс МФП. Это было своего рода продолжение учредительного конгресса в Амстердаме, состоявшегося за четырнадцать месяцев до этого, ибо здесь была разработана программа МФП и завершена мобилизация его сил. Утверждалось, что на конгрессе было представлено 26 миллионов рабочих⁸. Это была максимальная численность, достигнутая МФП за всю её историю. Конгресс собрался в момент сильного революционного подъема среди рабочих. Датт говорит по этому поводу, что «послевоенная революционная волна достигла высочайшего подъема в 1920 году (в тот момент Красная Армия находилась у ворот Варшавы, капповский путч в Германии потерпел поражение, в Руре власть находилась в руках недолго существовавших Советов рабочих депутатов, а в Англии были созданы комитеты действия)»⁹. МФП, вынужденная идти на уступки ввиду революционных настроений рабочих, приняла радикальную программу, требовавшую повсеместного введения восьмичасового рабочего дня, аннулирования военных долгов, национализации земли и промышленности и в конечном счете установления социалистического строя. Все это, как показали дальнейшие события, были опять-таки только «благие пожелания» со стороны прокапиталистических профбюрократов.

Наряду с этим полновластному хозяину АФТ Гомперсу не нравилось, как идут дела в новом профсоюзном Интернационале. Его жестоко уязвило грубое обращение, которому он подвергся на Амстердамском конгрессе; кроме того, его возмущала «левая» программа, разрабатывавшаяся МФП. Гомперс настолько далеко отошел от марксистских настроений своей молодости, что, подобно самим американским капиталистам, стал смотреть даже на самых отъявленных оппортунистов из социал-демократов, как на опасных «красных». Гомперсовские лидеры, говорит Лорвин, «по-видимому, сваливали в одну кучу «Амстердам», Третий Интернационал, со-

циалистов и все другие радикальные элементы, рассматривая их всех, как ту опасную породу людей, от которых необходимо оберегать американский пролетариат»¹⁰.

Отказываясь вступить в Лигу Наций, монополисты, правившие США, избрали для себя путь так называемой изоляции; поэтому гомперсовская бюрократия, как верная служанка капитализма, последовала за ними. Разрыв с МФП произошел в 1920 году на Монреальском съезде АФТ. Снова передав вопрос о международном сотрудничестве на рассмотрение Исполнительного совета, съезд фактически принял решение не присоединяться к МФП до тех пор, пока не будут удовлетворены требования американцев, заключающиеся главным образом в принятии постановления о том, чтобы обязательными считались лишь единогласные решения конгресса и чтобы все организации, входившие в состав МФП, пользовались полной автономией в разработке экономической и политической программ. Однако все эти требования были лишь предлогом, прикрывавшим гомперсовский принцип, что АФТ как организация, верная капитализму, не может быть связана с таким «революционным» органом, как МФП.

Гомперсовскому представлению о международном сотрудничестве больше соответствовала МОТ, в состав которой продолжала входить АФТ; здесь автоматическое большинство представителей буржуазных правительств и предпринимателей крепко держало рабочих под замком. Только шестнадцать лет спустя, в 1936 году, АФТ восстановила свою организационную связь с МФП, главным образом с целью борьбы против нараставшего в то время движения за создание народного фронта.

Глава 31

СОЗДАНИЕ КРАСНОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПРОФСОЮЗОВ (1919—1921)

Еще в самом начале первой мировой войны Ленину было ясно, что отказ социал-демократов бороться против войны вызвал глубокий раскол в мировом рабочем движении; он еще больше утвердился в своем мнении впоследствии, когда они предали русскую революцию. Исторически этот раскол произошел между борцами за рево-

люцию, которые готовы были идти в бой за построение социализма, и оппортунистическими элементами, видевшими в рабочем движении только средство соблюдения в рамках капитализма своих собственных интересов за счет рабочего класса. Ввиду создавшегося положения в 1919 году был основан Коммунистический Интернационал. Это был период, когда в Европе нарастала революционная волна, капиталисты разрабатывали условия позорного Версальского мирного договора, а их верные слуги — социал-демократические оппортунисты — вели в Берне и Амстердаме активную работу по восстановлению своих политических и профсоюзных международных органов.

В созданный в Москве 2—6 марта 1919 года Коммунистический Интернационал, или «Коминтерн» (КИ), вошли девятнадцать партий и группировок. Работа этого исторического конгресса проходила под руководством Ленина. Делегаты конгресса выработали программу, основанную на революционных принципах, разработанных Лениным в ряде его трудов. Новая организация заявила, что «началась новая эпоха упадка капитализма, его внутреннего распада, эпоха пролетарской коммунистической революции». Конгресс разработал две программы действий: программу на ближайший период, имевшую целью добиться от капитализма всех возможных уступок, и программу-максимум, рассчитанную на то, чтобы окончательно покончить с капитализмом и создать вместо него новое, социалистическое общество, построенное на базе диктатуры пролетариата¹. В ноябре 1919 года в Берлине был создан также Коммунистический Интернационал молодежи.

Основание Коммунистического Интернационала ознаменовало собой великую веху в истории мирового рабочего движения и всего человечества. Начиная с этого момента, капитализму уже пришлось иметь дело с четко оформившимся движением масс в мировом масштабе, возглавлявшимся революционным пролетариатом и его коммунистическими партиями, твердо решившими навеки покончить с жестокой капиталистической эксплуатацией, а также с насаждавшимся капитализмом невежеством и предрассудками, беспощадной тиранией и кровопролитными войнами. Рабочий класс всего мира начинал освобождаться от злонамеренной опеки, которую мировой

империализм навязал ему с помощью оппортунистического социал-демократического руководства Второго Интернационала.

Началась подлинная борьба за мировой социализм, и первым этапом ее явилась победоносная русская революция.

Создание Профинтерна

Раскол в рядах международного рабочего движения, вызванный предательством, которое совершили по отношению к пролетариату социал-демократические ревизионисты в критический период начала войны, в сентябре 1914 года, и их предательским саботажем Великой Октябрьской революции в России, неизбежно должен был отразиться также и на работе профсоюзов. Было очевидно, что советские профсоюзы и революционные рабочие других стран не собирались покорно дать Гомперсу, Легину, Жуо, Тома и другим профбюрократам из МФП надеть на себя ярмо. Еще на июньской конференции 1917 года, а затем и на I Всероссийском съезде в январе 1918 года советские профсоюзы указывали на необходимость создания нового рабочего Интернационала². Аналогичные стремления наблюдались и в других странах. Вследствие этого по мере того, как революционные силы политически выкристаллизовывались в Коммунистический Интернационал, они начали также спланиваться и в области профсоюзной деятельности. Первым конкретным выражением этого процесса явилось создание в Москве 15 июля 1920 года Международного совета профессиональных и производственных союзов³.

Созданию Международного совета профсоюзов предшествовал ряд конференций левых кругов в профсоюзном движении, состоявшихся в Москве в начале 1920 года. Манифест новой организации, представлявшей около 9 миллионов рабочих, подписали представители советских профсоюзов, Всеобщей конфедерации труда Италии, Национальной конфедерации труда Испании, Синдикалистских профсоюзов Болгарии, Конфедерации труда Болгарии и Коммунистического профсоюзного движения меньшинства Франции. Ее программу поддерживали также представители движения фабрично-заводских старост в Англии, союза транспортных рабочих Голландии и Голландской Индии, немецких синдикалистских союзов, син-

дикалистских союзов Италии и норвежских союзов. Целью этой организации было разоблачение теории классового сотрудничества и пропаганда программы классовой борьбы с общей перспективой создания в будущем новой международной профсоюзной организации. Совет в порядке взаимного представительства обменялся делегатами с Исполкомом Коминтерна⁴.

Левые силы в профсоюзном движении решительно взяли курс на создание прочного нового Интернационала, который и был создан в июле 1921 года путем реорганизации Международного совета профессиональных и производственных профсоюзов в Красный Интернационал профессиональных союзов. На учредительном конгрессе присутствовало 200 делегатов из всех стран мира. Среди всем известных представителей профсоюзного движения капиталистических стран на конгрессе присутствовали Манн (Англия), Геккерт (Германия), Розмер (Франция), Хейвуд и Фостер (США), Запотоцкий (Чехословакия). Был избран широкий Исполнительный совет Профинтерна в составе четырех делегатов советских профсоюзов, двух делегатов от всех организаций крупных стран и одного от организаций более мелких стран. Исполнительное бюро состояло из семи выборных членов. Генеральным секретарем был избран А. Лозовский — ветеран профсоюзного движения России и Франции.

Численность основных профсоюзных организаций, зарегистрированных как члены Профинтерна, составляла: в России 6 500 тысяч человек, в Германии 2 500 тысяч, в Италии 3 миллиона, во Франции 500 тысяч, в Англии 500 тысяч, в США 500 тысяч, в Испании 800 тысяч, в Австралии 600 тысяч и в Польше 250 тысяч человек — всего около 17 миллионов человек. Организации, входившие в Профинтерн, в основном делились на две группы: независимые союзы и группы левого крыла в консервативных профсоюзах. В ряде случаев приведенные выше цифры, отражающие численность тех или иных организаций, являются только приблизительными.

Программа Профинтерна

Цели Профинтерна, изложенные в его программе, заключались в следующем:

«а) организовать широкие массы рабочих во всем мире для низвержения капитализма, освобождения тру-

дящихся от гнета эксплуатации и для установления социалистического строя.

б) Вести широкую пропаганду и агитацию идей революционно-классовой борьбы, социальной революции, диктатуры пролетариата и массовых революционных действий с целью низвержения капиталистической системы и буржуазного государства.

в) Бороться против язвы, разъедающей мировое профессиональное движение, язвы соглашательства с буржуазией, идеи сотрудничества классов и социального мира и бессмысленных надежд на мирный переход от капитализма к социализму.

г) Сплотить революционно-классовые элементы мирового профессионального движения и повести решительную борьбу против Международного бюро труда при Лиге Наций, против Международной федерации профессиональных союзов в Амстердаме, являющихся благодаря своей программе и тактике опорой международной буржуазии»⁵.

Конгресс уделил особое внимание развитию профсоюзного и национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах. Эта линия соответствовала знаменитым ленинским тезисам по колониальному вопросу, изложенным им на втором конгрессе Коминтерна в августе 1920 года; в этих тезисах Ленин, изобличая колониализм как главную опору мирового капитализма, указывал на революционное значение союза между трудящимися массами колоний и пролетариатом империалистических стран. Такая ориентация была новым явлением в истории мирового рабочего движения, и в течение последующих лет она имела глубочайшие последствия для развития революционного движения в колониальных странах.

Конгресс решительно одобрил производственную форму организации и практики работы профсоюзов; он также высказался в пользу организации женщин, негров, молодежи и вообще неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих масс, которым профсоюзы квалифицированных рабочих в течение длительного времени не уделяли никакого внимания, подчас доходя до прямого предательства по отношению к ним. В резолюции заявлялось, что лозунг «В одном предприятии — один союз» должен стать лозунгом боевых революционных союзов.

Конгресс также уделил большое внимание вопросу о роли фабрично-заводских (и цеховых) комитетов, которые в результате первой мировой войны и русской революции стали быстро распространяться по всей Европе. Профинтерн призывал рабочих к повсеместному созданию фабрично-заводских комитетов. Фабрично-заводские и цеховые комитеты, состоявшие из представителей, избранных всеми рабочими данного цеха, завода или фабрики, и независимо от того, являлись ли они членами профсоюзов, были могучим средством укрепления единства рабочего класса на местах, содействовали проведению массовых забастовок, служили базой для местного демократического движения против самовластия профсоюзных бюрократов и способствовали полному использованию сил рабочего класса на данных предприятиях.

Конгресс особо подчеркнул революционную роль фабрично-заводских комитетов. Они должны были осуществлять самый действенный рабочий контроль над производством, ведая вопросами найма, увольнения, финансовой отчетности и т. п. и ставя себе конечной целью экспроприацию капиталистов. Эти органы не имели ничего общего «со смешанными комитетами» и планами псевдонационализации (исключавшими рабочий контроль), которые предлагали социал-демократы и предприниматели. Вместо того чтобы подменять собой профсоюзы, как на этом настаивали многие левацкие элементы, фабрично-заводские комитеты должны были развиваться в качестве местных профсоюзных органов на базе производственного принципа построения профсоюзов.

В течение нескольких последующих десятилетий мир явился свидетелем длительной борьбы по вопросу о функциях фабрично-заводских комитетов — борьбы, в которой левые элементы старались сделать из них подлинно боевые организации, каких и хотел пролетариат, а правые социал-демократы при активной помощи капиталистов и правительств различных стран стремились свести их на положение чего-то вроде «комитетов по разбору претензий». В итоге эта борьба, как мы увидим ниже, завершилась тем, что фабрично-заводские комитеты стали играть огромную роль в странах социализма и народной демократии, тогда как в капиталистических странах они были полностью выхолощены. В настоящее время почти в каждой из стран капиталистической Европы су-

ществуют законы, лишаящие фабрично-заводские комитеты всех прав.

Конгресс Профинтерна выступил также с резкой критикой в адрес Всеобщей итальянской конфедерации труда, которая незадолго до этого приняла злополучное решение об «урегулировании» революционной забастовки металлистов в 1920 году, и обратился к революционным итальянским рабочим с призывом прибрать к рукам своих колеблющихся лидеров. Резолюция содержала предупреждение о возрастающей угрозе реакции и в особенности о сильных фашистских тенденциях, которые начали проявляться в Италии и других европейских странах.

Профинтерн в духе подлинного пролетарского интернационала изучал проблемы, стоявшие перед рабочими отдельных стран, и давал общие указания о подходе к ним. Такая практика противоречила националистическим установкам Второго Интернационала и МФП, проводивших политику «руки прочь» в отношении некоторых стран.

Исходя из стремления добиваться максимального единства профсоюзного движения, конгресс решил не создавать новые международные производственные секретариаты, которые дублировали бы производственные секретариаты МФП или вступали бы с ними в конкуренцию, организовав взамен этого международные комитеты пропаганды, задачей которых было перетягивать консервативные союзы в соответствующих странах на сторону революционного Профинтерна.

Спорные вопросы политики

Работа Учредительного конгресса Профинтерна ознаменовалась столкновениями между большинством и довольно значительным анархо-синдикалистским меньшинством. Один из этих споров произошел по поводу вопроса о двойных союзах. Среди синдикалистов и других «левых» элементов широко бытовало представление о том, что старые консервативные цеховые союзы устарели и отмирают и поэтому рабочие должны выходить из них и строить новые, революционные организации, основанные на принципах производственных союзов. Эта идея двойных профсоюзов в течение длительного времени имела хождение в США, где ее наиболее активными сторон-

никами были члены ИРМ. Она получила распространение также и в значительной части синдикалистских группировок и союзов во Франции, Испании, Италии и других странах, а также и среди некоторых групп «левых коммунистов». Объединив свои силы, эти элементы пытались заставить конгресс Профинтерна принять такую общую двойственную установку, которая в перспективе вызвала бы раскол.

Но это им не удалось. Конгресс твердо указал, что активисты должны оставаться и работать в старых союзах, чтобы демократическим путем целиком перетягивать их в Профинтерн. В резолюции по вопросу о тактике заявлялось, что «наиболее сознательные, революционные и активные элементы должны работать в самой толще рабочего класса; на фабриках, на заводах, в низовых ячейках профсоюзов, стремясь обеспечить себе ответственные, руководящие посты в рабочем профсоюзном движении, сверху донизу»⁶. Необходимо было вести курс на завоевание профсоюзов на свою сторону, а не на внесение в них раскола. С этой целью Профинтерн во всем следовал политике разворачивания широкого прогрессивного движения с участием коммунистов, левых социалистов и других воинствующих элементов. Это была твердая позиция, направленная на обеспечение единства в профсоюзном движении, которой суждено было иметь глубокие последствия в будущем.

Важным фактором, способствующим принятию конгрессом этого исторически оправданного решения, явилась знаменитая брошюра Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанная им в 1920 году с целью борьбы с антипарламентаризмом, двойным юнионизмом и другими формами сектантства в рядах коммунистов. Осуждая двойной юнионизм, Ленин писал: «Большого неразумия, большого вреда для революции, приносимого «левыми» революционерами, нельзя себе и представить!» Он также заявил: «Нет сомнения, господа Гомперсы, Хендерсоны, Жуо, Легины очень благодарны таким «левым» революционерам, которые, подобно немецкой принципиальной оппозиции (упаси нас боже от этакой «принципиальности») или некоторым революционерам из числа американских «промышленных рабочих мира», проповедуют выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них».

Так Ленин боролся с сектантской практикой двойного юнионизма, который, внося раскол в ряды пролетариата и изолируя активистов от масс, уже причинил серьезный вред рабочему движению в прошлом, особенно в США, где такая практика осуществлялась примерно на протяжении трех десятков лет. Резолюцией Профинтерна устанавливались нормы подхода к этому вопросу, которые сохранились у коммунистов и до сих пор. Но многие синдикалисты отнеслись к этому решению отрицательно.

Другим яблоком раздора на конгрессе Профинтерна явилась проблема взаимоотношений между Профинтерном и Коминтерном. Доктринерски настроенные анархо-синдикалисты с их анархистскими традициями обычно протестовали против общения с политическими партиями и всяких политических действий. Их точка зрения, по существу, была лишь обратной стороной позиции правого крыла социал-демократов, считавших, что профсоюзы должны быть «нейтральными» по отношению к партии. Эта позиция на деле также вела к расколу в рядах рабочего движения, причем профсоюзные лидеры пытались или поставить себя над партией, как в Германии, или подавлять ее и бороться с ней, как в Англии, Соединенных Штатах и других странах.

Присутствовавшие на конгрессе Профинтерна коммунисты и другие левые элементы, придерживавшиеся ленинской установки по вопросу о единстве мирового рабочего движения, стояли за полное сотрудничество профсоюзов с партией рабочего класса. Они составляли большинство на конгрессе и в резолюции, составленной в духе этой установки, отразили свое решение «установить возможно более тесные связи с третьим Коммунистическим Интернационалом, авангардом революционного рабочего движения во всем мире на основе взаимного представительства в исполнительных органах того и другого Интернационала, совместных совещаний и т. п.»⁷. Это решение сильно восстановило многих синдикалистов против Профинтерна.

Однако установление органической связи между обоими Интернационалами было тактической ошибкой. Оно повело к сужению рамок работы Профинтерна ввиду того, что огромные массы мирового пролетариата были еще не подготовлены к тому, чтобы работать в тесном контакте с коммунистическими партиями; кроме того,

в мире еще не было достаточно революционной ситуации, чтобы побудить массы преодолеть эти колебания и полностью пойти за политическим руководством Коммунистической партии. Вследствие этого на втором конгрессе Профинтерна, состоявшемся в 1922 году, пункт о взаимном представительстве был аннулирован по предложению французской ВКТ, и оба Интернационала стали работать на базе тесного сотрудничества, но без органического слияния⁸. Эта практика осуществляется с того времени всеми коммунистическими партиями капиталистических стран.

Большинство присутствовавших на конгрессе синдикалистов поддерживало общую линию конгресса, но одна группа особенно рьяных синдикалистов выражала явное недовольство его решениями. Помимо расхождений по вопросам о двойном юнионизме и взаимоотношениях между Профинтерном и Коминтерном, они также возражали против общих теоретических и практических установок по вопросу о диктатуре пролетариата, поскольку в Советской России она неуклонно развивалась в форме рабоче-крестьянского государства. Они упорно придерживались традиционной утопической теории синдикалистов о том, что управлять промышленностью и руководить жизнью общества в целом должны профсоюзы. Синдикалисты надеялись, что русская революция пойдет именно по этому пути, в особенности поскольку на первой стадии революции в ней проявлялись сильные синдикалистские тенденции. Но к 1921 году уже стало ясно, что синдикалистские теории не будут играть решающей роли в первой рабочей республике, и это еще больше восстановило те элементы среди синдикалистов, которые придерживались схематических и догматических установок.

Упадок анархо-синдикализма

Учредительный конгресс Профинтерна в 1921 году ознаменовал собой конец анархо-синдикалистского движения как крупной силы, задававшей целью повести за собой пролетариат. Это течение, которое, в особенности после 1906 года (см. главу 22), всячески старалось обеспечить себе руководство левыми элементами в мировом движении пролетариата, страдало рядом недостатков. В период тяжких испытаний первой мировой войны и

русской революции оно полностью обанкротилось как теоретически, так и практически. «Великая» панацея анархо-синдикализма — всеобщая стачка — сама по себе оказалась недостаточным средством, чтобы предотвратить войну или осуществить пролетарскую революцию; попытка игнорировать политические действия стала очевидным и опасным абсурдом, частые высказывания анархо-синдикалистов в пользу двойных профсоюзов представляли собой серьезную угрозу для единства пролетариата; сектантская точка зрения по вопросу о религии причиняла явный ущерб профсоюзному движению, и, самое главное, русская революция ясно показала, что старая анархо-синдикалистская теория о том, что после революции профсоюзы превратятся из боевых в производственные органы, была не более чем иллюзией. Своими блестящими работами Ленин вырвал теоретическую почву из-под ног анархо-синдикалистов, и социал-демократов. Он завершил разгром Прудона, Бакунина и Сореля. Подлинные борцы из среды левых элементов неизбежно тяготели к лагерю марксизма-ленинизма.

Большинство синдикалистов, представленных на конгрессе Профинтерна, в соответствии с создавшейся исторической обстановкой разбилось в ходе событий и стало на сторону Профинтерна и Коминтерна. Крупнейшая из синдикалистских организаций — французская ВКТ, возглавлявшаяся Гастоном Монмуссо и объединявшая в своих рядах большинство французских синдикалистов, в 1923 году твердо примкнула к Профинтерну. Синдикалистское движение в Англии сошло на нет; в Италии и других европейских странах, так же как и в Японии, синдикалистские группы распались, а положение американской ИРМ было бесповоротно подорвано выходом из нее группы Хейвуда — Гарди. В странах Латинской Америки синдикалистские организации повсеместно вытеснялись организациями, входившими в Профинтерн.

Но далеко не все синдикалисты с легкостью совершили этот исторический переход на позиции марксизма-ленинизма. После конгресса Профинтерна группа синдикалистов собралась в Берлине, где они создали в декабре 1922 года новый Интернационал, окрестив его Международным товариществом рабочих — названием, украденным ими у Первого Интернационала⁹. Они утверждали, что число членов этой новой организации составляло

200 тысяч. В нем были представлены отдельные группы и организации Германии, Испании, Италии, Дании, Чехословакии, Швеции, Аргентины, Чили и Мексики. Уже этот конгресс отразил значительное сокращение численности синдикалистских организаций по сравнению с декабрем 1920 года, когда в Берлине состоялась конференция синдикалистов, представлявшая, по данным этой конференции, около миллиона рабочих¹⁰.

В дальнейшем значение Берлинского интернационала и примкнувших к нему организаций, главным оплотом которых были латиноамериканские страны и Испания, стало неуклонно падать. Как указывает Лорвин, в 1924 году Берлинский интернационал, по его собственным данным, насчитывал 393 тысячи членов, причем численность его крупнейших организаций достигала: 200 тысяч человек в Национальной конфедерации труда в Испании, 50 тысяч в ВКТ в Португалии и 60 тысяч в ФОРА в Аргентине. К 1928 году общее число членов Берлинского интернационала составляло, по его собственным данным, только 162 тысячи человек¹¹, причем наблюдалась постоянная тенденция к дальнейшему сокращению. В данный момент (март 1955 года) синдикалистский интернационал все еще сохраняет жалкое подобие центрального органа в Париже с несколькими слабосильными сектантскими группами, рассеянными по отдельным странам; единственным крупным синдикалистским центром остается НКТ в Испании, причем НКТ находится в состоянии полного теоретического разброда, ибо его многолетние анархистские доктрины аполитичности находятся в резком противоречии с реальными фактами гражданской войны в Испании и ее последствиями¹². Анархо-синдикалистское течение фактически сошло на нет, а его лучшие боевые традиции воплотились в коммунистическом движении.

Размах работы Профинтерна

С самого начала деятельности Профинтерна размах его работы был значительно шире сферы деятельности МФП. В этом отношении, как и во многих других, он безусловно проложил путь для теперешней Всемирной федерации профсоюзов. Наряду с другими сторонами проводившейся им широкой и разнообразной деятельности Профинтерн способствовал бурному росту движе-

ния среди молодежи, женщин и крестьян, а также движения за оказание помощи бастующим рабочим и заключенным в тюрьмы и за развитие просветительных, спортивных и кооперативных организаций пролетариата.

Одним из самых замечательных нововведений в работе Профинтерна явилось интенсивное изучение и развитие стратегии забастовочного движения. Консервативные профсоюзные лидеры всегда относились к забастовкам так, как будто их осуществление не требует специальной подготовки или знакомства с теоретическими принципами. Они никогда по-настоящему не изучали эту проблему, занимавшую такое важное место в жизни рабочего класса на протяжении примерно двух столетий. Их общая установка заключалась в том, что забастовки в лучшем случае опасны и чем меньше о них говорить, тем лучше.

Но Профинтерн, резко порвав с этим примитивизмом и оппортунизмом, занялся глубоким изучением вопроса о всех особенностях и фазах забастовок: о том, как и когда проводить их, о различных видах забастовок, о взаимоотношениях между забастовками и политическими действиями, о всей сложной проблеме руководства забастовками и о множестве других вопросов, связанных с этой общей проблемой. Этим вопросом занимались все конгрессы Профинтерна; забастовочной стратегии был посвящен целый ряд специальных конференций, причем некоторые из них проводились в международном масштабе. Во многих странах появилось большое количество литературы по этому вопросу. Образцом такой литературы были обстоятельные труды генерального секретаря Профинтерна А. Лозовского.

Глава 32

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И КЛАССОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО (1921—1926)

С захватом власти фашистами в Италии в 1922 году и поражением, нанесенным революционной борьбе в Германии в октябре 1923 года европейским капиталистам удалось остановить великую революционную волну, прокатившуюся по всему миру после первой мировой войны, и спасти капиталистический строй повсюду, кроме Рос-

сии. Без помощи предателей из среды правых социал-демократов это было бы невозможно. Учитывая революционные настроения пролетариата в тот период, не приходится сомневаться, что только правые помешали торжеству социализма во всех странах Центральной и Восточной Европы.

В своих совместных попытках снова поставить капитализм на ноги после огромной разрухи, причиненной войной, капиталисты и социал-демократы действовали бок о бок в духе классового сотрудничества. В Англии лейбористы и либералы создали в 1924 году первое недолговечное «рабочее» правительство; в Германии социал-демократы, либералы и католики сотрудничали в буржуазной Веймарской республике; во Франции левый блок, включая социалистов, был также обуздан и вновь стал стремиться к укреплению капитализма; в Дании пришло к власти социал-демократическое правительство, сотрудничавшее с предпринимателями; в Польше социал-демократы сотрудничали с реакционером Пилсудским, а в Италии социалисты в 1921 году заключили даже с Муссолини договор о сотрудничестве¹. В Австрии, Бельгии, Голландии и Чехословакии также стали развиваться тенденции в пользу классового сотрудничества.

Благодаря этому сотрудничеству капиталистов и социал-демократов за счет рабочих и огромному притоку американских долларов пошатнувшемуся европейскому капитализму удалось снова стать на ноги. Это обстоятельство заставило Коминтерн после заседания его Исполкома в марте 1925 года опубликовать знаменитое заявление о том, что европейскому капитализму удалось достичь «частичной, относительной и временной стабилизации»². Однако это состояние равновесия, как оказалось впоследствии, удалось сохранить лишь на очень недолгий срок.

Одной из важнейших сторон контрреволюционного классового сотрудничества между социал-демократами и капиталистами в течение этих лет явилась так называемая рационализация промышленности. Это была напряженная кампания за повышение производительности труда, основанная на увеличении длительности рабочего дня, сверхурочной работе, сокращении перерывов для отдыха, применении сдельщины, системе премиальных и общем снижении роли профсоюзов. Все это

сопровождалось широким внедрением конвейера, ростом разделения труда и других методов массового производства³. Социал-демократы проявляли не меньше рвения, чем сами капиталисты, в осуществлении этой рационализации, которая в ряде капиталистических стран приняла характер широкой кампании. Достигнутое таким путем повышение производительности промышленности, не сопровождавшееся расширением рынков сбыта, явилось одним из важнейших факторов, вызвавших в 1929 году жестокий экономический кризис.

С целью противодействия этой порочной кампании рационализации производства Коминтерн и Профинтерн повсеместно проводили политику острой классовой борьбы, побуждая рабочих к активной защите своего жизненного уровня, защите профсоюзов, которым угрожала опасность. Социал-демократические профбюрократы отвечали на эту политику классовой борьбы широкой кампанией штрейкбрехерства и массового исключения из профсоюзов активных борцов за дело рабочего класса, что было неслыханным явлением в истории мирового рабочего движения.

Сторонники Гомперса возглавляют капитуляцию

Широкая кампания за рационализацию промышленности, развернувшаяся в середине и конце двадцатых годов, началась прежде всего в Соединенных Штатах. К моменту окончания провалившейся (в результате предательства) забастовки 500 тысяч рабочих железнодорожных мастерских, происходившей в конце 1922 года, хозяева железнодорожной линии Балтимора — Огайо выдвинули предложение, которое впоследствии получило известность под ненавистным для рабочих названием план «Балтимора — Огайо». План этот предусматривал, что если рабочие будут действовать совместно с компанией в деле повышения производительности труда, то это чрезвычайно благоприятно скажется на их собственном положении. Заработная плата будет автоматически повышаться, рабочий день сокращаться, условия работы в цехах улучшаться, а безработица исчезнет. Это движение распространилось также и в соседней с США стране — Канаде.

Бюрократы из АФТ, которых сильно потрепали в 1918—1922 годах, в период широкого забастовочного

движения и кампании «за открытые цехи», ухватились за это реакционное предложение о рационализации производства, как за спасательный круг. Поддавшись пропаганде капиталистов, съезд АФТ в 1925 году принял это предложение в качестве своей «новой политики заработной платы»; отдельные профсоюзы стали привлекать инженеров для разработки новых методов повышения производительности, а забастовки были осуждены, как устаревший метод, представлявший собой угрозу для интересов рабочих. Профсоюзная бюрократия выработала свою, так называемую «высшую стратегию труда», согласно которой организованный рабочий класс достиг теперь новой, высшей стадии и будет на базе массового производства и классового сотрудничества автоматически и неуклонно повышать свой жизненный уровень. Эти чиновники громко заявляли, что период классовой борьбы закончился и что отныне рабочие пойдут рука об руку с предпринимателями вперед, по устланному розами пути ⁴.

Фактически же кампания по рационализации привела к тому, что общие условия жизни трудящихся значительно ухудшились. Прибыли капиталистов подскочили до небывало высокого уровня, производительность труда рабочих стремительно росла, а реальная заработная плата оставалась почти неизменной, повысившись с 1923 по 1926 год всего лишь на два пункта ⁵, и то главным образом только для квалифицированных рабочих. Профсоюзные лидеры сосредоточили все внимание только на вопросе повышения производительности, а тем временем длительность рабочего дня в Соединенных Штатах и в Канаде неуклонно увеличивалась, а условия работы ухудшались. Боевой дух пролетариата падал. Впервые в истории американского рабочего движения приостановился рост числа членов профсоюзов. В период «процветания», в 1923 году, АФТ насчитывала 2 926 468 членов, а в 1929 году ее численность фактически осталась почти на том же уровне — 2 933 546 человек ⁶.

Сэмюэль Гомперс умер в 1924 году, но в лице его преемника Уильяма Грина АФТ получила лидера вполне во вкусе Гомперса. Грин, типичный реакционер, зашел настолько далеко в своей проповеди политики классового сотрудничества, что он обратился к крупным монополистам с покорнейшей просьбой допустить профсоюзы в за-

крытую для них трестированную промышленность, исходя из того, что профсоюзы АФТ с их «новой политикой заработной платы» окажут предпринимателям более эффективную помощь, чем компанейские союзы, в выжимании максимальной производительности из рабочих.

В этот период американский капитализм вступил в послевоенную фазу «бума». Это обстоятельство вместе с бешеной кампанией за рационализацию производства и втягивание рабочих в политику классового сотрудничества вызвали такое опьянение «процветанием», которого никогда раньше не знали Соединенные Штаты и Канада. В момент подъема в промышленности капиталисты всегда с восторгом превозносят достоинства капитализма, но в двадцатых годах они превзошли самих себя. Страна кишела фантастическими планами «процветания». Так, например, один из авторов таких утопических планов, буржуазный экономист Карвер, выдвинул теорию о том, что рабочие, откладывая сбережения, остающиеся у них в результате высоких заработков, постепенно откупают всю промышленность и таким образом совершают «безмолвную революцию»⁷. Профсоюзные лидеры, упиваясь этим бредом, организовывали банки и другие финансовые предприятия, которые вскоре же лопались.

Осуществлялось безудержное выколачивание прибылей, и капиталистические оракулы ликовали по поводу того, что в Соединенных Штатах развился «новый», свободный от экономических кризисов капитализм, который шел вперед по неуклонно расширявшейся спирали прогресса. «Социализм — абсурд», вопили они, «Форд победил Маркса». В своем блаженном опьянении они не замечали, что на горизонте уже маячила грозная экономическая катастрофа, разразившаяся в октябре 1929 года.

«Рационализация» в Англии, Германии и других странах

Капиталисты и социалисты всего мира с восторгом наблюдали за чудесами «нового капитализма» в Соединенных Штатах и вскоре, не теряя времени, принялись подражать американцам. Особый энтузиазм по поводу «рационализации производства» проявили немецкие социал-демократы. Известный теоретик профсоюзного дви-

жения Тарнов заявил: «Мы должны различать две эпохи в развитии капитализма — эпоху английского капитализма, имевшего ограниченные возможности расширения, и эпоху американского капитализма, который на базе новейших достижений в технике может бесконечно расширяться и развиваться. Для первой эпохи типичны были Маркс и Лассаль... Для второй эпохи типичен Форд». Другой немецкий специалист по вопросам профсоюзного движения Нафтали писал: «Описанная Марксом и Энгельсом цикличность развития, при которой существовала регулярная последовательность процветания и кризисов, относится к периоду раннего капитализма»⁸. На Кильском съезде немецкой социал-демократической партии в 1927 году видный лидер немецкой социал-демократии Гильфердинг заявил: «Мы находимся в таком периоде капитализма, который в основном уже преодолел эру свободной конкуренции и колебания слепых законов рынка, и подходим к капиталистической организации экономики»⁹. Ревизионисты — защитники капитализма — заявляли, что существующий строй вступает, наконец, в эпоху «организованного капитализма» и «сверхимпериализма», о которых уже давно мечтали Бернштейн, Каутский и другие оппортунисты.

Суммируя эти тенденции, Ленц говорит: «Усилившийся контроль государства над условиями труда, общая тенденция к государственному капитализму и превращение профсоюзов в вспомогательные органы капиталистического государства, в исполнительные органы капиталистического общества превозносились теоретиками реформизма, как экономическая демократия и приближение к социализму»¹⁰. Основываясь на этом, немецкие профсоюзные лидеры участвовали в подавлении забастовочного движения и повышении производительности труда рабочих рука об руку с предпринимателями, что в общем также отрицательно сказалось на жизненном уровне пролетариата и его боевых настроениях, как в США и Канаде. Количество забастовок в Германии сократилось с 4 785 в 1922 году, когда было «потеряно» 27 733 833 рабочих дня, всего лишь до 356 в 1930 году с «потерей» не более чем 4 030 717 рабочих дней»¹¹.

В Англии реформисты также ухватились за «рационализацию», как за средство, обеспечивающее новую и более прочную базу для классового сотрудничества, особен-

но после неудачной всеобщей забастовки 1926 года, о которой мы будем говорить ниже. Эта тенденция выкристаллизовалась в январе 1928 года в совместную конференцию лидеров Конгресса тред-юнионов, возглавлявшихся Беном Тэрнером, и представителей предпринимателей во главе с Альфредом Мондом из комбината по производству химических товаров. Хатт говорит по поводу этого совещания: «С ортодоксальной политикой, заключавшейся в том, что капиталисты должны управлять промышленностью, а профсоюзные лидеры должны бороться за права и интересы членов своих профсоюзов, было покончено, как с несоответствующей современным требованиям, ввиду совершенно иного положения рабочих в промышленности». Отныне профсоюзам надлежало «использовать свои полномочия с тем, чтобы поощрять и направлять реорганизацию промышленности на научной базе»¹². Другими словами, профсоюзные лидеры соглашались сотрудничать с капиталистами, чтобы добиться более интенсивной эксплуатации рабочих. С этой целью было намечено создать Национальный промышленный совет. Это движение получило в народе название «мондизма».

Кампания за «рационализацию производства» распространялась во многих отраслях промышленности, пока вся эта затея не взлетела в воздух с наступлением огромного мирового экономического кризиса в 1929—1932 годах. Общим ее результатом явилось повышение производительности, снижение зарплаты рабочих, ухудшение условий работы и увеличение прибылей, получаемых капиталистами. Левая оппозиция в английском рабочем движении заявила по этому поводу, что «важнейшим мероприятием в области рационализации явилось неуклонное снижение общих фондов заработной платы», что «происходит также общее увеличение темпов производительности труда» и что «все эти мероприятия ведут только к дальнейшему высвобождению рабочей силы и вследствие этого к дальнейшему сокращению рынков сбыта и производства». В заключение в заявлении оппозиции говорится, что «основной проблемой, которая стоит перед рабочим классом, является борьба с рационализацией»¹³. Тем временем число членов Конгресса тред-юнионов упало с 4 350 982 в 1925 году до 3 744 320 человек в 1930 году.

Рационализация, эта социал-демократическая панацея против всех бед рабочего класса, сопровождавшаяся фан-

тастическими иллюзиями по поводу «процветания», распространилась в самых разнообразных формах почти во всех капиталистических странах: Франции, Италии, Японии, Чехословакии, Бельгии, Скандинавских странах и Австралии. После того как это классовое сотрудничество полностью распалось в период великого мирового экономического кризиса, оно оставило о себе память, только как лишнее трагическое доказательство предательской роли социал-демократии в жизни мирового рабочего класса.

Ревизионисты пытались оправдать всевозможные формы классового сотрудничества лживым утверждением, что они представляют собой всего лишь логическое продолжение практики заключения коллективных договоров. Синдикалисты, исходя из своих «левых» установок, склонялись к тому, чтобы согласиться с этой неправильной идеей, полностью отказываясь от заключения профсоюзных договоров с предпринимателями. Коммунистические же профсоюзы, учитывая практическую необходимость временных соглашений с предпринимателями, считали, что эти соглашения не «прекращают классовую борьбу», а только изменяют ее формы. Борьба за улучшение условий на производстве происходит и тогда, когда эти договоры находятся в действии, а подписание новых договоров предоставляет случай для возобновления классовой борьбы. Рабочие должны заключать кратковременные соглашения, отказываясь от них в самые подходящие для этого моменты; они не должны рассматривать соглашения как «священные», оправдывающие такое положение, когда один союз продолжает работать, в то время как другой союз в той же отрасли промышленности бастует или каким-либо иным путем подрывает классовую солидарность рабочих. Без профсоюзных соглашений борьба пролетариата на производстве была бы сведена к хаотической партизанщине.

Программа Профинтерна в области классовой борьбы

В двадцатых годах основная стратегия Профинтерна заключалась в том, чтобы превратить отступление оппортунистов в контрнаступление рабочего класса. Вследствие этого силам, объединившимся в Профинтерне, пришлось вести острую борьбу с политикой реформистов во всех

областях классовой борьбы. Эта борьба носила особенно напряженный характер в вопросе рационализации производства. Профинтерн противопоставил этому движению, парализовавшему силы рабочего класса, активную защиту его интересов. Входившие в Профинтерн организации различных стран боролись за восьмичасовой рабочий день, против злоупотребления сверхурочными работами, против повышения темпов работы и ухудшения условий труда, за повышение ставок заработной платы и т. п. На протяжении этих лет в ряде стран произошло много крупных забастовок, несмотря на совместные усилия предпринимателей и социал-демократов предотвратить и подавить эти забастовки.

В процессе борьбы Профинтерн создал мощные организации и развернул широкое движение во многих странах. Он проводил общую политику организации групп меньшинства из прогрессивных элементов в составе консервативных профсоюзов, чтобы побуждать таким образом эти профсоюзы к более активной защите интересов пролетариата. Это была ленинская политика работы активистов среди организованных масс. В то же время силы левого крыла вели демократическую борьбу за официальные руководящие посты в профсоюзах.

В силу революционных настроений немецкого рабочего класса Германия явилась главной ареной деятельности Профинтерна в странах с развитой промышленностью. Здесь прилагались особые усилия к тому, чтобы оживить, активизировать и привлечь на свою сторону фабрично-заводские комитеты, руководство которыми лидерам консервативных профсоюзов было очень трудно захватить. Однако после серьезных поражений революционного движения в период 1923—1924 годов оппозиционным силам, входившим в состав Профинтерна, вряд ли удавалось в какой-либо момент вести за собой более одной трети общего числа членов профсоюзов в Германии.

В Англии сторонники Профинтерна собрали значительные силы в Национальном движении меньшинства (НДМ). Эта организация была основана в августе 1924 года в Лондоне; председателем ее был Том Манн, а секретарем Гарри Полит. НДМ почти сразу же стало действенной силой в английских рабочих кругах. При обсуждении важнейших вопросов на заседаниях Конгресса тред-юнионов левые элементы под влиянием НДМ обыч-

но собирали не менее одной трети общего числа голосов. На Национальной конференции НДМ в марте 1926 года присутствовало 883 делегата, представлявшие свыше миллиона членов профсоюзов ¹⁴. Это движение сыграло очень большую роль в воспитании боевого духа рабочего класса, подъем которого завершился в 1926 году великой всеобщей забастовкой в Англии.

В Соединенных Штатах силы, входившие в Профинтерн, были сосредоточены главным образом в Лиге профсоюзной пропаганды, основанной в Чикаго в декабре 1920 года, или связаны с ней. Лига, типичная организация меньшинства, оказывала большое влияние на работу профсоюзов в 1922—1926 годах. Не менее половины организованных профсоюзов в США в то или иное время на протяжении этого периода поддерживало общий лозунг слияния, организации неорганизованных рабочих, создания рабочей партии и признания Советского Союза. В обанкротившейся гомперсовской машине царило сильное замешательство в связи с активностью этой боевой оппозиции. Канадская секция Лиги пропаганды вела в эти первые годы не менее успешную работу, обеспечивая себе массовую поддержку пролетариата ¹⁵.

Такие же оппозиционные движения были организованы Профинтерном почти во всех капиталистических странах. Особенно широкий размах они приняли во Франции, Чехословакии, Австрии, Польше, Испании и ряде других стран; здесь была создана сильная пресса, проводилась широкая пропаганда среди масс и было проведено множество упорных забастовок. Эта борьба велась в рамках законной и здоровой профсоюзной демократии в соответствии с традициями профсоюзного движения.

Политика исключений, проводившаяся МФП

МФП, или Амстердамский Интернационал, как его стали широко называть, ответила на деятельность Профинтерна, направленную на объединение профсоюзных сил, порочной политикой исключения. Если силы Профинтерна, придерживаясь принципов единства рабочего движения, неуклонно стремились избежать раскола в профсоюзах, то реформисты стали проводить после первой мировой войны политику исключения активных оппозиционеров и раскола в профсоюзах во всех случаях, когда они

это считали необходимым, чтобы сохранить свое руководящее положение и внедрять политику классового сотрудничества. Реформисты игнорировали результаты выборов, в которых левые элементы одерживали верх, и продолжали держаться за свои официальные посты. Они в той или иной мере применяли политику исключений во всех капиталистических странах, что являлось лишним выражением их общей программы классового сотрудничества. Политика Профинтерна состояла в том, чтобы исключенные из МФП профсоюзы и отдельные члены профсоюзов пробивали себе обратный путь к основному потоку профсоюзного движения. Эта раскольническая политика исключений до сих пор остается одним из основных средств борьбы правооппортунистических лидеров с левым течением.

Осуществлявшаяся правым крылом политика исключений во многих случаях заходила настолько далеко, что приводила к глубокому расколу в национальном рабочем движении отдельных стран. Во Франции, после того как профсоюзные бюрократы во главе с Жюо в 1920 году предали крупную забастовку железнодорожников, они прибегли к массовому исключению активистов, всеми средствами пытаясь побороть нараставшее оппозиционное движение левого крыла. Это повело к расколу в декабре 1921 года и созданию Унитарной конфедерации труда, в состав которой вошло около 300 тысяч человек, то есть около половины всех членов французских профсоюзов. В Чехословакии в январе 1923 года по тем же причинам произошел раскол, который привел к созданию Единого союза общей производственной организации, насчитывавшей около 250 тысяч членов¹⁶. В Соединенных Штатах политика исключений также широко применялась в союзах горняков, рабочих машиностроительной промышленности и ряде других профсоюзов, причем здесь в уставы профсоюзов часто вводились пункты, направленные против коммунистов. В середине двадцатых годов в Нью-Йорке из профсоюзов швейной промышленности было исключено около 40 тысяч человек. Массовые исключения применялись также в Германии, Австрии, Польше, Японии и других странах.

Эта подрывная тактика ревизионистского руководства профсоюзов приводила к определенному расколу во всем мировом рабочем движении. Несмотря на стремление

членов профсоюзов, входивших в состав Профинтерна, оставаться в старых профсоюзах, назревала необходимость и особенно после четвертого конгресса Профинтерна, в июле 1928 года, в том, чтобы исключенные профсоюзы и отдельные члены профсоюзов объединялись в четко оформленные независимые организации, как, например, Лига профсоюзного единства в Соединенных Штатах. Одновременно все эти организации в целом неустанно боролись за всеобъемлющее и единое профсоюзное движение. Однако как в Соединенных Штатах, так и в других странах в этой политике наметились кой-какие двойственные тенденции. Это была ошибка.

Роль Профинтерна в колониальных странах

На протяжении всех этих лет Профинтерн, как и Коминтерн, уделял чрезвычайно большое внимание работе в колониальных и полуколониальных странах Азии, Латинской Америки и Африки. Уже на своем первом конгрессе в 1921 году Профинтерн в духе ленинских установок призвал «эксплуатируемый мировым капитализмом пролетариат Турции, Индии, Кореи, Китая, Египта и других стран вступать в братскую семью Красных профсоюзов, чтобы общими усилиями низвергнуть мировое господство буржуазии и на его развалинах создать индустриальное братство трудящихся и угнетенных»¹⁷. Аналогичное обращение было направлено народам Латинской Америки и Африки.

Колониальный вопрос занимал центральное место на всех конгрессах Профинтерна. Несмотря на большие трудности, в конгрессах участвовали многочисленные делегаты из колониальных стран. В этих обширных районах созывались конференции, там учреждались международные бюро, создавались профсоюзы, активизировалась и организовывалась нарастающая классовая борьба. В следующих главах мы подробно остановимся на мощном движении, начинавшем оформляться в этих странах, на которые оказала глубокое влияние социалистическая революция в России.

Во всей этой работе Профинтерн коренным образом расходился с взглядами и практикой МФП. Профинтерн считал, что борьба против империализма в колониальных

странах имеет исключительно важное значение не только для интересов эксплуатируемых масс в этих странах, но также в целях поддержки борьбы рабочего класса в империалистических государствах. Это осуществлялось в соответствии с ленинским положением о том, что одной из основ мирового капитализма является его колониальная система и что рабочие капиталистических и колониальных стран должны объединяться в мощные союзы. С другой стороны, МФП, действуя в духе ревизионистов из социал-демократов, стремившихся к сохранению капитализма, зачастую игнорировала и предавала борьбу масс в колониальных странах, открыто или завуалированно придерживаясь оппортунистического взгляда, что колониализм якобы необходим при капитализме и в общем выгоден для масс в колониальных странах.

Широко развернувшаяся антиимпериалистическая борьба объединенных Профинтерном сил поставила перед молодым рабочим движением в колониальных странах много новых и сложных задач как в области тактики, так и в области идеологии. Главная задача распадалась по меньшей мере на три: а) профсоюзы должны поддерживать национальную буржуазию в национально-освободительном движении, когда она действительно ведет антиимпериалистическую борьбу; б) вместе с тем профсоюзы призваны бороться против нее во имя защиты и осуществления непосредственных экономических и политических интересов рабочего класса; в) в своей деятельности они должны руководствоваться основным ленинским положением о том, что рабочий класс является единственной общественной силой в колониях, с помощью которой можно довести национально-освободительное движение до окончательной победы.

МФП, подобно своему предшественнику — Международному секретариату национальных профсоюзных центров, — была почти исключительно европейской организацией. Профинтерн же, верный традициям Первого Интернационала, особенно в своей практической деятельности, являлся подлинно всемирной организацией. На огромной территории колоний, где проживает более половины всего человечества, боевая деятельность Профинтерна знаменовала собой новый этап в развитии мирового рабочего движения.

**БОРЬБА ЗА ЕДИНЫЙ ФРОНТ И ПРОФСОЮЗНОЕ ЕДИНСТВО
(1919—1926)**

С восьмидесятых годов прошлого столетия, особенно с того времени, когда капитализм вступил в фазу империализма, его основная политика неизменно была направлена на использование всех идеологических и других разногласий в рабочем движении с целью ослабления или уничтожения единства действий и организаций рабочего класса как в политической, так и в экономической областях. Особенно это стало проявляться с тех пор, как в движение включились огромные массы трудящихся и выросла его потенциальная мощь. Разногласия среди рабочих, создаваемые и разжигаемые предпринимателями и их сознательными и несознательными агентами, охватывают широкий круг вопросов политики, труда, пола, национальности, религии и расы. Несомненно, что буржуазное влияние на рабочее движение и является главной силой, раскалывающей единство рабочих.

В течение рассматриваемого нами периода, с 1919 года до всеобщей забастовки в Англии в 1926 году, предпринимателям удалось вызвать глубокий раскол в рабочем движении, принявший международный характер. Существовало четыре различных профсоюзных Интернационала: Профинтерн, МФП, анархо-синдикалистский и христианский (католический). Кроме того, внутри профсоюзов проявлялись и другие раскольнические тенденции, которые, однако, не приводили к созданию международных организаций.

Эти многочисленные глубокие и тяжелые по своим последствиям разногласия в рядах рабочего класса резко отличались от единства, царившего в ассоциациях предпринимателей отдельных стран, а часто и в международном масштабе. В то время, как и сейчас, предприниматели не состояли в различных ассоциациях, организованных по религиозному, национальному принципу, принадлежности к различному полу и пр. Наоборот, все предприниматели данной отрасли промышленности или торговли, несмотря на свои идеологические разногласия, входили, как правило, в одну и ту же ассоциацию. «Право» на нелепую практику создания специальных экономических организаций, основанных на идеологических принципах,

хозяева уступили рабочему классу, в рядах которого активно действовали опытные раскольники, вдохновляемые капиталистами.

Общая проблема единства профессиональных союзов

В дополнение к традиционным раскольническим тенденциям цехового тред-юнионизма, игнорирующего работу среди женщин и неквалифицированных рабочих, о чем говорилось раньше, наиболее серьезный раскол в рабочем классе вызывали разногласия между социал-демократами и коммунистами. Как мы уже видели, этот раскол был результатом предательства правых социалистов по вопросу о войне в 1914 году, их саботирования русской революции и, наконец, их упорного отказа возглавить решительную борьбу за повседневные интересы рабочих. В политической области этот раскол выразился в создании Коммунистического Интернационала и Второго Интернационала, а в экономической — в создании Профинтерна и МФП. Руководитель Профинтерна А. Лозовский сообщил следующие данные о численности этих организаций в 1924 году: «Амстердамский Интернационал объединяет от 14 до 15 миллионов членов... Мы объединяем от 12 до 13 миллионов»¹. Серьезное уменьшение численности МФП, в рядах которой по официальным заявлениям этой организации состояло в 1920 году 26 миллионов членов, объяснялось выходом из нее АФТ, захватом власти фашистами в Италии и резким снижением числа членов профсоюзов в Великобритании, Германии, Франции и в других странах.

Другой раскольнической организацией в рабочем классе был анархо-синдикалистский Берлинский интернационал, в котором насчитывалось 200—300 тысяч членов. Это движение, оформившееся в международном масштабе, как мы уже говорили, около 1906 года, было наиболее активным в романских и латиноамериканских странах.

В числе сил, раскалывающих ряды рабочего класса, важную роль играло так называемое христианское или католическое профсоюзное движение, которое начало оформляться в начале девяностых годов прошлого столетия. Международная федерация христианских профсоюзов в двадцатые годы этого столетия насчитывала до 3 миллионов членов², причем объединяемые ею профсою-

зы нанесли немалый вред рабочему движению в Германии, Франции, Италии, Венгрии, Бельгии, Чехословакии, Польше, Канаде, Мексике и других странах.

Помехой для профсоюзного движения были и так называемые «национальные профсоюзы», возникшие после 1900 года. Рабочие, принадлежавшие к определенным национальным меньшинствам в данной стране, часто создавали свои собственные профсоюзы, вместо того чтобы принимать участие в общем рабочем движении. От этой буржуазно-националистической тенденции пострадало рабочее движение во многих странах, в частности в Австрии, Чехословакии, Польше, Венгрии, Германии и других. Профсоюзы в Великобритании, Франции, Скандинавии, Японии и т. д., где национальных меньшинств немного, избегали этой болезни, мешающей единству.

Непосредственную ответственность за рост националистического тред-юнионизма несут социал-демократы, причем в период до первой мировой войны это было особенно характерно для Австрии³. В дореволюционной России большевикам удалось преодолеть подобные раскольнические националистические тенденции. В США, где в различных отраслях промышленности рабочие иностранного происхождения составляют от 60 до 85 процентов общего числа рабочих, подлинно национальные профсоюзы иммигрантов так и не были созданы. Проблема организации многих национальностей — иногда до 25 различных групп на том или ином сталелитейном заводе или в какой-нибудь угольной шахте — была решена вначале у «Рыцарей труда», а затем в таких профсоюзах АФТ, как профсоюзы горняков, плотников, текстильщиков и другие, путем создания местных «языковых» организаций, в которые входили рабочие основных национальных групп. По мере того как иммигранты американизировались и усваивали английский язык, эти организации постепенно отмирали*.

Мировое рабочее движение испытало также и значительные затруднения в связи с наличием расового тред-юнионизма. В тот период это особенно характерно было для США, где многие профсоюзы АФТ систематически не допускали в свои организации рабочих-негров, вынуждая их либо создавать свои отдельные союзы или оставаться

* Характерно для американского рабочего движения того периода, что социалистическая партия, а затем и Коммунистическая партия состояли в основном из национальных языковых федераций.

вне профсоюза, что обычно и случалось. В главе 10 мы видели, что в период после гражданской войны американские рабочие-негры создали свою собственную национальную организацию — Национальный профсоюз цветных рабочих. Британские профсоюзы в колониях и доминионах также, как правило, не допускали в свои организации цветных рабочих; этой политики постоянно придерживался профсоюз горняков и большинство других профсоюзов в Австралии и особенно в Южно-Африканском Союзе.

Сложная проблема рабочего единства была еще больше запутана в результате организации предпринимателями собственных «профсоюзов», которые тормозили создание подлинных профсоюзов. Это были организации различного типа. В Германии (и в некоторых других странах) существовали такие организации, как гириш-дункеровские союзы, созданные непосредственно буржуазной либеральной партией. В Чехословакии, по существу, все политические партии, включая и капиталистические, имели свои собственные профсоюзы. В России к организации «профсоюзов» приложила руку царская полиция. Однако наиболее важную роль среди созданных предпринимателями профсоюзов сыграли так называемые «компанейские союзы». В большем или меньшем числе они существовали во всех основных капиталистических странах — Великобритании, Германии, Японии, Франции, Бельгии и других, но и их родиной были США.

Компанейские союзы, которые организовали, финансировали и которыми руководили непосредственно предприниматели, впервые появились в США в 1886 году. Но только после 1900 года они начали создаваться в большом числе. Таким образом, предприниматели реализовывали один из основных пунктов своей программы — любой ценой не допускать организации рабочих в трестированных отраслях промышленности. В конце первой мировой войны насчитывалось около 250 таких союзов, главным образом в основных отраслях промышленности. К 1927 году таких союзов насчитывалось уже до 900, причем ими было охвачено около миллиона рабочих⁴. Организация компанейских союзов была частью хорошо разработанного плана борьбы с рабочим движением, включавшего в себя разветвленный шпионаж, использование нанятых предпринимателями гангстеров и сыщиков и применение террора на предприятиях и в промышленных

центрах. Предприниматели и руководители отделов кадров насаждали такие союзы в качестве верной гарантии против появления настоящих профсоюзов. Однако, несмотря на обширную систему компанейских союзов, рабочие во время первой мировой войны все же создали сильные профсоюзы в мясоконсервной, сталелитейной, лесопильной, машиностроительной и в других трестированных отраслях промышленности. Спустя несколько лет, в период широкой кампании тридцатых годов за организацию профсоюзов, рабочим удалось почти полностью ликвидировать компанейские или, говоря интернациональным профсоюзным языком, «желтые» союзы различных типов; эти союзы были предшественниками возникших позднее государственных профсоюзов Муссолини, Гитлера и других фашистских диктаторов.

Борьба за органическое профсоюзное единство

С момента своего возникновения в 1921 году Профинтерн проводил активную и упорную кампанию как за органическое объединение профсоюзного движения, так и за объединение для совместных действий. Постоянная борьба Профинтерна за рабочую солидарность была лучшим доказательством его революционного пролетарского характера. Она резко отличалась от деятельности консервативных лидеров МФП с их буржуазными тенденциями. Эти реакционеры полностью игнорировали проблему рабочего единства и в целях захвата руководства профсоюзами были готовы в любое время расколоть или ослабить их. Раскол профсоюзов является одним из основных проявлений буржуазного влияния в рабочем движении.

В различных странах организации Профинтерна неустанно работали над укреплением и объединением рабочего движения. Они всюду активно поддерживали кампанию по вовлечению неорганизованных рабочих в профсоюзы, входившие как в Профинтерн, так и в МФП. Они упорно добивались объединения бесчисленных цеховых союзов в промышленные профсоюзы современного типа. Одним из основных пунктов их программы было создание единого профсоюзного центра в каждой стране взамен полдюжины центров, существовавших в большинстве капиталистических стран. И во всех этих кампаниях они наталкивались на противодействие социал-демократов.

Однако Профинтерн боролся не за абстрактное единство и не за единство любой ценой. Основой борьбы за единство было укрепление боевых качеств и тактики профсоюзов. Главная стратегическая задача сводилась к тому, как уже отмечалось раньше, чтобы покончить с оппортунистическим отступлением рабочего класса в двадцатых годах, с широко разветвленной системой классового сотрудничества и активизировать преследуемое и гонимое рабочее движение.

В тот период резких внутренних разногласий внутри рабочего движения, когда в руководстве многих социалистических партий прочно засели реакционеры, было бы бесполезно говорить об объединении социал-демократической и Коммунистической партий в одну политическую организацию. В 1920 году Ленин в своем известном «21 пункте» ясно заявил, что пролетарское политическое единство предполагает решительное освобождение организаций рабочего класса от оппортунистического руководства, их отказ от политики классового сотрудничества. В условиях, когда перед профсоюзами стояла крайне важная задача вовлечь в свои ряды всех рабочих, позиция коммунистов и других левых элементов состояла в том, чтобы добиться общего профсоюзного единства. Однако оно могло быть действенным только в том случае, если бы основывалось на политике классовой борьбы и на подчинении единому боевому руководству. Именно с этих позиций Профинтерн в течение всего периода своего существования вел неустанную борьбу за объединение профессионального движения.

В соответствии с этой генеральной политикой Профинтерн на своем третьем конгрессе в июле 1924 года принял широкую программу объединения всемирного профсоюзного движения. В этом историческом документе говорилось: «Ни на минуту не прекращая решительной борьбы со всеми проявлениями реформизма в международном рабочем движении, беспощадно вскрывая их предательскую сущность, непрестанно разъясняя все это рабочим, которые еще не понимают роли реформизма как тормоза в освободительной борьбе пролетариата, третий конгресс во имя объединения сил пролетариата и интересов единого руководства борьбой рабочих против экономического наступления капитала и фашистской реакции считает наиболее неотъемлемой задачей своей деятельности развер-

тывание широкой кампании среди трудящихся масс в пользу единства международного движения. Эта кампания единства, осуществляемая прежде всего и главным образом в широких массах, должна совершенно отчетливо и во всем объеме поставить перед ними вопрос о создании единого Интернационала профсоюзов»⁵.

В резолюции предлагалось для проведения кампании за рабочее единство создать Комиссию единства всемирного рабочего движения из 17 членов. Резолюция указывала далее, что «Профинтерн не должен упускать ни одной возможности ведения переговоров с Амстердамским Интернационалом и его отдельными секциями по вопросу о создании единства и единого фронта. Однако это должно осуществляться в каждом отдельном случае с согласия и под руководством Профинтерна». В последующие годы, особенно после пятого конгресса в 1930 году, кое-где в организациях Профинтерна наблюдались некоторые левачьи, сектантские тенденции, характеризующиеся склонностью к ненужному раздвоению профсоюзного движения, нежеланием договариваться о выдвижении общих списков кандидатов на выборах рабочих комитетов и другими проявлениями подобной узости взглядов.

Профинтерн активно проводил во многих странах кампанию единства. Вместе с такой же кампанией, организованной Коминтерном, это привело к тому, что среди рабочих возникло и получило широкое распространение стремление к единству, и это в конечном счете привело к важным сдвигам в создании единого фронта. Однако предложения Профинтерна, касающиеся общего профсоюзного единства, вызвали яростное противодействие со стороны правых профбюрократов. В соответствии со своей принципиальной стратегической линией эти оппортунистические элементы решительно возражали против организационного единства мирового рабочего движения. Раскол в профсоюзном движении был им необходим для того, чтобы сохранить руководящую роль. Они понимали, что создание всеобщего профсоюзного Интернационала явилось бы смертельным ударом по их планам классового сотрудничества и господства над рабочим движением. Вот почему правые социал-демократы во всем капиталистическом мире и донныне стремятся сохранить раскол в мировом рабочем движении.

Вопрос единого фронта

Профинтерн не ограничивался борьбой за органическое профсоюзное единство путем вовлечения в профсоюзы неорганизованных рабочих, превращения цеховых союзов в производственные и общими предложениями о создании объединенных федераций труда в национальном и международном масштабе. Наряду с этим он пытался создать единый фронт в повседневной борьбе рабочих за их насущные нужды. С самого начала Профинтерн проводил ленинскую политику единства в борьбе. Однако его программа, включавшая соглашения «сверху» с руководителями Амстердамского Интернационала, не ограничивалась этим. В ней особо подчеркивалась важность создания «единого фронта снизу», то есть внедрения глубокого стремления к единству среди широких рабочих масс. На конгрессах Профинтерна неоднократно указывалось, что единство снизу является основой политики единого фронта. Социал-демократы систематически уклонялись от политики единого фронта. Они это делали почти с таким же упорством, как в вопросе о профсоюзном единстве, хотя и не так успешно.

Однако в начале двадцатых годов текущего столетия были приняты решительные меры, чтобы разрешить назревший вопрос о создании единого фронта. В апреле 1922 года в Берлине Коминтерн провел с руководителями Второго и Двухсполовинного Интернационалов общую конференцию по вопросу о выработке единой политики рабочего класса в связи с предстоящей в Женеве конференцией капиталистических государств. Реформистские лидеры, как правые, так и центристы, согласились участвовать в совещании только под давлением революционных рабочих Восточной и Центральной Европы. В Германии в следующем, 1923 году революционная борьба достигла высокого уровня. Характерно, что бюрократы-оппортунисты только делали вид, что борются за единство. После многочисленных споров совещание пришло к соглашению о совместной борьбе за восьмичасовой рабочий день, о необходимости добиваться признания Советской России и т. д. Для проведения в жизнь этого соглашения был организован трехсторонний комитет из десяти человек. Однако оппортунисты и не собирались выполнять это соглашение, хотя оно и было не более как подачкой революционным рабочим. Как заявил реакционер Боркенау:

«После совещания трех интернационалов официальное руководство социалистов оставалось глухим ко всем призывам к сотрудничеству»⁶. Таким образом, в области совместных международных действий совещание ни к чему конкретному не привело.

Но несмотря на все усилия оппортунистических профсоюзных и политических лидеров сохранить раскол в рабочем движении, не так-то легко было заставить рабочих отказаться от попыток установить единство действий. В течение всех последующих лет, вплоть до второй мировой войны, в условиях растущей борьбы за единый фронт Профинтерн не раз обращался к МФП с соответствующими предложениями, а входившие в него отдельные профсоюзы также вели работу в этом направлении. Контрреволюционная сущность правых лидеров отчетливо выразилась в их упорном сопротивлении всем попыткам создать единый фронт, так же как ранее в отказе от антивоенной борьбы в 1914 году и саботировании русской революции.

Вся деятельность Профинтерна и входящих в него организаций в последующие годы была насыщена борьбой за единый фронт в цеховом, местном, национальном и международном масштабах. Она выражалась в самых разнообразных формах: в поощрении цеховых комитетов к активным действиям, расширении забастовочных комитетов путем включения в них всех категорий рабочих, в проведении активных организационных кампаний, установлении через рядовых членов неофициального контакта между профсоюзами и совместных действий. Среди всех этих попыток добиться солидарности особенно выделяются кампании по объединению рабочих в странах Дальнего Востока и вовлечению их в тесное сотрудничество с рабочими Европы. В качестве специальной задачи Профинтерн решил приступить к организации негритянских рабочих в США и Африке.

Англо-русский профсоюзный комитет

Как пишет А. Лозовский, Амстердамский Интернационал не прочь был отклонить предложения Профинтерна о едином фронте, но входившие в него организации, на которых оказывали сильное давление рядовые члены, не всегда могли поступать так, как им хотелось бы. Наглое со-

противление реформистских профбюрократов встретило особенно серьезный отпор в организациях работников транспорта. Результатом этого явилась конференция единого фронта двух транспортных интернационалов, состоявшаяся в мае 1923 года в Берлине, когда обстановка в Германии характеризовалась новым высоким подъемом послевоенной революционной борьбы. Это происходило в то время, когда Второй Интернационал, всеми силами стремясь сохранить раскол в рабочем движении, вместе с МФП приступил к проведению политики исключения коммунистов из профсоюзов во всем мире.

На Берлинской конференции, говорит А. Лозовский, «мы приняли в высшей степени элементарные решения: борьба с войной путем создания контрольных комиссий в портовых городах, в узловых и важнейших железнодорожных центрах и т. п. Но то, что было принято Международной конференцией транспортников, встретило резкий отпор со стороны Амстердамского Интернационала»⁷. Фиммен и Удегест перессорились по этому вопросу, но в конце концов Фиммен ушел в отставку, а сторонникам Удегеста удалось полностью разрушить растущую солидарность транспортных рабочих. Однако амстердамские профбюрократы оказались перед лицом новой, более трудной и все более усложняющейся ситуации в вопросе о взаимоотношениях с советскими профсоюзами.

С самого начала советские профсоюзы отказались подчиниться амстердамским профсоюзным бонзам и заложили основу нового Интернационала — Профинтерна. На фоне победоносной русской революции советские профсоюзы пользовались огромным авторитетом среди рабочих всего мира, а в связи с широкой кампанией Коминтерна и Профинтерна за рабочее единство трудящиеся все настойчивее требовали принять советские профсоюзы в МФП без всяких предварительных условий. Под этим давлением, которое все усиливалось ввиду растущей опасности фашизма и войны, лидеры МФП в августе 1923 года пригласили руководителей русских профсоюзов для переговоров по вопросу о профессиональном единстве. Но, предпринимая этот шаг, они заранее постарались сделать все, чтобы сорвать соглашение, и потребовали от советских профсоюзов в качестве уплаты за прием в МФП отказаться от революционной критики, занять оппортунистическую позицию в отношении Советского правительства

и т. д. Как и рассчитывали лидеры МФП, это предложение было немедленно отклонено русскими. Такими способами Амстердамский Интернационал пытался заставить боевых европейских рабочих поверить, что он якобы добивается профсоюзного единства.

Удегест считал, что при помощи этого гнусного маневра ему удалось положить вопрос о советских профсоюзах в долгий ящик, однако английские профсоюзы не позволили так легко отделаться от него. В феврале 1925 года на заседании Генерального совета МФП делегаты британских тред-юнионов внесли предложение о созыве, причем без всяких предварительных условий, нового совещания совместно с представителями советских профсоюзов для обсуждения вопроса об их присоединении к МФП. Предложение это было отвергнуто 13 голосами против 6, после чего спустя два месяца британские профсоюзные лидеры самостоятельно провели в Москве совещание с руководителями советских профсоюзов. Был создан объединенный Англо-русский совещательный комитет, деятельность которого должна была «способствовать международному единству»⁸.

Такие необычные действия британских профбюрократов, открыто разошедшихся со своими коллегами в высших органах МФП, объясняются двумя обстоятельствами: во-первых, в рядах английского рабочего класса росли революционные настроения, которые в следующем году нашли выход в огромной всеобщей забастовке, и профсоюзные лидеры не могли не чувствовать этих настроений; во-вторых, Великобритания все время посматривала на многообещающий советский рынок и стремилась завоевать его, что, конечно, учитывалось буржуазно настроенными британскими профсоюзными чиновниками.

Появление Англо-русского совещательного комитета усилило давление, оказываемое на МФП в вопросе о профсоюзном единстве. Обстановка так накалилась, что даже заклятый враг Советского Союза Гомперс, не являющийся членом МФП, забеспокоился по поводу этих новых событий. Генеральный совет МФП, убедившись предварительно, что британские профсоюзные лидеры не намерены выходить из МФП и создавать вместе с советскими профсоюзами новую всемирную федерацию, в декабре 1925 года вновь отклонил британское предложение и подтвердил свое февральское решение этого же года, выста-

вив ряд препятствий на пути к международному рабочему единству. Такой была обстановка накануне мощной всеобщей забастовки в Англии, которая началась через несколько месяцев, в мае 1926 года. Как мы увидим позднее, эта борьба привела к роспуску Англо-русского совещательного комитета.

Глава 34

АНГЛИЙСКАЯ ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА (1926)

Грандиозная всеобщая забастовка, разразившаяся в Великобритании в мае 1926 года и охватившая около 5 миллионов рабочих, была вызвана прежде всего развивавшимся общим кризисом мировой капиталистической системы. Взрыв произошел в одном из наиболее уязвимых мест этой системы — в Великобритании. Британская империя давно уже начала терять свое когда-то бесспорное торговое превосходство, уступая его таким предприимчивым конкурентам на мировом торговом рынке, как США, Германия, Япония и другие, в том числе и британские доминионы. Хотя Англия и явилась одной из «победительниц» в первой мировой войне, она все же сильно пострадала в этой войне, и неблагоприятная обстановка, которая привела к этой исторической всеобщей забастовке, отражала ухудшившееся экономическое положение империи среди других капиталистических государств.

В восьмидесятые годы прошлого столетия в связи с появлением на мировой арене новых сильных империалистических соперников относительный упадок Великобритании в системе мирового капиталистического хозяйства стал особенно заметен. Британские капиталисты, не являясь больше безраздельными владыками всемирных рынков и колониального мира, начали уменьшать квалифицированным английским рабочим те высокие ставки, которые они выплачивали из своих сверхприбылей, и снижать и без того уже низкий жизненный уровень широких масс английских трудящихся. Именно эти обстоятельства и вызвали огромные забастовки и кампании поддержки знаменитой забастовки докеров в 1889 году и историческое движение 2 миллионов рабочих морского транспорта, железнодорожников и шахтеров в 1911—1914 годах, куль-

минационной точкой которого явилось создание Тройственного союза этих трех основных отрядов рабочего класса. Те же причины должны были привести и привели к всеобщей забастовке 1926 года.

К 1926 году мировой капитализм смог добиться «частичной, относительной и временной» стабилизации, а США переживали лихорадочный «бум». Иная обстановка сложилась в Великобритании, промышленность которой застыла в своем развитии. Белл сообщает, что в 1913 году Англия экспортировала 89 миллионов тонн угля, а в 1924 году только 61 650 тысяч тонн; судостроительная промышленность, выпустившая в 1913 году суда общим тоннажем в 1898 тысяч тонн, в 1924 году уменьшила свою продукцию до 1 165 тысяч тонн; выплавка стали в 1924 году была лишь немного выше уровня 1913 года¹.

Итон приводит следующие данные о массовой безработице в Англии: «В 1920 году 2,4 процента рабочих было без работы, а в 1921 году — 16,6 процента. Во все последующие годы, за исключением 1927 года (9,6 процента), процент безработных не опускался ниже 10, пока в 1939 году мир не был вновь ввергнут в войну»². Эта массовая безработица, на которую почти не распространялись жалкие государственные пособия по социальному страхованию, принесла рабочим неописуемую нищету. Несмотря на бедственное положение трудящихся, предприниматели настойчиво добивались общего снижения и без того низкого уровня жизни и условий труда рабочих. В июле 1925 года премьер-министр Болдуин откровенно заявил: «Все английские рабочие должны согласиться на снижение зарплаты, чтобы помочь промышленности встать на ноги»³. Лейбористско-либеральное правительство Макдональда, пришедшее ненадолго к власти в 1924 году ничего не сделало, чтобы приостановить дальнейшее ухудшение положения рабочего класса.

События, вызвавшие всеобщую забастовку

Угольная промышленность — база всей промышленной системы Великобритании — была узловым пунктом ее экономических затруднений. В течение последней четверти XIX столетия и в начале XX века, за исключением периода войны, она сильно страдала от иностранной конкуренции, растущего внедрения заменителей горючего и находилась

в состоянии непрерывного кризиса. Активная борьба шахтеров в защиту своих жизненных условий послужила основой для крупных и в общем успешных забастовок в 1911—1914 годах. Однако первая мировая война устранила возможность немедленного столкновения между предпринимателями и вновь созданным Тройственным союзом.

Следующее большое столкновение между горняками и шахтовладельцами произошло в 1921 году. В результате гнусного предательства лидера профсоюза железнодорожников Д. Х. Томаса и других оппортунистических профбюрократов Тройственный союз, как мы отмечали в главе 29, не смог поддержать миллиона бастующих шахтеров в «черную пятницу» 15 апреля. Предоставленные самим себе, шахтеры в результате длительной и трудной забастовки все же добились первого общенационального соглашения и сумели в основном отстоять свои прежние условия жизни и труда⁴.

После истечения срока действия соглашения 1921 года, в июле 1925 года, произошло большое столкновение, кульминационной точкой которого спустя десять месяцев явилась грандиозная всеобщая забастовка. К этому времени в промышленности насчитывалось до 25 процентов безработных, а огромные запасы угля лежали не только в Англии, но и в соседних с нею странах — Германии, Бельгии и Франции. Английские шахтовладельцы цинично потребовали снижения стандартных ставок в размере от 13 до 48 процентов, отмены семичасового рабочего дня и введения восьмичасового, а также замены основного всеанглийского соглашения рядом окружных соглашений. Борьба началась после того, как упорно боровшиеся шахтеры отказались принять эти драконовские требования. Лидером рабочих был А. Д. Кук — один из активнейших деятелей Национального движения меньшинства.

Генеральный совет Конгресса тред-юнионов высказался за полную поддержку шахтеров. Шаховладельцы заявили, что, если к 30 июля шахтеры не примут их условий, будет объявлен локаут. Явно неподготовленное к таким решительным действиям, правительство создало королевскую комиссию для изучения положения, в связи с чем предприниматели взяли обратно свое предупреждение о локауте. Эта «красная пятница» была охарактеризована как настоящая победа рабочих. Однако фактически дело

обстояло так, что правительство получило (и использовало) время для подготовки к серьезной борьбе, неизбежность которой не вызывала сомнений.

В течение следующих нескольких месяцев правительство Болдуина проводило решительные мероприятия по борьбе с забастовочным движением. Оно начало мобилизовывать грузовые автомобили, готовить их для чрезвычайных работ, концентрировать в специальных депо паровозы, составлять списки потенциальных штрейкбрехеров и готовить кадры для занятия ключевых постов в промышленности. Все эти так называемые активные антизабастовочные мероприятия проводились через Специальное управление снабжения (СУС). Вся страна была разделена на десять округов, и в каждом из них были созданы чрезвычайные экономические и политические органы. В стратегически важные районы были переброшены крупные воинские соединения. Короче говоря, правительство готовилось так, словно ему предстояло подавить революцию.

Между тем правые профбюрократы, находившиеся в руководстве профсоюзным движением, Томас, Ситрин, Пат, Бевин, Смит и другие были совершенно сбиты с толку ходом событий. Центристы Персель, Хикс и Свейлс проявили себя не лучше. Пользовавшиеся огромным влиянием среди рядовых членов профсоюзов левые — Коммунистическая партия и Национальное движение меньшинства, — руководимые Гарри Поллитом, требовали от Генерального совета проведения немедленных и решительных мер в связи с намечавшимся критическим положением. Крук замечает, что «давление «левых» и особенно небольшой, но решительно настроенной Коммунистической партии, добивавшихся проведения широких мероприятий по подготовке к возможной борьбе в промышленности, если и оказывало какое-либо влияние на Генеральный совет, то только отрицательное». Говоря о неподготовленности лидеров, Крук заявляет, что они были «не подготовлены и гордились этим»⁵.

Оппортунистические профбюрократы, более пригодные для ведения дружеских переговоров с владельцами, чем для руководства всеобщей забастовкой, надеялись на урегулирование конфликта и беспомощно топтались на месте. Они отвергли план восстановления Тройственного союза и лишь в самый последний момент согласились пре-

доставить Генеральному совету ограниченные полномочия в руководстве движением. Профбюрократы шли вместе с массовым движением английского рабочего класса только потому, что ничего не могли сделать, чтобы остановить его. Всякая энергичная борьба была совершенно чужда общей концепции социал-демократической теории и политике классового сотрудничества. Менее всего профбюрократы ожидали или хотели подлинно классовой войны против оголтелых эксплуататоров английского рабочего класса.

11 марта 1926 года Королевская угольная комиссия, возглавляемая Гербертом Сэмюэлем, представила доклад, составить который ей было поручено год назад. В основном она стала на сторону шахтовладельцев: предложение о национализации угольных шахт отвергалось, выплата правительственной субсидии угольной промышленности приостанавливалась, зарплата уменьшалась, а рабочий день увеличивался. Никаких мероприятий, направленных против интересов шахтовладельцев, конечно, не предполагалось. Последовало несколько недель бесплодных переговоров, причем правительство все более исходило из того, что забастовка обязательно состоится, а Генеральный совет пытался избежать ее. В итоге всех этих переговоров в полночь 3 мая 1926 года вступило в силу указание о проведении общенациональной всеобщей забастовки.

Ход забастовки

2 сентября 1925 года в Скарборо 3 082 тысячами голосов против 79 тысяч Конгресс тред-юнионов вынес решение проводить забастовочную политику. Накануне забастовки профсоюзы 3 600 тысячами голосов против 50 тысяч также высказались за проведение всеобщей забастовки. На призыв к забастовке 3 мая рабочие дружно ответили массовым прекращением работы. Ничего подобного в Великобритании еще не наблюдалось. «Весь транспорт — поезда, автобусы и трамваи — остановился, газеты не вышли, строительство прекратилось, электростанции стояли». Шахты, сталелитейные заводы, химические заводы и предприятия других ключевых отраслей промышленности почти полностью прекратили работу. Характерно единодушие, с каким забастовали служащие. Коул и Постгейт отмечают: «Такие профсоюзы, как Ассоциация железнодорож-

ных служащих, настроение которых до последнего времени было неясным, в большинстве случаев лояльно выполнили решение о забастовке, как и боевой Национальный союз железнодорожников или такая старейшая неподатливая цеховая организация, как Лондонские наборщики»⁶. Из 1 100 профсоюзов Англии отказались участвовать в забастовке только 3, причем крупнейшим из них был Союз моряков Гевлока Уилсона.

Квалифицированные рабочие бастовали бок о бок с неквалифицированными. Например, на Лондонской и Северо-Восточной железных дорогах из 11 500 паровозных машинистов вышли на работу только 75⁷. Настроение у рабочих было бодрое и боевое: наконец-то, они должны были свести счеты с предпринимателями или во всяком случае надеялись сделать это. Вторая большая волна забастовок прокатилась 11 мая, охватив судостроительных рабочих, металлостов и др. Хатт сообщает, что, несмотря на отчаянные попытки правительства найти штрейкбрехеров, к моменту прекращения забастовки рабочих бастовало больше, чем в день ее объявления.

Правительство решительно ввело в борьбу против забастовщиков огромные силы. Своей основной задачей оно считало сохранение бесперебойной работы транспорта, хотя бы в минимальном объеме, особенно для переброски продуктов питания. В известной степени ему удалось осуществить это, используя имеющиеся в его распоряжении грузовые и легковые автомобили. Чтобы запугать забастовщиков, правительство использовало войска, широко применяло радио, которое вопило «о гражданской войне». СУС создало в городе и на железных дорогах какое-то подобие транспортной организации. Но эта штрейкбрехерская организация так и не смогла до конца забастовки расстроить ряды бастующих. Уинстон Черчилль, в то время член кабинета, особенно решительно высказывался за насильственное прекращение забастовки.

Когда начали разворачиваться эти события, руководители забастовки находились в состоянии замешательства и паники. Все их теории классового сотрудничества рушились у них на глазах. Как это показали последующие события, их стратегия состояла не в том, чтобы при помощи решительной тактики выиграть забастовку, а в том, чтобы любой ценой договориться о ее прекращении. Характеризуя их позицию, Коул и Постгейт заявляют, что «всюду

царили неразбериха и страх. Многие члены совета испугались избранного ими оружия забастовки и хотели только одного — поскорее сложить его. В отношениях между шахтерами и советом царил неразбериха⁸. В результате всего этого совет проводил нерешительную оборонительную политику. Хатт замечает, что «война никогда не переносилась в стан противника»⁹. Руководители забастовки были так напуганы, что даже отказались принять 350 тысяч фунтов, присланные советскими рабочими в помощь бастующим. Совет дошел до такой нелепости, что обрисовал забастовку только как промышленный конфликт, хотя вся страна знала, что это была исключительная по своей важности политическая борьба, от исхода которой зависела судьба правительства и рабочего движения.

Всенациональная всеобщая забастовка — это, по существу, революционное оружие, если это не просто забастовка протеста, объявленная на определенный срок. Между рабочим классом и классом капиталистов здесь происходит принципиальное политическое столкновение. Когда рабочие организованно останавливают экономическую жизнь страны, правительство не может не рассматривать их действия, как открытое оспаривание его права управлять страной. Именно так поступило правительство Болдуина, и оно вело борьбу против всеобщей забастовки, считая ее началом гражданской войны. Генеральному совету — хотел он этого или нет — приходилось согласиться с логикой вещей. Чтобы довести забастовку до победного конца, он обязан был принять самые решительные меры: полностью остановить работу в ключевых отраслях промышленности и заставить правительство пойти на соглашение, даже если рабочий класс еще не был подготовлен к ликвидации капиталистической системы и к образованию социалистического правительства. Но такой революционный подход и смелые действия были совершенно не в духе оппортунистических руководителей британских профсоюзов. Они шли по другому пути — по пути капитуляции перед своими хозяевами-капиталистами.

Пока оппортунисты — руководители забастовки вместо того, чтобы предпринять решительные действия, колебались, трусили и топтались на месте, правительство твердило по радио, что забастовка срывается, так как забастовщики якобы массами возвращаются на работу. Это

еще больше подорвало боевой дух профсоюзных лидеров, если он у них вообще когда-нибудь был. Однако объективный американский наблюдатель профессор Крук утверждает, что правительству не удалось добиться сколько-нибудь существенного ослабления сил бастующих. Всю эту шумиху он называет «мифическим ослаблением» забастовки. В частности, он пишет о положении на решающем участке забастовки — на железных дорогах. На Большую Западную железную дорогу ко дню прекращения забастовки из общего количества в 6 206 человек на работу вернулось только 25. На Лондонской, Мидлендской и Шотландской железных дорогах возобновили работу лишь 273 паровозных машиниста из 14 671 ¹⁰. Не лучше было положение и на других дорогах.

Перепуганные огромным размахом движения, которым они призваны были руководить, оппортунисты из Генерального совета явились 12 мая в кабинет премьер-министра и безоговорочно капитулировали. Они делали при этом вид, что доклад угольной комиссии Сэмюэля переработан заново, в пользу шахтеров. «Их жалкое замешательство, — говорит Хатт, — было настолько очевидным, что намеченные планом мероприятия «второй линии» были осуществлены всего за несколько часов до прекращения забастовки, а их желание выдать желаемое за действительность было таково, что некоторые из них разослали членам своих профсоюзов циркуляры о «победе» ¹¹. Колоссальная забастовка продолжалась девять дней. Сообщение о ее прекращении произвело ужасное впечатление. Крук пишет, что «в течение суток после передачи по радио сообщения об окончании забастовки среди членов профсоюзов царил неопишемое смятение» ¹².

За «единодушное» предательство Генерального совета несли ответственность не только правые типа Томаса — Бевина, но и центристы группы Перселя — Хикса. Что касается шахтеров, то они отвергли доклад Сэмюэля, на основании которого была прекращена забастовка. В течение последних нескольких дней забастовки они фактически бойкотировали Генеральный совет. Шахтеры еще несколько месяцев продолжали борьбу, пока в ноябре она не закончилась поражением. Это было повторением «черной пятницы» 1921 года, но на этот раз в значительно большем объеме и со значительно более тяжелыми последствиями.

Последствия забастовки

Сознавая, что провал забастовки явился тяжелым ударом по организованным рабочим, предприниматели поставили перед собой задачу решительно подорвать силу профсоюзов путем снижения зарплаты и ухудшения условий труда в целом. Это, однако, вызвало такой взрыв негодования рабочих, что предупреждения о снижении зарплаты были тут же аннулированы. Несомненно, многие предприниматели, не говоря уже о крикливой фашистской кучке Мосли, очень хотели бы пойти дальше по пути к фашизму. Сам Черчилль был открытым сторонником Муссолини и заявлял, что если бы жил в Италии, то поддерживал бы его. Но в Англии условия для фашизма еще не созрели. Капиталисты еще не располагали необходимой фашистской организацией, массы их потенциальных сторонников из средних классов не были еще подготовлены, британский экономический кризис не зашел еще настолько далеко, чтобы можно было как-то оправдать подобные решительные меры, и любая попытка установления фашистской диктатуры вызвала бы яростное сопротивление рабочего класса.

Вот почему контрнаступление предпринимателей не переросло в фактическую попытку установить фашизм. Тем не менее оно было достаточно сильным и ожесточенным и привело к принятию в 1927 году пресловутого «Закона о профсоюзных спорах и профсоюзах». Рабочим потребовалось два десятилетия, чтобы добиться его отмены. Этот закон, самый гнусный из всех принятых в Великобритании за последнее столетие, лишал профсоюзы многих прав, завоеванных ими с таким трудом. Согласно этому закону категорически запрещались всеобщие забастовки и забастовки солидарности, любой руководитель или участник «нелегальной» забастовки штрафовался или приговаривался к тюремному заключению на срок до двух лет; массовое пикетирование объявлялось незаконным, а обычное пикетирование резко ограничивалось; профсоюзам государственных служащих запрещалось присоединяться к Генеральному совету профсоюзов или к партии лейбористов; ограничивалось право профсоюзов накладывать дисциплинарные взыскания на штрейкбрехеров и собирать деньги со своих членов для взносов в фонд партии лейбористов. Реакционеры торжествовали по поводу принятия этого жестокого закона, уверенные в том, что им,

наконец, удалось обуздать профессиональное движение, принимавшее все более угрожающие размеры. Однако этим надеждам реакционеров не суждено было сбыться.

После того как забастовка была предана, рабочих, естественно, охватило уныние. В течение следующего года Конгресс тред-юнионов потерял полмиллиона членов. В результате своей оппортунистической политики лидеры умудрились уменьшить общее число членов с 6 505 482 в 1920 году до 3 744 320 в 1930 году. Многие профбюрократы открыто торжествовали по поводу того, что всеобщая забастовка провалилась; Томас и его приспешники нагло заявляли: «Этого больше не повторится». Как именно консервативные руководители профсоюзов оценивали обстановку, видно из того факта, что уже через месяц после принятия антипрофсоюзного закона они вместе с предпринимателями занялись подготовкой английского варианта американской программы повышения производительности труда — пресловутого плана «Балтимора — Огайо». Английский вариант этого плана, о котором мы уже говорили выше, известен под названием «мондизма». Основным результатом мондизма, как сообщает Хатт, было «ухудшение во всей промышленности условий труда, усиление эксплуатации, произвольное снижение сдельных расценок, нарушение соглашений»¹³ и уменьшение числа членов профсоюзов.

Одним из наиболее тяжелых последствий предательства этой великой забастовки явилось прекращение деятельности Англо-русского совещательного комитета, который, казалось, открывал многообещающие перспективы в области установления всемирного профсоюзного единства. Руководители британских профсоюзов, безропотно отступая перед капиталистами, использовали как предлог для формального разрыва с ВЦСПС факт критики советскими профсоюзами порочного руководства всеобщей забастовки. Этот разрыв был осуществлен на Эдинбургском съезде в сентябре 1927 года. Предприниматели с торжеством одобрили эти раскольнические действия, органически вытекавшие из активной оппортунистической политики раболепия правых профсоюзных лидеров перед капиталистическими хозяевами.

Глубокий анализ английской всеобщей забастовки сделал Сталин¹⁴. Он проследил соотношение экономических и политических факторов, которые способствовали

упадку Британской империи и ускорили грандиозную забастовку. Кратко изложенные Сталиным семь причин неудачи забастовки сводятся к следующему: а) «Английские капиталисты и партия консерваторов, как это показал ход забастовки, оказались в общем опытнее, организованнее и решительнее и потому сильнее, чем английские рабочие и их руководители...»; б) «Английские капиталисты и партия консерваторов встретили грандиозный социальный конфликт во всеоружии полной и несомненной подготовленности, тогда как лидеры английского рабочего движения были застигнуты врасплох...»; в) «Штаб капиталистов, партия консерваторов, вел борьбу сплоченно и организованно... тогда как штаб рабочего движения... оказался внутренне деморализованным и разложенным»; г) «Штаб английского капитализма, партия консерваторов, понимал, что грандиозная забастовка английских рабочих есть факт громадной политической важности... Штаб рабочего движения Англии, Генсовет, не понимал этой простой вещи или не хотел ее понять, или боялся ее признать, уверяя всех и каждого, что общая забастовка есть средство исключительно экономического порядка, что он не хочет и не намерен перевести борьбу на рельсы политической борьбы... Тем самым Генеральный совет обрек забастовку на неминуемый провал. Ибо, как показывает история, общая забастовка, не переведенная на рельсы политической борьбы, неминуемо должна провалиться»; д) капиталисты по своей линии организовали взаимную широкую интернациональную поддержку, чего нельзя сказать о профсоюзных руководителях; е) Амстердамский Интернационал не оказал активной поддержки забастовке, и это, несомненно, способствовало ее провалу; ж) Коммунистическая партия Великобритании, хотя и проводила «абсолютно правильную» политику, но была немногочисленной и не пользовалась авторитетом у масс, чтобы оказать решающее влияние на ход забастовки.

Соотношение сил между МФП и Профинтерном

После провала английской всеобщей забастовки лидеры германских профсоюзов, возглавляемые секретарем Германской федерации профсоюзов Теодором Лейпартом, попытались, хотя и безуспешно, отвоевать у англичан контроль над МФП. На четвертом конгрессе Амстердам-

ского Интернационала в Париже в августе 1927 года Лейпарт попытался не допустить переизбрания Персела президентом МФП, выдвинув вместо него кандидатуру другого английского делегата — Джорджа Хикса. В результате создавшегося тупика английские делегаты ушли с конгресса. Позже, в сентябре того же года, они вернулись, и на специальном заседании МФП генеральным президентом был избран секретарь Британского конгресса тред-юнионов Уолтер Ситрин, зарекомендовавший себя как один из активнейших организаторов провала английской всеобщей забастовки и поэтому, по мнению Амстердамского Интернационала, вполне заслуживший того, чтобы его поставили во главе Международного объединения профсоюзов ¹⁵.

В начале мирового экономического кризиса 1929—1933 годов численный состав МФП и Профинтерна был приблизительно следующий. МФП утверждала, что она насчитывает 13 800 тысяч членов ¹⁶, сгруппированных по отраслям промышленности и профессиям в 29 международных секретариатах. Входящие в МФП профсоюзы почти полностью приходились на Европу, так как из общего числа членов насчитывалось: в Канаде только 156 тысяч, в Аргентине 82 тысячи и в Африке 9 тысяч человек. На пятом конгрессе Профинтерна в августе 1930 года сообщалось, что во входящих в него профсоюзах насчитывается 12 880 275 членов, организованных в 13 международных комитетов пропаганды или профсоюзных секретариатов. Генеральный секретарь Профинтерна А. Лозовский определил (несколько преувеличенно), что, включая формально не присоединившиеся, но сочувствующие организации, в Профинтерне насчитывалось около 18 миллионов членов ¹⁷. Например, в Германии, хотя там не было союзов, входивших в Профинтерн, насчитывалось до 2 миллионов его сторонников; в Великобритании в организациях, входивших в Профинтерн, состояло около 10 тысяч членов, а сторонники Национального движения меньшинства исчислялись сотнями тысяч. Такое же положение существовало и во многих других странах. Влияние Профинтерна было особенно сильным в молодом, но бурно растущем рабочем движении Латинской Америки, а также в Китае, Японии, Индии, Корее и других государствах Дальнего Востока и в организациях негритянских рабочих, которые начали возникать в различных странах.

РАБОЧИЕ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

(1929—1932)

Для развития капитализма во всех странах характерны циклы промышленного подъема и последующей депрессии, повторяющиеся примерно через каждые десять лет. Цикличность кризисов вызывается главным образом характером капиталистического производства, которое развивается быстрее, чем доступные ему в данное время рынки сбыта. Упадок в промышленности продолжается до тех пор, пока в результате массовых увольнений рабочих, уничтожения излишков продукции и т. п. развитие производительных сил не начинает отставать от уровня потребления, после чего вновь начинается цикл промышленного подъема. Периодическим кризисам подвержены такие капиталистические страны, как Англия, США, Германия, Япония и др. Характерно, что кризисы проявляют тенденцию охватывать одновременно все большее и большее количество стран и приобретать каждый раз все более глубокий характер.

Как указал Сталин, серьезный экономический кризис 1929—1932 годов был именно таким цикличным кризисом перепроизводства¹. Но это был наиболее глубокий, наиболее продолжительный и самый разрушительный в мировой истории экономический кризис. Датт отмечает, что если во время предыдущих кризисов наибольший периодический спад продукции во всем мире составил 7 процентов, то в период между вторым кварталом 1929 года и третьим кварталом 1932 года мировое промышленное производство сократилось на 42 процента. В это время многие страны отказались от золотого стандарта, прекратился экспорт капиталов, в международных финансах отмечался хаос, международная торговля (в золотых долларах) упала на 65 процентов, безработица выросла до неслыханных размеров — в мире насчитывалось от 30 до 50 миллионов безработных². Число полубезработных выражалось еще более внушительной цифрой. Последствием этого экономического кризиса, как мы увидим ниже, явились серьезные политические события.

Исключительные масштабы мирового цикличного экономического кризиса 1929—1932 годов в основном объяснялись тем фактом, что он происходил на фоне углубляю-

щегося общего кризиса всей капиталистической системы. Это означает, говорил Сталин, «что империалистическая война с ее последствиями ускорила процесс разложения капитализма и нарушила его равновесие, что сейчас мы живем в эпоху войн и революций, что капитализм более не представляет собой единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самим фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы.

Это означает далее, что империалистическая война и победа революции в СССР расшатали устой империализма в колониальных и зависимых странах, что авторитет империализма в этих странах уже подорван, что он не в силах больше по-старому хозяйствовать в этих странах»³.

Разрушения, вызванные экономическим кризисом

Этот мировой кризис, говорил Сталин, начался в Польше и на Балканах, но в полной мере и с особой силой проявился лишь в октябре 1929 года, когда поразил США, вызвав крупнейший биржевой крах. Затем он быстро охватил весь капиталистический мир. Под ударами кризиса 1929 года рухнула экономическая структура США — страны пресловутого капиталистического вечного «процветания». К концу 1932 года сумма потерь на бирже вследствие падения акций составила свыше 160 миллиардов долларов, производство в основных отраслях промышленности снизилось на 50 процентов. Обанкротился 5 761 банк, стоимость сельскохозяйственной продукции упала с 8,5 миллиарда долларов до 4 миллиардов, зарплата во всех отраслях промышленности была снижена по меньшей мере на 45 процентов, а число безработных к началу 1933 года дошло до 17 миллионов. Обнищание американских трудящихся масс достигло небывалых масштабов⁴. В таком же тяжелом положении оказалась промышленность Канады — ближайшего соседа США: 1 миллион человек остался здесь без работы.

Столь же разрушительными последствиями ознаменовался экономический кризис в Германии. Промышленное производство сократилось на 45 процентов, все отрасли экономической жизни страны были парализованы. По

данным правительства, в августе 1932 года насчитывалось 5 225 тысяч полностью безработных, но фактически их было по меньшей мере 8 миллионов человек, не считая огромной массы полубезработных. Газета немецких социал-демократов «Абенд» подсчитала, что на пособие по безработице, составлявшее всего лишь 3—4 доллара в месяц, в Германии существовало 17 миллионов человек. Недельная зарплата снизилась с 42 марок в 1929 году до 21 марки в 1932 году, тогда как ориентировочный прожиточный минимум составлял 38 марок.

Уровень промышленного производства в Великобритании, как отмечает Итон, упал на 25 процентов, то есть сравнительно меньше, чем в других странах. Это объясняется тем, что Англия не успела полностью оправиться после первой мировой войны и к моменту наступления кризиса уже находилась в состоянии депрессии⁵. Число безработных, по официальным данным, увеличилось с 1 165 тысяч человек в 1929 году до 2 970 тысяч в 1932 году, причем в официальные списки не было включено еще около 800 тысяч безработных и 1—2 миллиона человек, которые работали только часть недели. Как и во всех других капиталистических странах, здесь произошло резкое снижение заработной платы, а пособие, как и всегда, выплачивалось в таких размерах, что его хватало лишь на голодное существование.

Кризис тяжело отразился также и на промышленной Японии. В 1932 году здесь насчитывалось 2 840 тысяч полностью безработных и миллионы полубезработных. Японские рабочие, как и рабочие США, в 1929 году не пользовались государственными пособиями. Во Франции в июне 1932 года было 2 300 тысяч полностью безработных и 5 618 800 полубезработных. Такая же обстановка сложилась в Италии, Австрии, Польше, Чехословакии, Бельгии, Испании, Скандинавии, Австралии и других капиталистических странах. Кризис глубоко порастил колониальные и полуколониальные страны. В Китае, Индии и других азиатских странах безработица достигла рекордного уровня. В исключительно тяжелом положении оказалось сельское хозяйство, голод уносил не меньше жертв, чем чума. В странах Латинской Америки, где кризис носил особенно разрушительный характер, промышленность и внешняя торговля сократились на 50—80 процентов.

Контраст между СССР и капиталистическим миром

В годы глубокого экономического кризиса мир наглядно убедился в преимуществах социалистической системы перед капиталистической. В то время как капиталистическое производство уменьшилось почти наполовину, производство в Советском Союзе, не затетом всемирным капиталистическим кризисом, продолжало бурно развиваться. Варга указывает, что в 1930—1932 годах объем производства в СССР увеличился не менее чем на 81 процент. Именно в течение этих лет в промышленность, транспорт и сельское хозяйство было вложено 64 миллиарда рублей и в основном закончено выполнение первого пятилетнего плана. В то время как в капиталистических странах десятки миллионов трудящихся не имели работы и голодали, в Советской России не было безработных, наоборот, быстрый рост промышленности, покончив с безработицей, требовал все новых и новых кадров рабочих.

Разительный контраст между загнивающим капитализмом и бурно развивающимся социализмом вызывал среди капиталистов всего мира и его социал-демократических приспешников глубокое замешательство. Всячески восхваляя капиталистическую систему эксплуатации и угнетения человека человеком, они давно уже утверждали, что советская система — это провалившийся эксперимент. Но десятки миллионов рабочих и трудящихся крестьян во всем мире в эти годы тяжелых испытаний с особой ясностью поняли превосходство социализма над капитализмом, и это укрепило их надежды в борьбе за новый мир, достойный цивилизованного человечества.

Противоположность политики МФП и Профинтерна

Кризис застал капиталистов всего мира врасплох. Подавляющее большинство буржуазных экономистов твердило о перспективе бесконечного подъема капитализма. «Великий инженер» президент США Герберт Гувер усиленно проповедовал, что «новый капитализм» вот-вот полностью ликвидирует нищету. Временный подъем, составляющий одну сторону экономического цикла в развитии капитализма, с такой силой воздействовал на умы его экономических и политических пророков, что они не в состоянии были покинуть иллюзорный мир своих несбыточных желаний.

Правые социал-демократы, которые заимствовали

основные экономические идеи из буржуазных источников, были также как громом поражены внезапно разразившимся экономическим кризисом. В искусстве представлять капиталистическую систему в розовом свете они перещеголяли своих буржуазных учителей. Во всем капиталистическом мире руководители Второго Интернационала и МФП, прикрываясь псевдомарксистской фразой, болтали о том, что капитализм вступает в новую, лучшую, светлую фазу «организованного капитализма», или «ультраимпериализма». И тут с катастрофической быстротой внезапно разразился кризис.

Совершенно иную позицию, не имевшую ничего общего с растерянностью капиталистов и их приспешников, занимали марксисты-ленинцы, возглавлявшие Коминтерн и Профинтерн. Для них тяжелый кризис не явился неожиданностью: они давно предупреждали о его неизбежном наступлении. На шестом конгрессе в июле—сентябре 1928 года, почти накануне кризиса, Коминтерн предупредил рабочих всего мира, что теперешний экономический «бум», провозглашенный социал-демократами как начало новой эры прогресса капитализма, является временным и скоро перейдет в глубокий кризис, связанный с общим обострением классовой борьбы во всем мире⁶. Такой же анализ и оценку перспектив дал и Профинтерн.

Правые социал-демократы, погруженные в мечты о прогрессе капитализма и о классовом сотрудничестве, ответили на эту марксистскую оценку развития мирового хозяйства презрительными насмешками. Но прогноз марксистов-ленинцев полностью подтвердился, когда действительно разразился глубокий экономический кризис, а затем произошли такие важные события, как рост мирового фашизма, вторая мировая война, развернулись такие гигантские классовые битвы, как революция в Китае. Указывая в 1928 году, что под внешней видимостью капиталистического «процветания» в действительности во всем мире происходило резкое углубление общего кризиса капиталистической системы и обострение классовой борьбы, Коминтерн блестяще доказал свою историческую правоту.

Накануне серьезнейшей экономической катастрофы правые социал-демократические профсоюзные и политические лидеры не только разделяли иллюзии капиталистов о том, что кризиса не будет, но и в соответствии со своей общей политической линией полностью поддержи-

вали предпринимателей в отношении необходимых мер, если кризис все же разразится. Капиталисты, а с ними социал-демократы преуменьшали размах и вероятную продолжительность кризиса и единодушно твердили, что «в самое ближайшее время наступит процветание». Эта гармония взглядов была вполне естественной как для социал-демократических, так и для капиталистических лидеров, основные экономические «принципы» которых были, в сущности, одинаковыми.

В период циклических кризисов капиталисты всегда стремились переложить все тяготы на плечи трудящихся. Эта цель достигалась путем снижения заработной платы и создания массовой безработицы на весь период экономической бури — до нового подъема кривой экономического цикла. Точно так же поступили предприниматели и во время глубокого экономического кризиса 1929—1932 годов. И нет ничего удивительного в том, что оппортунистическая политика социал-демократов полностью соответствовала этому варварскому курсу капиталистов. МФП и основные его организации доказали это, отказавшись организовать решительную борьбу для защиты интересов рабочих в этой трагической обстановке.

Лорвин при всей своей недоброжелательности к левым правильно говорит, что «до лидеров МФП очень медленно доходила серьезность экономической депрессии, начавшейся после биржевой паники в октябре 1929 года»⁷. Руководитель Профинтерна А. Лозовский отмечает, что даже 7—11 июля 1931 года основные докладчики на Стокгольмском конгрессе МФП не упоминали об экономическом кризисе и уделили все свое внимание составленным в духе классового сотрудничества прожектёрским планам «национализации», «планового производства» и т. п. «Международный реформизм, представляемый Вторым и Амстердамским интернационалами, просто игнорирует факт мирового экономического кризиса»⁸. Пассивная позиция МФП выражалась в масштабе отдельных стран в такой же пассивности Британского конгресса тред-юнионов, Германской федерации профсоюзов, Американской федерации труда и других консервативных профсоюзных организаций того времени. Эти организации, особенно в течение первых двух лет, пытались просто-напросто игнорировать катастрофу.

Полной противоположностью пассивности МФП и вхо-

дящих в нее и сочувствующих ей организаций являлись Профинтерн и его сторонники, которые вели активную борьбу во всем мире, стремясь уменьшить влияние кризиса на рабочий класс. Эта деятельность особенно ярко выражалась в активной забастовочной политике против снижения зарплаты и в развертывании международной борьбы против массовых увольнений, за установление пособий по безработице и введение социального страхования. Профинтерн повсеместно организовывал безработных, связывая их с профсоюзами. Уже 6 марта 1930 года был организован всемирный день протеста и борьбы против безработицы, прошедший с большим успехом во многих странах. И после этого во время кризиса было проведено много других массовых выступлений.

Под решительным давлением левых элементов лидеры профсоюзов, входивших в МФП, были вынуждены на последующих этапах кризиса проявить какие-то признаки активности. Однако насколько неискренней была их «борьба», видно из приведенного Лорвином следующего факта. Встревоженная успехами левых в 1931—1932 годах, МФП предложила созвать международную профсоюзную конференцию по вопросу об экономическом кризисе, но отказалась от своего предложения, как только АФТ уклонилась от участия в ней⁹. Давление масс может напугать прокапиталистически настроенных профсоюзных руководителей, даже заставить их сделать вид, что они проявляют какую-то активность, но они никогда не будут по-настоящему бороться за интересы рабочих. Во всех случаях, когда движение масс переживает новый подъем и консервативным лидерам удается пробраться на высокие посты, они «возглавляют борьбу для того, чтобы обезглавить ее», как только это оказывается возможным. Общераспространенный немецкий лозунг того периода («заставить бонз драться»), как указал Профинтерн, был неправильным. При наличии подобных лидеров первоочередная задача рабочих заключалась в том, чтобы отобрать у них власть и как можно скорее отделаться от них.

Борьба с обнищанием трудящихся в капиталистических странах

В 1929—1932 годах, то есть за три года, в пятнадцати крупнейших странах произошло 18 794 забастовки, в которых участвовало 8 515 000 рабочих, и «потери» рабочего

времени составили 84 768 700 человекодней. Из этого количества 1 468 забастовок произошло в Англии, 2 700 — в США, 3 601 — во Франции, 1 304 — в Германии, 688 — в Чехословакии, 6 889 — в Японии, 1 333 — в Китае и 480 — в Индии¹⁰. Большую часть этих забастовок возглавляли левые организации, входившие в Профинтерн. К числу наиболее крупных относятся забастовки шахтеров, текстильщиков и железнодорожников. Большинство забастовок сопровождалось ожесточенными схватками с полицией, применявшей против рабочих суровые репрессивные меры.

Социал-демократические лидеры профсоюзов, входивших в МФП, проводили в целом антизабастовочную политику, поскольку они могли навязать ее массе рядовых членов. Во всем мире предприниматели резко снижали зарплату и ухудшали условия труда. Поддерживая, как обычно, своих хозяев, лидеры входивших в МФП союзов не оказывали им активного сопротивления, разделяя, по существу, мнение буржуазных экономистов о том, что в период кризиса снижение заработной платы неизбежно и что с ним следует смириться. Если забастовочное движение во время кризиса не получило большего размаха, то это в основном объясняется антизабастовочной политикой социал-демократических лидеров, все еще руководивших профессиональным движением.

Дух непротivления был широко распространен среди правых социал-демократических лидеров во всем мире. Характерно в этом смысле заявление вице-президента АФТ Мэтью Уолла, который назвал одним из величайших промышленных достижений США тот факт, что лидеры железнодорожников уговорили более чем миллион рабочих согласиться без забастовки на снижение зарплаты на 10 процентов. Как обычно, ни в одной другой стране подлинная буржуазная сущность политики социал-демократов не была выражена так отчетливо, как в США, среди профсоюзных лидеров, не скрывавших своих прокапиталистических убеждений. Подобная капитулянтская политика социал-демократии находилась в резком противоречии с боевой политикой организаций Профинтерна, которые всюду активно боролись против снижения зарплаты и других ухудшений условий жизни рабочего класса.

В период мирового экономического кризиса, когда социал-демократы руководили большинством профсоюзов

в капиталистических странах и не вели никакой борьбы, левые элементы положительно проявили себя в вопросе об организации масс безработных. Под руководством Профинтерна движение безработных достигло во многих странах небывалого размаха. Успеху этой борьбы способствовал тот факт, что правые социал-демократы не пытались установить здесь свой контроль. Консервативные профсоюзные лидеры МФП, особенно в первые фазы кризиса, старались не заниматься проблемой безработицы. Иными словами, уволенным рабочим предоставлялось самим решать свою судьбу, причем во многих случаях их вообще исключали из профсоюзов за неуплату членских взносов. Союзы же, входившие в Профинтерн, уделяли этим голодающим массам неослабное внимание, организовывали их, активизировали их борьбу. Эта борьба сосредоточивалась главным образом вокруг пособий по безработице, социального страхования и программы общественных работ.

В Великобритании Национальный союз безработных провел много голодных походов и демонстраций, получивших широкую поддержку со стороны профсоюзов и привлечших внимание к ним не только в стране, но и во всем мире¹¹. В Соединенных Штатах и в Канаде аналогичную деятельность развернули Советы безработных, организовавшие бесчисленные местные и общенациональные демонстрации и походы безработных. 6 марта 1930 года около 1 125 тысяч рабочих участвовало в грандиозной всеамериканской демонстрации безработных. Между тем лидеры АФТ, поддерживая пассивную политику президента Гувера, кричали, что страхование на случай безработицы является оскорблением американских рабочих, «подорвет профсоюзы» и «уничтожит американский образ жизни». Только в июле 1932 года исполнительный комитет АФТ нехотя согласился в конце концов поддержать законопроект о страховании по безработице¹². В Германии, невзирая на саботаж правых профсоюзных лидеров, левая оппозиция вела широкую деятельность, чтобы пробудить и активизировать безработных. Отказавшись вести активную борьбу за интересы трудящихся, социал-демократы расчищали Гитлеру путь к захвату власти. Во многих других странах — Японии, Франции, Бельгии, Польше, Чехословакии, Австралии, Аргентине, Чили, Китае, Индии и т. д. — безработные под руководством

Профинтерна вели широкую борьбу в защиту своих интересов. Бесспорно, что именно Профинтерн руководил борьбой безработных в мировом масштабе¹³.

Под влиянием революционной волны 1917—1923 годов борьба рабочих, крестьян и др. в некоторых странах приняла острые политические формы. В 1929 году в Великобритании пришло к власти второе лейбористское правительство, а в 1931 году моряки Британского военно-морского флота организовали забастовку против снижения жалованья. В апреле 1931 года в Испании победила буржуазная революция. В Японии в 1932 году в знак протеста против вторжения в Китай произошел ряд восстаний в войсках. В Китае ширилась и принимала более активный характер война против контрреволюции.

Мировой экономический кризис 1929—1932 годов вызвал значительно больший подъем рабочего движения, чем любой из предыдущих циклических кризисов. Рост боевого настроения, поощряемый Профинтерном и Коминтерном, проявился во многих странах также и в форме невиданной прежде солидарности между работающими и безработными и в тесном сотрудничестве между безработными и недовольными крестьянами-бедняками.

Огромный размах борьбы в тот период ясно показал эксплуататорам во всем мире, что навсегда прошли времена, когда они могли, как раньше, заставить нуждающихся и отчаявшихся рабочих голодать в течение всего периода кризиса, пока капиталистическая система не начнет медленно оправляться. Повышением своего классового сознания рабочие ни в коей мере не были обязаны правой социал-демократии — она сделала все, что от нее зависело, чтобы повторилась старая трагедия рабочих, в муках и страданиях терпеливо переносящих бремя кризиса. Рост боевых настроений рабочих отражал прежде всего тот факт, что в мире появилась новая революционная боевая сила, наиболее ярким выражением которой были русская революция, Коминтерн и Профинтерн.

Глава 36

ПРОФСОЮЗЫ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА И ВОЙНЫ (1929—1939)

Фашизм является «открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового

капитала»¹. Несколько отличаясь по форме в разных странах, фашизм, придя к власти, всюду свергает буржуазно-демократические правительства, подавляет общественные свободы, громит рабочие политические партии, профсоюзы и кооперативы. Крупные монополисты прибегают к фашизму с его насилиями и демагогией в период углубления кризиса, когда они не могут больше управлять при помощи традиционных буржуазно-демократических форм и методов.

Фашизм начал развиваться в период революционного подъема, последовавшего за первой мировой войной, когда реакционеры начали устанавливать диктатуру в Венгрии, Польше, Болгарии, Румынии, Греции и других странах Восточной и Центральной Европы. Первым большим успехом фашизма явилось появление диктатуры Муссолини в 1922 году в Италии. Резко усилилась фашизация Японии после того, как в 1931 году ее правители осуществили вторжение в Маньчжурию. Серьезнейшие затруднения капиталистов, вызванные глубоким экономическим кризисом 1929—1932 годов, послужили очередным толчком для развития фашизма — этого продукта общего кризиса капитализма. Наступление фашизма приобрело особенно бурный и угрожающий характер после захвата Гитлером власти в Германии в 1933 году. С этого времени крупные капиталисты поставили своей целью фашизацию не только Европы, но и всего мира. В результате все человечество вскоре оказалось перед ужасной опасностью разрушительной войны и фашистского порабощения.

Во время этого крупного наступления реакции сотни коммунистов-рабочих были убиты, а тысячи брошены в тюрьмы. Одной из трагических жертв реакции оказался глава итальянской Коммунистической партии Антони Грамши, погибший в фашистской тюрьме 27 апреля 1935 года.

Социал-демократы и марксисты-ленинцы, придерживавшиеся диаметрально противоположных идейных убеждений, по-разному реагировали на грозную фашистскую опасность. Правые социал-демократы, все взгляды и политика которых основывались на предпосылке, что капитализм должен быть сохранен во что бы то ни стало, стремились сорвать сопротивление рабочего класса, расчитать фашизму путь и в конечном итоге были не прочь объединиться с ним; они стали, как называли их в то вре-

мя коммунисты, «социал-фашистами». Действуя в духе умиротворения фашизма, социал-демократы, и особенно профсоюзные лидеры, участвовали в различных фашистских и близких к фашизму правительствах того периода в Восточной и Центральной Европе, заключили в августе 1921 года с итальянскими фашистами пакт о ненападении² и, как мы увидим позднее, докатились, наконец, до такого позора, что предложили сотрудничество рвавшемуся к власти германскому фашизму³.

С другой стороны, революционный Коминтерн и профсоюзы, входящие в Профинтерн, вели в соответствии с боевым духом рабочих во всем мире неослабную борьбу против угрозы фашизма во всех ее проявлениях. Именно они в основном и возглавили всемирное рабочее движение в этот суровый критический момент. В той или иной форме антифашистская или антивоенная борьба шла во всех странах, и повсеместно в самом центре ее были профсоюзы, руководимые левыми элементами.

Победа фашизма в Германии

Как мы видели в предыдущей главе, экономический кризис 1929—1932 годов носил особенно тяжелый характер в Германии. Причем положение германских капиталистов еще более осложнялось тяжелыми условиями Версальского договора, в соответствии с которым у Германии были отобраны важные для нее европейские и колониальные территории и наложены непосильные репарации. В этой критической обстановке, опасаясь пролетарской революции, германские капиталисты решили разрешить свои затруднения, пойдя на крайнюю меру — фашизм, что означало разгром рабочего движения, установление реакционной диктатуры и дальнейшее развязывание безудержного империалистического военного натиска. Монополисты тем более были склонны осуществить этот насильственный курс, что в своих усилиях сорвать сопротивление рабочих рвавшемуся к власти фашизму вполне могли положиться на социал-демократов, которые проводили предательскую политику и запутались в паутине классового сотрудничества.

Социал-демократы, предавая германскую социалистическую революцию 1918 года, уже тогда посеяли семена фашизма. Банды офицеров, мобилизованные Носке для

разгрома революционных рабочих, явились зародышем созданной впоследствии Гитлером массовой организации. Его нацистская партия вначале росла относительно медленно, но затем, во время экономического кризиса 1929—1932 годов, стала быстро увеличиваться, а число избирателей, голосовавших за нее, выросло с 800 тысяч в 1928 году до 13 418 547 человек в 1932 году. Под влиянием гитлеровской демагогии, щедро финансируемой крупными, тиссенами и другими монополистами, ряды сторонников Гитлера пополнились за счет разоренной городской средней буржуазии, обедневших крестьян, голодных и отсталых элементов из среды рабочих.

Основной причиной роста гитлеровского движения явился отказ социал-демократии по-боевому возглавить широкие массы трудящихся, терпевших в результате сурового экономического кризиса нужду и лишения. Все внимание и надежды социал-демократов были сосредоточены на бессильном Веймарском правительстве, в котором социал-демократической партии принадлежало большинство. Веймарская республика — это олицетворение всего, что понималось под словом «классовое сотрудничество», на которое правые социалисты променяли пролетарскую республику 1918 года, — фактически ничего не сделала для облегчения чудовищной нищеты народа. Более того, надежды, возлагаемые социал-демократами на Веймарское правительство, ослабляли боевой дух рабочих, особенно после того, как оппортунистические профсоюзные лидеры согласились на введение «рационализации», то есть ускорение темпов работы в промышленности. С 1922 по 1932 год число бастующих, неуклонно снижаясь, упало с 1 823 921 до 127 720 человек, а членство в социал-демократических («свободных») профсоюзах уменьшилось с 7 568 тысяч человек в 1921 году до 4 418 тысяч в 1931 году⁴. Так продолжалось до 1933 года, когда Гитлер растоптал отжившую Веймарскую республику, как картонный домик.

Правооппортунистические профсоюзные лидеры несут полную ответственность за ту роковую политику, которая привела германскую социал-демократию к гибели от рук фашистов. Бюрократы группы Лейпарта—Грассмана полностью контролировали основные массовые организации рабочих — профсоюзы. Социалистическая партия, все важные всегерманские профсоюзы и вся профсоюзная

пресса также полностью находились под их руководством. В лице группы Легина они являлись подлинными хозяевами социалистической партии с 1906 года, они же сменяли революцию 1918 года на Веймарскую республику.

Коммунистическая партия во главе с Эрнстом Тельманом и Революционная профсоюзная оппозиция (входившая в Профинтерн) указывали на весь вред политики классового сотрудничества, проводимой социал-демократической партией и ее профсоюзами, и неоднократно призывали создать единый фронт всех рабочих организаций на базе программы активной антифашистской борьбы. Это вполне соответствовало выдвигаемой коммунистами политике единого фронта, впервые сформулированной Лениным в декабре 1921 года и затем неоднократно предлагавшейся социал-демократам. Коммунисты высказывались за совместное проведение всеобщей забастовки именно в тех четырех случаях, когда всеобщая забастовка оказалась бы катастрофой для Гитлера: в апреле 1932 года против предстоящего резкого снижения зарплаты; 20 июля 1932 года, когда диктатор фон Папен изгнал социал-демократов из прусского правительства; 30 января 1933 года, когда Гитлер стал рейхсканцлером, и 1 марта 1933 года после организованного нацистами поджога рейхстага 27 февраля⁵. Но правые социалисты только глумились над этими предложениями. Они отказывались включать профсоюзы в борьбу. Продолжая придерживаться политики «меньшего зла», они поддерживали на выборах кандидатов буржуазных партий и считали левых своими единственными врагами. В Пруссии, имевшей важное стратегическое значение, их полиция беспощадно подавляла «Красный фронт» и другие организации рабочей обороны, предоставляя в то же время гитлеровским штурмовикам и «Стальному шлему» полную свободу действий в их борьбе с коммунистами. Датт прав, когда говорит, что «фашизм пришел к власти под защитой социал-демократии». Известные левацкие уклоны в Коммунистической партии Германии помешали ей полностью развить принципиально правильную тактику единого фронта.

В противовес перманентному банкротству социал-демократов быстро росли Коммунистическая партия Германии и Революционная профсоюзная оппозиция. Между 1930 и 1932 годами количество избирателей, голосовавших

за партию, увеличилось на 1 384 тысячи человек (составив 4 983 341 человек), а к руководству во многих рабочих комитетах пришли сторонники РПО. Но социал-демократическая партия, главным образом в силу того, что она по-прежнему прочно сохраняла руководство германскими профсоюзами, до самого своего разгрома продолжала срывать действия огромного большинства рабочего класса. О влиянии социал-демократов в профсоюзах свидетельствует тот факт, что во время всегерманских выборов рабочих комитетов профбюрократы группы Лейпарта сохранили свои сильные позиции, а на всеобщих выборах 1932 года их партия собрала более 8 миллионов голосов.

В апреле 1932 года произошло неизбежное. Социал-демократическая политика «меньшего зла» привела к победе гитлеризма. Правящие классы с ловкостью осуществили этот маневр. Социал-демократы отклонили предложение коммунистов организовать на платформе единого фронта борьбу за кандидата рабочих и, мобилизовав всех своих сторонников в профсоюзах, поддержали и выбрали старого реакционера фон Гинденбурга в качестве «меньшего зла» по сравнению с Гитлером. Несколько месяцев спустя, 30 января 1933 года, Гинденбург капитулировал перед фашистскими головорезами и назначил рейхсканцлером Гитлера. Дело было сделано — фашизм в Германии пришел к власти. В обстановке, когда крупная буржуазия шла к фашизму и войне, социал-демократическая политика сотрудничества с буржуазией и борьбы с левыми привела к неизбежному концу — к фашизму в Германии.

Профсоюзные лидеры — основная сила германской социал-демократии — в первую очередь несли ответственность за эту великую политическую трагедию. Но они вовсе не были обеспокоены приходом Гитлера к власти. Лояльные слуги и сторонники капиталистической системы, они были уверены, что будут играть при новом режиме привычную для них роль, как и при нескольких, быстро сменявших друг друга капиталистических правительствах накануне прихода Гитлера к власти. Да и в самом деле, разве предприниматели могли обойтись без своих верных социал-демократических профсоюзных приспешников, если хотели удерживать рабочих в повиновении и эксплуатировать их?

Верные своим концепциям, социал-демократические лидеры — Велс, Каутский, Лейпарт и другие — приступили

к выполнению задачи, целью которой было их слияние с гитлеровским режимом. Они заявляли, что Гитлер — человек из народа — получил власть конституционным путем; они даже хвастали, что он никогда не пришел бы к власти, если бы не социал-демократы. Как обычно, реформистские профсоюзные лидеры в своем лакействе превзошли всех. По сообщению Мерквенда, 29 апреля в официальном органе профсоюзов «Геверкшафтсцейтунг» была помещена статья, которая приветствовала национал-социалистический (гитлеровский) майский день как «день победы рабочего движения»⁶ и призывала рабочих принять участие в фашистском празднике.

В своей книге, написанной в разгар борьбы, Фриц Геккерт говорит: «Союзник Троцкого Лейпарт передает Гитлеру профсоюзы, заявляя, что ОГОП (Общегерманское объединение профсоюзов) соглашается на реорганизацию профсоюзов по итальянскому (фашистскому) образцу; он пишет, что стоящие перед профсоюзами задачи должны выполняться вне зависимости от формы государственного режима, что профсоюзы всегда готовы сотрудничать с ассоциациями предпринимателей, что они признают государственный контроль и примут государственный арбитраж, что они предлагают правительству и парламенту, то есть гитлеровскому рейхстагу, свои знания и опыт»⁷.

После окончания второй мировой войны людей расстреливали и не за такое открытое сотрудничество с нацистами, как это, но подобное сотрудничество (капитуляция) было официальной политикой «великой» немецкой социал-демократии в отношении победившего нацизма. Однако Гитлер вызывающе отказался принять предложенную ему поддержку. Германские монополисты, стремившиеся к завоеванию мирового господства, по крайней мере на время покончили с классовым сотрудничеством и всей его шелухой — основой политики и практической деятельности социал-демократов. Наступила эра буйных штурмовиков, а не сладко болтающих социал-демократов. Руководитель нацистского «Германского трудового фронта» доктор Лей попал не в бровь, а в глаз, когда заявил: «Лейпарты и Грассманы могут выражать свою преданность Гитлеру, но их лучше держать в тюрьме»⁸. Только те профсоюзные лидеры (а таких было много), которые немедленно перекрасились в фашистов, могли быть приняты в ряды гитлеровской профсоюзной бюрократии.

«Однако всех этих проявлений покорности было недостаточно, — говорит Мерквенд. — 2 мая все здания профсоюзов были заняты, а все лидеры арестованы; 13 мая было конфисковано все профсоюзное имущество»⁹. Таким образом, германское профсоюзное движение, насчитывавшее несколько миллионов членов, капитулировало, не оказав ни малейшего сопротивления. Рассказывают, что вначале, опасаясь тяжелой борьбы и всеобщей забастовки, Гитлер намеревался постепенно расправиться с профессиональным движением (Муссолини на это потребовалось несколько лет). Но убедившись в бесхребетности профсоюзных лидеров, он решил разгромить движение одним ударом и осуществил свой замысел. Коммунисты, встретив оппозицию со стороны социал-демократов, не могли собственными силами организовать всеобщую забастовку. 17 мая, через четыре дня после захвата имущества профсоюзов, социал-демократическая фракция рейхстага, состоявшая в основном из профсоюзных лидеров, еще раз продемонстрировала свое жалкое раболепие перед реакцией и проголосовала за резолюцию фашистского правительства¹⁰.

Гитлер 23 июня объявил социал-демократическую партию вне закона и арестовал нескольких еще оставшихся на свободе крайних правых лидеров. Коммунистическая партия уже давно была запрещена. Так, благодаря прокапиталистической политике классового сотрудничества социал-демократов в Германии была установлена гитлеровская террористическая диктатура.

Фашисты захватывают Австрию

В феврале 1934 года, вскоре после победы Гитлера в Германии, фашисты гитлеровского типа захватили власть и в Австрии. Общий ход политических событий был в основном тот же: капиталистическая система находилась в состоянии глубокого кризиса, крупные капиталисты твердо решили использовать в своих целях фашизм, рабочий класс был готов бороться, а социал-демократы, преклоняясь перед капитализмом и проводя политику «меньшего зла», отдавали трудящихся на расправу их классовым врагам.

Революция, последовавшая за первой мировой войной, разрушила огромную Австрийскую империю, и на ее об-

ломках владели жалкое существование 6 миллионов человек. Однако австрийские рабочие были организованы лучше, чем в какой-либо другой стране. Их профсоюзы, реорганизованные в 1928 году по производственному принципу, в конце 1933 года насчитывали около 650 тысяч членов, а социал-демократическая партия насчитывала фактически столько же членов, сколько и профсоюзы,— явление совершенно необычное для всех других стран. За социал-демократических кандидатов в Вене голосовало 70 процентов избирателей, и эта партия, обладая 72 мандатами, была сильнейшей в австрийском парламенте. Характерной особенностью австрийской разновидности социал-демократии, известной под названием «австромарксизма» и возглавляемой Бауэром, Беннером, Адлером и другими, была радикальная фразеология. Эти люди были лидерами печальной памяти Двухсполовинного Интернационала. Подобно центристам в Германии и других странах, австромарксисты, когда обстановка потребовала принять ответственные решения, показали, что они проводят ту же оппортунистическую линию, какой повсеместно придерживаются правые социал-демократы. Как и в других социалистических партиях европейских стран, основной движущей силой австрийской социал-демократии были обюрократившиеся профсоюзные бонзы.

В Австрии, где особенно ощущалось влияние Муссолини, фашизм давно уже начал поднимать голову, и еще в июле 1927 года рабочие ответили на усиливающиеся фашистские провокации всеобщей забастовкой, носившей стихийный, но внушительный характер. По призыву социал-демократических лидеров, смертельно боявшихся пролетарской революции, забастовка была прекращена. Политическая обстановка в Австрии ухудшилась, а Бауэр и его коллеги, продолжая упорно придерживаться порочной политики «меньшего зла», дошли до того, что поддерживали одну из фашистских групп — клерикальные (протальянские) элементы в их выступлениях против гитлеровцев.

Поощряемый оппортунистической политикой австромарксистских лидеров, давно растерявших свой бывший радикализм, обнаглевший австрийский фашистский диктатор Дольфус разогнал в марте 1933 года парламент и открыто провозгласил диктатуру. В продолжение следующих одиннадцати месяцев социал-демократическая партия

униженно вымаливала у правительства Дольфуса разрешение сотрудничать с ним, лишь бы только ей было позволено существовать. Но рабочие горели желанием бороться за возвращение своей утраченной свободы и 10 февраля 1934 года объявили забастовку. Маленькая Коммунистическая партия призвала к проведению всеобщей забастовки. Социалистические лидеры вначале запретили забастовку, но в конце концов были вынуждены не только снять свой запрет, но и обратиться к трудящимся с призывом участвовать в ней. Это был еще один характерный пример оппортунистического поведения социал-демократов: они согласились участвовать в борьбе, которую не могли остановить, но которую могли предать и предали.

Консервативные лидеры, возглавлявшие профессиональное движение в Австрии, вообще не хотели всеобщей забастовки, которая вскоре, в результате вооруженного нападения фашистов, переросла в восстание. Датт говорит, что призыв к всеобщей забастовке не дошел до большинства рабочих и многие профсоюзы не сделали никаких попыток добиться ее успешного исхода. «Железнодорожники продолжали перевозить правительственные войска, предоставляя им таким образом полную свободу маневрирования и концентрации»¹¹. Корпус рабочей обороны, который должен был возглавить вооруженную борьбу, так и не был мобилизован, а лидеры занимали в основном пораженческую позицию. Ввиду этого саботажа исход борьбы был предreshен заранее. Несколько дней длилась героическая борьба, воодушевившая рабочих всего мира, а затем венские рабочие были разгромлены, фашисты стали хозяевами Австрии и немедленно приступили к запрещению и уничтожению рабочих партий и профсоюзов¹².

Датт делает правильный вывод: «Австрийские рабочие были побеждены в борьбе не превосходящими силами противника, они были побеждены из-за дезорганизующей роли, которую сыграло социал-демократическое руководство»¹³. Позднее даже Бауэр признал, что при наличии решительной политики эту жизненно важную борьбу можно было бы выиграть. Он говорит: «После четырех дней борьбы рабочие Вены были побеждены. Был ли этот результат неизбежен? Возможна ли была их победа? Основываясь на опыте этих нескольких дней, мы можем

сказать, что если бы железные дороги прекратили работу, если бы всеобщая забастовка охватила всю страну, если бы шуцбунд (корпус рабочей обороны) увлек за собой основную массу рабочих страны, правительство вряд ли смогло бы подавить восстание»¹⁴.

Изменения в международном пролетарском фронте борьбы

Быстрое распространение фашизма, особенно после захвата власти Гитлером в Германии в январе 1933 года, поставило всемирное рабочее движение, а вместе с тем и все трудящееся человечество перед лицом небывалой в истории угрозы. Фашистские лидеры, полные решимости вырвать из рук своих империалистических конкурентов господство над миром, явно рвались ко второй мировой войне. Особенно опасно было то, что фашисты везде, где они захватывали власть, устанавливали диктаторские режимы. При этих режимах, руководимых монополистическим капиталом, уничтожались всякие гражданские свободы. Фашизм означал разгром рабочих политических партий, профсоюзов и кооперативов, а также отмену всех демократических прав, для завоевания которых рабочим всего мира потребовались два столетия борьбы. К середине 1934 года фашистская чума распространилась, за исключением Чехословакии и Скандинавских стран, по всей территории Европы между восточной границей Франции и западной границей Советского Союза, причем щупальцы фашистского спрута начали проникать и в Азию. К этому времени в число полностью или частично фашистских стран входили Германия, Япония, Италия, Польша, Болгария, Румыния, Венгрия, Финляндия, Австрия, Албания, Греция, Турция, Латвия, Литва и Эстония с общей численностью населения около 200 миллионов человек. Фашизм угрожал целому ряду других стран. Крупные капиталисты во всем мире мечтали раз и навсегда покончить с рабочим движением и социализмом. Угроза фашизма нависла над миром.

Широкое распространение воинствующего фашизма требовало решительного контрнаступления со стороны международного рабочего класса и других демократических сил в защиту своего жизненного уровня, свободы, своих организаций и своей жизни. Пропитанные оппортунизмом Второй Интернационал и Международная Феде-

рация профсоюзов не могли организовать и развернуть активную антифашистскую борьбу. Не оставалось сомнений, что проводимая ими в Италии, Германии, Австрии, Японии, Польше и в других странах политика сотрудничества с буржуазией вплоть до принятия фашизма помогла затянуть фашистское ярмо на шее народов. Действительность показала, что правые социал-демократы не являлись настоящей преградой на пути фашизма.

В это суровое, критическое для мирового рабочего движения время по-настоящему возглавить его, указать ему правильный путь могли только марксисты-ленинцы, коммунисты. Ярким выражением нестигаемого боевого духа коммунистов явилось героическое поведение Димитрова, представшего в сентябре—декабре 1933 года перед нацистским судом в Лейпциге.

Народное контрнаступление против фашизма приняло форму колоссальных изменений в политике рабочего класса, в его организации и боевой тактике, проходивших по трем основным направлениям.

Первым важнейшим мероприятием в этом направлении явилось вступление Советского Союза в Лигу Наций в сентябре 1934 года, после ухода из нее фашистских стран. Через своего представителя Литвинова СССР призвал народы мира заставить их правительства объединиться в великом международном антифашистском фронте борьбы за мир. Эта революционная политика, если бы ее приняли нефашистские правительства, помогла бы предотвратить возникновение второй мировой войны, остановить и подавить фашистскую опасность. Нефашистские страны были значительно могущественнее фашистских в отношении людских ресурсов, вооруженных сил и природных богатств.

Вторым очень важным мероприятием коммунистов, имевшим целью остановить и уничтожить фашизм, была политика Народного фронта, выработанная в июле—августе 1935 года на седьмом конгрессе Коммунистического Интернационала. Коротко говоря, эта политика предполагала нанесение ударов по источникам фашизма в различных странах путем организации движения Народного фронта (национального фронта в колониальных странах), состоящего из рабочих, крестьян, интеллигенции, торговцев и других элементов из всех политических групп,

стремящихся бороться за мир и против фашизма. Представляя большую часть населения, это движение могло бы создать правительства Народного фронта в соответствующих странах.

Третьим исключительно важным мероприятием марксистов-ленинцев в борьбе с фашизмом было создание необходимого органического профсоюзного единства. Исходя из того, что объединенный рабочий фронт является важнейшим условием успеха в решительной борьбе против фашизма, Профинтерн, действуя через рядовых членов профсоюза, приступил к слиянию своих независимых союзов в различных странах (во Франции, Чехословакии, Соединенных Штатах, Румынии, Индии, Испании, Канаде, Латинской Америке и др.) с соответствующими отдельными союзами и национальными центрами Амстердамского Интернационала. В одних случаях, как, например, во Франции, единство устанавливалось посредством обычных переговоров, а в других, например в Соединенных Штатах, левые — индивидуально и группами — стали вступать в старые профсоюзы. Подобные решительные действия в установлении единства диктовались политической необходимостью. Рабочие были охвачены боевым настроением, а когда-то самовластные бюрократы МФП, ослабленные и деморализованные теперь серьезными поражениями в Германии, Италии, Австрии и в других странах, не могли помешать этому. Курс слияния, естественно, повлек за собой постепенную ликвидацию Профинтерна, причем советские профсоюзы (насчитывавшие в 1933 году 18 миллионов членов) остались независимыми. Процесс роспуска Профинтерна начался в 1935 году и закончился в 1937 году¹⁵. Именно такое развитие событий было вполне правильным завершением продолжительной и упорной борьбы Профинтерна за профсоюзное единство*.

Как стало ясно впоследствии, общий ход борьбы, которую не на живот, а на смерть вели против фашизма народы в довоенные годы, во время войны и после победоносного окончания гигантского вооруженного конфликта, в основном соответствовал политике, выработанной мировыми коммунистическими силами для сопротивления и разгрома фашизма, угрожавшего человечеству смертельной опасностью.

* Профинтерн провел пять международных конгрессов: в 1921, 1922, 1924, 1928 и 1930 годах. Все конгрессы проходили в Москве.

**НАРОДНЫЙ ФРОНТ ВО ФРАНЦИИ, ИСПАНИИ
И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ**

Наступление фашистов в борьбе за мировое господство в большей или меньшей степени затронуло все капиталистические страны. После того как Гитлер захватил власть в Германии и разгромил немецкое профессиональное движение, крупные капиталисты стали надеяться, что настало время для уничтожения партий рабочего класса, профсоюзов и кооперативов, что отныне будет положен конец стремлению трудящихся к новому, социалистическому обществу. Эти фашистские настроения росли во всей Европе и выразились в возникновении сильных реакционных движений; они серьезно задели Великобританию и ее доминионы — Канаду, Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку; они повлияли на страны Северной, Центральной и Южной Америки; они затронули огромные азиатские колониальные и полуколониальные страны. Мы рассмотрим теперь вопрос о состоянии антифашистской, антивоенной борьбы против всемирной угрозы фашизма в трех ключевых странах — Франции, Испании и Соединенных Штатах.

Рабочие наносят поражение фашизму во Франции

6 февраля 1934 года, вскоре после прихода к власти Гитлера, французские фашисты (позднее на примере правительства Виши можно было видеть, как пропитали они всю ткань французского монополистического капитала) осуществили отчаянную, но плохо организованную попытку свергнуть Французскую республику. Путч оказался неудачным. Всеобщая конфедерация труда и Унитарная Всеобщая конфедерация труда совместно ответили 12 февраля мощной всеобщей однодневной забастовкой — первой успешно проведенной всеобщей забастовкой в истории французского профдвижения. Вслед за первой победой французские рабочие и их союзники развернули контрнаступление, которое в течение трех последующих лет не только остановило фашизм, но и добилось небывалых побед, причем в ходе этой борьбы как никогда выросло число активных ее участников.

Это необычное явление, когда французские рабочие побеждали фашизм, в то время как рабочие Италии, Германии, Австрии и других стран Восточной и Центральной Европы были раздавлены этой новой смертельной опасностью, объяснялось главным образом тем, что во Франции правые социал-демократы оказывали на рабочий класс значительно меньшее влияние, чем в государствах, захваченных фашистами. Если бы социалистическая партия во Франции была так же сильна, как в Германии и Австрии, то, несомненно, что своей роковой политикой «меньшего зла» и классового сотрудничества она подорвала бы сопротивление французского рабочего класса и тем самым расчистила бы дорогу к победе фашизма. Но во Франции как в политической области, так и в профессиональном движении были сильны коммунистические и анархо-синдикалистские левые элементы. Вот почему в критический момент массы с их боевыми настроениями получили действенное антифашистское руководство. Это явилось решающим фактором, определившим поразительный успех французского движения Народного фронта на его начальном этапе.

Политическим руководителем Народного фронта во Франции выступила Коммунистическая партия. Именно коммунисты выдвинули знаменитый лозунг Народного фронта. Несмотря на то, что социалистическая партия двадцать три раза отвергала предложения коммунистов о совместных действиях, они в конце концов заставили ее правых лидеров (группу Блюма) согласиться на единый фронт обеих партий, как базу всеобъемлющего Народного фронта рабочих, крестьян, интеллигенции, торговцев и т. д. для борьбы с фашизмом и войной. Коалиция коммунистов, социалистов, радикальных партий, ВКТ и других рабочих организаций во время выборов в апреле 1936 года одержала победу и привела к власти французское правительство Народного фронта. Коммунисты не участвовали в этом правительстве, руководимом правым социал-демократом Леоном Блюмом¹.

Во всем этом большом движении левые профсоюзы играли решающую роль. Как мы уже видели, в 1929 году в результате применявшейся группой Жюо политики исключений Всеобщая конфедерация труда раскололась и из нее выделилась Унитарная Всеобщая конфедерация труда (УВКТ). В течение последующих пятнадцати лет,

несмотря на все усилия левых вновь объединить профсоюзное движение, между этими двумя общенациональными организациями шла ожесточенная борьба. В обстановке большого подъема антифашистских настроений среди рабочих УВКТ с удвоенными усилиями добивалась единства. В основном именно эта организация проявила инициативу в проведении успешной двадцатичетырехчасовой всеобщей забастовки обоих объединений в решающий день 12 февраля 1934 года.

В соответствии с генеральной линией Профинтерна, направленной на создание единого профсоюзного движения для борьбы с фашизмом, УВКТ начала активное наступление в пользу объединения двух общепрофсоюзных организаций и входящих в них профсоюзов. Это объединение было осуществлено в марте 1936 года на Тулузском конгрессе профсоюзов. Еще до созыва конгресса многие организации объединились «в низах» сами, настолько рабочие были убеждены в необходимости единого профессионального движения для борьбы с фашистской опасностью. Правые лидеры, подталкиваемые радикально настроенными массами, не имели в данном случае выбора. Но даже антикоммунист Лорвин признает, что «правые лидеры ВКТ сопротивлялись объединению»².

Реорганизованная ВКТ провозгласила свою независимость от всех политических партий и запретила своим функционерам занимать политические посты. Подтвердив историческую «Амьенскую хартию» «прямого действия» анархо-синдикалистов, конгресс в то же время совершенно ясно вступил на путь активных действий как по политической, так и по профсоюзной линии. ВКТ согласилась участвовать в правительстве Блюма. Сторонники Жуо располагали большинством на Тулузском конгрессе. Конгресс признал допустимым существование различных политических убеждений в среде рабочего класса, хотя и запретил создавать политические фракции³. В программе ВКТ содержались требования национализации наиболее важных отраслей промышленности и финансовых организаций, а также требование о плановом производстве и распределении под руководством Верховного экономического совета.

Сразу же после объединения в марте и победы Народного фронта на выборах в апреле 1936 года по всей Франции в мае и июне развернулось сильное забастовочное движение. В этот период бастовало по меньшей мере

2 миллиона рабочих. Настроенные весьма активно, забастовщики занимали заводы, как делали это итальянские рабочие в 1920 году, выдвигали решительные требования о повышении зарплаты и признании профсоюзов. Забастовочное движение повсеместно заканчивалось победой рабочих, и в заключенном после этого «Матиньонском соглашении» предусматривалось общее повышение зарплаты на 12 процентов, право заключать коллективные договоры, право всех рабочих вступать в профсоюзы и введение института цеховых старост⁴. Количество коллективных договоров резко возросло: с 29 в 1936 году до 5 700 в марте 1938 года⁵. Почти сразу вслед за этим правительство под сильным давлением масс национализировало французский банк, железные дороги и промышленность вооружений. Позднее правительство Народного фронта приняло законы об установлении сорокачасовой рабочей недели, о введении оплачиваемых отпусков для рабочих. Под влиянием этих успехов профсоюзы стали быстро расти: число членов ВКТ за один только год увеличилось с 1 миллиона до 5 300 тысяч. Численность католических профсоюзов выросла со 100 тысяч до 400 тысяч человек.

Профсоюзное единство, антифашистская борьба Народного фронта и итальянские забастовки не имели ничего общего с политикой «меньшего зла» и классового сотрудничества, проводившейся Вторым Интернационалом. Это и был именно тот тип организации рабочего класса и тот метод классовой борьбы, от которых перед лицом угрозы фашизма отказались социал-демократы в Германии и Австрии, что привело к таким катастрофическим последствиям. Больше того, французские социал-демократы тоже неоднократно отказывались от совместных действий с коммунистами, отказывались до тех пор, пока их буквально не вынудил согласиться на это подъем масс, рвавшихся на борьбу против фашистов и предпринимателей и руководимых главным образом Коммунистической партией и УВКТ.

Леон Блюм как премьер-министр скоро вновь показал, что правых социал-демократов невозможно заставить или убедить принять политику классовой борьбы. Характерно, говорит Геленсон, что «все важное рабочее законодательство было принято правительством Народного фронта в течение этих немногих дней июня 1936 года»⁶, то есть, когда давление масс было наиболее сильным. В течение следующего года пребывания Блюма у власти в качестве

премьер-министра его политика, определявшаяся «необходимостью передышки в удовлетворении рабочих требований», отказом помочь удушаемой республиканской Испании, его угодничеством перед предпринимателями, привела к тому, что движение Народного фронта, подававшее столь большие надежды, сошло на нет. К началу второй мировой войны мюнхенская политика умиротворения и раскольническая тактика правых социалистов снова сильно подорвали ВКТ. Особенно катастрофические последствия имел саботаж правых социалистов всеобщей забастовки в ноябре 1938 года, направленной против мюнхенского сговора. Число членов ВКТ упало с 5 300 тысяч человек в 1937 году до 2 миллионов в конце 1939 года.

Профсоюзы в испанской антифашистской войне

Антифашистские силы потерпели поражение в гражданской войне 1936—1939 годов в Испании⁷. После организации республики в 1931 году и ожесточенной борьбы восставших в 1934 году астурийских горняков Народный фронт, состоявший из коммунистов, социалистов, анархо-синдикалистов, крестьян, националистов, католиков, либералов и пр., одержал блестящую победу на общеиспанских выборах 16 февраля 1936 года. Демократические силы завоевали в кортесах 253 места, а реакционные элементы, руководимые Жилем Раблем, — 153 места. Совершенно очевидно, что нужно было, как это и предлагали коммунисты, немедленно и тщательно очистить от реакционеров правительственный аппарат, армию, полицию, промышленность, банки, школы и т. д. Но либералы и социал-демократы даже слышать не хотели о таких революционных действиях. Укрепившиеся на ключевых позициях фашисты совершенно свободно вели заговорщическую деятельность, неизбежным результатом чего явилась контрреволюция. 17 июля 1936 года в Марокко под руководством генералов Франко, Мола и др. вспыхнуло и быстро распространилось восстание фашистов. Началась гражданская война.

Борьба велась с исключительным ожесточением. Испанские рабочие, крестьяне, а также несколько интернациональных бригад, скомплектованных из добровольцев, приехавших из различных стран (Франции, Италии, Германии, Польши, Великобритании, Канады и США), дрались с непревзойденным героизмом. Но силы были слиш-

ком неравны — Гитлер и Муссолини непрерывно посылали в помощь фашистским повстанцам солдат и боеприпасы. Кроме того, на исход войны повлияла слабость республиканского руководства, страдавшего отсутствием единства, и предательство троцкистов из числа мнимых сторонников республики. Только на последних этапах войны Коммунистическая партия, выступившая ранее инициатором движения Народного фронта, начала под руководством Долорес Ибаррури (Пассионарии) и Хозе Диаса осуществлять твердое руководство борьбой. 28 марта 1939 года, после упорной и мужественной борьбы, испив до дна чашу страданий, Мадрид пал, и Гитлер сделал еще один гигантский шаг по пути ко второй мировой войне.

Основной причиной поражения Испанской республики явилось то, что мировые демократические силы не последовали примеру коммунистов и не помогли республиканцам людьми, пушками и самолетами, в чем они так остро нуждались, в то время как Франко все время получал такую помощь от Германии и Италии. Главную ответственность за это преступление несут европейские социал-демократы. Второй Интернационал отказался ответить на предложение Коминтерна о создании всемирного фронта помощи республиканской Испании. Правый социал-демократ Блюм, глава французского правительства Народного фронта, выдвинул сыгравший столь роковую роль лозунг «невмешательства». В результате подобной политики республиканская Испания была лишена законного права покупать за границей оружие, необходимое для обороны. Этот реакционный лозунг подхватили не только западные буржуазно-демократические правительства, но и социал-демократические политические и профсоюзные лидеры во Франции, Великобритании⁸, Соединенных Штатах и в других странах. В результате судьба народной Испании была решена. Только Советский Союз посылал республиканскому правительству оружие и оказывал помощь. Так, из-за отказа социал-демократов принять участие в борьбе с капиталистической реакцией наступающий фашизм покорил еще одну страну⁹. Их политика «невмешательства» привела в Испании к тем же самым роковым последствиям, как и политика «меньшего зла» и «классового сотрудничества» в Германии и Австрии.

В трагически закончившейся гражданской войне в Испании крайне важную роль играли профсоюзы. Здесь

существовали две общенациональные федерации: анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда (НКТ), главной базой которой был крупнейший индустриальный центр — Барселона, и Всеобщий союз трудящихся (ВСТ) во главе с социал-демократами и коммунистами с главным центром в Мадриде. В начале войны каждая федерация утверждала, что располагает примерно 700 тысячами членоз. Во время войны обе федерации стали быстро расти, и в апреле 1938 года в ВСТ насчитывалось 1 904 569 членов, а в НКТ 1 700 тысяч¹⁰ (цифра значительно преувеличена). Сельскохозяйственные рабочие составляли по меньшей мере одну треть каждой организации.

Оба профсоюзных объединения поддерживали народную войну и были призваны решать многочисленные и сложные задачи: превратить рабочих и крестьян в солдат, наладить производство боеприпасов, добиться непрерывной работы линий снабжения и т. д. Правые социалистические элементы и «левые» в ВСТ были не только помехой, но и (как показало дело Ларго Кабальеро) представляли серьезную опасность. Анархические элементы НКТ в политическом отношении были ненадежны. Столь же ненадежной была поддержка, которую они оказывали республиканскому правительству. Они не имели единого центрального руководства, отвергали всякую дисциплину и были крайне аполитичны. Неустойчивость этих элементов сказывалась и на армии, без того находившейся в тяжелом положении. Мадарьяга говорит об этом так: «Анархо-синдикалистские подразделения не признавали командиров, там царило полнейшее равенство. Больше того, эти части дрались лишь тогда, когда хотели, и так, как хотели; они уходили с фронта, когда им это нравится, и никакому командованию не подчинялись»¹¹.

Во время войны оба профсоюзных объединения послали своих представителей в правительство Кабальеро и в сменившее его правительство Негрина. Чтобы пойти на это, НКТ должна была поступиться своими анархистскими принципами аполитичности. «Федерация испанских анархистов» также разрешила своим членам занимать официальные посты в правительстве¹². Все это серьезно дискредитировало в глазах масс анархистские идеи.

Наличие сильных анархистских тенденций среди испанских рабочих долгое время служило основным препят-

ствием к превращению Коммунистической партии в массовую партию и росту рядов профсоюзов, стоявших на марксистской платформе. Вот почему в начале войны Коммунистическая партия была немногочисленна. Но в ходе тяжелой военной борьбы подтверждалась и усваивалась масса политика коммунистов, партия начала очень быстро расти, а ее влияние стало ощущаться во всем профессиональном движении.

Одной из главных задач коммунистов в период войны было создание в политической и в экономической областях единства рабочего класса как основы всей борьбы испанского народа против фашизма¹³. Коммунистам удалось наладить тесное сотрудничество с социалистической партией, за исключением ее правого крыла, а в августе 1937 года в Каталонии обе партии объединились¹⁴ и подписали совместную программу действий¹⁵. Молодежные организации обеих партий слились. Однако все эти мероприятия, направленные к единству, были резко осуждены лидерами Второго Интернационала.

Касаясь профсоюзного движения, нужно отметить, что входившая в Профинтерн НКТ слилась с ВСТ. Этому предшествовала большая работа, направленная на сближение профсоюзов, входящих в ВСТ и НКТ, которые в течение многих лет враждовали друг с другом. В марте 1938 года оба профсоюзных объединения выработали договор о содружестве, или, точнее говоря, о взаимном ненападении. Доведение войны до победного конца — вот главная цель, которую выдвигал этот договор. Для этого нужно было повысить боеспособность армии и улучшить работу промышленности. Договор предусматривал национализацию ключевых отраслей промышленности и защиту экономических интересов промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Однако последующее поражение в войне и приход фашизма к власти привели к тому, что ВСТ и НКТ перестали быть массовыми организациями и были загнаны в подполье¹⁶.

Американские рабочие отражают наступление реакции

Широкое движение масс, в результате которого Рузвельт четыре раза подряд, с 1932 по 1944 год, избирался президентом Соединенных Штатов, хотя и не было идентичным движению Народного фронта во многих странах

в тридцатых годах, но все же имело с ним много общего. Оно явилось результатом мирового экономического кризиса 1929—1932 годов и, по существу, представляло собой мощное контрнаступление рабочего класса и его политических союзников против крайней реакции. Несмотря на то, что во главе движения, особенно вначале, стоял богатый империалист Рузвельт, а в его «новом курсе» было много реакционного, несмотря на то, что в течение нескольких первых лет это движение поддерживала большая группа монополистов, все же демократические элементы сыграли в нем очень важную роль. «Новый курс», особенно начиная с 1935 года, перенял много черт, характерных для народного антифашистского движения¹⁷. В этом отчетливо отразилась всемирная борьба народов различных стран против фашизма. Основные социальные реформы Рузвельта встретили крайне враждебное отношение со стороны монополистов, и осуществлены они были главным образом при поддержке огромных масс рабочих, фермеров и средней буржуазии.

Крупным американским капиталистам очень хотелось бы, чтобы Соединенные Штаты пошли по тому же пути, что и нацистская Германия, но осуществить это им не удалось. Дело в том, что кризис в США не был таким глубоким, как в Германии. Американская монополистическая буржуазия все еще могла маневрировать такими финансовыми резервами, каких не имели крупные капиталисты Германии. Немаловажно также и то, что социал-демократам в Соединенных Штатах не удалось держать рабочий класс в такой узде, как это было в Германии, и поэтому они не могли парализовать сопротивление рабочих надвигающейся угрозе фашизма. Таким образом, американские рабочие вырвались из социал-демократических уз, организовали мощную борьбу против монополистического капитала и в период президентства Рузвельта добились наиболее важных побед за всю историю американского профсоюзного движения.

Хотя Коммунистическая партия была относительно немногочисленна, насчитывая в тот период от 30 тысяч до 75 тысяч членов, все же ее роль, как и роль других левых элементов, в этих крупных достижениях рабочего класса была весьма значительной. В марте 1935 года в соответствии с генеральной линией Профинтерна, направленной на достижение единства, «Профсоюзная лига единства»,

насчитывавшая в своих рядах по меньшей мере 100 тысяч членов, настроенных в большинстве своем по-боевому, не спрашивая разрешения Грина, влилась в профсоюзы АФТ. Члены Лиги с их опытом и боевыми традициями сыграли в КПП совместно со сторонниками Льюиса и Хилмана решающую роль в больших организационных кампаниях и последовавших за этим забастовках. Коммунистическая партия, связанная тысячами нитей с рабочими ключевых отраслей трестированной промышленности, полностью поддержала эту важнейшую кампанию. Сторонники Льюиса—Хилмана, дравшиеся не на жизнь, а на смерть с гриновскими бюрократами, приветствовали эту энергичную поддержку со стороны коммунистов. Известно, что при создании КПП коммунисты находились в передовых рядах этого движения. Биограф Льюиса Алинский пишет: «Факт состоит в том, что Коммунистическая партия сыграла основную роль в организации неорганизованных рабочих в КПП»¹⁸.

Когда профсоюзное движение в начале периода рузвельтовского либерализма перешло в крупное наступление, перед ним стоял ряд важнейших задач, а именно: а) организация рабочих в трестированных отраслях промышленности; б) вовлечение в профсоюзы негритянских рабочих; в) организация профсоюзов по производственному признаку; г) создание массовой рабочей партии; д) проведение законодательства о социальном страховании; е) обеспечение профсоюзного руководства более высокого типа. В течение этого периода, отличавшегося небывалым подъемом американского профсоюзного движения, во всех этих направлениях были достигнуты существенные успехи.

Величайшим практическим достижением рабочего класса при Рузвельте была организация рабочих в трестированных и не охваченных профсоюзами отраслях промышленности — сталелитейной, автомобильной, рабочих морского транспорта, лесной, электрической, резиновой, химической, горнорудной промышленности, работников связи, а также в значительной мере в угольной и текстильной промышленности и на железнодорожном транспорте. В результате продолжительной и активной кампании общее число членов профсоюзов увеличилось с 3 миллионов в 1933 году до 16 миллионов в конце 1948 года. Одним из самых выдающихся событий этого исторического движе-

ния рабочего класса была забастовка 125 тысяч рабочих в районе Сан-Францисского залива в июле 1934 года, которой так блестяще руководил Гарри Бриджес и которую так грубо предали бюрократы Грина как на местах, так и в национальном масштабе.

Ультрареакционная машина Грина (Гомперса) в АФТ приложила максимум усилий, стремясь затормозить движение за организацию рабочих, но оказалась бессильной сделать это. В условиях подъема быстро росли даже профсоюзы АФТ. В ходе кампании по организации рабочих профсоюзное движение раскололось, и в ноябре 1935 года в результате возглавляемого группой Джона Л. Льюиса и Сиднея Хилмана выступления против реакционных профсоюзных бюрократов машины Грина в АФТ был создан Конгресс производственных профсоюзов. Несмотря на раскол, основная задача все же была выполнена. Завоевав для профсоюзов те важные отрасли промышленности, где на предприятиях до сих пор одинаково принимались члены и не члены профсоюзов (система «открытого цеха»), рабочие нанесли мощный удар монополистическому капиталу и добились величайшей победы в истории американского рабочего класса.

Крупного успеха удалось достигнуть также и в решении давно назревшей задачи — организации негритянских рабочих. В течение сорока лет реакционные профсоюзы АФТ и цеховые профсоюзы железнодорожников (в уставах многих из них содержались антинегритянские статьи) не допускали привлечения широких масс негритянских рабочих в профсоюзы, что оскорбляло негритянский народ и не только накладывало пятно позора на рабочее движение, но и наносило ему вред. Широкая кампания по организации рабочих, проходившая под знаком высокой активности ее участников и явно проявлявшихся левых настроений, сломала антинегритянские тенденции в профсоюзах. Эта победа, достигнутая в основном за счет влияния коммунистов, была большим шагом вперед для профессионального движения. Сейчас в профсоюзах состоит около 1 500 тысяч негров, и хотя и в союзах и в промышленности еще существует много дискриминационных, антинегритянских ограничений, все же теперь осталось мало таких профорганизаций, которые осмеливались бы открыто запрещать прием негров.

Большая кампания по организации рабочих в период

президентства Рузвельта подняла американское рабочее движение над уровнем узкоцехового тред-юнионизма, который в течение многих и многих лет мешал охватить профсоюзами рабочих основных отраслей промышленности. В основу организации КПП, профсоюзы которого объединяли рабочих этих отраслей промышленности, был положен производственный принцип. Полувековая битва левых за производственные профсоюзы была, наконец, выиграна. В американском рабочем движении все еще много цеховых профсоюзов — в строительной промышленности, типографском деле, на железных дорогах и т. д. Но их цеховой принцип не является уже господствующим в рабочем движении и не в состоянии помешать организации многих миллионов неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Больше того, даже профсоюзы АФТ теперь не придерживаются строго цехового принципа, и многие из них в погоне за новыми членами организуют самые разнообразные филиалы.

При вступлении американского рабочего класса в период мирового экономического кризиса 1929—1932 годов в стране, по существу, не было государственной системы социального страхования. Однако крупные успехи рабочего движения в тридцатых годах оказали существенное влияние и на решение этой задачи. В данное время существует, хотя и в зачаточной форме, система социального страхования, причем рабочие все более и более настойчиво требуют ее улучшения и по государственной линии и при заключении профсоюзных договоров в рамках отдельных отраслей промышленности. Однако и этот большой шаг вперед в борьбе за осуществление социального страхования, на котором давно уже настаивали коммунисты и левые, был сделан только после того, как массы сломили сопротивление бюрократов АФТ, в принципе возражавших (см. главу 35) против государственного социального страхования.

Хотя во время большого наступления против реакции, развернувшегося в тридцатых годах, американский рабочий класс добился многих успехов, он все же не выполнил давно уже назревшей задачи — создать великую рабочую или рабоче-фермерскую партию. Политическая активность профсоюзов резко позысилась, особенно в КПП, но не достигла такого уровня, при котором стал бы возможен фактический разрыв с буржуазными политическими орга-

низациями и особенно с демократической партией. Для этого были три главные причины: а) тлеющие в рабочих массах буржуазные иллюзии; б) всемерное противодействие со стороны консервативного профсоюзного руководства и в) упорное сопротивление руководителей демократической партии, ибо Рузвельт мог терпеть профсоюзные организации в основных отраслях промышленности и даже покровительствовать им, но он неохотно поддерживал или вообще не поддерживал тенденции, которые могли привести к уходу рабочего класса из-под политической опеки демократической партии.

В тридцатых годах, в период подъема, американский рабочий класс добился лишь временного и притом непрочного успеха в таком важном деле, как улучшение профсоюзного руководства. В течение по меньшей мере четырех десятилетий американское профессиональное движение испытывает губительное влияние реакционных лидеров АФТ, которые позорят организованных трудящихся всего мира своим цеховым штрейкбрехерством, открытым стяжательством, гангстеризмом, политическим жульничеством и прямой, наглой поддержкой капиталистической системы. Расширение базы профсоюзов, в которые входила теперь не только квалифицированная рабочая аристократия, но и широкие массы неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих, несомненно, частично привело к отмиранию многих из этих зол и особенно вопиющей коррупции, которой были так заражены лидеры АФТ.

Мощное влияние левого крыла КПП, состоявшего из коммунистов и других воинствующих элементов, которые официально руководили по меньшей мере четвертью всего состава КПП и оказывали свое воздействие на еще более широкие слои, повысило идеологический уровень всей этой организации. Хотя пришедшие позднее к руководству КПП лидеры группы Мэррея и не порвали с капитализмом, они, однако, вынуждены были поддерживать ряд прогрессивных нововведений и действий. КПП, состоявший из построенных на широкой основе производственных профсоюзов, по-боевому настроенный и проводивший прогрессивную политику, вскоре стал действительно ведущей организацией американского профессионального движения. Прогрессивное влияние КПП серьезно отразилось также и на положении внутри АФТ в том отношении, что и в этой организации начали развиваться некоторые эле-

менты внутренней демократии, а заслужившая такую печальную известность коррупция ее руководства значительно уменьшилась. Но, как мы увидим дальше, прогрессивному руководству КПП вскоре пришлось под влиянием растущего стремления американского империализма к мировому господству сдать свои позиции.

Глава 38

РОСТ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В КОЛОНИАЛЬНЫХ СТРАНАХ АЗИИ

(1921—1939)

Вернемся теперь немного назад и рассмотрим успехи, достигнутые до начала второй мировой войны новыми секциями профессионального движения, возникшими в Азии. В этом огромном районе, как и во всем колониальном мире, английские, французские, голландские, японские, португальские и американские империалисты проводили, по существу, одинаковую политику — политику ограничения роста национальной промышленности, монополизирования местных рынков для получения колоссальных прибылей, бесчеловечной эксплуатации рабочих, преимущественно на плантациях и в рудниках, а также свирепого подавления всех попыток трудящихся масс организованно добиться хоть какого-нибудь облегчения тяжелых экономических и политических условий, в которых они жили. В результате варварского империалистического хозяйничанья народы поработенных стран прозябали в неопикуемой нишете и голоде, сгибаясь под бременем бесчеловечной эксплуатации.

Этим и объяснялся медленный и трудный рост профессионального движения. Империалисты всеми силами препятствовали увеличению численности рабочего класса, всячески ограничивали его активность. Цеховые объединения высококвалифицированных рабочих, сыгравшие столь важную роль в начальный период профессионального движения в Европе, Соединенных Штатах и в британских доминионах, не имели широкого распространения в колониальных странах, где существовали в основном гильдейские или полугильдейские условия. На рабочем классе колониальных стран лежала печать империалистического господства, при котором ему пришлось развивать-

ся, — он состоял в основном из огромной массы сельскохозяйственных рабочих плантаций, большого числа текстильщиков и значительного числа шахтеров, железнодорожников и моряков, то есть тех профессий, что появились уже при империализме. Профсоюзы в этих странах почти повсюду создавались по производственному принципу, и организованные ими забастовки, даже в тех случаях, когда они проводились по относительно мелким поводам, часто, несмотря на суровые репрессии, принимали характер подлинных восстаний. В этих обстоятельствах рабочая аристократия играла гораздо меньшую роль, а база реформизма была сужена. Профессиональное движение колониальных и полуколониальных стран характеризовалось высокой национальной и классовой сознательностью и радикальным, а часто и революционным руководством.

С момента своего основания в 1921 году Профинтерн в соответствии с учением Ленина уделял большое внимание развитию профсоюзного движения в Китае, Индии, Индонезии, Бирме, Индо-Китае, Корее, на Филиппинах и в других колониальных и полуколониальных странах Азии. Западные империалисты, хотя и пережили серьезные потрясения в результате первой мировой войны, продолжали беспощадно угнетать рабочих колониальных и полуколониальных стран, которые были воодушевлены русской революцией 1917 года и подготовлены к тому, чтобы принять участие в организации профессионального движения. Вот почему сторонникам Коминтерна и Профинтерна удалось заложить во всей Азии основы профсоюзного движения и в середине двадцатых годов стать во главе молодых профсоюзных объединений в большинстве стран колониальной Азии.

Одним из наиболее важных мероприятий Профинтерна в этом огромном районе было создание в августе 1929 года Тихоокеанского секретариата профсоюзов в Ханькоу (Китай). В течение нескольких последующих лет эта организация вела активную деятельность на всем Дальнем Востоке. На учредительной конференции присутствовали представители профсоюзов Китая, Индии, Японии, Филиппин, Индонезии, Кореи, Австралии, СССР, Франции, Великобритании и Соединенных Штатов¹. Принятая конференцией программа включала следующие вопросы: борьба за повышение зарплаты и улучшение условий труда, борьба с растущей опасностью войны и империалистической агрессией, уничтожение пагубных националь-

ных и расовых барьеров, достижение профсоюзного единства. С самого начала азиатские профсоюзы, вынужденные бороться с империалистическим террором, росли в атмосфере свирепых преследований.

В течение предшествовавших десятилетий Второй Интернационал и Амстердамский Интернационал (МФП) вообще не уделяли никакого внимания организации рабочих колониальной Азии. Объяснялось это тем, что буржуазно настроенные социал-демократические лидеры явно или тайно считали колониальную систему совершенно необходимой для западного капитализма, как обеспечивающую рынки сбыта и источники сырья. Больше того, как неоднократно указывал Ленин, рабочая аристократия, являвшаяся базой социал-демократических партий и профсоюзов, участвовала в дележе сверхприбылей, которые получали капиталисты от эксплуатации колоний. Лишь после того как коммунисты возглавили профсоюзную работу в этих обширных колониальных районах, социал-демократы тоже начали проявлять активность в этом направлении. Характерно также, что когда буржуазно-националистические лидеры в этих странах начали создавать руководимые правительством профсоюзы, чтобы расколоть и ослабить рабочий класс, который быстро организовывался в то время под руководством Профинтерна и Коммунистической партии, они немедленно получили полную поддержку в своей подрывной работе со стороны МФП и местных социал-демократов.

Бурное развитие китайского профсоюзного движения

Китайское профсоюзное движение родилось в огне народной революции. С оружием в руках оно защищало революцию в течение более двадцати пяти лет и оказалось полностью созревшим к моменту победы Китайской Народной Республики в 1950 году. Первая крупная забастовка в Китае (стачка железнодорожных рабочих) произошла в октябре 1912 года, а первый Всекитайский союз (тоже железнодорожников) был основан в 1924 году². Профсоюзы начали организовываться после русской революции 1917 года; I Всекитайский съезд профсоюзов был проведен в 1922 году (см. главу 29). Однако только в 1925 году была создана Всекитайская федерация труда. До этого союзы разнообразными методами вели борьбу

против низких ставок зарплаты, составлявших 15—25 центов в день, против продолжительности рабочего дня в 15—20 часов; против использования на работе шести — семилетних детей ³, борьба была для них хорошей школой. Профсоюзы строились по производственному принципу, наибольшим влиянием в них пользовались коммунисты.

Начиналась первая война из длинной серии китайских гражданских и империалистических войн. В 1924 году Коммунистическая партия и Гоминьдан, руководимый великим китайским буржуазным революционером Сунь Ят-сеном, с целью организации республики во всей стране создали единый фронт и начали вооруженную борьбу против военных феодалов-реакционеров. Народные массы с огромным энтузиазмом приветствовали это движение. По стране прокатились десятки забастовок и крестьянских восстаний; национальная армия быстро продвигалась вперед, ряды ее неуклонно росли.

В этом массовом движении особо выделяется большая забастовка 250 тысяч рабочих в Гонконге и Кантоне, продолжавшаяся с июня 1925 года по октябрь 1926 года. Затем в феврале 1927 года вспыхнула огромная шанхайская всеобщая забастовка текстильщиков, металлистов, железнодорожников и других рабочих ⁴. Хотя участники этой знаменитой забастовки выдвинули многие чисто экономические требования, однако в основе ее лежала решимость народа раз и навсегда покончить с хищническим владычеством в Китае английского, японского и всякого другого иностранного империализма. Шанхайская забастовка распространилась на всю страну и продолжалась несколько месяцев. Во многих случаях забастовки закончились победой рабочих и способствовали росту профсоюзного движения. К моменту IV Всекитайского съезда профсоюзов, открывшегося в Ханькоу 19 июня 1927 года, в них насчитывалось 2 800 тысяч членов, включая многих сельскохозяйственных рабочих (в 1927 году во всем Китае насчитывалось только 2 750 тысяч промышленных рабочих) ⁵, а тесно сотрудничавшие с рабочими крестьянские ассоциации выросли до 9 500 тысяч членов ⁶.

В марте 1925 года умер либерал и друг Советского Союза Сунь Ят-сен. Сразу же после этого реакционеры, встревоженные революционными настроениями рабочих и крестьян, начали готовить контрреволюцию. В апреле

1927 года Чан Кай-ши, выступающий от лица крупных помещиков, ростовщиков и иностранных империалистов, организовал мятеж, захватил командование армией и начал жесточайший террор против Коммунистической партии, профсоюзов и крестьянских организаций. Десятки тысяч активных рабочих и крестьян были расстреляны или замучены с применением средневековых пыток. Девушек с коротко подстриженными волосами (что считалось признаком радикализма) расстреливали на месте без всякого суда, расклейщиков листовок обезглавливали, а коммунистов четвертовали или заживо сжигали на площадях. В течение 1927 года подручные Чан Кай-ши убили 37 985 заключенных, а в первой половине 1928 года еще 7 930⁷. Прогрессивные рабочие во всем мире подняли голос протеста против этих потрясающих преступлений.

Два следующих военных десятилетия были очень трудными для китайского профсоюзного движения. В гоминьдановском Китае профсоюзы были или разгромлены или загнаны в подполье. Чанкайшистские гангстеры, оперируя под вывеской «Рабочего профсоюзного альянса», свирепо подавляли малейшие намеки на профсоюзную деятельность. Военные действия японцев, начавшиеся в 1931 году и усилившиеся в 1937 году, дали толчок новым варварским насилиям над рабочим классом и усилению репрессий против его попыток организовать.

В 1938 году на территории Китая, пока еще контролируемой Гоминьданом, Чан Кай-ши создал организацию, названную им Китайской ассоциацией труда (КАТ)⁸. Это была полуфашистская, полностью подчиненная правительству организация с принудительным членством и антизабастовочной политикой. Она вела ожесточенную борьбу с «красными» и занималась главным образом тем, что не давала рабочим выдвигать требования о повышении заработной платы. К концу второй мировой войны КАТ якобы насчитывала 594 тысячи членов. МФП и АФТ приветствовали ее как братскую организацию.

Между тем рабочие и крестьяне под руководством Коммунистической партии, которой после 1931 года руководил выдающийся деятель Мао Цзэ-дун, продолжали упорную войну за национальную независимость и свободу: с 1927 по 1936 год против Чан Кай-ши, с 1936 по 1945

год против японцев и с 1945 года до победы в 1950 году — вновь против сил Чан Кай-ши. Постепенно народным силам удалось освободить территорию, население которой к концу войны составляло около 90 миллионов человек. На этой территории развернуло борьбу подлинное профсоюзное движение Китая. В эти героические годы оно делило с боевыми революционными силами все трудности, невзгоды и опасности. Один из выдающихся примеров этого — знаменитый «Великий поход» в 3 тысячи миль через Китай против превосходящих сил противника и в небывало трудных природных условиях.

По существу, почти все большие города и железные дороги страны находились в течение этого двадцатипятилетнего периода под властью чанкайшистского Гоминьдана и японских интервентов. Однако коммунисты организовали в промышленности и в оккупированных районах активную нелегальную профсоюзную работу. Пятый съезд Всекитайской федерации труда, несмотря на кровавый чанкайшистский террор, был нелегально проведен в Шанхае в ноябре 1929 года. Но революционная борьба в основном велась в отдаленных районах, там, где промышленность была слаба, а рабочих мало. В начале тридцатых годов Всекитайская федерация труда децентрализовалась, передав большую часть своих функций местным федерациям профсоюзов⁹. В 1943 году шесть местных профсоюзных федераций объединились в Северо-Китайскую федерацию профсоюзов, в которой насчитывалось 700 тысяч членов¹⁰. Президентом Всекитайской федерации труда был избран Чен Юнг. К этому времени профсоюзы насчитывали 2 830 тысяч членов. Только 1 августа 1948 года в Харбине, через девятнадцать лет после V съезда, состоялся VI съезд профсоюзов. В этих труднейших условиях Коммунистическая партия в течение семнадцати лет не могла провести ни одного съезда¹¹.

На протяжении более чем двух десятилетий войны, помимо заботы о повышении благосостояния рабочих, профсоюзы решали много специальных задач. В основном именно они управляли промышленностью и транспортом. Во многих случаях, по мере продвижения Народной армии в глубь страны, члены профсоюзов буквально на своих спинах переносили разобранное заводское оборудование. Основные задачи революционных профсоюзов были сформулированы Всеобщим профсоюзом Яньяни в 1940

году следующим образом: «Организовать всех рабочих пограничного района для активного участия в войне сопротивления и в национальном строительстве. В целях достижения победы мы должны увеличить производительность труда и усилить трудовую дисциплину, поднять политический, культурный и технический уровень рабочих, а также укрепить связь между рабочими и солдатами»¹².

Одна из величайших заслуг Мао Цзэ-дуна состояла в том, что он никогда не упускал из виду, что даже в такой сельскохозяйственной стране, как Китай, где пролетариат представлял незначительное меньшинство, возглавлять революцию все же должен рабочий класс. Пролетарское руководство выразилось не только в привлечении наиболее передовых рабочих в Коммунистическую партию, в строительстве профсоюзов, укреплении пролетарского элемента в армии и расширении рабочего руководства в деревне и городе, но прежде всего в самом построении и руководстве Коммунистической партией в духе пролетарских принципов марксизма-ленинизма. Пролетарское руководство осуществлялось даже в то время, когда, отрезанные, по существу, от всех городов, вооруженные силы революции состояли почти исключительно из крестьян и мелкобуржуазных элементов.

Характерно, что в самом начале своей декларации от 24 июня 1938 года партия заявила: «КПК является марксистско-ленинской партией китайского рабочего класса. Ее историческая миссия состоит в окончательном освобождении китайского народа, так как, только освободив все человечество, рабочий класс может освободить себя». Кроме того, в первой же фразе устава Коммунистической партии, принятого 11 июня 1945 года, говорится: «КПК — организованный авангард китайского рабочего класса, наивысшая форма его классовой организации. Она стоит на защите интересов китайской нации и народа, и ее задача на настоящем этапе заключается в борьбе за осуществление новой демократии. Ее конечная задача состоит в осуществлении коммунизма в Китае». В первой статье Основного закона Китайского народного правительства, принятого 27 сентября 1949 года, отмечается: «Китайская Народная Республика — это государство диктатуры народной демократии, возглавляемой рабочим классом, базирующейся на союзе рабочих и крестьян и объединяющей все демократические классы и различные националь-

ности внутри страны»¹³. Именно в таком ленинском духе в течение двадцати пяти лет вооруженных революционных схваток создавалось и боролось китайское профсоюзное движение.

Развитие профсоюзного движения в Индии

В росте профсоюзного движения в Азии после русской революции 1917 года (см. главу 29) важную роль сыграла Индия. Во время двух мировых войн в Индии, несмотря на противодействие английского капитализма, значительно выросла промышленность. Достаточно сказать, что ежегодная выплавка стали увеличилась с 700 тысяч тонн в 1939 году до 1 500 тысяч тонн в 1945 году. Индия располагает сейчас крупнейшим в Британской империи сталелитейным заводом. В соответствии с этим вырос рабочий класс, было проведено много забастовок и увеличились профсоюзы. Рабочие боролись против нищенской зарплаты и за сокращение рабочей недели, продолжительность которой часто достигала ста и более часов. В этот период ежегодно происходило в среднем 175 забастовок, а в 1928 году, когда борьба достигла наивысшей точки, в результате забастовок было «потеряно» 31 647 404 рабочих дня¹⁴. Всеиндийский конгресс профсоюзов в момент основания в 1920 году насчитывал 10 тысяч членов¹⁵; в 1929 году в нем было уже около 190 тысяч членов, а в 1945 году, по его данным, — 452 тысячи¹⁶.

Индийское профсоюзное движение росло в условиях суровых гонений со стороны английских властей. Его история — это история убийств, арестов и других насилий над рабочими со стороны империалистов и их реакционных индийских приспешников. Характерным примером этого насилия был известный Мирутский процесс 1929 года. Хотя формально профсоюзное движение было легализовано в 1926 году, британское правительство в марте 1929 года, действуя по примеру Муссолини, совершило налет на помещения крупнейших профсоюзных, рабочих и крестьянских политических организаций. Всего было арестовано 32 руководящих работника, в том числе три англичанина. Суд над арестованными привлек внимание всего мира и тянулся три с половиной года. Он закончился зверским приговором: заключенные были осуждены на срок от трех лет до пожизненной ссылки. Теперешний секретарь Всеиндийского конгресса профсою-

зов коммунист С. Данге пробыл в тюрьме двенадцать лет. «И все же этот процесс, — говорит Датт, — направленный на подавление профсоюзного движения, имел такое же значение в истории индийского рабочего движения, как и процесс дорчестерских рабочих сто лет назад. Он был проведен при английском лейбористском правительстве, взявшем на себя полную ответственность за него»¹⁷. Но как и в других странах, молодое индийское профсоюзное движение продолжало расти, несмотря на притеснения со стороны властей.

Индийское профсоюзное движение, как и профдвижение в других колониальных странах, почти не получало никакой поддержки от социал-демократической партии угнетающей империалистической страны, в данном случае от лейбористской партии Великобритании. Лишь английская Компартия постоянно заботилась о том, чтобы помочь индийским рабочим организовать свои профсоюзы. Характерно, что английские социал-демократы постоянно стремились ослабить растущее сопротивление индийского народа британскому империализму. В соответствии с этой обычной политикой Британский конгресс профсоюзов в 1927 году пытался заставить радикальный Всеиндийский конгресс профсоюзов вступить в контролируемую социал-демократами МФП, но этот маневр потерпел поражение. Однако во имя сохранения единства, как говорит Данге, левые не стали добиваться вступления в Профинтерн, хотя могли бы это сделать. Соседняя Китайская федерация труда входила в то время в Профинтерн.

С самого начала индийское профсоюзное движение явилось органической, наиболее деятельной частью общенационального освободительного движения индийского народа, боровшегося за свою независимость от британского империалистического владычества. Национально-освободительную борьбу возглавляла растущая молодая индийская буржуазия, выдающимся представителем которой был Ганди. Ее руководящая партия — Индийский национальный конгресс пользовалась огромной поддержкой рабочих и крестьян. Однако индийская буржуазия, руководившая движением, хотя и была озабочена тем, чтобы удерживать сельскохозяйственных и промышленных рабочих в лагере борьбы за независимость, вместе с тем враждебно относилась к их попыткам организовывать профсоюзы и забастовки, особенно в тех случаях, когда

эта борьба была направлена также и против индийского эксплуататорского класса.

В соответствии с этим и партия Индийский национальный конгресс почти не проявляла интереса к укреплению молодого профсоюзного движения, хотя оно являлось мощным оружием против английских колонизаторов. В этом отношении Ганди не занимал такой либеральной позиции, как его великий китайский сосед Сунь Ят-сен. Решение исторической задачи — заложить фундамент индийского профсоюзного движения — выпало на долю левых, главным образом коммунистов. Последние из года в год ставили вопрос о профсоюзах перед партией Индийский национальный конгресс. Социал-демократическая партия была организована в Индии только в 1934 году, то есть через тринадцать лет после создания Коммунистической партии, и ее роль в профсоюзах как раньше, так и потом была сомнительной и оппортунистической.

Однако партия Индийский национальный конгресс не совсем игнорировала профсоюзный вопрос, особенно после того, как партийные чиновники обнаружили, что руководство этим потенциально мощным движением переходит в руки коммунистов. Как и у буржуазии во всем мире, их представление об организации рабочего класса в промышленности сводилось к созданию компанейских профсоюзов. Так, в 1920 году Ганди принял участие в создании профсоюзной организации бастующих текстильщиков. Он основал союз «Маздур Махаджан», который партия Индийский национальный конгресс с тех пор считает «образцовым профсоюзом». Это была попытка превратить все индийские профсоюзы в компанейские. Данге перечисляет некоторые из «принципов», на которых был основан этот так называемый профсоюз: предприниматели финансировали его регулярными взносами; он строился по цеховому принципу; забастовки были запрещены, а классовое сотрудничество и арбитраж выдвигались как универсальное средство (одно арбитражное дело здесь тянулось семнадцать лет); организован этот союз был в масштабе города, а не во всеиндийском масштабе; он так и не вступил в ВИКПС (даже в тот период, когда этой организацией некоторое время руководили консерваторы) или в какую-нибудь всемирную организацию, поскольку Ганди считал опасными все такие международные или национальные связи ¹⁸.

Основатель и выдающийся деятель индийского профдвижения Данге говорит: «Массовое профсоюзное движение в Индии было создано главным образом Коммунистической партией»¹⁹. Однако это вовсе не означает, что либералы и социал-демократы, особенно из среды интеллигентов, не принимали активного участия в движении. В 1920—1922 годах президентами ВИКПС были Тайпат и С. Р. Дас, а в 1929—1930 годах — Д. Неру и Субхаш Босе. При консервативном руководстве Босе ВИКПС дважды пережил серьезный раскол между правыми и левыми. На ежегодной конференции ВИКПС в 1929 году, когда большинство лидеров крупных массовых профсоюзов, входивших в нее, сидели в Мирутской тюрьме, в ВИКПС произошел раскол главным образом по вопросу о сотрудничестве с английской королевской комиссией по труду, хотя правая группа во главе с Джоши и Чаманлалом утверждала, что она откололась из-за разногласий по вопросу о международных связях. Правые раскольники создали Индийскую федерацию труда. На конференции 1930 года националистический лидер Субхаш Босе, избранный на предыдущей конференции президентом, вновь внес раскол в ВИКПС. На этот раз левые потеряли ВИКПС и создали Красный конгресс профсоюзов.

Тем не менее в соответствии с активной политикой Профинтерна его сторонники перед лицом растущей опасности фашизма и войны предприняли энергичные меры для сохранения профсоюзного единства. В 1935 году Красный конгресс профсоюзов слился с ВИКПС, а в 1938 году с ним объединилась и Индийская федерация труда. Так был в основном ликвидирован раскол в профсоюзном движении в Индии²⁰.

Профсоюзное движение в других колониальных странах Азии

В других азиатских странах — Индо-Китае, Индонезии, Корее, Бирме, Малайе, Таиланде, на Филиппинах и т. д. — трудящиеся массы испытывали особенно тяжелый гнет империалистической эксплуатации. В период между двумя войнами профсоюзные организации находились здесь в зачаточном состоянии. Везде, за исключением Филиппин, активные рабочие организации подавлялись самым беспощадным образом. Повсюду зарплата была нищенской, а рабочий день продолжался 10—15 часов. Во всех этих

странах эксплуататоры считали коренных жителей неполноценными существами, годными лишь на то, чтобы удовлетворять ненасытную жажду прибылей европейских и американских империалистов.

Забастовки, подавляемые с крайней жестокостью, часто перерастали в вооруженные восстания. В 1926 году вспыхнуло восстание рабочих на Яве и Суматре, зверски подавленное голландскими империалистами. Как указывалось в резолюции пятого Конгресса Профинтерна, «Только реформистским и правонационалистическим профсоюзным организациям, стоявшим на платформе сотрудничества с голландским империализмом, позволено было существовать легально»²¹. В этот период несколько профсоюзов существовало в Индо-Китае, но они находились полностью под контролем французских империалистов.

В Корее в 1929 году произошли всеобщая забастовка, а также забастовки и восстания шахтеров и моряков против японских эксплуататоров. Корейская Рабочая федерация, действовавшая главным образом нелегально, насчитывала примерно 44 тысячи членов. В Бирме до второй мировой войны профсоюзы также существовали лишь в зачаточном виде.

В период между двумя мировыми войнами профсоюзное движение в Азии было больше всего развито, кроме Индии и Китая, на Филиппинах. Здесь, как и всюду, политика империалистов была двоякой: продиктованное интересами выгоды терпимое отношение к малочисленным консервативным профсоюзам квалифицированных рабочих и политика кнута в отношении основных профсоюзов сельскохозяйственных рабочих, моряков, шахтеров, текстильщиков и др. В 1927 году произошло восстание рабочих сахарных плантаций и других сельскохозяйственных рабочих на острове Негрос²². Профсоюзы на Филиппинах неоднократно раскалывались на соперничающие между собой федерации. В 1939 году насчитывалось в общем около 100 тысяч членов профсоюзов. Здесь, как и во всех азиатских колониальных странах, руководство основными профсоюзами находилось в руках коммунистов, и, как правило, союзы входили в Тихоокеанский секретариат профсоюзов (входящий в Профинтерн). Только после второй мировой войны рабочим в большинстве этих стран, вопреки империалистическим репрессиям, удалось организовать сильное и массовое профсоюзное движение.

БОРЬБА ПРОФСОЮЗОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

(1918—1945)

На огромной территории Центральной и Южной Америки, где в двадцати государствах живет 170 миллионов человек, уже длительное время хозяйничают империалистические хищники. Эти страны в основном полуколонии. Латинская Америка, особенно с начала двадцатого столетия, стала ареной битвы соперничающих империалистических держав — Соединенных Штатов, Великобритании, Германии, Японии и Италии. В течение этой длительной и тяжелой борьбы Соединенные Штаты, обычно называемые здесь «империалистами-янки» и «северным колосом», как самая мощная капиталистическая страна, постепенно оттесняла своих соперников и все тверже укрепляла свое господство. Однако к началу второй мировой войны интересам Соединенных Штатов в этом районе стали серьезно угрожать страны фашистской оси — Германия, Япония и Италия, ибо Гитлер рассматривал захват Латинской Америки как одну из главных своих задач.

В 1810—1826 годах народы основных латиноамериканских стран в результате длительных и ожесточенных революций формально освободились от Испании, Португалии, Франции, Голландии и Англии. Но созданные ими республики фактически никогда не были независимыми — они по-прежнему находились под властью империалистических держав, главным образом Великобритании и Соединенных Штатов. Меньшие страны — Порто-Рико, Гондурас, Гвиана, Мартиника и т. д., — по существу, остались колониями.

Для государств, расположенных в этом огромном районе, характерны те же особенности, что и для остальных стран, находящихся под империалистическим господством, а именно: плохо развитая промышленность, сосредоточение производства и торговли в руках иностранных капиталистов и тиранов, монокультурное или бикультурное сельское хозяйство, диктаторские политические режимы, резкие контрасты между богатством и нищетой, жестокое подавление всех попыток масс улучшить свои жизненные условия, неграмотность народа и застарелая нищета тру-

дящихся города и деревни. Нищету народов почти всей Латинской Америки, включая американскую колонию Порто-Рико, можно сравнить с нищетой, господствующей в Индии и в странах Ближнего Востока.

Профсоюзное движение на всей огромной территории Латинской Америки завоевало право на свое существование в долгой и отчаянной борьбе со свирепой реакцией крупных помещиков и их союзников — иностранных империалистов всех мастей и толков. Как правильно говорит Бетти Уоллес, «ни на одном другом континенте у профсоюзного движения нет такой кровавой и сложной истории»¹, как в Латинской Америке. В этих странах рабочие добивались удовлетворения своих требований, как правило, не путем сравнительно мирных переговоров с предпринимателями, а в многочисленных долгих и ожесточенных схватках. В главе 18 мы уже перечислили некоторые из многих случаев массовых убийств рабочих во время забастовок в латиноамериканских странах. В своих отчаянных попытках уничтожить рабочее движение эксплуататоры нигде не применяли такие кровавые репрессии и убийства, как в странах Латинской Америки.

Историческим фоном латиноамериканского профсоюзного движения служили бесчисленные революционные битвы народов этих стран. Сюда входят не только важные по своим последствиям революции 1810—1826 годов, в результате которых была завоевана независимость, но буквально сотни других восстаний в тех или иных государствах. В Боливии за семьдесят четыре года произошло шестьдесят революций, в Венесуэле за семьдесят лет — пятьдесят, в Парагвае со времени создания там собственного правительства — свыше ста; такое положение характерно почти для всех стран, от Мексики до Аргентины. Эта вооруженная борьба, вызванная прежде всего кошмарными условиями существования трудящихся масс, сводилась к бесплодным попыткам довести до конца все еще далеко не законченную буржуазно-демократическую революцию. Обычно руководство этими революционными движениями попадало в руки так называемых «каудильо» (вождей). Несмотря на сотни революций, крупные помещики, которым противостояли еще неокрепшие капиталисты, формирующаяся средняя буржуазия и малочисленный пролетариат, продолжали сохранять свое господствующее положение.

Панамериканская федерация труда

Латиноамериканские профсоюзы — в Чили, Аргентине, на Кубе, в Мексике и в некоторых других странах, как мы видели в главе 22, появились в конце девятнадцатого столетия. Но особенно быстро профсоюзное движение стало расти после первой мировой войны, причем рост этот продолжался еще более высокими темпами накануне и во время второй мировой войны. В течение этого периода в Латинской Америке существенно выросли такие типичные для колониальных и полуколониальных стран отрасли сельского хозяйства и промышленности, как производство на экспорт кофе, сахара, выращивание бананов, горнорудное дело, железнодорожный транспорт, доки и т. д. Соответственно рос и современный пролетариат. Одновременно с ростом пролетариата усиливалось движение за создание профсоюзов и политических организаций рабочего класса.

В начальный период существования латиноамериканского профдвижения, особенно с 1900 года и до начала первой мировой войны, большинство профсоюзов в этом огромном районе возглавлялось анархистами и анархосиндикалистами, что уже отмечалось в главе 22. Не встречая особого противодействия, они проповедовали среди рабочих — выходцев из Испании, Португалии и Италии — характерные для них «антиполитические» идеи «прямого действия». В 1928 году эти профсоюзы создали Континентальную ассоциацию рабочих (синдикалистскую по своему направлению), но вскоре она развалилась. Берлинский Интернационал уделял очень большое внимание Латинской Америке. На его четвертом конгрессе в Мадриде в июне 1931 года сообщалось, что число членов входящих в него профсоюзов составляет 40 тысяч в Аргентине, 4 тысячи в Бразилии и 6 тысяч в Уругвае. Кроме того, в него входили профсоюзные организации Боливии, Чили, Коста-Рики, Мексики, Парагвая и Перу, но их численность не была указана².

Однако одну из наиболее решительных попыток связать профсоюзы Латинской Америки с международным профсоюзным движением предприняла Панамериканская федерация труда (ПАФТ), организованная в Ларедо (штат Техас) в ноябре 1918 года. На конференции присутствовало 46 делегатов от Соединенных Штатов, Мексики, Гватемалы, Коста-Рики, Эль-Сальвадора и Колумбии.

Этой организации покровительствовала Американская федерация труда, которая придавала ПАФТ столь большое значение, что посылала своих лидеров — вначале Гомперса, а затем Грина — председательствовать в ней. Лакей капиталистов профсоюзный лидер Метью Уолл был одним из основных деятелей в этой организации. Ориентация ПАФТ была явно империалистической; действуя в тесном контакте с государственным департаментом Соединенных Штатов, она ставила перед собой гнусную цель: привести страны Латинской Америки под власть империализма янки. Подобные циничные замыслы были вполне естественны для реакционера Гомперса с его откровенно прокапиталистическими взглядами и политикой. В это время АФТ, уже прибравшая к своим рукам канадское профессиональное движение, добивалась по примеру империалистов Уолл-стрита господства над всеми тремя Америками, раскинувшимися от Канады до Аргентины. Для этой цели она назвала свою реакционную политику «профсоюзной доктриной Монро».

ПАФТ провела пять конгрессов; шестой конгресс, назначенный на 1930 год в Гаване, так и не состоялся. В течение нескольких лет эта организация еще продолжала существовать на бумаге, а затем окончательно исчезла со сцены. В последний период она по утверждению ее лидеров объединяла двадцать организаций четырнадцати стран³. Руководила ею реакционная американская клика Гомперса и продажная мексиканская клика его ближайшего сподвижника Моронеса. Входившие в нее организации были расположены главным образом в районе Караибского моря, где влияние Соединенных Штатов было особенно сильным и где империалисты США, владея Панамским каналом, усиленно добивались владычества над латиноамериканскими народами, идя для этой цели на самые вопиющие преступления.

АФТ, являясь защитником американских империалистических интересов, часто вступала внутри ПАФТ в резкие конфликты с латиноамериканскими профсоюзами, особенно Центральной и Южной Америки. Характерно, что, как отмечал Лорвин, на третьем конгрессе ПАФТ в Мексико в 1921 году делегаты из Мексики, Перу, Эквадора, Эль-Сальвадора, Никарагуа и Сан-Доминго не только выразили протест против реакционной американской иммиграционной политики, «но высказали свое убежде-

ние, что АФТ недостаточно возражала против интервенционистской политики президента Вильсона в Сан-Доминго и Никарагуа. Несмотря на заверения Гомперса, конгресс выразил протест против этой политики и потребовал немедленного вывода американской морской пехоты из Сан-Доминго»⁴. Отказываясь вступить в ПАФТ, аргентинские профсоюзы выразили общее мнение рабочих Латинской Америки, когда охарактеризовали ПАФТ, как «одно из средств, при помощи которых государственный секретарь Соединенных Штатов хочет распространить американское влияние».

Профинтерн в Латинской Америке

Амстердамский Интернационал, действуя в подлинно империалистическом духе Второго Интернационала, почти не способствовал развитию профсоюзов в Латинской Америке. В тех же редких случаях, когда он пытался убедить какие-нибудь профсоюзы этого района вступить в его ряды, он немедленно получал резкий отпор со стороны лидеров АФТ, которые рассматривали Латинскую Америку как свой собственный (империалистический) заповедник. Профинтерн, наоборот, с самого начала вел активную работу в Латинской Америке и в процессе своей деятельности вступил в резкий конфликт с АФТ и созданной ею Панамериканской федерацией труда.

В первые же годы после создания Профинтерна, в 1921 году, во многих странах Латинской Америки были организованы левые профсоюзы. Они провели много забастовок и проделали большую организационную работу. В середине двадцатых годов эти профсоюзы объединились в Латиноамериканский секретариат профсоюзов Профинтерна с центром в Монтевидео (Уругвай). Эта организация вела активную борьбу против влияния АФТ — ПАФТ в Латинской Америке. Она деятельно поддерживала антиимпериалистическую лигу, которая активно боролась с губительным влиянием империализма янки и его профсоюзных агентов в Латинской Америке.

В мае 1929 года сторонники Профинтерна в Латинской Америке на своем генеральном конгрессе в Монтевидео организовали Профсоюзную федерацию Латинской Америки (ПФЛА), которая установила братские отношения с Профинтерном в Москве⁵. На этом конгрессе присутствовали делегаты от Профинтерна, Мексики, Аргентины, Эк-

вадора, Бразилии, Эль-Сальвадора, Парагвая, Гватемалы, Боливии, Чили, Кубы, Перу, Колумбии, Коста-Рики, Уругвая и Соединенных Штатов. Это был наиболее представительный международный конгресс из всех проводившихся ранее в Латинской Америке. По официальным данным, на конгрессе был представлен миллион рабочих Латинской Америки. Генеральным секретарем был избран Мигуэль Контрерас⁶.

ПФЛА была организована в критический момент в истории профессионального движения Латинской Америки. Уже спустя несколько месяцев весь этот район оказался в тисках ужасающего мирового экономического кризиса 1929—1933 годов. ПФЛА совместно с молодыми, энергичными коммунистическими партиями латиноамериканских стран вела активную борьбу в целях защиты рабочих от бедствий кризиса. Это соответствовало политике Профинтерна во всем капиталистическом мире. В марте 1930 года по всей Латинской Америке состоялись крупные демонстрации безработных, положившие начало длительной борьбе. Демонстрации безработных перемежались с частыми ожесточенными забастовками против повсеместного массового снижения заработной платы, вызванного экономическим кризисом. Сюда относятся забастовки в Бразилии, на Кубе, в Мексике, Уругвае, Аргентине, Колумбии и других странах⁷. Забастовки часто проходили в условиях террора и граничили с восстаниями. Одним из наиболее важных проявлений борьбы в эти годы была всеобщая забастовка на Кубе в августе 1933 года. Она проходила под руководством Коммунистической партии и закончилась свержением диктатуры Мачадо, созданием нового правительства, введением восьмичасового рабочего дня и гражданских свобод.

В середине тридцатых годов борьба против бедствий, вызванных экономическим кризисом, переросла в борьбу против фашизма. Гитлер и Муссолини к тому времени решили бросить все силы на завоевание Латинской Америки. Они не скупились на угрозы по адресу Соединенных Штатов и фактически готовились захватить Панамский канал. Большинство реакционных сил в Латинской Америке — все крупные помещики и церковники, а также значительная часть компрадорской буржуазии — объединились вокруг знамени фашизма. Латинская Америка становилась полем битвы во всемирной борьбе с фашизмом.

Стремясь сохранить и расширить свое господство в Латинской Америке, империализм янки действовал быстро и умело. В марте 1933 года президент Рузвельт провозгласил хорошо известную политику «доброго соседа» — своего рода южноамериканский вариант «нового курса». Для популяризации этой политики Рузвельт приехал в Монтевидео. Политика «доброго соседа», конечно, не упразднила американского империализма, как это в то время утверждали многие, но она приостановила американское вмешательство в политическую жизнь ряда латиноамериканских стран и вооруженную интервенцию на их территории. В связи с этим Рузвельт приобрел значительный авторитет, если и не среди правителей этих стран, то среди демократических масс Латинской Америки. Политика «доброго соседа» оказалась серьезным препятствием на пути ультраагрессивных германских, итальянских и японских фашистов в Южной и Центральной Америке и в общем принесла определенную пользу американскому империализму.

В июле — августе 1935 года Коммунистический Интернационал на своем седьмом конгрессе выдвинул исторический лозунг борьбы Народного фронта против фашизма. Этот лозунг, провозглашенный в наиболее важный в стратегическом отношении момент, когда фашисты начинали свое наступление с целью захватить господство над миром, нашел горячий отклик в Латинской Америке, как и во многих других странах мира. Коммунистические партии и профсоюзы, входившие в Профинтерн, повсеместно возглавили решительное контрнаступление против фашистской реакции. В Чили, Аргентине, на Кубе, в Мексике, Колумбии, Венесуэле, Никарагуа, Уругвае и в других странах развернулось большое движение Народного фронта, которому в ряде мест удалось добиться существенных успехов⁸. Латиноамериканские рабочие, крестьяне и интеллигенция проявляли в борьбе невиданную дотоле активность.

В эти несколько лет быстро выросли латиноамериканские профсоюзы, почти всюду руководимые коммунистами и сторонниками Профинтерна. В соответствии с генеральной линией Профинтерна в вопросе о единстве профессионального движения как базы Народного фронта для борьбы с фашистской реакцией сторонники Профинтерна вели систематическую работу по объединению рабо-

чего движения в различных странах. Они выдвинули и энергично отстаивали идею создания новой широкой Латинскоамериканской профсоюзной федерации. Рабочий класс Латинской Америки готовился совершить самый крупный шаг вперед в своей истории. Именно этому посвятила все свои усилия основная организация сторонников Профинтерна — ПФЛА. Что же касается Профинтерна во всемирном масштабе, то, как мы уже видели, в ходе международного движения за единство он постепенно самоликвидировался во имя решения более важной задачи создания единого Народного фронта против кровавого фашизма — врага рабочих и всего трудящегося человечества.

Конфедерация трудящихся Латинской Америки

Конфедерация трудящихся Латинской Америки (КТЛА) была организована в Мексико в сентябре 1938 года. Приглашения на конгресс рассылала Конфедерация трудящихся Мексики, возглавляемая Висенто Ломбардо Толедано. Обстановка вполне благоприятствовала этому большому движению единства, отвечавшему духу всемирной борьбы Народного фронта против фашизма. Вот почему на конгрессе были представлены почти все крупные профсоюзные организации Латинской Америки⁹, руководимые коммунистами, социалистами, синдикалистами, апристами*, католиками или беспартийными из Мексики, Аргентины, Чили, Боливии, Колумбии, Парагвая, Венесуэлы, Никарагуа, Коста-Рики, Перу, Эквадора, Уругвая и Кубы. Крупные профсоюзы Бразилии также сочувственно отнеслись к созыву конгресса, но, находясь на нелегальном положении, не смогли послать своих делегатов. Существовавшая ранее ПФЛА (входившая в Профинтерн) влилась в КТЛА, и ее президентом был избран независимый марксист Висенто Ломбардо Толедано, который успешно руководит ею и поныне.

* Апристы — члены партии «партидо априста» (АПРА, Народно-революционный альянс Америки), образованной в 1924 году Айя де ля Терре. Первоначально АПРА выступала с антиимпериалистическими лозунгами и выдвигала требование земельной реформы, чем завоевала популярность среди полупролетарских слоев населения. В дальнейшем в деятельности АПРА все более звучат ноты примирения с империалистическими тенденциями США. (Прим. ред.)

Учредительный конгресс КТЛА привлек большое внимание всего мира. Начавшееся движение по своему характеру во многом совпадало с большой кампанией по организации КПП, проходившей в промышленности Соединенных Штатов. На конгрессе присутствовал президент КПП Джон Л. Льюис. Характерно, однако, что представители АФТ, которая постоянно стояла на страже интересов империализма янки в Латинской Америке, на конгрессе отсутствовали, что соответствовало линии поведения ПАФТ, с самого начала относящейся враждебно к КТЛА. Помимо многих иностранных делегатов — из Франции, Испании, Швеции, Индии и т. д., — на конгрессе присутствовали представители МОТ и МФП. МФП с удовольствием воспользовалась возможностью вытеснить своего конкурента АФТ из стратегически важной Латинской Америки. В течение четверти столетия МФП не обращала внимания на Латинскую Америку, но сразу же оказалась здесь, как только коммунисты и другие левые элементы создали это замечательное движение.

Конгресс КТЛА оформил организацию из представителей профсоюзов различных стран, причем в каждой стране образовалось не более одного центра. Конгресс избрал руководящий Центральный комитет в составе председателя, четырех вице-президентов, генерального секретаря и четырех региональных секретарей. Признавая автономию входящих в нее национальных центров, КТЛА в то же время активно участвует в проведении организационных кампаний, забастовок, в борьбе за соответствующее законодательство и в различных других формах классовой борьбы¹⁰.

Основным лозунгом КТЛА является «Освобождение Латинской Америки». В ее декларации говорится: «Рабочие физического и умственного труда Латинской Америки заявляют, что общественный строй, господствующий в большинстве стран мира, должен быть заменен справедливым строем, демократической системой управления в интересах человеческого общества, которая уничтожит эксплуатацию человека человеком, будет уважать экономическую и политическую независимость каждой страны и солидарность народов всего мира, навсегда запретит вооруженную агрессию в качестве средства решения международных конфликтов и будет считать завоевательную

войну несовместимой с интересами благосостояния человечества...»¹¹ КТЛА решительно высказалась за единство мирового профессионального движения и резко заклеила империализм и фашизм. Одним из основных пунктов ее программы является полнейшее равенство всех цветных народов Латинской Америки, большинство которых состоит из людей негритянского и индейского происхождения.

КТЛА редко публикует данные о количестве своих членов, но в 1944 году считалось, что она объединяет 4 миллиона человек, то есть около трех четвертей всех членов профсоюзов Латинской Америки (включая профсоюзы, контролируемые правительствами). В 1944 году на конгрессе КТЛА в Кали (Колумбия) было сообщено, что в нее входят восемнадцать объединений и федераций в Мексике, на Кубе, в Доминиканской республике, Порто-Рико, Никарагуа, Коста-Рике, Колумбии, Венесуэле, Эквадоре, Перу, Боливии, Чили, Аргентине, Уругвае и Парагвае. Наиболее крупной организацией была Конфедерация трудящихся Мексики, в которой насчитывалось 1 300 тысяч членов.

КТЛА и входящие в нее профсоюзы охватывают огромную территорию, на которой в течение свыше четырех столетий жестокими диктаторскими методами правили крупные помещики (позднее перешедшие под опеку империалистов). Этим помещикам неведомо само понятие демократии, она не интересует их, хотя в ряде латиноамериканских стран существует внешне демократическая форма правления. С помощью своего союзника — католической церкви — они насильственно свергают правительства как своих, так и соседних стран. Они грабят трудовой народ и беспощадно расстреливают всех, кто осмеливается возражать им. Профсоюзы располагали самыми незначительными правами, которые рабочие смогли завоевать в борьбе, а рабочее законодательство носило примитивный характер, причем даже и эти законы обычно не соблюдались. Такова была Латинская Америка, в которой возникла КТЛА. Это был мир отсталого сельского хозяйства, неразвитой промышленности, угнетения масс, бедности и неграмотности, мир, над которым империализм янки продолжал усиливать свое господство.

Вплоть до окончания второй мировой войны, то есть до того периода, на котором мы сейчас закончим историю

латиноамериканского профдвижения, КТЛА за несколько лет своего существования добились больших успехов. На Кубе, в Колумбии, Парагвае, Уругвае, Эквадоре, Перу и Коста-Рике были созданы профсоюзные федерации и в масштабе каждой из этих стран осуществлено профсоюзное единство. В различных странах проведено много забастовок, введены элементарные программы социального страхования и создана сильная профсоюзная пресса. Особой заслугой КТЛА и коммунистических партий стран Латинской Америки является то, что им удалось пробудить в массах антифашистский дух, добиться решительной поддержки ими великой антифашистской второй мировой войны и организовать эту поддержку. Если Гитлер, Муссолини и их агенты не смогли обосноваться в странах Латинской Америки (за исключением Аргентины), то заслуга здесь принадлежит главным образом КТЛА и энергичным коммунистическим партиям латиноамериканских стран.

В первый период в организациях КТЛА царило единство. Как и подобает профсоюзному движению, КТЛА объединила в своих рядах рабочих с различными идеологическими взглядами. Но в ней было много и нездоровых элементов, которые в конце концов нанесли КТЛА серьезный ущерб. Сюда входили разложившиеся социал-демократы и апристы, которые считали своей основной задачей борьбу с коммунистами, даже ценой разрушения единства профсоюзного движения; лживые профсоюзные лидеры (того же типа, что лидеры в АФТ), находившиеся на содержании у мексиканского, бразильского, аргентинского и других правительств,— порочная практика прежних лет в профсоюзном движении латиноамериканских стран; честолобивые католические лидеры, жаждущие внедрить среди рабочих сектантский тред-юнионизм — зло, от которого Латинская Америка до этого была, как правило, избавлена.

Во время организации КТЛА эти вредные элементы, руководившие отдельными профсоюзными организациями, не смогли задержать широкого и настойчивого стремления огромных масс латиноамериканских рабочих к профсоюзному единству. Как и в колоссальных колониальных и полуколониальных районах Китая, Индии и др., массовым движением в Латинской Америке руководили коммунисты и другие левые элементы. Поэтому латиноамериканские

реакционеры, следуя своей обычной тактике, влились вместе с прогрессивными массами в КТЛА и стали терпеливо выжидать удобного момента, чтобы приступить к подрыву единства.

Глава 40

ПРОФСОЮЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ФАШИСТСКИХ СТРАНАХ

Монополисты-предприниматели, поставив у власти фашизм, всеми средствами стремятся политически разложить, дезорганизовать, терроризировать рабочий класс и подчинить его своему контролю. Действуя в этом направлении, они, как правило, находят какую-то форму профсоюзной организации, которая помогает им осуществлять их реакционные цели. Эти фашистские профсоюзные организации хотя и несколько различны по своим формам в разных странах, тем не менее имеют некоторые общие черты: 1) они организованы так, что им чужд подлинно пролетарский характер; 2) им запрещено устраивать забастовки; 3) государство тщательно наблюдает за ними и сурово наказывает рабочих за нарушение установленных инструкций и положений; 4) фактически они не имеют права вести коллективных переговоров с предпринимателями; 5) их «принцип» состоит в отрицании классовой борьбы и в настойчивом повторении басни о том, что интересы капитала и труда якобы совпадают.

Фашистская практика «трудовых взаимоотношений» представляет собой политику «классового сотрудничества», доведенную до своего логического конца. Классовое сотрудничество — социал-демократы выдают его за теорию, которой должен руководствоваться рабочий класс, и кладут ее в основу своей практической деятельности — всегда означает подчинение рабочего класса интересам капиталистов. Никакого сотрудничества между рабочими и капиталистами в области экономических функций профсоюзов не может быть. При фашизме угнетение рабочих капиталистами, всегда прикрываемое болтовней о классовом сотрудничестве, доводится до предела.

В период наступления контрреволюции в Восточной Европе, последовавшего за русской революцией в ноябре 1917 года, главной целью организованных предпринимателей было уничтожение подлинных профсоюзов. Эта тенденция неуклонно усиливалась вплоть до начала второй

мировой войны в 1939 году. Вот почему профсоюзное движение в этом огромном районе развивалось в условиях растущего террора и было вынуждено вести борьбу не на жизнь, а на смерть. Положение особенно ухудшилось после победы Муссолини в Италии в 1922 году и стало еще более тяжелым после захвата власти Гитлером в Германии в 1933 году. О том, что наступает период тяжелых испытаний для рабочего движения в Восточной Европе, свидетельствовали кровавая расправа с бастовавшими румынскими железнодорожниками в 1933 году, зверские репрессии против 125 тысяч текстильщиков в Лодзи (Польша) в том же году и постепенная фашизация государств во всем этом районе, граничащем с Советским Союзом.

Сильные тенденции к фашизации профсоюзного движения проявились и на огромной территории Латинской Америки. В Аргентине, Бразилии и некоторых других странах к началу второй мировой войны реакционные правительства установили жесткий контроль над профсоюзами, очень напомилавший сходные действия фашистов. Господству реакционных правительств над профсоюзами способствовала существовавшая в Мексике и в других латиноамериканских странах порочная практика, когда профсоюзные чиновники полностью или частично получали жалование от соответствующих правительств. В далеком Китае Чан Кай-ши внедрял в руководимых его головорезами псевдопрофсоюзах некую разновидность фашизма.

По-разному вели себя в период растущей фашизации профсоюзов перед второй мировой войной коммунисты и правые социал-демократы: коммунисты возглавляли рабочих для борьбы с наступающим фашизмом, а правые социал-демократы систематически подрывали сопротивление рабочего класса фашистам. Рассмотрим подробнее конкретные формы фашистских профсоюзных организаций в странах, подпавших под иго фашизма.

Фашистские профсоюзы в Италии

Хотя Муссолини захватил в 1922 году власть в Италии и имел в своем распоряжении сотни банд фашистских головорезов, которые рыскали по стране под защитой полиции и войск, убивая профсоюзных руководителей и сжигая

помещения профсоюзных организаций, он встретился все же с серьезными трудностями, когда приступил к уничтожению Всеобщей конфедерации труда. И это, несмотря на то, что конфедерация была серьезно ослаблена деятельностью ее руководителей в лице правых социал-демократов из той самой клики Д'Арагона, которая, отказавшись от борьбы в 1920 году, несла ответственность за приход фашизма к власти. И только в период террора, установленного в ноябре 1926 года после покушения какого-то маньяка на Муссолини, правительство смогло полностью разгромить ВКТ, рабочие партии, профсоюзную печать и кооперативы ¹.

Между тем рабочие, зарплата которых систематически уменьшалась и в 1926 году была на 30 процентов ниже, чем в 1921 году ², несмотря на огромные трудности, провели целый ряд забастовок. Одной из наиболее важных забастовок, проведенных еще до окончательного подавления фашистами профсоюзов, была забастовка 125 тысяч металлистов в марте 1925 года. Она проводилась в обстановке преследований со стороны нанятых правительством бандитов и была прекращена реформистами против воли самих бастующих. Количество членов ВКТ быстро уменьшалось: в 1922 году в нее входило 1 206 тысяч, в 1923 году — 400 тысяч, а в 1924 году — 200 тысяч человек ³, пока, наконец, в январе 1927 года по инициативе реформистов конфедерация окончательно прекратила свое существование. Между тем Анархо-синдикалистский союз также развалился, а его руководитель Россони переметнулся в лагерь фашистов. В эти критические годы профсоюзные лидеры — социал-демократы систематически отказывались сотрудничать с коммунистами, которые под руководством Грамши, Тольятти и других неустрашимых пролетарских борцов вели героическую борьбу как в существовавших полулегальных союзах, так и внутри фашистских организаций.

Реформисты тем временем вынашивали свои предательские планы, и в феврале 1927 года бывшие лидеры ВКТ Д'Арагон, Ригола, Маглионе и др., публично капитулируя перед фашизмом, предложили Муссолини свое сотрудничество ⁴, что явилось вполне достойным завершением их оппортунистической карьеры.

Вначале Муссолини, первым прокладывавший путь фашизму, сам точно не мог определить, какого именно

типа государственные и контролируемые государством профсоюзы ему нужны. В результате в первые четыре года еще существовала, хотя и в ослабленном виде, парламентская система, а обычные профсоюзы продолжали влачить жалкое существование в условиях усиливающихся государственных организаций и гангстерского террора. Муссолини между тем более или менее принудительным путем создавал фашистские профсоюзы. В ноябре 1924 года всеобщая конфедерация этих профсоюзов якобы насчитывала 1 766 023 члена⁵. В апреле 1925 года, после «фашистской» забастовки металлистов в марте этого же года забастовки были запрещены, как «акты войны»⁶. По закону от 2 октября 1925 года фашистская Всеобщая конфедерация промышленности и Конфедерация фашистских корпораций признали друг друга как единственных представителей рабочих и предпринимателей.

После этого быстро последовали один за другим трудовые и общие законы, направленные на создание так называемого «корпоративного государства», организация которого была в общем завершена в 1932 году. При этой фашистской системе рабочие «союзы» и организации предпринимателей были сведены в соответствующие конфедерации. «Всего существовало девять таких конфедераций — по одной для предпринимателей и рабочих в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, финансовой и страховой системе и девятая — для лиц свободных профессий и артистов»⁷. Кроме того, имелись 22 гильдии или корпорации, организованные для осуществления экономических функций страны. Все эти профсоюзные и экономические организации являлись частью государственного аппарата и подчинялись непосредственно фашистскому Великому совету, возглавляемому Муссолини. Все без исключения функционеры этих организаций сверху донизу назначались по сути дела самим фашистским диктатором. За Муссолини стояли крупные капиталисты и помещики Италии, поддерживаемые Ватиканом. Многие из своих концепций итальянские фашисты почерпнули из католических церковных источников.

Согласно деспотической системе итальянские профсоюзы и организации предпринимателей — конфедерации предпринимателей — вели «коллективные переговоры» друг с другом. Возникшие «споры» вначале передавались в советы принудительного арбитража, а в качестве послед-

ней инстанции — в трудовые суды. Такая процедура, конечно, означала, что предприниматели диктовали рабочим свои условия зарплаты и условия труда. Так выглядело «классовое сотрудничество», доведенное до своего логического и неизбежного конца — до полного подчинения рабочих предпринимателям. Социал-демократ Муссолини в феврале 1928 года цинично сказал: «Я заявляю, что с настоящего времени капиталисты и рабочие, как братья в фашистской семье, будут обладать одинаковыми правами и обязанностями»⁸.

В обстановке резко ухудшающихся жизненных условий рабочих и крестьян, когда массам навязывали новое рабство, коммунисты и другие левые элементы, рискуя своей жизнью и свободой, продолжали борьбу с террористической диктатурой Муссолини. В феврале 1927 года коммунисты возродили ВКТ. Это произошло сразу же вслед за тем, как Д'Арагон и его сподвижники ликвидировали ее и предложили свои услуги Муссолини. Новая ВКТ создала свой официальный центр во Франции, где проживало много итальянских рабочих, и оттуда руководила подпольными профсоюзными организациями, забастовками и т. д. в фашистской Италии. В 1930 году ВКТ вступила в Профинтерн. Подпольная работа велась до второй мировой войны и во время ее. Эта деятельность дорого обходилась активным рабочим и особенно коммунистам. Достаточно сказать, что из 111 членов Центрального Комитета Коммунистической партии Италии 92 человека провели в фашистских тюрьмах в общей сложности 563 года⁹. Начиная с конца 1926 года, этой боевой партией руководят Пальмиро Тольятти.

«Фашистский рабочий фронт» в Германии

После захвата власти в Германии в январе 1933 года и разгрома профсоюзного движения во время налетов штурмовиков, проведенных 2 мая одновременно по всей стране (см. главу 36), Гитлер с крайней жестокостью приступил к уничтожению последних остатков профсоюзных организаций в германском рабочем классе. Нейман пишет, что Гитлер, так же как и Муссолини, вначале намеревался сделать это постепенно, но поощряемый беспрепятственной позицией социал-демократического руководства профсоюзов — группы Лейпарта — Грассмана, — он раз-

громил профсоюзы внезапно, одним ударом¹⁰. Затем 11 мая 1933 года он создал «Трудовой фронт», якобы профсоюзную организацию во главе с доктором Леем, одним из ведущих фашистских деятелей.

Вначале, опять-таки по образцу корпоративного государства Муссолини, Гитлер организовал параллельные конфедерации рабочих и предпринимателей, но, опасаясь, что в такой системе содержится слишком много элементов классовой борьбы, он в июне 1934 года «распылил» рабочий класс, реорганизовав «Трудовой фронт». Все «производители», как хозяева, так и рабочие, были сведены в одну организацию, состоявшую из четырех подразделений: рабочих, наемных служащих, ремесленников и предпринимателей¹¹. Промышленность объединялась Все-германской экономической палатой. Вся эта система, подобно национал-социалистической немецкой рабочей партии и вообще всему нацистскому государству, подчинялась лично Гитлеру. Утверждали, что в конечном итоге «Трудовой фронт» насчитывал 27 миллионов членов, вовлеченных в него в принудительном порядке.

Эта огромная машина, базирующаяся на «классовом сотрудничестве», отнюдь не представляла собой профсоюзного движения, а была пропагандистским аппаратом и орудием закабаления рабочего класса. Она располагала скопированным с «профсоюзов» Муссолини сложным вспомогательным аппаратом в виде организаций движения «Сила через радость», задача которого состояла в том, чтобы не упускать из виду рабочих и в свободное от работы время. В отличие от конфедерации Муссолини «Трудовой фронт» не заключал рабочих договоров и не вел «коллективных переговоров». Все это было отдано на милость капиталистов. Споры между рабочими и предпринимателями, если они возникали, можно было передавать в так называемые «суды чести». Забастовки были, конечно, запрещены, и это запрещение проводилось в жизнь при помощи самых варварских наказаний в виде физических истязаний и тюремного заключения.

Нацистский режим представлял собой самую крайнюю форму диктатуры крупных предпринимателей. Это было господство финансового капитала, политическими представителями которого являлись Гитлер, Геринг, Гесс и др. Фактически они сами превратились в крупных капиталистов. Маркан так характеризует нацистскую систему:

«В «философии» национал-социалистического рабочего законодательства излагаются ее основные принципы: единство предпринимателя и рабочего... осуществление принципа руководства, полнота власти сверху вниз, полнота ответственности снизу вверх, жесткий государственный контроль над отношениями в промышленности»¹². Предприниматель был «хозяином в своем доме», «фюрером» на заводе, и рабочие были обязаны выполнять его единовластные приказания. Как пишет Маркан, «он имел право решать все вопросы, касающиеся его дел, включая проблемы зарплаты, продолжительности рабочего дня и других условий труда». Единственное правило, которому должен был подчиняться предприниматель, состояло в том, что он обязан был издавать в письменном виде свои инструкции по вопросам зарплаты и т. д. Предприниматели добровольно «ликвидировали» свои организации после создания «Трудового фронта», но в действительности они продолжали существовать, изменив только название.

Капиталисты видели в нацистской Германии воплощение всех своих мечтаний. Крупные монополисты, не встречая серьезного противодействия, при самой активной поддержке правительства беспощадно эксплуатировали рабочих, грабили крестьян и пожирали своих более слабых конкурентов. Естественно, что при таком положении условия труда рабочих становились все хуже и хуже. По мере того как Гитлер, готовясь к войне, развертывал огромную военную промышленность, рабочий день постепенно удлинялся, а реальная заработная плата падала. К началу войны, в 1939 году, жизненный уровень немецкого рабочего класса снизился на одну треть.

Опыт показал, что в этот предвоенный период рабочие Германии почти не имели возможности создать подпольные профсоюзы. Это объяснялось двумя взаимосвязанными обстоятельствами: зверскими репрессиями со стороны гитлеровцев и парализующим влиянием правых социал-демократов, отказавшихся от борьбы. Огромная масса рабочих осталась незатронутой активной псевдореволюционной демагогией Гитлера. Но на многих рабочих из числа более отсталых элементов эта демагогия все же оказывала свое действие. По официальным (несомненно, преувеличенным) данным, одна треть членов гитлеровской партии состояла из рабочих¹³.

Клерикальный фашизм в Австрии

В Австрии фашизм носил явно клерикальную окраску. После разгрома профсоюзного движения в феврале 1934 года (см. главу 36) режим Дольфуса поставил своей задачей осуществление папской энциклики «квадратезимо анно» («год сороковой»). Но скоро стало очевидно, что представления Ватикана и монополистов о земном рае полностью совпадают. Австрийский клерикальный фашизм, как и фашизм Муссолини и Гитлера, предполагал полное уничтожение профсоюзного движения, демократических свобод и парламентарного правительства, а также осуществление безудержной эксплуатации сельскохозяйственных и промышленных рабочих.

При правительстве Дольфуса католическая церковь занимала привилегированное положение. Влияние Ватикана явно сказывалось и в организационной структуре новых профсоюзов. После роспуска социал-демократических профсоюзов Дольфус, вызвав руководителей католических профсоюзов, поручил им сформировать и возглавить Федерацию профсоюзов австрийских рабочих и служащих¹⁴. Этой фашистской организации было передано монопольное право представлять «интересы» рабочих и распоряжаться конфискованными фондами распущенных законных профсоюзов. В дальнейшем «авторитет» новой федерации поддерживался массовыми арестами и преследованием тех рабочих, которые осмеливались выступать против нее и режима Дольфуса. Все ее руководящие чиновники сверху донизу обычно назначались. Одним из результатов клерикального фашистского режима было катастрофическое ухудшение жизненного уровня рабочих.

Австрийские рабочие, обладавшие большим опытом профсоюзной работы и опытом активной борьбы, сумели создать значительные политические и профсоюзные подпольные организации. Они не только проводили многочисленные забастовки, но и захватили контроль над некоторыми фашистскими профсоюзами и в особенности над наиболее важной организацией металлистов. В нелегальной работе участвовали как социалисты, так и коммунисты. МФП официально признала «Комитет семи», созданный социал-демократами¹⁵. Положение резко ухудшилось, когда войска Гитлера 12 марта 1938 года вторг-

лись в Австрию и надели на страну ярмо нацистского господства. Через год, 15 марта 1939 года, гитлеровская армия оккупировала соседнюю Чехословакию и подавила там не только профсоюзы, но и все другие организации рабочего класса.

Профсоюзы во франкистской Испании

В 1939 году диктатор Франко разгромил республиканскую Испанию. Победе Франко способствовала проводившаяся социал-демократами всего мира политика «невмешательства» (см. главу 37). После поражения республиканцев Франко приступил к созданию своей системы фашизма, опирающейся на фалангистскую партию. В испанском фашизме тоже сильно проявлялись элементы клерикализма, поскольку жесткая иерархия католической церкви вместе с поддерживающими ее консервативными сторонниками определенно способствовала развитию фашизма. В качестве одной из опор нового фашистского режима в Испании неизбежно должна была появиться и появилась система «профсоюзов», конечно, строго контролируемых государством, главой которого является Франко.

Правительственная профсоюзная организация («Делегасионеас насьонал де синдикатос») — вспомогательная организация фалангистской партии — состоит из 23 «вертикальных» союзов. В них входят рабочие и предприниматели, причем последние занимают главенствующее положение. Членство в этих союзах является обязательным, и сейчас в них якобы насчитывается 10 миллионов человек. Руководители соответствующих союзов назначаются Франко, так же как и руководящие чиновники районных и местных федераций. Все испанские союзы ведут работу в двух направлениях: «социальном» и «экономическом»; во главе каждого из направлений стоит фашистский профбюрократ. Естественно, что рабочие не пользуются здесь абсолютно никакими демократическими свободами. Зарплата и продолжительность рабочего дня устанавливаются министерством труда, которому все-испанские союзы могут представлять «рекомендации». Споры решаются в рабочих судах и в «Верховных судах социальной справедливости». Организация свободных

профсоюзов рассматривается как подрывная деятельность и наказывается заключением в тюрьму на длительные сроки. Забастовки являются преступлением. В результате всего этого за годы диктатуры Франко катастрофически понизился жизненный уровень рабочих¹⁶. Контролируемые предпринимателями «союзы» посылают в кортесы одну треть тщательно подобранных депутатов¹⁷. «Союзы» эти периодически проводят «рабочие съезды». На третьем таком «съезде» в июле 1955 года рабочие, несмотря на строгий контроль фашистов, все же потребовали повышения заработной платы¹⁸.

Прошло довольно много времени после трагического поражения правительства Народного фронта в 1939 году, прежде чем две основные федерации профсоюзов — Всеобщий союз трудящихся (ВСТ) и Национальная конфедерация труда (НКТ) — смогли восстановить костяк своих организаций во франкистской Испании и возобновить там подпольную деятельность. В Испании развернулось серьезное пассивное сопротивление и, несмотря на свирепые репрессии, было проведено много забастовок. Главным образом под руководством Коммунистической партии был организован ряд важных массовых демонстраций. К числу недавних проявлений этого движения относится всеобщая забастовка в 1947 году в стране басков и широкое забастовочное движение 1951 года, центром которого стала Барселона¹⁹.

Фашистские профсоюзные организации в Японии

Японское профсоюзное движение в период между двумя войнами (о более раннем периоде см. главы 18 и 29) подвергалось жестоким преследованиям. Япония, в которой не была закончена буржуазная революция, страдала от сильных пережитков феодализма. Все, что хотя бы отдаленно походило на организацию рабочего класса, вызывало глубокую враждебность со стороны правящих классов. В 1900 году был принят закон, согласно которому организация профсоюзов или проведение забастовок являлось преступлением. Закон 1925 года предоставил полиции право по своему усмотрению запрещать митинги, распускать союзы и прекращать забастовки. За критику императорской системы виновные подвергались

жестоким наказаниям. В период с 1920 по 1938 год по обвинению в радикализме было арестовано около 60 тысяч человек²⁰. Только за 1932 год по закону об «опасных мыслях» было произведено 14 тысяч арестов²¹. Восставленная в 1926 году Коммунистическая партия вновь была разгромлена в 1933 году.

До второй мировой войны социал-демократия в Японии была довольно сильной. После нескольких расколов и перегруппировок она организовалась в 1932 году в партию социальных масс. Коммунистическая партия, созданная в 1922 году и пользовавшаяся в стране значительным влиянием, большую часть времени до второй мировой войны находилась на нелегальном положении. В 1937 году существовавшие тогда рабочие партии собрали на выборах свыше 1 миллиона голосов, или 10 процентов голосов всех голосовавших избирателей, и получили в парламенте 38 мест, причем 37 мест получила партия социальных масс и одно место — пролетарская партия.

Основанная в 1921 году на базе старого «Общества дружеской любви», Японская федерация труда была реорганизована в 1931 году и в продолжение всего этого периода являлась основной организацией профсоюзного движения. Руководила ею клика консервативных социал-демократов Бундзи Судзуки. В 1925 году сторонники Профинтерна создали свои независимые профсоюзы, а в 1934 году был основан левый Всеяпонский совет профсоюзов. Эта организация приобрела значительное влияние, но вскоре была запрещена полицией. Японская федерация труда входила в Амстердамский Интернационал. Число членов профсоюзов за время между двумя войнами увеличилось сравнительно не много: в 1921 году их было 103 412, а в 1936 году — 420 589, что являлось максимальной цифрой в период до начала второй мировой войны²². Это составляло около 8 процентов всех несельскохозяйственных рабочих. Из 2 миллионов работников в профсоюзах в 1938 году состояло только 23 423, то есть менее 2 процентов.

Японские социал-демократы были скроены из того же оппортунистического материала, что и их коллеги в Европе и Америке. В 1931 году, после начала вторжения японских милитаристов в Китай, социал-демократы немедленно стали оказывать поддержку новой агрессии,

в то время как коммунисты и другие левые, несмотря на свирепые репрессии, выступили против нее. Главный правый профсоюзный лидер Бундзи Судзуки отправился в Соединенные Штаты «объяснять» американскому народу империалистическую интервенцию. Однако даже и это раболепство социал-демократов не удовлетворило японских предпринимателей и помещиков. Проведенный под руководством бывшего социал-демократа Акамацу раскол партии и профсоюзов в 1932 году сразу же после маньчжурского «инцидента» показал, к чему стремились японские капиталисты и помещики. В результате раскола были созданы фашистская партия и фашистские профсоюзы. В середине тридцатых годов фашистские профсоюзы заявляли, что они объединяют примерно 40 тысяч членов; в настоящих профсоюзах в это время состояло 240 тысяч человек. Реакционные замыслы предпринимателей в отношении к профсоюзам подтвердились впоследствии в 1936 году, когда они создали компанейские союзы и «ассоциации благоденствия» американского типа, в которых насчитывалось в три раза больше членов, чем в профсоюзах²³.

Критическим моментом для японских профсоюзов и партий явилось расширение в 1937 году японского вторжения в Северный Китай — авантюры, которая была для Японии началом второй мировой войны. Партия социальных масс — социал-демократическая партия — немедленно заявила о своей поддержке войны, а руководимые социалистами профсоюзы последовали ее примеру. В ноябре 1938 года социалисты опубликовали манифест, восхвалявший интервенцию в Китае. В манифесте говорилось: «Мы смиренно осмеливаемся прокричать три раза «банзай» за императора и благодарим наших офицеров и солдат за их лишения и труд»²⁴. Отколовшиеся в 1934 году левые основали в 1939 году японскую пролетарскую партию и совместно с созданной ранее Коммунистической партией вели в это время активную работу по созданию Народного фронта.

Капиталисты, идущие к фашизму, так же как в Германии, Италии, Австрии и в других странах, уже не нуждались больше в рабочих лидерах социал-демократического типа, как в своем главном оружии. Образцом для них стал гитлеровский штурмовик. Поэтому в 1937 году предприниматели ликвидировали еще оставшиеся левые

профсоюзы, а в 1940 году распустили партию социальных масс, «Крестьянский союз» и все профсоюзы. Затем правительство приступило к укреплению Промышленного патриотического общества (известного под названием «Сампо»), созданного в 1940 году. Партия социальных масс была заменена Ассоциацией содействия имперскому правлению, промышленным филиалом которой стало Сампо²⁵.

Сампо было организацией «Трудового фронта», созданной по нацистскому образцу. Его руководитель, министр благоденствия, в следующих словах изложил программу классового сотрудничества Сампо: «В Сампо все неприятности между трудом и капиталом ликвидированы. Рабочие и предприниматели объединились здесь под знаменем лояльности трону». Рабочие на каждом заводе входили в «кооперативную организацию», руководителем которой был предприниматель. Фашистскому трудовому фронту были переданы фонды распущенных профсоюзов. В начале 1941 года в Сампо было по утверждению его лидеров 4 500 тысяч членов, а в 1943 году — 6 миллионов. Организация посылала своих делегатов в фашистские Германию и Италию²⁶.

Так закончилась довоенная фаза развития профсоюзного движения в Японии. Многие консервативные профсоюзные лидеры прямо или косвенно поддерживали Сампо и фашистские политические организации. Подпольную оппозицию рабочих, несмотря на жестокие преследования, как всегда в подобных обстоятельствах, возглавляли коммунисты. Важный очаг оппозиции находился в народном Китае среди солдат японской оккупационной армии, откуда японские коммунисты и левые элементы в профсоюзном движении вели работу в Японии.

Глава 41

СОВЕТСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ И СОЦИАЛИЗМ

(1917—1939)

Строительство и победа социализма в Советском Союзе представляют собой величайшее событие в истории всего человечества. Когда в октябре 1917 года рабочие и крестьяне отобрали политическую власть у разложив-

шейся клики царских помещиков и капиталистов, в течение длительного времени эксплуатировавших русский народ, они получили в наследство промышленную систему, ценность которой равнялась нулю. Относительно слаборазвитая и устаревшая промышленность в прошлом принадлежала различным группам империалистов и была оснащена разношерстными станками иностранного производства. После семи лет империалистической и гражданской войны вся промышленная система была разрушена. Сельское хозяйство переживало полный упадок, страна голодала. Эта крайне тяжелая обстановка еще более осложнялась тем обстоятельством, что рабочие не обладали опытом управления промышленностью, а инженеры либо бежали, либо саботировали. Промышленное производство составляло всего лишь около 10 процентов довоенного. Многие тысячи людей умерли от голода. Естественно, что Советская Россия не могла рассчитывать на какую-нибудь помощь со стороны международных капиталистов. Наоборот, они установили жесткую блокаду молодой социалистической страны и прилагали все усилия, чтобы разгромить ее при помощи военной интервенции¹.

Несмотря на огромные трудности и лишения, советский народ создал гигантскую новую промышленность.

Советские люди победили международную контрреволюцию, внедрились в жизнь новые, социалистические законы и порядки, подготовили тысячи инженеров и миллионы квалифицированных рабочих, реорганизовали средневековое сельское хозяйство на новой коллективной базе и целиком из своих собственных ресурсов создали огромную высокоразвитую промышленность. К 1928 году промышленное производство СССР достигло довоенного уровня; к 1935 году Советский Союз был ведущей индустриальной страной Европы. В стране окончательно победил социализм, и сейчас Советский Союз находится на пороге новой, высшей фазы общественного развития — коммунизма.

Огромный размах и высокие темпы индустриализации вызывали яростное сопротивление политике Коммунистической партии со стороны Троцкого, Бухарина, Зиновьева и других ренегатов. В развернувшейся сложной дискуссии был разработан ряд исключительно ценных положений

марксистско-ленинской теории, особенно о построении социалистического общества².

Индустриализация Советского Союза, проведенная несмотря на колоссальные трудности, по своей скорости и основательности не имеет примера в мировой истории. Для рабочего класса всего мира большое революционное значение имеет тот факт, что в ходе выполнения этой исключительной по масштабу и значению задачи значительно повысился жизненный уровень и улучшились условия труда, была резко повышена зарплата, рабочий день сокращен с двенадцати до восьми и менее часов, создана гигантская система социального страхования, ликвидирована когда-то широко распространенная неграмотность, а бич трудящихся масс — безработица уничтожена навсегда. Великая революция совершенно покончила с эксплуатацией человека человеком, и трудящиеся заводов, учреждений, полей стали хозяевами своей политической судьбы. Экономическое и культурное благосостояние широких масс продолжает неуклонно повышаться.

Роль профсоюзов в промышленности

Профсоюзы, как мы видели в главе 27, сыграли решающую роль в свержении русского царизма и уничтожении капитализма. Позднее они сыграли незаменимую роль при выполнении огромной программы индустриализации. Главная задача советских профсоюзных организаций, их основная обязанность, выполняя которую они оправдывают свое назначение, состоит в защите экономических интересов и повышении культурного уровня трудящихся. Однако, выполняя эту задачу, профсоюзы берут на себя прямую ответственность за максимальное увеличение выпуска промышленной продукции. Это возможно лишь в социалистической стране, где отсутствует погоня предпринимателей за прибылями и нет частной собственности в промышленности, где всей выгодой от увеличения выпуска продукции пользуются сами производители. Если бы в капиталистической стране рабочие взяли на себя ответственность за увеличение выпуска продукции, это повело бы к еще большему обогащению предпринимателей и парализовало бы профсоюзное движение теорией и практикой классового сотрудничества.

Непосредственное управление промышленностью в СССР входит в обязанность хозяйственных органов государства, а профсоюзы представляют собою силу, которая двигает ее развитие. Для улучшения производства в рассматриваемый нами период, предшествовавший второй мировой войне, советские профсоюзы выполнили ряд исключительно важных задач. Помимо обеспечения промышленности целой армией рукозодящего состава и укомплектования технических курсов, они были также основными центрами для подготовки квалифицированных рабочих. Бурный рост советской промышленности в эти годы потребовал буквально миллионов новых квалифицированных рабочих. Именно профсоюзы через специальные школы и заводские курсы создали эти многочисленные кадры новых рабочих. В капиталистических странах предприниматели и государство всегда сводят к минимуму контроль профсоюзов над производственной учебой молодых рабочих и подготовкой квалифицированных кадров. В социалистической стране, где сами рабочие являются хозяевами промышленности и всего государства, такой проблемы не существует³.

Другая очень важная функция профсоюзов в строительстве и управлении советской промышленностью состоит в укреплении трудовой дисциплины. В капиталистических странах дисциплина в промышленности поддерживается предпринимателями, но в советской промышленности она неизбежно должна быть добровольной — ее устанавливают сами рабочие. В первый период после революции, когда рабочие только что приступили к своей гигантской работе по строительству современной промышленности и управлению ею, эта задача представляла особую трудность. Она была решена в результате тесного сотрудничества Коммунистической партии, профсоюзов и хозяйственных органов государства. Одной из главных причин этого успеха является твердое убеждение рабочих, что забастовки не нужны и вредны в социалистической стране.

При выработке программы советского планового производства, существующего в СССР в отличие от хаоса капиталистического хозяйства, профсоюзы также выполняют очень важные задачи. Они участвуют в составлении великих пятилетних планов во всех инстанциях, от высших органов государства до отдельных фабрик, цехов и много-

численных производственных совещаний. Именно профсоюзы главным образом доводят до рабочих детали пятилетних планов, развивают среди них инициативу и поднимают энтузиазм, что обеспечивает успешное выполнение поставленных перед страной задач в области производства. Профсоюзы являются незаменимой частью гигантской экономическо-политической машины рабочего класса для составления, популяризации и реализации пятилетних планов.

Увеличение производительности труда каждого рабочего также представляет собой очень важную задачу, в решении которой профсоюзы всегда играли исключительную роль. Для выполнения этой задачи они используют самые разнообразные средства, среди которых наиболее важным является, очевидно, сдельная оплата труда, описанная в главе 27. Труд большинства промышленных рабочих оплачивается сдельно. Далее, существует целая система исключительно важных мероприятий, объединяемых общим названием «социалистическое соревнование». Здесь имеются ударные бригады, ударники и стахановцы, называемые так по фамилии знаменитого шахтера. Однако внедрение всех этих мероприятий в практику встретило большие трудности. Против них возражал Н. М. Томский — председатель ВЦСПС, допустивший и ряд других политических ошибок, за что и был снят со своего поста и заменен Н. М. Шверником.

В Советском Союзе труд является делом чести, и рабочие, добившиеся усовершенствования техники и повышения производительности, получают широкое признание, как героя труда. Лозовский сообщает, что в 1937 году в промышленности «67 процентов рабочих участвовало в социалистическом соревновании, причем 23 процента из них были стахановцами, а 22 процента ударниками»⁴. Все это — лишь часть причин, по которым выработка каждого рабочего в советской промышленности увеличивалась в два раза быстрее, чем выработка американского рабочего. Этим объясняется и то обстоятельство, что советские рабочие, к удивлению капиталистического мира, досрочно выполняли свои знаменитые пятилетние планы. Свободный рабочий при социализме совершенно иначе относится к своему труду, чем наемный раб при капитализме.

На базе быстро увеличивающейся промышленной выработки систематически повышается заработная плата

рабочих и улучшаются условия труда. В СССР нет сосущих кровь народа паразитов — предпринимателей, банкиров или помещиков, которые в капиталистических странах присваивают большую часть того, что вырабатывает рабочий. Дополнительными издержками при оценке стоимости продукции являются только законные расходы на дальнейшее развитие промышленности и сельского хозяйства, национальную оборону, образование и социальное страхование. Уже в течение рассматриваемого нами периода, несмотря на огромные задачи и трудности, быстро повышалась зарплата, был установлен более короткий рабочий день (восемь, семь, а иногда и шесть часов) и создавалась грандиозная сеть школ.

Определение размера заработной платы рабочим совершенно не вызывает в СССР такой ожесточенной борьбы, как в капиталистических странах, где эксплуататоры используют все средства, чтобы отнять у рабочих как можно большую долю их выработки. Там, где нет капиталистов, такой борьбы быть не может. Идущая рабочим доля произведенной продукции определяется при помощи научной калькуляции, вырабатываемой в форме коллективных соглашений между представителями профсоюзов и государственных хозяйственных органов. Это не вызывает никакой классовой борьбы. Вот что говорят по этому поводу супруги Уэбб: «В этих переговорах нет враждебных сторон и поэтому отсутствует атмосфера конфликта и борьбы... Скорее всего здесь происходит объективное рассмотрение статистических фактов и соображений общей политики, которые принимаются во внимание обеими сторонами». «Здесь не только не меньше споров при заключении коллективных договоров, чем в Великобритании или в Соединенных Штатах... но в действительности значительно больше, чем в любой капиталистической стране»⁵.

Различные функции профсоюзов

Советские профсоюзы, как более активные и развитые с самого начала своего существования, решали значительно более разнообразные задачи, чем профсоюзы в капиталистических странах. Одной из самых важных задач является управление сложной системой социального страхования. Страхование компенсирует тот риск, которому в той или иной форме подвержен рабочий. Следующие данные

характеризуют огромный рост системы страхования: «В 1927—1928 гг. на нужды социального страхования было ассигновано 1 600 000 000 рублей, в 1932 году — 4 323 000 000 рублей, а в 1936 году 8 875 000 000 рублей»⁶. В 1933 году вся система социального страхования, находившаяся до сих пор в ведении Министерства труда, была передана в распоряжение ВЦСПС. Во всех профсоюзах, начиная с самых высших комитетов и кончая самыми маленькими цеховыми комитетами, существуют комиссии, занимающиеся страховым обеспечением рабочих.

Советские профсоюзы официально управляют и руководят также всей системой фабричного инспектирования и охраны труда в стране. Как замечает Лозовский, еще в довоенные годы советская система обеспечения безопасности и охраны здоровья в промышленности значительно превосходила соответствующие системы капиталистических стран. Это важное общественное дело также было передано ВЦСПС в 1933 году, когда Министерство труда было ликвидировано, а его обязанности возложены на профсоюзы. Всеми этими вопросами занимался Отдел охраны труда ВЦСПС, а каждый профсоюз подбирал своих собственных инспекторов и создавал свою собственную инспекционную службу. «В 1935—1936 гг. Отдел охраны труда имел свыше 4 500 платных рабочих-инспекторов и 219 400 выборных, не получавших зарплаты»⁷. В результате существования этой системы советская промышленность добилась огромных успехов в улучшении условий труда. В капиталистических странах так называемые отделы труда являются частью государственного аппарата, частью эксплуататорской машины капиталистов. В Советском Союзе это дело находится в руках самих рабочих.

Советские профсоюзы выполняют множество других функций, которые либо совсем отсутствуют, либо осуществляются очень плохо профсоюзами капиталистических стран. Они располагают колоссальной прессой и ведут грандиозную общественно-воспитательную работу. Большое место в работе профсоюзов занимает политическое воспитание рабочих. С момента своего основания советские профсоюзы в соответствии с учением Ленина представляют собой массовую школу коммунизма. Их деятельность сосредоточена вокруг предприятий, которые для советских рабочих являются не ненавистными местами

заклучения и рабства, а любимыми и интересными центрами их жизни. Заводы принадлежат им, а не их классовым врагам. «В 1940 году,— говорит Э. С. Смит,— профсоюзы имели 6 000 клубов и дворцов культуры, 15 000 библиотек, 10 000 кинотеатров и 100 000 красных уголков на предприятиях»⁸. Эта огромная база для развертывания общественной работы постоянно растет.

Структура советских профсоюзов

Профсоюзы в СССР построены по производственному принципу, то есть все рабочие данного предприятия, включая административный персонал, принадлежат к одному и тому же профсоюзу. В первые годы советской власти, как и в дореволюционной России, профсоюзов было мало. Так, например, в 1931 году насчитывалось 23 профсоюза, но в том же году их число выросло до 47, а в 1934 году — до 154, что обеспечило более тесное сотрудничество профсоюзов с соответствующими правительственными органами и улучшило условия их работы. В Советском Союзе нет предпринимателей, с которыми должны бороться рабочие, поэтому здесь нет и необходимости ограничиваться лишь несколькими профсоюзными организациями в масштабе всей страны, созданными в основном для успешного проведения забастовок. Лозовский так характеризует положение профессионального движения по состоянию на 1 апреля 1937 года: «В СССР всего насчитывается 162 профсоюза с общим числом членов 21 999 900, что составляет 84,6% всех работающих по найму трудящихся в стране»⁹. Основной профсоюзной организацией является рабочий комитет и цеховой комитет. Внутри цеховых комитетов имеется еще меньшее подразделение: группа с выборным организатором. Членство в профсоюзах добровольное.

С самого начала советские профсоюзы были организованы на широкой демократической основе. Лозовский характеризует эту систему следующим образом: «все профсоюзные организации — ВЦСПС, центральные комитеты различных профсоюзов, территориальные, областные, заводские, местные и цеховые комитеты, цеховые и групповые профсоюзные организаторы — выбираются тайным голосованием. Выборы производятся через регулярные промежутки времени, и все работники профсоюзов могут быть

отозваны со своих постов»¹⁰. В качестве одного из звеньев постоянной борьбы с бюрократизмом советские профсоюзы создали широкую систему общественных функционеров. По меньшей мере 95 процентов огромной армии организаторов групповых и цеховых комитетов, членов комиссий по социальному страхованию, заводских инспекторов и т. д. работает бесплатно. Ни в одной стране среди членов профсоюзов нет такого высокого чувства лояльности и дисциплины в этом отношении.

Советские профсоюзы в значительно большей мере, чем профсоюзы в какой-либо другой стране, уделяют внимание специфическим проблемам и интересам работниц. В советской промышленности, как и в Советском правительстве, женщины могут занимать любые посты. Ни в одной капиталистической стране женщины не имеют такого выбора профессии, как в Советском Союзе. В 1936 году в советской промышленности было занято 8 492 тысячи работниц всех специальностей, что составляло одну треть общего числа рабочих. Естественно, что они играют большую роль в профсоюзном движении. Профсоюзы и предприятия создали целую сеть учреждений, обеспечивающих интересы женщин. Ничего похожего нет в капиталистических странах.

Одной из главных сторон работы советских профсоюзов является удовлетворение нужд и запросов молодых рабочих. В капиталистических же странах профсоюзы не уделяют запросам молодежи никакого внимания. В СССР молодые рабочие имеют своих представителей во всех ведущих комитетах профсоюзов, на каждой ступени профсоюзного движения существуют комитеты по работе среди молодежи, имеются соответствующие программы этой работы. Молодежь проявила особое мужество и патриотизм на грандиозных стройках этого периода. Всю свою многообразную работу среди молодежи профсоюзы ведут в тесном сотрудничестве с комсомолом. Другой характерной особенностью работы среди молодежи является широкая организация спорта. Именно профсоюзы заложили основы последних мировых достижений советских спортсменов.

Профсоюзы Советской страны в отличие от многих профсоюзов капиталистических стран уделяют большое внимание работе в деревне. Это соответствует генеральной линии Коммунистической партии, предусматривающей

нерушимый союз между рабочими и крестьянами. Профсоюзы сыграли в 1929—1932 годах огромную роль в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. Они послали в деревню 25 тысяч своих лучших организаторов для помощи крестьянам в осуществлении грандиозной задачи объединения разрозненных хозяйств в современные кооперативы. В 1930 году профсоюзы направили 180 тысяч рабочих, чтобы помочь колхозникам освоить новые сельскохозяйственные машины и наладить их ремонт. Как говорит Лозовский, «ранее неграмотных и отсталых сельскохозяйственных рабочих, трудившихся для кулаков, заменил новый, большой отряд квалифицированных рабочих—трактористов, комбайнеров, шоферов и т. д.»¹¹

Всю свою работу советские профсоюзы ведут в тесном сотрудничестве с членами Коммунистической партии и Советским правительством. Иначе и быть не может, ибо советские люди связаны общностью политических интересов. Эксплуататоры исчезли со сцены, а существовавшие некогда классовые различия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией быстро исчезают.

Советские рабочие возглавляют мировое профсоюзное движение

В период Первого Интернационала (1864—1876 годы) британский рабочий класс шел в авангарде международного рабочего движения; в период Второго Интернационала (1889—1914 годы) и в последующие годы ведущим рабочим классом был немецкий; в период Третьего Интернационала (1919—1943 годы) и позднее ведущая роль принадлежит рабочему классу Советской России. Это объясняется, во-первых, тем, что русские рабочие первыми в 1917 году пробили огромную брешь в системе мирового капитализма, и, во-вторых, тем, что и в последующие годы они смогли показать рабочим всего мира наиболее правильный путь.

Строительство и победа социализма в Советском Союзе явились величайшим предметным уроком для рабочих и крестьян всего мира и указали им дорогу к освобождению. Ленин в своих блестящих теоретических работах всесторонне осветил и подчеркнул сущность этих грандиозных уроков. Поездки сотен рабочих делегаций в Советский Союз свидетельствуют о том, какое значение

придают этим революционным урокам рабочие всего мира.

Советские профсоюзы всегда показывали пример того, чем должен заниматься союз и какими возможностями он располагает. Многие функции, о которых мы говорили и которые выполняли профсоюзы пятнадцать—двадцать лет назад, к настоящему времени в огромной мере расширились и получили дальнейшее развитие.

С самого начала советские рабочие неизменно оказывали рабочим других стран величайшую практическую помощь в их борьбе. Русская революция явилась самым могучим в истории стимулом для рабочего движения в капиталистических странах и для национально-освободительного движения в колониальных странах. Советские рабочие оказывали самую активную поддержку борющимся рабочим Центральной Европы в революционных схватках 1918—1923 годов, они предложили свою помощь английской всеобщей забастовке 1926 года, они оказали военную поддержку испанским республиканцам в 1936—1939 годах, и они всегда были самыми активными сторонниками китайской революции.

В течение всего этого периода советские рабочие стояли во главе всемирной борьбы с правым оппортунизмом как у себя в стране, так и на мировой арене. Они были непримиримыми врагами классового сотрудничества во всех его формах. Они возглавляли международную борьбу с псевдолевыми элементами всех мастей и в особенности с контрреволюционным троцкизмом, о чем будет подробнее сказано дальше. Они повысили теоретический уровень всего международного рабочего движения.

Еще одним замечательным примером руководящей роли советского рабочего класса в этот период явилась длительная борьба советских профсоюзов за единство мирового профессионального движения, несмотря на ожесточенное сопротивление оппортунистических лидеров Амстердамского Интернационала и Американской федерации труда. Советские профсоюзы стояли во главе настойчивой борьбы Профинтерна за единый фронт и за единство международного профсоюзного движения. Их контакт с британскими тред-юнионами в Англо-русском комитете представляет собой одну из многочисленных попыток к объединению всемирного рабочего движения. Перед самым началом второй мировой войны (Проф-

интерн был распущен еще в 1937 году), действуя на основании предложения британских профсоюзов на Цюрихском конгрессе МФП в июле 1939 года, советские профсоюзы сделали последний шаг к объединению с МФП на базе боевой политики. Однако американцы добились отклонения этого предложения об единстве¹². В результате таких раскольнических действий АФТ, как показали последующие события, МФП получила смертельный удар. Проявив и на этот раз свою неспособность возглавить объединенное рабочее движение во всем мире, МФП уже никогда больше подобной возможности не получила.

В исторической всемирной борьбе рабочих и других демократических сил, которая развернулась после захвата власти Гитлером в Германии в январе 1933 года и которую вели народы в великой антифашистской войне, советские рабочие и весь советский народ показали еще один блестящий пример своей мировой руководящей роли. В начале этой борьбы они выдвинули программу, при помощи которой можно было бы остановить продвижение фашизма и нанести ему поражение на начальных этапах его развития. Эта программа состояла из трех важнейших пунктов: всемирный фронт мира, предложенный Советским правительством, Народный фронт и единство мирового профсоюзного движения, предложенные Коммунистическим Интернационалом. И когда война, несмотря на энергичную борьбу советского народа за мир, все же разразилась, именно советский народ провозгласил всеобщую демократическую политику и предоставил основную военную силу для победы над фашизмом. Несомненно, что советский народ, его великая Коммунистическая партия и мощные профсоюзы явились основным фактором в спасении мира от ужасного фашистского рабства.

Глава 42

МИРОВОЕ ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1914—1939 ГОДАХ

В течение двадцати лет, прошедших между двумя мировыми войнами, наиболее важным событием в рабочем движении и во всем мире была русская революция в октябре 1917 года, в результате которой родилась первая социалистическая республика. Это всемирно-историческое событие ознаменовало наступление новой эры мирового

общественного развития, начало того нового периода, когда трудящиеся всего мира, освобожденные, наконец, от ярма капиталистического рабства, впервые заживут как свободные люди. Великая русская революция в корне изменила экономическую и политическую обстановку во всем мире, явилась новым революционным фактором, который с тех пор оказывает глубокое влияние на жизнь рабочих и народов всех стран.

Главным событием в капиталистической системе за эти же годы было ее вступление в период общего кризиса, от которого с тех пор она не смогла оправиться. Этот общий кризис, явившийся результатом созревания многих внутренних конфликтов и противоречий в капиталистической системе, прежде всего проявился в форме разрушительной первой мировой войны. Другие основные события рассматриваемого периода, кроме русской революции, нанесшей смертельный удар мировому капитализму, таковы: начало колониальной революции в Азии, особенно в Китае, подрывающей главные устои мирового империализма; хаотическое состояние международной финансовой системы после первой мировой войны, включая широкую волну инфляции и отказ от золотого стандарта; распространение фашизма, свидетельствующее о растущей слабости мирового капитализма, а не об его силе; расширение гегемонии американского империализма за счет его империалистических соперников; общее обострение противоречий между крупными империалистическими державами, которому в 1939 году суждено было ввергнуть загнивающий мировой капитализм, а вместе с ним и народы всего мира в другую гигантскую военную катастрофу. Так проявлялся общий кризис мирового капитализма.

Рост борьбы рабочего класса во всем мире

Период между двумя мировыми войнами характеризуется во всем мире колоссальным расширением и обострением борьбы рабочего класса как в промышленности, так и в области политики. Эта разворачивающаяся борьба охватила не только огромные и все увеличивающиеся массы рабочих, но также и гигантские массы крестьян и мелких буржуазных элементов, идущих под руководством рабочего класса. Данный период характеризуется ростом политического, революционного сознания трудящихся

масс, начавших все более отчетливо понимать, что они должны уничтожить капитализм и установить социализм. В этом отношении борьба мирового рабочего класса поднялась на более высокую ступень, чем когда-либо ранее.

Среди многих ярких проявлений экономической, политической и революционной борьбы этого периода, большинство которых мы уже рассмотрели раньше, наиболее выдающимся событием была Великая русская революция, задавшая тон классовой борьбе во всем мире. Затем стала быстро развиваться китайская революция, произошли революции в Германии, Австрии и Венгрии, революционная всеобщая «сидячая» забастовка итальянских металлистов в 1920 году, испанская гражданская война в 1936—1939 годах, восстания в английской, японской и других армиях, начала расширяться всемирная борьба против фашизма. Она привела ко второй мировой войне — взрыву, потрясшему до основания капиталистическую систему и принесшему революцию в другие капиталистические страны.

Вся эта революционная борьба носила ярко выраженный политический характер, и на каждом этапе ее профсоюзы играли очень важную роль. Они провели много других схваток, которые хотя и носили преимущественно политический, а в некоторых случаях и революционный характер, но велись главным образом вокруг экономических требований. Сюда относятся крупные забастовки в Гонконге и Шанхае в 1926 и 1927 годах, многочисленные упорные забастовки в Латинской Америке в эти же годы, грандиозная всеобщая забастовка 1926 года в Англии, «сидячие» забастовки французских рабочих в связи с движением Народного фронта 1936 года, начавшееся и широко развернувшееся в 1935 году в Соединенных Штатах забастовочное и организационное движение КПП.

Победы и поражения

Общий ход мирового рабочего движения в период между двумя мировыми войнами был благоприятным, однако в то же время оно потерпело ряд серьезных поражений и понесло много потерь. Величайшей победой рабочих всего мира была русская революция, которая оторвала от капиталистической системы одну шестую часть земного шара и изменила ход мировой истории. Другим огромным успехом было укрепление и расширение революционных

сил в Китае, которые к началу второй мировой войны контролировали территорию с населением около 100 миллионов человек¹ и подрывали колониальные устои мирового империализма. Еще одним важным успехом, имеющим революционное значение для будущего, было приостановление фашистского наступления во Франции в 1935—1936 годах объединенными силами Народного фронта. Мировое значение имела также успешная организация профсоюзов в основных трестированных отраслях промышленности Соединенных Штатов, проведенная КПП.

Однако на фоне этих и других крупных побед рабочие всего мира и их политические союзники испытали также и многочисленные серьезные поражения. Наиболее крупным из этих поражений была неудача германской революции 1918 года, что помешало всей Центральной и Восточной Европе стать социалистической. Революционное движение понесло также тяжелые потери в Австрии, Венгрии и Италии в 1918—1920 годах, окончилась неудачей английская всеобщая забастовка 1926 года, была проиграна гражданская война в Испании. Исключительно тяжелой потерей был захват фашистами многих стран — Италии, Германии, Испании, Польши, Японии и т. д., — особенно в период между 1933—1939 годами. Фашизм стал грозной опасностью, означавшей почти полное уничтожение рабочих партий, профсоюзов, кооперативов и демократических свобод в этих странах. Однако если подвести итоги этого периода, то все же силы труда имели значительное превосходство над фашизмом, как это бесспорно подтвердил впоследствии исход назревавшей тогда мировой войны.

За четверть века до начала второй мировой войны в ходе многочисленных ожесточенных схваток рабочие добились от капиталистов ряда экономических и политических уступок. Сюда относятся отказ от классовой системы голосования и более широкое предоставление избирательных прав в Германии и других странах, расширение системы социального обеспечения во многих капиталистических странах, а также почти повсеместное установление в результате соответствующего законодательства и требований профсоюзов восьмичасового рабочего дня для промышленных рабочих. Однако успехи в повышении реальной заработной платы были значитель-

но скромнее, несмотря на то, что производительность труда рабочих почти всюду увеличивалась очень быстро. Те небольшие достижения, которых удалось добиться в этом отношении, были, по существу, сведены на нет послевоенной инфляцией, массовой безработицей, тяжелыми налогами на подготовку и ведение войны и катастрофическими последствиями мирового экономического кризиса 1929—1932 годов. Кроме того, приход фашистов к власти в ряде стран крайне отрицательно отразился на жизненном уровне многих миллионов рабочих. Как давно указывал Маркс, капитализм несет рабочим абсолютное обнищание.

Политическая и профессиональная организация рабочего класса

С 1914 года начался период быстрого развития и изменений как политических, так и профессиональных организаций мирового рабочего движения. В 1919 году были восстановлены и реорганизованы реформистский Второй Интернационал и Амстердамский Интернационал, развалившиеся в начале первой мировой войны. В 1921 году возник каутскианский реформистский Двухполовинный Интернационал, который в 1923 году слился со Вторым Интернационалом. В 1919 году был создан революционный Коммунистический Интернационал, а в 1921 году Профинтерн, который в 1936—1937 годах самораспустился во имя достижения единства мирового профсоюзного движения. В 1922 году появился и все еще продолжает существовать анархо-синдикалистский Берлинский Интернационал.

В целом за рассматриваемый нами двадцатипятилетний период профсоюзы значительно увеличили свою численность. В 1914 году, как мы уже говорили в главе 25, общее число членов профсоюзов во всем мире, включая все типы профсоюзов, но без компанийских союзов, составляло около 13 220 тысяч человек. В 1939 году членов профсоюзов насчитывалось около 60 миллионов. Из этого количества советские профсоюзы имели около 25 миллионов членов, МФП к своему Цюрихскому конгрессу в 1939 году якобы насчитывала 20 миллионов членов, в христианских профсоюзах состояло около 3 миллионов человек, кроме того, миллионов двенадцать были членами независимых профсоюзов в нескольких странах.

Рост профсоюзов за этот период в целом не был равномерным. После окончания первой мировой войны численность профсоюзов почти во всех капиталистических странах резко выросла. Однако позднее большая часть этого пополнения выбыла из профсоюзов, так как в двадцатых годах социал-демократы, проводя свою политику классового сотрудничества с капиталистами, отказались сплотить рабочих для активной борьбы с широким наступлением предпринимателей на организованное рабочее движение. Захват фашистами Германии, Италии, Японии и других стран практически означал уничтожение в них профсоюзного движения. Эти большие потери были только частично восполнены значительным увеличением числа членов профсоюзов во Франции в период Народного фронта и крупным ростом численности профсоюзов в Соединенных Штатах в конце тридцатых годов, во время грандиозной кампании за создание профсоюзов.

Этот период примечателен также рождением социалистического профсоюзного движения, то есть созданием профсоюзов, ставящих своей задачей установление социализма. Характерными чертами таких профсоюзов нового типа в СССР являлись их огромная численность, организация по производственному принципу, а также то, что их базой были заводские, цеховые и групповые комитеты. Другие особенности мы уже отмечали. Новые профсоюзы социалистического типа как в СССР, так и в капиталистических странах оказывали сильное влияние на все профсоюзы в капиталистическом мире не только своей идеологией, но и организационной структурой и боевым духом. Они способствовали росту в мировом профсоюзном движении тенденций к созданию организаций, построенных по производственному принципу, а принятая ими система заводских комитетов накануне второй мировой войны существовала в той или иной форме почти во всех нефашистских странах Европы. Они повсюду значительно улучшили, особенно через посредство Профинтерна, методы борьбы профсоюзов, их забастовочную стратегию², применение массового пикетирования, методы проведения «сидячих» забастовок и т. д. В основном именно они добились того, что долго недооценивавшаяся всеобщая забастовка стала одним из общепринятых, главных орудий рабочего класса. В целом Профинтерн представлял более высокий тип профсоюзного движения, чем МФП.

В течение рассматриваемого периода состав рабочего класса, а следовательно, и профсоюзного движения претерпел определенные изменения. Эти изменения продолжали происходить и в послевоенные годы, и мы остановимся на них в последующих главах. Сюда относится изменение соотношения между служащими и собственно промышленными рабочими в пользу первых. В некоторых случаях отмечалось фактическое уменьшение выпуска продукции. В 1923—1929 годах в Соединенных Штатах объем производства увеличился на 13 процентов, а число рабочих сократилось на 7 процентов³. Другой характерной тенденцией было сильное увеличение в промышленности, и в профсоюзах числа рабочих, работающих на станках, и рабочих на поточных линиях и конвейерах — результат быстрого развития методов массового производства. Еще одной важной тенденцией, проявившейся около 1900 года, но ставшей особенно заметной в период между двумя мировыми войнами, было уменьшение разницы в заработной плате между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, что свидетельствовало о том, что роль квалифицированных рабочих той или иной специальности в современной промышленности стала менее важной.

В эти годы международное рабочее движение уделяло больше внимания организации женщин, молодежи, сельскохозяйственных рабочих и защите их интересов. Это обстоятельство объяснялось главным образом растущим влиянием левых элементов в мировом рабочем движении. По сложившимся традициям профбюрократы — правые лидеры профсоюзов — считали своей опорой квалифицированных рабочих и совершенно не обращали внимания на рабочих перечисленных категорий. Некоторое смягчение расовой дискриминации и допуск большого числа негритянских рабочих в профсоюзы Соединенных Штатов также явились событием мирового значения в рабочем движении. Это прогрессивное мероприятие в основном объяснялось влиянием левых элементов, ибо консерваторы в течение многих десятилетий умышленно не допускали негров в профсоюзы и в промышленность.

Одной из наиболее характерных особенностей рабочего движения в эти двадцать пять лет была длительная борьба левых сил за единство профсоюзов. Правые профбюрократы своим отказом от борьбы против первой мировой

войны, предательством русской революции, политикой массовых исключений левых элементов, своей упорной политикой классового сотрудничества с капиталистами и непротivления воинствующему империализму и фашизму раскололи профсоюзное движение и всеми силами поддерживали это состояние раскола, тогда как левые в соответствии со своей революционной линией боролись за объединение мирового рабочего движения. В этой борьбе главным оружием левых была знаменитая ленинская политика единого фронта. К началу второй мировой войны с ее угрозой фашизма профсоюзное движение все еще находилось в состоянии глубокого раскола. Однако опыт единого фронта во Франции, Испании и в других странах ясно показал, что именно единый фронт представляет собой самый верный путь к мировому рабочему единству.

Идеологический подъем и упадок

Рассматриваемый здесь четвертьвековой период был периодом углубления марксистской теории и политики, причем особенно большая заслуга в этом отношении принадлежит великому Ленину. Было доказано, что марксизм вовсе не догма, как это утверждают враги рабочего класса, а исключительно гибкое руководство к действию. Теоретическая работа Ленина охватывает огромную область: марксистский анализ империализма, развитие научно обоснованной тактики пролетарской революции, анализ диктатуры пролетариата, единство интересов рабочих империалистических стран и народов колоний, выработка организационных и идеологических принципов, на которых строится Коммунистическая партия — партия пролетариата, изложение многих принципов профсоюзного движения и т. д. Смерть Ленина в январе 1924 года была невосполнимой потерей для рабочих всего мира.

Большой вклад в марксизм, который после трудов Ленина получил название марксизма-ленинизма, внес И. Сталин.

Крупным теоретиком марксизма-ленинизма и практическим революционным руководителем, выдвинувшимся в этот период дальнейшего развития марксистской теории, является вождь китайской революции Мао Цзэдун. Он разработал ряд экономических, политических и военных вопросов, с которыми ему пришлось столкнуться.

Его главная заслуга состоит в том, что он применил основные принципы марксизма-ленинизма к специфическим условиям революции в огромном полуколоннальном Китае.

В то время как коммунисты — революционные теоретики обогащали и развивали марксизм, правые социал-демократы все больше увлекались буржуазной пропагандой, ложно именуемой теорией. За этот период возникло несколько новых типов оппортунизма — несколько вариантов прокапиталистической политики правого ревизионизма, направленной на защиту капитализма.

Одной из особенно вредных разновидностей контрреволюционного мышления и действия, активно проявившихся в этот период, был троцкизм. Эта отравка, хотя впервые она появилась в Советском Союзе, тем не менее в основном носила интернациональный характер. Троцкизм зародился не в социал-демократических кругах, но вполне соответствовал их псевдосоциалистической демагогии. Революционер на словах и контрреволюционер на деле и по своим связям, Троцкий проповедовал такую политику, которая привела бы к гражданской войне между рабочим классом и крестьянством и вовлекла бы СССР в войну с капиталистическим миром. Троцкисты впоследствии стали прямыми агентами германского и японского фашизма. Если бы советские рабочие не отвергли Троцкого и всю его линию, то выдвигавшаяся троцкистами политика привела бы к уничтожению Советского Союза. На международной арене троцкисты проводили такую же контрреволюционную линию. В Китае они возражали против политики единого фронта рабочих и демократов-революционеров, хотя эта политика позднее привела к победе Великой Китайской революции. В Испании под предлогом борьбы за социализм троцкисты организовали вооруженный мятеж в тылу республиканцев. В Англии они категорически отвергали совместные действия между советскими и британскими профсоюзами для достижения единства мирового профсоюзного движения. Такой же предательской тактики троцкисты придерживались и в других странах. К началу второй мировой войны в большинстве стран троцкистская контрреволюционная клика уже основательно разоблачила себя.

Другая очень опасная разновидность оппортунизма, появившаяся в период между двумя войнами, была свя-

зана с фордизмом, и ответственность за ее появление несут непосредственно правые социал-демократы. Эта сложная демагогия была состряпана в конце двадцатых годов социал-демократами в Соединенных Штатах, Великобритании, Германии и в других капиталистических странах (см. главу 32) в связи с большой пропагандистской кампанией капиталистов за «рационализацию» производства (внедрение потогонной системы), за которую обеими руками ухватились социал-демократы. Сторонники Гомперса окрестили ее «новой политикой зарплаты» и «высшей стратегией труда». Европейские социал-демократы, применяя более «научную» фразеологию, называли ее «организованным капитализмом». Мировой экономический кризис 1929—1932 годов нанес сокрушительный удар этой опасной демагогии, и до окончания второй мировой войны она почти заглухла.

Еще одной буржуазной теорией, воспринятой и развитой социал-демократами в период между двумя мировыми войнами, был кейнсизм — ряд теоретических положений капиталистической политической экономии, разработанных крупным буржуазным экономистом Англии Джоном Мейнардом Кейнсом якобы в целях предотвращения массовой безработицы. Основное положение теории Кейнса состоит в том, что капиталистическая система в монополистической фазе ее развития в результате определенных противоречий между производством и потреблением способствует созданию массовой безработицы. Этот недостаток капитализма, если его не исправить, может даже привести к революции. Поэтому Кейнс предлагает излечить капитализм от его болезни, а следовательно, положить конец циклическому и общему кризисам капитализма путем «управления экономикой». Другими словами, Кейнс предлагает ускорять развитие отстающих отраслей промышленности посредством особой правительственной финансовой политики, в основе которой лежат крупные правительственные заказы. Подобная политика применялась в предвоенный период для борьбы с массовой безработицей не только Рузвельтом в Соединенных Штатах в соответствии с его программой «Нового курса», но также Гитлером в Германии для реализации программы увеличения производства вооружений и подготовки к войне.

Социал-демократы всех стран увидели в кейнсизме путь к спасению капитализма, а также якобы и к освобо-

ждению рабочего класса. Как стало ясно в годы Рузвельта, кейнсизм не может излечить капитализм от кризисов и массовой безработицы, но может нанести огромный вред рабочим, во-первых, сбивая их с толку в борьбе с безработицей и, во-вторых, оставляя их беззащитными перед махинациями поджигателей войны, осуществляющих зловещую программу предоставления работы в области производства вооружений. К сожалению, не только социал-демократические профбюрократы, но и многие рабочие оказались глубоко зараженными кейнсизмом. Вплоть до настоящего времени кейнсизм остается очень серьезной опасностью в рабочем движении крупнейших капиталистических стран.

Этот двадцатипятилетний период характеризуется поворотом масс в сторону коммунистов и других левых сил. Это ясно видно из статистических данных о профсоюзном движении, и это можно было наблюдать в странах, где у власти стояли левые. Тенденция к полевению усилилась потому, что во многих крупных столкновениях того периода, например в России, Китае, Франции, Соединенных Штатах и т. д., решающие победы были завоеваны под руководством левых или сочувствующих им элементов. В то же время во всех тех случаях, когда руководство находилось в руках правых социал-демократов, как, например, в германской революции, в революционной забастовке итальянских металлистов, во всеобщей английской забастовке,— рабочие несли тяжелые потери. Поражение в испанской гражданской войне объясняется катастрофической политикой невмешательства, проводившейся социал-демократами всего мира. Тот факт, что в годы, непосредственно предшествовавшие второй мировой войне, фашисты смогли захватить власть во многих странах, несомненно, объяснялся отказом социал-демократов сотрудничать с коммунистами в борьбе против фашизма. Марксизм-ленинизм вновь и вновь в борьбе утверждал свое превосходство над правым оппортунизмом. Подтверждением этого является и тот факт, что выигранные социал-демократами в этот период «победы» на выборах: два лейбористских правительства в Великобритании, «социалистические» правительства в Скандинавии — ни в малейшей мере не улучшили жизненных условий рабочих.

Этот поворот рабочего движения влево в международном масштабе — важнейшее событие в рабочих профсою-

зах и политических партиях в период между двумя мировыми войнами. В этом факте нашел отражение рост социалистической революции во всем мире наряду с разложением и распадом капиталистической системы. Это свидетельствовало о банкротстве Второго Интернационала и о быстром росте мирового профсоюзного движения и сил социализма. В годы после окончания второй мировой войны сдвиг рабочих влево достиг исключительного размаха.

**ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ
И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

(1939—1955)

**МИРОВОЙ СОЦИАЛИЗМ ПРОТИВ МИРОВОГО
КАПИТАЛИЗМА**

Глава 43

ПРОФСОЮЗЫ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1939—1945)

Как первая, так и вторая мировые войны были выражением общего кризиса мировой капиталистической системы. Источником этих двух грандиозных мировых побоищ было стремление соперничающих групп империалистов к мировому господству. Однако основное различие между ними состояло в том, что первая мировая война на всем своем протяжении оставалась реакционно-империалистической, а вторая мировая война переросла на стороне союзников в справедливую и прогрессивную народную войну.

Вначале вторая мировая война характеризовалась двумя основными империалистическими факторами: а) острыми империалистическими противоречиями среди крупных капиталистических держав и б) непримиримой ненавистью этих держав к великой социалистической стране — Союзу Советских Социалистических Республик. Державы антикоминтерновской фашистской оси — Германия — Италия — Япония — и их более мелкие сателлиты ставили перед собой отчетливую цель: разгромить западные буржуазные демократии — Великобританию, Фран-

цию, Соединенные Штаты и т. д.— и установить свое господство, а также сокрушить великую социалистическую демократию — СССР. Западные демократии со своей стороны, определенно стремясь к тому, чтобы удержать в узде фашистские государства в той мере, в какой это касалось империалистических интересов Запада, несомненно, хотели бы, чтобы фашисты уничтожили Советский Союз сами (если бы они смогли это сделать) или с военной помощью Запада (если бы это оказалось необходимым).

Предвоенная дипломатия держав была направлена на эти противоречивые цели. В начале тридцатых годов фашистские государства приступили к выполнению программы активной агрессии против Китая, Эфиопии, Австрии, Чехословакии, Польши и т. д. Западные державы систематически «умиротворяли» фашистов, надеясь, что в конце концов Гитлера и его друзей можно будет «угovorить» повернуть оружие против СССР. Они проводили политику умиротворения, хотя в то время были значительно сильнее в военном отношении. К наиболее катастрофическим результатам привело преступление западных держав, предавших Чехословакию пресловутым мюнхенским соглашением от 30 сентября 1938 года. Реакционеры упорно отклоняли все советские предложения о создании антифашистского интернационального фронта мира, надеясь на войну между СССР и Германией.

Войну в Европе начал Гитлер, напав на Польшу, что заставило Великобританию и Францию 3 сентября 1939 года объявить войну Германии. Соединенные Штаты заняли позицию нейтралитета, так как крупные капиталисты Америки, несомненно, надеялись повторить свой гнусный трюк, хорошо удавшийся во время первой мировой войны, когда они наживались на торговле боеприпасами, пока их империалистические соперники расстреливали друг друга. Империалистическая стратегия Гитлера, направленная на захват мирового господства, явно состояла в том, чтобы сперва нанести поражение западным демократиям, а затем напасть на Советский Союз и разгромить его.

Однако война характеризовалась наличием в ней еще одного фактора, имеющего принципиальное значение. Этот фактор состоял в сопротивлении войне со стороны демократических масс всего мира. Главным и самым мощным представителем этих масс был СССР. Эти силы

также вели вооруженную борьбу в Китае, Эфиопии, Греции и в других странах. Именно, исходя из стремления к сохранению мира, Советский Союз так настойчиво, хотя и безуспешно, пытался объединить буржуазно-демократические страны в грандиозном антифашистском фронте мира. Когда такой фронт создать не удалось, 21 августа 1939 года, за десять дней до начала войны, СССР заключил с Германией договор о ненападении, обязавшись остаться в стороне от конфликта, который так усиленно разжигали враждебные Советскому Союзу империалистические круги.

Когда гитлеровские армии после нескольких недель военных действий разгромили и загнали в Ла-Манш армии Великобритании, Франции, Бельгии и т. д., Гитлер приступил к осуществлению второй фазы своей генеральной захватнической стратегии. 22 июня 1941 года он предательски вторгся в Советский Союз. Гитлер считал, что для победы над СССР ему потребуется всего несколько недель, после чего для него и его союзников откроется свободная дорога к захвату мирового господства. Однако на этот раз Гитлер сильно переоценил свои силы.

Хотя наступающий фашизм и угрожал жизни и свободе народов, до нападения Гитлера на СССР войну вели сами империалисты, поскольку война была империалистической. Но вовлечение СССР в борьбу в огромной степени усилило демократический характер этой войны. Английские и французские империалисты были полностью дискредитированы и буквально уничтожены в военном отношении, и народные силы стали играть главенствующую роль в руководстве войной. В той части, какой это касалось западных стран, война практически была уже проиграна, когда в нее вступил СССР. Не могло спасти положения и запоздалое вступление в войну Соединенных Штатов. Несмотря на крупные военные усилия, прилагаемые Соединенными Штатами в Европе в виде воздушных бомбардировок, поставок снабжения по закону о ленд-лизе и массированного вторжения в Европу на последнем этапе войны, их основные силы были направлены против Японии, и поэтому вся тяжесть задачи по разгрому гитлеровской армии, представлявшей собой главное ядро фашистских сил, выпала на долю СССР. Как показал дальнейший ход борьбы, именно СССР ввел в войну необходимые для победы

огромные военные силы, особенно на решающем европейском театре. Не менее важно и то, что Советский Союз дал массам, участвующим в войне, демократический стимул и политику, без которых конфликт не мог бы стать народной демократической войной и не был бы доведен до победы.

Общее состояние рабочего движения

Одним из первых результатов гигантского военного натиска фашистских государств был разгром профсоюзов в Европе и Азии. Фактически профсоюзы были почти полностью разгромлены на огромной территории, простиравшейся от линии фронтов Советского Союза до Ла-Манша. Исключение составляли Швеция и Швейцария — «нейтральные» страны, где профсоюзы существовали легально, и союзница Гитлера Финляндия, где социал-демократическим профсоюзам еще позволяли существовать. На огромной территории наиболее промышленной части СССР, захваченной фашистами, профсоюзы были уничтожены. Профсоюзное движение на Филиппинах, в Индонезии и в других азиатских странах, находившихся в руках японских захватчиков, было также дезорганизовано.

Судьба французской ВКТ показала, чего в этом отношении могут ожидать европейские рабочие от фашистов. Гитлер немедленно разогнал профсоюзы в той части Франции, которая была непосредственно оккупирована его войсками, а в 1940 году его приспешники в правительстве Виши официально распустили ВКТ, насчитывавшую тогда 800 тысяч членов. В октябре 1941 года это марионеточное правительство опубликовало так называемую «Хартию труда», организовало всефранцузский фашистский «профсоюзный» центр с принудительным членством, запретило забастовки и установило строгий государственный контроль над созданным им союзом¹. Одно время этим фашистским союзом руководил Лагардель, бывший когда-то теоретиком синдикализма².

Во время войны господство фашистов в оккупированных странах привело к резкому снижению жизненного уровня населения и ухудшению условий работы. Хуже всего они обращались с населением захваченных ими советских районов. Рабочие были фактически поставлены в положение рабов. Кучинский пишет, что «в ряде стран

нацисты вернули рабочих в условия, которые существовали две тысячи лет назад»³. Двенадцатичасовой рабочий день стал обычным явлением; Кучинский сообщает о случаях, когда рабочая неделя составляла сто часов. Заработная плата была снижена до уровня, обеспечивавшего только голодное существование, а массовые культурные мероприятия были почти полностью отменены. Таковы были условия жизни 30 миллионов людей в Европе, находившихся под господством фашистов.

В оккупированных странах Европы рабочие по мере возможности, главным образом по инициативе коммунистов, реорганизовали свои профсоюзные центры. Эти подпольные профессиональные союзы, являвшиеся лишь костяком организации, обычно были тесно связаны с политическими партиями и с широким, все возрастающим народным движением сопротивления⁴. Они проводили большую подпольную работу, в том числе диверсии и забастовки, направленные против нацистского режима. Во Франции с 1938 по 1944 год выпуск продукции снизился на 50 процентов. Реорганизованная в 1943 году Всеобщая конфедерация труда во Франции во главе с Центральным комитетом, в который входило 5 реформистов и 3 коммуниста, приняла активное участие в подпольной борьбе. Свидетельством этого явилась мощная волна забастовочного движения во Франции в 1944 году, завершившаяся всеобщей забастовкой в момент наступления союзников. Профсоюзные лидеры — Семар (союз железнодорожников), Гренэ (союз рабочих бумажной промышленности), Веркриус (союз текстильщиков), Мишель (союз кожевников), Пульмарш (союз рабочих химической промышленности) и многие другие — были казнены нацистами⁵. Фашисты расстреляли многих членов ВКТ и казнили 75 тысяч членов Коммунистической партии. Около 2,5 миллиона французских рабочих было увезено в Германию, где они находились на положении рабов.

В Италии профсоюзы также вели героическую подпольную борьбу. Находившийся во Франции центр ВКТ, реорганизованной после сокрушающего удара, нанесенного ей Муссолини в 1926 году, был снова разгромлен в результате наступления гитлеровских войск в 1940 году. Тем не менее профсоюзы все же держались и в основном совместно с коммунистами проводили значительную антивоенную деятельность в Италии. Итальянское движение

сопротивления получило особый размах после 1943 года, когда был организован ряд всеобщих крупных забастовок, закончившихся вооруженным восстанием в 1944—1945 годах⁶.

В условиях жесточайших репрессий подпольные профсоюзы в оккупированных районах СССР, Болгарии, Греции, Югославии, Польши, Чехословакии, Норвегии и других европейских странах также вели героическую нелегальную профсоюзную работу. Ряд забастовок, несмотря на жестокие преследования, провели рабочие Японии; то же происходило на Филиппинах, в Индонезии и других районах Азии. Как мы уже видели, демократические профсоюзы играли большую роль и в Китае.

Расстановка классовых сил в антифашистских странах

Пролетариат стран, участвовавших в антифашистской коалиции, горячо поддерживал военные усилия, в особенности после вступления в войну Советского Союза. Рабочие сознавали, что это их война и что на карту поставлена судьба мировой демократии. Поэтому они отдавали этой борьбе все силы и их поддержка явилась решающим фактором в обеспечении победы, имевшей огромное значение для всего человечества. В этом смысле позиция пролетариата коренным образом отличалась от той позиции, которую он занимал во время первой мировой войны, носившей империалистический характер, войны, которая, несмотря на сильный нажим со стороны правительства и настойчивую пропаганду социал-демократов, никогда не воспринималась массами как народная война.

Чистосердечную поддержку антифашистской коалиции в период второй мировой войны оказывали, помимо рабочих, также и крестьяне, мелкая буржуазия и широкие слои средней буржуазии. В то же время ведущие круги крупной буржуазии союзных стран проявляли весьма сомнительную лояльность, если не враждебность, по отношению к войне. Это объяснялось тем, что они, подобно их собратьям по классу в Германии, Японии и других фашистских странах, были сами глубоко заражены фашистской идеологией и настроениями. Они мечтали о мире, в котором не будет социализма и активного рабочего движения. Крупные капиталисты во Франции, например, были насквозь пропитаны фашизмом, что явилось основной

причиной быстрого поражения Франции под ударами гитлеровских войск. Многие представители английского финансового капитала также были настроены профашистски, результатом чего и явился мюнхенский сговор. Большинство американских монополистов еще ранее известны были своими симпатиями к Гитлеру, и они оказали значительную поддержку опасному профашистскому течению этого периода — «Америка превыше всего». Активная военная политика Рузвельта, отражавшая позицию либеральных элементов среди капиталистов, в гораздо большей степени отражала волю широких народных масс Америки, чем кругов Уолл-стрита.

На протяжении всей войны тайные союзники фашистов среди крупных промышленников «пятая колонна» за линией фронта представляли собой большую опасность для участвовавших в войне демократических стран. Они никак не могли отделаться от мысли о том, что это «не та» война, какая им нужна, что на самом деле все капиталистические страны должны были бы пойти войной против Советского Союза. Все время, пока шла война, они цинично использовали ее, чтобы набивать карманы путем безудержного выколачивания прибылей; они упорно сопротивлялись требованию о безоговорочной капитуляции Германии, саботировали осуществление закона о ленд-лизе и другие меры военного сотрудничества с СССР и в особенности противились открытию второго фронта в Европе. Их принципом было: «пусть немцы и русские воюют друг с другом до полного истощения»; больше всего они боялись революционного исхода войны и с величайшей неохотой пошли на союз с СССР.

Английское и американское правительства подписали Атлантическую хартию 14 августа 1941 года⁷, приблизительно за четыре месяца до фактического вступления США в войну. Этот документ впоследствии послужил основой для создания Организации Объединенных Наций. Он примерно соответствовал принципам, изложенным в программе «14 пунктов» президента Вильсона в первой мировой войне, заложившей основы злополучной Лиги Наций. Атлантическая хартия высказывалась против территориальной экспансии за счет более слабых стран, за право самоопределения наций (Черчилль стоял за то, чтобы этот принцип применялся только в отношении стран,

находящихся в районе Атлантического океана), за свободную мировую торговлю и свободу морей и за обеспечение в будущем гарантированного всеми странами мира во всем мире.

На протяжении всей войны демократические силы, стоявшие за войну (главным образом рабочие), вынуждены были оказывать нажим на правительства капиталистических стран, чтобы заставить их придерживаться твердой антифашистской линии. Им в то же время приходилось бороться за свое официальное признание, с тем чтобы можно было успешно функционировать; они должны были вести борьбу против непрерывного наступления на уровень жизни рабочих во время войны и против нарушения прав профсоюзов. Но самая активная борьба происходила в период 1942—1944 годов, когда рабочие всего мира оказывали нажим на правительства западных стран с целью заставить их открыть, наконец, второй фронт в Западной Европе, чтобы выполнить взятые ими на себя обязательства в войне. Представители крупного капитала упорно считали, что союзники должны удерживать свои огромные военные силы в бездействии на Британских островах до тех пор, пока немцы и русские дойдут до полного истощения, после чего союзники возьмут инициативу в свои руки и решат вопрос об империалистическом мире по-своему.

Из-за этих бесчестных планов Советская Армия понесла неисчислимые потери: русские в общем потеряли в боях 6 115 тысяч солдат, то есть примерно в одиннадцать раз больше, чем Соединенные Штаты (325 469) и Англия (244 723) вместе. Однако Советская Армия не только не оказалась уничтоженной гитлеровскими войсками, а, наоборот, разгромила их и заняла всю Восточную и Центральную Европу, оставив далеко позади Берлин. Английские и американские империалисты, попавшие в свою собственную ловушку, оказались не в состоянии заключить реакционный мир, к которому они стремились.

Профсоюзная деятельность в союзных странах

В Англии перед угрозой наступления гитлеровской Германии коммунисты и левые элементы в профсоюзном движении потребовали, чтобы «мюнхенское» правительство Чемберлена было заменено народным правитель-

ством, способным вести борьбу с фашизмом. Рабочие организации в целом не оказали единодушной поддержки этому требованию, но тем не менее правящий класс счел за благо освободиться от Чемберлена и поставить Черчилля во главе правительства консерваторов. В мае 1940 года Черчилль приступил к организации коалиционного правительства, введя в состав своего кабинета нескольких лейбористов, но сохранив в нем значительное большинство консерваторов.

В своей напряженной борьбе за победу в войне английские профсоюзы уделяли особое внимание вопросу увеличения выпуска военных материалов и гражданской промышленной продукции. Исходя из этого, они взяли на себя обязательство не проводить забастовок и добросовестно его выполняли, несмотря на то, что капиталисты продолжали беззастенчиво выколачивать прибыли. Они также создали объединенные производственные комитеты, число которых к концу войны достигло приблизительно 4 500. Значительный рост численности профсоюзов также показывает, как рабочие реагировали на войну. С 1938 по 1944 год число женщин в профсоюзах почти удвоилось⁸ и число членов Конгресса тред-юнионов достигло 7 миллионов, превывсив рекордную цифру 1920 года — 6,5 миллиона человек.

Левое крыло в рабочем движении проявляло особую трудовую активность в течение всей войны. Как и в период 1914—1918 годов, сейчас возникло движение фабрично-заводских старост; эта организация провела во время войны несколько крупных конференций, но на этот раз она выступила в поддержку войны, а не против нее. Это движение, давшее чрезвычайно эффективные результаты на производственном фронте, обеспечивало также охрану жизненного уровня рабочих, ибо правые лидеры, верные своим принципам, рассматривали военное положение как сигнал к ухудшению условий жизни рабочих⁹.

Соединенные Штаты вступили в войну сразу же после нападения Японии на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года. До этого момента профсоюзы разделяли точку зрения широких масс американского народа, который, горячо желая оказывать полную финансовую и материальную поддержку борьбе против фашистских стран, тем не менее твердо стремился оставаться вне войны, как это доказали многочисленные референдумы и другие опросы, проводившиеся

профсоюзами. Однако события в Пирл-Харбор решили вопрос об участии американского народа в войне.

Американское профсоюзное движение решало во время войны примерно те же специфические задачи, что и профсоюзы в Англии, причем и здесь всю работу возглавляли левые элементы. Основное внимание уделялось вопросам производства. Одним из мероприятий явилось создание на заводах производственных комитетов в составе представителей от рабочих и администрации; к концу войны таких производственных комитетов насчитывалось 5 тысяч. Рабочий класс взял на себя обязательство не допускать забастовок, и в основном эти обязательства честно выполнялись, но Дж. Льюису все же удалось провести несколько крупных забастовок шахтеров. Некоторые профсоюзы стали применять прогрессивную зарплату. В условиях безудержного выколачивания прибылей со стороны предпринимателей, «замороженной» заработной платы и лишь частично стабилизированных цен профсоюзное движение сталкивалось с большими трудностями в борьбе за обеспечение прожиточного минимума. Аллен говорит по этому поводу, что «в течение 55 месяцев войны официальные прибыли всех монополистов, после уплаты всех налогов, достигли астрономической цифры в 52 миллиарда долларов»¹⁰. В 1939 году чистая прибыль достигла 3,1 процента чистой стоимости, но в 1944 году она увеличилась более чем вдвое, достигнув 6,4 процента¹¹. Во время войны численность профсоюзов резко возросла; так, число членов АФТ увеличилось с 4 247 443 в 1940 году до 6 931 221 в 1945 году, а число членов КПП — с 3 810 318 примерно до 5,5 миллиона.

В этой народной войне создалось такое положение, когда рабочие организации могли и должны были настаивать на коалиции с правительством Рузвельта. Однако они не сделали этого, удовлетворившись получением третьестепенных постов консультантов при правительстве. В порядке косвенного решения этой проблемы был также создан Объединенный рабочий комитет по обеспечению победы в составе семи членов (трех представителей от АФТ, трех от КПП и одного от профсоюза железнодорожников) под председательством Рузвельта. Но работа его, по существу, носила исключительно формальный характер. Как АФТ, так и КПП усилили свою политическую деятельность во время войны, но они оказались совершен-

но не в состоянии достигнуть каких-нибудь практических результатов. То, что им не удалось добиться участия представителей рабочих в правительстве Рузвельта на правах коалиции — чего они никогда и не предлагали,— объясняется, во-первых, тем, что Рузвельт, как лидер демократической партии, явно опасался, что это может повести к возникновению рабочей партии (как этого действительно можно было ожидать), и, во-вторых, что консервативное профсоюзное руководство не менее его боялось создания такой партии.

В Советском Союзе профсоюзы оказывали гораздо больше влияния на ход войны, чем в любой другой стране. Они не только имели многочисленных представителей во всех правительственных органах, но им также было поручено полное руководство ключевыми отраслями экономики. Весь их аппарат был мобилизован на решение задачи увеличения производства, в результате чего они добились огромного повышения выпуска промышленной продукции. Они сыграли особенно важную роль в восстановлении полной производственной мощности множества заводов, которые были переведены в глубокий тыл в связи с продвижением гитлеровских войск. Это была колоссальная работа. В качестве типичного примера можно привести случай, когда через сорок пять дней после того, как один крупный завод был целиком эвакуирован из Ленинграда, он снова был полностью введен в эксплуатацию¹². Производственным лозунгом профсоюзов было «Все для фронта». Последовавший в результате этого огромный подъем в области промышленного производства сыграл решающую роль в разгроме Гитлера. Даже реакционер Герберт Гувер вынужден был признать, что СССР «остановил немцев еще до того, как начал получать помощь по ленд-лизу»¹³.

Советским профсоюзам было поручено организовать снабжение трудового населения продовольствием, топливом, жилищем, одеждой и т. д. Они также ведали всеми вопросами распределения рабочей силы в промышленности, которое предприниматели капиталистических стран всячески стараются удержать за собой. Профсоюзы имели также полномочия от Государственного Комитета Оборона осуществлять наблюдение и контроль за ценами на товары первой необходимости. Они должны были следить за строгим соблюдением правительственных постановле-

ний в этой области ¹⁴. Советским профсоюзам не приходилось, конечно, бороться со спекулянтами; им также не приходилось иметь дело со стяжательскими устремлениями предпринимателей, контролирующими правительство и стремящихся использовать войну, чтобы ослабить профсоюзы и ухудшить условия труда рабочих ¹⁵.

В капиталистических странах пролетариату во время войны фактически пришлось сражаться на два фронта: против классовых врагов за границей — фашистов и, как всегда, против классовых врагов на родине. В то же время в социалистическом Советском Союзе профсоюзы могли сосредоточить все свои силы для решительной борьбы против фашистского врага. В своей внутренней политике им не приходилось сталкиваться с элементами классовой борьбы. Власть находилась в руках рабочих, а предприниматели давно уже были ликвидированы.

В период, когда значительная часть мира была захвачена немецкими, итальянскими и японскими фашистами, легального профсоюзного движения, за исключением трех великих держав — Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза — и нескольких других стран, почти не существовало. В британских доминионах — Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Америке — профсоюзы оказывали активную поддержку войне примерно так же, как это делалось в Англии. В Индии Всеиндийский конгресс профсоюзов энергично поддерживал войну, но условия для обеспечения активной военной помощи союзникам не были созданы. Что касается Латинской Америки, то, хотя только Мексика и Бразилия выделили для участия в войне небольшие контингенты войск, уже одно то обстоятельство, что все другие латиноамериканские страны, к которым в последний момент присоединилась даже Аргентина, порвали дипломатические отношения со странами оси, в значительной мере объяснялось активной антифашистской деятельностью прогрессивной Латино-американской конфедерации труда ¹⁶.

Первые шаги к международному единству профсоюзов

Во время войны Амстердамский Интернационал, в котором всегда преобладали бюрократические методы руководства, фактически распался. Однако характерно,

что советские профсоюзы с самого начала стремились к международному единству рабочего движения, считая, что это поможет успешному ведению войны, а также исходя из общего принципа необходимости добиться единства мирового рабочего движения. Они встретили со стороны английских профсоюзов готовность сотрудничать в этом направлении, и в сентябре 1941 года Британский конгресс тред-юнионов принял решение о создании Англо-советского профсоюзного комитета, первое совещание которого состоялось в Москве в октябре того же года ¹⁷.

Впоследствии делались попытки привлечь в этот комитет АФТ; руководитель английских профсоюзов Уолтер Ситрин совершил с этой целью поездку в США. Однако в мае 1942 года АФТ отвергла английские предложения о том, чтобы в состав нового комитета вошли АФТ, КПП и братства железнодорожников. Взамен этого Грин настаивал на создании нового комитета — Англо-американского профсоюзного комитета, в который должны были войти только английские профсоюзы и АФТ. Такой комитет был создан в феврале 1943 года ¹⁸. Тем временем АФТ безуспешно старалась снова вдохнуть жизнь в изжившую себя МФП.

Эти типичные подрывные действия со стороны реакционеров АФТ явились первым предвестником последовавшего в дальнейшем раскола в мировом профсоюзном движении.

В этот момент Красная Армия вдребезги разгромила гитлеровскую «непобедимую» армию и выиграла войну для союзных стран, а американские и английские войска все еще оставались на Британских островах. По всему миру разнеслась слава о доблестной Советской Армии, одерживавшей одну победу за другой, и даже недалеко-видному Уильяму Грину пришлось признать, что «героическая борьба Красной Армии вызывает восхищение каждого лояльного американца» ¹⁹. Но тем не менее господин Грин и его собратья — профсоюзные империалисты не пожелали снизойти до совместного участия в комитете с мужественными русскими рабочими, обеспечивающими Красной Армии возможность добиться побед, спасших человечество.

Глава 44

РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(1944—1950)

Вторая мировая война завершилась полной безоговорочной капитуляцией Германии в мае 1945 года и Японии в августе того же года. Попытка фашистских держав завоевать господство над миром и ввергнуть его в рабство была отражена благодаря упорному и героическому вооруженному сопротивлению демократических народов. Но победа была достигнута ужасной ценой: человечество потеряло 25 миллионов убитыми и 32 миллиона ранеными, не говоря уже об уничтожении не поддающихся подсчету материальных ценностей. Народы всего мира ликовали, что им удалось избежать фашистского порабощения, хотя бы даже такой чудовищной ценой.

Однако демократические массы во всем мире не удовлетворились тем, что вооруженные действия закончились и фашистские державы потерпели крах. После разгрома фашистов они не отложили в сторону оружие, чтобы вернуться домой и вновь приступить к мирному труду. Наоборот, сознавая, что в мире еще существуют могущественные капиталистические реакционные силы, они продолжали бороться, как правило, политическими методами, но в случае необходимости также и силой оружия. Руководствуясь своей здравой логикой (за исключением тех случаев, когда их вводили в заблуждение социал-демократические лидеры и религиозные наставники), они вели настойчивую борьбу против социальной системы, породившей фашизм и навлекшей на человечество проклятие кошмарной войны. После окончания войны они развернули величайшее революционное наступление на капитализм и активнейшую борьбу за социализм.

Волна революционного подъема во всем мире

Великое революционное наступление трудящихся масс после окончания второй мировой войны, явившееся органическим продолжением этой тяжелой борьбы, носило

различные формы. Оно приобрело особенно мощный размах в Европе и Азии — в двух районах, больше всего опустошенных войной, где люди сильнее пострадали от фашизма.

Это революционное движение носило стихийный характер в том смысле, что оно повсеместно возникло на базе специфических условий той или иной страны и общего международного положения. Оно не было «вызвано» каким-либо международным органом.

В центре этого великого движения стояли рабочий класс и крестьянство, а наиболее выдающимися и решительными борцами его были коммунисты, которые полностью отражали революционные настроения и волю восставших народов.

С другой стороны, как это показали последующие годы, главными защитниками капиталистического строя в этот критический момент оказались правые социал-демократы и силы Ватикана в соответствующих странах. Случилось так, что большинство буржуазных политических лидеров, которые ранее примкнули к фашистам или сотрудничали с ними при фашистском режиме, сильно подорвали этим свой авторитет среди народа и поэтому в послевоенный период не могли успешно защищать капитализм в качестве лидеров рабочего движения. Капитализм в Западной Европе был спасен совместными маневрами правых социал-демократов и католических деятелей.

В ходе развернувшегося сразу же после войны грандиозного революционного массового движения в Европе: в Восточной Германии, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Албании — были созданы народные демократии с сильными социалистическими тенденциями; Эстония же, Латвия и Литва в самом начале войны и перед лицом наступления гитлеровских войск воссоединились с СССР и создали у себя советский режим. Из шестисотмиллионного населения Европы около половины проживает в настоящее время в социалистических странах. Во Франции и в Италии были созданы коалиционные правительства, в которые вошли представители коммунистов, причем в обеих этих странах Коммунистическая партия является крупнейшей и наиболее организованной партией в стране. Сильные коммунистические фракции образовались также в парламентах Сканди-

навских и других европейских стран, за исключением Испании и Португалии, где еще сохранились фашистские правительства. В Австрии и Западной Германии революционный взрыв был предотвращен нажимом со стороны оккупационных войск союзников. Широкое революционное движение, охватившее весь континент непосредственно после второй мировой войны, сказалось также и на Англии, где оно получило свое отражение в крупной победе лейбористской партии во время выборов в 1945 году. Эта победа была одержана благодаря выдвинутым лейбористами социалистическим лозунгам, ибо народные массы Англии все еще наивно верили, что такие лидеры, как Эттли, Бивен, Моррисон и т. п., сами отнюдь не социалисты, но могут повести страну к социализму.

Широкая революционная волна еще сильнее прокатилась по Азии — континенту с населением в 1 400 миллионов человек. В связи с тем, что в большинстве стран этого огромного района царил колониальный и полуколониальный режим, революционное движение в них в основном носило антиимпериалистический характер. Народы Азии боролись за национальное освобождение и независимость. Грандиозное антиимпериалистическое движение в Азии охватило свыше половины всего человечества. Почти все страны этого огромного континента были втянуты в величайшую борьбу за свободу. Гражданская война и иные формы борьбы получили широкое распространение в Китае, Индии, Индонезии, Индокитае, Бирме, Малайе, Корее, на Филиппинах, на Цейлоне и в других странах. В Японии присутствие американских оккупационных вооруженных сил частично сдерживало революционные настроения населения.

Грандиозная революционная борьба народов Азии, издавна бывших под колониальным гнетом, потрясла и подорвала колониальную систему Великобритании, Франции, Голландии, Португалии, Японии и США на Дальнем Востоке. Она нанесла тяжелый удар самим основам мирового капитализма — колониализму и империалистической эксплуатации. Это движение очень скоро привело к тому, что Индия и ряд других колоний в значительной мере добились национальной независимости, и завершилось великой победоносной китайской революцией, которая повела шестисотмиллионный китайский народ по пути

социализма. За последние двадцать пять лет прошлого века великие державы поделили между собой те страны Азии, Африки и Полинезии, которые еще сохраняли свою независимость (см. работу Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»). Но в настоящее время благодаря своей великой освободительной борьбе эти народы отбирают у империалистов их прежние территориальные завоевания.

Широкое революционное наступление трудящихся масс, развернувшееся к концу второй мировой войны, вызвало тревогу и страх у капиталистов. Они дрожали за самое существование капиталистического строя, в условиях которого вели паразитическую жизнь за счет рабочих и крестьян всего мира. И эта тревога вполне понятна, ибо если до войны к социализму шли народы СССР (около 200 миллионов человек), то после войны число людей, ставших на путь социализма, выросло до 900 миллионов и составило свыше одной трети всего человечества. Капитализм заплатил дорогой ценой за свои чудовищные преступления, навлекшие на весь мир ужасы второй мировой войны.

Капиталисты поспешили подготовить контрреволюционные меры. Крупные капиталисты всего мира во главе с монополистами Уолл-стрита использовали трумэнговскую декларацию 12 марта 1947 года («доктрина Трумэна») для контрнаступления против развивавшейся революции; они начали холодную войну, которая продолжается и поныне.

Здесь и в нескольких последующих главах мы сделаем обзор положения в мировом рабочем движении на протяжении важного периода 1944—1947 годов до момента, когда была развязана холодная война.

Европейские страны народной демократии

Капиталистических лидеров во всем мире не застала врасплох революционная волна после второй мировой войны, ибо они были научены горьким опытом массовых восстаний после первой мировой войны. Именно в надежде предотвратить или подавить такой революционный подъем они и предложили США и Великобритании вместо

открытия в Западной Европе второго фронта, который несколько смягчил бы нажим гитлеровских войск на русском фронте, нанести удар по «мягкому подбрюшью» Европы, пробив себе путь на Балканы, где следовало ожидать широкого послевоенного революционного движения. Затем, обеспечив себе военное господство в данной ситуации, англо-американские войска были бы в состоянии задушить эту революцию, как фактически им это впоследствии и удалось сделать в Греции.

Исходя из стремления подавить ожидавшуюся после войны революцию, прежде чем она успеет развернуться, англо-американские лидеры еще в ходе войны создали целый ряд так называемых временных правительств в Лондоне для Франции, Польши и других оккупированных стран. Эти заранее подобранные правительства в основном состояли из правых социал-демократов, агентов Ватикана и других прокапиталистических элементов. Общий замысел заключался в том, чтобы эти временные правительства сразу же по окончании войны взяли в свои руки власть в данной стране и крепко держали бразды правления, обеспечивая впредь возможность капиталистической эксплуатации.

Но народы этих стран рассудили по-другому. Игнорируя временные правительства, они, не дожидаясь конца войны, сами начали создавать революционные коалиционные правительства. Они имели возможность избрать эти правительства мирным путем, ибо в ходе войны реакционные государства были разбиты. Новые правительства были основаны на коалициях всех партий, боровшихся против гитлеризма до и во время войны. В эти коалиции входили коммунистические, социалистические, католические, крестьянские и мелкобуржуазные партии. Такая политика явилась, по существу, продолжением политики национального антифашистского фронта, который руководил ходом войны и восходил корнями к стратегии Народного фронта, принятой седьмым конгрессом Коммунистического Интернационала в 1935 году. Новые коалиционные правительства были названы «народными демократиями»; они были созданы в различных странах Восточной Европы: в Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Албании и Восточной Германии — с общей численностью населения в 100 миллионов человек. Единственной страной, где план создания

реакционного «временного правительства» капиталистов увенчался успехом, была Франция, так как за лидером нового правительства де Голлем стояли английские и американские войска¹.

Все правительства стран народной демократии в Восточной Европе были созданы в результате всеобщих демократических выборов в 1944—1946 годах. Однако это обстоятельство не помешало самозванным руководителям временных правительств начать против них яростную борьбу. Вследствие этого в некоторых странах новым коалиционным правительствам пришлось подавить контрреволюционные восстания, организованные при помощи западных держав. Но поскольку войска Советской Армии находились поблизости от этих стран, а иногда и на самой их территории, капиталистические заправилы Запада не имели возможности по-настоящему использовать военную силу против стран народной демократии, как они сделали это в 1945—1948 годах против греческих демократов.

Европейские страны народной демократии провели целый ряд прогрессивных мероприятий, носивших различный характер в каждой стране, включая ликвидацию монархий и создание республик, национализацию крупнейших отраслей промышленности, финансовых предприятий и транспорта, раздел крупных поместий и раздел земли между крестьянами, создание планового хозяйства, отделение церкви от государства, обеспечение равноправия различных национальных меньшинств, развитие огромной новой системы гражданских свобод и т. д. Это еще не был социализм, но события в странах народной демократии развивались именно в этом направлении, как это и показали ближайшие годы.

Страны народной демократии явились новой формой диктатуры пролетариата или правительства рабочего класса, и поэтому они отчасти представляли собой новый путь к социализму. Руководящими партиями в некоторых из них с самого начала являлись коммунистические партии, завоевавшие себе политическое руководство благодаря ясности своей программы и многолетней борьбе против гитлеризма как до войны, так и во время ее. Во всех странах народной демократии на базе марксизма-ленинизма произошло слияние коммунистических и социали-

стических партий в коммунистические или рабочие партии. В этом процессе объединения правые социал-демократы были оттеснены.

Профсоюзы играли решающую роль в создании и развитии стран народной демократии в Восточной Европе после войны. Они играли центральную роль в работе каждой организации и в борьбе новых режимов. В последующих главах мы остановимся на их деятельности более подробно.

Китайская революция

Развернувшаяся после второй мировой войны революционная борьба в Азии увенчалась победоносным завершением китайской революции в 1949 году и созданием в 1950 году Китайской Народной Республики. В главе 38 мы говорили о первых стадиях этой грандиозной революции и в особенности о роли профсоюзов. Это великое движение пришло к успешному завершению как часть общей революционной волны, прокатившейся по всему миру после второй мировой войны. Оно способствовало развитию революционного движения в азиатских колониях, и его успех в огромной мере усилил опасения капиталистов всех стран о будущем их мировой системы.

В 1936 году Коммунистическая партия и Гоминьдан по инициативе коммунистов после многолетней войны установили (как мы видели из главы 38) перемирие на базе совместной борьбы против японских захватчиков. Однако Чан Кай-ши постоянно предательски нарушал это соглашение, так как считал своими врагами только коммунистов. К этому его поощряли поддерживающие его круги Уолл-стрита, которые уже в то время строили планы установления своего господства в истерзанном войной Китае.

Через несколько дней после того как в августе 1945 года Япония капитулировала под совместными ударами наступавших на нее американских, китайских и советских войск, китайская Коммунистическая партия выступила с декларацией, призывавшей к установлению единого фронта народной демократии в Китае. Это соответствовало проводившейся в то время народами многих европейских стран общей линии, заключавшейся в том, что партии,

осуществлявшие совместную борьбу против фашизма, должны были продолжать сотрудничать и в правительствах, созданных после войны. Этот план пользовался широкой популярностью в Китае, как и во всем мире, и Чан Кай-ши пришлось сделать вид, что он соглашается с ним. Но это согласие было не более чем маневром. На самом деле его тактика заключалась в том, чтобы любой ценой уничтожить мощные силы коммунистов. К несчастью для себя, он задался целью осуществить невозможное.

Налаживая какое-то подобие мира между Гоминьданом и Коммунистической партией, в начале 1946 года Соединенные Штаты действовали в качестве «посредника», направив туда для этой цели специального представителя, генерала Джорджа Маршалла. Однако американская политика, по существу, представляла собой не политику благожелательного нейтралитета, а нажим на коммунистов и поддержку все возрастающих требований Чан Кай-ши, который отнюдь не возражал против осуществления такого враждебного курса по отношению к коммунистам. Делая вид, что он готов заключить соглашение, Чан Кай-ши с присущим ему двурушничеством повел в ряде пунктов наступление на войска коммунистической Народной армии. В результате этого в июле 1946 года гражданская война охватила всю территорию Китая.

Подобно Гитлеру, напавшему на СССР за пять лет до этого, Чан Кай-ши также рассчитывал, что ему сравнительно легко удастся уничтожить коммунистов. Он располагал армией, которая по меньшей мере втрое превосходила численностью войска Народно-освободительной армии, его войска занимали почти все крупные города и контролировали железные дороги; кроме того, они были хорошо вооружены американским оружием самого современного образца и могли в дальнейшем получать его из того же источника. С другой стороны, войска, возглавлявшиеся коммунистами, были плохо вооружены, почти не имели авиации и пополняли свои запасы только за счет трофеев, которые они могли захватить в боях с противником. Но развязывая гражданскую войну, Чан Кай-ши, как это обычно для буржуазии, недооценил боевую мощь коммунистов, за которыми стояли огромные массы китайского народа. В ходе гражданской войны,

которая тянулась четыре года, Народно-освободительная армия сломала военные силы Чан Кай-ши, уничтожила и взяла в плен 8 700 тысяч солдат его армии, не считая 1 700 тысяч перебежчиков, и захватила огромное количество различных военных материалов. 1 октября 1949 года было создано Центральное Народное Правительство Китая во главе с Мао Цзэ-дун. К концу 1950 года власть народа установилась уже во всем Китае, а Чан Кай-ши был изолирован на острове Формоза.

Революция победила. Наступление на капитализм, развернувшееся во всем мире после второй мировой войны, достигло своей вершины — по крайней мере на данный момент. Мировой капитализм потерял еще один огромный кусок территории площадью около 4 миллионов квадратных миль и свыше полумиллиарда людей, ранее являвшихся объектом его эксплуатации. Это был удар ужасающей силы, от которого, как и от потери СССР за тридцать три года до этого, капиталистическому строю уже никогда не удастся оправиться.

Вождь нового китайского народного правительства Мао Цзэ-дун охарактеризовал это правительство как «диктатуру народной демократии, основанную на союзе рабочих и крестьян и руководимую рабочим классом (через Коммунистическую партию)».² Хотя Китайская Народная Республика не следовала с самого начала классической советской форме русской революции, она идет к той же цели. Мао Цзэ-дун заявляет, что задачами ее является превратить Китай из аграрной в индустриальную страну и перейти от новой демократии к социалистическому и коммунистическому обществу с целью ликвидации классов и достижения мирового коммунизма³.

Промышленный рабочий класс Китая был и все еще остается сравнительно малочисленным, но профсоюзное движение, как мы указали в главе 38, играло важную роль в революционной борьбе народа, и пролетарские установки марксизма-ленинизма являлись основными теоретическими положениями в этом историческом движении. В новом обществе, которое складывается в настоящее время в Китае, профсоюзы будут играть гораздо более значительную роль, чем до сих пор. В последующих главах мы остановимся на состоянии профсоюзного движения в Китае в настоящий момент.

Рост массовых организаций во всем мире

Одновременно с основным наступлением на мировую систему капитализма, выразившимся в создании новых стран народной демократии в Восточной Европе и в грандиозном антиимпериалистическом и антиколониальном движении в Азии, революционная волна, вызванная второй мировой войной, привела к огромному росту разного рода пролетарских и руководимых пролетариатом массовых организаций классовой борьбы. В первые годы после войны, в особенности в период с 1945 по 1947 год, эти массовые организации росли буквально как грибы. К этим организациям относились профсоюзы, кооперативы, женские и молодежные организации, организации сторонников мира и политические партии рабочего класса.

Рост численности профсоюзов достиг небывалых размеров. Рабочие всего мира, охваченные единым порывом, начали объединять и укреплять свои производственные организации. В старых оплотах профсоюзного движения, в странах Европы и Америки, эти организации быстро росли, а в Азии профсоюзное движение стало развиваться с предельной скоростью. Там, где рабочим не удалось полностью ликвидировать капитализм, они были полны решимости по крайней мере ограничить возможности эксплуатации. К тому же, в своем движении вперед рабочие разрешали множество таких проблем организации и объединения рабочего класса, перед которыми реакционные бюрократические лидеры правого крыла в течение многих лет топтались на месте. Последующие пять глав посвящены анализу состояния, задач и борьбы мирового профсоюзного движения в этот период его беспрецедентно быстрого роста, в особенности с 1945 по 1947 год, когда началась холодная война.

Выдающееся место в истории мирового рабочего движения занимают кооперативы — другая форма рабочего движения, которая после второй мировой войны также расцвела пышным цветом в мировом масштабе. По словам Уорбасса, до войны только в Международный кооперативный альянс входило 100 миллионов человек⁴. Но после войны с быстрым ростом народных демократий, делавших большой упор на развитие производственных и потребительских кооперативов, уже к 1947 году общее

число членов кооперативов во всем мире, вероятно, вдвое превышало цифру, указанную Уорбассом.

Международное женское движение как в профессиональной, так и в политической области в течение долгого времени было одной из основных проблем, привлекавших внимание рабочих всех стран. После окончания войны это движение стало развиваться настолько быстрыми темпами, что все прежние достижения в этом направлении казались ничтожными по сравнению с достигнутыми успехами. Множество женщин в различных странах было вовлечено в быстро развивавшиеся профсоюзы; так, например, в странах народной демократии число женщин в среднем составляло 25 процентов от общего числа членов профсоюзов. Особенно значительных успехов достигли женские политические организации. Это движение в основном выразилось в создании в ноябре 1945 года в Париже Международной демократической федерации женщин (МДФЖ). Эта организация, задачей которой является защита всех экономических, политических и социальных интересов женщин, в отчете за 1947 год указала, что число ее членов составляет 81 миллион, а вскоре после этого оно превысило 100 миллионов человек.

Организации молодежи, главным образом рабочих и крестьян, также достигли непосредственно после войны нового высокого уровня политической зрелости и сильно выросли численно. Рабочее движение и в особенности его левое крыло давно уже уделяло значительное внимание молодежному движению. Но результаты, достигнутые этими организациями в первые же послевоенные годы, далеко превысили все прежние достижения в этой области. Движение молодежи выкристаллизовалось в создание Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ), основанной в Лондоне в ноябре 1945 года. К 1953 году это движение охватило 85 миллионов человек в 88 странах. ВФДМ занимается целым рядом вопросов, связанных с деятельностью и нуждами молодежи: проблемами работы, образования, профессионального обучения, спорта и т. д.; ее деятельность, как и деятельность Международной демократической федерации женщин, основана на широком едином фронте прогрессивных элементов всех политических и неполитических группировок.

Одной из важнейших многочисленных массовых организаций, деятельность которых так широко развернулась после второй мировой войны, явился Всемирный Совет Мира, первая международная конференция которого состоялась одновременно в Париже и Праге в апреле 1949 года, после того как началась холодная война. К моменту третьего конгресса этой организации в Вене (1952 год) в замечательном массовом движении за мир участвовало около 700 миллионов человек в 72 странах.

Быстрый рост коммунистических партий во многих странах, а в особенности в странах, опустошенных войной, где послевоенная революционная волна достигла максимального подъема, имел огромное значение для организации и объединения рабочего класса в послевоенные годы. Этот рост коммунистических партий, выразившийся не только численно, но и в усилении их политического влияния, явился результатом великолепных боевых качеств и политического руководства коммунистов во время войны как в тылу у фашистов, так и на полях сражения и в союзных демократических странах. Это было отражением общего роста влияния левого крыла в мировом рабочем движении. В 1947 году крупнейшими коммунистическими партиями были: Коммунистическая партия Советского Союза — 6 миллионов человек, Китая — 3 миллиона, Италии — 2 100 тысяч, Чехословакии — 1 700 тысяч, Франции — 1 миллион, Польши — 700 тысяч, Румынии — 600 тысяч, Болгарии — 450 тысяч, Югославии — 400 тысяч, Западной Германии — 400 тысяч (1 700 тысяч насчитывалось в Социалистической единой партии Восточной Германии — СЕПГ) ⁵. Наблюдался также значительный рост социалистических партий в других западноевропейских странах. В странах народной демократии произошло слияние социалистических и коммунистических партий.

Глава 45

ОБРАЗОВАНИЕ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ (1945)

Уже создание Англо-советского профсоюзного комитета в 1941 году (см. главу 43) явилось предвестником тех больших усилий, которые были сделаны после войны с целью добиться объединения мирового профсоюзного движения и преодолеть раскол в рядах рабочего класса,

послужившего в довоенные годы, в период надвигавшегося фашизма причиной катастрофического ослабления рабочего движения. В ходе войны, когда на горизонте начала вырисовываться победа демократических сил, перспективы достижения единства рабочего класса стали более благоприятными. Огромная активность рабочих и прогрессивные настроения, сложившиеся у них в тяжелой борьбе против фашизма, не могли не сохраниться и в послевоенный период, выражаясь в стремлении усовершенствовать организацию рабочего движения. Особенно остро ощущалась также необходимость единой позиции организованного рабочего класса по вопросам, связанным с мирным урегулированием и послевоенным переустройством мира.

Международная федерация профсоюзов, возглавлявшаяся Вальтером Скевенельсом, была абсолютно неспособна удовлетворить настоятельные требования мирового пролетариата, установить единство профсоюзного движения. Она в течение многих лет возглавлялась профбюрократами правого крыла; она была безнадежно связана с политикой классового сотрудничества и несла прямую ответственность за раскол в рядах организованного пролетариата в период, предшествовавший войне. В условиях наступления фашизма перед войной она потерпела полное банкротство. Даже Лорвин вынужден был отметить, что «хотя МФП в то время считала, что в ее состав входит 19 000 000 человек из 23 стран, она фактически существовала, пожалуй, лишь по названию и в воспоминаниях»¹.

Нажим с целью добиться создания новой международной организации оказывался с самых различных сторон: французами, итальянцами, латиноамериканцами, американским КПП, русскими. В ноябре 1943 года лидеры Британского конгресса тред-юнионов, которые, повидимому, предвидели дальнейший ход событий и хотели возглавить и поставить под свой контроль нараставшее движение, выступили с предложением созвать в июне 1944 года всемирную профсоюзную конференцию, чтобы способствовать военным усилиям союзников, принять единую позицию рабочего класса по вопросам мира и послевоенного переустройства и рассмотреть вопрос об единстве мирового рабочего движения. Однако эта конференция не состоялась из-за затруднений военного вре-

мени. АФТ резко выступила против ее созыва и за возрождение МФП. Будучи твердыми сторонниками единства в рядах мирового пролетариата, советские профсоюзы критиковали англичан за их односторонние действия.

В декабре 1944 года была снова сделана серьезная попытка добиться единства мирового профсоюзного движения; в Лондоне была созвана предварительная конференция Британского конгресса тред-юнионов, КПП и советских профсоюзов с целью подготовки всеобщей конференции, созыв которой в Лондоне был окончательно намечен на 6 февраля 1945 года. Как и в первый раз, когда предполагалось созвать всемирную конференцию, АФТ было также послано приглашение принять участие в ее работе. Но она снова отказалась от участия в конференции, настаивая на том, чтобы полумертвая МФП созвала свою собственную всемирную конференцию. Это снова повлекло бы за собой исключение из состава МФП не менее половины профсоюзов всего мира. Все старания АФТ и других реакционных сил вновь вдохнуть жизнь в МФП оказались тщетными. Ввиду своего банкротства Международная федерация профсоюзов также решила направить делегатов на намечавшуюся всемирную конференцию в Лондоне.

Таким образом, уже с самого начала в мировом рабочем движении намечались зачатки того раскола, который произошел впоследствии. Если в Европе профсоюзные лидеры из социал-демократов правого крыла считали, что они не смогут уже противодействовать развивавшемуся в то время новому мощному движению за единство рабочего класса, то бюрократы из АФТ, еще крепче связанные с реакцией, способны были это сделать. Они могли открыто проводить свою обычную раскольническую политику, враждебную всем прогрессивным веяниям в рядах рабочего движения.

Лондонская конференция

На Лондонской конференции, открывшейся 6 февраля 1945 года, присутствовало 204 делегата, представлявшие около 60 миллионов рабочих 42 стран². Это было самое многочисленное собрание представителей мирового рабочего класса за всю историю его существования, и хотя на нем не присутствовали официальные делегации из Германии и Японии, поскольку война еще не закончилась,

оно было также и наиболее представительным. Особое значение в этом отношении имело присутствие многочисленных делегаций из стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые почти полностью отсутствовали на конгрессах МФП, носивших ограниченно европейский характер. Такое же, если не более важное, значение имело то обстоятельство, что эта конференция в основном ликвидировала раскол между правым и левым крылом в рабочем движении, раскол, который в свое время был вызван предательской политикой социал-демократов, оказавших поддержку империалистической первой мировой войне в роковые дни 1914 года.

В своей работе конференция делала главный упор на обеспечение победы в войне, призывая рабочих всего мира увеличить выпуск военной продукции. На конференции были сделаны отчеты о работе в военное время, среди которых выделялись сообщения делегатов из оккупированных нацистами стран о подпольной работе их профсоюзов, участвовавших в освободительном движении. Конференция уделила особое внимание вопросу о защите жизненного уровня и условий труда рабочих в военное время. Она также потребовала, чтобы в странах, освобожденных от фашистской оккупации, была установлена полная свобода слова, собраний, вероисповедания, организации профессиональных союзов, социального обеспечения и т. п. Подчеркивалась также необходимость укреплять единство в ООН. Были выдвинуты предложения об условиях мирного договора, а также о полном участии профсоюзов в выработке этих условий ³.

Как правило, при выработке этой программы делегаты выражали полное согласие со всеми ее пунктами. Однако серьезные расхождения наметились в вопросе о создании нового интернационала. Делегации стран Латинской Америки, СССР, Франции, Австралии, Американского КПП и ряда других стран стремились к созданию новой организации, и они выступили в поддержку соответствующей резолюции по этому поводу, предложенной Сиднеем Хиллманом из КПП. На этот раз КПП под влиянием сильного в тот момент левого крыла занял прогрессивную позицию, и его здравая линия по вопросу о создании нового интернационала подкреплялась тем, что КПП считал необходимым побороть узкую установку АФТ в этом вопросе ⁴.

Британские профсоюзные лидеры во главе с Ситрин — одним из тех, кто способствовал подавлению всеобщей забастовки в 1926 году, возражали против создания нового интернационала. Взамен этого, стремясь к сотрудничеству с реакционным руководством АФТ, они внесли предложение о возрождении полумертвой МФП. Но это реакционное предложение, шедшее вразрез с прогрессивными тенденциями, развивавшимися в мировом рабочем движении, нашло себе поддержку лишь у нескольких европейских бюрократов — Скевенельса, Ольденбрука, Нордаля и др. Ввиду этого конференция согласилась на «компромисс», создав комитет в составе 41 человека для созыва новой конференции, основной задачей которой, помимо выработки общей программы мирового рабочего движения, была «подготовка проекта устава Всемирной федерации профсоюзов, создание которой является целью данной конференции»⁵. В этом подготовительном комитете США, Соединенное Королевство, Франция, СССР и Латинская Америка получили по три голоса, а остальные страны по одному. Христианские союзы были приглашены с правом совещательного голоса. Секретарем подготовительного комитета был избран француз Луи Сайян, а председателем Уолтер Ситрин.

Одним из первых важных мероприятий комитета явилось требование официального представительства на конференции ООН, которая должна была состояться в Сан-Франциско, и постоянного места на Генеральной Ассамблее. Советская делегация в ООН уже сделала руководящему комитету соответствующее предложение, но оно было отвергнуто. В конечном счете предложение новой всемирной рабочей организации было выхолощено главным образом благодаря маневрам АФТ, действовавшей совместно с правительствами США и Англии. Колоссальная новая всемирная федерация была, таким образом, поставлена на одну доску с АФТ и рядом других организаций и стала чисто совещательным органом. Это, конечно, подорвало позиции рабочего движения в ООН, что вполне устраивало лидеров АФТ⁶.

Париж. Создание ВФП

23 мая 1945 года, через две недели после капитуляции Германии, подготовительный комитет обратился к рабочим всего мира с предложением о созыве второй Все-

мирной конференции профсоюзных организаций. Эта конференция открылась в Париже 25 сентября и работала до 8 октября 1945 года. 3 октября конференция была переименована в конгресс. На конференции было зарегистрировано 346 делегатов из 56 стран, представлявших 67 миллионов организованных рабочих. В состав делегатов входили два представителя Международной федерации профсоюзов (МФП) и 29 представителей международных производственных секретариатов этой организации. Присутствовал также представитель Международной федерации христианских профсоюзов⁷. Колониальные и полуколониальные страны мира были представлены многочисленными делегациями. АФТ также получила приглашение на конференцию, но она ответила отказом, явившись, таким образом, единственной крупной национальной профсоюзной федерацией во всем мире, которая не была представлена на конференции. Американский союз шахтеров также не принял участия в работе конференции, но консервативные братства железнодорожников прислали двух делегатов.

Крупнейшими организациями, представленными на конференции, были профсоюзы СССР численностью в 27 124 тысячи человек, Великобритании — 6 600 тысяч, США (КПП) — 6 миллионов, Италии — 5 200 тысяч, Франции — 5 100 тысяч, Латинской Америки — 4 миллиона, Чехословакии — 1 500 тысяч, Румынии — 1 267 201, Швеции — 1 087 тысяч, Польши — 1 011 тысяч, Мексики — 1 миллион, Венгрии — 888 тысяч, Китая — 800 тысяч, Югославии — 662 тысячи, Австралии — 625 тысяч, Кубы — 557 тысяч, Нигерии — 500 тысяч, французские католические союзы — 750 тысяч человек.

Основное значение Парижской конференции заключается в том, что она подготовила проект устава новой организации — Всемирной федерации профсоюзов. 3 октября, после последнего отчаянного боя, который дали англичане и другие консервативные элементы, стремившиеся спасти МФП, этот проект был, наконец, единодушно одобрен и передан для принятия окончательного решения конгрессу, приступившему после этого к работе. Собрание не пошло по пути, на который его пытались увлечь ситрины, скевенельсы, куперсы и другие представители умирающей МФП, а прислушалось к голосам Сайяна, Ди Витторьо, Хиллмана, Тарасова, Фрашона, Толедано, Данге и других,

выражавших волю мирового рабочего движения к единству.

Устав⁸ в его окончательной форме предусматривал создание международной федерации — ВФП — с штаб-квартирой в Париже. Всемирный конгресс, который должен был созываться раз в два года, строился на демократическом принципе последовательного представительства, чтобы обеспечить мелким организациям большее число делегатов, из расчета один делегат на каждый союз с числом членов до 250 тысяч; один делегат на каждые 500 тысяч членов профсоюзов общей численностью от 5 миллионов до 10 миллионов человек; один делегат на каждые 2 миллиона членов профсоюзов численностью от 15 миллионов и выше. На конгрессах голоса распределялись по принципу один голос на каждые 50 тысяч членов профсоюзов численностью до 250 тысяч человек и один голос на каждые 400 тысяч членов организаций численностью от 15 миллионов и выше. В статье IV указывается, что «автономия профсоюзного движения в каждой стране гарантируется». Как правило, в каждой стране признается только один общий центр.

ВФП возглавлялась Генеральным советом, избранным на конгрессе; Генсовет, избранный на первом конгрессе, состоял из 74 членов и 59 заместителей из 51 страны. (На третьем конгрессе в 1953 году Генеральный совет состоял из 185 членов и заместителей.) Состав совета также строился на демократическом принципе последовательного сокращения представительства; по одному представителю и одному заместителю на каждый миллион и менее членов вплоть до пяти представителей и трех заместителей для организаций, охватывающих свыше 15 миллионов человек. Генеральный совет, собиравшийся раз в год, должен был выполнять функции руководящего органа в период между конгрессами.

Были созданы также Исполнительный комитет и Исполнительное бюро. Исполнительный комитет был избран в составе 26 человек (на третьем конгрессе это число увеличилось до 72 человек), в числе которых СССР и США с Канадой имели по три представителя, Великобритания, Франция и Латинская Америка — по два и один представитель входил в состав Исполкома от каждой представительной организации и района. Исполком, избранный на

конгрессе, выбирает из своих рядов нескольких заместителей председателя.

В первый состав Исполкома входили: председатель Уолтер Ситрин (Великобритания); генеральный секретарь Луи Сайян (Франция); заместители председателя: В. В. Кузнецов (СССР), С. Хиллман (США), Л. Жуо (Франция), В. Ломбардо Толедано (Латинская Америка), Чу (Китай), Дж. Ди Витторио (Италия), Куперс (Нидерланды). Тридцатипятилетний Сайян, секретарь организации, ранее был секретарем Французского союза деревообделочников и прославился во время войны как глава французского движения сопротивления. Сейчас председателем ВФП является Джузеппе Ди Витторио, боевой лидер итальянского профсоюзного движения. Число заместителей председателя было увеличено до 12 человек.

Конгресс принял также решение о создании международных производственных отделов. Эти органы должны были работать под общим руководством ВФП и следовать ее политике и дисциплине. Эта форма работы резко отличалась от методов, применявшихся прежней МФП, производственные секретариаты которой действовали по своему усмотрению. Общие взносы в ВФП были установлены в пределах от 4 фунтов стерлингов в год на каждую тысячу членов организаций численностью не более 5 миллионов человек до 10 шиллингов на каждую тысячу членов организаций численностью не менее 15 миллионов человек.

Программа ВФП

Всемирная федерация профсоюзов была основана на принципе всеобщего единого фронта подлинных профсоюзов любой политической ориентации. Эта политика была абсолютно правильной. Однако для того, чтобы сплотить такую широкую организацию для успешной работы по разрешению стоящих перед рабочим классом трудовых задач, ВФП должна была ограничить свою деятельность главным образом обеспечением минимальных экономических и политических нужд пролетариата, то есть вопросами непосредственной борьбы, не выдвигая подробной программы конечных политических целей рабочего класса. Необходимо было также избегать обсуждения узких национальных и религиозных проблем, которые вызвали глубокий раскол в рабочем движении в предвоенный период. Таким образом, ВФП пришлось организовать и

строить свою работу на базе широких общих интересов рабочего движения всего мира, а именно практических проблем, с которыми рабочие непосредственно сталкивались в своей повседневной жизни. Только таким путем можно было надеяться создать и сохранить единство в мировом профсоюзном движении.

Исходя из этого принципа, Парижский конгресс следующим образом изложил цели ВФП в преамбуле своего устава: ⁹

«а) организация и объединение в ее рядах профессиональных союзов всего мира, без различия расы, национальности, религии или политических убеждений;

б) содействие в случае необходимости рабочим мало развитых в социальном или экономическом отношении стран в организации профессиональных союзов;

в) борьба за окончательное уничтожение всех фашистских форм правления, а также любого проявления фашизма, в какой бы форме это ни выражалось и каким бы именем ни называлось;

г) борьба против войны и причин, порождающих ее, и действия в целях установления устойчивого и длительного мира;

путем поддержки самого широкого международного сотрудничества в социальной и экономической областях и тех мероприятий, которые необходимы для индустриального развития и полного использования ресурсов отсталых в экономическом отношении стран; путем борьбы с реакцией и полного осуществления демократических прав и свобод всех народов;

д) защита интересов трудящихся всего мира во всех международных органах, обязанностью которых является разрешение проблем устройства мира на основе соглашений или конвенций, заключенных между Объединенными Нациями, а также в других международных органах, по указанию Всемирной федерации профессиональных союзов;

е) организация общей борьбы профессиональных союзов всех стран против всяких посягательств на экономические и социальные права трудящихся и демократические свободы;

за обеспечение трудящихся работой; за неуклонное повышение заработной платы; сокращение рабочего дня и улучшение условий труда и жизни трудящихся; за полное

социальное обеспечение трудящихся и их семей при безработице, болезни, несчастных случаях и старости; за принятие других различных мер, обеспечивающих социальное и экономическое благополучие трудящихся;

ж) организация просветительной работы среди членов профессиональных союзов по вопросам международного единства трудящихся и пробуждение в них сознания их личной ответственности за осуществление целей и задач профсоюзов.

Для разрешения этих задач Всемирная федерация профессиональных союзов основывает свою работу на следующих принципах:

а) полная демократия внутри профессиональных союзов всех стран и тесное сотрудничество между ними;

б) постоянный контакт с входящими в федерацию профессиональными организациями, братская поддержка и помощь им в работе;

в) систематический обмен информацией и опытом профсоюзной работы в целях укрепления солидарности международного рабочего движения;

г) координация действий рабочих организаций для осуществления их международных целей и задач;

д) защита интересов рабочих в вопросах эмиграции и иммиграции;

е) использование всех доступных средств для популяризации и разъяснения целей, ради которых организована Всемирная федерация профессиональных союзов, а также задач, которые она ставит, ее программы для осуществления этих задач и ее решений по определенным вопросам».

В соответствии с этой общей линией на конгрессе и последовавших за ним заседаниях Исполнительного комитета был принят ряд заявлений и резолюций, настаивавших на принятии Организацией Объединенных Наций демократических мирных условий и требовавших для организованного пролетариата права участвовать в выработке условий мира. Эти резолюции также утверждали общую программу, принятую всемирной рабочей конференцией в Лондоне, требовали всеобщего права участия в профсоюзах, введения социального страхования, осуждали диктатуру Франко в Испании, подтверждали право народов на самоопределение, осуждали всякое расовое преследование и предлагали осуществлять в организованном порядке индустриализацию слаборазвитых районов

во всем мире с целью противодействия международным трестам и монополиям и созвать профсоюзную конференцию в Азии с целью технического развития этой огромной территории; кроме того, в них воздавалось должное деятельности скончавшегося незадолго до этого президента Рузвельта.

Этот широкий политико-экономический подход ВФП к мировым задачам и борьбе пролетариата был крупным шагом вперед по сравнению с правооппортунистическими теориями «нейтралитета», проповедовавшимися лет тридцать назад социал-демократами легинского толка, которые полагали, что профсоюзы должны держаться в стороне от всяких политических проблем и даже не считали необходимым создание профсоюзного Интернационала, поскольку Второй Интернационал уже занимался якобы международными вопросами профсоюзного движения. Политика ВФП в корне отличалась от узкосектантских взглядов анархо-синдикалистов и далеко превосходила их, ибо анархо-синдикалисты настаивали на том, чтобы в программе профсоюзов подробно рассматривались все теоретические вопросы, связанные с конечными целями пролетариата, и пути их разрешения (в силу чего широкие массы консервативных рабочих оставались вне ссоюзов). Своими теориями «прямого действия» они также отвлекали профсоюзы от политической борьбы.

Несмотря на неизбежную ограниченность своей программы, ВФП с самого начала являлась неотъемлемой частью широкого антикапиталистического, антиимпериалистического движения, развернувшегося во многих странах после окончания второй мировой войны. Предприниматели и другие эксплуататоры во всех странах мира, как и их агенты — правые социал-демократы, прекрасно сознавали это. Именно поэтому они сразу же поставили себе цель мешать и вредить новой мировой рабочей организации.

Для того чтобы обеспечить единство своих рядов и успешную работу своей огромной организации, состоящей из трудящихся самых различных взглядов, ВФП должна была строить свою работу на прочной основе профсоюзной демократии. Основы такой демократии, значительно более широкой, чем в любом международном органе в прошлом, были заложены на первом же съезде ВФП. В составе конгресса и руководящих комитетов

было обеспечено полное представительство всех стран и течений. Кроме того, широкая практика самокритики и глубокого интернационализма, пронизывавшая всю работу ВФП, обеспечивала защиту интересов трудящихся во всех частях мира. Поэтому со стороны АФТ было высшим проявлением цинизма критиковать ВФП за несоблюдение ею демократических принципов, когда сама АФТ сверху до низу контролируется наиболее бюрократическим, разложившимся, реакционным и самовластным руководством, какое только существует в какой-либо рабочей федерации во всем мире.

Недостатки новой мировой системы единства рабочего движения

За всю историю существования мирового пролетариата в профсоюзном движении никогда не было такого полного единства, какое было достигнуто на первом конгрессе ВФП. Создание новой всемирной организации было одним из тех крупных скачков вперед, которые характерны для общего закона развития профсоюзного движения (см. главу 56), когда система контроля, годами устанавливавшаяся профсоюзными бюрократами, ослабевает или полностью рушится. Благодаря этому были преодолены, по крайней мере на данный момент, многие из тех тенденций, которые в прошлом так сильно мешали достижению единства в рядах пролетариата как в отдельных странах, так и в международном масштабе. Но эти тенденции все еще оставались потенциальной угрозой для солидарности рабочего класса.

Самую серьезную угрозу единству рабочего класса представляла АФТ. Эта организация, возглавлявшаяся проимпериалистическим руководством, с самого начала стала ярым врагом ВФП. Она не только отказалась войти в ее состав, но развязала такую широкую кампанию антидемократической пропаганды и неистовых поношений по адресу ВФП, что заткнула за пояс даже капиталистическую прессу. АФТ не скрывала своего намерения при удобном случае расколоть ВФП.

Что касается МФП, то этот бывший интернационал, увядший и отброшенный ходом событий в сторону, просто-напросто сложил оружие и тихо скончался. В декабре 1945 года было созвано заседание его Генсовета, который

принял решение об официальном роспуске организации. Хотя АФТ входила в состав МФП и ее лидеры возлагали надежды на оживление ее деятельности, они даже не направили делегата для участия в её похоронах. Однако десятка два международных производственных секретариатов МФП оказались более жизнеспособными. На учредительном конгрессе ВФП они выступили с возражениями против плана создания «13-го отдела», и достигнуть соглашения по этому вопросу так и не удалось. В 1948 году консервативные лидеры производственных секретариатов, действуя совместно с АФТ, прервали переговоры и ускорили раскол (намечавшийся в то время в ВФП)¹⁰.

Международная федерация христианских (католических) профсоюзов, насчитывавшая около 3 миллионов человек и приславшая делегатов на Парижский конгресс (на котором было принято решение о создании ВФП), изъявила желание вступить в ВФП при условии, если ей будет разрешено сохранить самостоятельную организацию. Это предложение было отвергнуто, и МФХТ продолжала действовать в качестве самостоятельной организации, внося раскол в рабочее движение в ряде стран Европы и Латинской Америки.

Глава 46

ПРОФСОЮЗЫ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1944—1947)

Всемирная федерация профсоюзов отразила в международном масштабе рост профсоюзного движения непосредственно после окончания второй мировой войны, который наблюдался во всех странах со сколько-нибудь развитой промышленностью. Новое течение в профсоюзном движении не было простой реорганизацией довоенных профсоюзов; оно как в качественном, так и в количественном отношении стояло выше старого юнионизма по своим перспективам, структуре, боевой тактике и методам руководства. В результате этих огромных успехов мировое рабочее движение поднялось на такой высокий уровень, какого оно никогда не достигало до сих пор.

В этом колоссальном новом подъеме профсоюзного движения после второй мировой войны важную роль играло профдвижение в странах народной демократии в

Восточной Европе — Чехословакии, Польше, Восточной Германии, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии и Албании. После разгрома гитлеровской тирании и эксплуататорских клик старого режима рабочие и их союзники в этих странах не только создали в них правительства Народного фронта под руководством мощных коммунистических и рабочих партий, но также и организовали сильные профсоюзы. Эти профсоюзы, возникшие еще в период подпольного движения сопротивления, принимали активное участие в общей революционной борьбе. Они являлись неотъемлемой частью боевых сил народа. Как мы увидим в дальнейшем, это характерно и для народно-демократических стран Азии. В Восточной Европе при гитлеровском режиме профсоюзного движения почти не существовало, но к концу 1947 года, в условиях подъема активности рабочих, крестьян и других антифашистских элементов, оно достигло огромного размаха, охватив не менее 17 миллионов человек, причем в дальнейшем эта цифра значительно увеличилась.

Рост профсоюзов в странах народной демократии

Как мы уже знаем из предыдущих глав, профсоюзное движение в странах Восточной Европы (за исключением Восточной Германии и Чехословакии), где после окончания второй мировой войны установился народно-демократический режим, до войны было очень слабо развито. Профессиональные союзы рабочих, насчитывавшие лишь очень небольшое число членов, сохранившихся до гитлеровского периода, кое-как перебивались в условиях реакционных режимов и господства помещиков и чужеземных империалистов. В Чехословакии до войны 43 процента земли принадлежало помещикам, составлявшим 1 процент населения; в Венгрии помещики, также составлявшие 1 процент населения, владели 47 процентами земли; то же самое было и в других странах Восточной Европы. Важнейшие отрасли промышленности находились в руках английских, немецких и французских империалистов. Многочисленные трудящиеся массы этих стран жили на грани голода. Если во Франции среднегодовой доход на душу населения, выраженный в польской валюте, составлял 1 830 злотых¹, то в Польше он едва достигал 610 злотых, то есть был ровно втрое меньше. Такие же, если не

худшие, условия существовали во всех Балканских и Восточно-Европейских странах.

Профсоюзы работали в нелегальных условиях, подвергаясь суровым репрессиям со стороны своих правительств. После захвата этих стран гитлеровскими войсками союзы, и без того влачившие жалкое существование, были сразу же уничтожены или полностью загнаны в подполье. Но в последние недели войны профсоюзное движение во всех странах Центральной и Восточной Европы под общим политическим руководством коммунистических партий и в сотрудничестве с дружественными народными правительствами вырастали буквально как грибы в ходе общей борьбы и развивались такими темпами, которых не знала история этих стран.

В процессе реорганизации и переориентации профсоюзного движения в Восточной Европе после антифашистской войны рабочие обычно следовали примеру советских профсоюзов. Это главным образом объяснялось тем, что, хотя их основные экономические, политические и социальные задачи отличались от задач, стоявших перед советскими профсоюзами, работа их тем не менее основывалась на том же коренном принципе — перестройке их расшатанной экономической системы и переустройстве их правительств на социалистической базе. Следуя тому же общему курсу, что и профсоюзы в СССР, они действовали сообразно с потребностями обстановки и исходя из исторического прецедента в профсоюзном движении. В настоящее время, когда огромные народные массы идут вперед по пути к социализму, авангардная роль в мировом рабочем движении принадлежит советским профсоюзам. Они в настоящее время ведут мировой пролетариат подобно тому, как в прошлые десятилетия в различных ситуациях, складывавшихся во всем мире при капитализме, мировое рабочее движение вели сначала английские, а затем немецкие профсоюзы.

В Восточной Германии, которая стала Германской Демократической Республикой, рабочие начали перестройку своих профсоюзов по крайней мере на год раньше, чем в Западной Германии, находившейся под контролем англо-американо-французских войск. К 1947 году Объединение свободных немецких профсоюзов (ОСНП) насчитывало около 5 миллионов членов. В Чехословакии Центральный совет профсоюзов, начав свою работу в кон-

це 1944 года «на голом месте», уже в конце 1947 года охватывал 2 299 312 человек, а к 31 декабря 1948 года ² — 3 075 тысяч человек — темп, небывалый в истории Чехословакии. В Польше в ноябре 1944 года была создана Центральная комиссия профессиональных союзов, а к декабрю 1945 года в профсоюзы уже вступили 1 333 109 рабочих. В конце 1947 года число членов профсоюзов достигло 3 миллионов человек ³.

Численность Центрального совета профсоюзов Венгрии, составлявшая в марте 1945 года 90 тысяч человек, к середине 1948 года ⁴ достигла рекордной цифры — 1 638 387 человек. Венгерские рабочие на протяжении двадцати пяти лет жили в условиях белого террора. Югославские союзы, почти полностью уничтоженные в период оккупации страны войсками Гитлера и Муссолини, к концу 1947 года достигли небывалой численности, примерно в 1 миллион человек. Болгарский Всеобщий рабочий профессиональный союз, реорганизованный в 1944 году после двадцати одного года нелегальной работы, в 1947 году уже сообщал, что число его членов достигло 500 тысяч человек ⁵. Румынская Всеобщая конфедерация труда, которая была восстановлена в 1945 году после тридцатилетнего пребывания на нелегальном положении, к 1947 году объединяла около 1 500 тысяч человек ⁶. Более малочисленные профсоюзы Албании также стали быстро развиваться. Рабочие Греции, участвовавшие в общем движении за новую народную демократию, в ходе вооруженной борьбы создали сильные профсоюзы, выступавшие сначала против гитлеровской армии, а затем против англо-американских войск.

На третьем конгрессе ВФП, состоявшемся в октябре 1953 года в Вене, были приведены следующие данные о численности профсоюзов стран социализма и народной демократии: СССР — 34 миллиона; Китай — 10 200 тысяч; Восточная Германия — 5 135 тысяч; Польша — 4 100 тысяч; Чехословакия — 3 500 тысяч; Румыния — 2 350 тысяч; Венгрия — 1 650 тысяч; Болгария — 900 тысяч; Корея — 800 тысяч; Вьетнам — 390 тысяч; Албания — 76 тысяч ⁷. Численность профсоюзов Югославии, данных о которой в тот момент не было, достигала 1 800 тысяч человек. С тех пор профсоюзы всех этих стран сильно выросли.

Наряду с таким быстрым ростом численности профсою-

зов, значительно превысившим уровень, когда-либо достигнутый в довоенные годы, профсоюзы новых народно-демократических государств в странах Восточной и Центральной Европы достигли после второй мировой войны наибольшего единства рабочего класса за всю их историю. В предшествовавшие десятилетия на деятельности профсоюзов этих стран пагубно отражались расхождения по вопросам политического курса и различным национальным проблемам, приводившие к расколам, насаждавшимся различными оппортунистами и другими враждебными рабочему классу элементами. В эти годы левое крыло вело длительную, тяжелую и безуспешную борьбу за единство профсоюзного движения. Характерно, что до второй мировой войны в Чехословакии было восемнадцать национальных центров, несколько центров существовало в Югославии, четыре — в Польше; такой же разброд наблюдался и в профсоюзах других стран. Но после создания народно-демократических режимов рабочие сразу же положили конец расколу в своих рядах и сплотили рабочее движение во всех революционных странах. Это было классовое профсоюзное движение, резко отличавшееся от цехового, религиозного, политического и даже расового юнионизма тех времен, когда в профсоюзном движении соответствующих стран господствовали сторонники Второго Интернационала.

Одним из величайших зол среди множества тенденций, способствовавших расколу в профсоюзном движении предвоенных лет, были политические расхождения профсоюзов. Однако после создания стран народной демократии единство профсоюзов в этом важном вопросе было достигнуто благодаря слиянию социалистических и коммунистических партий этих стран, которое произошло сразу же после войны. Это слияние сплотило подлинных борцов из обеих партий, причем в процессе объединения правые оппортунисты были отстранены. Что же касается буржуазных политических профсоюзов и профсоюзов, объединявших меньшинства, то они были немедленно ликвидированы ввиду раскола, который они вносили в рабочее единство. Покончено было также с делением профсоюзов по религиозному принципу. Так называемые христианские профсоюзы, имевшие довольно многочисленные организации в Польше, Венгрии, Чехословакии и Восточной Германии, стали активно участвовать в общем

едином рабочем движении. Во всех этих странах, в которых было большее число католиков, верующие рабочие добровольно вступали в общие профсоюзы рабочего класса. Единство трудящихся, изображавшееся инициаторами раскольнических действий как нечто почти недостижимое, было очень быстро достигнуто рабочими после того, как они сломали бюрократические заслоны и контроль со стороны реакционных и консервативных профбюрократов.

Руководствуясь своим здравым смыслом и целями, к которым пролетариат стремился в течение долгих лет, профсоюзы новых стран народной демократии строили свои экономические организации почти исключительно по производственному принципу и с наличием одного международного профсоюзного центра в каждой стране. Так, в 1947 году в Польше было всего 38 национальных профсоюзов, объединенных в одну общую организацию, вместо 343 разрозненных профсоюзов, существовавших там до войны; югославские рабочие были объединены в 26 профсоюзов, болгарские — в 32, чехословацкие — в 21, румынские — в 19, а рабочие Восточной Германии — в 15 профсоюзов. Аналогичные типы производственных союзов существовали и в других странах народной демократии. Все эти организации имели твердую базу на предприятиях в лице заводских и цеховых комитетов, которые получили широкое распространение после того, как было восстановлено профсоюзное движение вообще.

Профсоюзы стран народной демократии основывали свою работу на гораздо более демократических началах, чем профсоюзы капиталистических стран. В основе профсоюзной демократии лежит то обстоятельство, что управление этими странами осуществляется рабочими, крестьянами и интеллигенцией и что большая часть промышленных предприятий принадлежит народу. Крупные капиталисты — оплот реакции во всех капиталистических странах — не играют здесь господствующей роли в общественных организациях, так как в странах народной демократии таких капиталистов попросту нет. Нет там и профбюрократов из правого крыла социал-демократии, так сильно вредящих профсоюзному движению во всем капиталистическом мире. Имея в качестве своей производственной базы широкие заводские и цеховые комитеты, новые, социалистические профсоюзы осуществляют демо-

кратию, о которой не могли и мечтать союзы капиталистических стран с их социал-демократическим бюрократическим руководством. С точки зрения общего воспитания профсоюзов в духе демократии следует отметить наиболее характерную черту всей их деятельности, заключающуюся в том, что они усиленно развивают практику добровольной общественной работы в профсоюзах, сокращая, таким образом, число платных работников. Не удивительно, что эти широкие классовые союзы полностью осуществляют принципы демократии также и в том смысле, что они втягивают в профсоюзное движение огромные массы молодежи, женщин и сельскохозяйственных рабочих, интересами которых полностью пренебрегали профсоюзы, возглавлявшиеся правыми элементами.

Оказывая огромное влияние на работу всех правительственных органов, профсоюзы стран народной демократии остаются организационно независимыми от государства. Интересно отметить, что в Польше существует парламентский закон, по которому государство не имеет права вмешиваться во внутренние дела профсоюзов. Все законы и правительственные постановления, которые затрагивают интересы польских рабочих в каком бы то ни было отношении: в вопросах производства, условий заработной платы, социального страхования и т. п., должны быть в первую очередь одобрены Объединением польских профсоюзов. Это соответствует общей линии, проводимой в СССР и странах народной демократии. Политика правительства в странах народной демократии по отношению к профсоюзам представляет собой резкий контраст по сравнению с существующими во всех капиталистических странах тенденциями к жесткому контролю над работой профсоюзов с помощью законодательства, а также к ущемлению их права на забастовки и вообще к ограничению их деятельности.

Задачи профсоюзов в странах народной демократии

Страны народной демократии подверглись жестокому опустошению в годы второй мировой войны, когда фашистские захватчики систематически грабили их, порабощали народы этих стран, заставляя работать на себя, как крепостных, и вели жесточайшие бои на их террито-

рии. Восточная Европа явилась ареной самых опустошительных и кровавых сражений. Вся ее территория дважды завоевывалась и разорялась: в первый раз, когда «непобедимые» гитлеровские войска бросились в наступление на восток, против СССР, и во второй раз, когда они, сильно потрепанные Советской Армией, в беспорядке отступали обратно на территорию нацистской Германии. В одной только Польше было убито 6 028 тысяч человек и разрушено 14 тысяч фабрик и заводов⁸, Югославия потеряла 1 700 тысяч человек убитыми, а Восточная Германия и другие страны понесли не менее тяжелые потери. Большинство из 6 миллионов евреев, зверски уничтоженных Гитлером, было убито именно в этих странах.

Поскольку народы этих стран находились на грани голода, а в промышленности и сельском хозяйстве царила разруха, важнейшей их задачей непосредственно после войны было восстановление народного хозяйства. В тот момент, когда речь шла о жизни и смерти, чрезвычайно важную роль играли профсоюзы, которые полностью сознавали лежавшую на них ответственность по строительству социализма. Профсоюзы применяли в своей работе характерные социалистические методы: отказ от забастовок, сдельщина, стахановское движение и социальное соревнование. Они были хорошо представлены в государственных хозяйственных органах и в национализированной промышленности. Общим результатом этой работы явилось, как и в Советском Союзе, восстановление промышленности. Оно шло после войны хотя и не так быстро, как в СССР, но значительно быстрее, чем на капиталистическом Западе, гораздо менее пострадавшем от войны. После того как нанесенный войной урон был в значительной степени ликвидирован, страны народной демократии стали повсеместно проводить широкую программу развития промышленности на базе планового хозяйства в порядке выполнения двухлетних, трехлетних и пятилетних планов, чтобы заложить основу для своего будущего благосостояния. Типичным примером в этом отношении является Польша, где в 1954 году было добыто 100 миллионов тонн угля против 38 миллионов тонн, добытых в 1938 году; производство стали в Польше повысилось с 1,5 миллиона тонн в 1938 году до 4,6 миллиона тонн в 1954 году⁹, а продукция машиностроения в настоящее время в девять раз превысила довоенный уровень.

На базе быстрого развития промышленности и сельского хозяйства сразу же после войны под общим руководством профсоюзов стали заметно улучшаться условия жизни и работы трудящихся масс города и деревни. Несмотря на то, что развитие промышленности требовало интенсивной работы, реальная заработная плата стала быстро расти, причем решающую роль в определении ставок заработной платы играли профсоюзы. Был установлен более короткий рабочий день; была заложена основа системы социального страхования, равной которой нет ни в одной капиталистической стране; начала проводиться широкая массово-просветительная кампания, которая приобретает все больший размах. Вся обширная территория стран народной демократии покрылась густой сетью школ, библиотек, домов отдыха, клубов и других культурных учреждений, а также учреждений по охране здоровья трудящихся.

В странах народной демократии рабочие играют решающую роль в установлении ставок заработной платы. Г. Минц, видный польский деятель, сообщает, как разрешается вопрос о ставках заработной платы: «Весь национальный доход делится на две части — часть потребляемую и часть накапливаемую, или выделяемую для развития производственного аппарата и хозяйства. Основной задачей плана является определение наилучшего и наиболее благоприятного соотношения между средствами потребления и накопления. Наилучшим соотношением является то, которое гарантирует максимальные темпы экономического развития и наилучшие условия жизни трудящихся. Именно из этого мы исходим в планировании. После осуществления наших планов жизненный уровень трудящихся поднимется к концу шестой пятилетки на 50—60 процентов по сравнению с 1949 годом, то есть приблизительно в два раза превысит довоенный уровень»¹⁰. (Эта цель была достигнута.) При такой справедливой и научной системе распределения заработной платы, когда профсоюзы имеют решающий голос, нет места тому безудержному выколачиванию частных прибылей, которое является бичом рабочего класса в условиях капитализма.

Так же как и в СССР, в странах народной демократии профсоюзам были переданы те административные функции, которые обычно выполняются правительствен-

ными ведомствами труда. Главный смысл и значение этого заключаются в том, что выполнением всех этих функций в вышеуказанных странах занимаются теперь сами профсоюзы, а не буржуазные элементы, заинтересованные лишь в сокращении до минимума всех ассигнований на социальные мероприятия, как в капиталистических странах. Характерной иллюстрацией к общему положению профсоюзов в этих странах является устав профсоюзов Румынии, в котором говорится: «Организация, руководство и контроль за деятельностью государственных органов по социальным мероприятиям (здравоохранение, фабричная инспекция, социальное обеспечение и страхование и т. п.) осуществляются Всеобщей Конфедерацией Труда через Совет по вопросам государственных социальных мероприятий»¹¹.

Помимо бесплатного медицинского обслуживания, во всех странах народной демократии существует широкая система социального обеспечения и страхования: сами трудящиеся занимаются распределением ассигнуемых государством пособий для оказания материальной помощи в случае болезни, по беременности и родам, в случае производственного травматизма и профессионального заболевания, равно как и при старости или безработице. Это относится также к охране труда и здоровья трудящихся. В этих целях во всех отраслях промышленности была создана единая, комплексная система техники безопасности и охраны труда и здоровья трудящихся. Законодательство по этим вопросам, диктуемое интересами трудящихся, а не погоней предпринимателей за прибылью, охватывает куда более широкий круг социальных мероприятий, чем соответствующее законодательство в любой капиталистической стране.

Профсоюзы в странах народной демократии точно так же, как и в СССР — их великом восточном соседе, — имеют разветвленную и хорошо организованную сеть добровольных работников, выполняющих эти многочисленные социальные мероприятия во всех профессиональных союзах сверху донизу. В качестве типичного примера можно взять Польшу, где административные и организационные функции по осуществлению фабричной инспекции, улучшению благосостояния трудящихся, проведению в жизнь социального обеспечения и

страхования, организации культурно-массовой и воспитательно-просветительной работы выполняются на промышленных предприятиях страны комитетами или отдельными лицами, специально избираемыми из числа рабочих и служащих. В настоящее время в Польше имеется не менее 200 тысяч одних лишь общественных фабричных инспекторов. Во всех других странах народной демократии профсоюзы организованы аналогичным образом. Подавляющее большинство профсоюзных работников выполняет свои функции добровольно и бесплатно: одной из центральных задач профсоюзов в СССР и в странах народной демократии является сведение до минимума числа оплачиваемых должностных лиц в системе профсоюзов.

Помимо выполнения многих других функций, входящих в их компетенцию, профсоюзы стран народной демократии, особенно в первые годы, должны были непоколебимо стоять на страже интересов молодых правительств своих стран, помогая им защититься от махинаций и заговоров внутренних контрреволюционеров, которые все еще наводняли различные страны, от наскоков внешних врагов. Чтобы понять, насколько реальной была эта опасность, достаточно вспомнить о том, как англо-американские интервенты потопили в крови демократию греческого народа в 1944—1948 годах, или о неоднократных мятежах, спровоцированных англо-американскими реакционерами в Польше, Болгарии и других странах. Особенно опасное положение создалось в Чехословакии в феврале 1948 года, когда была предпринята попытка свергнуть народно-демократическое правительство. Не кто иной, как американский посол в Праге, спровоцировал одновременный выход из состава народно-демократического правительства семнадцати буржуазных государственных деятелей. Он ожидал, что это неминуемо вызовет контрреволюцию. Однако этот план обернулся против его вдохновителей: рабочие под руководством Коммунистической партии и профсоюзов еще теснее сплотились вокруг своего правительства, помогли ему успешно продолжать свою работу и без буржуазных министров. В результате после такого испытания правительство Чехословакии оказалось сильнее, чем прежде, и сделало гигантский шаг влево — к социализму ¹².

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЫ

(1944—1947)

Во всей Западной Европе профсоюзы, фактически разгромленные и сметенные с лица земли при гитлеровском режиме, вновь ожили в результате послевоенного подъема, который последовал за свержением фашистской тирании вооруженными силами союзников. Однако рабочий класс оказался не в состоянии создать страны народной демократии на обширной территории Западной Европы, как это произошло в Восточной Европе. Этому помешало предательство социал-демократии, агрессивная политика Ватикана, особенно наличие на территории этих стран англо-американских войск, готовых в любой момент подавить оружием любое революционное выступление. Рассмотрим, как развивалось профсоюзное движение в некоторых странах Западной Европы.

Возрождение итальянского профсоюзного движения

После вступления в страну в 1943 году вооруженных сил союзников профсоюзы Италии начали бурно развиваться. Рост рабочего движения явился важным фактором в организации массовых забастовок и восстаний (1943—1944 годы)¹. В целях установления единства в профсоюзном движении Италии был выработан знаменитый Римский пакт (4 июня 1944 года), который заключили представители трех основных политических течений — коммунистического, социалистического и христианско-демократического. Предшественником этого пакта было так называемое соглашение о единстве действий в борьбе с фашистской диктатурой Муссолини, заключенное между социалистической и Коммунистической партиями еще в августе 1934 года.

Римский пакт призывал к установлению профсоюзного единства вне зависимости от различий в политических убеждениях или религиозной принадлежности. Им предусматривалось создание единой организации на каждом предприятии, в каждой отрасли промышленности, в городе, провинции, а также общенациональной организации. Эта объединенная организация должна была строиться на демократических началах и гарантировать полную свобо-

ду мнений и критики для всех входящих в ее состав групп. Провозглашалась независимость этой новой федерации, получившей название «Всеобщая итальянская конфедерация труда», от всех политических партий и от государства. Партии, создавшие федерацию, были соответственно представлены в ее руководстве: Джузеппе Ди Витторио (коммунист), Бруно Буози (социалист) и Ахиллом Гранди (христианский демократ)². Кроме того, к ней примыкала четвертая, менее многочисленная группа — партия действия. Трехсоставная структура ВИКТ отражала структуру итальянского правительства, в состав которого входили христианские демократы, социалисты и коммунисты.

В то время как на севере страны все еще продолжалась война, ВИКТ созвала свой первый съезд в Неаполе в январе 1945 года. На съезд прибыли делегаты главным образом из освобожденных районов страны, представлявшие 1 300 тысяч членов организации. Съезд, впервые созванный открыто за последний двадцать один год, прошел в духе относительного единства. Он утвердил предложенный проект устава и разработал программу ближайших требований организации. На съезде были избраны три генеральные секретаря — Ди Витторио, Гранди и Лиззадери, а также Исполком в составе 25 человек (по 7 человек от каждой ведущей партии и 4 представителя от групп меньшинства). Уже на съезде стало совершенно очевидным, что душой движения были коммунисты. Описывая создавшуюся обстановку, противник коммунизма Галенсон высказался следующим образом: «Коммунистические лидеры рабочего движения превосходили других по ряду причин. Коммунистическая партия оказалась единственной антифашистской партией, сохранившей свою организацию во время господства фашизма в Италии. Ее лидеры — это руководители, имеющие большой практический опыт и пользующиеся авторитетом. Социалисты и христианские демократы, выступающие как лидеры рабочего движения, либо вообще не прошли никакой школы руководства, либо имеют за плечами очень незначительный стаж работы»³.

На протяжении последующих двух лет профсоюзы, вошедшие в состав ВИКТ, провели лишь небольшое число забастовок, так как их внимание было в основном сосредоточено на вопросах экономического восстановления

страны. Первый действительно всеобщий съезд профсоюзов, проведенный конфедерацией, состоялся после окончания войны — в июне 1947 года во Флоренции. В его работе приняли участие представители более 5 500 тысяч трудящихся, вступивших в ряды ВИКТ. На съезде обнаружались некоторые фракционные разногласия, однако реакционные элементы перед лицом единодушного стремления трудящихся к единству не нашли в себе достаточно сил, чтобы расколоть ВИКТ. Съезд одобрил прогрессивную программу деятельности, которая наряду с другими задачами предусматривала широкую национализацию промышленности и муниципального хозяйства, а также раздел крупных помещичьих имений. Съезд избрал директивный комитет, в который вошло 75 человек: из них 38 коммунистов (получивших 2 631 129 голосов), 19 социалистов (1 029 052 голоса), 11 христианских демократов (610 104 голоса), 2 республиканца, 2 представителя от либеральной партии, 1 — от партии действия, 1 — анархосиндикалист и 1 — от независимой партии. В состав Исполкома вошел 21 человек, в том числе 4 генеральных секретаря и 6 вице-председателей, представлявших различные группировки⁴. На местах трудящиеся также следовали за коммунистами: в июне 1947 года около 80 процентов рабочих комитетов в провинциях возглавлялись коммунистами⁵. Наиболее выдающимся и популярным вождем движения был коммунист Ди Витторьо.

Такова была обстановка в профсоюзном движении в Италии накануне «холодной войны». ВИКТ объединяла в своих рядах огромное число членов, значительно большее, чем когда-либо раньше. Кроме того, впервые за многие десятилетия существовала единая организация, в которую входили все политические партии и группировки. Однако реакционные силы не могли позволить, чтобы подобное положение, сложившееся в результате революционных устремлений рабочего класса, сохранялось в течение долгого времени, — они уже втайне готовили оружие, чтобы нанести удар Всеобщей итальянской конфедерации труда.

Объединение профсоюзного движения во Франции

Всеобщая конфедерация труда Франции, находившаяся во время войны на нелегальном положении, в подполье, была вновь восстановлена как официальная организация

трудящихся в сентябре 1944 года. Первый съезд конфедерации состоялся в апреле 1946 года, и в его работе приняли участие представители 6 миллионов членов организации. Это был съезд единства. Напуганные боевыми настроениями рабочего класса, профессиональные раскольники профсоюзного движения, строящие свою политическую карьеру на подрывной деятельности внутри рядов рабочего класса, сочли за благо на сей раз присоединиться к объединенному профсоюзному движению. Этим путем пошли все, за исключением католических профсоюзных лидеров. Возглавляемая ими организация — Французская федерация рабочих-христиан с общим количеством членов в 700 тысяч человек — отказалась войти в конфедерацию, объединившую все другие профессиональные союзы.

Во Франции, как в Италии и многих других странах европейского континента, бо́льшая часть рабочего класса в послевоенный период боролась под руководством Коммунистической партии. Галенсон (которого никак нельзя отнести к числу друзей левых элементов) говорит по этому поводу: «Когда после войны были созваны первые съезды различных (французских) партий, то социалисты насчитывали в своих рядах треть миллиона членов, а коммунисты — миллион. В профсоюзном движении, особенно среди промышленных рабочих, численное превосходство коммунистов было еще более явным». Далее Галенсон замечает, что в то время «коммунисты контролировали деятельность всех крупных промышленных профсоюзов и даже всех крупнейших (местных объединений)»⁶. Согласно Лорвину, на съезде Всеобщей конфедерации труда, состоявшемся в апреле 1946 года, коммунистов было вчетверо больше, чем других делегатов⁷. Коммунисты смогли подняться до руководства движением благодаря своей инициативе, организации, преданности, благодаря неустанной борьбе против фашистов на протяжении прошедших десяти лет. Лорвин отмечает, что «за плечами коммунистов — опыт руководства, проверенный годами работы в подполье или в тюрьме... По сравнению со своими соперниками они всегда отличались большей энергией и дисциплинированностью, большей гибкостью руководства»⁸.

В этой связи едва ли является неожиданным тот факт, что на съезде ВКТ Франции в 1946 году коммунисты оказались в большинстве. Характерно, что в духе своей традиционной политики укрепления и расширения един-

ства трудящихся они делали все возможное, чтобы наладить дружеское сотрудничество с более консервативными представителями меньшинства. В основу работы съезда был положен принцип несколько измененного пропорционального представительства с тем, чтобы полностью гарантировать осуществление прав групп меньшинства. Бенуа Фрашон, профсоюзный лидер-коммунист, был избран генеральным секретарем ВКТ наряду с социалистом Леоном Жуо. Комментируя эти события, Лорвин пишет: «В течение 1946 года коммунисты добились господствующего положения в ВКТ; однако они, как правило, умеренно пользовались своим преимуществом»⁹. Касаясь вопроса о новом руководстве ВКТ, Галенсон указывает, что на съезде 1946 года большинство «позволило реформистам занять куда больше мест в исполнительном органе ВКТ, чем им полагалось, если исходить из пропорционального соотношения численности сторонников различных течений»¹⁰.

На этом начальном этапе своей послевоенной деятельности ВКТ сосредоточила основное внимание на вопросах восстановления разрушенного войной производства и повышения уровня жизни трудящихся, резко понизившегося за время войны. Особенно активное участие в определении и выполнении этих основных задач принимали коммунисты. Их линия заключалась в мобилизации трудящихся масс на напряженный труд и сведении до минимума числа забастовок. В этот период ВКТ приложила также много усилий, чтобы добиться национализации угольной промышленности, военных заводов, муниципального хозяйства, страховых компаний и крупных банков, равно как и значительного расширения мероприятий в области здравоохранения и социального обеспечения. Был создан Национальный экономический совет во главе с Леоном Жуо (председатель совета). На предприятиях создавались заводские комитеты по улучшению производства, а представителям профсоюзов предоставлялись многочисленные места в правлениях национализированных предприятий. Повсюду были созданы промышленные советы. В то же время предприниматели, в высшей степени дискредитированные той поддержкой, которую они оказывали во время войны фашистскому правительству Виши, очень медленно восстанавливали свои организации как в отдельных отраслях промышленности, так и в масштабе всей страны.

В этот период Коммунистическая партия была самой большой и организованной политической партией во Франции. Совместно с социалистической партией она могла бы войти в состав двухпартийного рабочего правительства страны, которое, возможно, могло бы привести к развитию народно-демократического строя во Франции по образцу стран Восточной Европы. Однако перспектива социалистического развития пришлась не по вкусу социалистической партии, во главе которой стоял Леон Блюм (известный представитель правого крыла) и которая по своему существу является партией капитализма. Блюм настаивал на том, чтобы в состав правительства вошли представители трех партий: социалистической, коммунистической и МРП (партии католиков). Такое решение вопроса, поддержанное к тому же новыми хозяевами Франции — американцами, полностью исключало на ближайшее время возможность социалистического развития Франции, возможность следовать по тому пути, на который стали страны народной демократии в Восточной Европе. Такова была общая обстановка во Франции, когда в 1947 году началась «холодная война».

Воскрешение профсоюзного движения в Германии

Политика американского правительства в области восстановления послевоенной Германии предусматривала некоторое возрождение профсоюзного движения, хотя и в условиях суровейших ограничений. Американская военная администрация получила в отношении профсоюзов специальные указания, сводящиеся к тому, чтобы ценой любых усилий преградить коммунистам путь к руководству возрожденными профсоюзами, не допустить создания такого объединенного профсоюзного движения в Германии, которое могло бы сорвать американский план сохранения раскола между Западной и Восточной Германией, а самое главное, никоим образом не допустить, чтобы профсоюзное движение приняло программу действий, представляющую угрозу для существования капитализма в Германии. Памятуя о событиях, развернувшихся после окончания первой мировой войны, оккупационные власти союзников боялись повторения революции в Германии. Характеризуя проводившуюся ими политику в области

профсоюзного движения, Филлипс говорит, что «в ее основе лежала смесь страха и враждебности»¹¹.

Ответственность за запреты и ограничения в отношении роста и укрепления профсоюзного движения в Западной Германии несут в первую очередь американские власти. При четырехзонной военно-политической структуре, учрежденной в Германии после ее капитуляции 7 мая 1945 года, США оказались хозяином трех западных зон: у французов оставался лишь призрак былой силы, англичане же, сильно ослабленные войной, также были не в состоянии эффективно противостоять агрессивной политике США. Таким образом, судьба профсоюзов, по крайней мере в тот период, оказалась в руках реакционных американских генералов, которым были поручены контроль и наблюдение за послевоенной перестройкой Западной Германии.

После краха гитлеровского режима немецкие рабочие буквально на другой день покинули ряды гитлеровского «Трудового фронта» и приступили к воссозданию профсоюзного движения. Особенно активными в этом отношении были коммунисты. Немецкие рабочие столкнулись, однако, с совершенно различным отношением со стороны военных властей в восточной и западной частях страны. В восточной зоне, контролируемой Советским Союзом, рабочим оказывалась всяческая помощь в создании профсоюзов; в капиталистической, западной зоне, где политика определялась американскими генералами, умышленно ставились препоны на пути воссоздания профсоюзов. В результате, как отмечает Филлипс, оказалось, что «в мае 1946 года, в соответствии с профсоюзной статистикой, в советской зоне насчитывалось 2 000 000 трудящихся, организованных в профсоюзы, в американской и английской зонах — по 600 000 в каждой, а во французской зоне — значительно меньше, чем в английской и американской»¹². Как мы уже знаем из данных, приведенных в главе 46 настоящей книги, число членов профсоюзов в восточной зоне достигло к концу 1947 года уже 5 500 тысяч человек.

Руководители американской военной администрации были особенно настроены против создания национальных союзов и всеобщих федераций, охватывающих все четыре зоны, так как они боялись, что во главе таких организаций станут коммунисты. По этой же причине они с таким

страхом и рвением выступали против объединения Германии. Однако рабочие как Восточной, так и Западной Германии неоднократно выдвигали требование образования общегерманской профсоюзной организации. За период с ноября 1946 года по август 1948 года молодое профсоюзное движение созвало не менее девяти межзональных конференций, проходивших поочередно во всех четырех зонах; основным вопросом повестки дня этих конференций был вопрос о создании единой национальной организации. В качестве типичного примера можно привести шестую межзональную конференцию, состоявшуюся в октябре (21—23 октября) 1947 года в Бад Примонте (английская зона), на которой «была принята резолюция советской зоны, призывающая к созыву весной 1948 года общегерманского конгресса профсоюзов»¹³.

Вначале генералы из американской военной администрации пытались замаскировать свое нежелание удовлетворить требования рабочих о создании единой национальной организации, прибегая к тактике уверток и скрытых махинаций. Однако спустя некоторое время они открыто выступили против интересов трудящихся, используя все возможные способы для того, чтобы подавить в зародыше идею создания общегерманского профсоюзного центра. Неоднократные требования и попытки профсоюзов добиться профсоюзного единства оказались на данном этапе неосуществимыми. В условиях полной военной оккупации страны крупная забастовка была бы просто подавлена силой оружия. И, наконец, пользуясь сложившейся обстановкой, о чем мы еще скажем в главе 51, американские вооруженные силы и их помощники — лидеры профсоюзов — приложили максимум усилий для того, чтобы отделить и совершенно изолировать профсоюзы Западной Германии от соответствующих организаций в восточной части страны.

Другая цель, стоявшая перед генералами из американской военной администрации, сводилась к тому, чтобы не допустить присоединения германских профсоюзов к Всемирной федерации профсоюзов. Они, конечно, не могли удержать профсоюзы советской зоны, которые уже в 1949 году направили свою делегацию на одиннадцатый конгресс ВФП в Милане, однако им удалось полностью изолировать профсоюзы западных зон. Варнке, руководитель профсоюзов Восточной Германии, подтверждает, что

«фактически межзональные конференции немецких профсоюзов единодушно одобрили заявление о вступлении в ВФП»¹⁴. На своем заседании 13 декабря 1946 года Исполнительное бюро ВФП проголосовало за принятие немецких профсоюзов в ряды ВФП и в связи с этим, а также и по ряду других причин направило в течение 1946—1947 годов в Германию две свои делегации. В июне 1947 года состоялась сессия Генерального совета ВФП в Праге, на которую прибыла делегация профсоюзов Германии, представлявшая все четыре зоны. Делегация горячо приветствовала решение о принятии немецких профсоюзов в члены ВФП¹⁵. Вслед за этим ВФП приняла решение о создании в Германии бюро связи для осуществления постоянного контакта с профсоюзами страны; однако американцам и их сообщникам в профсоюзах удалось путем воздействия извне и подрывной работы внутри организаций добиться того, что профсоюзы Западной Германии саботировали и отклонили план их присоединения к ВФП. И, наконец, американская военная администрация особым распоряжением запретила ВФП создавать бюро связи в Германии.

Несмотря на все эти препятствия и затруднения, профсоюзы Западной Германии на протяжении последующих двух лет сумели вовлечь в свои ряды около 5 миллионов человек. Важную роль сыграло здесь то обстоятельство, что впервые в истории к общему профсоюзному движению присоединились христианские профсоюзы (католики) и так называемые профсоюзы Гирш-Дункера (либеральные). В основу слияния был положен тот принцип, что новая федерация, состоящая из шестнадцати промышленных профсоюзов, не должна примыкать к какой-либо политической или религиозной группе¹⁶. В настоящее время, однако, лидеры христианско-демократической партии делают попытки произвести реорганизацию католических профессиональных союзов.

У американской военной администрации имеются внутри профсоюзного движения могучие союзники, которые из всех сил стараются помешать объединению германских профсоюзов и тем самым предотвратить проведение в жизнь программы национализации и других необходимых трудящимся реформ. Главные среди этих союзников — это правые социал-демократы, особенно остатки старой профсоюзной бюрократии, те самые элементы, ко-

торые в свое время продали германскую революцию, парализовали силу профсоюзов предательской политикой классового сотрудничества в период Веймарской республики и капитулировали перед рвущимся к власти Гитлером. Американские генералы полностью рассчитывали на этих реакционных деятелей, так называемых альтманов (стариков) в профсоюзном движении. Характерно, что в американской зоне лидером всех профсоюзов является не кто иной, как Фриц Тарнов, в прошлом теоретик-ревизионист от профсоюзного движения, в настоящем послушная марионетка в руках американцев.

Наряду с немецкими правыми социал-демократами американской военной администрации активно помогают лидеры Американской федерации труда. Понимая, какую огромную роль германское профсоюзное движение может сыграть в их борьбе против ВФП, эти друзья капиталистов в рабочем движении с самого начала не жалели ни времени, ни средств, чтобы заставить растущее профсоюзное движение в Германии развиваться по их реакционному образу и подобию. Во всех случаях проводимая ими политика, по существу, ничем не отличалась от политики государственного департамента США. Говоря о подрывной деятельности американских профсоюзных лидеров, один из делегатов второго конгресса ВФП охарактеризовал ее следующим образом: «Рука АФТ видна всегда, везде и во всем».

Естественно, что при таком руководстве деятельностью профсоюзов и при наличии огромного числа ограничений, связывающих профсоюзы по рукам и ногам, условия существования рабочих в Западной Германии были не блестящими. В 1946 году реальная заработная плата в западных зонах составляла только 60 процентов от заработной платы, существовавшей в 1936 году при Гитлере, в то время как прибыли предпринимателей возросли на 260 процентов¹⁷. Вместо того чтобы серьезно проводить в жизнь денацификацию страны, американские генералы усердно создавали профашистскую организацию из предпринимателей, запятнавших себя соучастием в преступлениях фашизма. (Создание такой организации является осуществлением демократического права, утверждали они.) Так закладывались основы будущей реакционной роли Западной Германии.

Рабочее движение в других странах Европы

Великобритания — единственная из капиталистических стран Европы, которая хотя и потерпела огромный ущерб от войны, но не подверглась фашистской оккупации. Это помогло рабочему классу сохранить свои ряды. Профсоюзы продолжали расти. В 1947 году число членов английских профсоюзов, входящих в Конгресс тред-юнионов, возросло до 7 500 тысяч человек по сравнению с 6 375 тысячами в 1945 году, почти на миллион человек превысив рекордную цифру 1920 года. Влияние левых элементов значительно усилилось, хотя в целом и не наблюдалось такого бурного роста Коммунистической партии, как во Франции, Италии и многих других континентальных странах, подвергавшихся оккупации. Революционный дух рабочих нашел свое выражение во всеобщих выборах 1945 года, когда лейбористы, получив большинство голосов, в третий раз подряд пришли к власти (они продержались у власти до 1951 года). Однако избрание лейбористов в правительство ни к чему не привело. Под руководством таких деятелей, как Эттли, Бивен и Моррисон, столь далеких от социализма, лейбористское правительство фактически не сделало ни одного реального шага по пути к социализму. Осуществив национализацию металлургической и угольной промышленности, транспорта и здравоохранения, то есть около 20 процентов национальной экономики, оно оставило руководство этими отраслями промышленности в руках тех же капиталистов — бывших владельцев национализированных предприятий. Государство выплатило за национализированную собственность огромные суммы; прибыли капиталистов поднялись на небывалую высоту, а реальная заработная плата рабочих понизилась. «В 1951 году,— пишет Итон,— покупательная способность (английского) рабочего со средним заработком уменьшилась на 7 процентов по сравнению с 1947 годом»¹⁸.

Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия и Люксембург во время войны были оккупированы гитлеровскими войсками, поэтому профсоюзы рабочих, политические партии и кооперативы были во всех этих странах либо полностью распущены, либо уничтожены. Однако сразу же после изгнания фашистов и продавшихся им квислингов с территории этих государств профсоюзы и другие организации начали быстро восстанавливаться, при этом их числен-

ность значительно превысила довоенный уровень. Везде и всюду силы коммунистов возросли, однако армии союзников совместно с правыми социал-демократами и силами Ватикана оказались в состоянии предотвратить переход к революционному строю народной демократии. В Бельгии широкое распространение получило христианское профсоюзное движение, с санкции Гитлера легально действовавшее и во время войны.

Среди фашистских стран Испания и Португалия оказались достаточно предусмотрительными, чтобы воздержаться от официального участия в войне. Благодаря этому реакционная диктатура в этих странах избежала последствий революционного подъема, вызванного войной. В Финляндии, которая дралась во время войны на стороне гитлеровцев, было разрешено существование социал-демократических профсоюзов¹⁹, поэтому после окончания войны каких-либо существенных изменений в их составе и численности не произошло. В этот период в стране наблюдались быстрый рост и консолидация левых течений, однако они оказались недостаточно сильными, чтобы свергнуть глубоко укоренившуюся власть социал-демократической партии и установить строй народной демократии. В Австрии, имеющей богатые профсоюзные традиции, трудящиеся при поддержке Советского Союза быстро восстановили профсоюзное движение. К концу декабря 1948 года Австрийское объединение профсоюзов, созданное в апреле 1945 года, насчитывало в своих рядах 1 278 680 членов, то есть около двух третей всех рабочих, занятых тогда в промышленности. Движение в общем оставалось под контролем социал-демократов.

Швеция была во время войны «нейтральной» страной; при этом, однако, она находилась под сильным влиянием нацистов. Высокоорганизованные профсоюзы Швеции, насчитывавшие к 1947 году 1 053 266 членов, не проявили особой тенденции к росту после войны. Социал-демократическое правительство, в течение долгих лет стоявшее в Швеции у власти, проводило в стране политику умеренных реформ; оно осуществило «национализацию» большей части промышленных и муниципальных предприятий. Война привела к некоторому усилению влияния левых сил, но это усиление не имело решающего значения. В другой «нейтральной» стране, Швейцарии, за период

войны значительно окрепла правая социал-демократическая партия и несколько ослабла Коммунистическая. Профсоюзные организации Швейцарии, равно как профсоюзы Швеции, да и все объединения рабочего движения в других европейских странах вступили в члены ВФП сразу же после ее основания в 1945 году. Война, по существу, никак не отразилась ни на численности, ни на руководстве ирландских профсоюзов, поскольку Ирландия в это время также находилась на положении «нейтральной» страны. В профсоюзном движении Ирландии существует особое положение: оно представлено тремя обособленными друг от друга направлениями. В общей сложности в стране на сегодняшний день насчитывается 158 профсоюзов с общим числом членом в 513 812 человек. Эти профсоюзы входят в состав одной из трех основных организаций, существующих в стране: Ирландского конгресса тред-юнионов, Конгресса ирландских профсоюзов и Конгресса британских тред-юнионов; кроме того, имеется довольно много независимых профсоюзов. Такое запутанное положение сохранилось в основном как пережиток бывшего колониального положения Ирландии, в которой, как и в других доминионах, англичане широко прибегали к практике создания филиальных отделений британских тред-юнионов. В 1953—1954 годах был проведен ряд конференций по объединению профсоюзного движения в Ирландии, однако преодолеть разногласия между некоторыми профсоюзными лидерами, которым выгодно раздробленность профдвижения, не удалось²⁰.

Глава 48

РАСЦВЕТ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В АЗИИ

(1945—1947)

Как уже говорилось в главе 44, после разгрома японского империализма в августе 1945 года в результате совместных усилий США, Советского Союза и народного Китая, а также национального движения сопротивления в различных азиатских странах на широких просторах поработенной Азии развернулась борьба за освобождение от колониального гнета. Это освободительное движение явилось неизбежным продолжением великой народной войны против фашизма. Оно отразило революционный

подъем, охвативший мир после войны. Как и в Европе, революционный подъем в Азии привел к бурному росту профсоюзного движения. В странах, которые до сего времени не знали, что такое профсоюзы, или в которых они существовали лишь в зачаточном состоянии (см. главы 18 и 19), сразу же после окончания войны с Японией начали развиваться мощные профсоюзы и коммунистические партии. Пробудившаяся Азия вскоре насчитывала в рядах своих профсоюзных организаций около 20 миллионов членов. В кратчайший срок Азия очутилась в передовых рядах международного профсоюзного движения — ее организации составили один из его наиболее многочисленных, наиболее прогрессивных и боевых отрядов. Это событие имело огромное значение в истории развития международного рабочего движения. ВФП внимательно следила за развитием и деятельностью профсоюзов стран Азии, оказывая им всяческую помощь. Наряду с другими многочисленными мероприятиями в этой связи ВФП наметила и подготовила профсоюзную конференцию всех стран Азии, состоявшуюся в мае 1949 года в Пекине.

Революционные профсоюзы Китая

В августе 1945 года, после окончания войны с империалистической Японией, китайская Коммунистическая партия — героический вождь рабочих, крестьян и интеллигенции Китая — предложила Гоминьдану объединиться и создать общее правительство для того, чтобы совместными усилиями приступить к строительству свободного и демократического Китая. Это предложение отвечало общей революционной политике создания строя народной демократии с участием всех партий, которые боролись против фашистских угнетателей. Но реакционное гоминьдановское правительство в период войны лишь создавало видимость такой борьбы, на деле сосредоточив свои основные силы против коммунистов. Поэтому предложенная коммунистами прогрессивная послевоенная программа развития пришлась не по вкусу Чан Кай-ши. Опираясь на твердую поддержку правительства США, которое рассчитывало установить в Китае свое господство, Чан Кай-ши отверг программу коммунистов, направленную на восстановление мира и объединение страны. После серии маневров, рассчитанных на то, чтобы скрыть свои истинные

намерения, Чан Кай-ши развязал в июле 1946 года гражданскую войну, которая к 1950 году окончилась его полным поражением. К июню 1950 года огромные гоминьдановские армии, вооруженные американской техникой, были разбиты в пух и прах и изгнаны с материка. Чан Кай-ши с жалкими остатками своей армии сбежал на Формозу.

Освобождая одну за другой провинции Китая от остатков клики Чан Кай-ши, Народно-освободительная армия одновременно выполняла и другую важную задачу, создавая профсоюзное движение в освобожденных районах. Наиболее существенным шагом в этом направлении был созыв Всекитайского съезда профсоюзов в Харбине в августе 1948 года, на котором была восстановлена Всекитайская федерация профсоюзов. На этом съезде (шестом по счету в истории федерации) присутствовало 518 делегатов, представлявших 2 836 059 членов профсоюзов, из них 800 тысяч из районов, находившихся под властью Гоминьдана. После 1929 года это был первый Всекитайский съезд профсоюзов (о более ранних этапах развития профсоюзного движения в Китае см. главу 38 настоящей книги).

На съезде профсоюзов в Харбине произошло объединение Китайской ассоциации труда, Всеобщей федерации профсоюзов освобожденных районов, Шанхайской ассоциации рабочих и ряда других организаций из различных районов страны, в том числе и некоторых районов, находившихся под железной пятой Чан Кай-ши. Всекитайский съезд профсоюзов, созданный по предложению Пражской конференции ВФП (1947 год), принял также решение о вступлении в члены Всемирной федерации профсоюзов¹. Профессиональные союзы в Китае организованы по образцу социалистических профсоюзов СССР и европейских стран народной демократии; обычно они строятся по производственному принципу, опираясь на цеховые комитеты.

На съезде были заслушаны доклады об успехах, достигнутых в улучшении условий жизни китайских рабочих и крестьян в освобожденных районах. Эти достижения были завоеваны, несмотря на трудности военного времени и большой ущерб, нанесенный войной. Рабочий день, который раньше продолжался, как правило, не менее 14—16 часов, теперь в большинстве отраслей промышленности был равен 8—10 часам, при этом законом разреша-

лось не более 12 часов сверхурочной работы в неделю. Были разработаны проекты коллективных договоров с предпринимателями; политика Коммунистической партии направлена лишь на экспроприацию предприятий иностранных империалистов и китайских концернов, действующих в качестве их агентов, и не предусматривает конфискации небольших предприятий, принадлежащих национальной буржуазии.

В тот момент, когда проходил съезд, Народно-освободительная армия продолжала свое победоносное наступление, которое через полтора года закончилось полной ликвидацией режима Чан Кай-ши. Сообразуясь с создавшейся в стране обстановкой, съезд профсоюзов подробно обсудил наиболее насущные вопросы, поставленные войной, особенно вопросы улучшения производства. В первую очередь необходимо было решительно покончить с попытками отступающих чанкайшистских армий уничтожить все на пути своего отступления. Как указывает Эпштейн, во многих районах рабочие помогали спасти от разрушения важные промышленные объекты — шахты, железные дороги и т. п.² Самой главной задачей, поставленной съездом перед профсоюзами, являлось «полное свержение господства американских империалистов и их лакеев в Китае и создание новой, демократической народной республики»³.

Профсоюзы в революционной Индии

В феврале 1947 года многолетняя борьба индийского народа за национальное освобождение завершилась принятием так называемого Маунтбетгенского соглашения, в соответствии с которым Великобритания предоставила Индии статус доминиона⁴. Эта победа индийского народа имела всемирное значение. Позднее аналогичные соглашения были приняты в отношении Пакистана, Цейлона и Бирмы. Однако эта независимость была связана с рядом ограничений, навязанных этим странам английским империализмом, который боялся, что ввиду послевоенного подъема народно-освободительного движения народы Индии и других стран и без этого пойдут по тому же революционному пути, по которому пошел Китай.

Соглашения с Индией и другими колониями были разработаны тогдашним английским правительством лейбо-

ристов и были полностью поддержаны консерваторами во главе с Черчиллем. Будучи верными приспешниками капитализма и империализма, эти империалисты от рабочего движения, таким образом, сделали все возможное для того, чтобы сохранить в неприкосновенности интересы эксплуататорских классов и прежде всего интересы английских капиталистов. Датт следующим образом характеризует соглашения: «Интересы крупных английских капиталовложений в этих странах охраняются администрацией, а господствующее положение в экономике страны занимают могущественные монополии английских империалистов, которые осуществляют свой контроль либо непосредственно, либо совместно с более слабыми местными монополиями, на правах партнеров, владеющих львиной долей акций. Феодально-империалистическая эксплуатация трудящихся масс остается без изменений, равно как и чрезвычайно низкий, типичный для колоний уровень жизни крестьян и рабочих. Полицейские репрессии стали даже еще более жестокими, чем раньше»⁵.

Профсоюзному движению приходилось вести упорную борьбу во время войны и в первые годы после нее (о более ранних этапах развития профсоюзного движения в Индии см. главу 38). Требуя независимости Индии, Всеиндийский конгресс профсоюзов поддерживал войну лишь под гнетом жестоких преследований со стороны британских хозяев страны. Для достижения своих целей английские империалисты создали в декабре 1941 года так называемую Индийскую федерацию труда, во главе которой стал ренегат М. Н. Рой. Английское правительство открыто финансировало эту организацию, выделяя ей в качестве субсидии до тысячи фунтов стерлингов ежемесячно⁶. По данным конгресса ВФП, состоявшегося в Париже в 1945 году, эта организация к тому времени насчитывала около 145 тысяч членов.

После войны возглавляемый С. А. Данге Всеиндийский конгресс профсоюзов, первая национальная профсоюзная организация, развернул активную борьбу в защиту интересов трудящихся. С 1945 по 1947 год число забастовок возросло более чем вдвое — с 820 до 1 811, а количество «потерянных» рабочих дней увеличилось с 4 054 499 до 16 562 666⁷. С приходом к власти нового правительства Индии, после того как стране были предоставлены права доминиона, Всеиндийский конгресс профсоюзов выступил

с требованием более широкой национализации промышленности и обеспечения больших прав трудящихся. Правительство Неру холодно встретило этот проект — оно решило не торопиться с национализацией. В настоящее время положение вещей таково: в стране национализированы железные дороги, воздушный флот, почта, телеграф и телефон и некоторые банки, кроме того, правительство отдало распоряжение о национализации автотранспорта. Премьер-министр Неру заявил, что целью его правительства является построение социализма в Индии. За это время ВИКП сумел добиться серьезных организационных успехов. В 1945 году он объединял 450 тысяч членов, в 1946 году количество членов возросло до 600 тысяч, а в 1947 году в нем уже насчитывалось 800 тысяч человек, то есть около 13 процентов всех рабочих Индии, которых вообще можно вовлечь в профсоюз⁸.

Огромный рост профсоюзов в Японии

Хотя разгром японского империализма был осуществлен совместными усилиями США, СССР и Китая, правительство США ухитрилось в послевоенный период захватить контроль над Японией в свои руки. Оно продолжало осуществлять свое господство через генерала Дугласа А. Макатуру — ультрареакционера, любимца американских фашистов. Империалистические цели американского правительства, претворяемые в жизнь главнокомандующим союзными войсками в послевоенной Японии, сводились вкратце к следующему: предотвратить революцию, сохранить контроль монополий и превратить Японию в сателлита США. Американский военный сатрап в Японии Макартур проводил такую политику, что после войны все правительства, приходившие к власти, оказывались консервативными — и это несмотря на радикальное настроение масс. Мириам С. Фарли следующим образом подытоживает общую обстановку: «Помимо новых миллионеров, разбогатевших на черном рынке, господствующее положение после войны занимают политики, тянущие страну назад к прошлому, бюрократы и «дзайбацу» — довоенная финансовая олигархия»⁹. Основной целью Макатура было сохранить прежнюю систему управления, и он этого добился.

Следуя директивам из Вашингтона, Макартур устано-

вил некоторую свободу слова и собраний — поступить иначе при существовавших обстоятельствах было нельзя. Это привело к тому, что вновь возникли социалистическая и Коммунистическая партии, которые вскоре уже начали играть значительную роль. За чрезвычайно короткий срок широкое развитие получило профсоюзное движение, показавшее небывалые темпы роста. Министерство труда в 1950 году опубликовало следующие цифры о росте профсоюзов по годам: 1921 год — 103 412 членов; 1927-й — 309 493; 1936-й — 420 581 (наивысший довоенный уровень); 1939-й — 365 804; 1940-й — 9 455; 1944 год — ни одного человека («Статистические данные о забастовочном движении в Японии»). «История еще не знала таких темпов», — отмечает ВФП, говоря о росте профсоюзов¹⁰. К 1947 году профсоюзы Японии объединяли 4 миллиона человек, а в июне 1948 года профсоюзное движение достигло наивысшей после войны цифры — 6 533 954 членов профсоюзов из общего числа рабочих в стране в 9 миллионов человек.

К 1947 году в Японии существовали две основные национальные профсоюзные организации. Наиболее крупной являлся Конгресс производственных профсоюзов (Самбецу, ЯКПП) левого направления. Эта организация возникла в августе 1946 года, после заключения перемирия, на основе профсоюзного движения промышленных рабочих. На ее структуру и политику большое влияние оказал КПП США. Уже через год после своего основания она объединяла 1 770 тысяч членов. Руководство ею осуществляли: Кацуми Кикунами, председатель, и два его заместителя — Казуохи Добаси и Ясуо Сакагуси.

Вторым крупнейшим профсоюзным объединением была Японская федерация труда (Содомей, ЯФТ), возглавляемая правыми социал-демократами, многие из которых выступали в поддержку войны, развязанной японскими империалистами. В 1947 году эта федерация, прообразом которой, по существу, явилась Национальная профсоюзная организация, существовавшая до войны, насчитывала в своих рядах около 1 064 тысяч членов. Ее лидеры: Комакити Мацуока — председатель; Кандзу Като — его заместитель и Тораити Хара — генеральный секретарь.

Коммунисты с самого начала стояли за единство профсоюзного движения, однако «ЯФТ и правые социал-демо-

краты, — пишет Фарли, — не проявляли особого энтузиазма, опасаясь, по их собственным словам, как бы их не захлестнуло волной коммунизма»¹¹. В состав ЯКПП входило около 24 промышленных профсоюзов; ЯФТ объединяла 4 промышленных профсоюза и около 2 400 местных союзов, более или менее связанных с ней. В 1946 году под руководством социалиста Хитоши Ямахава был создан Всеяпонский совет профессиональных союзов — третье объединение профсоюзов, охватившее приблизительно 100 тысяч членов. По подсчетам ВФП в 1947 году из общего числа организованных в профсоюзы рабочих 38 процентов состояли членами ЯКПП, 20 процентов входили в ЯФТ и около 40 процентов составляли независимые профсоюзы¹². Многие независимые профсоюзы тесно примыкали к Самбецу, но некоторые из них под новыми названиями являлись продолжением Сампо — старой профсоюзной организации, существовавшей в годы фашизма. Главную роль, однако, играло движение в пользу профсоюзов, действительно стоящих на страже интересов трудящихся.

Программа ЯКПП была несколько прогрессивнее, чем программа ЯФТ. ЯКПП, например, выдвигал требование сорокачасовой рабочей недели, в то время как ЯФТ отстаивала сорокавосемичасовую неделю. Обе организации занимали позицию независимости (чисто формальной) от политических партий. В обеих организациях около 25 процентов членов составляли женщины и очень большой процент — интеллигенция.

Рабочий класс Японии, подвергавшийся в течение длительного времени жестокой эксплуатации, прошедший сквозь страшные страдания и лишения войны и, наконец, оказавшийся в труднейших послевоенных условиях, когда в промышленности царила разруха, а жизненный уровень стал нищенским, не замедлил воспользоваться вновь обретенными свободами и союзами для того, чтобы добиться улучшения своих экономических условий, в то время как его партии вели политическую борьбу, добиваясь проведения в жизнь радикальных реформ по изменению существующего полуфеодального строя. За период с 1946 по 1947 год по всей стране прокатилась мощная волна стачек. Забастовочное движение достигло своего апогея в октябре 1946 года. На выборах 1946 года, состоявшихся в апреле, социалистическая партия получила

9 800 тысяч голосов; 2 135 737 человек проголосовало за Коммунистическую партию.

В большинстве случаев первые забастовки продолжались недолго и приносили победу профсоюзам. Проникнутые боевыми настроениями и сознанием того, что они борются за осуществление прогрессивных целей, рабочие разработали множество новых тактических приемов стачечного движения: бесплатный провоз пассажиров в трамвае и на другом городском транспорте, различные варианты «итальянской забастовки», забастовки протеста — «молнии», а также так называемый «контроль над производством» — особенно эффективная мера. Комиссия ВФП, побывавшая в Японии, описывает последний способ следующим образом: «Вместо того чтобы объявить забастовку, которая при существующем тяжелом экономическом положении могла бы усугубить лишения народа, профсоюзы Самбецу (ЯКПП) в случае возникновения разногласий между рабочими и предпринимателями отстраняли от руководства предприятием дирекцию и брали руководство в свои руки до тех пор, пока разногласия не были должным образом урегулированы¹³. Эта практика получила широкое распространение и была плодотворной. В декабре 1946 года, однако, она была запрещена законом.

В первые послевоенные годы американским генералам, хозяйничавшим в Западной Германии, удалось, опираясь на поддержку сильной социал-демократии, подавить в зародыше забастовочное и всякое иное движение трудящихся масс. В Японии же Макартур не смог этого сделать, так как правые социал-демократы оказались здесь значительно слабее. Тем не менее там, где, по его мнению, возникала опасность, он грубо вмешивался в деятельность профсоюзов, ставя всяческие рогатки и препоны на пути рабочего движения. Он попытался запретить гигантскую первомайскую демонстрацию 1946 года, отказал в выдаче паспортов японским делегатам для поездки на конгрессы ВФП и другие международные совещания и конференции; он всячески пытался препятствовать прибытию в Японию делегации ВФП в 1946—1947 годах, и, наконец, благодаря его вмешательству была сорвана крупнейшая всеобщая забастовка, которая должна была состояться 1 февраля 1947 года. В охватившем страну забастовочном движении основную роль играли служащие и рабочие государ-

ственных учреждений и предприятий, особенно учителя, железнодорожные рабочие и служащие, рабочие и служащие электропромышленности, связи и государственных учреждений. Все они входили в состав нескольких промышленных профсоюзов, некоторые из которых были независимыми, другие же примыкали либо к ЯКПП, либо к ЯФТ. В общей сложности эти профсоюзы объединяли 2 400 тысяч членов. Начиная с весны 1946 года, Национальный совет профсоюзов работников государственных и общественных учреждений, возглавляемый сторонником левого направления Яширо Ий, добился известного единства действий этих профсоюзов.

Стоимость жизни за время войны и в послевоенный период возросла на 850 процентов, а заработок государственных рабочих и служащих увеличился в среднем лишь на 20—40 процентов¹⁴. Так как серьезного повышения заработной платы не предвиделось, профсоюзы государственных рабочих и служащих развернули широкую забастовочную кампанию. Для того чтобы возглавить это движение, был создан Совместный комитет борьбы всех профсоюзов государственных рабочих и служащих. В ответ на отказ реакционного правительства Иосида пойти на уступки и удовлетворить их законные требования профсоюзы заявили, что 1 февраля 1947 года будет проведена всеобщая забастовка. Широкое рабочее движение в стране поддержало этот шаг, и 15 января три наиболее крупных профсоюзных объединения в стране и многие независимые профсоюзы, охватывающие в общей сложности не менее 4 миллионов человек, создали Всеяпонский профсоюзный комитет совместной борьбы. Этот комитет разработал также программу требований, за осуществление которой собиралось бастовать большинство профсоюзов.

В стране явно назревала крупная всеобщая забастовка, и генерал Макартур принял все меры, чтобы сорвать ее. Он заставил марионеточное правительство Иосида пойти на небольшие уступки в области заработной платы, собрал всех профсоюзных лидеров и попытался их запугать, требуя, чтобы они отменили забастовку. Не добившись успеха, Макартур издал ровно за девять часов до начала забастовки приказ, запрещающий населению выход на улицу. Профсоюзы, не желая обострять отношений с американской военной машиной, подчинились этому приказу и отменили забастовку.

Это поражение ослабило профсоюзы, особенно левого направления, которые осуществляли руководство всем движением. Всеяпонский профсоюзный комитет совместной борьбы был распущен. Однако рабочие ввиду приближавшихся выборов создали Комитет демократического фронта по выборам, а также Национальный совет связи профсоюзов (Зенрорен), задачей которого было объединить различные профсоюзные направления и организации. Сюда вошли три основных профсоюзных объединения с общим количеством членов 5 837 тысяч¹⁵. Подрывная деятельность в профсоюзном движении, однако, не прекращалась. К началу 1947 года, с наступлением «холодной войны», она значительно усилилась, но к этому мы вернемся несколько позже.

Профсоюзное движение в других странах Азии

В большинстве стран Азии, борющихся за освобождение от колониального гнета, в послевоенный период развернулось мощное национально-освободительное движение, которое часто переходило в вооруженные восстания. Обычно наряду с развитием национально-освободительного движения происходил и рост профсоюзного движения, какого эти слаборазвитые страны не знали в довоенные годы. Почти везде профсоюзы основывали и возглавляли коммунисты совместно с другими левыми элементами. В отличие от ранних профсоюзов в Европе и США эти профсоюзные организации возникали на основе объединения не высококвалифицированных рабочих, а крупных групп сельскохозяйственных рабочих, рабочих текстильной и горнорудной промышленности, шахтеров и железнодорожников, то есть специальностей, которые обычно порождает империализм в колониальных странах. Везде преобладала производственная форма профсоюзов. Почти все эти организации вступили в ВФП сразу же после ее основания в 1945 году. Их история на начальном этапе существования отмечена многочисленными забастовками и вооруженными схватками, настолько многочисленными, что их невозможно даже перечислить здесь.

В Индонезии до войны профсоюзное движение было очень незначительно. Рабочим платили в день всего лишь от 6 до 8 центов. После изгнания японцев профсоюзы начали быстро расти. В мае 1946 года была создана Индонезийская федерация профсоюзов, охватившая 400 тысяч

человек. В ноябре того же года эта федерация и другие профсоюзы объединились в Центральную организацию рабочих Индонезии (ЦОРИ) с общим числом членов 1 222 207 (по данным I съезда этой организации, состоявшегося в мае 1947 года). В состав Центральной организации входило 20 промышленных профсоюзов; один из них — профсоюз работников сахарной промышленности — насчитывал 850 тысяч членов. Профсоюзом руководили левые элементы. В 1947 году голландское правительство попыталось уничтожить ЦОРИ, однако эта попытка не увенчалась успехом. Спустя немного времени, к концу 1949 года, индонезийский народ сверг власть голландского империализма и завоевал политическую независимость¹⁶.

Пакистан был отделен от Индии и объявлен независимым государством по тому же соглашению, которым Англия давала Индии статус доминиона. Промышленное развитие Пакистана в целом стояло даже на более низком уровне, чем промышленное развитие Индии; рабочий класс был, естественно, слабым. Несмотря на это, профсоюзы Пакистана откололись от профсоюзов Индии и в 1947 году создали Федерацию профсоюзов Пакистана.

Профсоюзное движение в Бирме началось во время мирового экономического кризиса 1930 года; уже тогда рабочим удалось добиться того, что английское правительство стало в какой-то мере считаться с их требованиями. Во время японской оккупации движение было разгромлено. Но в июне 1945 года оно вновь ожило: был создан Всебирманский конгресс профсоюзов, объединяющий около 20 тысяч членов.

Федерация профсоюзов Цейлона, созданная в 1945 году, насчитывала в то время около 20 тысяч членов; в 1948 году число членов федерации возросло до 107 995. Вместе с независимыми профсоюзами движение в стране в общей сложности охватывало 189 тысяч человек. На Цейлоне существовали три национальные федерации профсоюзов. В проведении большой забастовки в июне 1947 года они участвовали совместно. До войны, при господстве британского империализма, рабочее движение в стране было развито очень слабо¹⁷. В настоящее время страна получила номинальную независимость в рамках Британского содружества наций.

Трудящиеся Кореи, в течение тридцати шести лет нахо-

дившиеся под игом японского империализма, еще в 1920 году начали тайно создавать профсоюзы; в 1925 году они создали Национальную федерацию. Однако, как и в других странах Азии, профсоюзное движение в Корее приняло массовый характер лишь после окончания второй мировой войны. В ноябре 1945 года была создана Федерация профсоюзов Северной Кореи (советская зона), которая к 1948 году насчитывала 700 тысяч членов. В Южной Корее существовало две федерации профсоюзов с общим числом членов 325 тысяч¹⁸.

До второй мировой войны английское правительство отказывалось признать какие-либо профсоюзы в Малайе. После войны, однако, трудящиеся Малайи, следуя примеру всех других стран Дальнего Востока, начали создавать массовые профсоюзные организации. В 1946 году были заложены основы Всемалайской федерации профсоюзов, которая к 1948 году объединяла уже 300 тысяч человек. Вскоре страна была охвачена национально-освободительной войной, которая не окончилась и до настоящего времени.

На Филиппинах, как уже говорилось в предыдущих главах, история профсоюзного движения берет свое начало с 1918 года. В 1935 году была создана Национальная федерация профсоюзов, руководимая сторонниками левого направления, однако в период японской оккупации она была распущена. Как и в большинстве стран Дальнего Востока, трудящиеся массы Филиппин развернули во время войны движение сопротивления японским захватчикам, которое в послевоенный период переросло в так называемое «движение Хукбалахап» — борьбу против господства американцев. В июле 1946 года США предоставили Филиппинам формальную политическую независимость. В 1948 году по всей стране в профсоюзы было организовано около 450 тысяч рабочих, из которых приблизительно 300 тысяч — рабочие плантаций. Профсоюзы объединены в двух основных федерациях — Конгресс рабочих организаций и Федерация филиппинских рабочих¹⁹.

Профсоюзное движение в Тайланде (Сиам) также по-настоящему развернулось лишь после войны. В апреле 1947 года была основана Всеобщая федерация профсоюзов Сиама, во главе которой стали коммунисты и другие левые элементы. По данным, опубликованным федерацией, в ней насчитывается 50 тысяч членов²⁰.

В Индо-Китае (Вьетнам) первые профсоюзы появились в 1928 году. В период оккупации страны японскими захватчиками трудящиеся вели против них героическую партизанскую борьбу за национальную независимость страны, которая в послевоенный период переросла в настоящую войну под руководством Хо Ши Мина. В мае 1946 года возникла Вьетнамская всеобщая конфедерация труда, объединяющая в своих рядах около 250 тысяч человек. В тех районах страны, которые все еще находятся под властью французов, профсоюзы существуют лишь в зачаточном состоянии²¹.

Среди стран Ближнего и Среднего Востока профсоюзное движение наибольшее развитие получило в Иране. Его возглавила руководимая коммунистами партия Тудеш, создавшая в 1944 году Центральный объединенный совет профсоюзов Ирана, который насчитывал (несколько позже) 300 тысяч членов²². В Турции и Сирии, странах с суровой политической диктатурой и неразвитой экономикой, профсоюзы очень слабы. Энергично начало развиваться профсоюзное движение в Израиле (Палестина). Первый профсоюз (сельскохозяйственных рабочих) был основан в 1911 году. В 1920 году был основан Гистадрут (Всеобщая федерация еврейских рабочих). Эта реформистская организация была основана социал-демократами, которые осуществляют над ней свой контроль и по настоящее время. После окончания второй мировой войны еврейский народ в результате мужественной и успешной борьбы создал свое собственное государство — Израиль. Однако вновь созданное государство превратилось по существу в аванпост американского империализма на Ближнем Востоке. В 1949 году Гистадрут объединял около 241 794 рабочих²³. В Израиле существует также небольшая профорганизация арабских рабочих.

Глава 49

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ АМЕРИКИ, БРИТАНСКИХ ДОМИНИОНАХ И В АФРИКЕ

(1945—1947)

Бурный рост профсоюзного движения во всем мире явился неотъемлемой частью огромного революционного подъема, последовавшего за второй мировой войной. Этот рост был особенно заметен в первые послевоенные годы,

пока развитие международного рабочего движения не было подорвано «холодной войной». Подъем профсоюзного движения наблюдался фактически во всех странах мира, но, как мы видели в предыдущих главах, особенно мощным он был в Европе и в Азии — в районах, которые непосредственно подверглись разрушениям войны. В странах, расположенных на других континентах, также отмечалось развитие профсоюзного движения, однако оно происходило значительно медленнее.

Положение в Соединенных Штатах Америки и в Канаде

К моменту окончания войны, осенью 1945 года, в американском профсоюзном движении завершался небывалый организационный подъем, начавшийся в 1935 году. В результате этого подъема в 1948 году в ряды американских профсоюзов влились миллионы новых членов, а общее число членов профсоюзов по сравнению с 1935 годом увеличилось на 400 процентов. С конца 1945 по конец 1948 года число членов АФТ возросло с 6 931 229 до 7 500 тысяч человек; число членов в профсоюзах горняков и железнодорожников осталось почти неизменным; в КПП, который имеет обыкновение скрывать данные о своем составе, по официальным данным, по-прежнему оставалось «6 000 000 членов». Согласно статистике министерства труда, в 1946 году в профсоюзах США насчитывалось 14,8 миллиона членов¹. В 1955 году число членов в американских профсоюзах возросло примерно до 18 миллионов.

В течение трех лет, вплоть до кануна «холодной войны» АФТ вела разнузданную, злобную кампанию против ВФП, лживо обвиняя ее в том, что она якобы является орудием в руках Советского правительства. Развязывая антикоммунистическую шумиху и идеологическую войну с левыми элементами, бюрократы из АФТ выступили зачинщиками того антисоветского наступления, которое тогда замышлялось капиталистическими монополиями Уолл-стрита. На VI съезде АФТ, состоявшемся в октябре 1946 года, исполнительный совет федерации создал отдел международных профсоюзных связей специально для борьбы против ВФП². Во главе этого органа был поставлен известный «капиталист от профсоюзов» Метью Уолл,

один из наиболее реакционных деятелей, крайний реакционер. Независимый профсоюз горняков и железнодорожников, который также держался в стороне от ВФП, не позволял себе, однако, такой разнузданной враждебности по отношению к левым элементам, как это делали бюрократы из АФТ.

С другой стороны, КПП, находясь под влиянием своего сильного левого крыла, решительно выступил в защиту ВФП. Согласно официальному заявлению ВФП, отношения между ней и КПП были следующими: «КПП проявлял постоянный интерес к международным вопросам. Под руководством своего вице-председателя Сиднея Хиллмана он сыграл важную роль в создании ВФП»³. В октябре 1945 года КПП направил в Советский Союз представительную делегацию, которая провела там довольно много времени, знакомясь с советским строем вообще и с советскими профсоюзами в частности. По возвращении на родину делегация представила в высшей степени положительный отчет о своей поездке в СССР, подписанный наряду с другими и Джеймсом Кэри, секретарем-казначеем КПП, ставшим впоследствии ярким противником Советского Союза. Восторгаясь своей поездкой, делегация дала обещание «делать все возможное для укрепления дружеских отношений с советскими профсоюзами, для установления более тесного единства между нашими двумя великими странами в целях обеспечения прочного мира, благосостояния и демократического прогресса». О советских профсоюзах делегация дала следующий отзыв: «На нас произвела большое впечатление забота, с которой они относятся к удовлетворению нужд и интересов рабочих, равно как и их живое и всестороннее участие во всем, что способствовало завоеванию победы в войне, в разрешении задач послевоенного восстановления... То, что мы увидели, заставляет нас еще больше гордиться тем, что через посредство Всемирной федерации профсоюзов мы установили связь с таким великим профсоюзным движением»⁴. Эти выражения восхищения и солидарности по отношению к советским профсоюзам невольно приходят на ум, когда думаешь о том, что произошло впоследствии.

Как уже отмечалось ранее, в Канаде около 75 процентов общего числа членов профсоюзов связано с американскими профсоюзами, объединенными в АФТ, КПП,

с профсоюзом горняков и братствами железнодорожников⁵. В стране имеются три основные национальные организации: Конгресс профсоюзов Канады (входящие в него профсоюзы являются отделениями АФТ), насчитывавший к 1955 году 558 722 члена; Канадский конгресс труда (входящий в КПП) с общим числом членов 360 782 и Канадская католическая конфедерация труда, объединяющая 100 312 членов. В 1940 году общая численность канадских профсоюзов составляла 400 тысяч человек, а к 1945 году эта цифра возросла до 600 тысяч. Канадские профсоюзы, даже те, которые входят в АФТ, не проявляют такой враждебности по отношению к ВФП, как профсоюзы Грина в США. Однако в связи с тем, что внешняя политика канадских профсоюзов определяется их американскими партнерами, они не были представлены на Учредительном конгрессе ВФП в 1945 году.

Этот факт лишний раз подчеркивает наличие огромных препятствий, на которые постоянно наталкивается профсоюзное движение в Канаде; они свидетельствуют о том, что в политике большинства профсоюзов в этой стране задают тон ультраконсервативные бюрократы от профсоюзного движения другой угнетающей страны. По этому поводу генеральный секретарь Коммунистической партии Канады Тим Бак, являющийся также известным лидером профсоюзного движения, замечает: «Такое положение, при котором центры большинства канадских профсоюзов находятся в США, означает, что решающее влияние на профсоюзную политику в Канаде оказывают интересы американского империализма, а не Канады»⁶. Организационное подчинение канадских профсоюзов реакционным лидерам профсоюзов США помогает американскому империализму активно проводить в жизнь политику превращения Канады в политического и экономического сателлита США. В настоящее время происходит слияние канадских профсоюзов, входящих в АФТ и КПП.

Профсоюзное движение в странах Латинской Америки

Во время войны страны Латинской Америки являлись главным образом поставщиками сырья союзным державам, боровшимся на стороне демократии. В числе поставляемых ими сырьевых материалов были не только продовольствие и технические культуры, но и полезные ископа-

емые. В годы войны завоз иностранных товаров в эти страны почти прекратился, в результате чего во всей Латинской Америке наблюдался некоторый подъем промышленного производства. Этот подъем осуществлялся в большинстве случаев за счет усиленной эксплуатации существовавших предприятий, а не за счет создания новых производственных объектов. Однако после окончания войны эти небольшие достижения были поставлены под угрозу в связи с возобновлением иностранной империалистической конкуренции. Вообще же об отсталости промышленного производства в странах Латинской Америки, находящихся под гнетом империализма, можно судить по тому факту, что количество стали, которую производит вся Латинская Америка, составляет всего лишь 2 процента от количества стали, выплавляемой в США.

В результате войны господство империалистов США в Латинской Америке значительно усилилось. Соперники американского империализма — Германия, Япония и Италия — были почти полностью вытеснены из этой сферы; могущество же Британской империи было сильно ослаблено. С 1938 по 1948 год английские капиталовложения в Латинской Америке сократились с 774 миллионов до 314 миллионов фунтов стерлингов, в то время как капиталовложения США возросли с 2,6 миллиарда до 4,1 миллиарда долларов⁷. Ломбардо Толедано следующим образом подытоживает создавшуюся обстановку: «Из перемен, имевших место в этих странах, наиболее разительной является, несомненно, увеличение их экономической зависимости от величайшей в истории империалистической державы — Соединенных Штатов Америки»⁸. В 1954 году Научно-исследовательская ассоциация труда опубликовала некоторые данные, наглядно демонстрирующие, что означает господство США для этих стран с экономической точки зрения. Эти данные показывают, что за последние восемь лет — с 1946 по 1953 год включительно — частные корпорации США извлекли из стран Латинской Америки прибыли, в двадцать два раза превышающие общую сумму, затраченную правительством США на оказание всех видов экономической, технической и социальной помощи этим странам. Иными словами, за прошедший период США получили 5,8 миллиарда долларов «в обмен на 189 миллионов долларов, которые поступили

из карманов налогоплательщиков в США и были затем переданы странам Латинской Америки в виде различных форм ленд-лиза, технической помощи, фондов на борьбу с различными заболеваниями скота и т. п.» С того времени американские корпорации успели вложить в экономику этих стран еще 1,6 миллиарда долларов, обеспечив себе, таким образом, еще большие прибыли в будущем⁹. Результатом такого выжимания доходов из стран Латинской Америки является дальнейшее понижение жизненного уровня и усиление политического угнетения среди трудящихся этого обширного района, имеющего население, почти равное населению Соединенных Штатов.

Конфедерация трудящихся Латинской Америки (см. главы 18 и 39) оставалась во главе профсоюзного движения стран Латинской Америки на всем протяжении войны и после нее, несмотря на отчаянные попытки реакционных сил — разложившихся социал-демократов, деморализованных анархистских элементов, а также агентов американского империализма — подорвать престиж и влияние этой организации. Даже социал-демократ Александер признает, что «во время второй мировой войны КТЛА объединяла, по существу, все важнейшие профсоюзные группы в Латинской Америке»¹⁰.

В своем выступлении на одиннадцатом конгрессе ВФП в июле 1949 года председатель КТЛА Ломбардо Толедано нарисовал следующую картину борьбы профсоюзов в странах Латинской Америки в первые послевоенные годы: «В условиях растущего обнищания... рабочий класс вынужден вести решительную борьбу, используя все имеющиеся в его распоряжении средства. За последние три года эта борьба не прекращалась ни на один день. Огромные демонстрации против повышения стоимости жизни, мощное забастовочное движение охватили все страны Латинской Америки. Особенно широкое распространение они получили в Чили, Кубе, Гватемале, Боливии и Колумбии. Движение рабочего класса и борьба крестьян достигли огромного размаха даже в тех странах, где профсоюзы вплоть до сегодняшнего дня находятся под влиянием реакционных правительств, как, например, в Аргентине, или под влиянием клики предателей, вроде лидеров Конфедерации трудящихся Мексики»¹¹.

Профсоюзы в Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке

В предыдущих главах был дан обзор положения, сложившегося в первые годы после войны в британских доминионах Индии и Канаде; теперь мы перейдем к рассмотрению положения в других британских владениях. В Австралии (см. главу 18) профсоюзное движение возникло более ста лет назад. Несмотря на то, что это движение находилось под контролем социал-демократов, оно в основном отличалось боевым и прогрессивным духом. В нем всегда, и особенно в периоды подъема рабочего движения, имелась активная и влиятельная прослойка левых элементов, состоявшая сначала из членов организации «Индустриальные рабочие мира» и левых социалистов, затем из синдикалистов английского типа и, наконец, в настоящее время из коммунистов. После первой мировой войны австралийские рабочие добились сорокашестичасовой рабочей недели, а после второй мировой войны — сорокачасовой недели.

Характерно, что Австралийский конгресс тред-юнионов (АКТ) принимал активное участие в основании ВФП. Еще до того, как была создана эта организация, АКТ предложил расширить состав Англо-советского комитета профсоюзов военного времени и включить в него профессиональные союзы Австралии. Имея мощную организацию во всех отраслях экономики и пользуясь поддержкой лейбористской партии, тред-юнионы Австралии в 1945 году насчитывали 1 500 тысяч членов¹², то есть объединяли около 65 процентов всех трудящихся, которых можно было вовлечь в профессиональные организации; но ко времени основания ВФП в них было всего лишь 625 тысяч человек. В первые годы после войны австралийские рабочие совместно с братскими профсоюзами Новой Зеландии оказывали всестороннюю поддержку индонезийскому народу в его революционной борьбе против голландского империализма, за национальную независимость страны.

Профсоюзное движение в Новой Зеландии во многом сходно с профсоюзным движением Австралии; это обусловлено наличием хорошо организованной лейбористской партии и потенциально мощных профсоюзов. Во главе тред-юнионов также стоят правые социал-демократы, однако и здесь левые элементы всегда оказывали на профсоюзное движение значительное влияние. Профсоюзное

движение в Новой Зеландии, как и в Австралии, возникло более века назад. В стране уже были национализированы железные дороги, банки, телефонная связь, радиовещание и воздушный флот, и к концу второй мировой войны профсоюзы требовали также национализации угольной промышленности и транспорта. В Ново-Зеландской федерации труда, которая приняла активное участие в создании ВФП, насчитывалось в 1945 году 165 тысяч членов; в 1946 году число членов возросло до 190 тысяч, а в 1948 году достигло 250 тысяч.

История развития тред-юнионов в Южно-Африканском Союзе, как уже отмечалось в главе 18 настоящей книги, резко отличается от истории развития профсоюзного движения в других британских доминионах. Попытка создать профсоюзы, вовлекая в них исключительно рабочих, принадлежащих к белой расе (несмотря на все усилия левых элементов противостоять этому), привела к тому, что эти профсоюзы с самого начала оказались ограниченными как по численности, так и по своей идеологии. Эта политика белого шовинизма отражала ультра-реакционное стремление британского империализма и правительства доминиона создать такое положение, при котором кучка белых эксплуататоров под прикрытием профсоюзов, проводящих политику дискриминации цветных, могла бы грабить и угнетать подавляющее большинство негритянского населения в стране. Несмотря на все попытки помешать негритянским рабочим создать собственные профсоюзные организации, к 1945 году, то есть к первому конгрессу ВФП, в их профсоюзах насчитывалось 150 тысяч членов, из них около 80 тысяч состояло в профсоюзах Йоганнесбурга. Рабочим-неграм было отказано в выдаче паспортов, чтобы они не смогли принять участия в Учредительном конгрессе ВФП¹³. К концу второй мировой войны Южно-Африканский совет профессиональных союзов (белых), согласно данным ВФП, объединял 70 тысяч членов.

Пробуждение народов Африки

На обширных пространствах огромного африканского материка многочисленные народы, в течение долгого времени находившиеся под гнетом британского, француз-

ского, голландского, германского, итальянского, бельгийского, испанского, португальского и американского империализма, быстро пробуждаются ото сна и встают на путь сложной, широкой и самоотверженной борьбы за национальную независимость своих стран. Если не принимать во внимание отдельные специфические черты, характерные для Африки, то в основном это могучее движение мало чем отличается от национально-освободительного движения народов Азии. Все народы африканских колоний борются за свержение гнета паразитов-капиталистов, за установление в своих странах свободного государственного строя, который лучшим образом отвечал бы их надеждам и чаяниям. Способствуя росту борьбы трудящихся масс во всем мире, вторая мировая война дала мощный толчок национально-освободительному, революционному движению и в этих странах. Как и во всех других колониальных странах, народы Африки в ходе борьбы против империалистических эксплуататоров и угнетателей создают профсоюзное движение.

Завоевание и подчинение африканского материка империалистами явилось одной из самых ужасных драм в истории человечества. На протяжении четырех столетий, начиная с половины XV и кончая половиной XIX века, владельцы плантаций в Европе и Америке охотились в Африке за рабами. За этот период из страны было вывезено или убито в процессе этого зверского порабощения не менее 60 миллионов туземцев. С развитием мирового капитализма и наводнением рынка этим живым товаром капиталисты поняли, что выгоднее захватить богатые земли Африки и начать эксплуатацию народа прямо на его родной земле. Поэтому, начиная с последней четверти XIX века, они приступили к новой, еще более страшной кампании ограбления Африки. На протяжении двух десятилетий шесть ведущих империалистических держав Европы, как стая волков, дерущихся за добычу, прибрали к рукам около 80 процентов территории африканского материка. Львиная доля добычи попала в руки империалистов Великобритании, Франции и Бельгии. Германия и Италия за время двух последних мировых войн лишились африканских владений, которые им удалось захватить ранее. Народы Африки, в своем подавляющем большинстве негры, отчаянно боролись против неслыханного угнетения и разграбления своей земли; однако в скором вре-

мени их сопротивление было подавлено путем применения жестоких средств современной войны.

Отняв у Африки все ее богатства — поля, леса, полезные ископаемые,— империалисты установили такую систему эксплуатации, которая по своей жестокости и циничному пренебрежению к человеческой жизни не имеет себе равной ни в одной стране мира. Туземцы, лишенные земли, были вынуждены работать на плантациях и рудниках, принадлежащих новым хозяевам, всего лишь за несколько центов в день. Порождением этого явились недоедание, нищета и болезни среди всех народов Африки; под давлением иностранного гнета рушилась национальная культура африканских народов.

К стыду Второго Интернационала, он за все время своего существования не предпринял ни одной серьезной попытки начать борьбу против чудовищной системы империалистической колониальной эксплуатации в Африке. Наоборот, его правооппортунистические лидеры закрывали глаза на это грубое попрание человеческих прав и даже пытались оправдать его, как суровую необходимость капиталистической системы. Такая позиция вполне соответствовала их прокапиталистической идеологии. Они доказывали, что покоренные народы не могут правильно пользоваться правом на самоуправление до тех пор, пока не пройдут долгую школу обучения под руководством колониальных держав; лишь после этого они будут подготовлены к свободе. Только с развитием коммунистического движения, особенно в эпоху великого Ленина, возглавившего русскую революцию 1917 года, организованные рабочие всего мира поняли, что одной из исторических задач, стоящих перед ними в борьбе за свержение капитализма, является объединение их сил с силами колониальных и полуколониальных народов, борющихся против господства империализма.

Народы Африки не примирились с хозяйничаньем империалистов в их странах. Это видно из многочисленных восстаний и войн, которые они вели на протяжении многих лет. Обычно это была неравная борьба против превосходящих сил и без каких-либо четко осознанных целей. Можно с уверенностью сказать, что только на протяжении последних пятидесяти лет, не говоря уже об ожесточенных войнах, которые имели место до этого, испанские, итальянские и немецкие эксплуататоры почувство-

вали, что такое гнев туземных племен. Колонизаторам особенно ясно стало это, когда они проникли в пустыни, расположенные на севере страны. Героическая борьба африканских народов против угнетателей является великой эпопеей, не нашедшей еще своего отражения в литературе.

В наши дни Африка — это очаг революционного движения, которое носит ярко выраженный антиимпериалистический характер. Развитию этого растущего революционного движения, охватившего страну от Египта и Марокко на севере до Южно-Африканского Союза на юге страны, способствовал ряд факторов, среди которых можно перечислить как основные следующие: рост пролетариата по всей стране; рост политического сознания и зрелости африканских народов под тяжелым гнетом империалистов; вдохновляющее влияние русской революции; благотворный пример победоносной борьбы колониальных народов Азии и других стран, а также огромное влияние растущего коммунистического движения во всем мире, которое в качестве одной из своих основных задач ставит борьбу с колониализмом. Антиколониальное движение народов Африки является одним из многих наиболее ярких проявлений общего кризиса мировой системы капитализма. Колониализму суждено погибнуть; в Африке его ждет такая же участь, как в странах Азии и Южной Америки.

В главе 18 мы уже говорили о ранних этапах развития профсоюзного движения в Африке. В настоящее время это движение широко разрослось по всей стране, став неотъемлемой составной частью грандиозной национальной борьбы за освобождение. В английских, французских, испанских и итальянских колониях, как и в различных бывших колониях, наблюдается сильный подъем профсоюзного движения. В странах, расположенных в северной части африканского материка, например в Алжире, профсоюзным движением охвачено примерно 250 тысяч трудящихся. Эти профсоюзы являются филиалом ВКТ Франции. В Марокко Всеобщий союз объединенных профсоюзов Марокко, также входящий в состав ВКТ Франции, насчитывал в 1946 году 55 тысяч членов, из которых 33 тысячи были марокканцы. В Тунисе Национальная федерация трудящихся, в прошлом являвшаяся филиалом ВКТ Франции, была в 1946 году объявлена независимой орга-

низацией. Она объединяет в своих рядах около 33 тысяч членов¹⁴. В Египетском Судане профсоюзное движение возникло еще в 1932 году; в 1945 году была создана первая национальная Центральная федерация профсоюзов, которая к 1950 году насчитывала 30 тысяч членов¹⁵.

«Профсоюзное движение во Французской Экваториальной Африке и Западной Африке объединяет 13 федераций профсоюзов, примыкающих к ВКТ Франции, с общим числом членов в 80 000 человек»¹⁶. Сюда входят профсоюзы Берега Слоновой Кости, Дагомеи, Дакара, Нигерии, Сенегала, Мавритании, Судана, Гвинеи и Камеруна. ВКТ Франции имеет на Мадагаскаре филиал, в который входят два профсоюза с общей численностью 10 тысяч человек. Французские владения в Африке — это как раз те территории, с которых в свое время было вывезено больше всего рабов. В колониях Британской Вест-Африки также имеется целый ряд профсоюзов. Среди них можно назвать Конгресс профсоюзов Нигерии, который объединяет 100 профсоюзов, насчитывающих в общем около 53 тысяч членов, Союз труда Гамбии с общим числом членов в 50 тысяч человек и Совет профсоюзов Сьерра-Леоне, в который входят 11 профсоюзов, охватывающих приблизительно 10 тысяч членов¹⁷. В Британской Южной Африке наиболее важными профсоюзами являются профсоюз горняков Южной Родезии и тред-юнионы Южно-Африканского Союза, о которых мы говорили в предыдущей главе. Кроме того, широкое профсоюзное движение развивается в Кении и других районах Африки¹⁸.

Профсоюзы Африки состоят из рабочих тех отраслей хозяйства, развитие которых обычно поощряется в колониальных странах: это главным образом сельскохозяйственные рабочие, горняки и рудокопы, работники железнодорожного транспорта. Квалифицированный труд, как правило, — удел белых, которые в большинстве случаев играют очень незначительную роль в местном профсоюзном движении. Деятельность профсоюзов африканских рабочих определяется следующими основными задачами: добиваться повышения баснословно низкой заработной платы и сокращения рабочего дня; требовать удовлетворения самых насущных нужд в области жилищного строительства и образования; бороться за претворение в жизнь хотя бы элементарных требований по технике безопасности, охране труда и здоровья трудящихся, а также по социальному

обеспечению и страхованию; решительно выступать против расовой дискриминации (так называемого «джим-кроуизма»), особенно в британских колониях и доминионах.

Всемирная федерация профсоюзов с самого начала своей деятельности обращала большое внимание на развитие профсоюзов трудящихся в колониальных странах, в том числе на развитие профсоюзного движения среди африканских рабочих-негров. Одной из наиболее ярких черт, характеризующих все три всемирных конгресса, созданные ВФП, является участие в работе этих конгрессов многочисленных делегатов от профсоюзов колониальных рабочих. В апреле 1946 года в Дакаре состоялась конференция профсоюзов Африки, на которой присутствовало 60 делегатов от 21 организации, представлявшей 800 тысяч рабочих¹⁹. В октябре 1951 года ВФП и ВКТ Франции организовали другую конференцию профсоюзов в Бамако (Французский Судан), в работе которой приняло участие 144 делегата от 14 стран²⁰. В этом отношении ВФП продолжает в общем деятельность Красного Интернационала профсоюзов, который существовал десятилетия тому назад и сделал в свое время первый и один из наиболее важных шагов по пути организации профдвижения в колониальных странах, созвав 7—10 июля 1930 года в Гамбурге (Германия) Всемирную конференцию рабочих-негров, на которую прибыли первые профсоюзные деятели из многих стран Америки и Африки²¹.

Глава 50

НАЧАЛО «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

(1947—1949)

В противовес огромному революционному подъему, последовавшему за второй мировой войной, должно было неизбежно появиться, как показал опыт первой мировой войны, широкое ответное контрреволюционное движение капиталистических элементов. Как уже говорилось в первых главах этой книги, в ответ на революционную бурю, разразившуюся в Европе вслед за русской революцией в октябре 1917 года, предприниматели спешно собрали свои уже потрепанные войска и бросили их против восставших рабочих, развернув широкое контрреволюционное наступление, чтобы спасти выгодный им социальный строй.

Это наступление контрреволюции, начавшееся в Восточной Европе в 1918 году, с течением времени развертывалось все больше. Оно переросло в фашизм и, наконец, завершилось попыткой стран антикоминтерновского блока — Германии, Японии и Италии — установить мировое господство посредством мировой войны. Мы видели также, что наиболее могущественным союзником капиталистов в среде трудящихся масс в этом контрреволюционном движении были правые социал-демократы, которые, послушно выполняя волю перепуганных капиталистов, поставили своей задачей подорвать боеспособность трудящихся, внести в их ряды растерянность и страх перед лицом наступающего врага. Без этой помощи со стороны социал-демократов буржуазия, которой первая мировая война и русская революция нанесли тяжелый удар, никогда бы не смогла спасти капитализм в странах Европы.

Стремление американского империализма к мировому господству

Вызванный второй мировой войной революционный подъем трудящихся, о котором мы говорили в предыдущих шести главах, вскоре натолкнулся на мощное контр-наступление капиталистов. На этот раз во главе капиталистических сил стали Соединенные Штаты Америки — страна, в которой господствующую роль играют крупнейшие и богатейшие в мире монополии. Эти могущественные монополии господствуют как в экономике, так и в правительственном аппарате страны; «одна десятая процента всех существующих в стране корпораций получила в свои руки 50 процентов общего дохода этих корпораций; менее чем 4 процента всех корпораций обрабатывающей промышленности получили 84 процента доходов всех концернов обрабатывающей промышленности. Шестьдесят шесть акционерных обществ имеют на своем активном балансе по одному или более миллиардов долларов»¹. Естественно, что именно США, в которых полновластно господствует крупный капитал, предприняли ожесточенное наступление против Советского Союза, китайской революции и стран народной демократии, против крупнейших массовых организаций, которые удалось создать рабочим и крестьянам в ходе войны и в послевоен-

ный период. Это было началом так называемой «холодной войны».

Целью наступления американского империализма было не только стремление защитить капиталистическую систему от ударов растущих во всем мире революционных сил, хотя страх за судьбу капиталистического строя определенно сыграл здесь немалую роль. Возглавляемое Америкой капиталистическое наступление преследовало значительно дальше идущие цели, чем просто оборона,— оно носило агрессивный характер и ставило перед собой задачу подчинить весь мир, как капиталистический, так и социалистический, господству крупных монополистов с Уолл-стрита. По существу, это контрреволюционное наступление исторически было сродни тому, которое вели Гитлер и его союзники. Оно ставило своей основной целью уничтожение стран социализма и демократии и замену их фашизмом, установление во всем мире господства американского монополистического капитала путем новой войны — на этот раз атомной.

Конкретно, американский империализм в «холодной войне» ставил перед собой следующие цели: а) свергнуть социалистические правительства в СССР, Народной Китайской Республике, а также во всех странах народной демократии и восстановить там капитализм; б) перевооружить Германию и Японию, превратить их в американские марионеточные государства; в) проникнуть на европейские рынки и захватить их в свои руки; г) подорвать господство Англии, Франции и Голландии в колониях и прибрать последние к рукам; д) усилить контроль монополистов США над странами Латинской Америки; е) превратить Средиземное море в американское «озеро» и установить свое господство на Атлантическом и Тихом океанах; ж) прибрать к рукам все международные воздушные линии; з) превратить Организацию Объединенных Наций в некий вспомогательный орган американского правительства и, наконец, и) превратить Соединенные Штаты в промышленный центр, а Вашингтон — в политическую столицу мира.

Американские империалисты стали на этот агрессивный путь под влиянием целого ряда факторов. Являясь наиболее могущественной капиталистической державой, США в угоду интересам крупного капитала, господствующего в стране, не могли не ухватиться за бредо-

вую идею мирового господства. Крупные монополисты, хозяйничающие в стране, верят в то, что, идя по этому пути и создав гигантскую военную машину, они смогут сохранить на бесконечно долгий срок те огромные прибыли, которые они получают сейчас, и смогут даже увеличить свои доходы в будущем. Они также убеждены, что только таким путем — искусственными мерами стимулирования хозяйства — им удастся оградить свою загнивающую экономическую систему от глубокого кризиса. Монополисты считают далее, что только они обладают совершенной техникой и знанием законов социального развития и смогут спасти и сохранить в целостности и сохранности одряхлевшую систему мирового капитализма, за судьбу которого они серьезно опасаются. Эта фашистская мечта, по сути своей ничем не отличающаяся от мечты, которую лелеял Гитлер, отражает распад мировой системы капитализма — одряхлевшего, насквозь прогнившего, все глубже погружающегося во всеобщий кризис.

Но Уолл-стрит ведет свою кампанию, направленную на захват мирового господства, значительно хитрее и более ловко, чем Гитлер. В то время как нацисты и их союзники, бряцая оружием, громогласно призывали к войне и уничтожению демократии (несмотря на использование социалистических ярлыков и лозунгов), американские реакционеры пользуются лицемерным предлогом защиты демократии и мира во всем мире. Кроме того, они гораздо искуснее используют старую фашистскую ложь об «угрозе коммунизма». Даже создание огромных вооруженных сил и проведение агрессивнейшей политики, направленной на развязывание новой войны, они представляют народу как попытки защитить человечество от нависшей над ним угрозы. Волки Уолл-стрита прикрываются овечьей шкурой, однако из-под этой шкуры выглядывают волчьи клыки.

Помимо поддержки, получаемой от бывших капиталистических союзников и марионеточных государств, американские империалисты в своем стремлении к мировому господству опираются на два могущественных фактора, чтобы внести замешательство в ряды трудящихся, дезорганизовать народные массы. Первая из этих сил — Ватикан, развивший после второй мировой войны бурную политическую деятельность. Ватикан занял место традиционных буржуазных политических партий капитализма,

которые дискредитировали себя во всех странах Европы во времена господства фашизма. Он взялся за организацию сильных партий для того, чтобы поставить их на страже интересов капитализма и обеспечить поддержку основной политической линии американского империализма. Так, в Западной Германии, Франции и Италии (не говоря уже о ряде других стран) Ватикан возглавляет три ведущие политические партии.

Другой крупной организованной силой, оказывающей массовую поддержку капитализму в этот наиболее критический момент его существования, являются правые социал-демократы и те профессиональные союзы, которые следуют их руководству. Как мы указывали в предыдущих главах, где говорилось о революционной борьбе трудящихся в Европе и других странах, правые социал-демократы являются в принципе врагами социализма и приверженцами капитализма. Они отнюдь не ставят себе целью замену капитализма новым, социалистическим обществом, они стремятся к постепенной либерализации капиталистической системы, оставляя нетронутыми основную государственную машину и капиталистические прибыли. Опыт, накопленный за время, прошедшее после революции в России, совершенно ясно показывает, что это самые ревностные защитники капитализма. Вполне понятно поэтому, что в послевоенный период правые социал-демократы во всех странах Европы спелись с католическими партиями в капиталистических правительствах, находящихся на содержании у американского империализма и получающих от него всяческую поддержку. Вместе с консерваторами они представляют опору капитализма в Великобритании.

Доктрина Трумэна, план Маршалла, Северо-атлантический пакт.

В последние годы войны, как уже было отмечено в главе 43, американские и английские империалисты проводили стратегию, основанную на самонадеянном расчете, что после окончания войны они приберут мир к своим рукам; при этом первую скрипку будут играть Соединенные Штаты. Впервые эта агрессивная политика открыто проявилась после войны в так называемой доктрине Трумэна, провозглашенной 12 марта 1947 года. Практическим вы-

ражением этой доктрины был заем на сумму в 200 миллионов долларов, в основном в виде военных поставок правительствам Греции и Турции, представлявших собою полуфашистские диктатуры. На практике это проявилось в том, что Соединенные Штаты при попустительстве английского лейбористского правительства взяли в свои руки подавление борьбы греческого народа за демократию, то есть то, что Англия безуспешно пыталась сделать на протяжении последних трех лет.

Зловещая доктрина Трумэна знаменовала собой наступление длительного и опасного этапа в послевоенной агрессивной политике Соединенных Штатов Америки. Это было конкретным доказательством того, что США — самая могущественная капиталистическая держава и претендент на мировое господство — уже начинали пользоваться методом диктата, пытаясь устанавливать, какое правительство должны иметь те или иные народы, в данном случае греческий народ. За этой первой открытой агрессией в Европе вскоре последовали другие. Не прошло и двух месяцев, как по настоянию США из состава коалиционных правительств Франции, Италии и Бельгии были выведены коммунисты. В феврале 1948 года, как мы уже об этом говорили, американский посол в Чехословакии сделал попытку свергнуть строй народной демократии в этой стране, приказав семнадцати буржуазным министрам одновременно выйти из состава правительства. Однако эта попытка потерпела крах. Для того чтобы предотвратить вероятную политическую победу левых элементов на важных выборах в Италии, в апреле 1948 года, правительство США не постеснялось ввести в Средиземное море, неподалеку от Италии, свою военную флотилию. Это было началом той политики превосходства над другими правительствами, которую Вашингтон продолжает проводить и по настоящее время.

Вслед за доктриной Трумэна немедленно последовало другое агрессивное мероприятие, на этот раз финансового характера, так называемый план Маршалла. По предложению государственного секретаря США Джорджа С. Маршалла от 5 июня 1947 года Соединенные Штаты предоставили в распоряжение различных капиталистических стран Европы крупные займы и субсидии якобы с целью помочь этим странам поднять свою промышлен-

ность, фактически же для того, чтобы установить свой экономический и военный контроль над этими странами. Так началось осуществление грандиозного финансового мероприятия — программы восстановления Европы (ПВЕ), которая в последующие четыре года обошлась американскому народу в общей сложности в 12 миллиардов долларов и должна была поставить капиталистические правительства почти всех более или менее крупных стран на службу американскому империализму. Основной целью этого американского плана было установление господства над капиталистическими правительствами других стран, а вместе с тем и над Организацией Объединенных Наций, — господства, которого еще не знала история капиталистического общества. Все эти мероприятия способствовали осуществлению общей программы Уолл-стрита, направленной на завоевание мирового господства, и создавали опасность возникновения новой мировой войны.

По первому варианту плана Вашингтон должен был предложить займы и субсидии также и СССР и странам народной демократии, которые в недавнем прошлом были военными союзниками США. Однако этот вариант вскоре был разоблачен. В июле 1947 года, когда план Маршалла обсуждался в европейских странах, бывших союзниками США в войне, советский делегат Молотов выдвинул такие условия принятия плана, которые могли бы способствовать сохранению суверенитета и экономических интересов народов, получающих по нему финансовую помощь. Но соглашения по этому вопросу достигнуто не было. Таким образом, используя план Маршалла как один из наиболее важных этапов на пути к мировому господству, Соединенные Штаты смогли расколоть антифашистскую коалицию союзных держав, которая завоевала победу во второй мировой войне. «Холодная война» началась.

Истинной целью плана Маршалла было перевооружение капиталистических стран Европы под руководством США с целью создать плацдарм для наступления против Советского Союза и стран народной демократии. План являлся также могучим средством в руках крупного американского капитала для проникновения в экономику шестнадцати европейских государств, согласившихся получать помощь по этому плану, так как оказываемая Соединенными Штатами Америки «помощь» заключалась

главным образом в поставке в эти страны различных товаров. Разоренные войной, западноевропейские страны были не в состоянии в условиях капиталистического строя защитить себя ограничительными мерами против деспотических условий, навязываемых американцами. Джон Гюнтер следующим образом характеризует эту обстановку: «Я совершенно искренне верю в то, что без американской помощи греческое правительство не удержалось бы у власти и десяти дней. Не удержались бы у власти более нескольких недель или месяцев и правительства Франции и Италии».³ Не в лучшем положении, пожалуй, были и правительства Англии, а также ряда других капиталистических стран Европы.

За планом Маршалла последовал Северо-атлантический пакт, подписанный в апреле 1949 года. Он представлял собой не что иное, как первоначальный остов военного союза, направленного против СССР. Под давлением США маршализованные страны расходовали на военные цели значительно большие средства, чем они получали по займу от Соединенных Штатов. Датт говорит, что «Экономическая и политическая интервенция, которая ранее прикрывалась планом Маршалла и целями так называемого «восстановления», в настоящее время проводилась в куда более широких масштабах во имя требований военной подготовленности, стратегических планов и объединения командования, во имя претворения в жизнь «холодной войны»⁴.

Все эти мероприятия — доктрина Трумэна, план Маршалла и Северо-атлантический пакт — проводились в жизнь под предлогом защиты от мифической «красной опасности»; при этом основные надежды связывались с американской монополией на атомную бомбу. Проводилась политика «конфликтов с Россией», политика «атомной дипломатии». Ассигнования на военные цели в США начали расти с головокружительной быстротой. США развернули на территории иностранных государств строительство военно-воздушных баз, направленных против СССР. «Холодная война» принимала все более ожесточенный характер. В Соединенных Штатах велась открытая пропаганда «нокаутирования» Советского Союза с помощью «профилактического» ливня атомных бомб. ООН превратилась в послушное орудие американской политики.

В то же время американские империалисты, выполняя свою программу завоевания мирового господства и развязывания новой войны, начали вводить в США, которые были родиной атомной бомбы, целую серию законов откровенно фашистского характера. Их основной целью было запугать рабочих и весь народ с тем, чтобы устранить всякое реальное противодействие политике Уолл-стрита, преследующей захват мирового господства и военную агрессию. Конгресс принял закон Тафта—Хартли, резко ограничивающий права профсоюзов; среди государственных служащих, в школе, промышленности и в других областях (хозяйственной, научной и т. п.) была введена система проверки лояльности граждан; лидеров Коммунистической партии арестовывали лишь за то, что они «пропагандируют учение о насильственном свержении правительства»; в стране расцветал маккартизм; фашизм превратился в реальную угрозу.

Раскол в рядах рабочего движения

Проводя политику мирового господства и войны, империалисты Уолл-стрита сумели расколоть на два враждебных лагеря великую коалицию союзных держав, которая во время войны спасла мир от фашистского порабощения. После этого им было уже легче внести серьезнейший раскол в ряды организованных рабочих как в экономической, так и в политической области не только в масштабах своей страны, но и во всем мире. Жертвой этой политики раскола в первую очередь явились профсоюзы.

Почти повсюду правые социал-демократы сразу же стали на сторону американского империализма, поддерживая его злобную антисоветскую пропаганду, политику огромных финансовых подачек и агрессии. Особенно они поддерживали Уолл-стрит в его стремлении во что бы то ни стало сохранить капитализм от угрозы пролетарской и колониальной революций. Правые социал-демократы зарекомендовали себя как сторонники спасения капитализма от революции еще задолго до окончания второй мировой войны. После войны они, не задумываясь, вновь приступили к выполнению своей обычной роли. Разве не они в период с 1918 по 1923 год «спасли» Германию от социализма? Разве не они с таким успехом саботировали предложения по организации в Европе совместной, орга-

низованной борьбы — борьбы с возможным революционным исходом — против подъема германского и итальянского фашизма? Поэтому, когда они выступили как одна из главных сил в контрреволюционном движении, развернутом Соединенными Штатами после окончания второй мировой войны, это было вполне естественно.

Ведущей социал-демократической партией в Европе была в то время лейбористская партия, стоявшая у власти в Англии. Пользуясь своим авторитетом, она возглавила кампанию по объединению социалистических партий в отдельных странах, разгромленных при гитлеровском режиме. Соединенные Штаты позаботились о том, чтобы английская лейбористская партия выполнила предназначенную ей роль, предоставив 13 июля 1946 года в распоряжение английского правительства в виде займа кругленькую сумму в 3 750 миллионов долларов; за этим последовал ряд крупных ассигнований по плану Маршалла. Ярые враги социализма — капиталисты Соединенных Штатов делали вид, что сами не знают, почему оказывают такую поддержку правительству, задачей которого является построение социализма. В действительности это был ловкий и хитрый маневр, который вскоре с лихвой окупил все расходы. Он помог создать тесный союз между американскими империалистами и правыми социал-демократами. При создавшейся обстановке эттли и бивены стали запевалами хора, поющего дифирамбы «щедрости» и «бескорыстной помощи» американцев, а лейбористская партия вскоре развернула бурную деятельность во всех возрождавшихся социалистических партиях, призывая их ко всяческой поддержке плана Маршалла и других мероприятий, осуществляемых в соответствии с общей программой Уолл-стрита.

Коммунисты и другие левые силы в Европе и в неевропейских странах неизбежно должны были выступить против доктрины Трумэна и плана Маршалла.

Уже в июле 1947 года конференция, на которой впервые официально обсуждался план Маршалла, ясно показала, что надеяться на какие-либо справедливые и благоразумные решения в вопросе о распределении американской помощи, оказываемой якобы для восстановления разрушенных войной стран Европы, бессмысленно. Конференция показала всем прогрессивным элементам, что весь этот план, кроме лишений и опасности, ничего не

может дать европейским народам. Было совершенно очевидно, что Соединенные Штаты, накопившие огромные богатства за время войны, намеревались использовать свою финансовую мощь как средство установления гегемонии над народами всего мира.

В сентябре 1947 года в Польше, на совещании девяти крупнейших коммунистических партий Европы, произошло организационное объединение коммунистических и вообще левых сил в единое движение сопротивления плану Маршалла и другим агрессивным планам империалистов. На конференции были представлены коммунистические партии следующих стран: СССР, Болгарии, Польши, Чехословакии, Италии, Франции, Югославии*, Румынии и Венгрии. В целях обеспечения сотрудничества между ними (Коммунистический Интернационал, выполнявший эти функции, был распущен в мае 1943 года) было создано Коммунистическое информационное бюро (Коминформ), деятельность которого, однако, никогда не выходила за пределы этих девяти стран.

Коминформ резко выступил против плана Маршалла, доктрины Трумэна и других агрессивных планов империалистов Уолл-стрита. Резолюция совещания гласила, что «План Трумэна — Маршалла является лишь составной частью (относящейся к странам Европы) общего плана мировой экспансионистской политики, проводимой Соединенными Штатами Америки во всех частях света... Вчерашние агрессоры — капиталистические магнаты Германии и Японии — подготавливаются Соединенными Штатами к новой роли — стать орудием империалистической политики США в Европе и Азии. Англо-американская агрессия расколола мир на два лагеря: с одной стороны, империалистический, антидемократический лагерь, основной целью которого является установление господства американского империализма, а с другой стороны, антиимпериалистический, демократический лагерь, основной целью которого является ослабление империализма, укрепление демократии и ликвидация остатков фашизма». Это, однако, не означало, что весь мир полностью оказался разделенным на два лагеря. Резолюция также резко предупреждала о растущей опасности новой мировой войны и призывала все коммунистические партии воз-

* Спустя год Югославия порвала с Коминформом.

главить движение народов Европы в защиту национальной независимости и суверенитета своих стран против опасности, угрожавшей им со стороны американского империализма⁵.

Эти резкие разногласия между коммунистическими и социалистическими партиями по вопросу о плане Маршалла и других мероприятиях, входящих в программу американского империализма, не могли не отразиться на профсоюзном движении. Правые социал-демократы поспешили воспользоваться этой обстановкой для осуществления раскола в профсоюзном движении. Тактика, заключавшаяся в том, чтобы, находясь в профсоюзах в меньшинстве, добиться от них поддержки своей генеральной линии, отнюдь не отвечала интересам правых социал-демократов. Они уже давно проводили политику раскола тех профсоюзов, в которых не могли установить своего контроля, и создавали с помощью предпринимателей и правительства такие профессиональные организации, где могли господствовать безраздельно. Подобная раскольническая деятельность является не чем иным, как проявлением политики классового сотрудничества, доведенной до своего логического конца. Именно такой политики правые социал-демократы придерживались со времени германской революции, то есть в течение более двадцати пяти лет. Правда, во время антифашистской войны против Гитлера и в период послевоенного революционного подъема они были вынуждены под сильным давлением народных масс пойти на известное объединение с левыми. Однако теперь, когда разногласия вокруг плана Маршалла в значительной мере осложнили обстановку, они пришли к выводу, что наступила пора вернуться к их обычной политике раскола тех профсоюзов, где им не удавалось установить свое господство.

Эта раскольническая политика правых социал-демократов полностью соответствовала интересам и целям американских империалистов, стремившихся прежде всего к тому, чтобы расколоть и уничтожить мощные объединенные профсоюзные организации, которые трудящимся удалось создать после второй мировой войны. Последующие годы оказались самыми тяжелыми в истории мирового профсоюзного движения. Во всех странах социал-демократы, получая широкую поддержку от предпринимателей и государства, всячески пытались расколоть

профсоюзное движение на «правое» и «левое», в то время как коммунисты и другие прогрессивные элементы, поддерживаемые большинством трудящихся всего мира, вели решительную борьбу за сохранение единства профсоюзного движения в международном масштабе и в отдельных странах. Раскольническая деятельность социал-демократов, начиная с 1947 года, представляет собой один из самых ярких фактов в многолетней истории предательства интересов рабочего класса. Четыре последующие главы будут специально посвящены рассмотрению того, как совершалось это преступление против организованного рабочего движения.

Глава 51

РАСКОЛ В ВФП. СОЗДАНИЕ МКСП

(1947—1949)

Американский империализм считал раскол и ликвидацию ВФП одной из своих первейших и главных задач в «холодной войне». Представляя собой высший уровень всемирного профсоюзного единения, который когда-либо был достигнут рабочим классом, подобное международное объединение, естественно, должно было вызвать у империалистов стремление уничтожить его. Уолл-стрит не мог надеяться на успешный исход своих грандиозных планов завоевания мирового господства и подготовки новой мировой войны против стран социализма и народной демократии, пока ему противостояло единое и бдительное всемирное рабочее движение, руководимое прогрессивными силами. Поэтому ему необходимо было любой ценой нанести сокрушительный удар ВФП и сломить единство рабочего движения в разных странах.

Для того чтобы проводить подрывную деятельность в рабочем движении, необходима была «внутренняя агентура»; роль этой агентуры могли играть в первую очередь те предательские элементы внутри самого рабочего движения, которые были согласны пойти в услужение к капиталистам и поддерживать их империалистическую политику. Для достижения этой реакционной цели лучше всего подходили правые социал-демократы, кото-

рые за последнюю четверть века уже накопили громадный опыт в этом отношении. Эти закоренелые заклятые враги социализма и ревностные защитники капитализма уже давно доказали, что по первому приказу своих хозяев они готовы развернуть самое решительное наступление против левых элементов.

Ввиду того что широкое послевоенное движение реакции возглавили США, американские монополии поручили вести работу по расколу рабочего движения прежде всего «своим» правосоциалистическим лидерам, а именно руководителям АФТ и КПП *. Им была поручена роль главных штрейкбрехеров профсоюзного единства; они должны были устранить на пути американского империализма громадное препятствие в лице рабочего движения. Надо ли говорить о том, что бюрократы из АФТ, эти крикливые «рабочие империалисты» и открытые защитники капиталистической системы, охотно взялись за роль изменников всемирного организованного рабочего движения. Лидеры КПП оказались, однако, не в столь «выгодном» положении, так как им приходилось серьезно считаться с сильным левым крылом. Однако в конце концов они также погрузились с головой в раскольническую деятельность и из их среды вышло немало «деятелей» для выполнения этой грязной работы. Их наступление на ВФП было облегчено также тем обстоятельством, что 10 июля 1946 года умер Сидней Хиллман, крупнейший интернационалист в КПП.

Таким образом, лидеры АФТ и КПП оказались на службе империалистов Уолл-стрита; они превратились в главных раскольников профсоюзного движения в Европе и в Азии, в Латинской Америке и в США. Это было совершенно ясно, несмотря на все их попытки замаскировать истинные цели своей деятельности уверениями в том, что они якобы стремятся к миру и защите интересов рабочего класса. К выполнению этой подрывной работы они привлекли целую армию раскольников, занявших роскошно обставленные кабинеты, — лидеры американских профсоюзов не жалели расходов для своих целей. Значительная часть расходов покрывалась из собственных касс, однако, помимо этого, они имели доступ к тем громадным

* Это такие же консерваторы, как и правые профсоюзные лидеры в Европе, с той единственной разницей, что они не болтают о социализме.

суммам (по несколько миллиардов долларов ежегодно), которые США по плану Маршалла и другими способами расточали во всем мире. Как послушные слуги американских империалистов, эти профсоюзные «руководители» постоянно работали рука об руку с государственным департаментом США, проводящим основную линию монополистов Уолл-стрита. Они действовали так похоже, что невозможно было понять, где кончается деятельность госдепартамента и где начинается деятельность «рабочего руководства». Во всей своей истории всемирное рабочее движение еще никогда не сталкивалось с такой тщательно организованной и щедро финансируемой кампанией штрейкбрехерства и подрыва профсоюзов.

Защитники капитализма, американские профсоюзные лидеры были материально заинтересованы во всей позорной империалистической кампании по подготовке войны, поскольку они рассчитывали на свою долю в добыче, которую американский империализм собирался прибрать к рукам. Их подход был прост и циничен. Мини и другие уже видели, как пухнут кассы (так оно на самом деле и было) в результате «процветания», в результате милитаризации экономики в связи с политикой подготовки к войне, проводимой Уолл-стритом; они предвкушали низкую лесть и восхваление, которыми их осыплют капиталистическая пресса, предприниматели и правительство; они уверенно смотрели в будущее, надеясь стать лидерами нового всемирного профсоюзного движения, создаваемого их руками (и они действительно стали диктаторами и хозяевами МКСП). Все это представляло собой широкую кампанию профсоюзного империализма, совпадающую во всех деталях с общей программой империалистической экспансии и завоеваний, проводимой американским монополистическим капиталом.

Расхождение во взглядах по поводу плана Маршалла

Провозглашение плана Маршалла в июне 1947 года явилось сигналом для правых социал-демократов приступить к расколу ВФП. Единственной причиной, заставившей их раньше пойти по одному пути с этой прогрессивной организацией, были прежде всего радикальные настрояния рабочих в конце второй мировой войны. Иначе в то время они поступить не могли. Но, став членами

этой организации против своего желания, они сразу же поняли, что план Маршалла может стать поводом к расколу. Как указывала ВФП, всего лишь через несколько недель после провозглашения плана Маршалла представители АФТ и КПП созвали в Швейцарии в присутствии известного ренегата Лавстона совещание, которое решило, что, если им не удастся принудить ВФП принять план Маршалла, они выйдут из нее и создадут новую организацию¹.

На своем первом конгрессе в октябре 1945 года ВФП приняла план международной помощи и содействия хозяйственному восстановлению в разных странах. Этот план призывал к тому, чтобы: а) усилить индустриализацию и технический прогресс сельского хозяйства во всех отсталых странах в условиях соответствующего демократического контроля для того, чтобы помочь этим странам освободиться от существующей зависимости и повысить жизненный уровень населения; б) установить контроль за тем, чтобы эта программа помощи не использовалась в корыстных целях ни национальными, ни иностранными монополистами, так как это может нанести серьезный ущерб законным национальным и социальным интересам этих стран; в) поддерживать любую помощь, которая может быть предоставлена этим странам за счет технических и финансовых ресурсов высокоразвитых стран в форме долгосрочных кредитов и другими способами, при этом не разрешая, однако, высокоразвитым странам вмешиваться во внутренние дела нуждающихся государств или подчинять последние влиянию международных трестов и картелей².

Уже на совещании европейских стран в июле 1947 года, на котором обсуждался план Маршалла, стало очевидным, что этот план не имеет ничего общего с демократически контролируемой международной помощью, предусматривавшейся ВФП. Стало ясно, что план Маршалла представляет собой программу экономического и политического закабаления капиталистической Европы США, как вскоре и случилось. Подобные намерения империалистов, однако, отнюдь не претили консервативным лидерам американских профсоюзов, не оттолкнули они и английских профсоюзных лидеров. Уже в это время стало ясно, что в империалистическом наступлении, которое начинали развертывать США, Великобритании отво-

дидась роль младшего партнера, которого к тому же собирались держать в крепкой узде.

Обсуждение вопроса о плане Маршалла было навязано ВФП в ноябре 1947 года на заседании Исполнительного бюро. Хотя он и не стоял на повестке дня заседания, предводитель КПП Кэри, этот воинствующий глашатай американского империализма, заранее объявил со свойственным ему высокомерием, что он будет выступать по плану Маршалла. Ему было разрешено изложить свои взгляды, а обсуждение вопроса в соответствии с существующими правилами было назначено на следующее совещание бюро. Такой оборот дела, однако, не устраивал защитников плана Маршалла, и едва успела закончиться сессия, как они начали активную кампанию за немедленный созыв другого совещания бюро для обсуждения этого же вопроса.

К концу 1947 года правые элементы в ВФП, несомненно, уже принявшие решение о расколе, готовились к тому, чтобы ценой любых усилий протащить вопрос о плане Маршалла в ВФП. АФТ открыто пропагандировала раскол. Созванный в октябре 1947 года съезд входящих в нее профсоюзов единодушно одобрил соответствующую резолюцию, предложенную Давидом Дубинским. Однако лидеры АФТ, полностью дискредитировавшие себя в глазах европейского рабочего движения своей открытой реакционной и раскольнической деятельностью, не могли официально возглавить раскольническую кампанию и были вынуждены передать эту роль англичанам³. Британские лидеры, давно уже погрязшие в болоте классового сотрудничества, сразу же возглавили раскольническую деятельность. На своем заседании 28 января 1948 года БКТ принял и направил ВФП ультиматум следующего содержания: если к середине февраля (то есть через две недели) ВФП не созвет Исполнительное бюро для обсуждения плана Маршалла, то БКТ будет считать себя свободным созвать международную конференцию всех профсоюзов, одобряющих этот план⁴.

Следующее заседание бюро технически не могло состояться раньше 30 апреля. Представители британских тред-юнионов, однако, сочли эту отсрочку на несколько недель неприемлемой и 9 марта 1948 года созвали в Лондоне профсоюзную конференцию маршаллизированных стран. Всеобщая конфедерация труда Франции и Всеоб-

шая итальянская конфедерация труда, объединяющие в своих рядах около 10 миллионов членов, не приняли участия в этой конференции; в ней участвовали представители АФТ, КПП, профсоюзы Западной Германии и другие профсоюзы, возглавляемые оппортунистами. Участники конференции одобрили план Маршалла и, заявив, что он не содержит никаких элементов американского политического диктата, обратились ко всем трудящимся с призывом всемерно поддержать его. На конференции был также учрежден Профсоюзный консультативный комитет содействия плану Маршалла. Эта международная конференция явилась прямым вызовом ВФП и первым решительным шагом к расколу. Открывшаяся перспектива раскола международного профсоюзного движения особенно обрадовала реакционеров из АФТ.

Воспользовавшись создавшейся обстановкой, правительства капиталистических стран предприняли ряд мер по практическому претворению в жизнь плана Маршалла. 3 апреля 1948 года, после подписания закона «Об оказании помощи иностранным государствам», план Маршалла стал составной частью официальной американской политики, а через две недели шестнадцать европейских государств, которые ранее согласились принять помощь по плану Маршалла, создали Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Все это происходило под контролем и руководством государственного департамента США. Уолл-стрит попытался одним ударом установить свое господство над экономикой Европы, и эта попытка в основном оказалась успешной.

Американские капиталисты и их лакеи в профсоюзном движении верили, что план Маршалла является непобедимым оружием в их руках и что в связи с послевоенной разрухой и тяжелыми условиями существования населения почти во всех странах Европы ни одно правительство, в том числе и правительства Советского Союза и стран народной демократии, не говоря уже о профсоюзах, не рискнет отказаться от американского предложения «помощи», несмотря на все обязательства политического характера, которые такая «помощь» накладывала на соответствующие государства. Однако в этом отношении им пришлось столкнуться с некоторыми неожиданностями: революционные страны и их профсоюзы не захотели надеть на себя ярмо Уолл-стрита.

Раскол в ВФП

Следующие несколько месяцев были периодом известного замешательства и ожесточенных споров в ВФП. В конце апреля 1948 года в Риме состоялось заседание Исполнительного бюро. Участники заседания отвергли план Маршалла. В целях сохранения единства международного профсоюзного движения советская профсоюзная делегация предприняла последнюю попытку — она выдвинула предложение (принятое всеми участниками), чтобы профсоюзы каждой страны сами решали для себя вопрос об отношении к плану Маршалла. Представители британских тред-юнионов и американских профсоюзов выступили против этого предложения. Бюро единодушно наметило дальнейшую линию поведения, но это не предотвратило назревающего раскола. Американский крупный капитал требовал покончить с ВФП, реакционные элементы решили осуществить окончательный раскол и лишь выжидали подходящего момента для того, чтобы нанести удар⁵. К этому времени они уже полностью перешли на сторону реакции в вопросе о «холодной войне», начатой крупным американским капиталом.

Раскол в ВФП произошел 19 января 1949 года на заседании бюро ВФП в Париже. Непосредственным поводом явилось письмо Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов, в котором Всемирной федерации профсоюзов предлагалось приостановить выполнение ее функций и передать в руки специально избранного комитета доверенных лиц все имущество и финансы распускаемой организации. Это наглое письмо содержало ультиматум: в случае если ВФП откажется исполнить требование Генсовета БКТ, последний выйдет из состава этой организации⁶. То, что лидеры КПП были в курсе назревавших событий, стало очевидным спустя некоторое время, а именно, когда на своем ноябрьском съезде КПП категорически отказался одобрить деятельность ВФП и уполномочил свой Исполнительный совет принять любые меры, которые он сочтет необходимыми, в отношении международной организации⁷.

На заседании бюро 19 января президент ВФП англичанин Артур Дикин огласил меморандум БКТ. Его поддержал воинственный Кэри, высокомерно заявивший: «Совершенно бесполезно считать ВФП чем-либо иным, кроме как трупом. Давайте хоронить ее»⁸. Раскольники

требовали, чтобы всем национальным профсоюзным центрам было отдано указание о прекращении всяких связей с федерацией. Когда Дикина спросили, что они предпримут, если большинство отклонит их предложение, он объявил, что это дело большинства, но что касается БКТ, то он уже принял твердое решение. Раскольники категорически отвергли предложение о созыве Всемирного конгресса ВФП — единственного органа, компетентного рассмотреть их предложение о роспуске организации. Они знали, что на этом конгрессе окажутся в меньшинстве. Когда их возмутительное предложение было забаллотировано, Дикин и Кэри, сопровождаемые голландским правым социалистом Купером, покинули заседание; так начался раскол, который сразу же отразился и на международных секретариатах профсоюзов и, как мы увидим в следующих трех главах, сразу же принял широкие размеры в Германии, Франции, Италии, обеих Америках и в Азии. Поддерживая политику раскольников, французское правительство предложило штаб-квартире ВФП покинуть Париж; последняя была вынуждена обосноваться в Вене.

Для того чтобы оправдать свои преступные расколнические действия, американские и английские штрейк-брехеры яростно напали на ВФП, прикрываясь лозунгом борьбы с «красной» опасностью. Они предъявили ВФП ряд обвинений, взятых из арсенала пропаганды Геббельса и ему подобных. Они обвиняли ее в том, что в ней якобы господствуют русские, что она является орудием в руках Советского правительства, а также в других страшных преступлениях.

Что касается обвинения по поводу господства русских в ВФП, то его несостоятельность становится очевидной при знакомстве с Уставом ВФП. По уставу советские профсоюзы, объединяющие 27 миллионов человек, имели меньше голосов, чем БКТ и КПП, которые в общей сложности насчитывали 13 500 тысяч членов. В Исполнительном комитете США и Великобритании (включая Канаду) имели 5 голосов против 3 от СССР; в Генеральном совете соотношение было 7 к 5, и, наконец, на Всемирном конгрессе соотношение равнялось 235 к 205 голосам. При таких условиях разговоры о русском господстве представляли собой глупость чистейшей воды. Тот факт, что английские и американские союзы располагали большинством голосов, всегда вызывал у них удовлетворение, и

лишь позже для оправдания раскола было сострепано обвинение в том, что в ВФП якобы хозяйничают советские профсоюзы.

Обвинение ВФП в том, что она является проводником внешней политики Советского правительства, было абсолютно необоснованным. Это была отчаянная попытка группы раскольников любой ценой спасти свое положение. Стоит вспомнить здесь пылкие слова Кэри по возвращении делегации КПП из Советского Союза о том, что он в высшей степени «горд тем, что через посредство Всемирной федерации профсоюзов американцы установили связь с таким великим профсоюзным движением». Интересно также отметить, что не кто иной, как сам Дикин, всего лишь 21 июля 1948 года опровергал клевету о господстве русских в ВФП. Газета «Дейли геральд» в сообщении под заголовком «ВФП не является орудием Советов» писала: «Вчера на конгрессе Всемирной федерации работников транспорта в Осло мистер Артур Дикин категорически отверг, что Всемирная федерация профсоюзов действует якобы как орудие в руках советского империализма»⁹.

Образование МКСП

Раскол в ВФП вызвал ликование капиталистов во всем мире, особенную радость он вызвал в США, где Уолл-стрит считал уничтожение этой организации первым и основным условием завоевания мирового господства, а также у реакционных руководителей АФТ, давно уже позабывших о своей былой — пусть слабой — приверженности делу пролетариата. Их лозунгом было «ВФП сломлена — теперь дело за свободными профсоюзами». Исполком АФТ 4 февраля 1949 года опубликовал следующее заявление: «Американская федерация труда и свободные профсоюзы во всем мире не могут не приветствовать отмежевание Британского конгресса тред-юнионов, КПП и Нидерландской федерации труда от так называемой Всемирной федерации профсоюзов»¹⁰. Он поставил своей целью создать новую международную организацию и сразу же приступил к осуществлению этой задачи.

Лидеры АФТ быстро прибрали к рукам руководство вновь создаваемой международной организации. Это,

однако, пришлось не по вкусу английским реакционерам, возглавлявшим раскол. В этом, помимо прочего, отражалась ненависть британского империализма к американскому. Но напористые и более сильные в финансовом отношении лидеры АФТ вскоре бесцеремонно отодвинули их в сторону. США быстро забирали в свои руки руководство (читай: господство) над капиталистической Европой. Что могло быть более естественным, чем захват АФТ контроля над новым профсоюзным Интернационалом? Как у правительства США, так и у АФТ имелись огромные средства для достижения этих сходных целей. Что же касается КПП, то он все еще вызывал у заправил Уолл-стрита известные сомнения, учитывая роль, которую играло в нем левое крыло, и не пользовался таким полным доверием Уолл-стрита, как АФТ.

Вскоре АФТ и КПП выделили «взаймы» правительству США около 100 агентов для отправки во все страны Европы, Латинской Америки и Азии. После того как эти агенты приложили максимум усилий, чтобы расширить раскол, 25—26 июня 1949 года в Женеве была созвана предварительная конференция раскольников. Мандатная комиссия конференции сообщила, что на конференции присутствуют 127 делегатов из тридцати пяти стран, представляющих 38 национальных профсоюзных центров и 12 международных секретариатов, насчитывающих в общей сложности 42 миллиона членов¹¹, что безусловно было преувеличением. Это было не чем иным, как мобилизацией профсоюзных сил распавшегося в связи с войной Второго Интернационала* — сил, поддерживаемых финансовыми ресурсами и политическим влиянием государственного департамента США. Конференция постановила созвать другое совещание в Лондоне с целью создания новой международной организации.

На Лондонском совещании (28 ноября — 9 декабря 1949 года) присутствовали 261 делегат, якобы представляющие 59 национальных профсоюзных центров из пятидесяти трех стран с общим числом членов в 48 миллионов человек (безусловно преувеличенная цифра). Из 18 существующих международных профсоюзных секретариатов своих делегатов послали 14. По подсчетам Лорвина,

* Второй Интернационал, уничтоженный фашизмом и войной, был вновь возрожден во Франкфурте (Германия) в июле 1951 года.

44 процента всех членов были из стран Европы, 30 процентов — из Северной Америки. Совершенно очевидно, что остающиеся 26 процентов, или около 12 миллионов членов (повидимому, из колониальных или полуколониальных стран), существовали в основном только на бумаге. Общее количество членов, представленных на этом конгрессе, во всяком случае не могло превышать 40 миллионов.

Консервативные лидеры американских профсоюзов распределили свои силы таким образом, чтобы обеспечить себе контроль над новой международной организацией: 10 делегатов от АФТ, 10 от КПП и 1 от Объединенного профсоюза горняков. Характерно, что, хотя эти элементы в США ожесточенно воюют друг с другом, они легко пошли на то, чтобы по призыву американских империалистов объединить свои силы в войне против ВФП. На Лондонском совещании они вели себя, как высокомерные хозяева, чем вызвали возмущение не только британских, но и всех других делегатов. Даже американская печать отметила это стремление США навязать свой контроль. Журнал «Индастриел энд лейбор рилейшенс ревю», выходящий в Корнелле, в номере за апрель 1950 года многозначительно писал: «Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что профсоюзы Соединенных Штатов явились крестным отцом МКСП».

После десяти дней работы Лондонская конференция приняла устав и преобразовалась в первый конгресс Международной конфедерации свободных профсоюзов. Так родилась новая профсоюзная федерация, созданная американским империализмом для борьбы с ВФП. МКСП учредила Исполнительный совет из 26 членов и избрала в качестве своего генерального секретаря представителя Голландии социал-демократа старого пошиба Д. Х. Олденброка. Ее штаб-квартира была основана в Брюсселе. Постепенно в ее состав вошли 19 международных профсоюзных секретариатов; были образованы региональные бюро в Европе (РБЕ), Азии (РБА) и Латинской Америке (РБЛА). Было установлено, что конгрессы МКСП будут созываться раз в два года.

В своей программе МКСП на словах выступала в защиту интересов трудящихся, но ее действительные цели были ясны, если учесть ту полную и всестороннюю поддержку, которую она оказывала плану Маршалла, а также

ее злобные нападки на страны социализма и народной демократии. Настоящей целью МКСП была борьба не с капиталистами и империалистами, а с левыми течениями во всемирном профсоюзном движении. Эта элементарная истина становилась все более очевидной в последующие годы, когда МКСП, все громче крича о «красной опасности», проводила раскольническую деятельность во всем мире, отклонила в Милане в 1951 году предложение ВФП о совместных действиях в повседневной борьбе трудящихся и, наконец, полностью приняла милитаристскую линию американского империализма.

Взаимоотношения между силами всемирного профсоюзного движения

На своем конгрессе в Вене в мае 1955 года МКСП заявила, что она объединяет 54 миллиона членов профсоюзов, а ВФП еще в октябре 1953 года сообщила, что она представляет 88 581 313 членов профсоюзов семидесяти девяти стран, причем те профсоюзы, в которых насчитывалось 8 миллионов членов, не являются непосредственно филиалами ВФП. Эти цифры свидетельствуют о росте числа членов ВФП почти на 14 миллионов по сравнению с первым учредительным конгрессом этой организации в мае 1945 года (67 миллионов человек). Такой значительный рост оказался возможным, несмотря на раскол, благодаря громадному увеличению числа членов профсоюзов за послевоенные годы, особенно в странах социализма и народной демократии. Последние данные численности ВФП (см. «Новости Всемирного союза профессиональных организаций» за октябрь 1955 года) указывают, что она объединяет по всем филиалам 84 миллиона членов. Обе международные организации вместе дают официальную общую цифру в 142 600 тысяч членов профсоюзов во всем мире, к которой можно еще добавить по меньшей мере десяток миллионов членов независимых и христианских профсоюзов.

Отбросив в сторону все обвинения и контробвинения в завышении данных по числу членов ВФП и МКСП, следует признать, что ВФП представляет собой куда более крупную всемирную профсоюзную организацию, чем МКСП. Лучшим доказательством этого является сам факт раскола, ибо если бы правые элементы имели большин-

ство и могли бы контролировать ВФП, они не прибегли бы к тактике раскола, а всеми путями и способами постарались бы вытеснить из организации левые секции или все левое крыло, как это они делали в других случаях. Таким образом, впервые левые прогрессивные элементы начали составлять определенное большинство в мировом профсоюзном движении и особенно в руководстве им. Этот процесс свидетельствует о том, что происходит стихийный сдвиг профсоюзного движения всего мира влево. Все это находится в полном соответствии с еще более существенным фактом — растущей тенденцией движения мира к социализму.

ВФП является не только крупнейшей всемирной профсоюзной организацией, но она также представляет собой передовой, наиболее революционный отряд мирового рабочего класса. Главный оплот МКСП — США, Англия, Западная Германия, Скандинавия и Нидерланды, то есть те страны, где уже давно утвердился и пустил глубокие корни капиталистический и империалистический строй, в которых существует большая прослойка консервативно настроенной рабочей аристократии. В других странах мира, в частности в колониальных и полуколониальных, ее положение непрочное; там МКСП опирается главным образом на союзы, образованные капиталистическими правительствами и предпринимателями для борьбы с организациями, входящими в ВФП.

Главный оплот ВФП — это, во-первых, страны социализма и народной демократии, представляющие собой передовой отряд мирового пролетариата, объединяющий в общей сложности (по данным третьего конгресса ВФП) около 53 миллионов членов; во-вторых, те страны, которые сильнее всего пострадали от общего кризиса капитализма и в которых рабочие всего революционнее, — в Японии, во Франции и в Италии, где левые элементы всегда сильнее правых, и, наконец, колониальные и полуколониальные страны Азии, Африки и Латинской Америки, где влияние левых элементов также значительно сильнее и распространяется на профсоюзы, насчитывающие приблизительно 28 007 840 членов. МКСП сходна с бывшей МФП (Международной федерацией профсоюзов) — организацией, опиравшейся на рабочую аристократию. ВФП же опирается на широчайшие массы мирового рабочего класса ¹².

ВФП — международная организация нового типа, ей свойствен дух, чуждый МКСП. В МКСП царит та же затхлая атмосфера, которая наблюдается в МФП — типичной правой организации. Если МКСП и прибегает иногда к новым методам работы, чтобы завоевать на свою сторону народные массы, как, например, в колониальных странах, то она делает это в порядке конкуренции с ВФП для того, чтобы помешать ее деятельности в тех странах, где она была зачинателем профсоюзного движения. Разницу между этими двумя организациями можно вкратце охарактеризовать следующим образом: в то время как МКСП плетется за англо-американскими империалистами, пытающимися спасти капитализм, большинство членов ВФП занято строительством социализма. ВФП идет в авангарде мирового профсоюзного движения.

Глава 52

РАСКОЛ В ПРОФСОЮЗАХ ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ (1947—1949)

Европа, естественно, явилась тем полем, на котором разыгрывались главные сражения в «холодной войне». После окончания второй мировой войны многие страны лежали в развалинах, а их народы владели полуголодное существование. Трудящиеся массы находились под сильным влиянием левых элементов, о чем свидетельствуют создание могучего профсоюзного движения, образование радикальных коалиционных правительств во многих странах, а также революционные настроения рабочего класса. Не подлежит сомнению, что в конце войны большая часть трудящихся в странах Европы стремилась к установлению социалистического строя, хотя отнюдь не всем им были ясны пути достижения этой цели.

Именно поэтому главный удар в «холодной войне», которую США вели с целью завоевания мирового господства, был направлен против европейского континента. Сюда главным образом после войны американское правительство щедро бросало свои миллиарды, стремясь к укреплению и расширению определенных отраслей экономики европейских стран и к перевооружению капиталистических государств. Всячески стремясь удушить назревшую революцию и стать хозяином положения, США

превратились в жандарма Европы. Именно в Европе они приложили больше всего усилий, чтобы после войны подорвать потенциально очень сильное в первые годы профсоюзное движение. Кампания подрыва международного профсоюзного движения, получившая свое выражение в расколе ВФП в 1949 году, в своей основе опиралась на раскол профсоюзного движения в ведущих странах Европы.

Как и во всех других странах, раскольническую деятельность в профсоюзном движении европейских стран возглавили правые социал-демократы. Они стали послушным орудием Уолл-стрита в разжигании «холодной войны», особенно в вопросе о плане Маршалла. Эти опытные раскольники рабочего движения искусно маскировали свои гнусные цели демагогическими призывами к сохранению мира и демократии. Особенно много агентов для этой деятельности госдепартамент США завербовал из числа реакционных лидеров АФТ и КПП. При каждом критическом повороте борьбы в Европе находилось множество подобных агентов «от труда», которым щедро оплачивали любые действия, подрывающие единство профсоюзов. В этих махинациях, финансировавшихся правительством, особенно активно проявляли себя лидеры АФТ, злорадствовавшие по поводу каждого удачного удара, который они наносили по объединенному рабочему движению Европы первых послевоенных лет.

Раскол в профсоюзном движении Германии

В главе 47 мы видели, каким образом американской военной администрации во главе с американскими генералами и при активной поддержке со стороны лидеров и агентов АФТ удалось воспрепятствовать созданию общегерманских профсоюзов, не допустить объединения немецкого рабочего класса через единство профсоюзного движения в стране. Наряду с этой раскольнической деятельностью на профсоюзы в западных зонах оказывался постоянный нажим, с тем чтобы помешать им избрать левых лидеров и принять прогрессивную программу. Правительство США, а также его подручные из АФТ и КПП непосредственно несут ответственность за то, что в Западной Германии было подавлено движение за национализацию промышленности; они же способствовали тому, что

возродившимся немецким профсоюзам было навязано старое руководство, которое было их проклятием еще до прихода Гитлера к власти. Лорвин недаром замечает, что «большинство лидеров профсоюзов в западных зонах подвизались в профсоюзном движении еще до 1933 года»¹.

Следующий этап в расколе немецкого профсоюзного движения ясно обозначился после начала «холодной войны» в 1947 году в связи с провозглашением доктрины Трумэна и плана Маршалла. Вооруженные планом Маршалла, американские военные заправили и их приспешники из АФТ и КПП Браун, Брауер, Кац, Руц и другие в значительной мере усилили раскольническую деятельность по всему фронту, используя своих агентов, рабочую прессу и т. п. Одним из наиболее тяжелых ударов, которые им пришлось пережить, был раскол профсоюзного движения в Берлине. Берлинские профсоюзы пользовались большим авторитетом во всей стране, не говоря уже о том, что они представляли очень большую силу сами по себе. Во главе их стояли коммунисты. «Выборы в 1946 и 1947 гг., — как признает даже социал-демократ Александер, — дали коммунистам ощутимое большинство в Совете федерации свободных немецких профсоюзов Большого Берлина»². Военные власти совместно с раскольниками из АФТ и КПП и западногерманской полицией сумели, однако, вопреки воле берлинских рабочих создать так называемую независимую профсоюзную оппозицию (НПО). Используя доморощенные средства, взятые из арсенала гитлеризма, они смогли в следующем году обеспечить этой организации необходимое «большинство» и объявить ее профсоюзной организацией трудящихся Западного Берлина³.

До 1947 года генералам американской военной администрации и их пособникам в АФТ было нелегко препятствовать образованию общегерманской федерации труда, в пользу которой трудящиеся неоднократно высказывались на своих межзональных конференциях. Теперь же, когда была пущена в ход «холодная война», они смело перешли от политики маневров и саботажа к открытому сопротивлению единству профдвижения в масштабе страны. Появление доктрины Трумэна и плана Маршалла, пишет Лорвин, «окончательно развеяло надежды на то, что может быть создана общегерманская федерация труда»⁴.

В феврале 1948 года межзональная конференция, созванная в Дрездене по инициативе ВФП, приняла реше-

ние об учреждении Центрального совета немецких профсоюзов, образовала комитет для его организации и постановила созвать в следующем месяце широко представительную конференцию. Но в этот момент грубо вмешалась союзная военная администрация, где господствовали американцы, в результате чего конференция оказалась сорванной. Таким образом, в связи с «отказом оккупационных властей выдать разрешение делегатам присутствовать на этом съезде... движению за объединение всех немецких профсоюзов был положен конец».⁵ К этому предательству приложили руку также и консервативные лидеры британских тред-юнионов — враги всякого левого движения. В октябре 1949 года профсоюзы всех западных зон, подстрекаемые американской и немецкой социал-демократией, образовали так называемое «Дейче Геверкшафтсбунд» — Немецкую федерацию профсоюзов (НФП), которая вошла в МКСП. Немецкое профсоюзное движение было таким образом окончательно расколото.

Естественно, что эти подрывные действия чрезвычайно ухудшили положение немецкого рабочего класса; расплачивались за это трудящиеся — они получали меньше хлеба и масла. Хозяева же, напротив, выиграли от этого: разлад в профсоюзном движении явился для них воистину манной небесной. Как указывала 23 апреля 1955 года скриппс-говардская печать, за послевоенный период вырос новый урожай миллионеров в количестве не менее 200 человек.

Бюрократы из АФТ открыто радовались расколу немецкого профсоюзного движения, приписывая эту заслугу себе. Это предательство коренных интересов рабочего движения они прикрывали криками о патриотизме и преданности интересам демократии и мира во всем мире, используя обычную демагогию поджигателей войны того времени. Давид Дубинский — ренегат-социалист, один из верных проводников реакционной политики АФТ, хвастался этим позорным «достижением»: «Если бы не комитет АФТ по связи со свободными профсоюзами в Германии после второй мировой войны, если бы не его энергичное вмешательство в защиту дела свободных профсоюзов, то коммунисты, действующие через Всемирную федерацию, могли бы к настоящему времени захватить в свои руки контроль над возрожденными немецкими профсоюзами».⁶

Наступление раскольников на Всеобщую конфедерацию труда Франции

Подрывная деятельность, которую в 1947—1949 годах социал-демократы в союзе с предпринимателями и капиталистическими правительствами проводили во всех странах против ВФП, ярко проявилась во Франции, породив небывалое по своим масштабам штрейкбрехерство в профсоюзном движении и доведя профсоюзы до краха. С точки зрения пролетария, штрейкбрехер — это «скаб», самый подлый из всех паразитов, ползающих по земле. Однако лидеры АФТ, КПП и французской правой социал-демократии, чью деятельность направлял американский империализм, считали эту грязную работу своей почетной обязанностью.

Устранение коммунистов из французского коалиционного правительства весной 1947 года явилось сигналом к наступлению на жизненный уровень и профсоюзные организации французского рабочего класса. Реальная заработная плата во Франции была в то время на 50 процентов ниже уровня 1938 года,⁷ в период же с июля 1946 года по декабрь 1948 года она упала еще на 30 процентов.⁸ Между тем с ростом производства значительно возросли прибыли предпринимателей, которые катались, как сыр в масле, получая субсидии англо-американских империалистов и находясь под их вооруженной защитой.

В середине лета 1947 года ВКТ Франции активно выступила против дальнейшего ухудшения положения трудящихся. Она выдвинула целый ряд требований в области зарплаты и осудила план Маршалла и доктрину Трумэна. Так как переговоры не привели к каким-либо существенным уступкам со стороны предпринимателей и правительства, был проведен ряд крупных забастовок среди горняков, железнодорожных рабочих, докеров, рабочих газовой и электрической промышленности, строителей и рабочих других профессий. Движение приняло настолько широкие размеры, что превратилось почти во всеобщую стачку с числом бастующих рабочих до 3 миллионов человек. Реакционное правительство по указке американцев бросило против забастовщиков полицию и угрожало ввести в действие войска. «Забастовки в ноябре—декабре 1947 г.,—говорит Галенсон,—были, пожалуй, самыми ожесточенными в истории Франции, а цели, которые они преследовали,—самыми важными для страны и профсоюзного движения».⁹

Правые социал-демократы с помощью троцкистов и сектантов-синдикалистов старого пошиба решили окончательно подорвать единство французского рабочего движения как раз в тот критический момент, когда организованные рабочие боролись за свое существование. Социалистам пришлось не по вкусу деятельность созданной к концу войны ВКТ, объединяющей все профсоюзное движение в стране. Они, конечно, никогда не присоединились бы к федерации, если бы у них был другой выход из положения, создавшегося в результате боевого, революционного настроения трудящихся. Они с самого начала пытались проводить фракционную деятельность внутри ВКТ, постепенно сплывая свои силы, готовясь к тому, чтобы в подходящий момент начать раскольническую деятельность. Следуя подлейшей штрейкбрехерской тактике, обычно применяемой объединениями предпринимателей, правые социал-демократы решили, что наступил подходящий момент для раскола — именно тогда, когда все силы ВКТ Франции были брошены на широкую борьбу с предпринимателями и послушным им правительством. Как и в Германии, у бюрократических заправил из АФТ и КПП были свои агенты и во Франции, которые должны были всячески поощрять, организовывать и финансировать это штрейкбрехерство. Все это входило в общий план разгрома ВФП.

Правая оппозиция, во главе которой стоял один из старейших реформистов, Леон Жуо, бывший в то время вторым секретарем ВКТ Франции, открыто осудила забастовки и обратилась к трудящимся с призывом не принимать в них участия. Почти такую же позицию заняли и лидеры католического союза. Отказавшись от общей программы борьбы, в которой ВКТ предусматривала установление контроля над ценами, а также повышение заработной платы, клика Жуо потребовала только установления контроля над ценами, зная заранее, что правительство на это не пойдет. Силы оппозиции выступали в роли обычных штрейкбрехеров, а их главари открыто сотрудничали с предпринимателями и правительством в срыве забастовки. В результате профсоюзы хотя и добились некоторого повышения заработной платы, сильно пострадали организационно из-за предательства изнутри и жестоких правительственных репрессий. По поводу использования войск против забастовщиков приверженец правых Лорвин

делает следующее важное замечание: «Во многих подобных случаях в других странах Европы, когда приходилось прибегать к помощи войск, во главе министерства внутренних дел стоял социалист — на сей раз это был энергичный Жюль Мок».¹⁰

После того же как профсоюзное движение понесло большие потери в великой борьбе за право трудящихся, группировка Жуо (АФТ—КПП) предприняла следующий шаг в осуществлении своей программы подрывной деятельности в профсоюзах: она начала кампанию за выход из состава ВКТ Франции. В декабре 1947 года раскольники сколотили свою собственную организацию, так называемую Генеральную конфедерацию рабочих сил, известную больше под названием «Форс увриер» («Рабочая сила»). Первый Всефранцузский съезд этой организации состоялся в апреле 1948 года. Участники съезда полностью одобрили план Маршалла. Начиная с этого времени, «Форс увриер» активно способствовала претворению в жизнь планов Уолл-стрита, целью которых было подчинить Францию американским империалистам. Вскоре эта организация примкнула к МКСП.

АФТ и госдепартамент шли на огромные затраты, финансируя кампанию раскола профсоюзов и штрейкбрехерство во Франции. Без их поддержки эта кампания никогда не имела бы успеха. Лорвин пишет, что АФТ, помимо передачи раскольникам 100 пишущих машинок и необходимого конторского оборудования, снабжения продуктами питания и т. п., предоставила им «взаймы» 25 тысяч долларов.¹¹ Это, конечно, явно заниженные данные о той щедрой финансовой помощи, которую заправили АФТ и госдепартамент оказывали покрывшим себя позором раскольникам. Только группа Жуо получила 30 миллионов франков от французского правительства (из американских фондов).¹²

Однако штрейкбрехерам во Франции не удалось полностью осуществить свои цели. Под руководством Бенуа Фрашона и при поддержке могучей Коммунистической партии ВКТ с честью выдержала тяжелое испытание и сохранила руководство рабочим классом Франции, хотя, конечно, в численном отношении она была значительно ослаблена наступлением реакции. Несмотря на раскол, большинство организованных трудящихся во Франции осталось под ее знаменами. «Форс увриер» и католические

союзы продолжали существовать в виде некоего «привеска».

Вместо того чтобы начать ожесточенную борьбу с этими организациями, как ожидали все реакционеры, ВКТ в последующие годы терпеливо пыталась наладить с ними совместные действия. В ходе подготовки всеобщей забастовки в августе 1953 года в известной степени ей даже удалось при поддержке народных масс добиться сотрудничества с этими организациями через посредство Объединенного комитета действий. К тому времени ВКТ Франции объединила 70 процентов всех организованных трудящихся страны¹³; в июне же 1953 года согласно сведениям, сообщенным Анри Рейно XXIX съезду ВКТ, кандидаты этой организации получили от 75 до 90 процентов голосов на выборах, проходивших на всех промышленных предприятиях Франции.¹⁴

Раскол в профсоюзном движении Италии

Всеобщая итальянская конфедерация труда (ВИКТ), возродившаяся после разгрома фашизма и победоносного окончания войны, к этому времени представляла собой самую мощную профсоюзную организацию, когда-либо существовавшую в Италии (см. главу 47). Насчитывая в своих рядах к концу 1947 года около 6 685 564 членов¹⁵ — рабочих всех отраслей промышленности и сельского хозяйства, она явилась ярким примером профсоюзного единства, сложившегося в ходе ожесточенной классовой борьбы. Число членов союза сельскохозяйственных рабочих, входящего в ВИКТ, достигло небывалой цифры — 1 900 тысяч. Во второй половине 1947 года этот союз с успехом провел забастовку, в которой приняло участие более 1 миллиона сельскохозяйственных рабочих. Это была одна из крупнейших сельскохозяйственных забастовок в мире.¹⁶

Но для правых социал-демократов и профсоюзных лидеров, идущих на поводу у Ватикана, эта важнейшая организация, построенная ценой неустомимой работы и борьбы, не представляла интереса, особенно после того, как они получили приказ от своих хозяев — американских претендентов на мировое господство, — кроме ВФП, уничтожить и ВИКТ, а также и любую другую профсоюзную организацию, мешающую осуществлению планов амери-

канских империалистов. Правые не замедлили приступить к расколу профсоюзов Италии с цинизмом и с безразличием профессиональных штрейкбрехеров. Как всегда, эта операция проходила под контролем и наблюдением госдепартамента США и его приспешников из АФТ и КПП, активно проводящих подрывную деятельность во всех организациях ВФП.

Раскол профсоюзного движения в Италии осуществлялся по этапам. На первом этапе раскольники использовали спор о плане Маршалла, хотя консервативные профсоюзные лидеры были готовы ухватиться за любой другой предлог, лишь бы добиться раскола рядов трудящихся. Начало расколу было положено изгнанием коммунистов из кабинета де Гаспери весной 1947 года. Таким образом был разрушен союз трех основных политических течений: коммунистов, социалистов и христианских демократов, который, как отмечалось ранее, был представлен не только в правительственном кабинете, но и в руководстве профсоюзами.

Следующим шагом по пути намеченной программы раскола был выход из ВИКТ католического руководства. Уже в 1945 году при активной поддержке со стороны Ватикана раскольнические элементы создали свою фракцию внутри ВИКТ, назвав ее Католической ассоциацией итальянских рабочих. Основной же удар они нанесли в августе 1948 года, выйдя из состава ВИКТ и основав самостоятельную организацию — Итальянскую конфедерацию профсоюзов трудящихся (ИКПТ). Поскольку около 90 процентов итальянских трудящихся — католики, католические профсоюзные лидеры рассчитывали на то, что большая часть рабочих последует за профсоюзами, возглавляемыми церковью; однако этим надеждам, как мы увидим, не суждено было сбыться. Важно отметить, что за месяц до образования ИКПТ было совершено покушение на руководителя Коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти. Но католические лидеры поспешили заверить общественность, что они ни в какой мере не причастны к этому преступлению.

С благословения международного правого профсоюзного руководства в мае 1949 года в свою очередь приступили к осуществлению раскола также лидеры республиканской партии и правые социал-демократы. Еще до этого лидер правых социалистов Джузеппе Сарагат отколол-

ся со своей фракцией от социалистической партии, заявив, что отказывается сотрудничать с коммунистами. Однако бо́льшая часть партии продолжала следовать за Пьетро Ненни, левым социалистом, стоящим на позициях тесного сотрудничества с Коммунистической партией. Новая профсоюзная группа, сформированная Сарагатом и республиканцами, была названа Итальянской федерацией труда (ИФТ). Вскоре, однако, последовал раскол и в этой организации, в результате которого был основан Союз итальянских рабочих (СИР). Несколько позже, в апреле 1950 года, произошло слияние ИКПТ и ИФТ; созданная на этой базе организация получила название Итальянской конфедерации свободных профсоюзов (ИКСП). И без того сложная обстановка еще больше осложнилась из-за того, что каждая из организаций, в которых произошел раскол, попыталась создать новую серию национальных профсоюзов и федераций. ИКСП и СИР примкнули к ИКСП.

В Италии, как и во Франции, эти раскольнические действия сопровождались самым позорным штрейкбрехерством. В этот период ВИКТ, основная профсоюзная федерация в стране, организовывала забастовки и другие выступления, чтобы не допустить дальнейшего понижения жизненного уровня трудящихся, защитить народные массы страны от вечной угрозы безработицы, от последствий капиталистической погони за прибылями. Но раскольников мало интересовала борьба за насущные нужды трудящихся. Вместо того чтобы поддерживать ее, они осуждали забастовщиков, мешали работе пикетчиков и вообще вели себя, как самые настоящие штрейкбрехеры. В это время агенты департамента и их пособники из АФТ и КПП Ирвин Браун, Эльмер Коун и другие хозяйничали в Италии так, как будто она была американской колонией: они сорили деньгами направо и налево, щедро оплачивая услуги тех, кто помогал им разжигать раскол. Американский социалистический лидер Норман Томас также благословил эту раскольническую деятельность. Не теряли времени и предприниматели. Все они: католики, протестанты, республиканцы, демократы, социалисты и прочие — продолжали укреплять единство в своей организации.

Время с 1948 по 1950 год явилось периодом суровой борьбы и испытаний для ВИКТ. Конфедерация подверга-

лась ожесточенным нападкам как изнутри, так и извне. Ее пытались сломить и правительство де Гаспери, и Ватикан, и предприниматели, и правительство США, наконец, оппортунистические главари из АФТ и КПП. ВИКТ с честью выдержала это тяжелое испытание; она вышла из борьбы не без потерь, но тем не менее осталась прочной и нерушимой организацией рабочего класса Италии.

В период раскола распространялись самые невероятные данные как в Италии, так и за границей о численности различных профсоюзных групп, существовавших в стране. Однако факт остается фактом. Под руководством Джузеппе Ди Витторио ВИКТ сумела завоевать около 80 процентов голосов на выборах в заводские советы. Даже Галенсон, антилевые настроения которого ни для кого не являются секретом, утверждает, что в 1952 году ВИКТ объединяла 3 500 тысяч членов, то есть в три с половиной раза больше, чем обе раскольнические организации: ИКСП (800 тысяч членов) и СИР (200 тысяч членов), взятые вместе. В действительности же ВИКТ насчитывала в своих рядах 5 117 300 членов (данные съезда ВИКТ в Генуе в октябре 1949 года¹⁷). В огромном забастовочном движении, охватившем страну в 1953 году, ВИКТ, проводя политику совместных действий, сумела, несмотря на предательскую тактику католических лидеров и правых социал-демократов, возглавить всех организованных трудящихся Италии.

Глава 53

РАСКОЛ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ АМЕРИКИ: КПП и КТЛА

(1947—1949)

Когда вторая мировая война приближалась к концу, марксистам-ленинцам стало уже совершенно ясно, что монополистический капитал США, стремясь к мировому господству, стал на путь реакции и агрессии. Резолюция, принятая июльским съездом (26—28 июля 1945 года) Коммунистической партии США, гласит: «...Наиболее агрессивные круги американского империализма пытаются обеспечить себе политическое и экономическое господство во всем мире... Если реакционная политика и силы монополистического капитала не будут остановлены и не полу-

чат соответствующего отпора, то Америка и весь мир предстанут перед новой агрессией и новыми войнами, перед ростом реакции и фашизма в США».¹ Прогноз коммунистов полностью оправдался.

Для того чтобы получить поддержку или по крайней мере не допустить активного сопротивления со стороны народов США и Канады своим планам, американскому империализму было необходимо сделать одно из двух: либо завоевать на свою сторону руководство профсоюзов, либо сломить сопротивление этого руководства. Что касается АФТ, объединявшей 7 миллионов членов, то заручиться ее поддержкой было нетрудно. Ультрареакционные бюрократы типа Грина, подчинившие себе эту организацию, давно уже стали «рабочими империалистами» и злейшими врагами Советского Союза и всего прогрессивного. Они вели ожесточенную войну против зарождавшейся тогда международной профсоюзной организации ВФП; кроме того, они уже тогда находились в первых рядах сил, готовящих войну.

Что же касается КПП, то тут обстановка была несколько иной. Объединивший около 6 миллионов членов профсоюзов США и Канады, он проводил явно прогрессивную политику. Это являлось результатом того, что в КПП существовало сильное левое крыло (которого не было в АФТ), ведущее за собой около 20 процентов всей организации. Деятельность этих прогрессивных сил, сыгравших наиболее активную роль в создании КПП в период бурного развития профсоюзного движения в стране (1935—1945 годы), полностью отвечала антифашистскому характеру второй мировой войны. Именно благодаря влиянию этих сил КПП проводил в жизнь программу, требовавшую прогрессивного решения многих вопросов, как, например, о рабочих-неграх, о политической борьбе, об отношении к международным организациям и т. п. Эти силы способствовали тому, что КПП превратился в передового руководителя всего профсоюзного движения в США и Канаде.

Ко времени окончания войны, когда американский империализм только еще вступал на путь осуществления своей программы завоевания мирового господства, КПП определенно занимал прогрессивную позицию по ряду вопросов. Он всецело и горячо поддерживал ВФП (против которой так ожесточенно выступала АФТ) и боролся про-

тив растущих милитаристских настроений, открыто культивировавшихся АФТ. На своем съезде в 1946 году КПП заявил: «Мы против участия США в каком-либо блоке или союзе, могущем привести к подрыву единства «большой тройки». Выступая в том же антивоенном духе, съезд КПП в 1947 году призывал «к осуществлению в Организации Объединенных Наций основной политики покойного президента Рузвельта — политики единства целей и действий трех великих военных союзников — США, Великобритании и Советского Союза».² Съезды КПП были относительно свободны от фашистского духа травли «красных», которым за версту несло от съездов АФТ.

Миролюбивая политика, проводившаяся КПП, создавала угрозу для агрессивных устремлений империализма Уолл-стрита, рвущегося к мировому господству. Претенденты на мировое господство никак не могли примириться с прогрессивной позицией КПП, представлявшей собой серьезную преграду на пути к милитаризации и разжиганию военной истерии среди народных масс США и Канады. Для того чтобы «исправить» создавшееся положение, правительство в 1947 году направило государственного секретаря генерала Джорджа С. Маршалла на съезд КПП. Он должен был добиться, чтобы КПП поддержал план Маршалла, только что появившийся тогда на свет божий, но уже с воодушевлением одобренный АФТ.

Маршаллу, однако, не удалось склонить съезд на свою сторону. Взамен предложенного им плана КПП выдвинул свою программу оказания помощи странам Европы, разработанную в соответствии с прежней прогрессивной политикой КПП, даже и не упомянув при этом о «грандиозном» проекте Маршалла. Однако позже председатель КПП Филипп Мэррей фальсифицировал резолюцию съезда, представив дело так, будто план Маршалла был одобрен. Дело здесь заключается в том, что Мэррей, лидер гомперсовского типа, поднявшийся на гребне волны прогрессивного движения, охватившего КПП, теперь открыто отказался от своих антивоенных взглядов и примкнул к агрессивной политике американского империализма. По всей видимости, католическая церковь, развернувшая во всех странах Европы бурную деятельность во имя спасения капитализма, имела непосредственное отношение к дезертирству Мэррея и группы католических лидеров,

господствующих в КПП. Как уже говорилось в главе 51, лидеры КПП стали такими же активными и злобными врагами ВФП, как и их коллеги из АФТ.

С переходом Мэррея и его группы в лагерь поджигателей войны в КПП создались крайне напряженные отношения между правыми и левыми элементами. Это напряжение достигло своей высшей точки во время президентских выборов в ноябре 1948 года, когда Исполнительный совет КПП выступил в поддержку кандидатуры известного оруженосца войны Трумэна, в то время как около десятка прогрессивных профсоюзов поддержало Генри Уоллеса, основой программы которого во время избирательной кампании была защита мира.

Этот самостоятельный политический шаг находился в полном соответствии с традициями американского профсоюзного движения. Никогда раньше ни КПП, ни АФТ не претендовали на право определять действия входящих в их состав профсоюзов в таких вопросах. Сам Мэррей совершенно ясно заявил об этом на съезде КПП в 1947 году: «Мы никогда не диктуем, какой линии поведения должны придерживаться наши филиальные организации... Мы оставляем за каждым профсоюзом право окончательного решения важнейших политических вопросов. Для этого имеется своя причина: я надеюсь, что в истории КПП никогда не наступит такое время, когда он возьмет на себя полномочия устанавливать правила или прибегнет к политическим методам диктата и распоряжений, которые противоречат основным принципам истинной демократии»³.

Однако «такое время» наступило — и довольно скоро. Было получено указание Белого Дома о том, что КПП необходимо очистить от прогрессивных элементов, настроенных против войны. В соответствии с этим указанием Мэррей, Кэри, Рейтер и К°, стоявшие у руководства большинства организаций, как верные прислужники американского империализма, с огромной энергией принялись за выполнение этой работы. Группа Мэррея, которая в предыдущие годы в какой-то степени сотрудничала с левыми элементами, сейчас резко повернула вправо, объединилась полностью с Рейтером, Кэри, Ривом и другими, превратившись в одну из наиболее ярых шовинистических организаций и став заклятым врагом всего прогрес-

сивного. Результатом таких событий вскоре явился невиданный по своим масштабам раскол американского профсоюзного движения.

Раскол в КПП *4.11.49*

Фактически раскол произошел в октябре 1949 года на съезде КПП в Кливленде. Он выразился в изгнании из КПП одиннадцати прогрессивных профсоюзов с общим числом членов свыше 900 тысяч. Среди «изгнанных» профсоюзов были профсоюз рабочих электро-, радио- и машиностроительной промышленности (450 тысяч членов), профсоюз рабочих сельскохозяйственного машиностроения (40 тысяч), горнорудной и сталелитейной промышленности (85 тысяч), рабочих табачной промышленности, продовольственных и сельскохозяйственных товаров (36 тысяч), конторских служащих и лиц свободных профессий (25 тысяч), Объединенный профсоюз коммунальных рабочих (60 тысяч), профсоюз работников связи (15 тысяч), профсоюз меховщиков и кожевников (100 тысяч), грузчиков и складских рабочих (85 тысяч), союз корабельных поваров и официантов (6 тысяч) и, наконец, профсоюз рыбаков и промысловых рабочих (20 тысяч). Эти союзы предварительно подверглись своего рода «судебному процессу», учиненному над ними Исполнительным советом КПП на основании уже заранее сфабрикованных решений об исключении во что бы то ни стало этих союзов из КПП. Это было сделано в нарушение всех традиций американского профсоюзного движения, в ущерб самым насущным интересам рабочего класса. К этому времени уже развернулась широкая кампания, охватившая всю страну, по «очистке» от прогрессивных элементов всех органов КПП в городах и штатах.

Съезд КПП в 1949 году, на котором были изгнаны из КПП одиннадцать профсоюзов, — наиболее яркая демонстрация травли «красных». На съезде 1946 года Мэррей хвастался: «Как истинно демократическое учреждение, мы никогда не прибегаем ни к чистке, ни к преследованию инакомыслящих. Мы не навязываем человеку каких-либо взглядов или убеждений. И что важнее всего, мы не позволим втянуть себя в проведение такой политической линии, которая могла бы вызвать раскол среди наших членов, привести к нарушению единства, чего так упорно добиваются наши лже-пророки и лицемерные «доброже-

лательные» советчики извне».⁴ Однако все эти прекрасные слова были забыты, как только американский империализм настоятельно потребовал поддержки от своих верных приверженцев. Руководство КПП организовало самую крупную во всей истории американского профсоюзного движения кампанию травли коммунистов и прогрессивных элементов. Деятельность Мэррея и Рейтера получила, естественно, самую восторженную оценку в капиталистической прессе: их шумно приветствовали профессиональные поджигатели войны всех мастей, преследователи коммунистов и всего прогрессивного, все ярые ненавистники трудящихся.

В условиях разнузданной «охоты за ведьмами» и военной истерии исключенные прогрессивные профсоюзы оказались в центре нападков всех реакционных сил США и Канады: капиталистической печати, предпринимателей, властей, бюрократов из АФТ и КПП. Особенно неистовствовали последние; они развязали беспрецедентную в истории США подрывную кампанию против независимых профсоюзов. Одним из наиболее важных этапов этой кампании было создание при помощи раскола нового союза в противовес прогрессивному Объединенному профсоюзу рабочих электро-, радио- и машиностроительной промышленности, который пользовался большой популярностью в стране. Дело, конечно, не обошлось без активной помощи со стороны предпринимателей, государственных чиновников, буржуазной прессы, католической церкви и т. п. Эту раскольническую кампанию возглавлял Джеймс Кэри, секретарь-казначей КПП, тот самый бюрократ, который до этого также лез из кожи, чтобы расколоть ВФП, и который несколько позднее заявил: «В последней войне мы объединились с коммунистами, чтобы разбить фашистов; в следующей войне мы объединимся с фашистами, чтобы разгромить коммунистов».⁵ Подвергаясь давлению со стороны правительства, предпринимателей и консервативных рабочих лидеров, исключенные профсоюзы, несмотря на героические усилия сохранить свои позиции, постепенно теряли своих членов. В настоящее время их численность сократилась приблизительно до одной трети того числа членов, которое они имели в своих рядах в момент исключения из КПП.

Раскол 1949 года, организованный руководящей группой Мэррей—Рейтер—Кэри, имел серьезные последствия

для самого КПП. Эта организация растеряла весь тот прогрессивный, боевой дух, который был когда-то ей присущ. Ее численность упала до 4 миллионов членов, и до сего времени она никак не может достичь хотя бы своего прежнего уровня. Постепенно сошла на нет та напористость и стремление привлечь к себе массы, которые были столь характерны для ее левого крыла. С треском провалилась кампания по вовлечению в профсоюзы трудящихся Южных Штатов, которая была так важна для КПП. Перестал также КПП играть ту прогрессивную, ведущую роль в международном профсоюзном движении, которая когда-то ему принадлежала. Подобно заправилам АФТ, лидеры КПП превратились в «профсоюзный отдел» машины государственного департамента, предназначенный для борьбы с антивоенными элементами в мировом рабочем движении. Главари КПП наперегонки состязались с заправилами АФТ: они старались перешеголять их во всем — не только в преследовании коммунистов и других прогрессивных элементов, но и в пропаганде милитаристских лозунгов американского империализма и в подрывной деятельности, направленной против ВФП. КПП свернул со славных позиций левого крыла американского профсоюзного движения, потерял свою былую славу прогрессивного лидера.

В момент, когда пишется эта книга, произошло слияние обеих организаций: АФТ и КПП. Вновь созданная организация объединяет в своих рядах около 15 миллионов рабочих. Она таит в себе огромные потенциальные промышленно-экономические и политические возможности для рабочего класса США. Однако борьбу за превращение этих возможностей в действительность должны возглавить прогрессивные элементы, поскольку при существующем положении консервативная клика профбюрократов из АФТ все больше захватывает контроль над этой новой организацией. Председателем объединенной федерации был избран Джон Мини, представитель крайнего правого крыла, большинство же членов нового совета составляют оппортунисты из числа бывших лидеров АФТ. Эти реформисты уже навязали новому профсоюзному объединению в высшей степени антидемократический устав, целью которого является дальнейшее укрепление их самодержавной власти над профсоюзным движением. Они также выступают за тесное сотрудничество с круп-

ными монополиями и всецело поддерживают планы Уолл-стрита по завоеванию мирового господства. Однако у американских рабочих еще сохранился боевой дух, который особенно начинает чувствоваться в настоящее время. Поэтому есть основания утверждать, что вряд ли Минни удастся убедить рядовых членов АФТ — КПП проводить в жизнь ту консервативную программу, о которой мечтают ее инициаторы.

Раскол профсоюзного движения в Латинской Америке

Латинская Америка является, если можно так выразиться, основным тылом американского империализма. Именно поэтому она и оказалась в центре внимания раскольников профсоюзного движения, тех самых, которые развернули наступление против ВФП. Около 40 процентов всех иностранных капиталовложений Уолл-стрита размещено в латиноамериканских странах, являющихся обширным источником сырья для промышленности США. По сообщению управления по экономическим вопросам при министерстве торговли США, «к концу 1952 года прямые капиталовложения США в Латинской Америке составляли 5 700 миллионов долларов, то есть вдвое больше, чем в 1943 году».⁶ Около одной четверти этой суммы вложено в нефтепромыслы. Прибыли, получаемые от капиталовложений в странах Латинской Америки, колеблются от 10 до 50 процентов ежегодно. Характерно, что многие американские компании, чтобы уклониться от выполнения условий, предъявляемых профсоюзами в США, и выплаты «высокой зарплаты», открывают в Латинской Америке свои филиалы, в которых рабочие получают от 10 до 30 процентов заработной платы рабочих в США. Такая тенденция наиболее ярко проявляется в Пуэрто-Рико — американской колонии и военной базе США. Уолл-стрит приложил максимум усилий, чтобы укрепить этот стратегический район.

В «холодной войне», которую Соединенные Штаты навязали всему миру почти сразу же после окончания второй мировой войны, странам Латинской Америки было уделено особое внимание. Председатель Конфедерации труда Латинской Америки (КТЛА) Ломбардо Толедано говорит по этому поводу: «Кампания подготовки к войне началась. Правительствам стран Латинской Америки был

дан официальный приказ готовиться к третьей мировой войне. Установка на непосредственную близость войны немедленно повлекла за собой потерю всех свобод и преимуществ, завоеванных в ходе второй мировой войны».⁷ Соединенные Штаты Америки срочно приняли меры по укреплению своего экономического контроля над странами Латинской Америки. В числе других мероприятий они заключили военные союзы с восемью из этих стран (четыре отказались вступить в военный пакт), построили военные базы на их территории и превратили большинство реакционных правительств латиноамериканских стран в послушный им блок в ООН.

Одним из наиболее существенных препятствий, стоявших на пути американского империализма, пытавшегося подчинить страны Латинской Америки своей воле и вовлечь их в «холодную войну», была Конфедерация трудящихся Латинской Америки. Эта прогрессивная организация имела за плечами большой опыт забастовочной и политической борьбы в защиту интересов рабочих и крестьян во всех странах Латинской Америки. КТЛА объединила все национальные профсоюзные федерации Латинской Америки, за исключением профсоюзов Мексики, Чили, Аргентины и Кубы. Во время войны она выступала как реальная сила в борьбе с полчищами местных фашистов и вышла из этой борьбы значительно выросшей и окрепшей, завоевав огромный авторитет у народных масс. В условиях нищеты, царящей среди трудящихся масс во всех латиноамериканских странах, в условиях жестокой диктатуры и политического угнетения, а наряду с этим огромной ненависти к «северному полюсу» (США) КТЛА представляла собой особую опасность для американского империализма. Годовой доход на душу населения в Латинской Америке в пять раз ниже, чем в высокоразвитых индустриальных странах; от 50 до 80 процентов населения неграмотно.⁸ Постоянный очаг политических переворотов и волнений, Латинская Америка вызывала особую тревогу у империалистов после окончания второй мировой войны, когда вся Азия бушевала в огне колониальной революции. Джон Фостер Даллес открыто выразил опасение, что «Латинская Америка может пойти по пути Китая».

Помимо КТЛА, в Латинской Америке имелась только одна значительная профсоюзная организация: Всеобщая

конфедерация труда в Аргентине. Однако эта организация в период фашистской диктатуры Перона была захвачена правительством и насильственно превращена в «трудовой фронт» и противника КТЛА; поэтому она не представляла собой серьезного препятствия на пути осуществления планов американского империализма в Латинской Америке.

Интересы империалистов Уолл-стрита требовали либо ослабления, либо полного уничтожения КТЛА. Для выполнения этой задачи американский империализм привел в действие своих профсоюзных агентов, стоявших во главе АФТ. Эти деятели издавна, как всем известно, защищавшие капиталистическую политику США в Латинской Америке, с охотой взялись за осуществление полученного задания. АФТ, которая уже в течение многих лет не прекращала ожесточенной борьбы против всего прогрессивного, выступала против КТЛА еще в то время, когда эта организация находилась в процессе создания. В то же время лидеры КПП были вынуждены прибегнуть к лавированию, так как в свое время (в 1938 году) они принимали участие в создании КТЛА и с тех пор под давлением левого крыла конгресса поддерживали дружеские отношения с этой организацией. Тем не менее, подчиняясь своим империалистическим хозяевам, они вступили на путь предательства своих собратьев в Латинской Америке и совместно с АФТ начали кампанию по уничтожению их выдающейся организации. Это входило в общую программу подрыва ВФП. Как уже отмечалось ранее, в США и Канаде АФТ и КПП были очень враждебно настроены по отношению друг к другу и вели между собой постоянную войну, однако это не помешало им начать совместную борьбу против прогрессивного профсоюзного движения в Латинской Америке.

Особое одобрение раскольники получили на съездах АФТ в 1946, 1947, 1948 годах. Во всех странах Латинской Америки кампания сопровождалась яростным преследованием коммунистов и всех прогрессивных элементов. Возглавил эту кампанию главный представитель АФТ в этих странах Серафино Ромуальди, бывший служащий государственного аппарата США. Раскол проводился под непосредственным наблюдением госдепартамента США. Можно лишь догадываться о том, какие суммы последний затратил на это мероприятие, столь важное для американского империализма; однако по весьма приблизитель-

ным подсчетам это обошлось ему в десятки миллионов долларов. Реакционная буржуазная пресса Латинской Америки поддерживала кампанию раскола, а, как известно, газетчики даром не работают, так же как и те продажные авантюристы, которые непосредственно проводили подрывную работу. И эту позорную кампанию АФТ неоднократно благословляла на своих съездах. К этому времени КТЛА вышла из МОТ, обвинив последнюю в оказании помощи раскольникам профсоюзного движения.

Кампания раскола достигла кульминационной точки в январе 1948 года, когда по инициативе АФТ был созван съезд в Лиме (Перу). На съезде была создана Межамериканская конфедерация трудящихся (МКТ). Эта конфедерация, явившаяся, по существу, преемником небезызвестной Панамериканской федерации (ПАФ), существовавшей ранее (см. главу 39), увяла, не успев расцвести, — ее филиальные отделения существовали лишь на бумаге, а реакционная направленность отнюдь не делала ее популярной среди трудящихся. Председатель КТЛА Ломбардо Толедано следующим образом охарактеризовал эту организацию на втором конгрессе ВФП: «Реакционная пресса всячески пытается создать ей рекламу. Она заявила о гибели КТЛА и о рождении новой организации, вдохновляемой Американской федерацией труда. Однако это не принесло ожидаемых результатов. МКТ не имеет абсолютно никакого значения».⁹

В связи с провалом МКТ в 1951 году в Мексико-сити на замену ей была создана новая комбинация — Межамериканская региональная организация рабочих (МРОР).¹⁰ Политическая линия этой организации, так же как и политическая линия МКТ и ПАФ, существовавших до нее, преследовала следующие цели: а) всячески поддерживать политику американского империализма; б) демагогически жаловаться на губительные последствия этой же самой политики для народов Латинской Америки. Такого рода двуличная демагогия, конечно, ни в коей мере не могла принести ущерб интересам крупных монополистов Северной Америки. МРОР, таким образом, явилась результатом раскольнической деятельности, направленной против ВФП. Она стала представителем латиноамериканских стран в МКСП.

Раскольническая деятельность АФТ и КПП внесла растерянность и замешательство в ряды трудящихся Латин-

ской Америки. Именно этого и добивались «рабочие» агенты американского империализма. Все их усилия, направленные на создание призрачных союзов под видимостью массовых организаций, были подчинены одной главной цели — ослабить или уничтожить КТЛА. Как и подобные им «деятели» во всех других странах, они видели перед собой только одного врага — коммунистов, включая в это понятие всех тех, кто осмелился выступить против милитаристской программы американского империализма.

Диктаторские национальные правительства и другие силы реакции не преминули воспользоваться в своих интересах той подрывной кампанией, которую АФТ и КПП развернули в странах Латинской Америки. Нигде в мире преследование профсоюзных деятелей не принимало такого характера и таких масштабов, как в этих странах. Многие члены профсоюзов были убиты, большое число участников профсоюзного движения брошено в тюрьмы. В Колумбии, Доминиканской Республике, Эль-Сальвадоре, Гаити, Никарагуа, Парагвае, Перу и Венесуэле профсоюзы запрещены законом. В Аргентине и некоторых других странах они находятся под жестким контролем правительства. В Кубе, например, где КТЛА имела крупную профсоюзную организацию, объединявшую 557 тысяч членов, или 60 процентов всего рабочего класса этой страны, в профсоюзное движение грубо вмешалось правительство. Оно заключило в тюрьму прогрессивных профсоюзных лидеров и назначило на их место других, которые больше устраивали предпринимателей. Такая крутая мера, однако, никого не удивила в Латинской Америке. В большинстве стран этой части земного шара коммунистические партии были также запрещены законом и загнаны в подполье. Таким образом, развернутая АФТ и КПП подрывная кампания в значительной мере усилила существующий режим реакции.

При теперешнем положении Латинская Америка является раем для всех и всяческих раскольников профсоюзного движения. Помимо многочисленных независимых профсоюзов, не входящих ни в какие профсоюзные объединения, там существует не менее четырех международных профсоюзных организаций или течений. К ним относятся: а) КТЛА — прогрессивная, боевая организация трудящихся, имеющая филиальные отделения в десяти или более странах; б) МРОР, стоящая на том же пути, что и

АФТ и КПП, и, естественно, пользующаяся благосклонностью капиталистов и государственного департамента США; в) католические союзы — оппортунистическая организация; д) оппортунистическая организация, так называемая «Априста», созданная Айя де ла Торре. Все эти профсоюзные течения имеют своих последователей в различных странах Латинской Америки. Латиноамериканская федерация профсоюзов (ЛАФП), находившаяся под фашистским господством Перона, утверждала, что в ГКТ Аргентины насчитывается якобы 6 миллионов членов.¹¹ После свержения диктатуры Перона в сентябре 1955 года руководство ГКТ было арестовано и заменено новым. В результате соперничества между различными профсоюзами и широкого движения раскола, охватившего все страны Латинской Америки, профсоюзное движение в этой громадной части света значительно ослабло по сравнению с тем временем, когда КТЛА фактически объединяла всех организованных трудящихся под своими знаменами.

Из нескольких профсоюзных федераций, существующих сейчас в Латинской Америке, КТЛА является сильнейшей. Она пользуется самым большим авторитетом среди народных масс, непрерывно ведет решительную борьбу за права и интересы трудящихся и получает от них самую широкую поддержку. Однако организованная Уолл-стритом раскольническая кампания все же нанесла ей серьезный ущерб. Статистически в настоящий момент трудно измерить истинную мощь этой организации, поскольку она имеет сильных сторонников во многих профсоюзных организациях, не являющихся ее непосредственными филиалами. Было справедливо замечено, что «КТЛА напоминает айсберг, основная масса которого находится под водой. Большое число трудящихся, объединенных в организациях, бывших филиалами КТЛА, все еще продолжает следовать за ней». ¹² На съезде КТЛА в 1953 году, состоявшемся в Сант-Яго (Чили), больше половины участников прибыло из организаций, не являющихся ее филиалами. КТЛА проводит неустанную кампанию за объединение действий всех профсоюзов, за органическое единство всего профсоюзного движения. На третьем Всемирном конгрессе ВФП в Вене в октябре 1953 года были представлены профсоюзы двадцати латиноамериканских стран с общим числом членов 3 453 340,¹³ однако не все эти организации являлись филиалами КТЛА.

Глава 54

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» В АЗИИ

(1945—1950)

«Холодная война» в Азии началась в августе 1945 года, вскоре после окончания второй мировой войны. В сущности это было реакционное вмешательство Соединенных Штатов Америки в широкое колониально-освободительное движение и политическую борьбу, охватившие фактически всю Азию после прекращения военных действий против Японии. Уолл-стрит прилагал все усилия, чтобы установить свое господство над этой обширной частью света. «Холодная война» в Азии проявлялась в несколько иных формах, чем в Европе, США и странах Латинской Америки, причем эти формы менялись в зависимости от каждой конкретной страны. Но везде и всюду «холодная война» была неотъемлемой частью американской политики завоевания мирового господства, везде и всюду она была направлена на уничтожение профсоюзного единства и пользовалась поддержкой правых социал-демократов, верных слуг американского империализма.

Профсоюзы в новом Китае

Гражданская война в Китае, развязанная Чан Кай-ши по указке американцев в 1946 году против Народно-освободительной армии, руководимой Коммунистической партией, безусловно явилась началом «холодной войны» в этой стране. Это была одна из попыток Уолл-стрита превратить Китай в своего сателлита. Очень часто, как это можно было видеть позднее на примере Кореи и других стран, так называемая «холодная война» прерывалась грохотом пушек. Чан Кай-ши, будучи агентом или, как его прозвал китайский народ, «гончей собакой» американского империализма, не мог похвастаться большими успехами на данном этапе «холодной войны». Как отмечалось в главе 48, его контрреволюционная деятельность закончилась полным поражением в 1949 году. На обломках его режима, который включал в себя элементы феодальной и империалистической реакции, родилась молодая Китайская Народная Республика. Таким образом, первая же крупная операция американского империализма в «холодной войне» закончилась для него катастрофой — полной

потерей Китая с его шестисотдвухмиллионным населением и территорией, превышающей по своим размерам территорию Соединенных Штатов. Тем не менее, как вскоре показали события, Китай вовсе не избавился от «холодной войны».

Уничтожив реакционный режим Чан Кай-ши, китайский народ немедленно приступил к строительству нового общества, являющегося промежуточным этапом на пути к социализму. Великий вождь китайского народа Мао Цзэ-дун охарактеризовал этот строй как «диктатуру народной демократии, основанную на союзе рабочих и крестьян, руководимых рабочим классом через посредство Коммунистической партии».¹ В настоящее время Китай добился огромных успехов как в области индустриализации страны, так и в общем подъеме народного хозяйства и культуры. По сравнению с 1949 годом промышленное производство в стране выросло в четыре раза, а производство зерна на 90 процентов.² Превращение Китая за чрезвычайно короткий исторический срок из отсталой, забитой страны, еще несколько лет назад находившейся под властью английского, американского и японского империализма, в признанную всем миром великую державу является событием, исключительным по своему значению для всего XX века.

Естественно, что в новом революционном китайском обществе весьма важную роль играют профсоюзы. Их задачи в основном очень похожи на задачи профсоюзов в Советском Союзе и в странах народной демократии, где они оказывают решительное влияние на всю политическую жизнь страны, на развитие и организацию производства, являются важным фактором защиты интересов трудящихся, повышения их жизненного уровня и улучшения условий труда. Разумеется, задачи китайских профсоюзов носят специфический характер; эта специфика объясняется и обусловливается теми экономическими условиями, которые в настоящее время существуют в Китае, в частности низким уровнем индустриализации и наличием определенного, хотя и ограниченного сектора капиталистического хозяйства.

Как уже указывалось в главе 48, VI съезд профсоюзов, состоявшийся в августе 1948 года в Харбине, реорганизовал китайское профсоюзное движение, которое к тому времени уже имело за плечами двадцатипятилетний опыт

борьбы за освобождение своей страны. На VII съезде профсоюзов, собравшемся 2 мая 1953 года в Пекине, структура и общие уставные положения китайских профсоюзов подверглись дальнейшим изменениям. На этом историческом съезде, кроме представителей китайского профсоюзного движения, присутствовали представители и ряда других стран мира: всего 120 делегатов из двадцати стран. От ВФП на съезд прибыла большая делегация во главе с генеральным секретарем Луи Сайяном.

В работе Пекинского съезда принял участие 831 делегат. Делегаты съезда представляли 10 200 тысяч членов профсоюзов, то есть на 8 миллионов человек больше, чем пять лет назад, во время съезда в Харбине. Всекитайская федерация профсоюзов состоит из 23 профсоюзов, в которых в общей сложности насчитывается 180 тысяч первичных организаций. Руководит федерацией Исполнительный комитет из 99 членов; в Исполкоме оставлено одно место для представителя Формозы — крупного китайского острова, оккупированного в настоящее время вооруженными силами США. Исполнительным органом федерации является секретариат.

Съезд открыл заместитель председателя федерации Лю Нин-и, отчетный доклад был сделан председателем федерации Лай Джо-ю; закрыл съезд другой заместитель председателя — Лю Чан-шен.

Всекитайская федерация профсоюзов (ВКФП) является членом Всемирной федерации профсоюзов (ВФП).

В своей деятельности ВКФП руководствуется общей политической линией Коммунистической партии и всецело поддерживает строй Китайской Народной Республики. В вводной части устава этой организации говорится: «Только после рождения китайской Коммунистической партии — партии самого рабочего класса — и только под ее непосредственным руководством рабочее движение в сегодняшнем Китае встало на путь победы». В отношении правительства в вводной части устава сказано следующее: «Китайская Народная Республика является республикой, руководимой рабочим классом. Поэтому интересы государства и общие интересы всего народа представляют собой основу интересов рабочего класса».

Задачи профсоюзов определены в вводной части устава следующим образом: «Важнейшими задачами китайских профсоюзов в период национальной реконструкции

являются: укрепление единства рабочего класса; укрепление союза рабочих и крестьян; воспитание трудящихся в духе соблюдения законов и постановлений государства и правил трудовой дисциплины; борьба за подъем производства, за непрерывное повышение производительности труда, за выполнение и перевыполнение государственных производственных планов, за сокращение сроков индустриализации страны и за неуклонное движение по пути к социализму. Профсоюзы должны проявлять неустанную заботу об улучшении условий жизни и труда рабочих и крестьян и на базе развивающейся промышленности постепенно, но активно повышать культурный уровень трудящихся всех национальностей.³

Подобно профсоюзам в СССР и странах народной демократии, китайские профсоюзы не только заботятся об удовлетворении повседневных интересов трудящихся, но также несут ответственность за развитие народного хозяйства, от успехов которого зависит подъем благосостояния трудящихся. Китайские рабочие прекрасно понимают эту зависимость. Один из делегатов съезда указывал, что только таким путем «мы сможем избавиться от экономической отсталости нашей страны, постепенно осуществить индустриализацию и двинуться вперед к построению социализма. Только развивая производство, мы сможем добиться неуклонного улучшения материального и культурного уровня жизни рабочего класса и всего народа». В Китае отпала необходимость в забастовках, поскольку нормы оплаты труда на государственных предприятиях разработаны на научной основе профсоюзами совместно с правительственными экономическими учреждениями, которые в свою очередь также находятся под контролем самих рабочих.

Наряду с общими задачами, сформулированными в вводной части устава, китайские профсоюзы занимаются выполнением других многочисленных функций. Они внедряют социалистическое соревнование, целью которого является улучшение качества продукции и повышение производительности труда, воспитывают и выдвигают из среды рабочих тысячи руководителей на различные посты в промышленности и государственном аппарате, ликвидируют неграмотность среди населения. Кроме того, они отвечают за всю систему социального обеспечения и страхования, за организацию фабрично-заводской инспекции,

широкой сети домов отдыха и других культурно-массовых и оздоровительных учреждений. «За период с сентября 1949 года по март 1953 года, — как сообщалось на Пекинском съезде профсоюзов, — одно только «Рабочее издательство» при ВКФП выпустило в свет 339 названий различных книг и периодических изданий общим тиражом свыше 35 570 тысяч экземпляров».⁴

«Холодная война» и профсоюзы в Индии

Индия обрела национальную независимость в 1947 году. Сразу же после этого капиталистические монополии Соединенных Штатов, рвущиеся к мировому господству, попытались подчинить себе эту огромную, густонаселенную и стратегически важную страну. Для этой цели они пустили в ход весь арсенал своих обычных средств: деньги, экономическое проникновение и военные угрозы. Индия, руководимая Неру, который занял пост премьер-министра после убийства Ганди в июне 1948 года, не оказывала вначале активного сопротивления давлению Соединенных Штатов, однако с течением времени она все более стала придерживаться независимой миролюбивой позиции. Этот сдвиг в политике произошел в силу ряда причин: в связи с опасением быть фактически сведенной на положение американской колонии, страхом перед новой разрушительной атомной мировой войной, влиянием английских капиталистов в Индии, враждебно встречавших американские попытки проникнуть в страну, и, наконец, сильным давлением широких масс индийского народа.⁵ Новая позиция Индии привела в конечном счете к тому, что американские империалисты стали считать страну своим врагом; помимо прочих многочисленных мероприятий, направленных против нее, они приступили к вооружению ее воинственного и враждебно настроенного соседа — Пакистана.

В послевоенные годы Всеиндийский конгресс профсоюзов, традиционно левая профсоюзная организация Индии (см. главу 48), входил в частые и серьезные пререкания как с индийскими предпринимателями, так и с правительством. ВИКП, являющийся членом ВФП, занял решительную и последовательную позицию в борьбе против милитаристских планов американского империализма, за экономические интересы обнищавших индийских рабочих и

крестьян. Это пришлось не по вкусу партии Неру, которая является политической организацией, представляющей прежде всего интересы индийской буржуазии. Последняя особенно неодобрительно отнеслась к боевой направленности рабочего движения в первые годы «холодной войны», когда внешняя политика правительства еще не определилась окончательно.

Уже в середине сороковых годов правительство Неру приняло ряд репрессивных мер против Всеиндийского конгресса профсоюзов. На втором Всемирном конгрессе ВФП, состоявшемся в июне 1949 года, сообщалось, что из 177 членов Генерального совета ВИКП 88 человек находилось в тот период в тюрьмах. Многочисленные стачки в стране были подавлены силой оружия, многие из забастовщиков убиты, около 25 тысяч активных борцов левого направления были брошены в тюрьмы, а ВИКП фактически поставлен вне закона. Коммунистическая партия Индии следующим образом характеризовала этот период: «За первые три года своего существования, нынешнее правительство, по его собственному признанию, бросило в тюрьмы 50 тысяч своих противников, убило или ранило 13 тысяч человек. Общеизвестно и то, что эти цифры лишь в незначительной степени отражают действительное положение вещей»⁶.

Индийское правительство, кроме того, начало наступление на ВИКП и другими путями — оно натравило на конгресс другую профсоюзную федерацию, созданную ею в раскольнических целях. Сразу же после прихода к власти партия Индийский национальный конгресс предприняла при поддержке социалистической партии решительную попытку прибрать к рукам ВИКП, воздействуя на него изнутри. Потерпев неудачу в этом, правительство с помощью Сардара Пателя создало в мае 1947 года новое профсоюзное объединение, на сей раз на свой вкус, назвав его Индийский национальный конгресс профсоюзов (ИНКП). Эта организация, естественно, присоединилась к МКСП.⁷ Однако социалистов результаты этого раскола не удовлетворили, и они создали собственное профсоюзное движение, которое вскоре оформилось в организацию, именуемую Хинд Маздур Сабха (Союз индийских рабочих).

С благословения правительства и предпринимателей ИНКП завербовал в свои ряды значительное число рабо-

чих. Некоторое увеличение его численности произошло также за счет слияния с Индийской федерацией профсоюзов (ИФП), во главе которой стоял английский агент и ренегат Рой. В конце 1949 года, по явно преувеличенным данным ИНКП, в нем насчитывалось 1 200 тысяч членов.⁸ Несмотря на агрессивную позицию, занимаемую им в отношении ВИКП, ИНКП был последователем политики пассивного сопротивления Ганди, которая фактически является отрицанием какой бы то ни было классовой борьбы. На VII съезде в Нагпуре, состоявшемся в январе 1955 года, председатель ИНКП, формулируя политические принципы возглавляемой им организации, еще раз подчеркнул, что она всецело одобряет концепцию пассивного сопротивления Ганди. Касаясь условий жизни рабочих при новом режиме, он отметил, что: «Экономическое положение рабочих в настоящее время хуже, чем даже в довоенный период».⁹

Индийские правые социал-демократы, верные прокапиталистической ориентации Второго Интернационала, поддерживали наступление американского империализма в такой мере, в какой они могли это делать, учитывая сильные антиимпериалистические настроения широких народных масс Индии. Эта поддержка американской политики была особенно активной на первой стадии «холодной войны». Неру, хотя и не состоял членом социалистической партии, называл себя приверженцем социализма, но при этом считал, что марксизм «вышел из моды».¹⁰ Однако по мере того, как правительство Неру все больше склонялось к позиции активной борьбы за сохранение мира во всем мире и сопротивления агрессивной политике американских империалистов, расхождения между Неру и правыми социалистами стали возрастать. Что же касается Коммунистической партии, то она, борясь против многих мероприятий, проводимых Неру внутри страны, поддерживала его внешнюю политику, направленную на сохранение мира. Эти миролюбивые принципы нашли свое наивысшее воплощение в совместном заявлении премьер-министра Индии и Советского правительства в июне 1955 года, которое призывало к запрещению ядерного оружия, к допуску народного Китая в ООН, к возврату Китаю острова Тайвань и вообще к проведению политики мирного сосуществования всех народов. Индия также сыграла большую роль

как один из инициаторов созыва важного Женевского совещания в 1955 году.

В результате всех реакционных махинаций по расколу профсоюзного движения в Индии в настоящее время существуют следующие основные четыре профсоюзные федерации: ВИКП, ИНКП, ОФП (Объединенная федерация профсоюзов) и ХМС. Из общего числа рабочих, занятых в промышленности (5 миллионов), профсоюзами охвачено 2,5 миллиона человек. В соответствии с генеральной линией ВФП ВИКП неустанно борется за объединенные действия и слияние всех четырех профсоюзных федераций.

И без того сложная проблема организации профсоюзного движения в Индии в значительной мере усугубилась в связи с наличием раскола. Препятствий, стоящих на пути создания такого движения, много. Среди них: ужасающая нищета сельскохозяйственных и промышленных рабочих, в связи с чем возникают серьезные затруднения в финансировании профсоюзов; система каст, которая, несмотря на опрометное чувство солидарности среди трудящихся масс, все же сильно способствует разобщенности, и, наконец, языковая проблема — достаточно сказать, что на последнем съезде ВИКП в Калькутте для того, чтобы успешно вести совместную работу, пришлось прибегнуть к переводу на восемь языков, хотя большая часть вопросов и обсуждалась на языке хинди.¹¹

«Холодная война» и японские профсоюзы

В американский империалистический план завоевания мирового господства входило также превращение Японии с восьмидесятипятимиллионным населением в сателлита США, в главный форпост против революционного Советского Союза и Народного Китая. В этих целях США, прикрывая свои действия широкой официальной пропагандой, позаботились о том, чтобы монополисты Дзайбацу сохранили в своих руках контроль над экономикой Японии.

По данным, опубликованным в конце 1953 года, эти монополисты контролировали 45 процентов всей добычи угля, 65 процентов судостроительных предприятий, 50 процентов добычи сульфата аммония, 50 процентов производства меди и т. д. Из 195 273 крупных «королей пушек», военных главарей и реакционных правительственных чинов-

ников, «вычищенных» Верховным главнокомандующим союзных держав после войны, 177 тысяч были восстановлены в своих правах в 1951 году, а остальным 18 тысячам то же было обещано в ближайшем будущем.¹² В период оккупации американские монополисты вложили в промышленность Японии около 2,6 миллиарда долларов. США прибрали к своим рукам почти всю торговлю Японии, превратили ее в экономический придаток своих монополий и покрыли страну сетью военных баз. Только в 1952 году в Японии строилось 32 американские авиабазы, 14 морских баз и множество баз для сухопутной армии.¹³ Как сообщала «Нью таймс» в № 29 за 1954 год, в Японии в тот момент в общей сложности насчитывалось 719 американских военных баз. В то же время реальная заработная плата японских рабочих составляет 77 процентов их довоенной зарплаты.

Неотъемлемой частью американской «холодной войны» было усиление репрессий против левого крыла профсоюзов; и в Японии, как и везде, эти мероприятия проводились под наблюдением и руководством агентов МКСП. В конце 1946 года началась широкая кампания преследования прогрессивных элементов в Японском конгрессе производственных профсоюзов (Самбецу), являвшемся в то время одной из сильнейших левых профсоюзных организаций (см. главу 48) Японии. Эта кампания сопровождалась созданием (по инициативе Макартура) раскольнических «лиг демократизации», которые получили поддержку со стороны правых социал-демократов и предпринимателей. «Разумеется, — говорит Фарли, — эта кампания всячески поощрялась Верховным командованием союзных держав». ¹⁴ Поддерживая движение раскола и подрыва прогрессивных организаций, генерал Макартур в июне 1950 года фактически поставил вне закона Компартию Японии, получившую на выборах 1949 года 2 984 627 голосов против 4 129 888 голосов, которые были отданы за кандидатов социалистической партии. ¹⁵ В августе 1950 года он распустил Национальный совет связи профсоюзов, входивший в ВФП.

Тем временем борьба между левыми и правыми элементами внутри руководимой правыми Японской федерации труда (Содомей) приняла чрезвычайно острый характер и сопровождалась глубоким расколом в рядах социалистической партии. В результате этой борьбы в конце

1949 года Содомей очутилась под руководством левых элементов во главе с М. Такано. В 1950 году была предпринята новая попытка передать профсоюзное движение в руки социал-демократов. С этой целью при поддержке американцев был создан Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохё). Основной задачей Сохё было ликвидировать коммунистическое влияние в профсоюзах, сосредоточить внимание последних только на экономических проблемах, полностью исключив политические вопросы, и присоединить японское рабочее движение к МКСП — международной профсоюзной организации, противостоящей ВФП. Однако, как заметил один американский наблюдатель, Генеральный совет профсоюзов Японии потерпел неудачу в своих попытках осуществить хотя бы одну из этих реакционных целей.¹⁶ Наоборот, в 1952 году, оказавшись под сильным влиянием левых элементов, он отказался войти в МКСП. Вскоре генеральным секретарем организации стал М. Такано. Совет принял прогрессивную программу, в которой подчеркивалась солидарность трудящихся Японии с трудящимися всех азиатских стран, включая и народный Китай. Количество членов прогрессивной профорганизации Самбецу уменьшилось, и в настоящее время она объединяет лишь незначительное число рабочих. Тем не менее она пользуется еще большим влиянием и продолжает борьбу за профсоюзное единство в соответствии с генеральной линией ВФП.

Таким образом, вопреки всем попыткам правых социал-демократов, предпринимателей, японского правительства и военной администрации Макарута* придать профсоюзному движению правую направленность, три самые крупные японские профсоюзные организации, созданные японскими трудящимися после второй мировой войны: Самбецу (Японский конгресс производственных профсоюзов), Содомей (Японская федерация трудящихся) и Сохё (Генеральный совет профсоюзов Японии) — приобрели одна за другой левую ориентацию. Это произошло, несмотря на то что АФТ и КПП также делали все, что могли, чтобы направить рабочий класс Японии по ложному пути.

Многочисленные неудачи, однако, ничему не научили японских правых социал-демократов. В настоящее время

* Макарута был снят с поста диктатора Японии 11 апреля 1951 года.

они продолжают отчаянные попытки расколоть Сохё. В апреле 1954 года ими была основана раскольническая параллельная организация под названием «Зенро кайги». В момент, когда пишутся эти строки, между этими двумя соперничающими организациями происходит ожесточенная борьба. На современном этапе борьбы перевес на стороне Сохё, так как она объединяет в своих рядах более половины всех промышленных рабочих; Зенро кайги же насчитывает лишь одну четвертую часть того количества рабочих, которое входит в Сохё.

Сохё выступает за сотрудничество с СССР и народным Китаем в деле борьбы за мир, против милитаристских планов американского империализма, в то время как Зенро кайги следует по обычному для правых социал-демократов пути прислуживания Уолл-стриту в его стремлении к мировому господству. Сохё находится в дружественных отношениях с ВФП, Самбецу является членом ВФП, Зенро кайги же входит в МКСП. Во всех профсоюзах, руководимых правыми элементами, наблюдается сильная и постоянно растущая тенденция к слиянию с ВФП, однако число организаций, входящих в ВФП, пока еще не велико. Многочисленные делегаты от японских профсоюзов, не являющихся членами ВФП, принимают участие в созываемых ею и ее отраслевыми отделениями совещаниях. Эти делегаты побывали также в Советском Союзе, Китайской Народной Республике и странах народной демократии.

Со времени окончания войны японским рабочим в борьбе за упрочение своей идеологии и создание широкого профсоюзного движения пришлось пройти сквозь сложный лабиринт расколов и реорганизаций профсоюзного движения. Согласно официальным правительственным данным на июнь 1954 года из 14 290 тысяч занятых в производстве рабочих 5 986 168 являлись членами профсоюзов. На предприятиях с числом 500 и более человек 90 процентов рабочих были охвачены профсоюзами. Вот данные о распределении рабочих по профсоюзам: Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохё) — 3 003 161 человек плюс 600 тысяч членов профсоюзов, поддерживающих эту организацию; Японский конгресс профсоюзов (Зенро кайги) — 707 837; Японская федерация трудящихся (Содомей) — 595 091 человек; Национальная федерация производственных союзов (Синсабецу) — 40 951 и Японский конгресс

производственных профсоюзов (Самбецу) — 13 141.¹⁷ По тем же данным в стране имеется также 2 363 986 членов профсоюзов, которые не примыкают ни к одному из главных национальных профсоюзных объединений. Из общего числа членов профсоюзов 3 893 639 человек занято на частных предприятиях с числом рабочих более 30; 958 905 человек работают на коммунальных предприятиях и 1 243 203 члена профсоюза — государственные служащие.

«Холодная война» в других странах Азии

Во всех остальных странах стремительно пробуждающейся Азии преобладают приблизительно одинаковые формы «холодной войны»: американские империалисты и их местные агенты всячески пытаются похоронить многочисленное национально-освободительное движение народов в этих странах, прилагают постоянные усилия для того, чтобы захватить в свои руки, расколоть и подавить боевое профсоюзное движение, возникшее в различных странах после войны под руководством коммунистов и других левых элементов. Из официально признанных 30 миллионов членов профсоюзов в Азии и Австралии, включая Китай, но без азиатской части СССР, по крайней мере три четверти находится под руководством коммунистов и других левых элементов, сотрудничающих с ними. На третьем Всемирном конгрессе ВФП было представлено 23 888 300 членов профсоюзов Азии и Австралии.¹⁸ В некоторых из этих стран — Цейлоне, Бирме и т. д. — профсоюзному движению нанесла известный ущерб раскольническая политика троцкистов.¹⁹

В Индонезии, стране с населением свыше 80 миллионов человек, Индонезийская федерация профсоюзов (ИФП) была вынуждена вести упорную борьбу против голландских империалистов и их социал-демократической агентуры. Эта крупная профсоюзная организация, насчитывающая 2 600 тысяч членов, является членом ВФП. Руководство организацией осуществляют прогрессивные элементы. Однако в общем профсоюзное движение в Индонезии расколото на пять частей. В октябре 1955 года на общих выборах коммунисты получили более 20 процентов общего числа голосов.

Входит в ВФП и Всемалайская федерация профсоюзов,

основанная в 1948 году коммунистами. Она была вынуждена проводить свою деятельность в тяжелых условиях вооруженной революционной борьбы. На Филиппинах Конгресс трудовых организаций (КТО) также является филиалом ВФП и сохраняет братские отношения с ранее возникшей Федерацией филиппинских рабочих.²⁰ Однако при существующей в стране обстановке КТО вынужден функционировать в условиях травли «красных» и резких нападок на прогрессивные элементы. Правительство Филиппин является сателлитом Соединенных Штатов и следует в своей политике всем указаниям милитаристов США.

В Пакистане (еще один сателлит Соединенных Штатов) молодое профсоюзное движение, возглавляемое левыми элементами, претерпело в 1950 году раскол. В результате правые создали Всепакистанскую федерацию труда, которая присоединилась к МКСП. В Бирме после представления ей Великобританией статуса доминиона правительство Такин Ну, находившееся под сильным влиянием социал-демократов, тотчас же открыло огонь по руководимому левыми Всебирманскому конгрессу профсоюзов. Эта профсоюзная организация была вынуждена уйти в подполье. Вслед за этим последовало создание новой организации — Конгресса профсоюзов, руководимого социалистами, который сразу же вошел в МКСП.²¹ На Цейлоне левые профсоюзы подверглись таким же репрессиям со стороны правительства и вели такую же борьбу с правыми социал-демократическими профсоюзами.²² В Сиаме Генеральная федерация профсоюзов, основанная коммунистами, была расколота социал-демократами, проводившими в жизнь общую линию США на распространение «холодной войны», после чего в 1950 году была создана новая организация, вошедшая в МКСП.²³ В Корее и Индо-Китае профсоюзное движение, созданное коммунистами, также переживало раскол. Социал-демократические фракции в обеих странах, следуя во всем директивам империалистов, не замедлили воспользоваться начавшимся расколом для создания профсоюзных организаций нужного им направления. Пожалуй, ни одна азиатская страна, за исключением народного Китая, не избежала раскола в профсоюзном движении, который во всех частях земного шара явился прямым результатом развязанной Соединенными Штатами «холодной войны».

**БОРЬБА ПРОТИВ УГРОЗЫ МИРОВОЙ
АТОМНОЙ ВОЙНЫ**

(1947—1955)

Период, последовавший за окончанием второй мировой войны, был одним из самых опасных периодов в истории человечества. Это было время, когда американский империализм перешел к активному осуществлению своих планов захвата мирового господства — планов, чреватых опаснейшими последствиями для народов всего мира, поставивших под угрозу мир во всем мире. Крупные монополисты, определяющие политику Соединенных Штатов, открыто держали курс на развязывание новой войны. Они отлично понимали, что не в их силах было подкупить Советский Союз и его союзников (как они это сделали со многими капиталистическими государствами) или запугать лагерь социализма и демократии угрозой атомной бомбы. Американский крупный капитал быстро пришел к заключению, что для того, чтобы установить мировое господство, к которому его толкала жажда максимальных прибылей, придется драться с оружием в руках. В этом отношении политика Эйзенхауэра была в основном такой же, как и политика правительства Трумэна: оба они следовали политическому курсу, рассчитанному на необходимость и неизбежность третьей мировой войны.

Как внешняя, так и внутренняя политика США на всех этапах ее развития полностью соответствовала целям этого ужасающего курса. Вслед за доктриной Трумэна, планом Маршалла и Атлантическим пактом, о которых уже говорилось в предыдущих главах, быстро последовали другие мероприятия, отражавшие дальнейшее развитие политики войны. Среди них можно упомянуть следующее: увеличение военных расходов до 40 миллиардов долларов в год — это в двадцать раз больше того, что расходовалось на военные нужды в мирное время;¹ выделение из финансовых ресурсов США за последние девять лет 48 миллиардов долларов на вооружение других государств;² растущее строительство авиабаз на территории почти всех стран мира (в настоящее время число уже построенных баз, окружающих СССР и страны народной демократии, достигло 950 с общей численностью обслужи-

вающих их солдат и офицеров в 1 370 тысяч человек)³; и, наконец, постоянная угроза атомной войны, несмотря на широкую волну протеста народов всех стран мира против атомного шантажа.

Дипломатическая и военная внешняя политика США входила в общий план подготовки войны, задуманной империалистами Уолл-стрита. Из различных мероприятий, проведенных по этому плану, можно остановиться на следующих: обострение отношений с Россией; провозглашение решительного намерения «освободить» все «вражеские» страны, то есть инспирировать в них гражданскую войну; угроза Даллеса приступить к осуществлению «немедленных массированных ответных мер»; открытая пропаганда «превентивной» войны со стороны высокопоставленных государственных чиновников; перевооружение Германии и Японии и восстановление там нацизма; угроза спустить с цепи Чан Кай-ши и начать американскую интервенцию в Китае; американская интервенция в Корее и Индо-Китае; оккупация Соединенными Штатами Формозы; культивируемые американскими империалистами военные союзы и блоки в Европе и Азии — НАТО и СЕАТО; заявление президента Эйзенхауэра о том, что Соединенные Штаты намереваются применять в «будущей войне» атомное оружие; непрерывное производство и испытания водородных бомб, вызывающие беспокойство и возмущение всего мира, а также ряд других мероприятий, ведущих к войне. Подтверждением милитаристских замыслов Уолл-стрита явилось дальнейшее разжигание военной истерии и психоза, развертывание небывалой в истории США фашистской кампании преследования и травли всех прогрессивных элементов, имеющей целью запугать народные массы, подавить всякое движение в защиту мира.

Для того чтобы оправдать все эти чудовищные военные приготовления и мероприятия, пропагандистская машина США без устали распространяла миф об «угрозе» советского нападения. Это была самая модная и самая распространенная ложь того периода. Всем известно, что такой угрозы никогда не существовало. Подобной ложью пользовался и Гитлер, когда готовился осуществить свои планы завоевания мирового господства. По своей социалистической природе СССР не является и не может являться империалистической державой. Его основной принцип — мирное сосуществование со всеми государствами

независимо от их внутреннего строя. Никогда не существовало ни малейшей опасности того, что Советская Армия «начнет поход» по Европе или Азии. Если бы СССР замыслил что-либо подобное, он, несомненно, не стал бы все эти годы пассивно наблюдать со стороны за тем, как лихорадочно вооружается капиталистический мир. «Красная угроза» — это миф, состряпанный сначала Гитлером, а затем возрожденный Уолл-стритом для того, чтобы оправдать свое стремление к насильственному установлению господства над всем миром.

Военные аспекты борьбы народов за мир

Взятый американским империализмом агрессивный курс на подготовку войны и захват мирового господства породил во всем мире значительно большую тревогу, чем в свое время наступление Гитлера в его начальном этапе. Это объясняется тем, что на такой путь стала страна, куда более могущественная, чем фашистская ось Берлин — Рим — Токио, приведшая ко второй мировой войне; тем, что в руках государства, ставшего на этот путь, находится сверхмощное по своей разрушительной силе атомное оружие; тем, что взятый США агрессивный курс куда более изощренно прикрывается лживой пропагандой мира и демократии; наконец, тем, что ослабленные войной страны не могли уже в такой мере, как раньше, оказывать сопротивление этому политическому курсу. Для того чтобы сохранить мир, миролюбивые силы во всех странах развернули широкое и активное движение против войны, в защиту мира — движение, равного которому еще не существовало в истории человечества. Простые люди всего мира решительно оспаривают право капиталистических монополий орошать мир кровью всякий раз, когда они считают это выгодным для своих империалистических интересов. Широкое всемирное движение в защиту мира отбросило прочь капиталистическую пропаганду о неизбежности войны и решительно выступило в защиту принципа мирного сосуществования всех наций независимо от различий в их внутреннем устройстве.

Основным фактором в деле защиты мира во всем мире стало то, что страны социализма и народной демократии сумели создать оборонительную военную машину, достаточно мощную для того, чтобы обречь на поражение

любое вооруженное нападение, которое могут предпринять захватнические империалистические державы. Одной из отличительных особенностей второй мировой войны и непосредственно следующего за ней периода было проявление колоссальной боевой мощи стран социалистического направления. Эта мощь была наглядно продемонстрирована Советским Союзом во время войны, когда Советская Армия сломала хребет гитлеровскому вермахту, несмотря на то, что немцы имели за собой экономические ресурсы всей Европы, несмотря на то, что они молниеносно сокрушили вооруженные силы Франции, Англии, Польши и др. и, наконец, вопреки предсказаниям буржуазных военных экспертов во всем мире, которые единодушно заявили, что Гитлер будет в Москве через несколько недель после своего вероломного нападения на СССР.

Следующим проявлением невиданной боевой мощи народов стран социализма явилась китайская революция, которая завершилась победой в 1949—1950 годах. В эпической многолетней борьбе плохо оснащенная Народно-освободительная армия (практически не имевшая авиации) разгромила превосходящие силы Чан Кай-ши, вооруженные до зубов новейшей американской техникой. Этот героический подвиг поразил и потряс капиталистический мир. Изумление еще больше возросло, после того как почти безоружный народ Северной Кореи с помощью китайских добровольцев остановил наступление оснащенных новейшей техникой армий Организации Объединенных Наций, которые пытались подавить национально-освободительную борьбу их страны. События в Корее также потрясли буржуазных военных экспертов, планировавших новую мировую войну. Не меньшим ударом для них были события и в Индо-Китае, где в ходе длительной, чудовишной войны народная армия, сражаясь за национальную независимость и свободу своей страны, остановила наступление отборных войск, посланных против нее французским империализмом, а затем нанесла им серьезное поражение.

Еще более важным фактором в деле вооруженной защиты мира во всем мире явилось то, что Советский Союз покончил с монополией Уолл-стрита на атомную и водородную бомбы. Это событие чрезвычайной важности буквально выбило почву из-под ног атомных маниаков из Вашингтона, опрокинув вверх дном всю их стратегию. Мно-

гие, если не большинство из них, рассчитывали на то, что, накопив достаточное количество этого ужасного оружия, они легко смогут диктовать Советскому Союзу свои условия под угрозой «превентивной» войны. Тех, кто высказывал предположение, что у русских также может иметься атомная бомба, осмеивали. Однако, когда стало известно, что Советский Союз владеет секретом атомной бомбы, стратегия «превентивной» войны рассыпалась, как карточный домик.

Производство атомного и водородного оружия в Советском Союзе не только нарушило милитаристские планы поджигателей войны, но и подняло борьбу народов за мир на более высокий уровень, сделало ее более эффективной. Пустив перед этим в ход огромную машину пропаганды, поджигатели войны пытались доказать миру, что «неизбежная война», к которой они готовятся, легко и быстро окончится «ливнем» атомных бомб, сброшенных на промышленные центры Советского Союза. Заявление президента Трумэна о том, что Советский Союз также располагает атомной бомбой, сразу же положило конец этой болтовне. Широкие народные массы во всем мире со всей ясностью осознали тот факт, что если поджигатели войны осмелятся начать атомную войну, то она уже не будет односторонней, а окажется палкой о двух концах и может привести к страшным разрушениям. Это был мощный толчок, способствовавший дальнейшему быстрому росту движения за мир во всем мире. Даже многие капиталисты, опасаясь (вполне обоснованно!), что в такой войне может быть уничтожена сама капиталистическая система, совершенно потеряли свой прежний энтузиазм по поводу «превентивной» войны против Советского Союза, народного Китая и других стран народной демократии в Европе и Азии. Уничтожение Советским Союзом атомной монополии явилось, пожалуй, самой большой и решающей победой демократических сил в борьбе за мир в этот критический период.

Политическая борьба за мир в международном масштабе

Одновременно с этими мерами демократические силы проводили везде и всюду широкую кампанию в защиту мира. После того как в 1947 году правительство Трумэна развязало «холодную войну», эта пропаганда приобрела

еще больший размах, пока, наконец, не достигла небывалых в истории масштабов. Организаторами и участниками этой огромной международной кампании за мир выступали не только правительства стран народной демократии и социализма, которые уже в течение многих лет прилагали все усилия внутри ООН для того, чтобы сохранить мир, но и мощные демократические организации различных направлений, которые возникли и широко разрослись во всех странах в послевоенный период. В главе 44 мы говорили о крупнейших из этих организаций — это могущественные профсоюзы, огромные молодежные и женские организации, массовые коммунистические партии. Руководящим органом мирового движения в защиту мира является Всемирный Совет Мира, который объединяет до 700 миллионов сторонников и активных борцов за мир.

Это всемирное боевое движение за мир начало решительную борьбу против планов уолл-стритовских претендентов на мировое господство. Особенно упорная борьба развернулась во время войны в Корее (1950—1953 годы). Эта война, развязанная марионеткой Уолл-стрита Ли Сыньманом, пользовалась всяческой поддержкой как правительства Трумэна, так и правительства Эйзенхауэра. Оба пытались распространить эту войну на народный Китай, и оба хотели применить в этом конфликте атомную бомбу, хотя это им и не удалось. Протест мирового общественного мнения против этой войны и в особенности против применения атомной бомбы был настолько силен, что поджигатели войны из Вашингтона не смогли добиться какой-либо реальной поддержки своих планов Организацией Объединенных Наций и в конце концов были вынуждены после многомесячных проволочек в мирных переговорах подписать перемирие. Это было крупным поражением военных планов американского империализма. Народы всего мира, в том числе и американский народ, глубоко ненавидящие войну, приветствовали перемирие как большую победу сил мира. С большим воодушевлением американский народ встретил известие о заключении мира в Корее, хотя это событие явилось серьезным ударом по милитаристским планам Уолл-стрита.

Другой большой победой международных сил мира было прекращение «грязной войны» (как ее называли сами французы) в Индо-Китае. Как уже говорилось, в начале 1954 года Народная армия Вьетнама, нанеся ряд круп-

ных поражений французским империалистам, выдвинула предложение о прекращении огня. Но тут в мирные переговоры вмешались США, пытаясь любой ценой сорвать их. К тому времени (об этом открыто сообщала американская печать) Соединенные Штаты уже мобилизовали свои морские и воздушные силы для решительного наступления против Национально-освободительной армии Индо-Китая. Однако Великобритания, Франция и другие союзники США отказались присоединиться к плану дальнейшего расширения войны. Мировое общественное мнение решительно требовало мира. Уолл-стрит был вынужден подчиниться требованиям общественности, и в мае 1954 года было подписано соглашение о прекращении огня. Это была еще одна крупная победа международных сил мира, в которую внес свой вклад и американский народ.

Вслед за военным кризисом в Индо-Китае последовал другой кризис американской милитаристской политики, на этот раз в связи с проблемой прибрежных островов Кемой и Мадзу, искони принадлежащих Китаю. Бесцеремонно установив свое господство на Тайване, США приготовились защищать эти два острова при помощи атомных бомб. Государственный департамент США направил правительству народного Китая ряд резких ультиматумов по этому вопросу. Общественное мнение во всех странах мира, в том числе и в США, вновь подняло голос протеста и помешало поджигателям войны осуществить эти планы, хотя обстановка была чрезвычайно опасной.

Тем временем в различных капиталистических странах началось широкое развитие наиболее естественной и элементарной формы борьбы за мир — так называемое нейтралистское движение. Это массовое движение «третьей группы», хотя и не было готово к тому, чтобы поддержать полностью всю программу борьбы за мир, выработанную авангардом всемирного антивоенного движения, тем не менее искренне стремилось к миру. Именно этим объясняется тот факт, что американские империалисты оценили это движение как враждебное империалистическим планам Уолл-стрита и начали против него активную борьбу. В Англии, Франции и многих других странах нейтралистское движение приняло широкие размеры, выступая как мощная сила, противостоящая поджигателям войны. В бывших колониях, являвшихся ранее цитаделью капи-

тализма, также сильно развилось движение борцов за мир совместно с движением нейтралистов. Кульминационным пунктом этого развития явилась великая Бандунгская конференция народов стран Азии и Африки (1955 год). В ее работе приняли участие представители большей части населения всего земного шара. С ростом движения всех народов в защиту мира политика, проводимая американской дипломатией, все больше и больше теряла престиж в глазах человечества.

Такова была обстановка в мире к июлю 1955 года, когда в Женеве началась известная Конференция четырех великих держав — США, СССР, Великобритании и Франции. К этому времени планы Уолл-стрита окончательно обанкротились как в военном отношении, так и в глазах всей мировой общественности. Подавляющее большинство населения земного шара, изнывающее под тяжестью гонки вооружений и находящееся под постоянной угрозой атомной войны, решительно выступило против войны. Система военных блоков, которую Соединенные Штаты так усердно создавали, не жалея ни средств, ни сил, была поколеблена в своей основе. За последние годы одним из главных требований всемирного движения сторонников мира было добиться созыва международной конференции на высоком уровне. Это требование широких масс нашло свое окончательное выражение в предложении созвать в Женеве конференцию четырех великих держав. Правительство Эйзенхауэра, опасаясь такой встречи, всячески пыталось предотвратить ее, однако в конце концов оно было вынуждено уступить настойчивым требованиям мировой общественности.

На конференции в Женеве, для которой было характерно стремление к урегулированию спорных вопросов мирным путем, американский империализм в лице президента Эйзенхауэра счел за благо поспешно отступить от своей политики военных угроз. Оставив в стороне прежние «атомные» ультиматумы, Эйзенхауэр старался заверить участников конференции в «мирных намерениях» американского правительства, не забывая при этом, однако, всячески соблюдать интересы империалистов Уолл-стрита. Одной из главных целей, которую преследовал Президент США, проводя такую политику, было насколько возможно успокоить мировое общественное мнение, опасавшееся, что США ведут человечество к губительной

атомной войне. Эйзенхауэр пытался восстановить сильно подмоченную репутацию США как миролюбивой державы. Кроме того, своими миролюбивыми речами он расчищал себе дорогу в Белый Дом на второй срок (это было до его болезни), зная, что американцы желают прежде всего такого президента, который не допустит, чтобы их страна была вовлечена в войну.

После Женевской конференции оставалось еще много неразрешенных спорных вопросов, продолжавших таить в себе угрозу новой войны. Сюда относились проблема воссоединения Германии, прекращение гонки вооружений, запрещение атомного оружия и уничтожение существующих запасов атомных бомб, допуск народного Китая в Организацию Объединенных Наций, ликвидация американской оккупации острова Тайвань, ликвидация американских военно-воздушных и военно-морских баз и т. п. Основные антагонистические противоречия между капитализмом и социализмом продолжали оставаться. Тем не менее Женевская конференция внесла огромной важности вклад в дело мира во всем мире: она выдвинула основное положение о том, что все эти вопросы могут и должны разрешаться путем мирных переговоров, а не путем атомной войны. Это был крупный успех международного движения в защиту мира, триумф принципа мирного сосуществования всех наций, за который выступали все миролюбивые страны, и крупное поражение теории Уолл-стрита о неизбежности войны. Широкие народные массы в США всецело высказались в поддержку решений Женевской конференции.

В Женеве милитаристским планам Уолл-стрита был нанесен сокрушительный удар. Это было событие огромной важности, даже если оно и носило лишь временный характер. Это событие могло привести к далеко идущим положительным результатам как в экономическом, так и в политическом отношении. Угроза войны не была окончательно устранена — она будет существовать, пока существует империализм, но под давлением сил мира она была отеснена на задний план. Начался новый период — период дипломатических переговоров. На этом этапе задача народов всего мира заключается в том, чтобы сделать эти переговоры плодотворными. Как показал дальнейший ход событий, в мире еще имеются многочисленные и влиятельные силы, стремящиеся к продолжению «холодной

войны». Более того, эти силы стремятся даже к тому, чтобы вновь создать угрозу реальной войны. Этим попыткам необходимо оказать решительный отпор. Можно не сомневаться, что империалисты с Уолл-стрита, имея в своем распоряжении огромные материальные ресурсы и разветвленную сеть многочисленных агентов, будут продолжать свои тщетные, но опасные попытки завоевать мировое господство. Силы мира должны проявлять неустанную бдительность. Только при этом условии Женевская конференция и ее решения могут оказаться важнейшим фактором в прекращении «холодной войны» и в наступлении эпохи подлинного мира.

Миролюбивые народы в настоящее время могут одержать историческую победу над силами войны — они могут стать непреодолимым препятствием на пути чудовищной атомной войны, которую стремятся развязать монополисты Уолл-стрита. Такое наступление миролюбивых народов будет действительно чем-то новым и революционным в мировой истории, оно может оказаться ее поворотным пунктом. Тогда социалистические государства могли бы, освободившись от чудовищного бремени военных расходов и приготовлений, быстро поднять жизненный уровень своих народов, это произвело бы глубокое впечатление и оказало бы огромное влияние на трудящихся капиталистических государств, вдохновляя их на новую, еще более широкую и энергичную борьбу за построение социализма в своих странах. Но такая историческая победа может быть одержана лишь в том случае, если все миролюбивые силы будут вести неустанную борьбу против империалистических хищников.

Две международные профсоюзные организации в период «холодной войны»

На всем протяжении «холодной войны» МКСП и ВФП проводили диаметрально противоположную политику: первая всецело поддерживала планы американского империализма, вторая систематически выступала против осуществления этих планов. Следуя основной политической ориентации Второго Интернационала, МКСП в этот критический период видела врагов только слева, в особенности среди стран народной демократии и социализма. Как

мы уже попутно отмечали, МКСП активно поддерживала доктрину Трумэна, план Маршалла, войну в Корее и Индо-Китае, империалистическую бойню в Малайе, политику перевооружения Германии, американскую оккупацию Формозы и прочие проявления американской империалистической политики. Таким образом, МКСП предавала самые насущные жизненные интересы международного рабочего класса.

Империалистическая политика, проводимая МКСП (штаб-квартира этой организации находится в Париже), носила двурушнический характер: поддерживая милитаристские планы Уолл-стрита, МКСП делала вид, что недовольна некоторыми последствиями их осуществления; голосуя за огромные ассигнования на гонку вооружений, она выступала с протестом против повышения стоимости жизни; всячески втягивая профсоюзы в подготовку войны, она ворчала на то, что урезаются гражданские права рабочих. МКСП, так же как и в свое время Второй Интернационал, изощрялась изо всех сил, для того чтобы прикрыть проводимую ею империалистическую пропаганду войны фанерным щитом рабочей фразеологии. В своем прислужничестве империалистам МКСП докатилась до крайних пределов. Ее «заслугой» является систематическая подрывная деятельность, направленная против ВФП и ее филиалов во всех странах мира, и раскол профсоюзного движения во Франции, Италии, Германии, США, а также в странах Азии и Латинской Америки. Суть политики МКСП в период «холодной войны» заключалась в том, что она боролась единым фронтом с американским монополистическим капиталом против сил мира и демократии, в защиту мировой капиталистической системы.

Это холопское стремление МКСП выслужиться перед агрессивным американским империализмом, стремящимся через посредство атомной войны установить господство над всем миром, полностью соответствует традициям правых социал-демократов, сложившимся на протяжении последних сорока лет. Оно является лишь логическим продолжением политики предательства интересов народной революции в России, Германии, Китае и других странах. Наиболее оголтелыми реакционными проповедниками и руководителями этого курса были американские профсоюзные лидеры мини, рейтеры и иже с ними, которые могут потягаться с любым капиталистом в позорном разжигании

войны. Это особенно относится к Мини, возглавляющему объединенную организацию АФТ—КПП. Его позицию в вопросах внешней политики трудно отличить от позиции, занимаемой вице-президентом США Никсоном, сенаторами Ноулендом и Маккарти и другими профашистски настроенными «деятелями». Эти профсоюзные лидеры всегда были противниками каких бы то ни было переговоров с СССР. Они даже хвастались, что «американские профсоюзы так легко не обманешь советской мирной пропагандой, как Уолл-стрит».⁴

Верхушка лидеров американского профсоюзного движения занимает эту агрессивную позицию не потому, что трудящиеся и широкие народные массы Америки хотят войны (они ее решительно отвергают), а лишь в силу того, что они установили самодержавную власть над профсоюзами и пользуются ею для того, чтобы подавить мнение рядовых членов. Эти консервативные элементы не замедлили воспользоваться в своих интересах милитаристской кампанией «охоты за ведьмами», развязанной Маккарти и ему подобными. Террором запугивают основные силы оппозиции, им пользуются как средством подавления прогрессивного меньшинства в профсоюзах. Именно этим объясняется тот факт, что верхушка АФТ в течение многих лет поддерживала пресловутую комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, а также молчаливо согласилась с законом Тафта—Хартли, который запрещает коммунистам занимать руководящие должности в профсоюзном движении.

Каждый раз, когда европейские лидеры МКСП под сильным давлением миролюбивых народов своих стран пытались свернуть в сторону «нейтрализма», американские профсоюзные империалисты немедленно возвращали их на «путь праведный». На третьем конгрессе МКСП в Стокгольме в июле 1953 года, когда английские и другие делегаты потребовали мирных переговоров с Советским Союзом, представители американских профсоюзов квалифицировали это требование как «умиротворение». «Борьба между английской и американской делегациями по этому вопросу закончилась поражением политики мирного сосуществования».⁵ Генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов Висент Тьюсон, бывший до этого председателем МКСП, на этот раз был забаллотирован, вместо него председателем стал ставленник Мини бельгиец

Омар Беку. Скандал произошел и на съезде МКСП в Вене в 1955 году, когда многие делегаты из европейских стран обвинили американских профсоюзных диктаторов в том, что те являются поджигателями войны. Подобно тому, как правительству США все труднее сохранить контроль над ООН, точно так же его приказчикам из профсоюзов все труднее сохранить свое господство в МКСП — детище американского империализма.

В противоположность МКСП ВФП (штаб-квартира ВФП находится в Будапеште) с самого начала «холодной войны» повела решительную борьбу за мир, против планов мирового господства и других мероприятий американского империализма. ВФП явилась одним из инициаторов всемирного движения народов в защиту мира. Она проводила последовательную кампанию за мир не только как организация, отражающая интересы международного профсоюзного движения, но и как член Всемирного Совета Мира, в Исполкоме которого представлены ее делегаты.

ВФП сыграла важную роль в проведении кампании по сбору подписей под несколькими воззваниями Всемирного Совета Мира. Их подписали сотни миллионов трудящихся всего мира. История не знает примеров подобных воззваний. Огромная воспитательная и агитационная работа, сопровождавшая кампанию по сбору подписей, нанесла сильный удар по американскому империализму, пытавшемуся организовать новую мировую войну. Последний Всемирный конгресс ВФП, состоявшийся в Вене в октябре 1953 года, полностью одобрил деятельность организации, направленную против поджигателей войны.

ВФП и ее филиалы в различных странах неустанно выступали против всех мероприятий империалистов Уолл-стрита, направленных на завоевание мирового господства, — против войны в Корее, Индо-Китае и т. д. Они провели специальную кампанию против производства и применения атомных и водородных бомб. Они постоянно оказывали активную поддержку национально-освободительному и революционному движению в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Они всегда боролись против огромных ассигнований, выделяемых на гонку вооружений, против обложения трудящихся непомерно высокими налогами. Они решительно выступали против посягательств на демократические права народов, связанных с подготовкой новой войны. Они возродили традицию

празднования 1 Мая, о которой давно уже забыли правые социал-демократы, вновь провозгласив этот праздник Днем международной солидарности и борьбы рабочего класса.

Одной из главных целей, которые ставили себе поджигатели войны, было снижение жизненного уровня трудящихся. Это нужно было для них, чтобы использовать большую часть производимой продукции в целях подготовки войны и увеличения прибылей. Следуя за монополистическим капиталом, проводящим политику подготовки войны, в предвкушении ее логических последствий: интенсификации труда, роста налогов и снижения жизненного уровня трудящихся — правые социал-демократы использовали все свое влияние на рабочих, чтобы предотвратить стачки и забастовки против нового бремени, легшего на плечи трудящихся. Если эти горе-руководители и шли иногда на проведение крупных забастовок, как, например, забастовки горняков и металлистов в Баварии и Руре в 1953—1954 годах — первые крупные забастовки немецких рабочих за последние двадцать лет, — то делали это лишь под давлением трудящихся.

В тех странах, где было сильно влияние ВФП, поджигатели войны наталкивались на мощное сопротивление трудящихся. В этой связи надо отметить, что послевоенные годы ознаменовались большим числом крупных забастовок, носящих антивоенный характер. Особенно широко забастовочное движение развернулось во Франции и Италии в 1949 и 1953 годах, в Испании в 1951 году, в Индонезии в 1953 году, в Японии в 1953 году (несколько всеобщих забастовок), в Бразилии, Чили и других латиноамериканских странах в период с 1953 по 1955 год и, наконец, в странах Африки и других районах мира. Много крупных забастовок в послевоенный период произошло, несмотря на консерватизм профсоюзных лидеров, и в таких странах, как Англия и США. В забастовочном движении последних лет зачастую участвовало до нескольких миллионов трудящихся. В наше время с ростом профсоюзного движения такие массовые забастовки становятся обычным явлением.

Рвущийся к мировому господству американский империализм не раз получал отпор и был вынужден останавливаться, как это было, например, в период после Женевской конференции четырех великих держав в 1955 году.

Однако к этим важнейшим победам, одержанным рабочим классом, МКСП не имеет никакого отношения, так как на всем протяжении послевоенного периода правое руководство этой организации играло на руку американским империалистам, открыто или тайно оказывая поддержку всем их военным мероприятиям и планам завоевания мирового господства. ВФП, наоборот, всегда была и остается верной интересам и чаяниям трудящихся и демократических элементов, она всегда была в авангарде борьбы народов за мир во всем мире. Она выдержала тяжелые испытания критических послевоенных лет, когда над миром нависла самая чудовищная военная угроза в истории человечества.

В настоящее время международное профсоюзное движение, действуя в духе Женевских соглашений, может решительно покончить с «холодной войной» и в своих рядах. Сейчас можно и должно создать единый фронт всех соперничающих профсоюзных движений в борьбе за достижение общих целей, непосредственно стоящих перед ними. В этой борьбе должны объединиться не только соперничающие профсоюзные организации в отдельных странах, но и оба профсоюзных Интернационала в целях достижения профсоюзного единства во всем мире. Встревоженные возможностью организационного объединения и перспективой единства действий профсоюзов, руководящие деятели правого крыла профсоюзов Англии, США, Франции и других стран уже пытаются пресечь это движение в своих профсоюзах. Однако трудящиеся, если они будут действовать организованно и энергично, могут расстроить планы раскольников рабочего движения и обеспечить профсоюзное единство. «Покончить с «холодной войной» в профсоюзном движении!» — вот одно из основных требований трудящихся в настоящий момент.

Глава 56

ОБЩИЙ ЗАКОН РАЗВИТИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Возникновение, развитие и упадок общества подчиняются определенным принципам или законам. Что касается капиталистического общества, в котором мы живем, то здесь можно назвать различные законы, указывающие

на роль экономического фактора в истории: прибавочной стоимости, цикличности экономических кризисов, законы классовой борьбы и развития монополистического капитала, возникновения общего кризиса капитализма во всем мире, ведущего к пролетарской революции. Главным достижением марксистов в области теории является то, что они вскрыли эти законы развития общества и сделали из них необходимые выводы. Для буржуазных экономистов характерна полная неспособность распознавать и понимать эти законы общественного развития. В своей надгробной речи на похоронах Маркса 18 марта 1883 года Фридрих Энгельс, блестящий соратник этого великого мыслителя и борца, сказал: «Подобно тому, как Дарвин открыл закон эволюции органической природы, Маркс открыл закон эволюции истории человечества».

Являясь частью общества, профсоюзы (мы имеем в виду в данном случае в первую очередь профсоюзы капиталистических стран) подвержены действию тех же законов роста и развития, что и само общество. Профсоюзное движение развивалось вместе с капиталистическим обществом, как часть этой общественной системы, оно подчиняется таким законам, как закон о классовой борьбе, о неравномерном развитии капитализма и т. п. Так, например, закон цикличности экономических кризисов в капиталистическом обществе всегда оказывал глубокое влияние на профсоюзное движение — в основном в смысле усиления раскольнических тенденций внутри профсоюзов; колониальный строй также отложил глубокий отпечаток на построение профсоюзов; расширение профсоюзного движения во всем мире связано с ростом международного капитализма и т. п.

Профсоюзное движение имеет также и свои собственные, специфические законы развития. Объединяя около 140 миллионов трудящихся во всех странах мира и имея за плечами двухвековой опыт исторического развития, профсоюзное движение не могло возникнуть и функционировать беспорядочно, стихийно и хаотично. Профсоюзы возникают, развиваются и приходят в упадок в соответствии с определенными принципами или законами. Большим недостатком всей литературы по истории профсоюзного движения является то, что этой стороне жизни и деятельности профсоюзов не уделялось достаточно внимания.

Пути развития профсоюзного движения

Рассматривая историческое развитие профсоюзов, надо отметить, что они численно росли, распространялись во всех странах и в соответствии с новой обстановкой и новыми задачами вырабатывали новую структуру, новые программы, новую тактику и новую идеологию. Вся история их развития, если рассматривать ее в широком плане, представляет собой эволюцию в такой же мере, как история развития общества представляет собой общую социальную эволюцию.

Однако развитие профсоюзного движения, будучи эволюционным в широком историческом смысле этого слова, не является последовательным эволюционным процессом в более узком понимании слова. Кривая роста профсоюзного движения представляет собой не непрерывно идущую вверх линию, а скачкообразную кривую с серией подъемов и спусков и с общей тенденцией роста. Развитие профсоюзного движения характеризуется перемежающимися периодами медленного эволюционного прогресса и бурного, стремительного роста. Иногда это развитие продвигалось черепашьями шагами и даже двигалось вспять, иногда же оно стремительно шло вперед по всему фронту. Эта смена периодов более быстрого и замедленного движения вперед является основным законом развития профсоюзного движения. Доказательством этому служит история движения организованного пролетариата в каждой капиталистической стране.

Периоды ускоренного и более медленного развития профсоюзного движения находятся в прямой зависимости от подъемов и спадов боевого духа рабочего класса. Обычно периодические подъемы боевых настроений трудящихся являются результатом недовольства, накопившегося за длительный срок или возникшего внезапно. Это недовольство может быть вызвано войной, внезапным снижением заработной платы, резким уменьшением реальной заработной платы, экономическим кризисом, ущемлением прав членов профсоюза со стороны предпринимателей, угрозой фашизма и т. п. Периоды промышленного подъема обычно в меньшей степени способствуют проявлению наступательного духа трудящихся; однако, как это наглядно подтверждает история профсоюзного движения, и в эти периоды происходит широкое развитие профсоюзов.

По своей продолжительности периоды напряженной классовой борьбы могут быть очень короткими или длиться в течение десятка лет и более; такая борьба может носить местный, общенациональный или международный характер. При наличии определенной экономической и политической обстановки и при условии, что во главе трудящихся стоит сильная Коммунистическая партия, наступление рабочего класса может, конечно, перерасти в пролетарскую революцию. Однако мы не будем останавливаться на этом вопросе, так как он не является темой данной работы.

По мере развития монополистического капитализма все чаще наступают периоды подъема борьбы профсоюзов. С самых первых дней возникновения профсоюзного движения в различных странах в период бурного роста капитализма в его конкурентной стадии наблюдалось периодическое обострение борьбы рабочего класса, однако это явление достигло наибольшего размаха и силы с появлением трестов и синдикатов, то есть с вступлением капитализма в его монополистическую стадию. Это происходило во всех без исключения капиталистических странах.

В этой связи возникает вопрос о стихийности масс. Когда боевой дух трудящихся высок и имеется соответствующая политическая обстановка, часто получается так, что небольшой инцидент перерастает в широкое революционное движение. Как русская революция 1917 года, так и германская революция 1918 года, хотя в основе их и лежали глубокие, коренные классовые противоречия, начались именно со сравнительно небольших местных восстаний, распространившихся затем со скоростью и силой степного пожара. Подобные явления в меньших масштабах наблюдались во всех капиталистических странах. Например, «итальянская» забастовка во Флинте (США) в январе 1937 года явилась той искрой, которая зажгла целую серию забастовок и кампаний, приведших в конце тридцатых годов к созданию КПП. Трудящиеся страны после долгих лет тяжелых испытаний, эксплуатации и всяческого угнетения созрели для борьбы, и достаточно было небольшой, но яркой и энергичной забастовки во Флинте, чтобы привести их в бурное движение. Влияние стихийных настроений на рабочих, как бы велико оно ни было, значительно ослабевает по мере того, как трудящие-

ся становятся все более организованными экономически и политически. В настоящее время, имея мощную организацию и опыт, накопленный десятилетиями борьбы, трудящиеся способны ускорить ход событий, сознательно начав крупное наступление на капитал, не дожидаясь, пока неуправляемый натиск народных масс «прорвет плотину».

История профсоюзного движения в капиталистических странах показывает, что в условиях буржуазной демократии трудящиеся сумели добиться значительных успехов даже в периоды менее активной классовой борьбы. Расцвет деятельности Второго Интернационала пришелся на 1889—1914 годы, то есть годы сравнительного затишья классовой борьбы (если не считать Россию и отчасти США); в этот период руководство рабочим движением во всех странах переходило в руки правых социалистов, однако, несмотря на это, трудящимся удалось достичь больших успехов в создании мощных массовых профсоюзов, партий и в развитии кооперативного движения. Ленин неоднократно подчеркивал роль этого фактора, оценивая историческое значение Второго Интернационала.

В периоды ослабления классовой борьбы может, конечно, наблюдаться также организационный и идеологический упадок профсоюзов. Именно так обстояло дело, в частности, с профсоюзами АФТ в период с 1923 по 1929 год. Это были годы огромного промышленного подъема, который обычно сопровождается значительным ростом профсоюзного движения. Численность профсоюзов АФТ, однако, в этот период резко сократилась, а активность ее членов упала так низко, как она никогда еще не падала ни в одном из профсоюзов на протяжении всей истории американского рабочего движения. Этот упадок объясняется тем, что реакционные лидеры опутали профсоюзы сетью различных теорий классового сотрудничества и примиренчества — теорий, пропагандирующих отказ от забастовок и классовой борьбы; общий их смысл сводился к тому, что реальная заработная плата рабочих автоматически возрастет с повышением производительности и интенсивности труда. Это была эпоха «плана Балтимора—Огайо», «высшей стратегии» рабочего движения, «новой политики» заработной платы и других оппортунистических иллюзий.

Две фазы рабочего движения и их оценка

Нельзя, однако, считать, что обе фазы развития движения организованных трудящихся: медленное эволюционное развитие и быстрый революционный скачок — равноценны по своему значению. Вторая фаза — фаза мощного революционного наступления — таит в себе гораздо больше возможностей. Именно во время таких периодов активизации борьбы профсоюзы во всех капиталистических странах добивалась наибольших успехов. Профсоюзы, как и весь рабочий класс в целом, развиваются наиболее стремительно не в процессе медленной эволюции, а в ходе решительного боевого наступления. Это относится как к забастовочному движению, так и к прямому наступлению на капиталистическую систему.

Однако одного лишь прилива боевого духа далеко не достаточно для того, чтобы обеспечить победу и рост профсоюзного движения. Рабочие должны иметь правильное руководство, в противном случае даже самое мощное стихийное движение может оказаться разгромленным наголову. Эта опасность особенно велика, когда у руководства трудящихся стоят правые социал-демократы — противники любых революционных выступлений рабочих. История рабочего движения вновь и вновь подтверждает эту суровую истину. Достаточно вспомнить о печальной судьбе таких злополучных движений, возглавляемых социал-демократами, как германская революция 1918 года, революционная стачка итальянских рабочих-металлистов в 1920 году, крупные забастовки в Америке в период 1918—1923 годов и, наконец, всеобщая забастовка английских рабочих в 1926 году.

Трагическим примером предательской политики, проводимой социал-демократическим «руководством», может служить, как мы уже это видели в предыдущих главах, их политика в период наступления и господства фашизма в Италии и Германии в 1920—1933 годах. Трудящиеся этих стран были готовы к борьбе, однако социал-демократическая бюрократия в рабочем движении, используя свое влияние в политических партиях трудящихся и их профсоюзах, сумела подавить это желание рабочего класса. Результатом явился разгром фашистами профсоюзного движения во всех странах, расположенных к западу от границ СССР и до Ла-Манша, за исключением профсоюз-

ного движения в таких «нейтральных» странах, как Швеция и Швейцария, и профсоюзов прогитлеровской Финляндии. Только победа демократической коалиции смогла восстановить профсоюзное движение в Европе.

Как об этом красноречиво свидетельствует исторический опыт всемирного профсоюзного движения, наиболее быстрое развитие профсоюзов в нормальных условиях происходит в периоды подъема борьбы. Когда рабочим приходится вести особенно ожесточенную борьбу, они больше всего убеждаются в необходимости иметь сильную профсоюзную организацию и полны решимости ее создать. Во всех капиталистических странах наибольший рост профсоюзов и усиление их влияния наблюдались во время ожесточенных классовых схваток.

В периоды острой классовой борьбы трудящиеся особенно отчетливо сознают необходимость политической организации и политических действий. Теория постоянного чередования экономической и политической борьбы не подтверждается историей рабочего движения. Наоборот, напряженная экономическая борьба во всех странах всегда влекла за собой величайшую политическую активность рабочего класса.

В этой связи надо отметить, что профсоюзы всегда добивались наибольших успехов в идеологической области, именно в момент обострения классовой борьбы. Это еще один из основных уроков, который дает нам опыт всемирного профсоюзного движения. Напряженно борясь с предпринимателями и государством, трудящиеся глубже воспринимают передовое марксистское учение. В этот момент им гораздо легче осознать основные причины возникшего конфликта, легче понять классовый характер и роль государства, а также убедиться в предательской роли правых социал-демократов. Таким образом, во всех капиталистических странах периоды обострения классовой борьбы характеризуются наиболее быстрым ростом классового самосознания рабочих.

Кроме того, в обстановке подъема борьбы трудящиеся больше всего стремятся избавиться от своих правооппортунистических лидеров, пришедших к руководству в период ослабления классовой борьбы, и поставить на их место боевых представителей рабочего класса. Тот факт, что трудящиеся выдвигают из своей среды новых, лучших лидеров именно во время бурного развития рабочего движе-

ния, общеизвестен. Вот почему профсоюзные бюрократы, сидящие в своих мягких креслах, так опасаются подъема боевого духа трудящихся, революционной борьбы рабочего класса: они боятся потерять свои насиженные места.

Период революционного наступления является наиболее выгодным для профсоюзов и в других отношениях. Именно в этот момент рабочие бросают в бой свои лучшие силы и способны нанести наиболее сокрушительные удары по капиталистическим эксплуататорам. Кроме того, при поддержке народных масс рабочие, охваченные революционным подъемом, могут успешно преодолеть те препятствия, которые были нагромождены консервативными лидерами в период затишья классовой борьбы, покончить с их парализующим господством в рабочем движении. Профсоюзное движение, вступившее в решительную борьбу, как Гулливер, рвет бесчисленные нити, которыми профсоюзные лилипуты привязали его к земле.

Маркс, Ленин и другие вожди коммунизма неоднократно указывали, что в некоторые моменты в силу определенных условий темп классовой борьбы может резко возрасти, и тогда рабочие показывают чудеса храбрости и геройства. В великих событиях, писал Маркс, двадцать лет могут равняться одному дню, а могут быть такие дни, которые отражают сконцентрированную социальную сущность двадцати лет. Закон развития профсоюзного движения, определяющий периоды острой классовой борьбы как периоды наиболее крутого подъема профсоюзной деятельности, полностью соответствует и является частью основного принципа, сформулированного, как указано, Марксом.

Опыт всемирного профсоюзного движения

Весь опыт профсоюзного движения в странах капитализма служит доказательством правильности общего закона развития профсоюзного движения, сформулированного нами выше. Очень показательна в этом смысле история организованного рабочего движения в Англии — классической родине тред-юнионизма. Английские тред-юнионы всегда достигали наивысшего развития в момент обострения классовой борьбы, когда революционный дух пролетариата поднимался до самого высокого уровня. Среди наиболее важных этапов обострения борьбы англий-

ского пролетариата можно отметить следующие: 1830—1848 годы — время исторического чартистского движения и оуэнизма; крупная забастовка лондонских портовых грузчиков в 1889 году, открывшая двери английских цеховых профсоюзов для широких масс неквалифицированных рабочих; революционные массовые стачки 1908—1914 годов, давшие английскому рабочему классу представление о его революционной силе и приведшие к созданию Тройственного союза 1914—1920 годов; сильный рост английских тред-юнионов и расширение их деятельности в подъеме революционной активности масс во всем мире после первой мировой войны; широкая агитационная кампания и борьба в связи с проведением всеобщей забастовки 1926 года и, наконец, подъем борьбы и рост профсоюзного движения после второй мировой войны. Именно в эти периоды существенно выросла численность британских тред-юнионов и были реально улучшены как структура, так и тактика рабочего движения. Тогда-то предприниматели были вынуждены пойти на наибольшие уступки, а трудящиеся особенно отчетливо осознали необходимость политической борьбы. Именно в это время рядовые члены тред-юнионов свергли господство бюрократических проповедников классового сотрудничества, а широкие массы трудящихся в значительной мере избавились от буржуазного образа мышления.

Для профсоюзного движения в Германии характерны такие же приливы и отливы в развитии рабочих организаций. Наивысшими точками подъема профсоюзного движения были стремительный рост профсоюзов, после того как в 1893 году трудящиеся добились отмены законов против социалистов; бурное развитие профсоюзного движения в революционной обстановке, сложившейся после первой мировой войны, когда численность профсоюзов возросла с 1 415 518 членов в январе 1917 года до 7 338 132 человек в декабре 1918 года. Вслед за этим наступил относительный застой в обстановке классового сотрудничества, процветавшего в Веймарской республике; этот застой, продолжавшийся пятнадцать лет, сменился стремительным воссозданием профсоюзов уже после разгрома фашизма и окончания второй мировой войны. С 1945 по 1949 год численность профсоюзов выросла от 0 до 10 миллионов человек.

Рабочее движение в Италии и во Франции также до-

стигало наивысшего развития в периоды обострения классовой борьбы и почти стояло на месте или прогрессировало очень медленно, когда устанавливалось относительное затишье. Как в Италии, так и во Франции профсоюзное движение резко усилилось и расширилось в годы, последовавшие после окончания первой и второй мировых войн. Вершиной развития французского рабочего движения была борьба Народного фронта в 1935—1937 годах, когда трудящиеся своими боевыми действиями сумели преградить путь французскому фашизму и увеличили численность ВКТ Франции с 1 миллиона до 5 миллионов человек. Одержав победу в широком национальном забастовочном движении с его «итальянскими» стачками, они добились осуществления органического единства между ВКТ Франции и «Форс увриер», несмотря на сопротивление социал-демократического руководства.

Профсоюзное движение в Японии, которое на протяжении многих лет влачило незавидное существование, постоянно подвергаясь риску в условиях полуфеодального строя, сделало первый крупный шаг вперед после второй мировой войны. Фактическое отсутствие в стране вообще каких бы то ни было профсоюзов в период господства милитаристско-фашистского режима сменилось их бурным ростом, и уже через два года после окончания войны они насчитывали в своих рядах 7 миллионов членов. Пробудившиеся после длительного застоя японские трудящиеся, как по волшебству, сбросили с себя оковы отживших представлений, создали мощные производственные профсоюзы, разработали свою собственную своеобразную тактику проведения забастовок и вообще вели себя так, как будто у них за плечами был многолетний опыт профсоюзного движения. Современное профсоюзное движение в Японии развилось буквально молниеносно.

Иллюстрацией действия общего закона развития профсоюзного движения является также история американского профсоюзного движения с характерным для него чередованием подъема борьбы, когда наблюдается быстрый рост профсоюзов, и спада классовой борьбы с последующим относительным организационным и идеологическим застоем. Можно назвать следующие периоды наивысшего подъема борьбы и роста профсоюзного движения в истории США: крупный подъем рабочего движения в 1827—1833 годах, период борьбы и развития рабочих

союзов, последовавший за гражданской войной; вспышка классовой борьбы и массовая организация профсоюзов в 1877—1896 годах, то есть в период развития империализма; значительный рост профсоюзного движения с 1918 по 1920 год — во время первой мировой войны и после нее; наконец, бурный рост профсоюзов и борьба 1933—1948 годов, как результат огромного экономического кризиса 1929—1933 годов и борьбы против мирового фашизма.

В обстановке огромного подъема рабочего движения в стране с 1933 по 1948 год трудящимся удалось, несмотря на старания всемогущей бюрократии Грина, создать КПП, провести в жизнь принцип объединения профсоюзов по производственному признаку, развернуть широкое движение по вовлечению в ряды профсоюзов неорганизованных рабочих в основных отраслях промышленности, где господствовала система «открытого цеха», и, таким образом, к концу 1948 года увеличить число членов профсоюзов в США и Канаде до 16 миллионов по сравнению с 3 миллионами в 1933 году. Характерным для этого периода бурного развития в рабочем движении явился и тот факт, что КПП, прислушиваясь к голосу своего многочисленного левого крыла, отказался от многих старых реакционных лозунгов, от гомперсовских тенденций, и стал на новые, прогрессивные позиции в отношении негритянских рабочих, трудящихся женщин и рабочей молодежи, начал проводить политические мероприятия и массовое пикетирование, по-настоящему бороться за единство международного профсоюзного движения и т. п. КПП быстро стал в авангарде американского профсоюзного движения.

На более раннем этапе своего существования (то есть еще при капиталистическом строе) подобный путь развития прошли и профсоюзы нынешних стран социализма и народной демократии: Советского Союза, Китайской Народной Республики и других государств. Профсоюзы старой России, которые под гнетом царской тирании долгие годы оставались в зачаточной форме, сделали скачок вперед во время революции 1905 года, когда на протяжении всего лишь нескольких месяцев они превратились в организованное движение, насчитывающее в своих рядах около 250 тысяч членов. Последовавший затем застой в период царской реакции 1908—1912 годов сменился быстрым

ростом профсоюзного движения во время революции 1917 года. В марте 1917 года профсоюзы в России объединяли лишь очень незначительное число рабочих, к июню 1917 года они уже насчитывали 1 475 429 членов, а к январю 1918 года — 2 532 тысячи. В дальнейшем рост профсоюзов продолжался в еще более стремительном темпе, пока они, наконец, не достигли гигантских масштабов.

В Китае профсоюзы впервые появились лишь в 1925—1927 годах во время мощного революционного выступления объединенных сил Гоминьдана и Коммунистической партии против феодальной реакции. До 1925 года профсоюзов в стране, по существу, не было, а к 1927 году они уже насчитывали в своих рядах 2 600 тысяч человек. В период контрреволюции, возглавляемой Чан Кай-ши (1927 год), профсоюзы подвергались жестокому преследованиям. В результате многие из них, за исключением, конечно, профсоюзов в освобожденных районах, были почти уничтожены. Победоносное шествие китайской революции сопровождалось быстрым развитием профсоюзного движения; в 1948 году оно охватило уже 2 836 059 человек. К 1953 году количество членов профсоюзов возросло до 10 200 тысяч. Европейские страны народной демократии, где сейчас в огромной степени развито профсоюзное движение, также прошли подобный путь развития, и их профессиональные союзы по-настоящему росли только во время напряженной борьбы.

Профсоюзы в странах социализма и народной демократии являются более зрелыми организациями трудящихся. Их рост и развитие определяются подъемом и спадом революционной борьбы далеко уже не в такой мере, как в капиталистических странах. Однако в периоды тяжелого экономического и политического напряжения подъем боевого духа рабочего класса и здесь все еще играет определенную роль; этот факт наиболее наглядно продемонстрировали огромные производственные достижения советских профсоюзов во время второй мировой войны. Преграды на пути развития профсоюзов в странах социализма и народной демократии давно уже устранены, враги профсоюзов давно разбиты. Ряды профсоюзов в этих странах беспрепятственно растут; профсоюзные организации с готовностью берутся за разрешение всех задач, стоящих перед ними; их мировоззрение ширится

и развивается в условиях отсутствия капиталистического вмешательства. Боевая активность и быстрое развитие — вот характерные черты таких профсоюзов.

Общий закон и некоторые выводы

Приливы и отливы классовой борьбы, революционных настроений рабочего класса, лежащие в основе общего закона развития профсоюзного движения, сыграли, как мы видим, очень важную роль в истории международного профсоюзного движения. Трудящиеся и их руководители пытались понять это явление; к нему подходили по-разному в различных странах. Исторически в современном профсоюзном движении создавались три основных течения (оставляя в стороне уже не существующие), которые с точки зрения чередования периодов подъема борьбы и наступающего затем относительного спокойствия в рабочем движении можно грубо подразделить на следующие группы: правые социал-демократы, анархо-синдикалисты и коммунисты.

В своей практической деятельности правые социал-демократы всегда стремились к минимуму классовой борьбы. Они являются последовательными сторонниками принципа «клайнарбейт» («малых дел»), то есть кропотливой, мелочной работы, медленного и постепенного продвижения вперед. Их основная политика — классовое сотрудничество; они выступают, как закоренелые противники классовой борьбы. Больше всего на свете правые социал-демократы боятся вспышки революционного наступательного духа рабочего класса — находит ли он свое выражение в могучем забастовочном движении или, что для них еще хуже, в выступлении против самого капиталистического строя. Они поборники эволюции и враги революции. Именно в периоды затишья классовой борьбы правые могут особенно успешно создавать разветвленный и надежный бюрократический аппарат, а в этом отношении они большие специалисты. Как показывает исторический опыт всех стран, правые социал-демократы, когда они против своей воли оказываются во главе крупного революционного движения трудящихся, в период подъема классовой борьбы «возглавляют это движение лишь для того, чтобы обезглавить его». Вся политика социал-демократов определяется тем фактором, что они по своей сути являются не

чем иным, как мелкобуржуазными реформистами, не имеющими никакой социалистической перспективы.

Анархистское течение в рабочем движении — прямая противоположность правой социал-демократии. Раньше анархисты вообще пренебрегали насущными, повседневными требованиями рабочего движения, полностью игнорировали важнейшие задачи борьбы и организационной работы. Они возлагали основные надежды на стихийное выступление масс. Это тоже мелкобуржуазная тенденция, ибо, как известно, именно мелкобуржуазным элементам всегда недоставало определенной программы действий и у них никогда не было боеспособных организаций. Слабость анархо-синдикалистов, по существу, кроется в той же причине: они возлагают слишком большие надежды на стихийность в рабочем движении и обращают слишком мало внимания на вопросы создания и укрепления организаций, на вопросы повседневной борьбы за удовлетворение нужд и интересов трудящихся. Для них панацеей на все случаи жизни была и остается всеобщая забастовка, причем при попытке осуществить такого рода забастовку они обычно больше уповают на магическое действие своих манифестов, совершенно не учитывающих реальную обстановку, чем на напряженную предварительную работу по организации забастовки, не заботясь к тому же о выборе стратегически правильного момента для нанесения удара. Обычным исходом подобных затей является провал. Таков обобщенный опыт анархо-синдикализма во всех странах.

Коммунисты и другие левые элементы в профсоюзном движении хорошо знают, как бороться за дело трудящихся на обеих стадиях действия общего закона развития профсоюзного движения. Они являются лучшими организаторами и борцами за повседневные нужды и интересы рабочего класса, когда наступает затишье в классовой борьбе. Они также лучше других понимают, как надо руководить широкими массами трудящихся в периоды обострения классовой борьбы, как использовать широкое революционное движение рабочих для создания мощных профсоюзов и как, наконец, идти к построению социализма. Основным методом коммунистов является метод революционного наступления, однако они же умеют добиваться медленного, эволюционного прогресса, когда последний является единственным выходом из положения.

Знание этих законов позволяет им сообразовать свои усилия с методами борьбы, к которым обычно стихийно прибегают сами рабочие: повседневно наталкиваясь на ущемление своих интересов как на производстве, так и в жизни вообще, трудящиеся борются с ними постоянно; когда же время от времени наступление на их жизненный уровень становится еще более интенсивным, они отвечают на него развернутым движением по всему фронту, которое в определенных подходящих условиях может перерасти в революцию.

Коммунисты понимают, какое существенное значение имеют эти периодические стихийные проявления высокого боевого духа со стороны рабочего класса; однако они не менее хорошо понимают, что в современных условиях необходимо искусно воспитывать, организовывать и направлять это стихийное боевое движение трудящихся для того, чтобы оно не окончилось крахом. В отличие от правых социал-демократов и анархо-синдикалистов коммунисты правильно оценивают значение обеих — как пассивной, так и активной — стадий действия общего закона развития профсоюзного движения для создания рабочих организаций и для умелого руководства их напряженной борьбой в периоды подъема революционного движения. Именно поэтому профсоюзное движение во всех странах мира тяготеет к левому руководству.

Боевые руководители профсоюзов должны знать и уметь применять на практике общий закон развития профсоюзного движения. Это даст им возможность более целесообразно и действенно руководить рабочим движением на обеих стадиях развития классовой борьбы: как в периоды затишья, когда рабочий класс добивается лишь медленных эволюционных сдвигов, так и в периоды бурного подъема борьбы, когда рабочий класс осуществляет революционный скачок вперед. Коммунисты и другие левые элементы должны правильно понимать, умело и до конца использовать в своей деятельности оба эти периода; только тогда они сумеют избежать ошибок социал-демократов, у которых совершенно неверная тенденция принижать и недооценивать всю важность прилива классовой борьбы, равно как и ошибок анархо-синдикалистов, извращенно истолковывающих боевые настроения рабочих.

Несомненно, что в настоящее время, когда существуют

мощные профсоюзные организации, объединяющие огромное число членов, трудящиеся могут самостоятельно начать широкое и решительное наступление против капитала, однако успех и масштабы такого наступления зависят в конечном счете от того, насколько благоприятно сложилось соотношение экономических и политических условий, в которых происходит подъем революционного настроения рабочего класса. Для рабочих лидеров самое главное — это понимать всю важность подобных широких и решительных выступлений трудящихся и использовать их для того, чтобы укреплять и расширять профсоюзы, организовывать эффективную борьбу за удовлетворение их требований, всячески укреплять и улучшать руководство, очищать от бюрократических элементов, расширять масштабы деятельности профсоюзов в экономической и политической области, повышать политический уровень рабочего класса и расширять кругозор рабочих.

Глава 57

ВФП — ПРОФСОЮЗНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ НОВОГО ТИПА

Всемирная федерация профсоюзов и Международная конфедерация свободных профсоюзов коренным образом отличаются друг от друга по своей структуре, составу, по методам работы и по своему мировоззрению. Перефразируя Ленина, можно сказать, что ВФП — это Интернационал нового типа. Вобрав в себя весь исторический опыт рабочего класса за предшествующее время, эта организация пошла по пути поддержки новой мировой системы социализма. В противоположность этому МКСП неразрывно связана с прошлым — ее лидеры стараются использовать эту организацию как орудие для сохранения устаревшей капиталистической системы.

Наша эпоха — это эпоха углубляющегося общего кризиса капиталистической системы. Ярким свидетельством этого явилось уничтожение капитализма и построение социализма в СССР, Китайской Народной Республике и в ряде других стран. Это находит свое отражение и в составе ВФП, большая часть членов которой (по существу, подавляющее большинство) являются представителями стран социализма и народной демократии. Будучи, одна-

ко, истинным Интернационалом труда, ВФП имеет также обширные филиалы и огромное число сторонников и в капиталистическом мире; в числе их основные профсоюзные федерации Италии, Франции и Японии, наиболее мощные профсоюзные объединения в Азии, Африке и Латинской Америке, а также значительные группы меньшинства в профсоюзах ведущих капиталистических стран, находящиеся под влиянием левых элементов. МКСП, с другой стороны, представляет собой организацию, существующую только в капиталистическом мире; она упорно отказывается признавать реальный факт существования социалистических стран, на территории которых в настоящее время проживает одна треть населения всего земного шара.

Будучи подлинно всемирной организацией трудящихся, ВФП отражает их насущные интересы во всех частях света; она преданно руководит пробуждающимися силами рабочего класса во всех странах мира и направляет их по правильному пути. Ее деятельностью охвачены не только промышленно развитые, но и колониальные и полуколониальные страны, где входящие в ВФП мощные профсоюзные организации активно участвуют в широкой национально-освободительной борьбе, развернувшейся в этих районах. МКСП же, как и существовавшая до нее МФП, является прежде всего организацией индустриальной Европы. Интересы слабо развитых стран в корне чужды этой федерации, проимпериалистической по самой своей сути. Те профсоюзные организации, которые она создала в этих странах, были в основном продуктом сотрудничества с предпринимателями и капиталистическими правительствами в целях борьбы с растущим влиянием ВФП и быстрым ростом ее филиалов в этих районах.

Как истинные организации рабочего класса, ВФП и ее филиалы выступают в защиту интересов и благосостояния всего рабочего класса в целом — квалифицированных, полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих сельского хозяйства и промышленности. МКСП и ее филиалы в своей политике, по существу, следуют исторической ориентации правых оппортунистов: основную ставку они делают на защиту интересов квалифицированного труда, а в настоящее время — государственных служащих. Это относится и к тем случаям, когда входящие в состав МКСП и ее филиалов профсоюзы объединяют в

своих рядах и широкие массы малоквалифицированных или неквалифицированных рабочих. За примером недалеко ходить: это особенно ярко проявляется в профсоюзном движении Англии, США и Западной Германии. В дополнение ко всему этому в Азии и в Латинской Америке, как и в Европе и Соединенных Штатах Америки, все больше и больше распространяется тенденция превращать лидеров подобных социал-демократических профсоюзов в прямых, зачастую оплачиваемых представителей предпринимателей и государственного капиталистического аппарата.

Методы борьбы, используемые ВФП, также значительно более прогрессивны и совершенны, чем методы МКСП. ВФП опирается в своей политике на классовую борьбу, МКСП продолжает следовать традициям классового сотрудничества. Ей присуща та же затхлая, мертвящая атмосфера бюрократизма, которая была так характерна для организаций Второго Интернационала и которая нашла свое классическое воплощение в мирно скончавшейся Международной федерации профсоюзов. Придя на смену МФП, ВФП в противоположность МФП и МКСП ведет широкую и интенсивную работу по организации борьбы рабочего класса. Среди многочисленных проявлений этой деятельности можно указать на следующие мероприятия: широкая агитация, пропаганда и обсуждение всех насущных задач и требований, стоящих перед профсоюзным движением в различных странах, за несколько месяцев до конгрессов ВФП; постоянная разносторонняя деятельность ее международных отделов; широкая и всесторонняя поддержка всех крупных забастовок, имеющих важное значение для рабочего движения; подготовка и организация огромных первомайских демонстраций во всех странах мира; интенсивная и широкая подготовка и проведение различных международных кампаний и конференций; увеличение тиража периодической печати и других изданий; широкие выступления в защиту прав профсоюзов,¹ в защиту социального обеспечения и страхования, гражданских прав и требований трудящихся женщин и молодежи; выступления в защиту прав рабочего класса на образование и т. п. и, наконец, самое главное — активная борьба за дело мира во всем мире. ВФП — это настоящий профсоюзный Интернационал, который всегда живо откликается на нужды и настроения

трудящихся всего мира. В этом отношении МКСП плетется на целую эпоху позади. ВФП представляет большой шаг вперед по сравнению с бывшим Профинтерном.

Переход от экономической борьбы к борьбе политической

Исторически развитие борьбы профсоюзов идет от экономических форм к формам экономико-политическим. Иначе говоря, рабочие выдвигают вначале известные элементарные экономические требования и борются за их осуществление, но по мере того как эти требования растут и ширятся, они приобретают также политический характер. Такую эволюцию претерпели многочисленные экономические требования профсоюзов во всех промышленно развитых странах. В сущности, эту тенденцию можно отнести к числу элементарных законов классовой борьбы. Она связана с переходом профсоюзного движения с цеховой основы на основу классовую. С наступлением эры империализма и укреплением рабочего движения этот процесс значительно ускорился.

Для того чтобы проиллюстрировать действие этого всеобщего принципа развития рабочего класса, достаточно одного-двух примеров. Так, скажем, рабочие истари требовали права на организацию и забастовки и добивались его путем экономической борьбы. Обычно профсоюзы действовали по одиночке, и поэтому потребовались десятилетия, чтобы завоевать это право — сперва на практике, а в конечном счете в законодательном порядке — зачастую с помощью, а то и под общим руководством политических рабочих партий. В настоящее время фактически во всех промышленных странах имеются законы, гарантирующие это основное право. Аналогичную эволюцию от экономических к политическим формам претерпела и борьба рабочих за сокращение рабочего дня. На первых порах, часто на протяжении десятилетий, профсоюзы вели доступными им средствами борьбу за сокращение рабочего дня в соответствующих отраслях промышленности. Но в конечном счете эти действия, в основном не выходявшие за рамки цеха, переросли в широкую политическую классовую борьбу за законы о десяти-, девяти- и, наконец, восьмичасовом рабочем дне. Сейчас восьмичасовой рабочий день уже установлен законодательным путем почти во всех промышленных стра-

нах. Точно так же многие другие требования профсоюзов, носившие первоначально экономический характер, переросли затем в экономико-политические требования и привели к принятию соответственного законодательства в целом ряде стран.

С наступлением и развитием империалистической стадии капитализма эта «политизация» классовой борьбы значительно ускорилась и усилилась. Особенно это относится к периоду общего кризиса и упадка мировой капиталистической системы, начавшегося одновременно с первой мировой войной и русской революцией. При этом не только экономические требования рабочих, как указывалось выше, быстрее принимают политический характер, но и, с другой стороны, этот период выдвигает целый ряд новых, жизненно важных политических вопросов — о войне, фашизме, колониальной и пролетарской революции и т. п., которые настоятельно требуют внимания рабочего класса. Кроме того, в наши дни предприниматели, сталкиваясь с крепнущим рабочим движением, все чаще стремятся использовать силу государства для более эффективного порабощения и эксплуатации рабочих. Чтобы отразить это наступление и защитить свои права, рабочим и их союзникам также приходится все чаще прибегать к политической борьбе, разумеется, не ослабляя при этом борьбы экономической. Это, несомненно, толкает рабочих на путь политической борьбы, конечной целью которой является уничтожение капитализма и построение социализма.

ВФП и политическая борьба

В своей деятельности ВФП исходит из «политизации» борьбы рабочего класса и профсоюзов. Сама ВФП и входящие в нее организации не только поддерживают экономические требования рабочих, но также помогают подвести под эти требования широкий политический фундамент, организовать максимальную поддержку их со стороны рабочего класса и его союзников. Благодаря этой высокой политической сознательности ВФП и ее филиалы стоят по своему классовому сознанию и деятельности значительно выше МКСП и примыкающих к ней организаций.

Один из многих ошибочных политических взглядов правых социал-демократов заключается в том, что они рассматривают политическую борьбу фактически как исключаящую борьбу профсоюзную, в особенности если в ходе этой политической борьбы выдвигаются требования в отношении трудового законодательства. Поскольку под давлением рабочих буржуазное государство выносит все больше законов насчет заработной платы, длительности рабочего дня, условий труда, социального страхования и т. п., европейские профсоюзные оппортунисты склонны делать отсюда вывод, что профсоюзная деятельность в этих областях становится более или менее ненужной и устарелой. Это оказывает на профсоюзы парализующее влияние. Особенно заметно эта тенденция проявлялась при буржуазной Веймарской республике в Германии, где арбитраж и «арбейтсгемейншафт» были возведены на пьедестал, а забастовок почти не было; консерваторы из АФТ впали в ту же ошибку, но в обратном смысле, считая трудовое законодательство посягательством на естественную деятельность профсоюзов. Но вопреки подобным оппортунистическим взглядам правильная политика в вопросе о профсоюзах, выразителем которой является ВФП, заключается в том, чтобы поддерживать политическую борьбу рабочих за трудовое законодательство, особенно в интересах широких неорганизованных масс. Однако подобное законодательство рассматривается не как максимальное требование, а как минимальное. Профсоюзы должны всемерно добиваться сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и улучшения условий труда по сравнению с теми нормами, которые установлены действующими законами. Только таким путем они сумеют выполнить все свои функции как организации рабочего класса.

Независимо от уровня своей политической активности профсоюзы не могут заменить политические партии. Политические партии, в том числе рабочие и социал-демократические, решают политические задачи, которые совершенно не под силу профсоюзам. Особенно это относится к Коммунистической партии, которая является основной партией рабочих. Коммунистическая партия — это передовой отряд рабочего класса, состоящий из самых сознательных его элементов, овладевших марксистско-ленинской теорией и показавших себя самыми закаленными

борцами на фронтах классовой борьбы. Коммунисты неизменно служат образцом героизма и активности для всех рабочих в целом. На долю Коммунистической партии выпала задача развить и защитить марксистско-ленинскую теорию, а этого профсоюзное движение не в состоянии сделать в полной мере, ввиду того что охватывает самые широкие слои трудящихся. Партия координирует под общим политическим руководством деятельность всех отрядов рабочего класса, организованных и неорганизованных, и ведет на многих фронтах борьбу против предпринимателей и государства, стремясь к построению социализма. Ленин говорит, что «партия есть высшая форма классового объединения пролетариата»². Партия — политический руководитель рабочего класса.

Рабочие мира достигли различных стадий политической организации, идя от организаций типа АФТ и КПП (наиболее примитивных), которые проводят линию нерабочих политических партий, к лейбористским и правым социал-демократическим партиям и, наконец, к рабочим и коммунистическим партиям, полностью порвавшим с капитализмом и идущим по пути к социализму и коммунизму. По мере того как углубляется кризис капитализма и классовая борьба все больше приобретает политический характер, проявляется тенденция к единству политической борьбы рабочего класса, высшим выражением чего является Коммунистическая партия.

ВФП активно поддерживает всякое политическое мероприятие, будь то законодательное или иное, которое представляет интерес и ценность для рабочего класса. В этом отношении она далеко опередила МКСП и ее предшественницу МФП с их устарелыми теориями о политическом «нейтралитете» и пассивностью. Тем не менее ВФП не является политической партией, не входит ни в одну из политических партий и не контролируется никакой партией. Входящие в ВФП союзы из самых различных стран мира активно поддерживают и укрепляют политическую организацию рабочих на ее различных стадиях — от примитивных политических форм в Соединенных Штатах, где профсоюзное движение политически все еще привязано к буржуазным партиям, и до стран социализма и народной демократии, где во главе народов и правительств стоят коммунистические партии. ВФП

является также неутомимым поборником интересов рабочих всего мира в Организации Объединенных Наций, в таких ее учреждениях, как МОТ, ЮНЕСКО и другие.

Три типа проблем, стоящих перед профсоюзами

На протяжении этого периода, в сущности со времени зарождения в ноябре 1917 года Советского Союза, профсоюзные проблемы распадаются в международном масштабе на три основные категории. К первой из этих категорий относятся проблемы профсоюзов, существующих и действующих в странах, которые либо установили у себя социалистический строй, либо являются странами народной демократии и быстро движутся по пути к социализму. Вторая категория проблем касается союзов капиталистических стран или стран, находящихся под властью империалистических держав. Понятно, что перед рабочими организациями, существующими в условиях этих двух диаметрально противоположных общественных систем, стоит множество совершенно различных проблем. Но в то же время перед ними стоят проблемы третьего типа, которые спланивают их в едином всемирном движении, охватывающем как социалистические, так и капиталистические страны.

В странах социализма и народной демократии основным элементом, обуславливающим характер и задачи профсоюзного движения, является ликвидация капиталистического строя. Заводы, земля, шахты, железные дороги, банки и другие общественные средства производства принадлежат народу. В СССР эксплуататоры — капиталисты и помещики, разбитые наголову во время великой революции, стали сейчас всего лишь историческим воспоминанием. Страны народной демократии быстро идут по тому же пути. В этих странах рабочие получают сполна продукт своего труда за вычетом лишь того, что необходимо для дальнейшего развития промышленности, обороны страны, народного образования, социального страхования и т. п.

Суммируя, можно сказать, что длительная и упорная борьба против эксплуататоров увенчалась полной победой. Рабочим уже не приходилось вести борьбу с сильными внутренними классовыми врагами. С двумя другими крупными общественными группами — крестьянами

и интеллигенцией — они поддерживают отношения дружеского сотрудничества, так как их интересы в основном совпадают. Союзы не испытывают давления влиятельных объединений предпринимателей, как это происходит во всех капиталистических странах. В этих условиях в работе социалистических профсоюзов нет места классовой борьбе, если говорить о внутреннем положении. Их развитие является быстрым и мирным.

Как мы уже видели в главах 27 и 56, в условиях социализма и режима народной демократии профсоюзы — именно в силу того, что рабочие и их союзники одержали победу в революции, — неизбежно должны были занять совершенно новую позицию в вопросе о государстве, управлении промышленностью, забастовках, сдельной работе, трудовой дисциплине и т. д., отличную от позиции профсоюзов капиталистических стран. Это надоумило правых социал-демократов, всегда ищущих предлога нанести удар социализму, оспаривать право рабочих организаций в этих странах называться профсоюзами. Профсоюзные бюрократы из АФТ постоянно обыгрывают эту тему. У них хватает наглости говорить о своих союзах, как «о свободных профсоюзах», и пренебрежительно заявлять, что союзы, возглавляемые левыми элементами, вообще не являются союзами. И это говорят «лидеры» АФТ, которые были «избраны» гораздо менее демократическим путем, нежели члены сената и палаты представителей конгресса США.

У профсоюзов стран социализма и народной демократии, так же как и у профсоюзов капиталистических стран, одинаковые основные функции — защищать и повышать жизненный и культурный уровень рабочих. Главное различие заключается в том, что первые делают это в особых условиях, когда рабочие осуществили революцию и являются хозяевами своей судьбы, тогда как последние еще не совершили революции. Рабочие организации в СССР, народном Китае и странах народной демократии Европы и Азии — это настоящие профессиональные союзы, гораздо более свободные, чем профсоюзы капиталистических стран. Они действуют в обществах, стоящих на более высокой ступени развития, нежели капитализм.

С другой стороны, деятельность профсоюзов в капиталистических странах протекает в обстановке жестокой классовой борьбы. Промышленные предприятия, земля,

государственный аппарат, печать, школы, церкви и другие ведущие социальные учреждения (а зачастую и само руководство профсоюзами) находятся в руках их врагов. Рабочие окружены со всех сторон своими классовыми противниками и ничего не могут получить от капиталистов без борьбы. Несмотря на парализующую тактику классового сотрудничества, проводимую консервативными социал-демократическими лидерами, профсоюзы во всех капиталистических странах проводят в основном политику классовой борьбы. При капитализме рабочему движению приходится непрерывно вести борьбу даже за право существовать и расти, разумеется, совершенно ненужную при социализме. Ведь, в сущности, еще совсем недавно империалисты-фашисты уничтожали фактически во всей Европе и в значительной части Азии все формы рабочих организаций — партии, союзы, кооперативы, культурные организации. При капитализме существование, структура, мировоззрение и политика профсоюзов обусловлены тем основным фактом, что им еще предстоит решить историческую задачу рабочих всего мира — уничтожить капитализм и двинуться быстрыми шагами к построению социализма и в конечном счете — коммунизма.

Несмотря на эти различия в задачах профсоюзов капиталистических и социалистических стран, в международном плане те и другие рабочие организации связаны многочисленными общими интересами. Так, например, профсоюзы СССР и народного Китая, так же как союзы Великобритании и Соединенных Штатов и других стран, заинтересованы в сохранении всеобщего мира. Кроме того, они заинтересованы в борьбе против роста международного фашизма и во многих других вопросах.

Победы демократических сил в ходе забастовок и политических битв в капиталистических странах или успех национально-освободительной борьбы в колониальных странах имеют величайшее значение для рабочих в странах социализма и народной демократии. Такие победы не только вызывают к духу пролетарской солидарности, но и способствуют укреплению положения в мире, где воинствующий капитализм все еще представляет собой опасную силу. Рост левой и поражение правой социал-демократии, установление профсоюзного единства и другие успехи, достигнутые при капитализме, являются одновременно победами рабочих революционных стран. Гран-

диозные достижения рабочих в строительстве социализма в СССР, народном Китае и других странах также имеют большое объективное значение для рабочих капиталистических стран, хотя консервативные руководители всячески стараются скрыть от них этот важнейший факт.

Главное достоинство ВФП, которое больше, чем что-либо другое, делает ее настоящим профсоюзным Интернационалом, заключается именно в том, что, сознавая общность интересов рабочих капиталистических стран и стран социализма и народной демократии, она объединяет их в международном масштабе для активного сотрудничества во всех областях борьбы. Это колоссально увеличивает силу мирового рабочего класса. В свою очередь главный порок МКСП и основное доказательство того, что она не служит международным интересам рабочего класса, кроется в том, что она не только отказывается добиваться единства рабочих капиталистических стран, стран социализма и народной демократии, но и, повторяя реакционные лозунги капиталистов, пытается внести раскол в ряды рабочих. Это крайне ослабляет международный рабочий класс и, говоря попросту, играет на руку фашиствующим поджигателям войны. Подобная раскольническая политика не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом.

Текущие задачи социалистических профсоюзов

Ведущей профсоюзной организацией мира является Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов СССР (ВЦСПС). Это одновременно и крупнейшая профсоюзная организация, насчитывавшая в своих рядах к XI съезду в июне 1954 года 40 240 тысяч членов; за пять лет прирост ее составил 12 миллионов человек³. Это — высокоорганизованное объединение, включающее 43 союза, образованные по производственному принципу и полностью приспособленные для выполнения стоящих перед ними задач: развертывания работы на производстве и защиты интересов рабочих. В 1930 году существовало всего 23 профсоюза, а к 1944 году число их достигло 176. Однако вскоре после этого возникла тенденция к слиянию союзов, и к 1949 году количество их уменьшилось до 67⁴. Позже оно еще уменьшилось. Эти союзы играют также ведущую роль в строительстве социалисти-

ческого строя и в подготовке к построению в ближайшем будущем коммунизма.

ВЦСПС является штабом профсоюзного движения социалистической системы, развивающейся в настоящее время во многих районах мира. Советские профсоюзы прокладывают путь для союзов новой социалистической эры, наступающей сейчас в международном масштабе. Профсоюзы народного Китая и других стран народной демократии, разумеется, приноравливаются к своим национальным условиям и нуждам; но будучи марксистско-ленинскими профсоюзами, они неизбежно находят наиболее подходящими для себя ту структуру, идеологию и методы работы, которые были выработаны первоначально советскими профсоюзами, подобно тому, как первые профсоюзы во всех странах обычно брали себе за образец британские тред-юнионы.

Как и для всех профсоюзов в странах социализма и народной демократии, главной задачей ВЦСПС является возможно более быстрое развитие отсталой промышленной системы, унаследованной от капитализма. Эта задача была особенно трудной в СССР, который тридцать восемь лет назад, когда рабочие взяли власть в свои руки, был еще полуфеодальной страной. Сейчас эта страна уже догоняет в промышленном отношении Соединенные Штаты и вскоре превзойдет их. После 1929 года объем производства в США вырос вдвое, в СССР за тот же период объем производства увеличился в четырнадцать с лишним раз⁵. 4 июля 1955 года премьер-министр Булганин заявил: «В 1955 году... уровень нашей промышленности в три с лишним раза превышает уровень 1940 года». Эти внушительные успехи советской промышленности были достигнуты, несмотря на огромные опустошения, явившиеся результатом двух мировых войн: во время второй мировой войны нацисты уничтожили половину всех промышленных предприятий»⁶. Другой серьезной помехой была необходимость создать мощную военную оборону, что вызывало непроизводительные расходы, навязанные советскому народу безумной политикой загнивающего капитализма.

Основные задачи советских профсоюзов связаны с необходимостью развивать промышленность и сельское хозяйство. Ввиду этого XI съезд советских профсоюзов уделил пристальное внимание этой центральной пробле-

ме во всех ее деталях. Съезд показал огромные успехи, достигнутые в отношении тех типичных для советского производства методов, которые мы описывали в главе 27. Около 90 процентов рабочих охвачено в настоящее время социалистическим соревнованием, которое выявляет их скрытые творческие возможности. На съезде говорилось о том, что за последнее время от рабочих поступило свыше 900 тысяч рационализаторских предложений. В течение 1951—1953 годов объем промышленной продукции возрос на 45 процентов, а рост темпов производства не имел и не имеет себе равных ни в одной капиталистической стране.

Рост советской промышленности, несмотря на огромные расходы на оборону от капиталистической угрозы новой мировой войны, обеспечил значительное повышение уровня жизни и культуры трудящихся. В течение первых трех лет текущей пятилетки реальная заработная плата возросла на 30 процентов⁷, тогда как во многих капиталистических странах она непрерывно падает. Число рабочих в СССР увеличилось на 6 миллионов человек. Здесь уже в течение многих лет нет безработицы.

Советские профсоюзы уделяют самое серьезное внимание созданию широкой государственной системы социального обеспечения и фабричного законодательства, находящейся под непосредственным контролем рабочих. Законодательство СССР в этой области далеко опередило подобное законодательство в других странах. Это объясняется тем, что в отличие от буржуазных стран в СССР нет капиталистов, которые могли бы провалить такие законы, опасаясь, что это приведет к снижению их «священных» прибылей. Говоря о соблюдении строгих советских законов об охране труда и здоровья, З. Соколов пишет в журнале «Новое время»: «Распоряжения профсоюзных инспекторов по охране труда являются обязательными для администрации всех предприятий, и инспектора могут оштрафовать административный персонал за нарушение трудового законодательства и правил охраны труда, а в серьезных случаях даже привлечь к суду»⁸. Профсоюзы следят также за выполнением планов жилищного строительства.

Много времени и труда советские профсоюзы отдают работе по просвещению масс — техническому, общему и физическому. У них имеются тысячи школ, клубов, теат-

ров, санатории, дома отдыха и т. п., которые обеспечивают интересы рабочих в этой области. По своим масштабам эти учреждения далеко превосходят культурную деятельность профсоюзов в капиталистических странах. Советские профсоюзы уделяют много внимания спорту и играют важную роль в крупных достижениях советских спортсменов на международных соревнованиях. Всего в рядах профсоюзов насчитывается свыше миллиона спортсмен^{ов}, которым принадлежит 18 мировых рекордов*.

Профсоюзы в странах социализма и народной демократии являются также самыми демократическими в мире. Они ведут неустанную работу по дальнейшей демократизации своих организаций, постоянно борются со всеми тенденциями к бюрократизму и волоките в своих рядах. Среди многочисленных мероприятий, проводимых с этой целью, следует отметить почти отсутствующие в профсоюзах капиталистических стран критику и самокритику сверху донизу; строгое соблюдение устава⁹; систематическое воспитание членов союза в духе ленинских демократических принципов; массовое обсуждение коллективных договоров, трудового законодательства и пятилетних планов и — последнее по счету, но не по значению — поощрение профсоюзной работы на добровольных началах, чтобы свести к минимуму число оплачиваемых профсоюзных работников. На XI съезде ВЦСПС сообщалось, что в 405 тысячах первичных профсоюзных организаций (это составляет 97 процентов их общего количества) всю профсоюзную работу ведут добровольцы.

То, что говорилось выше о проблемах и деятельности профсоюзов в СССР, может быть в большей или меньшей степени отнесено и к работе профсоюзов в странах народной демократии — Китае, Польше, Чехословакии, Восточной Германии и др. Эти союзы в основном сходны между собой по своей структуре, идеологии и задачам, которые резко отличают их от союзов в капиталистических странах. Объясняется это тем, что первые в отличие от последних являются активными строителями социализма. Многие их методы, особенно в области развития профсоюзной демократии, могли бы быть с успехом использованы союзами в капиталистических странах.

* На 1 июля 1956 года в Советском Союзе насчитывалось среди членов профсоюзов 4987 тысяч спортсменов, которым принадлежал 21 мировой рекорд. (Прим. ред.)

ПРОФСОЮЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Исторически профсоюзное движение продолжает быстро расти не только в странах социализма и народной демократии, но также и в капиталистических странах. Как отмечалось выше, этот рост представляет одну из отличительных черт международного положения после второй мировой войны. Он порождает целый ряд новых проблем, связанных с требованиями рабочих, их отношениями с предпринимателями и государством и с другими вопросами. Много проблем создают попытки предпринимателей сломить и ослабить растущее профсоюзное движение.

Безработица, социальное обеспечение, гарантированный годовой минимум заработной платы, скользящая шкала, автоматизация

Одной из характерных черт современного профсоюзного движения является непоколебимая решимость рабочих не допускать впредь массовой безработицы, от которой рабочий класс страдал десятилетиями. В странах социализма и народной демократии безработица полностью уничтожена, и рабочие хотят уничтожить ее также в капиталистических странах. С этой целью во всем капиталистическом мире рабочие выработали детальные программы. «Полная занятость» стала боевым лозунгом настоящего периода.

Однако экономические программы рабочих, особенно в Западной Европе и Соединенных Штатах, страдают одним серьезным недостатком: в вопросе о предоставлении работы слишком большое место отводится производству вооружений. Это грубая ошибка как с экономической, так и с политической точки зрения. В экономическом отношении такое производство вооружений представляет собой большие непроизводительные расходы и в конечном счете неизбежно ведет к истощению ресурсов стран, к росту налогов и цен и к снижению реальной заработной платы. И, что еще хуже, массовое производство вооружений чревато возникновением новой войны. Одно только существование колоссальной военной машины

само по себе является фактором, способным спровоцировать войну. В нынешней обстановке, когда американский империализм рвется к мировому господству, производство вооружений в больших масштабах определенно увеличивает военную опасность, тем более что оно непосредственно вовлекает в это грязное дело рабочий класс. Те профсоюзные лидеры — социал-демократы и особенно консервативное руководство АФТ и КПП, которые постоянно требуют увеличения ассигнований на вооружения, предадут кровные интересы рабочего класса.

Борьба с массовой безработицей — задача огромной сложности, и она не решается путем чудовищного раздувания производства вооружений. Она требует активной борьбы за сохранение и повышение расценок, за сокращение рабочего дня, снижение налогов, взимаемых с рабочего класса, за контроль над ценами и прибылями, за развитие торговли между Востоком и Западом, за проведение широких общественных работ, развитие социального обеспечения, расширение систем народного образования и здравоохранения и т. п. Ведя эту борьбу, необходимо учитывать то положение марксизма, что массовая безработица есть хроническая болезнь капиталистической системы, что она будет обостряться с углублением общего кризиса капитализма и что окончательно устранить ее можно, лишь ликвидировав капиталистический строй.

Борьба рабочих в настоящий период наряду с борьбой против массовой безработицы направлена также на избавление от других материальных лишений. Это породило колоссальное и все растущее требование социального страхования всех видов — по болезни, на случай инвалидности, по старости, на случай беременности, безработицы и т. п. Особенно больших успехов на этом поприще добились благодаря своей международной деятельности и агитации ВФП и входящие в нее союзы.

Здесь следует избегать двух ошибок, свойственных политике правых профсоюзных лидеров. Первая из них, характерная для европейских социал-демократов, заключается в тенденции полагаться исключительно на совершенно недостаточное социальное обеспечение, предоставляемое буржуазными государствами, и не использовать активно экономическую силу союзов для поддержки этих требований рабочих. С другой стороны, в американских профсоюзах широко распространена тенденция игно-

рировать политическую борьбу в этом вопросе и полагаться преимущественно на прямые переговоры с предпринимателями в целях введения на соответствующих предприятиях различных видов социального обеспечения и создания «фондов социального страхования» и т. п. Такого рода «дополнительные требования» играют важную роль в переговорах, которые ведут американские профсоюзы; и существующие фонды социального обеспечения, так называемые «дополнительные» пособия, контролируемые непосредственно предпринимателями и профсоюзными лидерами, составляют ежегодно около 33 миллиардов долларов¹. Фонды эти превращаются в источник подкупа рабочих «лидеров» и поэтому требуют гораздо более тщательного контроля.

Правильная политика в вопросе о социальном обеспечении заключается в активном сочетании политической и экономической борьбы. Когда все надежды возлагаются на буржуазное государство, это ведет к недооценке огромной экономической мощи рабочих; когда же, как в Соединенных Штатах, игнорируется политическая борьба, то приносятся в жертву интересы широких масс неорганизованных рабочих, которые не пользуются специальным профсоюзными «фондами социального страхования».

К требованиям, которые характерны для нынешнего периода, следует причислить также выдвигаемое союзом рабочих автомобильной промышленности (КПП) требование ввести гарантированный годовой минимум заработной платы. Это, в сущности, равносильно требованию полного социального страхования в области заработной платы. Оно пользуется большой популярностью среди рабочих. В принципе это требование правильное, но оно чревато той опасностью, — особенно когда за это дело берутся консервативные социал-демократические руководители, — что лишь очень ограниченное число рабочих будет иметь этот гарантированный минимум и таким образом среди рабочего класса появится привилегированная категория. Первые переговоры, которые рабочие автомобильной промышленности вели в связи с этим требованием в июне 1955 года, завершились продлением на шесть месяцев соглашения о дополнительном страховании по безработице для уволенных рабочих, но фактически для большинства рабочих этот срок был сокращен.

В одном из филиалов союза сталелитейщиков этот период был недавно продлен до года. Вокруг этого вопроса рабочий класс должен развернуть широкую политическую борьбу.

Большое волнение в рядах международного профсоюзного движения в послевоенный период вызвал вопрос о скользящей шкале заработной платы, — то, что в Соединенных Штатах известно сейчас под названием «оговорки о скользящей шкале». Введения скользящей шкалы требуют французская ВКТ и итальянская ВИКТ, которых активно поддерживает ВФП, а в Соединенных Штатах борьбу за нее вел союз рабочих автомобильной промышленности. Вполне возможно, что в Европе, где в ту пору господствовали инфляционные тенденции и где имеются такие сильные и боевые профсоюзы, как профсоюзы Франции и Италии, скользящая шкала может служить удобным средством для регулирования заработной платы организованных рабочих. Но в Соединенных Штатах, как и вообще в англо-саксонских странах, в условиях грубой фальсификации статистических данных о стоимости жизни и проводимой социал-демократами политики классового сотрудничества история рабочего класса изобилует примерами отрицательного действия скользящей шкалы. Скользящая шкала могла бы принести пользу рабочим в обстановке быстро развивающейся инфляции и там, где союзы достаточно сильны и активны, чтобы добиться повышения основных ставок и принять участие в составлении статистических данных. Однако в общем было бы принципиально неверно ставить заработную плату в прямую зависимость от индексов стоимости жизни или от колебаний в области производства, так как это в конечном счете обрекает рабочих на весьма неудовлетворительный статус-кво.

Еще одним серьезным актуальным вопросом в Соединенных Штатах и других странах массового производства является вопрос об автоматизации — стремлении автоматизировать промышленность, то есть «управлять машинами с помощью машин». Следует различать четыре типа автоматизации: «а) автоматические механизмы; б) сложное обрабатывающее оборудование; в) автоматические системы управления и г) электронные счетно-вычислительные и другие машины»². Автоматизация получает быстрое распространение в промышленности, особен-

но в автомобильной, электротехнической и других отраслях массового производства. Имеются многочисленные данные, показывающие значительное сокращение числа рабочих в отраслях промышленности с высоким уровнем автоматизации. Характерно, например, что с 1947 до 1952 года электронная промышленность увеличила объем выпускаемой продукции на 255 процентов, а численность рабочих увеличилась всего на 40 процентов. Такая же картина наблюдается и во многих других отраслях американской промышленности: сильное увеличение производства при незначительном увеличении и даже уменьшении численности рабочих. Бэкингэм пишет, что «при некоторых коммерческих операциях электронные машины могут заменить почти всех рабочих»³. Когда проходишь по моторостроительному заводу Форда, невольно напрашивается вопрос: «Где же рабочие?»⁴ Подсчитано, что при теперешних темпах автоматизация в Соединенных Штатах вытесняет ежегодно 1 миллион рабочих, и цифра эта продолжает расти. Основной экономический результат автоматизации состоит в том, что, расширяя производство за счет покупательной способности рабочего, она усиливает тенденцию к возникновению экономического кризиса.

Американские союзы весьма обеспокоены развитием автоматизации, тем более что в настоящее время (в середине 1955 года) в стране насчитывается около 3 миллионов безработных. В этом вопросе рабочие снова сталкиваются с теми трудностями, которые им уже приходилось испытывать на протяжении истории, в связи с первоначальным введением машин, внедрением массового производства и рационализацией промышленности. Но на этот раз проблема вытеснения рабочих в результате введения новых методов производства ставится острее, чем когда-либо. В результате растут требования сокращения рабочего дня и рабочей недели; помимо этого, сталелитейщики и другие рабочие требуют установления гарантируемого годового минимума заработной платы.

Решить эти новые проблемы, порождаемые автоматизацией, весьма сложно. Никаких готовых средств здесь нет. Необходимо активизировать рабочее движение на всех фронтах: добиваться сокращения рабочего дня и улучшения страхования по безработице, настойчивее

требовать национализации и т. п. А главное, устранение отрицательных последствий автоматизации требует проведения политики активной классовой борьбы, ибо в условиях господства теории классового сотрудничества автоматизация может оказаться губительной для рабочего класса.

Касаясь этого вопроса, М. И. Рубинштейн указывает на различный подход рабочих к автоматизации при капитализме и при социализме. В то время как в капиталистических странах рабочие боятся новых автоматических процессов, обостряющих и без того серьезную массовую безработицу, рабочие стран социализма и народной демократии, которым не приходится опасаться безработицы, приветствуют автоматизацию и все подобные усовершенствования на производстве, как весьма выгодные для самих рабочих, неизбежно выигрывающих от такой автоматизации⁵. В соответствии с этим московская газета «Известия» требует более быстрого внедрения автоматизации в советскую промышленность⁶. Газета «Нью-Йорк таймс» поместила 15 декабря 1955 года статью американских инженеров, побывавших незадолго перед тем в Советском Союзе и высоко оценивших успехи, достигнутые в этой стране в области автоматизации.

Наступление на права профсоюзов

Одной из особенностей нынешнего натиска мировой реакции, осуществляемого под руководством американского империализма, является усиленное наступление на исконные права и политическую независимость профсоюзов — наступление, невозможное в странах социалистической ориентации. Это наблюдается во многих капиталистических государствах, в частности в Италии, Японии, Голландии, Индонезии, Греции, странах Латинской Америки и других. Особенно острые формы это наступление принимает в Соединенных Штатах, где оно является одним из внутренних проявлений борьбы американского империализма за мировое господство. Оно нашло свое выражение в таких полуфашистских законах, как закон Тафта — Хартли, ограничивающий право рабочих на забастовки и в неслыханной степени усиливающий контроль правительства над профсоюзами. На основании этого закона профсоюз рабочих автомобильной

промышленности был привлечен к судебной ответственности за то, что он предоставлял средства кандидатам на политических выборах. Одной из самых гнусных черт этого закона является так называемая антикоммунистическая статья, которая обязывает руководящих работников союза приносить присягу в том, что они некоммунисты. Помимо этого, во многих штатах страны приняты сейчас законы «о праве на труд» (на штрейкбрехерство). Готовится также множество других реакционнейших антирабочих законов. Неблагоприятно сказываются на профсоюзах и многие другие, недавно принятые законы, например о принесении присяги, о лояльности, а также деятельность комиссий конгресса, занимающихся травлей прогрессивных элементов и стремящихся постепенно превратить Соединенные Штаты в фашистское полицейское государство.

Очень опасно здесь то, что многие консервативные профсоюзные лидеры несколько не возражают против подобных наскоков реакции. Если законы о контроле над мыслями и соответствующие им действия направлены на подавление демократической оппозиции в стране в целом, то, с другой стороны, они служат целям реакционных профсоюзных чиновников, запугивая прогрессивную оппозицию в профсоюзах. То, что они, несомненно, сознают это, явствует из того, что эти чинуши горячо одобряют антикоммунистическую статью закона Тафта—Хартли. Для социал-демократов весьма характерно, что в этот период они готовы поступиться столь важным для рабочих правом на забастовки и согласны на то, чтобы профсоюзы по мере своего роста и усиления постепенно подчинились государственному контролю. Таким образом, благодаря их стараниям борьба в защиту профсоюзных прав оказывается уже с самого начала наполовину проигранной.

Для того чтобы избежать серьезнейшей угрозы их правам, рабочие, очевидно, должны сплоченно выступить против многочисленных попыток ввести правительственный контроль и отнять у профсоюзов права, завоеванные десятилетиями ожесточенной борьбы. ВФП хорошо сознает эту опасность и ведет против нее борьбу в международном масштабе, отстаивая Хартию прав профсоюзов.

ВФП требует полной свободы профсоюзной деятельности. В Хартии прав профсоюзов говорится: «Рабочие

должны иметь право организовывать профсоюзы, вступать в существующие профсоюзы и принимать участие в любой профсоюзной деятельности без разрешения и контроля властей или предпринимателей...

Члены профсоюзов должны свободно вырабатывать свои уставы, определять, как должны функционировать профсоюзы и в чем должна состоять их деятельность. Они избирают своих руководителей и исполнительные органы свободно и без ограничений... Право на забастовку является основным правом рабочих, право каждого рабочего независимо от профессии бастовать не должно подвергаться ограничениям».

Профсоюзный цех и принцип привилегии по стажу

В условиях бурного развития профсоюзного движения рабочие, естественно, настаивают на том, чтобы все работники тех или иных цехов входили в союзы. В этом, конечно, нет ничего нового, но дело заключается в том, что, несмотря на растущее сопротивление предпринимателей, «профсоюзный», или «закрытый», цех стал сейчас гораздо более распространенным и эффективным явлением, чем прежде. Показательно, что в странах социалистической ориентации этой проблемы не существует, так как там фактически весь рабочий класс организован в союзы и нет боссов, которые могли бы натравливать неорганизованных рабочих на членов союза.

Предприниматели весьма недовольны этим «закрытием» своих цехов для непрофсоюзных элементов и всегда стараются тем или иным способом помешать этому, особенно в Соединенных Штатах, где монополистический капитал испокон веков цеплялся за «открытый» цех. Закон Тафта—Хартли, явившийся большим шагом на пути к созданию полицейского государства, в частности, затрудняет, если не делает невозможным, создание полностью «профсоюзного» цеха и удержание членских взносов непосредственно из заработной платы.

Это создает серьезную проблему для организованных рабочих в Соединенных Штатах, где «профсоюзные» цехи существовали по договоренности с предпринимателями более ста лет в квалифицированных профессиях, а теперь охватывают всех рабочих основных отраслей про-

мышленности. Это специфически американская проблема, ибо подобный «закрытый» цех почти неизвестен в таких странах развитого профсоюзного движения, как Великобритания, Германия, Франция и другие капиталистические государства. Большинство профсоюзных движений мира добивается 100-процентного охвата рабочих союзами не посредством удержания членских взносов из заработной платы и соглашений с предпринимателями, а с помощью организационной работы. Американские рабочие должны и будут бороться за сохранение профсоюзных цехов, заключая с этой целью трудовые соглашения. Но тем не менее ясно, что гораздо лучше, когда 100-процентное вовлечение в союз достигается не путем соглашения с хозяевами, а непосредственной работой самого союза.

Типичным для настоящего периода широкого развертывания профсоюзного движения является также принцип «привилегий по стажу». В течение многих десятилетий рабочие в капиталистических странах тяжело страдали оттого, что предприниматели могли повышать их в должности или увольнять по своему произволу, особенно в периоды экономических кризисов. В настоящее время в капиталистическом мире ширится движение за ограничение этого жестокого права предпринимателей. Это отражает растущие требования рабочих обеспечить им право на труд. В социалистических странах такой проблемы, разумеется, не существует; в странах капитализма она, напротив, принимает очень острые формы в связи с ростом безработицы и перспективой ее увеличения в недалеком будущем.

Профсоюзы решают эту проблему (существующую, повторяем, только в капиталистических странах), как правило, двумя способами. В Европе обычно проблема привилегии по стажу или права на труд решается почти целиком в законодательном порядке, и профсоюзам как таковым почти ничего не приходится делать в этом отношении непосредственно на производстве. Это серьезное упущение, ибо решение таких насущных вопросов нельзя оставлять на усмотрение продажных государственных чиновников.

В Соединенных Штатах профсоюзы, напротив, пытаются решить все эти вопросы на экономической основе, посредством прямых переговоров с предпринимателями

без вмешательства со стороны действующего законодательства. В Европе право рабочего на повышение или на сохранение данной работы в случае угрозы массового увольнения определяется рядом обстоятельств, в том числе стажем и квалификацией. Особое значение придается семейному положению данного рабочего. В Соединенных же Штатах, в разработанных за последние годы многочисленных системах «привилегий по стажу», при определении права рабочего на данную работу главным образом принимается во внимание стаж работы. Американские рабочие ревниво охраняют права, обеспечиваемые им стажем работы, в качестве известной меры защиты от безработицы.

В Соединенных Штатах нужна система, которая представляла бы нечто среднее между европейской и американской, особенно в той части, которая определяет права рабочего на работу. Нынешняя американская система с ее чрезмерным упором на стаж работы является слишком негибкой. В этом отношении европейская система, принимающая во внимание также и другие факторы, выгоднее для рабочих и особенно в периоды массовой безработицы, так как она отличается большой гибкостью. Так, при американской системе привилегий по стажу негритянские рабочие, которые сравнительно недавно пришли во многие отрасли промышленности и поэтому обычно имеют самый небольшой стаж, подвергаются грубой дискриминации в периоды массовых увольнений. Но в общем, конечно, все капиталистические системы «привилегий по стажу» являются слишком узкими, и их следовало бы дополнить гораздо более радикальным законодательством, расширяющим системы социального обеспечения и более конкретно гарантирующим рабочим право на труд, а также право получать достаточное пособие при отсутствии работы.

Участие профсоюзов в управлении предприятиями

Еще одной проблемой, типичной для периода роста профсоюзного движения, является так называемое «соопределение», или участие рабочих в управлении капиталистической промышленностью. Во многих странах рабочие весьма склонны оспаривать право капиталистов управлять (если не владеть) промышленными предприятиями. Эта тенденция принимает различные формы: от

требования создания рабочего представительства в национализированных отраслях промышленности до требования, чтобы рабочие входили в правления предприятий тех отраслей промышленности, которые находятся в частном владении. Борьба рабочих за участие в управлении промышленностью может стать прогрессивной тенденцией. Нужно только подкрепить это требование активной профсоюзной борьбой и не допускать, чтобы оппортунистические профсоюзные лидеры использовали его в целях классового сотрудничества. Так, например, «громы и молнии», которые нередко мечет президент АФТ Мини против требований рабочих об участии в управлении промышленностью, являются лишним доказательством его пресмыкательства перед капитализмом. «Мы не хотим,— заявляет он,— «соопределения», или участия представителей рабочих в советах директоров или активном управлении промышленностью»⁷. Заявление профсоюза рабочих автомобильной промышленности (КПП) о том, что «рабочий не стремится присвоить административные функции и не требует себе места в правлениях организуемых концернов»⁸, также никак нельзя считать прогрессивным.

В странах социализма и народной демократии, где промышленные предприятия находятся в руках рабочего класса и имеются самые широкие возможности для выдвижения рабочих, стремление трудящихся участвовать в управлении промышленностью не является проблемой, тем более проблемой классовой. Но при капитализме, в условиях, когда капиталисты занимают все ключевые позиции в своей экономической и политической системе, бдительно обороняя их от рабочих, это растущая и серьезная классовая проблема. Как всегда, правые социал-демократы разрабатывают хитроумные планы, направленные на то, чтобы воспрепятствовать всякому реальному посягательству рабочих на прерогативы хозяев.

В Великобритании, например, при последнем лейбористском правительстве лидеры профсоюзов и лейбористской партии отклонили настойчивое требование рабочих относительно участия в советах, управляющих национализированными отраслями промышленности,— угольной и сталелитейной промышленностью, транспортом и т. п.,— и оставили управление этими отраслями в руках капиталистов и их административных экспертов. Разумеется, это привело именно к тем результатам, которых

и можно было ожидать. Совсем иное положение существовало во Франции, где рабочие во главе с коммунистами были широко представлены во всех инстанциях, контролировавших национализированные отрасли промышленности.

В Западной Германии социал-демократы со свойственным им стремлением защитить интересы капиталистов за счет рабочих выработали вкупе с христианскими демократами сложную систему соопределения — так называемого «Митбештимунггерехт». Католики всего мира приветствовали это как воплощение их плана организации промышленных советов. Первый закон в этом духе был принят в апреле 1951 года для того, чтобы предотвратить всеобщую забастовку немецких металлургов и шахтеров. Согласно этому закону рабочие и капиталисты избирают по пяти человек в совет, управляющий данной отраслью промышленности, а одиннадцатый член совета, предположительно «нейтральный» и обладающий решающим голосом, избирается главным образом держателями акций⁹. Макферсон замечает, что «на деле этот одиннадцатый член окажется более приемлемым для владельцев, чем для рабочих»¹⁰. Так это и оказалось в действительности. В 1952 году этот принцип в еще худшей форме был при поддержке социал-демократов распространен на другие отрасли промышленности при помощи закона «О рабочих советах», который лишает эти органы и профсоюзы их многих исконных прав.

Этот закон вызвал серьезное сопротивление немецких рабочих, выразившееся в демонстрациях и забастовках. Говорили, что такого широкого движения протеста не было с 1933 года. Взамен такого рода законодательства, продиктованного интересами плана Шумана, интересами вооружения Западной Германии и стремлением монополистического капитала к извлечению максимальной прибыли, коммунисты предложили укрепить рабочие советы, распространив контроль рабочих над решением вопросов социального и экономического характера, а также вопросов подбора кадров. Они призвали рабочих бойкотировать новый закон о рабочих советах¹¹. Правые социал-демократы фактически восприняли этот новый вариант классового сотрудничества в промышленности в качестве замены не только национализации, но и самого социализма.

Арбитраж

Арбитраж при решении трудовых конфликтов всегда был в основном оружием предпринимателей, которые при его помощи снижали активность профсоюзной борьбы рабочих. Почти неизменно решающий голос в арбитражном совете принадлежал хозяевам. Но и в этих условиях последние редко предлагали прибегнуть к арбитражу, за исключением тех случаев, когда данный союз занимал очень прочное положение и предприниматели стремились таким путем уменьшить его силу. С помощью арбитража было сорвано бесчисленное количество забастовок. В наше время, когда имеются сильные профсоюзы, возглавляемые левыми элементами, рабочие могут гораздо лучше использовать арбитраж, чем прежде. Предприниматели все еще питают большую склонность к арбитражу, так же как буржуазные законодатели, особенно если им удастся сделать эту процедуру обязательной. Своего полного расцвета арбитраж достигает при фашизме, когда предприниматели назначают и обе группы, входящие в арбитражные советы, и своего члена с решающим голосом.

Поскольку арбитраж является излюбленной тактикой предпринимателей, которые прибегают к ней, чтобы подорвать активность и силу рабочих, он, разумеется, снижал любовь правых социал-демократов. Арбитраж с его «беспристрастными председателями» арбитражных советов, которые нужны для того, чтобы подрывать силу рабочих, прекрасно уживается с политикой классового сотрудничества.

Однако левые круги всегда относились с недоверием к арбитражу во всех его формах, особенно когда он стал приобретать обязательный характер. Как правило, рабочим оказывалось гораздо выгоднее вести переговоры непосредственно с частными предпринимателями или с государством как работодателем. Третья сторона почти всегда запутывает дело и ослабляет позицию рабочих. Арбитраж оказывался приемлемым для активных рабочих почти всегда только в тех случаях, когда забастовка была явно проиграна и у рабочих не оставалось иного выбора или же если союз был уверен в том, что он сумеет повлиять на избрание члена арбитражного совета с решающим голосом,— такие случаи бывали. Однако за

последние годы благодаря общему укреплению профсоюзов рабочие в состоянии гораздо лучше использовать в некоторых случаях добровольный арбитраж, и они не раз принуждали предпринимателей соглашаться на него.

Глава 59

ПРОФСОЮЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ДЕМОКРАТИЯ И ЕДИНСТВО

На протяжении своей долгой революционной истории мировое рабочее движение создало широкую и мощную сеть организаций — политических партий, профессиональных союзов, кооперативов и других классовых группировок, охватывающих основную массу промышленных рабочих. Поэтому глубоко заблуждаются те, кто полагает, будто отныне классовая борьба должна заключаться только в дружеском арбитраже и мирных переговорах с предпринимателями и что профсоюзный лидер наших дней должен быть чем-то вроде клерка, статистика и юриста. Напротив, рабочее движение должно и впредь наращивать свои силы и выдвигать в руководители истинных борцов рабочего класса. Это необходимо прежде всего потому, что правящие классы, хотя они и потеряли более трети территории земного шара, где сейчас установлен социализм, и сталкиваются с растущим профсоюзным движением, все еще обладают колоссальной силой. Кроме того, вся история классовой борьбы убеждает рабочих в том, что в критический момент эксплуататоры безжалостно прибегнут к насилию в борьбе против наступающих рабочих мира. Расправа Гитлера с европейским рабочим движением должна была показать нам, что одна только массовость не может служить гарантией безопасности союзов в капиталистических странах. Единственное практическое положение, которым должно руководствоваться рабочее движение в настоящее время, заключается в том, что впереди тяжелые бои и, чтобы выиграть их, ему понадобится вся его мощь.

Организация неорганизованных

Организация неорганизованных рабочих по-прежнему остается основным и жизненно важным лозунгом международного рабочего класса. Необходимость охвата проф-

союзами десятков миллионов неорганизованных рабочих диктуется следующими факторами: во-первых, эти рабочие весьма нуждаются в защите профсоюзов, и, во-вторых, организованным рабочим мира крайне нужны дополнительные силы для их борьбы на международном экономическом и политическом фронте.

Вопрос о вовлечении неорганизованных рабочих имел огромное значение с первых же шагов профсоюзного движения еще два столетия назад, а зачастую приобретал даже исключительную важность. Он сохраняет свое значение и по сей день, хотя в результате длительной борьбы рабочие уже имеют возможность при желании решить эту вечную проблему. Впервые сильное движение за организацию широких масс возникло в ходе долгой и суровой борьбы после первой мировой войны в связи с русской революцией и колоссальным ростом профсоюзного движения во многих странах. Следующий большой шаг вперед был сделан после второй мировой войны в связи с победой народной революции в Китае и некоторых других азиатских странах и еще большим распространением профсоюзного движения на все районы мира.

Эти большие достижения говорят не только о количественном росте профсоюзного движения; оно приобрело и новое качество. Профсоюзы не только создали колоссальную организацию, насчитывающую в своих рядах около 140 миллионов членов, но, кроме того, около половины этих членов занято выполнением величественной задачи строительства социализма. В основных капиталистических странах профсоюзы в сотрудничестве с пролетарскими партиями сумели разрешить самую трудную из своих проблем — организацию профсоюзов в монополизированных отраслях тяжелой промышленности. Отсутствие там профсоюзов на протяжении десятилетий тормозило развитие рабочего движения в Соединенных Штатах, Германии, Франции, Италии и других странах.

Нынешнее число членов профсоюзов во всем мире можно по меньшей мере удвоить, так как в мире имеется 300 миллионов потенциальных членов союза и международный рабочий класс быстро, хотя и неравномерно растет во всех странах. В промышленности и торговле всего капиталистического мира имеются широкие массы все еще неорганизованных, неквалифицированных рабочих, которые могут быть вовлечены в союзы. Особенно

важную задачу представляет организация сельскохозяйственных рабочих, которых насчитывается 90 миллионов, главным образом в странах, где имеются крупные плантации. О том, что их вполне можно организовать, свидетельствует наличие сильных союзов сельскохозяйственных рабочих в Италии, а также в ряде колониальных стран, в частности в Индонезии. Об этом свидетельствуют также многочисленные крупные и упорные забастовки рабочих плантаций в Латинской Америке и Азии. Опыт Китая и других стран доказал, что эти рабочие также будут бороться за социализм. В прошлом союзы, следуя традициям Второго Интернационала, сосредоточивали основное внимание на промышленных рабочих, главным образом квалифицированных, грубо пренебрегая организацией сельскохозяйственных рабочих. Такое положение характерно для Великобритании, Западной Германии и других капиталистических стран, а также и для колониальных стран; в этом отношении капиталистическим странам подают «пример» Соединенные Штаты, где узкая цеховщина, столь долго господствовавшая в рядах организованных рабочих, привела к тому, что союзами охвачено менее 1 процента сельскохозяйственных рабочих¹. В связи с задачей организации сельскохозяйственных рабочих во всем мире остро встает вопрос о положении негритянских рабочих, занятых в основном в сельском хозяйстве и подвергающихся жесточайшему гнету и эксплуатации. В настоящее время профсоюзами охвачено только 3 миллиона негров: 1,5 миллиона в Соединенных Штатах (промышленные рабочие), 1 миллион в Латинской Америке и 500 тысяч в Африке.

Другая категория, мало охваченная профсоюзами, — женщины-работницы. В капиталистических странах они составляют в среднем 30 процентов рабочего класса. История рабочего движения показывает, что их легко организовать и что они являются замечательными борцами и участниками забастовок на всех этапах классовой борьбы. История показывает также, что во всех капиталистических странах консервативные рабочие лидеры весьма неохотно допускают женщин в профсоюз и в промышленность. Как указывает Тереза Волфсон («Вумэн уоркер», стр. 57), «в Англии интенсивное движение за организацию работниц было начато только в 1874 году и притом не британскими тред-юнионами, а Женской

профсоюзной лигой, которая пыталась решить эту проблему, вызывая к сочувствию леди и джентльменов». Точно так же вовлечению женщин в союзы противились на первых порах квалифицированные рабочие Германии, Франции, Бельгии, Соединенных Штатов и других стран. Все это тормозило вовлечение женщин в союзы, что давало возможность предпринимателям платить им за равный труд меньше, чем мужчинам: во Франции женщины получают на 17 процентов меньше, чем мужчины, в Италии на 19 процентов, в Западной Германии на 37 процентов, в Бельгии на 39 процентов, в Великобритании на 40 процентов и в Голландии на 41 процент. О широко распространенной дискриминации женщин в области заработной платы в Соединенных Штатах свидетельствует тот факт, что, по данным министерства труда, женщины, работающие у станка, получают ежегодно в среднем 1 908 долларов, а мужчины 3 216 долларов². В странах социализма женщины получают равную оплату за равный труд.

За минувшие три десятилетия в условиях широкого развития профсоюзного движения в организации работниц были достигнуты значительные успехи. Однако даже в капиталистических странах с сильно развитым профсоюзным движением многое остается еще сделать, как об этом свидетельствует положение в Соединенных Штатах. Из 19,5 миллиона женщин, работающих по найму, членами союза является всего 3 миллиона. В профсоюзах состоит 32 процента работающих мужчин и только 15 процентов работающих женщин, из которых половину составляют замужние женщины. 28 процентов работающих женщин — конторские служащие. ВФП проводит широкую работу среди женщин, примером чего могут служить состоявшаяся в 1955 году Конференция матерей в защиту мира и намеченная на июнь 1956 года Международная конференция трудящихся женщин.

Третьей большой категорией неорганизованных являются служащие. За последние десятилетия в армии труда влились во всех странах огромные массы служащих — учителей, приказчиков, конторщиков, служащих государственных учреждений, работников связи (почта, телефон, кино), квалифицированных техников и т. д. Характерно, что в Соединенных Штатах общее число работающих по найму возросло с 1870 по 1940 год на 225 процентов, тогда как общее число служащих увели-

чилось на 1 600 процентов³. В то же время численность промышленных рабочих кое-где даже сократилась. Так, тридцать лет назад на американских угольных шахтах регулярно работало около 700 тысяч человек, в настоящее же время благодаря механизации, использованию заменителей угля и т. п. их только 200 тысяч. В Германии в 1892 году на десять рабочих приходился один служащий, а в 1943 году это соотношение составляло уже 1 к 3. По Великобритании, Японии и другим капиталистическим странам имеются аналогичные данные, свидетельствующие о возрастающем значении этой группы работников. Около половины работников этих категорий составляют женщины.

Как правило, служащие страдают от низкого уровня заработной платы, неуверенности в завтрашнем дне и других трудностей, с которыми приходится сталкиваться и промышленным рабочим. Десятилетия назад многие работники этого типа находились в привилегированных условиях, получали более высокую заработную плату, оплачиваемые отпуска, имели некоторые перспективы выдвижения, но в настоящее время почти все эти привилегии исчезли. «В 1890 году в Соединенных Штатах, — указывает Миллс, — средний доход служащих почти вдвое превышал доход промышленных рабочих, но сейчас низкооплачиваемый служащий получает почти столько же, сколько полуквалифицированный рабочий в промышленности. Показательно, что служащие сейчас гораздо больше страдают от безработицы, чем в прошлом»⁴. Аналогичные условия существуют и в других капиталистических странах. Такое ухудшение положения служащих определенно облегчает вовлечение их в профсоюзы.

Вообще консервативные профсоюзные лидеры в капиталистических странах мало делали для организации этих категорий работников. Но там, где были созданы профсоюзы служащих, последние сразу откликнулись на призыв и проявили готовность вести борьбу за улучшение условий. Примечательный пример этому дала всеобщая стачка в Англии в 1926 году. В Западной Германии служащие составляют от 15 до 20 процентов членов союза, и примерно такое же соотношение существует в Великобритании. Американские профсоюзы еще слабее. В Японии служащие, особенно государственные, находятся на сравнительно высокой ступени организации, и они играли

важную роль во многих крупных забастовках и политических битвах в этой стране после второй мировой войны. Профсоюз учителей Японии, входящий в Генеральный совет профсоюзов Японии, насчитывает 530 тысяч членов. Из 3 080 тысяч членов Сохё 1 954 тысячи — государственные служащие⁵.

Значительную часть неорганизованных рабочих составляет молодежь. Одним из самых тяжких грехов социал-демократии было то, что она повсеместно пренебрегала организацией этой важной части пролетариата. Никогда еще рабочее движение не нуждалось так в энтузиазме, энергии и боевом духе молодежи, как в настоящий момент.

Рабочие организации во всем мире могут быстро и значительно вырасти, если они систематически будут вовлекать в союзы массы неорганизованных фабричных и сельскохозяйственных рабочих, женщин и служащих. Союзы поступили бы правильнее, используя излишек своих средств подобным полезным путем, а не накапливая их в форме забастовочных фондов или вкладывая в прибыльные капиталистические предприятия, как это делают сейчас в огромных масштабах американские профсоюзы. О размере этих накоплений свидетельствует финансовое положение некоторых союзов, как входящих в АФТ и КПП, так и независимых: братство железнодорожных кондукторов имеет таких накоплений 54 миллиона долларов, союз горняков — 34 миллиона долларов, союз возчиков — 31 миллион долларов, союз электриков — 26 миллионов долларов, союз рабочих автомобильной промышленности — 17 миллионов долларов и союз дамских портных — 13 миллионов долларов. Сюда не входит около 300 миллионов долларов, которые союзы держат в виде «фондов социального обеспечения». В 1954 году профсоюз рабочих швейной промышленности (КПП) сообщил, что его накопления составляют 250 миллионов долларов, включая 10 страховых компаний, два банка и крупные средства в жилых домах. Все это представляет собой своего рода профсоюзный капитал. Общие активы всех американских профсоюзов исчисляются в 1—1,5 миллиарда долларов⁶.

На своем Венском конгрессе в 1955 году лидеры Международной конфедерации свободных профсоюзов много говорили и приняли немало решений о широкой всемир-

ной кампании по вовлечению в профсоюзы неорганизованных трудящихся. В Соединенных Штатах АФТ—КПП планирует проведение большой организационной кампании среди миллионов все еще неорганизованных рабочих. Но в общем можно не сомневаться, что, как и в прошлом, международная задача организации трудящихся, особенно в той мере, в какой она касается полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, будет осуществляться главным образом левыми и прогрессивными элементами, входящими во Всемирную федерацию профсоюзов или сочувствующими ей.

Опасность профсоюзной бюрократии

Жизненно важной проблемой рабочего движения, которая с каждым десятилетием приобретает все больший вес, является борьба за профсоюзную демократию. Подобно социал-демократическим партиям, профсоюзы с давних пор страдают от засилия паразитической, бюрократической верхушки, пользующейся благоволением предпринимателей и систематически использующей свое положение в ущерб рабочей массе членов союза. Сотни, если не тысячи, забастовок и других выступлений были проиграны из-за того, что отсутствие профсоюзной демократии подрывало боевой дух рабочих.

Мы уже не раз отмечали, что профсоюзы Англии, Германии и многих стран сильно страдают от засилия бюрократии. Пробравшись всеми правдами и неправдами на руководящие посты, оппортунисты превращают их в пожизненные должности и всячески стараются, обычно при прямой или косвенной помощи со стороны предпринимателей и государства, удержаться там до последних дней своей жизни.

Ни в одном рабочем движении эта эпидемия не приняла такой острой формы, как в Соединенных Штатах, где в семидесятилетнее царствование Гомперса—Грина демократия попиралась самым бесстыдным образом и союзы нередко контролировались шайкой самых настоящих головорезов и мошенников. Большой приток в профсоюзы в тридцатых и сороковых годах XX века массы неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих несколько улучшил положение, однако до сих пор какой-нибудь одряхлевший бюрократ, вроде Хатчисона из союза

плотников, имеет возможность передавать председательский пост по наследству сыну, а пользующийся печальной известностью председатель профсоюза портовых грузчиков Райян может исполнять свою должность пожизненно, нисколько не шокируя этим руководство АФТ⁷. Произведенное недавно под руководством Мини слияние АФТ и КПП было осуществлено на сверхцентрализованных началах и имеет своей целью еще больше укрепить положение профсоюзной бюрократии. Съезды объединенной организации будут представлять собой собрания высших профсоюзных чиновников (многие из них богачи) фактически без всякого участия рядовых членов. Непосредственный контроль рабочих над новой организацией сведен почти к нулю.

Засилие бюрократии представляет особую опасность для рабочих в настоящий период по нескольким простым причинам: а) наблюдающийся за последнее время сильный рост профессиональных союзов во всех капиталистических странах дает бюрократам больше силы, чтобы навязывать свою антирабочую политику; б) господство бюрократии в профсоюзах стало неотъемлемой частью политики правых социал-демократов, ибо только такими средствами можно обуздать активность рабочих и навязать союзам парализующую политику классового сотрудничества; в) при таком росте и усилении профсоюзов и столь напряженном политическом положении, как в настоящее время, предприниматели и правительство особенно нуждаются в рабочих — приказчиках: крупного капитала, консервативных профсоюзных бюрократах, чтобы контролировать с их помощью рабочее движение. В наши дни многие профсоюзные лидеры, особенно в Соединенных Штатах, стали фактически агентами государственного департамента.

Руководство прогрессивных профсоюзов как в капиталистических государствах, так и в странах социализма и народной демократии также не вполне свободно от известных бюрократических тенденций. Ленин, в частности, вел неустанную борьбу со всеми и всяческими замашками такого рода. Но одно дело, когда приходится сталкиваться с отдельными бездарными руководителями или бюрократами, пробравшимися на руководящие посты в левом или прогрессивном профсоюзе, и совсем другое — когда нужно вести борьбу с враждебно сплоченной кли-

кой бюрократов, как это зачастую бывает в профсоюзах капиталистических стран. Таким профсоюзным чиновникам, которые ориентируются в своей политике на капиталистов, интересы рабочего класса в корне чужды.

Коммунисты и другие левые силы повсюду ведут борьбу с бюрократией как в экономических, так и в политических организациях рабочего класса, ибо единственным способом, при помощи которого можно претворить в жизнь пролетарскую политику, является демократизация рабочих организаций. Хорошо понимая это, правые элементы прекрасно сознают, что для проведения политики в интересах хозяев им необходимо подавить демократизм рядовой массы и сосредоточить диктаторскую власть в руках консервативной бюрократии.

В прогрессивных профсоюзах ведется неустанная работа по укреплению внутрисоюзной демократии при помощи самокритики, развития принципа добровольности, систематического выдвижения в руководство новых людей и т. п. Ничего похожего нет в профсоюзах, где руководство находится в руках правых и властвует бюрократия, неkritично относящаяся к себе и запрещающая всякую критику по своему адресу со стороны других.

Бороться с этими наглыми, цепляющимися за свои места бюрократами, которые усердно пекутся об интересах капиталистов, можно следующими способами: критикой руководства снизу и выдвижением самостоятельных списков во время профсоюзных выборов на местах; созывом частых широких съездов с участием рабочих, непосредственно занятых на производстве; введением системы отзыва должностных лиц, не оправдавших доверия, и проведением референдумов по важным вопросам; установлением предельного возраста для руководящих работников исполнительных органов; снижением чрезмерных окладов, получаемых лидерами*, поощрением всюду, где

* Приведем несколько типичных для Соединенных Штатов годовых окладов высших профсоюзных чиновников: Гаррисон (союз железнодорожных служащих) — 76 тысяч долларов; Льюис (союз горняков) — 50 тысяч долларов; Бек (союз возчиков) — 50 тысяч; Макдональд (союз сталеплавильщиков) — 40 тысяч; Мини (председатель АФТ—КПП) — 50 тысяч; Морески (союз строителей рабочих) — 30 тысяч и Дубинский (союз дамских портных) — 23 400. К этому следует добавить еще колоссальные суммы, отпускаемые им на непредвиденные расходы. В сравнении с этим лидеры британских

только возможно, профсоюзной работы на добровольных началах; энергичной борьбой против всякого государственного контроля над союзами, который обычно весьма на руку консервативной бюрократии; отменой всех статей в уставе и всех практических методов, препятствующих участию революционных рабочих; отменой всякой дискриминации по признаку расы, пола, национальности и религии и рядом других подобных мер демократического характера.

Борьба за профсоюзную демократию является неотъемлемой частью борьбы активных рабочих за прогрессивное профсоюзное движение. Рабочие не смогут идти вперед и успешно выполнять стоящие перед ними насущные экономические и политические задачи, если они допустят, чтобы во главе их организаций стояли чиновники, являющиеся носителями политики их классовых врагов — предпринимателей.

Важнейший вопрос о профсоюзном единстве

Важной проблемой, требующей пристального внимания профсоюзов как в капиталистических, так и в социалистических странах, является профсоюзное единство — одно из основных условий единства рабочего класса вообще. Профсоюзное единство — основа широкого единства рабочих и их союзников во всех областях борьбы. Оно делает возможной организацию широкого фронта и движений Народного фронта, совершенно необходимых для успешной борьбы трудящихся масс против их высокомерных и сильных врагов — капиталистов. Фашистский разгром рабочих и других народных организаций в предвоенный период должен послужить незабываемым предостережением о том, какой опасностью чреват раскол рабочего класса.

Вопрос о профсоюзном единстве — это широкий вопрос, имеющий много экономических и политических сторон. Очень важно, например, чтобы передовые классово сознательные элементы, эта движущая сила рабочего

тред-юнионов получают гораздо меньше: например, Тьюсон (генеральный секретарь БКТ) получает 5 600 долларов; Тиффин (союз рабочих транспорта) — 4 760; Кэмпбелл (союз железнодорожников) — 4 600 и Хорнер (союз горняков) — 3 тысячи. На дополнительные расходы они также получают относительно скромные суммы.

класса, были тесно связаны с широкой рабочей массой. Это позволяет сочетать борьбу за социализм на различных этапах с борьбой за повседневные требования. Такое единство отнюдь не достигается механически. Оно требует от левых неустанной борьбы с раскольнической левосектантской и правооппортунистической практикой и с оппортунистическими лидерами всех мастей. Все развитие рабочего движения зависит от успешного осуществления этой борьбы в рядах профсоюзов.

Важное значение для профсоюзного единства всегда имел вопрос об организации неорганизованных — об обеспечении систематической связи широких рабочих масс. Мировое рабочее движение достигло сейчас такой стадии развития, когда оно вполне в силах решить эту вечную проблему рабочего класса при условии, что будет действовать сплоченно. В этом отношении задача заключается, как уже отмечалось, в том, чтобы привлечь серьезнейшее внимание рабочего движения к организации все еще неорганизованных масс фабричных и сельскохозяйственных рабочих, а также негров, женщин, молодежи и служащих.

Другую жизненно важную сторону проблемы профсоюзного единства представляет вопрос о производственном принципе организации профсоюзов. Перед профсоюзами постоянно стоит настоятельная задача выйти за узкие границы практики и идеологии цехового профсоюзного движения и организовать всех рабочих данных цехов и предприятий в единые союзы. В значительной мере эта цель уже достигнута, и после полувековой борьбы коммунистов и других левых элементов во всех крупных промышленных странах созданы сильные производственные профсоюзы. Характерен в этом отношении развивающийся в Соединенных Штатах «производственный принцип пикетирования». Не участвующие в забастовке рабочие — члены цеховых союзов все чаще отказываются переходить линии пикетов, выставленных бастующими. Позорная гомперсовская доктрина «святости профсоюзных контрактов», которая в течение долгого времени возводила профсоюзное штрейкбрехерство в добродетель и из-за которой было сорвано бесчисленное множество забастовок, все больше отходит в прошлое.

Однако борьба за производственный принцип организации профсоюзов еще не выиграна полностью. В Велико-

британии, Соединенных Штатах и других капиталистических странах осталось множество цеховых и полуцеховых союзов, ослабляющих рабочий класс. Это говорит о том, что старинная угроза штрейкбрехерства в результате цеховщины еще не устранена. В США, в новом профсоюзном объединении, образовавшемся после слияния КПП и АФТ, господствуют сторонники цеховых союзов, у которых хватило ума вписать в свой устав, что цеховые и производственные союзы являются равноценными формами профсоюзной организации. ВФП, будучи неутомимым поборником профсоюзного единства, **выдвигает** следующую программу обеспечения организационного единства: один союз на каждом предприятии, одна национальная федерация в каждой профессии или отрасли промышленности и одна всемирная профсоюзная организация⁸.

Однако важнейшим моментом проблемы профсоюзного единства является ликвидация колоссального раскола — в рамках той или иной отрасли промышленности, в общенациональном и международном масштабах — на базе идеологических разногласий в рядах мирового рабочего класса. Этот раскол весьма ослабил международное рабочее движение и создает серьезные препятствия на пути его дальнейшего развития.

Необходимо отметить две основные причины, обусловившие крупный раскол, который переживает рабочее движение в настоящее время. Во-первых, активное вмешательство предпринимателей и в первую голову американских монополистов. Последние поняли, что в интересах их политики мирового господства необходимо парализовать или уничтожить замечательную рабочую организацию, созданную после второй мировой войны рабочими различных стран. Особенно старались они вбить клин между рабочими капиталистического и социалистического секторов мира. Защищая капитализм, политическая и профсоюзная верхушка Второго Интернационала взялась по приказу предпринимателей за осуществление этой раскольнической задачи.

Вторая причина раскола всемирного профсоюзного движения, о которой мы также говорили выше, кроется в том, что правые социал-демократические профсоюзные лидеры с давних пор проводят политику раскола таких союзов, поскольку им трудно их контролировать обычными демократическими средствами. Это целиком и полно-

стью устраивает империалистов, стремящихся расколоть рабочее движение. Раскольнические движения правого толка существуют в Италии, Франции, Японии, Латинской Америке и внутри ВФП, где правые определенно оказались в меньшинстве. Такого же рода раскольнические тенденции возникли в 1949 году в КПП, откуда были исключены союзы, охватывающие почти 1 миллион рабочих. Руководствуясь политикой исключения «трудных» меньшинств, правое крыло английской лейбористской партии подготавливает попытку изгнать сторонников Бивена.

Недавнее слияние АФТ и КПП в Соединенных Штатах несколько не противоречило раскольнической в своей основе политике правых социал-демократов. В данном случае не было речи о серьезных идеологических разногласиях. Консервативная группа Мини, возглавившая объединенную организацию, надеется через нее усилить свой контроль над рабочим движением и заставить рабочий класс поддерживать империалистическую антисоветскую программу государственного департамента, пользуясь самой активной поддержкой этой группы. Вообще это слияние является большим успехом американского рабочего класса, но ультраконсервативные бюрократические лидеры тормозят его дальнейшее развитие.

Раскольническая политика предпринимателей и их рабочих-приказчиков — правых социал-демократов — весьма затрудняет решение проблемы единства рабочего класса. Однако при всей своей сложности положение далеко не безнадежно. В конечном счете потребность рабочих в единстве действий возьмет верх над всеми раскольническими тенденциями. И никакие финансовые субсидии и политическая поддержка со стороны американского империализма не в силах этому помешать. Это ясно показывает положение во Франции и Италии, где ВКТ и ВИКТ, невзирая на противодействие профессиональных раскольников из рядов социал-демократии, удавалось организовать мощные забастовки с участием многих миллионов рабочих разных отраслей промышленности. Подобное единство действий прокладывает путь к достижению в конечном счете организационного единства.

ВФП стремится к полному единству профсоюзного движения, охватывающего как капиталистический, так и социалистический секторы мира. Исходя из неотложных

нужд мирового рабочего класса, ВФП несколько раз предлагала МКСП и католическому Интернационалу осуществить единство действий, но эти предложения неизменно пренебрежительно отклонялись. Последний такой случай имел место в 1955 году, когда конгресс МКСП под сильным давлением профессиональных поджигателей войны из АФТ и КПП (и несмотря на решительное сопротивление европейских организаций) не только отказался сотрудничать с ВФП в решении неотложных текущих вопросов, но и создал специальный орган, которому поручено усилить борьбу с прогрессивными профсоюзами во всем мире, осмеливающимися выступать против военной программы Уолл-стрита. Понятно, что буржуазная печать всех стран приветствовала это позорное поведение МКСП, как победу «свободного мира». Подобный подрывной курс, которого придерживается МКСП, является по сути самоубийством. Он идет в разрез со стремлением рабочих всего мира к единству профсоюзного движения и к политике установления всеобщего мира. В конечном счете потребность рабочих в единстве и политика, проводимая в этом вопросе ВФП, неизбежно обрекут МКСП на провал.

Состоявшаяся в июле 1955 года Женевская конференция четырех держав, приняв меры к ослаблению «холодной войны», также, как мы уже видели, привела в движение силы, которые при наличии поддержки могут способствовать значительному улучшению отношений между двумя профсоюзными интернационалами. Иначе говоря, если миролюбивые силы добьются того, чтобы Эйзенхауэр и другие буржуазные государственные деятели выполнили обещания, данные ими в Женеве, это приведет к ослаблению «холодной войны» и смягчению военной опасности. Это может также смягчить, если не устранить, многие из разногласий, вызывающих конфликты между двумя профсоюзными интернационалами. Кроме того, ослабление военной напряженности в соответствующих капиталистических странах, ликвидация парализующего контроля, навязанного сейчас профсоюзам, и обострение классовой борьбы могут усилить потребность в профсоюзном единстве. Однако в настоящее время лидеры МКСП, где господствующее положение занимает консервативная группа Мини (Соединенные Штаты), делают все возможное, чтобы помешать слиянию профсоюзных интернацио-

налов. И все же подобная раскольническая тактика тщетна. Непреодолимые экономические, политические и социальные факторы, которые в конце второй мировой войны нашли столь могучее выражение в создании Всемирной федерации профсоюзов, сорвут раскольнические планы обанкротившихся партийных и профсоюзных лидеров — правых социал-демократов — и в конце концов обеспечат небывалую до сих пор солидарность рабочего класса.

Глава 60

ПОЛЕВЕНИЕ МИРОВОГО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Одним из самых примечательных явлений за последние сорок лет, имеющим исключительное значение для мирового рабочего класса, является упадок социал-демократии как ведущей силы в международном рабочем движении. В течение этого периода центр тяжести в руководстве международным рабочим движением быстро перемещается влево — к коммунистам, левым социал-демократам и другим боевым элементам. Эта тенденция называется в области как политического, так и профсоюзного движения. Мировое рабочее движение явно пережило процесс общей политической переориентации.

До первой мировой войны и русской революции лидерами политических и промышленных организаций рабочих во всех основных странах мирового капитализма были по преимуществу правые социал-демократы. Но с тех пор они катастрофически теряют свои стратегические позиции, и руководство мировым рабочим движением неуклонно переходит в руки революционных элементов, главным образом коммунистов. В области профсоюзного движения этот факт наглядно подтверждается, как мы уже отмечали в главах 51 и 57, численным превосходством ВФП, которая объединяет 88 600 тысяч человек, тогда как в МКСП входит всего 54 миллиона человек. Это подчеркивается также гораздо более сильной стратегической позицией ВФП в международном масштабе.

Упадок правого профсоюзного руководства

На фоне все большего упадка правой социал-демократии как руководящей силы в мировом профсоюзном (и политическом) движении ярко вырисовывается тот

факт, что этой силы уже не существует во всех странах социализма и народной демократии, то есть на одной третьей части земного шара. Во всех этих странах профсоюзное движение правого толка вытеснено профсоюзами марксистско-ленинского типа. По мере наступления социализма правый социал-демократизм как в политике, так и в промышленности сходит со сцены. При социализме нет места правой социал-демократии с ее теориями классового сотрудничества, играющими на руку капиталистам. Все народы, решительно вступившие на путь социализма, отбрасывают в сторону социал-демократию, на смену которой приходят левые организации, проводящие политику, отвечающую нуждам трудящихся.

Смысл этого примечательного факта заключается в том, что судьба правой социал-демократии неразрывно связана с судьбой самой капиталистической системы. Они неотделимы друг от друга. В рабочем движении все еще существует социал-демократическое течение, и в социал-демократические организации входит большое число честных рабочих, которых оппортунистическое руководство привязало к колеснице капитализма. Стало быть, когда эта система умирает, вместе с ней гибнет и социал-демократия. Общий кризис капитализма является в то же время общим кризисом социал-демократии. Поскольку общий кризис постепенно ослабляет и в конце концов разрушает капитализм, он также подрывает и постепенно упраздняет социал-демократию. Это один из важнейших политических уроков последнего сорокалетия в истории рабочего движения.

Появление стран социализма и народной демократии нанесло смертельный удар по социал-демократии, так же как и по капиталистической системе. Около 65 миллионов организованных рабочих находится вне контроля МКСП. Сильный удар по социал-демократии нанес также растущий распад колониальной системы империалистических держав. С самого зарождения империализма колонии были главной опорой мирового капитализма, и развитие в них национально-освободительного движения влечет за собой катастрофические последствия для капитализма и его пособников — социал-демократии. В силу давнишней проимпериалистической ориентации социал-демократов им не удалось создать сильных союзов и партий в крупных колониальных и полуколониальных районах. Поэто-

му непосредственно они немного там потеряют. Тем не менее ослабление капиталистической системы в этих районах и рост сильных левых профсоюзов и политических партий являются весьма существенной неприятностью для социал-демократов. В настоящее время правые круги развивают лихорадочную деятельность с целью завербовать себе сторонников в Азии, Латинской Америке и Африке, но здоровое рабочее движение нельзя организовать на основе поддержки и субсидий предпринимателей и политического покровительства империалистических правительств. Наибольшим влиянием среди трудящихся колониальных и полуколониальных районов мира пользуются в основном Коммунистическая и другие левые партии и профсоюзы.

Упразднение социал-демократии в странах социалистической ориентации и ее слабость в колониальном мире — это еще не все. К этому надо прибавить серьезное ослабление ее позиций и на исконной территории социал-демократов — в капиталистических странах самой Европы. В частности, это наблюдается в тех странах, которые особенно страдают от последствий углубляющегося общего кризиса капитализма. Эту тенденцию к ослаблению нельзя остановить с помощью колоссальных субсидий, предоставляемых Соединенными Штатами; эти субсидии порой прямо предназначены для самой социал-демократии. То, что социал-демократия вкупе со всеми ее партиями и союзами позволяет использовать себя в качестве буфера против наступающего социализма, также отнюдь не помогает ей создать сильную организацию в этих странах.

Во Франции и Италии коммунисты и левые социал-демократы прочно заняли руководящее положение в профсоюзном и политическом движении огромного большинства рабочего класса. По словам Вудро Уайдта, «Социалисты во Франции пользуются гораздо меньшей поддержкой рабочего класса, чем до войны... Социалистическую партию поддерживают главным образом гражданские служащие, учителя и другие низшие слои интеллигенции». По поводу Италии он говорит: «В настоящее время сарагатовская группа социалистов (правые) практически не пользуется никакой поддержкой рабочего класса»¹. Это объясняется тем, что в этих странах, сильно затронутых общим кризисом капитализма, правые со-

циал-демократы оказались банкротами, не сумев обеспечить конструктивное руководство рабочими, которые находятся в очень тяжелых условиях. В Западной Германии, несмотря на совместные старания социал-демократов и союзных военных властей раздавить всякую оппозицию, боевой дух в среде немецких рабочих все еще очень силен, о чем свидетельствуют крупные забастовки последних лет.

В Великобритании правое руководство издавна наталкивается на сильное сопротивление как в промышленности, так и в политической области. Обычно такую позицию занимает свыше одной трети делегатов съездов лейбористской партии и конгрессов БКТ, а иногда и значительно больше². На конгрессе Британских тред-юнионов в сентябре 1955 года генеральный совет собрал в среднем 4 141 тысячу голосов, а оппозиция — 3 271 тысячу (Р. П. Датт, «Лейбор мансли». Октябрь 1955 года). В тот момент, когда пишутся эти строки, лейбористская партия переживает кризис. На последних национальных выборах она потеряла 1 500 тысяч голосов, потерпев самое серьезное поражение после 1931 года. В соответствии с общей стратегией социал-демократии правое руководство ищет предлога, чтобы исключить из партии сильную группу сторонников Бивена. В других европейских рабочих движениях также существуют аналогичные левые оппозиции, несмотря на все старания прожженной бюрократии подавить их. А в крупнейшей империалистической стране Дальнего Востока — в Японии широкое профсоюзное движение (см. главу 54) имеет явно левую ориентацию.

Оплот правой социал-демократии сейчас те страны, которые пока наименее затронуты общим кризисом капитализма. Это Скандинавия и в первую очередь Соединенные Штаты. В лице профсоюзной бюрократии Минни и большинства крупных профсоюзов Соединенные Штаты и их ближайший сосед Канада располагают самой сильной и богатой, а также самой консервативной секцией социал-демократии. С помощью своей печати, посредством подкупов и политических махинаций и даже с помощью законов (см. например, закон Тафта—Хартли, запрещающий коммунистам занимать официальные посты в союзах) капиталисты определенно стараются сохранить это консервативное руководство у власти.

Дело в том, что такие руководители, принося в жертву интересы рабочего класса, постоянно осуждают марксизм и расточают похвалы капиталистической системе. Они непримиримые враги СССР, народного Китая и стран народной демократии. Они безоговорочно поддерживают все буржуазные войны независимо от их целей; они используют свое большое влияние, чтобы удержать рабочих в республиканской и демократической партиях, и мешают им создать рабоче-фермерскую партию; они соглашаются на колоссальное увеличение цен промышленниками, которое сводит на нет повышение заработной платы, достигнутое профсоюзами (примером может служить борьба за повышение заработной платы, которую вели в 1955 году союз рабочих автомобильной промышленности, сталелитейщики и горняки); они внушают рабочим всевозможные предрассудки, с помощью которых класс предпринимателей стремится поддержать свое классовое господство; они подрывают боевой дух рабочих — словом, они систематически используют свою тактику классового сотрудничества, чтобы подчинить рабочий класс воле класса предпринимателей и его стремлению к наживе. Вследствие этого предприниматели, хотя и ненавидят профсоюзы в целом, но консервативных профсоюзных лидеров они рассматривают как своих друзей и союзников (какими они и являются) и энергично поддерживают их власть над профсоюзами, особенно в условиях роста левых организаций. Задача растущего левого крыла заключается в том, чтобы разорвать связь между консервативными профсоюзными лидерами и широкими профсоюзными массами.

В декабре 1955 года АФТ и КПП слились в новую федерацию. Существование АФТ — КПП, насчитывающей 15 миллионов членов и являющейся крупнейшей профсоюзной организацией в капиталистическом мире, дает рабочему классу огромные потенциальные возможности для проведения забастовок, ведения политической борьбы и организационной работы. Однако председатель АФТ — КПП Минни вовсе не намерен придавать новой организации боевой характер. Взамен этого он предлагает заключить с крупным капиталом «пакт о ненападении» на базе гармонии интересов капитала и труда. Как сообщала 10 декабря 1955 года газета «Нью-Йорк таймс», в письме председателю Национальной ассоциации промышлен-

ников Мини осудил забастовки, заявив, в частности: «Я лично никогда не бастовал, никогда не руководил и никому не давал указаний руководить забастовкой и никогда не имел никакого отношения к пикетам... У меня нет опыта по этой части».

Социал-демократия сохраняет свою силу в Соединенных Штатах в основном потому, что до сих пор США были слабее затронуты общим кризисом капиталистической системы. В сущности, США жирели за счет лишений народов других капиталистических стран. Но даже в Соединенных Штатах социал-демократия далеко не так сильна, как это может показаться. В американском рабочем классе имеются большие группы недовольных, а экономический кризис 1929—1930 годов показал, что Соединенные Штаты, как один из секторов мирового капитализма, не смогут избежать воздействия общего кризиса капиталистической системы.

Ослабление позиции квалифицированных рабочих

Социал-демократия испытывает на себе не только разрушительное влияние углубляющегося общего кризиса капитализма. Ее ослабляет также и уменьшение роли квалифицированных рабочих в промышленности и профсоюзном движении. Ленин много раз подчеркивал, что социал-демократы издавна опирались на эти наиболее консервативные элементы в рабочем движении. Он характеризует их, как «слой профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской и империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной «рабочей аристократии»³. Этот слой «рабочей аристократии»... служит главным оплотом Второго Интернационала⁴.

Но квалифицированные рабочие все меньше и меньше могут служить прочной опорой для социал-демократии и прежде всего потому, что они в значительной мере утратили свое господствующее положение в промышленности, особенно в ее трестированных отраслях. Прошло то время, когда промышленная рабочая сила состояла из группой высококвалифицированных рабочих наверху и широкой массы необученных рабочих внизу.

Во-первых, профессии, не говоря уже о появлении новых групп специалистов, разделились на более специали-

зированные отрасли, что, кстати, и является главной причиной отмирания системы длительного ученичества. С другой стороны, неквалифицированные рабочие превращаются постепенно в полуквалифицированных, работающих за станком или на конвейере. Превращения, которые претерпевает рабочая сила в Соединенных Штатах (а надо сказать, что эти тенденции более или менее типичны для всех передовых капиталистических промышленных стран), видны из официальных данных правительства США. С 1910 по 1950 год число квалифицированных рабочих-мужчин в общем возросло с 14,5 до 18,6 процента от общего числа всех рабочих. В то же время профессии их подразделились и специализировались, особенно в основных отраслях промышленности. Число полуквалифицированных рабочих увеличилось с 11,2 до 20,1 процента, а неквалифицированных сократилось с 18,2 до 8,5 процента⁵. Но здесь дело не в том, что квалифицированные рабочие вытесняются, а в том, что они утратили свое бывшее монопольное положение. Рост автоматизации еще больше ослабляет их значение. Аналогичные тенденции развиваются и в других странах. «Во Франции из 21 500 рабочих, занятых на заводах Рено, всего 7 тысяч имеют квалификацию и только 500 являются высококвалифицированными работниками»⁶. Вместе с тем квалифицированные рабочие проникаются более радикальными взглядами. Они уже не представляют собой надежной опоры социал-демократов, а тяготеют влево, особенно во Франции и в Италии.

Во-вторых, в соответствии с уменьшением их роли в промышленности квалифицированные рабочие в основном утратили свое прежнее привилегированное положение в отношении заработной платы. В Соединенных Штатах, Великобритании, Германии, Франции и других странах разрыв в оплате квалифицированных и менее квалифицированных рабочих неуклонно сужается. Это, однако, не обязательно означает, что он уменьшается также в денежном выражении. По данным министерства труда, в Соединенных Штатах наблюдается постепенная тенденция к уменьшению разницы между заработной платой квалифицированных и неквалифицированных рабочих. «В 1907 году, например, расценки квалифицированных рабочих были примерно вдвое выше, чем для неквалифицированных. В 1947 году первые расценки превышали

вторые всего в полтора раза. Это значит, что за сорок лет разрыв уменьшился почти наполовину»⁷. В Германии и Скандинавии сужение этого разрыва даже еще заметнее, чем в Соединенных Штатах. А в Великобритании «во многих отраслях обрабатывающей промышленности высшие расценки квалифицированных рабочих всего на 17—20 процентов больше, нежели самые низкие расценки для неквалифицированных рабочих-мужчин»⁸.

Разумеется, такое сравнительно неблагоприятное положение с зарплатой вызывает недовольство квалифицированных рабочих. В Соединенных Штатах они ведут борьбу за выгодное для них процентное увеличение заработной платы вопреки выявившейся после второй мировой войны тенденции производственных профсоюзов категорически отвергать «почасовую» прибавку. Такое равномерное процентное повышение, конечно, значительно увеличило бы разницу в оплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Квалифицированные рабочие требуют (с некоторым успехом) увеличения расценок именно для своих категорий. В Великобритании, заявляет Гарри Поллит, «появляются признаки недовольства со стороны квалифицированных рабочих, которые требуют большей дифференциации в расценках для них и для неквалифицированных рабочих и выдвигают в качестве одного из доводов то обстоятельство, что нынешний уровень заработной платы не дает стимула молодым рабочим осваивать квалифицированные профессии»⁹. Точку зрения Поллита подтвердила вспыхнувшая в июне 1955 года забастовка паровозных машинистов и кочегаров, центральным требованием которых была дифференциация заработной платы.

Если в капиталистических странах повышение специальной производственной квалификации рабочих отнюдь не поощряется, то в странах социализма и народной демократии наблюдается обратная тенденция. В этих странах рабочих всех категорий всемерно поощряют к повышению квалификации.

В-третьих, ослабление позиции квалифицированных рабочих в капиталистической промышленности неизбежно находит свое выражение в уменьшении их влияния в профсоюзном движении. Полвека назад квалифицированные рабочие занимали господствующее положение во всех отраслях рабочего движения. В сущности, с самого

своего зарождения профсоюзы в капиталистических странах (в колониальных странах положение было иным) были в основном организациями квалифицированных рабочих. Их руководители сознательно и цинично заключали с благословения предпринимателей соглашения, ставившие квалифицированных рабочих в привилегированные условия за счет неорганизованных масс.

Но сейчас такого положения нет в общем ни в одной ведущей промышленной стране. За последние десятилетия, особенно со времени возникновения производственных профсоюзов, массовый приток в союзы неквалифицированных и полуквалифицированных промышленных рабочих (а также служащих) определенно привел к тому, что центр тяжести переместился от квалифицированных рабочих к менее квалифицированным. Эти менее квалифицированные работники вовсе не сочувствуют аристократическим притязаниям квалифицированных групп рабочих на контроль над заработной платой, особенно если это ущемляет интересы неквалифицированных. Таким образом возникает тенденция к переходу профсоюзного движения с цеховой основы на основу классовую, что в конечном счете будет иметь катастрофические последствия для интересов Второго Интернационала и его профсоюзной бюрократии.

В старых центрах профсоюзного движения — в Великобритании, Германии и Соединенных Штатах — узкоцеховые союзы, объединяющие преимущественно квалифицированных рабочих, уже не господствуют в рабочем движении, хотя они и не оставили своих попыток в этом направлении. Их руководящая роль перешла к более широким производственным или полупроизводственным союзам: к союзам работников транспорта, моряков, железнодорожников, шахтеров, фабричных рабочих, рабочих автомобильной промышленности, металлургов и другим промышленным группам. Это относится и к Соединенным Штатам, где цеховые союзы все еще сильны. Тем не менее даже в США многие союзы, все еще называющие себя цеховыми организациями, как, например, союзы машинистов, котлостроителей, электриков и другие, образовали филиалы, охватив не только «специалистов», подручных и чернорабочих своей профессии, но также рабочих самых различных предприятий. В Японии, где профсоюзное движение возникло поздно, квалифицированные

рабочие никогда не господствовали в профсоюзном движении, за исключением самого раннего периода.

Ослабление позиции квалифицированных рабочих в промышленности и профсоюзном движении имеет в основном катастрофические последствия для Второго Интернационала и МКСП. Они попытались не без некоторого успеха возместить потери, вовлекая группы полуквалифицированных рабочих и массы служащих в свои организации. Но эти новые силы не в состоянии заменить собой прежнюю квалифицированную рабочую аристократию с ее сильными монополистическими союзами и агрессивными цеховыми методами, которые целиком и полностью отвечали проводимой правыми социал-демократами политике классового сотрудничества. Одна из новых тенденций, проявляющаяся, в частности, в Соединенных Штатах, заключается в том, что крупные предприниматели вместо того, чтобы, как прежде, покровительствовать квалифицированным рабочим за счет неквалифицированных, идут на уступки в области заработной платы для всех членов более сильных союзов за счет более слабых союзов и неорганизованных масс. Поэтому после второй мировой войны такие ведущие союзы, как профсоюз рабочих автомобильной промышленности, союзы сталелитейщиков, возчиков и другие, добились гораздо большего повышения заработной платы, нежели более слабые союзы, не говоря уже о массе неорганизованных рабочих. Это еще больше расширяет пропасть между организованными и неорганизованными рабочими.

Рост гомперсизма в МКСП

Другим серьезным проявлением уменьшения влияния правых в мировом рабочем движении является заметное идеологическое перерождение социал-демократии. Оно достигло таких размеров, что социал-демократы, за исключением левых элементов, в общем считают, что если марксизм когда-то имел известную ценность, то в настоящее время он явно устарел. На практике они отказались даже от своих программ, содержавших требование национализации. По мере обострения всемирного конфликта между умирающей системой капитализма и растущей системой социализма все больше выступает истинное об-

личие социал-демократов как защитников капиталистической системы.

Идеологическое перерождение Второго Интернационала, который отказывается даже от видимости марксизма и переходит к более или менее открытой защите капитализма, находит свое отражение также в МКСП, являющейся профсоюзным крылом этого Интернационала. Это означает использование новых форм классового сотрудничества в профсоюзной области и установление еще более тесных отношений между консервативной бюрократией и предпринимателями. Одной из наиболее известных новых форм классового сотрудничества является практикуемое в Германии «соопределение», о котором говорилось в главе 58. Теодор Лит писал по этому поводу: «Поскольку от классического марксизма в значительной степени отказались как от метода достижения этой цели (социализма), профсоюзы выбросили после войны лозунг «соопределения» и сейчас стремятся не к вытеснению имущих классов, а к полноправному участию во всех важных решениях, затрагивающих отдельное предприятие и экономику в целом»¹⁰.

Такая подмена социализма соопределением представляет собой гомперсовское примирение с капитализмом, модернизированное и приукрашенное с учетом психологии рабочих, привыкших иметь перед собой социалистическую перспективу. Представитель правой социал-демократии Карл Цвинг в своей книге «Соопределение», цитируемой Перлманом, считает, что под соопределением следует понимать «национальную экономику, управляемую не капитализмом и не социализмом, а на основе принципа группового сотрудничества». Комментируя эти слова, Перлман справедливо замечает: «Таким образом, социализм потихоньку снимается с повестки дня на сегодняшний день, а может быть, и навсегда»¹¹. У Перлмана, являющегося ярким приверженцем гомперсовского «прагматического» профсоюзного движения, обладающего «цеховым сознанием», а не классовым сознанием, и приемлющего капитализм в принципе, нет серьезных разногласий с Цвингом и другими немецкими правыми профсоюзными лидерами, хотя Штурмталь, видимо, полагает, что такие разногласия имеются¹².

Тем временем в МКСП обосновались откровенные американские гомперсисты — руководящая группа Ми-

ни, — установившие там свое господство. Подобно своим хозяевам, они являются беззастенчивыми защитниками «свободного предпринимательства». Свыше сорока лет назад Гомперс с его прагматизмом и защитой капитализма задал тон оппортунистической профсоюзной бюрократии. «Движение трудящихся, — заявил он, — в рамках АФТ или вне ее будет развиваться под действием присущего человеку стремления к улучшению своего положения, и куда бы это ни повело, оно будет развиваться, не добиваясь никакой теоретической цели... Мы отказываемся связать наше рабочее движение какой-либо умозрительной философией»¹³. Сущностью этого предложения является безусловное приятие капитализма.

В наши дни верхушка американского профсоюзного движения в основном все еще играет на гомперсовских струнах с той разницей, что она более крикливо ратует за капитализм. Как утверждает Джордж Мини, «наши цели как профсоюзных деятелей скромны, ибо мы не стремимся перестроить американское общество в соответствии с какой-либо доктриной или идеологией. Мы верим в американскую систему извлечения прибылей»¹⁴. Что же касается классовой борьбы, то она объявляется нелепостью. Покойный руководитель КПП Филипп Мэррей весьма симптоматично заявил: «У нас в стране нет классов, поэтому-то марксистская теория классовой борьбы приобрела у нас так мало сторонников. Мы все здесь рабочие»¹⁵.

Руководитель профсоюза сталелитейщиков (КПП), объединяющего свыше миллиона человек, Дэвид Макдональд подкрепил заявление Мэррея, сказав на съезде своего союза в 1954 году: «Мы управляем экономикой, которая представляет собой своего рода акционерное общество». По его словам, сотни тысяч акционеров содержат группу управляющих, которые являются такими же наемными работниками, как и все трудящиеся¹⁶. На этом основании американские профсоюзные лидеры уже говорят о борьбе не между «капиталом и трудом», а между «администрацией и рабочими». Это один из этапов той широкой кампании, которую ведет буржуазия, чтобы придать капиталу вид чего-то необходимого, прогрессивного, респектабельного и священного¹⁷. На практике такая прокапиталистическая позиция особенно ярко проявляется в упорном сопротивлении, которое бюрократия оказы-

вает стремлениям рабочего класса к независимой политической борьбе и организации.

Руководящая верхушка американских рабочих организаций, которая заправляет также в МКСП, не только приемлет капитализм и отрицает классовую борьбу, как это делают сами капиталисты, но и сознательно поддерживает обреченные на провал планы империалистов Уолл-стрита в отношении мирового господства. Стоя в первых рядах поджигателей войны, эти лидеры совершенно согласны (если не мечтают об этом) на мировую войну против «красных» для достижения своих империалистических целей. Нет никакого сомнения, что, если бы этого пожелали капиталисты, они последовали бы за своими капиталистическими хозяевами и к фашизму.

Вполне естественно, что эти консервативные, ратующие за капитализм лидеры американского профсоюзного движения входят в МКСП. Вся разница в том, что, распространяя свою капиталистическую идеологию, они открыто говорят то, что правые профсоюзные лидеры в Англии, Германии, Франции, Бельгии и других странах говорят и делают под прикрытием псевдосоциалистических фраз. Примитивная политика американских профсоюзных деятелей тревожит европейских лидеров не потому, что они не согласны с ними в принципе, а потому, что они возражают против столь грубой буржуазной демагогии и агитации за войну, которые возмущают радикально настроенных и миролюбивых европейских рабочих. Большое недовольство европейских профсоюзных деятелей вызывает также агрессивное стремление американских профсоюзных лидеров прибрать к рукам международное рабочее движение совершенно так же, как монополисты Уолл-стрита стремятся к завоеванию мирового господства.

Господствующее положение американских буржуазных профсоюзных лидеров в МКСП создает все большую угрозу для этой организации. В конечном счете оно должно неизбежно привести к расколу. В МКСП растет сильная оппозиция по отношению к высокомерным американским разжиревшим диктаторам, и эта оппозиция неизбежно будет обостряться. Во всем мире широкие народные массы решительно выступают против попыток Уолл-стрита поработить их, и точно так же рядовые члены

МКСП противятся стараниям группы Мини превратить эту организацию в своего рода профсоюзный филиал американского империализма.

Глава 61

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОГО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

В настоящее время перед рабочими всего мира стоят следующие наиболее жгучие экономические и политические вопросы: борьба за мир и против атомной войны, за демократию против угрозы фашизма, за повышение уровня жизни масс против усиливающейся капиталистической эксплуатации, за освобождение колоний против монополистического империализма и за национальную независимость всех народов против угрозы мирового господства Уолл-стрита. Все эти формы борьбы сливаются в одну величайшую борьбу — борьбу против капитализма и за социализм. Эта борьба является центральной политической проблемой современного периода. Она постепенно становится главной, и исход ее все чаще решается в пользу социализма. Установление социализма во всем мире неизбежно. Рабочие мира неуклонно стремятся к этой великой цели вопреки всем стараниям реакционных социал-демократических лидеров задержать рабочий класс и отвлечь его от этой борьбы.

Две основные причины побуждают рабочих стремиться к социализму: во-первых, умирающая капиталистическая система создает для них невыносимые условия существования, и, во-вторых, рабочий класс всего мира, вдохновляемый марксизмом-ленинизмом, влекут к себе огромные успехи социализма в СССР, народном Китае и странах народной демократии, так как в этих странах сосредоточена треть населения всего земного шара.

Обнищание трудящихся масс

При капиталистической системе производительность труда рабочих колоссально возрастает, но большая часть производимой продукции достается не производителям, а собственническим, эксплуататорским классам. Исторически капитализм поставил энергию пара, машины, элект-

тричество и индустриализацию вообще на службу лишь очень небольшой горстке населения всего мира. Народные массы все еще нуждаются в самом необходимом. Например, в таком крупном капиталистическом городе, как Париж, в половине домов нет уборных, около трех четвертей домов не имеет ванн, а в 25 процентах домов отсутствует водопровод. На долю бывших колониальных и полуколониальных стран мира, охватывающих около 70 процентов населения, приходится всего 5 процентов мировой промышленности. Капитализм тем более не в состоянии использовать в интересах масс огромные возможности, открываемые массовым производством, автоматизацией, электроникой и ядерной энергией. Эти задачи предстоит выполнить социализму.

Карл Маркс указывал более ста лет назад, что капиталистическая система, основанная на присвоении капиталистами прибавочной стоимости, производимой рабочими, неизбежно ведет к обогащению горстки капиталистов и обнищанию широких масс рабочих. Правильность анализа, данного Марксом, была с тех пор подтверждена всем ходом истории мирового хозяйства при капитализме. Поэтому марксизм и играет сейчас в мире столь решающую роль.

Что касается населения Африки, Азии, Латинской Америки и других колониальных и полуколониальных районов, в которых проживает около двух третей всего человечества, то им капиталистическая система не принесла ничего, кроме бедствий, особенно со времени возникновения в последней четверти XIX века империализма. Примитивное промышленное производство этих стран было разрушено, рост их капиталистической экономики задушен, независимость их стран была уничтожена, а трудящиеся обречены на полуголодное существование. В результате в настоящее время в этих районах назревает революция.

До первой мировой войны, как мы уже отмечали, реальная заработная плата рабочих, особенно квалифицированных, в главных капиталистических странах в какой-то степени повышалась. Этим своим «преуспеванием» рабочие были в значительной степени обязаны сверхэксплуатации колониальных народов империалистическими государствами Европы, некоторые крохи которой перепали рабочим. Но первая мировая война и опустошительный кризис 1929—1933 годов тяжело отразились на

уровне жизни рабочих. Кучинский писал в 1936 году: «В настоящее время положение рабочих в Англии, Германии и Франции, несомненно, значительно хуже, чем сорок лет назад. Покупательная способность рабочих меньше, а интенсивность труда гораздо выше»¹. Фашизм и вторая мировая война еще больше подорвали уровень жизни рабочих Европы, Японии и других районов капиталистического мира. Большие налоги, высокие цены и низкая реальная заработная плата — вот участь рабочих сейчас в капиталистических странах. Отражением этого является ряд крупных забастовок, вспыхнувших после войны во Франции, Италии, Германии и Великобритании. Все это расширяет почву для построения социализма, революционизирует мировоззрение рабочих.

Уровень жизни американских рабочих, которые в известном смысле представляют собой рабочую аристократию мирового рабочего класса, несколько выше, чем у их братьев в европейских и колониальных странах. Так, по крайней мере, утверждает в одном из обзоров американского министерства труда, выпущенных в 1952 году, в котором приводятся следующие данные о среднем годовом доходе на душу населения в различных странах (в долларах): Соединенные Штаты — 1 453, Швеция — 780, Великобритания — 773, Дания — 689, Норвегия — 587, Бельгия — 582, Италия — 235². «Большие» заработки американских рабочих нейтрализуются их более высокими производственными нормами, интенсивной потогонной системой труда и меньшей продолжительностью их работы в промышленности. После сорока лет рабочему почти невозможно найти работу на производстве. Фактически американские рабочие получают в процентном отношении очень малую долю производимого ими огромного богатства. «Средняя заработная плата в размере 3 500 долларов в год, — заявляет Льюмер, — на 666 долларов ниже урезанного минимального бюджета, обеспечивающего, по данным бюро трудовой статистики на октябрь 1951 года, здоровый образ жизни семьи из четырех человек»³. Никакими планами продажи акций рабочим, имеющими столь широкое распространение в настоящее время, нельзя изменить это неблагоприятное положение. В 1953 году 69 процентов семей в Соединенных Штатах получали менее 5 тысяч долларов в год, тогда как согласно более реалистическому бюджету Геллера прожиточ-

ный минимум составлял 5 335 долларов. В богатейшем городе мира — Нью-Йорке 2 миллиона человек живут в квартирах, еще полвека назад признанных негодными для жилья, а 300 тысяч человек существуют на пособие.

В Соединенных Штатах, как и во всех капиталистических странах, рабочие получают все меньшую долю того, что они производят. Исчисляя реальную заработную плату и уровень производства, Кучинский показывает, что если взять за 100 1900 год, то уровень жизни американского рабочего упал со 101 в 1885—1897 годах до 71 в 1922—1933 годах⁴. Исследовательская ассоциация по вопросам труда, принимая во внимание такие факторы, как заработок, безработица, уровень цен и производительность, и беря за 100 1939 год, указывает, что за 1939—1952 годы относительное положение американского рабочего ухудшилось до 73,4⁵. Характеризуя этот период, Перло заявляет, что «между 1939 и 1952 годами выработка на одного рабочего увеличилась примерно на одну треть, тогда как его реальная годовая покупательная способность фактически не изменилась»⁶. Между 1949—1952 годами покупательная способность рабочих упала в среднем на 5 процентов. Этим отчасти объясняется рост числа забастовок в Соединенных Штатах. Еще хуже приходится фермерам: уровень цен на сельскохозяйственные продукты упал за период 1945—1955 годов более чем на 25 процентов⁷.

Относительно более высокий уровень жизни американских рабочих по сравнению с другими капиталистическими странами вызывается рядом причин. Он коренится в особых исторических условиях: нехватке рабочих рук для строительства колоссальной промышленности и накоплении богатства в Соединенных Штатах на протяжении минувших двух столетий. Большую роль сыграло в данном случае и то, что Соединенные Штаты избежали опустошений двух мировых войн. Некоторые сомнительные экономические преимущества принесло американским рабочим и господствующее положение Соединенных Штатов в империалистическом мире в течение последних десятилетий. Особенно это относится к настоящему моменту, когда Америка эксплуатирует не только колониальные народы, но также и народы других капиталистических стран. Энгельс и Ленин особо отмечали, что рабочие получают крохи с пиршественного стола империалистиче-

ских эксплуататоров. Основные плоды пожинают квалифицированные рабочие, но кое-что в виде более постоянной занятости перепадает и широким массам рабочего класса. Именно это и происходит сейчас в Соединенных Штатах в небывалых масштабах.

Более высокими заработками американских рабочих и объясняется, в сущности, их относительная консервативность. Это порождает у них буржуазные иллюзии, удерживает их в рядах руководимой монополистическими кругами демократической партии и побуждает терпеть во главе профсоюзного движения таких буржуазных реакционеров, как группа Мини. Но всему этому наступит конец. Это всего лишь отражение нынешнего так называемого процветания американского империализма. Когда для американского монополистического капитала, зажатого в тисках общего кризиса мирового капитализма, наступят тревожные дни — а такие дни, несомненно, наступят, — тогда американский рабочий класс подвергнется быстрой радикализации. Предвестником этого служат великие бои, которые рабочий класс вел во время экономического кризиса 1929—1933 годов и в эпоху Рузвельта с 1933 по 1944 год. В настоящее время американский рабочий класс переживает тот же исторический этап, через который прошли в свое время английские, немецкие и японские рабочие, также отличавшиеся своей консервативностью в период подъема британского, германского и японского империализма.

Углубление общего кризиса капитализма

Радикализация рабочих усиливается всем ходом капиталистического развития. После второй мировой войны общий кризис капитализма (см. главы 28 и 35) сильно обострился⁸. Об этом свидетельствуют дальнейшее отпадение от капитализма гигантских масс людей и территорий и соответственное увеличение социалистического лагеря, охватывающего сейчас 900 миллионов человек; распад империалистического колониализма, а также раскол мира на два больших экономических рынка к большому ущербу капиталистической торговли; разделение государств мира на два политических блока и обострение торгового и другого соперничества между капитали-

стическими державами, пытающимися оправиться от некоторых последствий войны. Общий кризис капитализма находит также свое выражение в ухудшении положения рабочих в капиталистических странах: в наступлении на их жизненный уровень, гражданские свободы и профсоюзные организации. Это ведет к дальнейшей радикализации масс трудящихся в капиталистических странах, которые все менее склонны терпеть тяжелые условия, навязываемые им гнивающим капитализмом.

В настоящее время большинство капиталистических стран испытывает нечто вроде промышленного подъема. Однако подъем этот носит, в сущности, нездоровый характер, так как в основе его лежит восстановление колоссальных повреждений, причиненных войной, удовлетворение вызванного войной сильного товарного голода и проведение широких приготовлений к новой мировой войне. Нынешний «бум» — явление временного порядка, и на смену ему придет серьезный экономический спад, в условиях которого капиталистические державы будут бешено конкурировать между собой из-за ограниченных рынков капиталистического мира. Безработица, уже являющаяся серьезной проблемой в ряде стран, в том числе в Соединенных Штатах, будет продолжать расти. Капитализм будет развиваться в общем по пути обострения общего кризиса капиталистической системы.

Господствующие монополистические круги хорошо знают, что их мировая капиталистическая система в целом находится в опасности, и отчаянно ищут способа устранить растущие трудности. Главной их панацеей является кейнсизм, принятый всеми крупнейшими капиталистическими странами. Эта теория, разработанная английским экономистом Дж. М. Кейнсом, ставит своей целью спасти обветшавшую капиталистическую систему. Суть ее заключается в том, что капитализм с помощью государственных ассигнований на организацию общественных работ в состоянии преодолеть свою хроническую, а ныне ставшую весьма опасной тенденцию порождать в результате перепроизводства все более серьезные экономические кризисы и массовую безработицу. Это величайшая иллюзия капиталистов. Кейнсизм стал экономической теорией мирового монополистического капитализма в период его общего кризиса и упадка⁹.

В основном кейнсистская программа находит свое

применение в производстве вооружений, особенно в Соединенных Штатах. Управляющие этой страной монополисты, на которых лежит ответственность за ежегодное расходование 40 миллиардов или более долларов на построение колоссальной военной машины, имеют в виду двойную цель. Во-первых и главным образом, они создали эту гигантскую военную силу в целях осуществления своих планов завоевания мира (см. главу 50) и, во-вторых, в производстве огромного количества пушек, самолетов, кораблей и т. п. они видят прекрасное средство сохранить свои нынешние баснословные прибыли и предотвратить экономический крах, который может иметь для них губительные политические последствия. Кейнсиистская концепция обеспечения работы и прибылей переносится также и на другие отрасли — строительство дорог, борьбу с наводнениями и т. п., — и мы можем ожидать также расширения программы «IV пункта» в слабо развитых странах, опять-таки на основе больших государственных ассигнований и кредитов.

Однако главный порок кейнсизма заключается в том, что он не упраздняет основного зла, порождающего экономические кризисы и массовую безработицу, а именно — присвоения капиталистами в форме прибылей ренты и процентов огромной доли того, что производится рабочими. Напротив, он лишь обостряет в конечном счете это основное противоречие капитализма, позволяя капиталистам получать еще большие прибыли, ренту и проценты за счет покупательной способности рабочих. Так, во время второй мировой войны прибыли американских капиталистов составили после вычета налогов баснословную сумму в 52 миллиарда долларов.

Все проекты монополистического капитала, рассчитанные на обеспечение работы и производство вооружений, базируются на принципе извлечения максимальной прибыли. Можно представить себе, какие разнузданные формы примет это обеспечение максимальной прибыли, если правительство осуществит предложенный Эйзенхауэром план строительства дорог, по которому предполагается затратить 101 миллиард долларов, или план общественных работ стоимостью в 200 миллиардов долларов, как будто предусматриваемый правительством. Это обостряет противоречие между производственной мощностью капиталистической промышленности и ограничен-

ной емкостью рынка, который должен поглотить продукцию этой промышленности.

Осуществление колоссальных кейнсистских проектов поддержания промышленности с помощью расширения государственных и частных кредитов задержало на некоторое время наступление серьезного кризиса американской экономики (хотя после второй мировой войны она пережила три небольших кризиса) ¹⁰. Но конечный крах лишь несколько отодвигается. При кейнсистском дефицитном финансировании общая сумма частной и государственной задолженности возросла с 408,3 миллиарда долларов в 1945 году до 605,5 миллиарда долларов в 1954 году. Государственный долг составил баснословную сумму — 290 миллиардов долларов. Сильно увеличились также долги штатов и городов, выросшие за период 1945—1954 годов с 13,7 миллиарда долларов до 33,3 миллиарда долларов. Задолженность по продаже в рассрочку достигла небывало высокой цифры в 30 миллиардов долларов. Промышленность раздута до невероятных размеров, и вся экономическая система перенапряжена до крайности в результате разросшейся системы кредитования. Для рабочих этот воинствующий инфляционный кейнсизм означает в конечном счете повышение цен и налогов, снижение реальной заработной платы, рост безработицы, новые полчища капиталистических паразитов, живущих на проценты с новых государственных и частных долгов, рост опасности войны и фашизма. Очевидно, что это все равно, что сеять ветер, то есть закладывать основу опустошительного экономического краха.

Одна из характерных черт этого периода упадка капитализма заключается в том, что профсоюзные движения крупнейших капиталистических стран разрабатывают детальные экономические программы с целью защиты рабочих от циклических кризисов, массовой безработицы и других случайностей, которым подвергает их умирающий капитализм. Рабочие вели борьбу за выплату пособий по безработице уже на самых первых этапах британского тред-юнионизма; организация больших общественных мастерских для обеспечения работой безработных была одним из центральных требований французской революции 1948 года, и Фонер указывает, что американские рабочие требовали организации общественных работ и выплаты пособий по безработице еще в период экономи-

ческого кризиса 1837 года¹¹. Но сейчас эти экономические программы разработаны гораздо шире и детальнее, чем когда-либо в прошлом.

Из этой борьбы и из всей истории рабочего движения рабочие должны извлечь тот главный урок, что в своей борьбе против экономических кризисов и массовой безработицы, в своих различных программах повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, расширения системы социального обеспечения, улучшения систем здравоохранения и просвещения, в своих требованиях организации различных государственных общественных работ они должны неуклонно стремиться к тому, чтобы поразить зло в самое сердце. Иными словами, их удар должен быть направлен против капиталистических прибылей, против собственности предпринимателей на промышленность и их контроля над правительством. Рабочие должны возложить бремя налогов на предпринимателей, установить контроль над ценами, уменьшить прибыли и всеми другими способами бороться с эксплуатацией рабочих капиталистами. Экономическая программа рабочих — это программа классовой борьбы в противовес кейнсистой программе классового сотрудничества. Без этой активной борьбы рабочие не смогут защитить себя от наступления в конечном счете экономического кризиса, который примет катастрофические размеры. Суровая логика этой политической действительности и программы должна привести рабочих к введению налога на капитал, к национализации и в конце концов к уничтожению капитализма и построению социализма. Другого способа покончить с экономическими кризисами не существует.

Стараясь с помощью кейнсизма сохранить капитализму жизнь и максимальные прибыли, монополисты Соединенных Штатов в то же время подготавливают план установления господства американского капитала во всем мире. Они хотят превратить Вашингтон в столицу мира и избавиться от социализма и рабочих движений. Это перспектива фашизма и войны, и именно этим объясняется, почему они так настойчиво раздувают и продолжают «холодную войну». Мировое господство — бредовая и совершенно неосуществимая мечта, попытка осуществить которую военным путем может привести народы мира лишь к массовой бойне, американских капиталистов к полному поражению, а мировую капиталистическую систему к

окончательному краху. Рабочие мира не заинтересованы в подобной массовой бойне. Они стремятся достигнуть в конечном счете социализма мирными средствами. Для этого у них достаточно сил, и нужна только воля проявить их. Главная их задача в настоящий период — предотвратить бедственную войну, задуманную Уолл-стритом и его агентами в Вашингтоне.

Вдохновляющая сила социализма

Ухудшение экономического и политического положения больше всего способствует радикализации рабочих, толкая их на путь, ведущий к социализму. Но это еще не все. Здесь играет роль и стремление рабочих к созданию нового, лучшего общества. Рабочие не просто пассивно ожидают, пока капитализм не принудит их к действиям. Наиболее передовые их слои, левые круги, ставят перед собой социалистические задачи и неустанно стремятся к их решению при любых условиях. Широкие массы все больше переходят на эту революционную позицию левых и во всей своей борьбе вокруг ближайших требований проявляют тенденцию сознательно стремиться к социализму. Такую идеологическую эволюцию претерпевают рабочие во всем мире.

Тяготение масс к социализму колоссально усилилось с зарождением в 1917 году Советского Союза, а затем, после второй мировой войны, стран народной демократии в Европе и Азии. Несмотря на все старания наемных писак и адвокатов капитализма скрыть от рабочих эти революционизирующие факты, рабочие все яснее видят, что социализм несет народам быстрый рост их промышленных систем во всех районах мира, далеко превосходящий все достижения капитализма, и что уничтожение эксплуатации человека человеком вызывает повышение уровня жизни во всем социалистическом лагере. Рабочие всего мира убеждаются также в том, что социализм означает конец войнам, уничтожение безработицы, развитие широких систем социального обеспечения, надежно защищающих рабочих от всех финансовых случайностей, быстрый рост уровня жизни, рост культуры, намного превосходящей все известное в этой области при капитализме, и развитие народных свобод и подлинной народной демократии, бесконечно превосходящей искаженную и урезанную бур-

жуазную демократию капитализма. При социализме создается не только новое общество, но и воспитывается человек нового типа. Социалистический мир на целую общественную эпоху опередил капиталистическую систему.

Револуционизирующий пример Советского Союза, народного Китая и других социалистических стран, развивающих свою промышленность и улучшающих положение своих народов, оказывает колоссальное влияние на рабочих в капиталистических странах и на народы колониальных стран, вдохновляя их на борьбу за улучшение своего положения и побуждая стремиться к новой жизни. Они больше не хотят, чтобы на них смотрели или их использовали как рабочий скот и пушечное мясо, созданное для того, чтобы служить господствующему капиталистическому классу. Вдохновляющая сила этого великого революционного примера будет колоссально возрастать по мере дальнейшего развития социалистических институтов в различных странах. Особенно так будет, когда трудящиеся массы всего мира, обуздав политическими средствами империалистических поджигателей войны, получат возможность положить конец большим военным расходам, навязанным социалистическим странам капиталистической «холодной войной», и использовать все эти ресурсы для расширения своей промышленности и повышения материального благосостояния и культуры народов.

Исторические результаты профсоюзного движения

С самого зарождения рабочего движения, примерно два века назад, рабочие всего мира провели буквально сотни тысяч забастовок, бесчисленные политические бои и вели непрерывную разъяснительную работу и организационные кампании. Они участвовали во многих буржуазных революциях, а за последние десятилетия бок о бок с крестьянством и другими союзниками принимали также участие в многочисленных пролетарских и колониальных освободительных революциях. В течение всей этой долгой борьбы рабочие проявили беспримерное мужество и стойкость. Множество рабочих было брошено в тюрьмы, иные пали жертвами наемных убийц или палачей. Неодолимое поступательное движение мирового рабочего класса — это величайшая эпическая поэма в истории мира.

За эту свою долгую и ожесточенную борьбу рабочие

одержали много побед. При капитализме, несмотря на яростное сопротивление капиталистов, они добились права участвовать в регулировании шкалы заработной платы и воспрепятствовали падению реальной заработной платы в капиталистических странах до уровня, существующего в колониях, что, в сущности, является идеалом капиталистов. Они добились почти повсеместного снижения продолжительности рабочего дня промышленных рабочих с двенадцати—шестнадцати часов до восьми часов и меньше. Они приобрели право голоса в большинстве капиталистических стран и поднимали свой голос во всех парламентах мира. Они вели борьбу с неграмотностью и добились по меньшей мере минимального всеобщего обучения. Они добились также нового признания прав женщин. Они создали системы социального обеспечения, здравоохранения и охраны труда, которые в какой-то мере облегчили тяжелое положение зверски эксплуатируемых трудящихся. Они организовали сильнейшее антивоенное движение. Но вершиной всех этих завоеванных в упорной борьбе побед явилось то, что рабочие Советского Союза, народного Китая и многих стран народной демократии Восточной Европы и Азии достигли высшей цели рабочего движения, свергнув власть капиталистов и заложив фундамент социализма и в конечном счете коммунизма.

Маркс много лет назад указывал, какое огромное значение имеют организация и опыт, приобретаемые рабочими в ходе классовой борьбы. Их величайшей победой в этом отношении была разработка марксизма, представляющего собой совершенно новое научное мировоззрение. Это мировоззрение было основой их революционных побед в прошлом и является ключом ко всему их будущему. Эта великая пролетарская философия все время постоянно развивается и углубляется коммунистическими партиями. Рабочее движение добилось колоссальных достижений не только в идеологической области. Наряду с этим оно построило замечательную организацию в виде многомиллионных коммунистических, рабочих и левых социал-демократических партий, в виде массового профсоюзного движения и колоссальных кооперативных, молодежных и женских организаций, а также организации сторонников мира. Капиталисты организовали много мощных трестов и объединений предпринимателей, но рабочие превзошли их, создав свои грандиозные экономические и политические

организации. А над всем этим мировым пролетарским движением возвышается организованная государственная мощь многих стран, которые уже вступили на путь социализма.

Исторические достижения мирового рабочего движения нельзя измерять только количеством мероприятий по охране жизни рабочих в капиталистических странах, какими бы важными они ни были. Конечным мерилom является то, в какой степени рабочим всего мира удалось положить конец самой капиталистической системе и построить вместо нее систему научного социализма. Эта революционная задача является высшей целью мирового пролетариата, целью, к которой неуклонно движется вся его история, столь насыщенная борьбой и жертвами. Все дороги ведут к коммунизму.

Хотя временами, иногда целыми десятилетиями, развитие международного рабочего движения казалось мучительно медленным, в историческом смысле оно было быстрым. Особенно быстро оно развивалось в течение последних пятидесяти лет со времени возникновения монополистического капитала и империализма. В начале XX века мировое рабочее движение было еще слабым, социалистические партии относительно малочисленны, первые коммунистические партии еще не появились, а профсоюзы, не объединявшие и 10 процентов нынешнего числа своих членов, еще не создали своего интернационала.

Высокомерным капиталистам той эпохи, безраздельно властвовавшим в мире, социализм представлялся небольшой опасностью, крохотным облачком на сияющем горизонте международного капитализма. Но как изменилось положение с тех пор! Сейчас восходящее солнце социализма освещает все небо. Треть мира либо построила, либо строит у себя социализм, а капиталистическая система опускается в пропасть общего кризиса и загнивания.

В наши дни социалистические страны мира гораздо сильнее по своей экономической и политической структуре, нежели страны капиталистические. Они также сильнее в военном отношении, гораздо тверже в идейном отношении и обгоняют капитализм в других областях. Социалистические рабочие мира гораздо быстрее, чем это принято думать, осуществляют знаменитый ленинский лозунг — догнать и перегнать капитализм в промышленной и дру-

гих областях. Международная буржуазия чувствует это и напугана до смерти.

Ясно, что социализм становится сейчас сильнейшей системой мира. По мере того как экономические, политические и идеологические преимущества социализма будут расти и это будет становиться все более ясным народам всего мира, темпы развития мира к социализму будут ускоряться. Как бы быстро ни развивался социализм за последние полвека, можно с уверенностью предсказать, что в последующие годы этого насыщенного событиями XX века темпы развития вырастут еще больше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Глава 1

1. Маркс К. Капитал. Т. III. М., 1951, стр. 345-346.
2. William Grant. Trade Unions, Washington, D. C., 1915.
3. Encyclopaedia Britannica. vol. 10. p. 936, N. Y. 1950.
4. Henry Creange. The Guilds of America, N.Y., 1934.
5. Adam Smith. The Wealth of Nations, p. 124, N. Y., 1937.
6. John R. Commons and Associates. History of Labor in the United States, vol. 1, p. 46, N.Y., 1918.
7. Philip S. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 26, N.Y., 1947.
8. Maurice Dobb. Studies in the Development of Capitalism, p. 207, N. Y., 1947.
9. Harold Underwood Faulkner. American Political and Social History, p. 54, N. Y., 1937.
10. Маркс К. Капитал. Т. III. М., 1951, стр. 346.
11. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е, М.

Глава 2

1. John Eaton. Political Economy, p. 4, N. Y., 1949.
2. Dobb. Studies in the Development of Capitalism, p. 118.
3. Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1951, стр. 356.
4. Eaton. Political Economy, p. 43.
5. Dobb. Studies in the Development of Capitalism, p. 265.
6. Jurgen Kuczynski. A Short History of Labour Conditions in Germany, 1800 to the Present Day, p. 70. London. 1945.
7. Dobb. Studies in the Development of Capitalism, p. 227.
8. H. de B. Gibbins. Industry in England, p. 430, N.Y., 1910.
9. Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1951, стр. 737.
10. Ralph Flenley. Modern German History, p. 152, N. Y., 1953.
11. Carrol D. Wright. Industrial Evolution in the United States, N. Y., 1895.
12. Louis M. Hacker. The Triumph of American Capitalism, p. 98, N. Y., 1940.
13. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 19.

14. William Z. Foster. Outline Political History of the Americas, pp. 71-74, N. Y., 1951.
15. John A. Crow. The Epic of Latin America, p. 157, N. Y., 1946.
16. The Columbia Encyclopedia, p. 1368, N. Y., 1947.
17. W.E.B. Du Bois. The Negro, p. 145, N.Y., 1915.
18. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 5. М., 1930, стр. 366.

Глава 3

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 41.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 32.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 86.
4. Jurgen Kuczynski. Labor Conditions in Western Europe, p. 58, N. Y., 1936.
5. Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1949, стр. 460.
6. George D. H. Cole and Raymond Postgate. The British Common People, 1746—1938, p. 86, N.Y., 1947.
7. Encyclopaedia Britannica, vol. 6, p. 383.
8. Cole and Postgate. The British Common People, 1746-1938, p. 108.
9. Sidney and Beatrice Webb. History of Trade Unionism, pp. 87-88, N. Y., 1920.
10. Encyclopaedia Britannica, vol. 14, pp. 468-69.
11. Cole and Postgate. The British Common People, 1746-1938, p. 195.
12. S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism, p. 2.
13. *Ibid.*, p. 28.
14. *Ibid.*, p. 83.
15. Allen Hutt. British Trade Unionism, p. 10, N. Y., 1953.
16. Walter M. Citrine. The Trade Union Movement of Great Britain, p. 5, Amsterdam, 1926.
17. Henry Somerville. Why the Guilds Decayed, New York.
18. S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism, p. 17.
19. *Ibid.*, p. 14.
20. George D. H. Cole. A Short History of the British Working Class Movement, p. 13, London, 1948.
21. Sen Katayama. The Labor Movement in Japan, Chicago, 1918.

Глава 4

1. The Columbia Encyclopedia, p. 1468.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 181. Примечание.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. М., 1948, стр. 341.
4. Encyclopaedia Britannica, vol. 16, pp. 980-81.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 240.
6. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. I, p. 173.
7. Hutt. British Trade Unionism, p. 17.
8. *Ibid.*
9. S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism, pp. 725-32.

10. *Ibid.*, p. 135.
11. Cole and Postgate. The British Common People, 1746-1938, p. 233.
12. Theodore Rothstein. From Chartism to Labourism, p. 8, N. Y., 1929.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 233.
14. Об истории чартистского движения см. Энгельс. Положение рабочего класса Англии в 1844 г. В кн.: Маркс и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952; Rothstein. From Chartism to Labourism; S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism.
15. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 429.
16. Kuczynski. Labor Conditions in Western Europe, p. 60.
17. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 25.

Г л а в а 5

1. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 19.
2. *Ibid.*, p. 24.
3. J. B. McMaster. History of the People of the United States, vol. 1, p. 96, N. Y., 1895.
4. Herbert Aptheker. American Negro Slave Revolts, N. Y., 1943.
5. R. B. Morris. Political Science Quarterly, March 1937.
6. Wright. Industrial Evolution of the United States, p. 202.
7. Ernest Ludlow Bogart. Economic History of the United States, p. 146, N. Y., 1908.
8. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 102.
9. Commons and Associates. History of Labor in the United States, vol. 1, p. 169.
10. F. T. Carlton. Organized Labor in American History, p. 70, N. Y., 1920.
11. U.S. Department of Commerce, Historical Statistics of the United States, 1789—1945, p. 109, Washington, D.C., 1949.
12. C. H. Wesley. Negro Labor in the United States, p. 14, N. Y., 1927.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XII. Ч. II. М.-Л., 1934, стр. 250.
14. Herbert Aptheker. The Labor Movement in the South During Slavery, N. Y., 1955.
15. Aptheker. American Negro Slave Revolts.
16. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 131.
17. Hacker. The Triumph of American Capitalism, p. 279.
18. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 218.
19. William Z. Foster. History of the Communist Party of the United States, pp. 26-49. N. Y., 1952.
20. Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1951, стр. 306.
21. Harold Underwood Faulkner. Readings in the Economic and Social History of the United States, p. 334, N. Y., 1929.

22. *Ibid.*, p. 401.
23. Hacker. The Triumph of American Capitalism, p. 252.
24. Faulkner. Readings in the Economic and Social History of the United States, p. 347.
25. Commons and Associates. History of Labor in the United States, vol. 1, p. 614.
26. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 344.

Глава 6

1. Kuczynski. A Short History of Labor Conditions in Germany, p. 23.
2. Heinrich Farwig. Der Kampf um die Gewerkschaften, p. 53, Moscow, 1929.
3. Flenley. Modern German History, p. 165.
4. Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1951, стр. 433 и Примечание.
5. Dr. S. Nestriepke. Die Gewerkschafts-Bewegung, vol. 1, p. 137, Stuttgart, 1919.
6. Karl Zwing. Die Geschichte der deutschen freien Gewerkschaften, p. 6, Jena, 1922.
7. August Bebel. Labor Unions and Political Parties, p. 224, Milwaukee, 1906.
8. Franz Mehring. Geschichte der Deutschen Sozialdemokratie, vol. 2, p. 31, Stuttgart, 1924.
9. E. W. Campbell. Historical Background of the World Trade Union Movement, p. 33, Sydney, 1944.
10. Jean Chanove. De L'Avenir du Corporatisme a la Lumière du Passé, p. 178, Paris, 1948.
11. Georges Lefranc. Histoire du Mouvement Syndical Français, p. 39, Paris, 1937.
12. *Ibid.*, p. 68.
13. Jean Bruhat. Histoire du Mouvement Ouvrier Français, p. 241, Paris, 1952.
14. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. II. М., 1948.
15. M. Kritsky. L'Evolution du Syndicalisme en France, p. 43, Paris, 1908.
16. Louis Levine. Syndicalism in France, pp. 26-33, N. Y., 1914.
17. Val R. Lorwin. The French Labor Movement, p. 6, Cambridge, 1954.
18. Encyclopaedia Britannica, vol. 3, p. 697.
19. Giorgio Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, p. 11, Rome, 1950.
20. Charles Adams Gulich. Austria from Hapsburg to Hitler, pp. 17-25, Berkeley, 1948.
21. L. Delsinne. International Labor Review, May 1950.
22. Лозовский А. Профсоюзы и Октябрьская революция. Харьков, 1923, стр. 8.
23. F. G. Churchward. Science and Society, Spring 1953.
24. Betty Wallace. World Labour Comes of Age, p. 27, London.
25. H. A. Marquand and Others. Organized Labour in Four Continents, p. 407, London, 1939.
26. James Connolly. Labor in Irish History, p. 75, N. Y., 1919.

Глава 7

1. Founding of the First International, N. Y., 1937.
2. Стеклов Ю. М. Первый Интернационал. Госиздат, 1923, стр. 59-61.
3. Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1949, стр. 222-223.
4. Ленин В. И. Сочинения. Т. 21. М., 1949, стр. 45-46.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. М., 1948, стр. 9.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. М., 1948, стр. 322.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. II. М., 1948, стр. 343-344.
8. Лозовский А. Карл Маркс и профсоюзы. М., Профиздат, 1934.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. М., 1948, стр. 401.
10. Resolution, London Conference of I.W.A., September 1871, written by Marx.
11. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. М., 1948, стр. 406.
12. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. М., 1948, стр. 345.
13. Там же, стр. 344-345.

Глава 8

1. Стеклов Ю. М. Первый Интернационал. Госиздат, 1923, стр. 159.
2. Лозовский А. Карл Маркс и профсоюзы. М., Профиздат, 1934, стр. 40.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XXIII. М.-Л., 1930, стр. 249.
4. Bebel. Labor Unions and Political Parties, p. 227.
5. Nestriepke. Die Gewerkschafts-Bewegung, vol. 1, p. 182.
6. Стеклов Ю. М. Первый Интернационал., Госиздат, 1923, стр. 156.
7. Kritsky. L'Evolution du Syndicalisme en France, p. 98.
8. Levine. Syndicalism in France, p. 43.
9. Lewis L. Lorwin. Labour and Internationalism, p. 46, Washington, D.C., 1929.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. М., 1948, стр. 444.
11. Lefranc. Histoire du Mouvement Syndical Français, p. 145.
12. P. O. Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871, pp.303-59, Paris, 1929.
13. Lefranc. Histoire du Mouvement Syndical Français, pp. 166-68.
14. Levine. Syndicalism in France, p. 47.

Глава 9

1. Лозовский А. Карл Маркс и профсоюзы. М., Профиздат, 1934, стр. 26.
2. Там же, стр. 25.

3. Стеклов Ю. М. Первый Интернационал. Госиздат, 1923, стр. 252.
4. H. I. Gualtieri. The Labor Movement in Italy, p. 79, N. Y., 1946.
5. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, p. 19.
6. Industrial and Labor Relations Review, Ithaca, October 1951, Cornell.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. X. М.-Л., 1933, стр. 677, 717; Т. XV, стр. 107.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XV. М.-Л., 1933, стр. 113.
9. Salvador Madariaga. Spain, p. 121, N. Y., 1943.
10. Robert Barreau. Le Syndicalism en Espagne, p. 12, Toulouse, 1934.
11. R. Palme Dutt. The Labour International Handbook, p. 291, London, 1921.
12. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XV. М.-Л., 1933, стр. 124.
13. Стеклов Ю. М. Первый Интернационал. Госиздат, 1923, стр. 276-279.

Глава 10

1. Charlotte Todes. William H. Sylvis and the National Labor Union, N.Y., 1942.
2. Foner. History of the Labor Movement in the United States.
3. *Ibid.*, p. 374.
4. James S. Allen. Reconstruction, the Battle for Democracy, N. Y., 1937.
5. Wesley. Negro Labor in the United States, p. 132.
6. W.E.B. Du Bois. Black Reconstruction, p. 355, N. Y., 1935.
7. Wesley. Negro Labor in the United States, pp. 173-89.
8. Commons and Associates. History of Labor in the United States, vol. 1, p. 526.
9. Hacker. The Triumph of American Capitalism, p. 339.
10. Faulkner. Readings in the Economic and Social History of the United States, p. 204.
11. Samuel Gompers. Seventy Years of Life and Labor, vol. 1, p. 61, N. Y., 1925.
12. Стеклов Ю. М. Первый Интернационал. Госиздат, 1923, стр. 163-166.
13. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 431.
14. *Ibid.*, p. 440.
15. H. Schlueter. Die Internationale in Amerika, N. Y., 1880.
16. John R. Commons. History of American Industrial Society, vol. 9, p. 352. Cleveland, 1910.
17. Gompers. Seventy Years of Life and Labor, vol. 1, p. 60.

Глава 11

1. Christopher Hill. Science and Society, Winter 1948.
2. *Ibid.*
3. Foster. Outline Political History of the Americas, pp. 121-74.
4. Ленин В. И. Сочинения. Т. 28. М., стр. 44.
5. George E. McNeil. The Labor Movement, p. 71, N. Y., 1891.

6. See. Samuel Bernstein. Science and Society, Winter 1937—1938.
7. Bruhat. Histoire du Mouvement Ouvrier Français, pp. 141-52.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. М., 1948, стр. 111-112.
9. Там же, стр. 117.
10. Там же, стр. 218.
11. Там же.
12. Там же. См. Гражданская война во Франции.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. VI. Революция и контрреволюция в Германии, стр. 13-110.
14. Encyclopaedia Britannica, vol. 10, p. 282.
15. Маркс и Энгельс Ф. Сочинения. Т. VI. 1930.
16. William Z. Foster. The Negro People in American History, N. Y., 1954.
17. Herbert Aptheker. To Be Free, N. Y., 1948; Du Bois. Black Reconstruction; Carter G. Woodson. The Negro in Our History, Washington, D. C. 1947.
18. Allen. Reconstruction.
19. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XII. Ч. II. М.-Л., 1934, стр. 1-230.
20. Herman Schlueter. Lincoln, Labor and Slavery, pp. 186-201, N. Y., 1913.

Глава 12

1. Dobb. Studies in the Development of Capitalism, p. 300.
2. Figures Compiled by the Cleveland Trust Company, 1953.
3. Dobb. Studies in the Development of Capitalism, p. 191.
4. Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1949, стр. 345, 351.
5. Cole. A Short History of the British Working Class Movement, p. 17.
6. Маркс К. К критике политической экономии. М., 1949, стр. 16.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 155.
8. Gibbins. Industry in England, p. 330.
9. Cole and Postgate. The British Common People, 1746—1938, p. 133.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 44.
11. U.S. Department of Commerce, Historical Statistics of the United States, 1789—1945, p. 63.
12. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952. стр. 97.
13. S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism, pp. 358-75.
14. Zwing. Die Geschichte der deutschen freien Gewerkschaften, p. 26.
15. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 115.
16. S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism, p. 336.
17. Mary Beard. A Short History of the American Labor Movement, pp. 97-103, N. Y., 1920.
18. Cole. A Short History of the British Working Class Movement, p. 135.

Глава 13

1. Ленин В. И. Сочинения. Т. 22. М., стр. 253.
2. Jeremiah Whipple Jenks and Walter E. Clark. The Trust Problem, p. 17, N. Y., 1929.

3. Anna Rochester. Rulers of America, p. 22, N. Y., 1936.
4. Eaton. Political Economy, p. 150.
5. *Ibid.*, pp. 147-48.
6. Ленин В. И. Сочинения. Т. 22, М., стр. 244.
7. Лозовский А. Карл Маркс и профсоюзы. М., Профиздат, 1934, стр. 95-97.
8. Alexander Trachtenberg. History of May Day, N. Y., 1947.

Глава 14

1. Zwing. Die Geschichte der deutschen freien Gewerkschaften, p. 34.
2. Farwig. Der Kampf um die Gewerkschaften, p. 92.
3. Samuel P. Orth. Socialism and Democracy in Europe, p. 132, N. Y., 1913.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. II. М., 1948. См. Маркс К. Критика Готской программы.
5. *See both documents, Wilhelm Liebknecht. Socialism, Chicago.*
6. Farwig. Der Kampf um die Gewerkschaften, p. 112.
7. Zwing. Die Geschichte der deutschen freien Gewerkschaften, p. 47.
8. Paul Barthel. Handbuch der Deutschen Gewerkschaftkongresse, p. 301, Dresden, 1916.
9. Nestriepke. Die Gewerkschafts-Bewegung, vol. 1, p. 268.
10. Farwig. Der Kampf um die Gewerkschaften, p. 129.
11. Barthel. Handbuch der Deutschen Gewerkschaftkongresse, p. 82.
12. Paul Umbreit. 25 Jahre Deutschen Gewerkschaftsbewegung, 1890—1915, p. 180, Berlin, 1915.
13. Kuczynski. Labor Conditions in Western Europe, p. 75.
14. *Ibid.*, p. 96.
15. Kuczynski. A Short History of Labor Conditions in the United States, p. 154, London, 1943.

Глава 15

1. Eaton. Political Economy, p. 135.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948, стр. 105.
3. Rothstein. From Chartism to Labourism, p. 321.
4. S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism, p. 321.
5. *Ibid.*, p. 321.
6. *Ibid.*, pp. 380-83.
7. *Ibid.*, p. 384.
8. Hutt. British Trade Unionism, p. 39.
9. S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism, p. 374.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952, стр. 28.
11. S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism, p. 375.
12. Tom Mann. From Single Tax to Syndicalism, London, 1913.
13. Hutt. British Trade Unionism, p. 45.
14. Cole and Postgate. The British Common People, 1746—1938, p. 406.
15. Wallace. World Labor Comes of Age, p. 20.
16. *Ibid.*, p. 28.

Глава 16

1. The Economic Almanac, 1948, p. 9.
2. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, pp. 465-69.
3. Samuel Yellen. American Labor Struggles, pp. 101-30, N. Y., 1936.
4. Anthony Bimba. The Molly Maguires, N. Y., 1932.
5. Commons and Associates. History of Labor in the United States, vol. 2, p. 507.
6. Yellen. American Labor Struggles, pp. 136-70.
7. Commons and Associates. History of Labor in the United States, vol. 2, pp. 493-95.
8. William D. Haywood. Bill Haywood's Book, N. Y., 1929.
9. Trachtenberg. The History of May Day.
10. Nathan Fine. Labor and Farmer Parties in the United States, 1828—1928, pp. 56-87, N. Y., 1928.
11. Foster. The Negro People in American History, pp. 379-81.
12. Philip S. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 2, N. Y., 1955.
13. Richard T. Ely. The Labor Movement in America, p. 78, Boston, 1886.
14. American Federation of Labor History Encyclopedia Reference Book, p. 169, Washington, D.C., 1919.
15. Lewis L. Lorwin. The American Federation of Labor, p. 13, Washington, D.C., 1933.
16. New York Leader, July 25, 1887.
17. Cited by Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 2.
18. Terrence V. Powderly. Thirty Years of Labor, Columbus, 1889.
19. Compers. Seventy Years of Life and Labor, vol. 1, p. 381.
20. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. XII. Ч.II. М.-Л., 1934, стр. 1-230.
21. See William Z. Foster. History of the Communist Party of the United States, pp. 74-90, N. Y., 1952.

Глава 17

1. Walter Galenson. Comparative Labor Movements, p. 320, N. Y., 1952.
2. Levine. Syndicalism in France, p. 70.
3. Lefranc. Histoire du Mouvement Syndical Français, p. 194.
4. *Ibid.*, pp. 186-87.
5. M. Pelloutier. Fernand Pelloutier, Paris, 1911.
6. Emil Pouget. Le Sabotage, Paris, 1910.
7. Pelloutier. Fernand Pelloutier, p. 47.
8. Lefranc. Histoire du Mouvement Syndical Français, pp. 253-57.
9. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, p. 26.
10. Andre Tridon. The New Unionism, p. 148, N. Y., 1914.
11. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, p. 69.
12. Cited by Gualtieri. The Labor Movement in Italy, p. 179.
13. Wilfrid H. Crook. The General Strike, p. 187, Chapel Hill, 1931.

14. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, p. 61.
15. Madariaga. Spain, p. 124.
16. Antoni Ramos Oliveira. Politics, Economics and Men of Modern Spain, 1808—1946, p. 145, London, 1946.

Глава 18

1. Galenson. Comparative Labor Movements, pp. 105-18.
2. Zwing. Die Geschichte der deutschen freien Gewerkschaften, p. 120.
3. Feliks Gross. The Polish Worker, p. 145, N. Y., 1945.
4. Dutt. The Labour International Handbook, p. 229.
5. Georgi Dimitrov. p. 11, Sofia, 1948.
6. Zwing. Die Geschichte der deutschen freien Gewerkschaften, p. 120.
7. Foster. Outline Political History of the Americas, pp. 517-34.
8. Vicente Lombardo Toledano. CTAL News, September 1950.
9. Kenneth K. Kurihara. Labor in the Philippine Economy, pp. 60-69. Stanford, 1945.
10. Blas Roca. Los Fundamentos del Socialism en Cuba.
11. American Federation of Labor History Encyclopedia Reference Book, p. 57.
12. E. Gitsham and J. F. Trembath. Labor Organization in South Africa, Durham, England, 1926.
13. R. K. Cope. Comrade Bill, Capetown.
14. Encyclopaedia Britannica, vol. 21, p. 60.
15. R. Palme Dutt. India Today, pp. 287, 119, 309, London, 1949.
16. Hu Chiao-mu. Thirty Years of the Communist Party of China, Peking, 1952.
17. O. Tanin and E. Yohan. Militarism and Fascism in Japan, pp. 25, 27ff, N. Y., 1934.
18. E. H. Norman. Japan's Emergence as a Modern State, N. Y., 1940.
19. Katayama. The Labor Movement in Japan, p. 38.
20. A. Roth. Dilemma in Japan, p. 197, Boston, 1945.

Глава 19

1. Стеклов Ю. М. Первый Интернационал. Госиздат, 1923.
2. S. Webb and B. Webb. History of Trade Unionism, p. 396.
3. Congres Socialiste International, Stuttgart, 1907, p. 55.
4. J. Lenz. The Rise and Fall of the Second International, p. 18, N. Y., 1932.
5. American Federation of Labor History Encyclopedia Reference Book, p. 81.
6. *Ibid.*, p. 81.
7. Lorwin. Labor and Internationalism, p. 97.
8. J. Sassenbach. Twenty-Five Years of International Trade Unionism, p. 8, Amsterdam, 1926.
9. Umbreit. 25 Jahre Deutscher Gewerkschaftsbewegung, p. 134.
10. Sassenbach. Twenty-Five Years of International Trade Unionism, p. 79.

11. Dutt. The Labour International Handbook, p. 199.
12. Report of the A.F. of L. Representative at Budapest, Hungary, August 10-12, 1911.
13. Lewis L. Lorwin. The International Labor Movement, p. 33, N. Y., 1953.
14. American Federation of Labor History Encyclopedia Reference Book, p. 83.
15. Sassenbach. Twenty-Five Years of International Trade Unionism, p. 34.
16. Nestriepke. Die Gewerkschaftsbewegung, p. 300.
17. Lorwin. The International Labor Movement, pp. 153-62.

Глава 20

1. Сталин И. В. Сочинения. Т. 10, стр. 99.
2. Лозовский А. Профсоюзы и Октябрьская революция.
3. Rosa Luxemburg. Massenstreik, pp. 16-17, Leipzig, 1919.
4. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952, стр. 24.
5. Ленин В. И. Сочинения. Т. 5. М., стр. 427.
6. Там же, стр. 341.
7. Там же, стр. 347.
8. Там же Т. 23, стр. 241.
9. Crook. The General Strike, p. 171.
10. For a Lasting Peace, for a People's Democracy, January 28, 1955.
11. Лозовский А. Профессиональные союзы в Советской России. М., Изд. ВЦСПС, 1920, стр. 10.
12. Marquand and Others. Organized Labour in Four Continents, p. 289.
13. История профсоюзного движения в СССР. Вып. I. Под ред. А. М. Панкратовой. М., Профиздат, 1954, гл. III.

Глава 21

1. Crook. The General Strike, pp. 5-12.
2. Cited by Rosa Luxemburg. Massenstreik, p. 3.
3. Crook. The General Strike, p. 38.
4. *Ibid.*, pp. 54-102.
5. *Ibid.*, pp. 103-44.
6. Ленин В. И. Сочинения. Т. 23. М., стр. 244.
7. Barthel. Handbuch der Deutschen Gewerkschaftkongresse, p. 29.
8. Ленин В. И. Сочинения. Т. 23. М., стр. 239-240.
9. Luxemburg. Massenstreik, p. 27.
10. Joseph A. Brandt. Toward the New Spain, p. 362, Chicago, 1932.

Глава 22

1. Levine. Syndicalism in France, p. 177.
2. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, pp. 69-79.
3. Vincent St. John. The IWW: Its History, Structure and Methods, Chicago, 1919.
4. Paul F. Brissenden. History of the IWW, p. 351, N. Y., 1920.
5. *Ibid.*, p. 341.

6. William Z. Foster. *American Trade Unionism*, pp. 15-21, N. Y., 1947.
7. Mann. *From Single Tax to Syndicalism*, p. 92.
8. Cole and Postgate. *The British Common People, 1746—1938*, p. 432.
9. Hutt. *British Trade Unionism*, pp. 54-68.
10. Rothstein. *From Chartism to Labourism*, p. 214.
11. Amy Hewes. *Guild Socialism*, New Haven, 1922.
12. Nestrupke. *Die Gewerkschaftsbewegung*, p. 362 ff.
13. Marquand and Others. *Organized Labour in Four Continents*, p. 254.
14. Brissenden. *History of the IWW*, p. 342.

Глава 23

1. William Z. Foster. *Misleaders of Labor*, Chicago, 1927.
2. Robert Hunter. *Labor in Politics*, Chicago, 1915.
3. Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М., стр. 169-186.
4. *Congres Socialiste International*, p. 191.
5. A. Sturmthal. *Unity and Diversity in European Labor*, p. 42, Glencoe, 1953.
6. Farwig. *Der Kampf um die Gewerkschaften*, pp. 169-77.
7. Ira Kipnis. *The American Socialist Movement, 1897—1912*, N. Y., 1952.

Глава 24

1. Ленин В. И. Сочинения. Т. 28.
2. William Z. Foster. *History of the Three Internationals*, N. Y., 1955.
3. For full text see O. H. Gankin and H. H. Fisher. *The Bolsheviks and the World War*, pp. 56-60, Stanford, 1940.
4. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., Госполитиздат, 1952.
5. Farwig. *Der Kampf um die Gewerkschaften*, p. 219.

Глава 25

1. *International Labor Office Memorandum*, Geneva, February 16, 1921.
2. Donald D. Egbert and Stow Persons. *Socialism in American Life*, vol. 1, p. 65, Princeton, 1952.
3. Harry Laidler. *Socialism in Thought and Action*, p. 478, N. Y., 1920.
4. Faulkner. *Economic History of the United States*, p. 476.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. I. М., 1948, стр. 17.
6. Ленин В. И. Сочинения. Т. 28. М., стр. 210.

Глава 26

1. Sassenbach. *Twenty-Five Years of International Trade Unionism*, p. 49.
2. Laidler. *Socialism in Thought and Action*, p. 276.
3. Candeloro. *Il Movimento Sindacale in Italia*, p. 91.

4. Gulich. From Hapsburg to Hitler, p. 34.
5. Nestriepke. Die Gewerkschaftsbewegung, vol. 2, p. 8.
6. Cole and Postgate. The British Common People, 1746—1938, p. 484.
7. Lewis L. Lorwin. The American Federation of Labor, p. 155, Washington, D.C., 1933.
8. Cited by Hutt. British Trade Unionism, pp. 71-72.
9. John Steuben. Labor in Wartime, p. 77, N. Y., 1940.
10. Hutt. British Trade Unionism, p. 72.
11. Charles A. Beard and Mary R. Beard. The Rise of American Civilization, vol. 2, p. 747, N. Y., 1942.
12. Pierre Monatte and Others. Left Wing Trade Unionism in France, Paris, 1921.
13. Zwing. Die Geschichte der deutschen freien Gewerkschaften, p. 138.
14. Gulich. From Hapsburg to Hitler, p. 41.
15. Hutt. British Trade Unionism, p. 75.
16. Faulkner. Economic History of the United States, p. 603.
17. Lorwin. The American Federation of Labor, p. 160.
18. Zwing. Die Geschichte der Deutschen Gewerkschaften, p. 130.
19. Proceedings of British Trades Union Congress, 1954.
20. American Labor Year Book, 1921—1922, p. 206.
21. Gankin and Fisher. The Bolsheviks and the World War, p. 369.
22. Desmond Ryan. James Connolly, pp. 101-34, Dublin, 1924.

Глава 27

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952, стр. 168.
2. Лозовский А. Профсоюзы и Октябрьская революция.
3. Аболин А. 16 лет Октября и профсоюзы. Москва 1933.
4. Лозовский А. Профсоюзы и Октябрьская революция.
5. Там же.
6. Sidney and Beatrice Webb. Soviet Communism, vol. 1, p. 168, N. Y., 1936.
7. Цит. по Лозовский А. Ленин и профессиональное движение. Л., Изд. Кубуч, 1925, стр. 34-35.
8. Лозовский А. Профсоюзы и Октябрьская революция.
9. Program of the Communist International, p. 51, N. Y., 1929.

Глава 28

1. Rochester. Rulers of America, pp. 278, 282.
2. Nestriepke. Die Gewerkschaftsbewegung, vol. 2, p. 38.
3. William Z. Foster. The Revolutionary Crisis of 1918—1921, pp. 11-12, Chicago, 1921.
4. Zwing. Die Geschichte der deutschen freien Gewerkschaften, p. 142.
5. F. Reichert. Entstehung, Bedeutung, und Ziel der Arbeitsgemeinschaft, p. 6.
6. Clara Zetkin. Les Batailles Révolutionnaires de l'Allemagne, Paris, 1920.

7. Laidler. *Socialism in Thought and Action*, p. 383.
8. Crook. *The General Strike*, p. 514.
9. *Ibid.*, p. 519.

Глава 29

1. Foster. *The Revolutionary Crisis of 1918—1921*, pp. 32-49.
2. FIOM, *L'Occupazione delle Fabbriche*, pp. 31-33, Torino, 1921.
3. Candeloro. *Il Movimento Sindacale in Italia*, pp. 109-14.
4. Lefranc. *Histoire du Mouvement Syndical Français*, p. 296.
5. Jean Brecot. *Le Grande Greve de Mai 1920*, Paris, 1920.
6. Cole and Postgate. *The British Common People*, 1746—1938, p. 493.
7. Allen Hutt. *The Post-War History of the British Working Class*, p. 23, N. Y., 1938.
8. Hutt. *British Trade Unionism*, p. 97.
9. Lorwin. *The American Federation of Labor*, p. 228.
10. Foster. *Outline Political History of the Americas*, p. 518.
11. Eleanor H. Lattimore. *Labor Unions in the Far East*, p. 44, N. Y., 1945.
12. *Ibid.*, pp. 46-47.
13. Dutt. *India Today*, p. 310.
14. S. A. Dange. *On the Indian Trade Union Movement*, p. 28, Bombay, 1952.
15. Hu Chia o-mu. *Thirty Years of the Communist Party of China*, p. 10.
16. Lattimore. *Labor Unions in the Far East*, p. 12.
17. *American Labor Year Book*, 1923—1924, p. 350.
18. Lorwin. *The International Labor Movement*, p. 61.
19. *American Labor Year Book*, 1921—1922, pp. 227-28.

Глава 30

1. ILO *Lasting Peace the ILO Way*, Geneva, 1953.
2. *Новое время*, 1954, 12 июня.
3. Лозовский А. *Международное профессиональное движение*. Тбилиси, 1924.
4. Lorwin. *Labor and Internationalism*, p. 196.
5. Лозовский А. *Международное профессиональное движение*.
6. Z. Leder. *Sind die Amsterdamer Gelbe?*, p. 41, Berlin, 1922.
7. Lorwin. *Labor and Internationalism*, p. 194.
8. IFTU, *Conference Proceedings*, p. 56.
9. R. Palme Dutt. *World Politics*, p. 52, N. Y., 1936.
10. Lorwin. *Labor and Internationalism*, p. 263.

Глава 31

1. For detailed presentation of the CI program see Foster. *History of the Three Internationals*. chapters 32, 33, 34.
2. Лозовский А. *Международное профессиональное движение*.
3. Лозовский А. *Задачи революционного профессионального движения*, стр. 5, ВЦСПС, 1924.
4. *American Labor Year Book*, 1921—1922, pp. 227-29.

5. The Red Labor International, pp. 73-74.
6. *Ibid.*, p. 30.
7. Resolutions and Decisions, First World Congress of the Red International of Labor Unions, p. 25, Chicago, 1921.
8. Resolutions and Decisions, Second Congress of the Red International of Labor Unions, p. 27, Chicago, 1922.
9. American Labor Year Book, 1923—1924, p. 287.
10. American Labor Year Book, 1921—1922, p. 229.
11. Lorwin. Labor and Internationalism, p. 573.
12. Unidad, No. 5, Mexico City, March 1955.

Глава 32

1. R. Palme Dutt. Fascism and Social Revolution, p. 124, N. Y., 1935.
2. International Press Correspondence. April, May, June 1925.
3. Report of the Fourth World Congress of the Red International of Labor Unions, p. 163, London, 1926.
4. Robert W. Dunn. The Americanization of Labor, N. Y., 1927.
5. Paul H. Douglas. Real Wages in the United States, p. 314, N. Y., 1930.
6. Lorwin. The American Federation of Labor, p. 484.
7. ~~T. N. Carver. The Present Economic Revolution in the United States, Boston, 1925.~~
8. ~~Cited by Dutt. Fascism and Social Revolution, p. 56.~~
9. Cited by Dutt. World Politics, p. 67.
10. Lenz. The Rise and Fall of the Second International, p. 261.
11. Nathan Reich. Labor Relations in Republican Germany, p. 152, N. Y., 1938.
12. Cited by Hutt. British Trade Unionism, pp. 115-16.
13. National Minority Movement. What is Nationalization?, pp. 63-65, London, 1928.
14. Hutt. The Post-War History of the British Working Class, p. 102.
15. Foster. History of the Communist Party of the United States, pp. 247-95.
16. Resolutions and Decisions, Third World Congress. Red International of Labor Unions, p. 60, Chicago, 1924.
17. The Red International, p. 87.

Глава 33

1. Лозовский А. Мировое профессиональное движение до и после войны. М., 1924, стр. 98.
2. Lorwin. The International Labor Movement, p. 158.
3. Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. М., стр. 332.
4. Dunn. The Americanization of Labor, p. 129.
5. Resolutions and Decisions, Third World Congress, Red International of Labor Unions, p. 15.
6. Franz Borkenau. World Communism, p. 234, N. Y., 1937.
7. Лозовский А. Мировое профессиональное движение до и после войны. М., 1924, стр. 67.
8. Lorwin. The International Labor Movement, p. 100.

Глава 34

1. Tom Bell. The Movement for World Trade Union Unity, p. 18, N. Y., 1925.
2. Eaton. Political Economy, p. 191.
3. Hutt. British Trade Unionism, p. 103.
4. Crook. The General Strike, p. 284.
5. *Ibid.*, pp. 326, 366.
6. Cole and Postgate. The British Common People, 1746-1938, pp. 517-18.
7. Crook. The General Strike, p. 391.
8. *Ibid.*, p. 520.
9. Hutt. British Trade Unionism, p. 111.
10. Crook. The General Strike, p. 394.
11. Hutt. British Trade Unionism, p. 112.
12. Crook. The General Strike, p. 435.
13. Hutt. British Trade Unionism, p. 117.
14. Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. М., стр. 155-168.
15. Lorwin. The International Labor Movement, p. 108.
16. The American Labor Year Book, 1931, p. 251.
17. *Ibid.*, pp. 253-54.

Глава 35

1. Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., стр. 237.
2. Dutt. World Politics, pp. 71-72.
3. Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., стр. 246-247.
4. Labor Research Association, Labor Fact Book 2, N. Y., 1934.
5. Eaton. Political Economy, p. 199.
6. Program of the Communist International.
7. Lorwin. The International Labor Movement, p. 167.
8. Лозовский А. Мировой кризис и экономическая борьба. М.-Л., Соцэкгиз, 1931, стр. 32.
9. Lorwin. The International Labor Movement, p. 168.
10. Figures collated from Comintern pamphlets.
11. Hutt. British Trade Unionism, pp. 119-31.
12. Tim Buck. Thirty Years: 1922-1952, pp. 69-75, Toronto, 1952; Foster. History of the Communist Party of the United States, pp. 276-92.
13. Capitalist Stabilization Has Ended, N. Y., 1932.

Глава 36

1. Georgi Dimitrov. The United Front, p. 10, N. Y., 1938.
2. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, p. 118.
3. Dutt. Fascism and Social Revolution, p. 149.
4. Reich. Labor Relations in Republican Germany, pp. 153, 26.
5. Dutt. Fascism and Social Revolution, pp. 140-41.
6. Marquand and Others. Organized Labour in Four Continents, p. 106.
7. F. Heckert. What Is Happening in Germany?, p. 22, Berlin, 1945.
8. Dutt. Fascism and Social Revolution, p. 149.
9. Marquand and Others. Organized Labour in Four Continents, p. 106.
10. *Ibid.*

11. Dutt. Fascism and Social Revolution, p. 167.
12. Gulich. From Hapsburg to Hitler.
13. Dutt. Fascism and Social Revolution, p. 166.
14. Otto Bauer. Austrian Democracy Under Fire, p. 34.

Глава 37

1. Maurice Thorez. France Today and the People's Front, N. Y.
2. Lorwin. The French Labor Movement, p. 70.
3. Lefranc. Histoire du Mouvement Syndical Français, pp. 395-405.
4. Galenson. Comparative Labor Movements, p. 341.
5. Marquand and Others. Organized Labour in Four Continents, p. 38.
6. Galenson. Comparative Labor Movements, p. 342.
7. For earlier stages of the Spanish trade union movement see *Ibid.*, chapters 6, 9, 17, 22, 31.
8. Hutt. The Post-War History of the British Working Class, p. 248.
9. Maurice Thorez. France of the People's Front, p. 79, N. Y., 1938.
10. Labor Research Association, Labor Fact Book 4, p. 180, N. Y., 1938.
11. Madariaga. Spain, p. 373.
12. Antonio Ramos-Oliveira. Historia de España, vol. 3, p. 323, Mexico City, 1952.
13. Jose Diaz. Tres Años de Lucha, p. 130, Mexico City, 1942.
14. Harry Gannes and T. Repard. Spain in Revolt, N. Y., 1936.
15. International Press Correspondence, May 17, 1938.
16. *Ibid.*; Labor Research Association, Labor Fact Book 4, p. 182; Volunteers for Liberty, 1937-1938.
17. For analysis of the Roosevelt regime, see Foster. History of the Communist Party of the United States, pp. 325-83.
18. Saul Alinsky. John L. Lewis, p. 153, N. Y., 1949.

Глава 38

1. The American Labor Year Book, 1930, p. 214.
2. Nym Wales. The Chinese Labor Movement, pp. 22-23, N. Y., 1945.
3. Лозовский А. Революция и контрреволюция в Китае. М.-Л., «Московский рабочий», 1927.
4. For full account see Crook. The General Strike, pp. 573-86.
5. Hu Chiao-mu. Thirty Years of the Communist Party of China, p. 18.
6. Wales. The Chinese Labor Movement, p. 9.
7. The American Labor Year Book, 1928, p. 254.
8. Lattimore. Labor Unions in the Far East, p. 18.
9. Lai Ju-yu. The General Conditions of China's Labor Movement.
10. Conrad Brandt, Benjamin Schwartz, John K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism, pp. 29-49, Cambridge, 1952.
11. Wales. The Chinese Labor Movement, p. 226.
12. Wallace. World Labour Comes of Age, p. 54.

13. Brandt, Schwartz, Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism, pp. 258, 422, 464.
14. Dutt. India Today, p. 382.
15. Wallace. World Labour Comes of Age, p. 32.
16. Robert J. Alexander. World Labor Today, p. 31, N. Y., 1952.
17. Dutt. India Today, pp. 386-89.
18. Dange. On the Indian Trade Union Movement, pp. 29-30.
19. *Ibid.*, p. 28.
20. *Ibid.*, pp. 30-34.
21. Resolution, Fifth World Congress, Red International of Labor Unions, p. 58.
22. Report of the Fourth World Congress of the Red International of Labor Unions, p. 40.

Глава 39

1. Wallace. World Labour Comes of Age, p. 44.
2. The American Labor Year Book, 1932, p. 203.
3. The American Labor Year Book, 1931, p. 256.
4. Lorwin. The International Labor Movement, p. 93.
5. Bajo la Bandera de la CSLA, Montevideo.
6. Victorio Codovilla, Mss.
7. Resolutions, Fifth World Congress, Red International of Labor Unions, p. 68.
8. Foster. Outline Political History of the Americas, pp. 419-34.
9. Robert J. Alexander. Labor Movements in Latin America, p. 20, London, 1947.
10. *Ibid.*, p. 20.
11. Vicente Lombardo Toledano. What Does the CTAL Mean?, p. 16, Mexico, D. F.
12. *Ibid.*, pp. 19-20.
13. See Foster. Outline Political History of the Americas, pp. 522-30.

Глава 40

1. Rinascita, p. 85, Rome, 1954.
2. The American Labor Year Book, 1927, p. 219.
3. The American Labor Year Book, 1923—1924.
4. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, p. 128.
5. Franz Neuman. European Trade Unionism and Politics, p. 36, N. Y., 1936.
6. Marquand and Others. Organized Labour in Four Continents, p. 211.
7. Galenson. Comparative Labor Movements, p. 435.
8. Patrick Gorman and Others. The Fate of Trade Unions under Fascism, p. 35.
9. Rinascita, p. 117, Rome, 1954.
10. Franz Neuman. Behemoth, p. 413, N. Y., 1942.
11. William Ebenstein. The Nazi State, pp. 274-83, N. Y., 1943.
12. Marquand and Others. Organized Labour in Four Continents, p. 110.
13. Neuman. Behemoth, p. 339.

14. Gulich. Austria from Hapsburg to Hitler, vol. 2, pp. 512-13.
15. *Ibid.*
16. Robert J. Alexander. Iberica, February 15, 1954.
17. The New York Times, April 3, 1955.
18. *Ibid.*, July 16, 1955.
19. Dolores Ibarruri. Democratie Nouvelle, March 1955.
20. Lattimore. Labor Unionism in the Far East.
21. R. Swearingen and Paul Langer. Red Flag in Japan, p. 67, Cambridge, 1952.
22. Miriam S. Farley. Aspects of Japan's Labor Problems, p. 5, N. Y., 1950.
23. *Ibid.*, p. 7.
24. Evelyn S. Colbert. The Left Wing in Japanese Politics, p. 51, N. Y., 1952.
25. Farley. Aspects of Japan's Labor Problems, p. 9.
26. Lattimore. Labor Unions in the Far East, pp. 48-49.

Глава 41

1. Foster. The Russian Revolution.
2. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., Госполитиздат, 1952.
3. For a survey of the Russian trade unions in this general period see S. Webb and B. Webb. Soviet Communism, vol. 1, pp. 161-219.
4. Лозовский А. Положение рабочего класса капиталистических стран и борьба за единство профдвижения. М., 1937.
5. Webb and B. Webb. Soviet Communism, vol. 1, pp. 183-84.
6. Лозовский А. Положение рабочего класса капиталистических стран и борьба за единство профдвижения. М., 1937.
7. Там же.
8. E. S. Smith. Organized Labor in the Soviet Union, p. 35, N. Y., 1943.
9. Лозовский А. Положение рабочего класса капиталистических стран и борьба за единство профдвижения.
10. Там же.
11. Там же.
12. Lorwin. The International Labor Movement, p. 193.

Глава 42

1. Hu Chia o-mu. Thirty Years of the Communist Party of China, p. 55.
2. John Steuben. Strike Strategy, N. Y., 1950.
3. Dobb. Studies in the Development of Capitalism, p. 338.

Глава 43

1. Galenson. Comparative Labor Movements, pp. 347-48.
2. Lorwin. The French Labor Movement, p. 90.
3. J. Kuczynski. Three Hundred Million Slaves and Serfs, p. 8, N. Y., 1943.
4. Foster. History of the Three Internationals, pp. 425-36.

5. Wallace. World Labour Comes of Age, p. 57.
6. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, pp. 138-42.
7. H. S. Commager. Documents of American History, vol. 2, p. 636, N. Y., 1948.
8. Cole. A Short History of the British Working Class Movement, p. 455.
9. Hutt. British Trade Unionism, pp. 144-69.
10. James S. Allen. Who Owns America?, p. 7, N. Y., 1946.
11. Labor Research Association, Labor Fact Book 7, p. 14, N. Y., 1945.
12. Inter-Continent News, November 22, 1943.
13. The New York Times, February 10, 1951.
14. Theodore Bayer. Soviet Russia Today, June 1945.
15. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Госполитиздат, 1947.
16. Foster. Outline Political History of the Americas, pp. 445-48.
17. Lorwin. The International Labor Movement, p. 200.
18. *Ibid.*, p. 202.
19. Cited in Soviet Russia Today, March 1943.

Глава 44

1. William Z. Foster. The New Europe, N. Y., 1947.
2. Mao Tse-tung. On People's Democratic Rule, p. 12, New York, 1950.
3. Mao Tse-tung. For a Lasting Peace, for a People's Democracy, July 15, 1949.
4. James Peter Warbasse. Cooperative Democracy, p. 78, N. Y., 1947.
5. Based on the Report at the British Empire Communist Conference, London, 1947.

Глава 45

1. Lorwin. The International Labor Movement, p. 205.
2. Wallace. World Labour Comes of Age, p. iii
3. *Ibid.*, pp. 113-41.
4. See AFL Convention Proceedings, p. 279, 1944.
5. Wallace. World Labour Comes of Age, p. 150.
6. Free Trade Unions Remain in the World Federation of Trade Unions, p. 53, Paris, 1949.
7. Report of the World Trade Union Conference-Congress, pp. 285-95, Paris, 1945.
8. *Ibid.*, pp. 261-70.
9. *Ibid.*, pp. 261-62.
10. Lorwin. The International Labor Movement, p. 256.

Глава 46

1. Grosz. The Polish Defeat, p. 16.
2. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 139.
3. *Ibid.*, p. 138.
4. *Ibid.*, p. 136.
5. Foster. The New Europe, p. 44.

6. *Ibid.*, p. 44.
7. IIIe Congres Syndical Mondial, World Federation of Trade Unions, pp. 943-53, Vienna, 1953.
8. The Life of Working People in Poland, Moscow, 1954.
9. The Life of Working People in Poland.
10. H. Minc. Poland's Economy: Present and Future, p. 42.
11. Dr. Jan Gallas. Workers' Control and Administration of Social Security.
12. W. Storm. The People's Victory in Czechoslovakia.

Глава 47

1. Luigi Longo. Sulla Cia dell Insurrezione Nazionale, Rome, 1954.
2. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, pp. 142-43.
3. Galenson. Comparative Labor Movements, p. 442.
4. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, p. 162.
5. Galenson. Comparative Labor Movements, p. 443.
6. *Ibid.*, p. 356.
7. Lorwin. The French Labor Movement, p. 109.
8. *Ibid.*, p. 110.
9. Lorwin. The International Labor Movement, p. 145.
10. Galenson. Comparative Labor Movements, p. 356.
11. Science and Society, Fall 1950, p. 289.
12. *Ibid.*, p. 294.
13. *Ibid.*, p. 297.
14. H. Warneke. Report of the Proceedings of the Second World Trade Union Congress, 1949, p. 67, Milan, 1949.
15. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 428.
16. AFL Convention Proceedings, 1946, p. 441.
17. Report of the Proceedings of the Second World Trade Union Congress, p. 178.
18. John Eaton. Economics of Peace and War, p. 84, N. Y., 1953.
19. Wallace. World Labour Comes of Age, p. 65.
20. Irish Trade Union Congress, Trade Union Information, April 1953.

Глава 48

1. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, pp. 119-22.
2. I. Epstein. Science and Society, Fall 1949, p. 324.
3. Report of the Proceedings of the Second World Trade Union Congress, 1949, p. 648.
4. R. Palme Dutt. The Crisis of Britain and the British Empire, p. 45, N. Y., 1953.
5. *Ibid.*
6. Wallace. World Labour Comes of Age, p. 34.
7. Dutt. India Today, p. 382.
8. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 175.
9. Farley. Aspects of Japan's Labor Problems, p. 22.

10. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 448.
11. Farley. Aspects of Japan's Labor Problems, p. 71.
12. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 448.
13. Colbert. The Left Wing in Japanese Politics, p. 192.
14. Farley. Aspects of Japan's Labor Problems, p. 138.
15. *Ibid.*, p. 163.
16. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 190.
17. S. A. Wickramasing. The Way Ahead.
18. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, pp. 182-84.
19. *Ibid.*, pp. 200-03.
20. Alexander. World Labor Today, p. 38.
21. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, pp. 204-06.
22. Alexander. World Labor Today, p. 40.
23. A. B. Magil. Israel in Crisis, p. 157, N. Y., 1950.

Глава 49

1. U.S. Department of Labor. Extent of Collective Bargaining and Union Recognition, Bulletin 909, 1946, Washington, D.C.
2. American Federation of Labor, American Labor Looks at the World, p. 3, N. Y., 1947.
3. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 74.
4. Report of the CIO Delegation to the Soviet Union, N. Y., 1945.
5. Industrial and Labor Relations Review, October 1950, Ithaca.
6. Tim Buck. Canadian Independence and a People's Parliament, p. 16, Toronto, 1954.
7. H. Olden. U. S. Over Latin America, p. 33, N. Y., 1955.
8. Report of the Proceedings of the Second World Trade Union Congress, 1949, p. 667.
9. Labor Research Association, Economic Notes, December 1954.
10. Alexander. World Labor Today, p. 43.
11. Toledano. Report of the Proceedings of the Second World Trade Union Congress, 1949, p. 685.
12. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 207.
13. Wallace. World Labour Comes of Age, pp. 29-31.
14. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, pp. 211-14.
15. Alexander. World Labor Today, p. 42.
16. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 214.
17. *Ibid.*, pp. 218-19.
18. Derek Kartun. Africa, Africa, N. Y., 1954.
19. World Federation of Trade Unions Information Bulletin, July 1947.
20. III-e Congres Syndical Mondial, World Federation of Trade Unions, p. 681.
21. American Labor Year Book, 1931.

Глава 50

1. «Международная жизнь», 1955, № 4, стр. 26-27.
2. James S. Allen. Marshall Plan: Recovery or War?, N. Y., 1948.
3. New York Herald Tribune, February 3, 1949.
4. Dutt. The Crisis of Britain and the British Empire, p. 167.
5. Working Class Unity for Peace, N. Y., 1950.

Глава 51

1. Free Trade Unions Remain in the World Federation of Trade Unions, p. 36.
2. *Ibid.*, p. 38.
3. Lorwin. The International Labor Movement, p. 247.
4. Free Trade Unions Remain in the World Federation of Trade Unions, p. 40.
5. *Ibid.*, p. 41.
6. *Ibid.*, p. 3.
7. Lorwin. The International Labor Movement, p. 260.
8. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 59.
9. Free Trade Unions Remain in the World Federation of Trade Unions, pp. 12, 17.
10. American Labor Looks at the World, p. 18.
11. Lorwin. The International Labor Movement, p. 264.
12. III-e Congres Syndical Mondial, World Federation of Trade Unions, pp. 943-53.

Глава 52

1. Lorwin. The International Labor Movement, p. 248.
2. Alexander. World Labor Today, p. 17.
3. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, pp. 425-39.
4. Lorwin. The International Labor Movement, p. 250.
5. *Ibid.*, p. 251.
6. David Dubinsky. Rift and Realignment in World Labor, p. 11.
7. Proceedings of the Second World Congress of the World Federation of Trade Unions, p. 151.
8. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 101.
9. Galenson. Comparative Labor Movements, p. 357.
10. Lorwin. The French Labor Movement, p. 123.
11. Lorwin. The International Labor Movement, p. 246.
12. World Federation of Trade Unions Information Bulletin, January 31, 1948.
13. *Ibid.*, October 1, 1953.
14. World Federation of Trade Unions, World Trade Union Movement, July 26-31, London, 1953.
15. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 154.
16. Rinascita, July 1949.
17. Candeloro. Il Movimento Sindacale in Italia, p. 179.

Глава 53

1. Political Affairs, September 1945.
2. Congress of Industrial Organizations, Convention Proceedings, 1946 and 1947, Washington, 1947.
3. *Ibid.*
4. Cited by George Morris. The CIO Today, p. 1.
5. New York Herald Tribune, January 29, 1950.
6. The New York Times, October 18, 1953.
7. Proceedings of the Second World Congress of the World Federation of Trade Unions, p. 186.
8. Olden. U.S. Over Latin America, p. 17.
9. Proceedings of the Second World Congress of the World Federation of Trade Unions, p. 388.
10. Latin American Facts, December 1952, New York.
11. V. Codovilla. Nuestro Camino Desemboca En La Victoria, p. 531ff.
12. Latin American Facts, November 1952.
13. III-e Congres Syndical Mondial, World Federation of Trade Unions, pp. 944-47.

Глава 54

1. Mao Tse-tung. News, January 1953, Moscow.
2. Associated Press Dispatch, June 13, 1955.
3. The Seventh All-China Congress of Trade Unions, pp. 127-28, Peking, 1953.
4. *Ibid.*, 127-28.
5. See Ajoy Ghosh. The Labour Monthly, London, February—March 1955.
6. For a Lasting Peace, for a People's Democracy, August 31, 1951.
7. Dange. On the Indian Trade Union Movement, p. 34.
8. Alexander. World Labor Today, p. 32.
9. *Ibid.*, p. 32.
10. Ajoy Ghosh. New Age, January 1955, New Delhi.
11. Proceedings of 24th Convention of ITUC, May 1954, New Delhi.
12. Unpublished Ms of Far East Reporter.
13. For a Lasting Peace, for a People's Democracy, February 15, 1952.
14. Farley. Aspects of Japan's Labor Problem, p. 186.
15. Colbert. The Left Wing in Japanese Politics, p. 279.
16. Monthly Labor Review, August 1954.
17. Ministry of Labor, Year Book of Statistics, 1953, pp. 304-05, Tokyo.
18. III-e Congres Syndical Mondial, World Federation of Trade Unions, p. 950.
19. See chapter 48 for material on Asian trade unions.
20. Report of Activity of the World Federation of Trade Unions, 1945—1949, p. 35.
21. Alexander. World Labor Today, p. 37.
22. Report of the Proceedings of the Second World Trade Union Congress, 1949, p. 659.
23. Alexander. World Labor Today, p. 38.

Глава 55

1. Hyman Lumer. War Economy and Crisis, pp. 15-19, N. Y., 1954.
2. Daily News, January 16, 1955.
3. New York Herald Tribune, February 15, 1955.
4. George Meaney. American Labor Looks at the World.
5. Labor Research Association, Labor Fact Book 12, p. 147, N. Y., 1955.

Глава 57

1. The World Federation of Trade Unions Charter of Trade Union Rights, London, 1955, is one of the most important labor documents of this period.
2. Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М., стр. 179.
3. «Новое время», 1956, 19 июня.
4. D. Deutscher. Soviet Trade Unions.
5. «Новое время», 1953, № 44. Приложение.
6. «Известия», 1951 г., март.
7. «Новое время», 1954, 19 июня.
8. Там же.
9. Устав профессиональных союзов СССР. М., Профиздат, 1949

Глава 58

1. U.S. News and World Report, October 22, 1954.
2. U.S. Department of Labor, Monthly Labor Review, June 1955.
3. *Ibid.*, May 1954.
4. New York World-Telegram, February 1, 1955.
5. Рубинштейн М. Буржуазная наука и техника на службе американского империализма, стр. 350. Москва, 1951.
6. The Current Digest of the Soviet Press, June 22, 1955.
7. George Meaney. Fortune, March 1955.
8. UAW-CIO, Preamble to Union Constitution.
9. U.S. Department of Labor, Notes on Labor Abroad.
10. Industrial and Labor Relations, October 1951, Ithaca.
11. Handbuch der Bundestagfraktion der Communistische Partei Deutschlands, p. 238.

Глава 59

1. U.S. Department of Labor, Bulletin 829, January 1945.
2. Frieda Gibbs. The Worker, March 4, 1955.
3. International Labor Office, Report II, 1953, Geneva.
4. Mills. White Collar, pp. 72-73.
5. General Council of Trade Unions of Japan, Sohyo Marches Onward, December 1954.
6. U.S. News and World Report, December 10, 1954.
7. American Civil Liberties Union, Democracy in Trade Unions, N. Y., 1943.
8. III-e Congres Syndical Mondial, World Federation of Trade Unions, p. 57.

Глава 60

1. The New York Times, June 12, 1955.
2. See Hutt. British Trade Unionism.
3. Ленин В. И. Сочинения. Т. 31. М., стр. 34.
4. Там же.
5. U.S. Department of Labor, The Skilled Labor Force, p. 12, April 1954.
6. «Международная жизнь», 1955, № 4, стр. 34.
7. U.S. Department of Labor, Monthly Labor Review, December 1953.
8. Industrial and Labor Relations Review, July 1952.
9. Harry Pollitt. Letter, November 11, 1954.
10. Monthly Labor Review, January 1953.
11. Selig Perlman. A Theory of the Labor Movement, p. 310, N. Y., 1949.
12. Sturmfthal. Unity and Diversity in European Labor, pp. 213-14.
13. Samuel Gompers. The American Labor Movement, p. 21.
14. Fortune, March 1955.
15. American Magazine, June 1947.
16. Cited by George Morris. Daily Worker, September 25, 1955.
17. Herbert Aptheker. Laureates of Imperialism, N. Y., 1954.

Глава 61

1. Kuczynski. Labor Conditions in Western Europe, p. 112.
 2. U.S. Department of Labor, Notes on Labor Abroad, November—January, 1952.
 3. Lumer. War Economy and Crisis, p. 53.
 4. Kuczynski. A Short History of Labor Conditions in the United States.
 5. Labor Research Association, Trends in American Capitalism, p. 84.
 6. Victor Perlo. The Income Revolution, p. 54, N. Y., 1954.
 7. Labor Research Association, Economic Notes, April 1955.
 8. Кузьминов И. Углубление общего кризиса капитализма после второй мировой войны. «Международная жизнь», 1956, № 1.
 9. See John M. Keynes. The General Theory of Employment, Interest and Money, N. Y., 1935.
 10. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., Госполитиздат, 1952, стр. 38.
 11. Mary Norris. Political Affairs, June 1955.
 12. Foner. History of the Labor Movement in the United States, vol. 1, p. 161.
-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адлер Виктор 186, 396

Бабёф Франсуа Н. 60, 110

Бакунин Михаил 78—79, 87—89, 91—94, 137, 171, 175, 178, 231, 271
— всеобщая забастовка 220—221

— Международный альянс социал-демократии 93

Бауэр Отто 186, 396—397

Бebelь Август 59—60, 80—81, 144, 258

Бергер Виктор 172, 273

Бернштейн 147—149, 178, 185, 209, 241—244, 248, 251, 261, 273, 348

Бланки Луи А. 78, 83, 86, 93, 133, 271

Блюм Леон 402—404, 406, 524

Босе Субхаш 424

Брантинг Яльмар 185

Бриджес Гарри 411

Вандервельде Эмиль 276

Ведемейер Иосиф 54, 97

Вейтлинг Вильгельм 68

Ганди Махатма 318, 422—423, 608

Гарди Кер 156

Гарибальди Джузеппе 63, 101

Гед Жюль 177, 276, 277

Гиндеман Г. М. 156

Гитлер Адольф 306, 322, 360, 387, 389, 391—395, 398, 401, 406, 426,
431, 436, 438, 441—444, 473, 489

Гомперс Сэмюэль 101, 105—106, 122, 169—171, 205, 236, 243, 249, 252,
263, 266—267, 271, 273, 278—280, 316, 329—331, 338, 345—347,
429—430, 641

— капитализм 697

— «чистота и простота» профсоюзного движения 46, 137

Грамши Антонио 309, 389, 439

Грин Уильям 410—411, 484, 592, 641

Гюйсманс Камиль 324

Даллес Джон Фостер 599, 618

Данге С. А. 318, 422—424

Дас К. Р. 424

Дебс Юджин В. 161, 172, 235—236
Де Леон Даниель 172, 235—236, 272
Де Пэп Сесар 184
Джордж Генри 156, 166
Диас Хосе 406
Ди Витторио Джузеппе 501—502, 520, 591
Дикин Артур 574—576
Димитров Георгий 187, 399
Добаси Казуйоси 537
Дуэ Адольф 54
Дуглас Фредерик 98

Жуо Леон 275, 326—327, 338, 353, 502, 523, 586—587

Зорге Фредерик А. 54, 105, 169

Ибаррури Долорес (Пассионария) 406
Иглесиас Пабло 182

Кабальеро Ларго 407
Кабэ Этьен 38, 53, 61
Катаяма Сен 36, 197
Като Кандзю 537
Каутский Карл 249, 256, 272, 324, 348, 393, 464
Кейнс Джон М. 469—470, 705—708
Кибуноми Кацуми 537
Коннолли Джеймс 285
Котоку Дендзиро 196, 197, 241
Кузнецов В. В. 502
Куперс Е. 501—502, 575
Кэри Джеймс 546, 572, 575, 594, 596

Лабриола Артуро 179
Лассаль Фердинанд 60, 78, 80, 81, 82, 93, 106, 133, 144, 171, 271, 348
Легин Карл 143, 201—205, 252, 255, 262—263, 275, 281, 300—303, 327, 329, 338, 392, 506
Лейпарт Теодор 378, 394
Ленин В. И. 85, 209—210, 232, 242, 253, 258, 264, 270, 272, 273, 286, 288, 322, 332, 354, 415—416
— всеобщая забастовка 222
— «21 пункт» 361
— единый фронт 392
— империализм 129—131
— интеллигенция 214
— капитализм против социализма 712—713
— Каутский 272
— классовая борьба 638
— колониализм 108, 335, 553
— «левые» коммунисты 338
— независимое политическое действие 213
— нейтралитет профсоюзов 213
— неравномерное развитие капитализма 117—118, 253
— партия нового типа 210—211, 250

- прибавочная стоимость 69
- профсоюзная бюрократия 680—681
- профсоюзы 211—213
- рабочая аристократия 692
- рабочие в империалистических странах 703—704
- революция 1905 г. 215—216, 227
- синдикализм 341
- советские профсоюзы 294
- социализм 214
- стихийность 213
- «экономисты» 212

Либкнехт Вильгельм 60, 80

Либкнехт Карл 304

Линкольн Абрахам 55—56

Ли Сын Ман 622

Лозовский А. 334, 343, 357, 365, 378, 384, 453, 456—458

Лудд Нед 32—33

Льюис Джон Л. 410—411, 434, 481

Люксембург Роза 227, 257, 299, 304

Мадзини Джузеппе 63—64, 87, 178

Майерс Исаак 99

Макартур Дуглас А. 536—537, 612

Макдональд Д. Рамзей 157, 272, 368

Маккарти 564, 628

Манн Том 152, 239, 334, 351

Мао Цзэ-дун 319, 418, 420, 468, 493

Маркс Карл 9, 36, 42, 45, 64, 70—71, 81, 85, 87, 93, 98, 102, 114, 119, 148, 150, 156, 169—171, 198, 209, 214, 242, 270, 348

- Гражданская война (США) 115—116
- 10-часовой рабочий день 37
- диалектический материализм 70—72
- классовая борьба 638, 711
- кооперативы 103
- Криге 101
- кризис 29
- Международное товарищество рабочих 66—76
- Национальный рабочий союз 97
- независимое политическое действие 74, 126
- обнищание 269, 701
- переход от феодализма 15
- «прибавочная стоимость» 69
- пролетаризация крестьянства 21
- профсоюзное движение 72—73, 77—78, 136
- революция 1848 г. 112—114
- религия 208
- «Трибюн» 115
- труд негров и труд белых 54—55
- экономическая борьба 270
- Энгельс 632

Мацуоко Камакичи 537

Мильеран Александр 175, 248

Мини Джордж 597—598, 628, 680, 685—686, 691—692, 697—698, 700, 704

Монмуссо Гастон 310, 341

Муссолини Бенито 309, 360, 375, 389, 395—396, 431, 438—442

Мэррей Филип 413, 593—596, 698

Неру Дж. 536, 608—610

Ньювениус Домела 184

О'Брайен Джеймс Бронтер 69

Оуэн Роберт 31, 36—46, 53, 66, 88, 123, 155, 175, 639

Папа Лев XIII 205

Паудерли Теренций В. 164, 167—168, 207

Пелутье Фердинанд 174, 177

Персель А. А. 370, 374

Плеханов Георгий 197, 250, 272

Поллит Гарри 370

Прудон Пьер Д. 62, 78—79, 82, 87—88, 133, 178, 231, 271

Пуже Эмиль 177

Рейтер Уолтер 594, 596, 627

Реннер Карл 186

Рузвельт Франклин Д. 408—410, 412—413, 478, 481—482, 593, 704

— политика «доброго соседства» 432

— Новый курс 432, 469

Сайян Луи 501—503, 606

Сакагуси Ясуо 537

Самба Марсель 276

Сан-Мартин 10

Сапата 189

Сен-Симон Клод Г. 38, 61

Серрати Джинченто 309

Сильвис Вильям Г. 97, 102

Ситрин Уолтер 378, 484, 500—502

Сорель Жорж

— о насилии 178, 234

Сталин И. В. 209, 287, 467

— всеобщая забастовка в Англии 376

— кризис (1929—1932) 379

— ленинизм 209

Стивенс Тадеуш 98

Судзуки Бун 447

Сун Ят-сен 417, 423

Такано М. 613

Тельман Эрнст 392

Толедано Висенте Ломбардо 433, 501—503, 598, 601

Тольятти Пальмиро 439

Тома Альбер 277, 322

Томас Д. Г. 326, 369, 374

Турати Филиппо 179, 309

Удэгест Ян 326, 365

Уолл Мэтью 386

Уоллес Генри 594

Фиммен Эдо 326

Франко Франциско 445—446

Фрашон Бенуа 587

Фурье Шарль Ф. М. 38, 53, 61

Хара Тораити 537

Хейвуд Уильям Д. 163, 232, 334

Хилквит Морис 172

Хилман Сидней 410, 411, 499, 501, 503

Цеткин Клара 144, 299

Чан Кай-ши 418—419, 438, 491—493, 532—534, 604—605, 618—620

Черчилль Уинстон 372, 375, 535

Чу Х. Ф. 502

Шверник Н. М. 453

Шоу Джордж Бернард 156

Эвелинг Элеонора 152

Эйзенхауэр Дуайт Д. 617, 622, 706

Энгельс Фридрих 67—69, 85, 92, 102, 127, 144, 148—149, 171, 198, 214, 256, 270

— английская фабричная система 120

— английский капитализм 27

— английский рабочий класс 150, 155

— борьба против рабства в США 116

— война 254

— диалектический материализм 70—72

— итальянское рабочее движение 180

— о Марксе 632

— положение английских рабочих 28—29, 121

— рабочая аристократия 46

— рабочие в империалистических странах 703—704

— революция 1848 г. 113—114

— революция 1644 г. 108

— роль профсоюзов 72—73

— Социал-демократическая партия Германии 135

— стачки в Англии 152

— стихийность в стачечном движении 221

— утописты 38

— чартизм 42, 44—45

Ямахава Хитоси 538

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австралазия 265, 615
Австралия 65, 280, 350, 445, 483
— Австралийский конгресс тред-юнионов 550
— борьба безработных 381, 387
— влияние социалистических партий 267
— ВФП 501
— Красный Профинтерн 334
— лейбористская партия 158
— рост профсоюзов 265, 320
— синдикализм 241
— стачки докеров 153
Австрия 113, 114, 246—247, 259, 261, 277, 307, 313, 325, 344, 353, 358, 381, 398, 400
— Австрийское объединение профсоюзов 530
— «Австро-марксизм» 396
— всеобщая забастовка 225, 282
— ВФП 501
— католические профсоюзы 186
— клерикальный фашизм 444
— Коммунистическая партия 397, 444
— Красный Профинтерн 352
— теория «меньшего зла» 396
— революция 1848 г. 17
— Социал-демократическая партия 186, 246, 259, 267, 396
— фашизм 395—398
— членство в профсоюзах 320
Автоматизация 663—665, 693
Азия 264, 319, 354, 414—415, 421, 424, 461, 475, 477, 487, 494, 499, 552—553, 556, 569, 701
— влияние капитализма 701
— ВФП 580
— зарождение рабочего движения 191—197
— профсоюзное движение 316—317, 531—544
— РБА 578
— феодализм 9
— «холодная война» 604—616
Албания 398, 486, 489, 509
— Всемирная федерация профсоюзов 501
— развитие союзов 511

- Американская федерация труда 151, 159, 164, 176, 189—190, 199—200, 204, 244—245, 249, 283, 324, 358, 385—386, 410—414, 418, 429—430, 434, 436, 459—460, 481, 484, 498—501, 592—593
- американская военная администрация 528
- ВФП 507—508, 569—573, 576—578
- государственный департамент 582, 589, 597, 600
- День трудящихся 135
- исключения 353
- Международная федерация профсоюзов 330—331
- Международный секретариат 203
- негры 358, 411
- основание 168
- план Маршалла 593
- рабочее законодательство 651
- «Рыцари труда» 167—171
- страхование по безработице 387
- устав 169
- членство 314, 346, 545
- Япония 613
- Амстердамский Интернационал см. МФП
- Анархизм 68, 74, 87—89, 93—94, 134, 174—175, 177—178, 182—183, 188, 234—235, 257, 428
- анархистский Интернационал 94
- всеобщая забастовка 220—222
- стихийность 664
- Англия 24, 27—31, 34—35, 39—40, 43, 51, 66, 94, 96, 108, 111, 118—119, 121, 134, 146, 170, 175, 182, 190, 193, 197, 201, 219, 231, 243—244, 248, 251, 253, 256, 258—261, 264—265, 269, 279, 283, 285, 288, 291, 325, 326, 328, 339, 357—359, 378—379, 387, 401, 406, 415, 426, 468—469, 500, 565, 623, 638—639, 677, 693—694, 699
- Англо-советский профсоюзный комитет 364—367, 484, 496
- Билль о 10-часовом рабочем дне (1847) 37, 74
- Великий национальный объединенный союз профессий Англии и Ирландии 39—40, 124
- всеобщие забастовки 124, 224—225, 367, 378, 463
- движение безработных 387
- движение фабрично-заводских старост 285
- движение национального меньшинства 351—352, 369—370, 378
- День 1 Мая (1890) 154
- женщины 125
- заморские капиталовложения 131
- квалифицированные рабочие 693—694
- классовое сотрудничество 149—159
- Конгресс тред-юнионов 46, 57, 123, 149, 169, 199—200, 238, 262, 278, 284, 311, 349, 376, 384, 422, 484, 498, 529, 531, 572, 690
- Красный Профинтерн 334, 351, 378
- кризис 1929 г. 381
- лейбористская партия 154—158, 199, 251, 262, 278, 311, 344, 388, 422, 565, 670, 690
- «либерально-лейбористский альянс» 155, 248—249
- МКСП 580
- «мондизм» 349
- Национальная ассоциация защиты труда (1830) 124

- независимая рабочая партия 156
- первоначальная фабричная система 21—22, 120
- Промышленная синдикалистская лига просвещения 237
- профсоюзы во второй мировой войне 480
- рационализация 348—349
- революция 1644 г. 108
- рост профсоюзов 265, 320
- свобода организации союзов 127
- синдикализм 237—239
- служащие 677
- Социал-демократическая федерация 156
- стачки докеров 151—153, 367
- «Тройственный Союз» 239, 311—313; 326, 368—370, 639
- условия труда 702
- фабианство 272
- фабричное законодательство 128
- феодализм 9
- хлебные законы (1846) 45
- Апристы 433, 436, 603
- Аргентина 234, 342, 387, 428—433, 435—436, 549, 599
 - борьба рабочих 315
 - зарождение профсоюзного движения 188
- Атлантическая хартия 478
- Африка 264, 354, 364, 488, 499, 552, 555—556
 - влияние капитализма 701
 - империалистические захваты 552
- Нигерия 555
- профсоюзное движение 554—556
- работорговля 14
- стачки 630
- членство в профсоюзах 675
- см. Южно-Африканский Союз
- АФТ—КПП 207, 628, 661
 - слияние 685, 691
 - финансы 678
- «Балтимора — Огайо план» 315, 345, 376
- Бандунгская конференция 624
- Бельгия 16, 33, 65, 83, 118, 120, 125, 146, 183—184, 197, 201, 206, 245, 259, 268, 276, 280, 326, 344, 350, 358—359, 369, 474, 529, 552, 676, 699
 - борьба безработных 381, 387
 - социалистическая партия 259, 267, 324
 - женские организации 676
 - избирательное право 225
 - революция 1848 г. 17
 - рост профсоюзов 122, 265, 320
- Берлинский Интернационал 428, 464
- Билль о реформе 1832 г. 37, 41
- Бирма 194, 415, 424—425, 487, 534, 615
 - Всебирманский конгресс профсоюзов 542
- Болгария 260, 324, 398, 477, 486, 489, 509, 513, 518
 - ВФП 501
 - Всеобщий рабочий союз 511

- зарождение рабочего движения 187
- Коммунистическая партия 566
- синдикалистские профсоюзы 333
- фашизм 389
- цеховые профсоюзы 150
- Боливия 188, 234, 427, 431, 433, 549
- Босния и Герцеговина 187
- Бразилия 25—26, 431, 433, 436, 483, 630
- Британская Вест-Индия 26
- Британская Западная Африка 555
- Буржуазные революции 17—18, 111—114
- Веймарская республика 305—306, 391—392
- Венгрия 65, 185, 307, 313, 320, 398, 509, 511—512
 - Венгерская революция 307
 - Коммунистическая партия 307
 - первые профсоюзы 187
 - Совет профессиональных союзов (1894) 187
 - социалистическая партия 187, 307
 - фашизм 389
 - Центральный Совет Профессиональных Союзов 187, 511
- Венесуэла 427
- Версальский договор 390
- Водородная бомба 621—622
- Война, борьба против 617—631
 - профсоюзы против 388—400
- Восьмичасовой рабочий день 37, 134, 163—164, 215, 223, 351, 431
- Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ) 495
- Всемирный Совет Мира 496
- Вторая мировая война 383, 399, 406, 426, 435, 437—438, 441, 460, 477, 485
 - потери 479
 - прибыли США 706
 - профсоюзы 472—483
- Второй Интернационал (Рабочий и Социалистический Интернационал) 198—199, 200, 202, 209, 218, 221, 242, 248, 250, 255—256, 259, 263, 266—268, 273, 327, 363, 384, 406, 416, 430, 432—433, 435, 458, 471
 - буржуазный национализм 327
 - влияние 635
 - возрождение 323—324
 - день Первого Мая 136, 164
 - империализм 129—138
 - квалифицированные рабочие 696
 - основание 132—135
 - рабочая аристократия 692
 - роль профсоюзов 135
 - сельскохозяйственные рабочие 675
- ВФП (Всемирная федерация профсоюзов) 526—528, 531—532, 535, 538—539, 550—551, 597—600
 - Африка 556
 - образование 496—508
 - перспективы 646

- политическая деятельность 650—653
- программа 503—507
- раскол 568—581
- «холодная война» 626—631
- численность 687

Гаити 26, 602

Гарантированная ежегодная заработная плата 662

Гватемала 429, 431, 549

Германия 28, 30, 33, 35, 94, 111, 113—114, 118, 119, 120, 125, 135, 136, 141, 185, 193, 199—201, 206, 213, 244—252, 258—259, 265, 268, 272, 277, 280, 284, 297—307, 320—321, 325, 328, 339, 342, 353, 357—359, 363, 367, 369, 378—379, 387, 460, 469, 477, 548, 552, 560, 627, 671, 676—677, 694, 699

- Бисмарк и профсоюзы 139—148
 - Веймарская республика 305—306
 - Всеобщий германский рабочий союз 60, 321
 - ВФП 583—584
 - всеобщие забастовки 226, 228, 251, 303
 - Германская Демократическая Республика 509—513
 - женские организации 676
 - закон о социалистах 139—141
 - Капповский путч 305—306, 330
 - квалифицированные рабочие 693—694
 - Коммунистическая партия 299, 303, 305, 392—393, 395, 496
 - Красный Профинтерн 334, 351, 378
 - крепостные 22, 58
 - кризис экономический 144, 380
 - Международная ассоциация трудящихся 79
 - монополистический капитал 145
 - Немецкая федерация профсоюзов 584
 - Общегерманское объединение профсоюзов 394
 - первые профсоюзы 81—82
 - профсоюзы 510
 - рабочий союз 80
 - революция 1848 г. 17, 101, 113, 114
 - революция 1918 г. 228, 297—308, 390, 392, 463, 636
 - рост профсоюзов 123, 265, 320, 524—528
 - синдикализм 143
 - «Соопределение» 671, 697
 - Социал-демократическая рабочая партия 60, 127, 135, 144, 185, 246, 251, 255, 260, 262, 267, 326, 348, 390—395
 - социал-демократы в правительстве 344
 - Социалистическая единая партия Германии 496
 - стачки 59, 145—146, 386
 - условия труда 702
 - фашизм 389—395
 - Федерация рабочих союзов 384
 - цеховая система 21, 58
- Голландия 65, 122, 183, 206, 266, 268, 425—426
- влияние социалистических партий 266—267
 - всеобщая забастовка 225
- Гоминьдан 417, 491—492, 532—533
- Гондурас 426

Готская программа 143—144
Гражданская война (США) 17, 47, 114, 256
Греция 187, 399, 474, 477, 489—490, 518
— интервенция США 563
— 1914—1948 годы 518
— фашизм 389

Дания 65, 184—185, 266, 529
— жизненный уровень 702
— социал-демократия 185, 266—267, 344
Двухсполовинный Интернационал 363, 464
Детский труд 23—25, 127, 417
Доминиканская республика 435, 602

Европа, «Мануфактура» 20
— первоначальное накопление капитала 16
— первые профсоюзы 57—66
— «Раздаточная» система 19
— революция 1848 г. 57, 63, 111—114, 268
Египет 218, 554—555
— Красный Профинтерн 354
Единый фронт 363—364
— Ленин 392
— профсоюзное единство 356—367

«Железный закон заработной платы» 80
Женевская конференция (1955) 611, 630, 686
Женщины 23—25, 323, 335, 418, 494—495
— Женская профсоюзная лига 676
— Международная демократическая федерация женщин 495
— Международная конференция трудящихся женщин 676
— Национальный рабочий союз 125
— первоначальный период развития промышленности 22
— первые профсоюзы (Англия) 120, 124—125

Закон максимальной прибыли 706

Израиль, Всеобщая федерация еврейских рабочих (Гистадрут) 544
Иммиграция 24, 54
Империализм 71, 356
— Второй Интернационал 129—138
— Ленин о 129—131
— определение 116
Индия 194, 218, 400, 415, 425, 427, 434, 436
— борьба безработных 387—388
— восстание сипаев 192
— восстания крестьян 192
— Всеиндийский конгресс профсоюзов 318, 535—536, 608—611
— Индийская федерация труда 424
— Индийский национальный конгресс профсоюзов 609—611
— Коммунистическая партия 424, 609
— Красный Профинтерн 354, 378
— Мирутский процесс 421
— независимость 608

- рост профсоюзов 421—424, 535—536
- стачечное движение 318, 386
- Индо-Китай 194, 415, 487, 616
 - войны 622, 627, 629
 - Вьетнамская всеобщая конфедерация труда 544
 - интервенция США 618
- Индонезия 194, 415, 424, 487, 615
 - Федерация профессиональных союзов 542—543
 - центральная организация рабочих Индонезии 542
 - Индустриальные Рабочие Мира (ИРМ) 146, 235, 240, 244, 260, 283, 285, 338, 541, 550
 - Международный секретариат 203
 - синдикализм 236—237
- Иран 218
 - революция 1906 г. 18
- Ирландия 39, 66, 79, 102, 111, 169
 - Конгресс тред-юнионов (1894) 66, 531
 - лейбористская партия 158
 - Международная ассоциация трудящихся 77
 - пасхальная неделя (1916) 285
- Испания 201, 257, 259, 268, 281, 313, 320, 325, 338, 342, 381, 400, 405, 426, 434, 463
 - Анархистская федерация 407
 - Всеобщий союз трудящихся 182, 407, 446
 - гражданская война (1936—1939) 405
 - Красный Профинтерн 334, 352
 - Коммунистическая партия 406
 - Народный фронт 405
 - Национальная конфедерация труда 183, 234, 333, 407—408
 - «невмешательство» 406
 - первые профсоюзы 122, 182—183
 - революция 1848 г. 17
 - революция 1873 г. 91
 - синдикализм 137, 234
 - стачки 124, 227—228, 630
 - троцкизм 468
 - фашистские союзы 445—446
- Италия 89—90, 102, 111, 120, 146, 201, 206, 262, 280—281, 320, 324, 337—338, 342—343, 350, 357—358, 381, 398, 426, 548, 552, 560
 - ВИКТ 1945 год 519—521, 588—591, 663, 685
 - Всеобщая конфедерация труда 180—181, 234, 309, 439, 441, 476
 - всеобщие забастовки 124, 180—181, 519
 - выборы 1948 г. 561
 - Итальянская конфедерация свободных профсоюзов 590—591
 - Коммунистическая партия 309, 439, 441, 486, 496, 519, 529, 561, 566, 590, 689
 - коммунисты в правительстве 486
 - коммунисты в профсоюзах 689
 - марксистские профсоюзы 178—181
 - Объединенные итальянские профсоюзы (1912) 234
 - синдикализм 137, 233—234
 - социалистическая партия 178, 260, 267

- стачки 180, 222, 630, 636, 702
- условия труда 702
- фашизм 389—390
- фашистские союзы 438—441
- Федерация итальянских рабочих советов (1893) 179
- членство в профсоюзах 122, 320
- Канада 108, 345—348, 358, 380, 400, 483
- АФТ 169
- Коммунистическая партия 159, 547
- МФП 378
- первый союз 66
- рост профсоюзов 265, 547
- синдикализм 241
- советы безработных 387
- социалистическая партия 159, 260
- феодализм 10
- Католическая церковь 10, 17, 26, 90, 107, 186, 271, 435
- Кинтальская конференция 285
- Китай 30, 193—196, 208, 388, 415, 425, 436, 438, 447—418, 462—463, 468, 473, 477, 642, 654, 659, 675
- «боксерское восстание» 193
- борьба безработных 387
- Всекитайская федерация профсоюзов 606—608
- Китайская ассоциация труда (КАТ) 418
- Китайская революция 311, 491—493
- Коммунистическая партия 319, 417—420, 491—493, 534, 604—606
- Красный Профинтерн 354, 378
- Рабочий конгресс (1922) 319
- развитие профсоюзов 642
- революция 1911 г. 18
- ремесленники 21
- Североитайская федерация профсоюзов 419
- стачки 319, 386, 416—417
- Тайпинское восстание 193
- Федерация профсоюзов освобожденных районов 533
- Федерация труда 416, 419, 533
- Китайская Народная Республика 287, 416, 420, 491, 531, 604, 606, 610—611, 614—616, 620, 691, 700, 711
- Кемой и Мадзу 623
- ООН 625
- профсоюзы 604—608, 653—655
- Классовой борьбы теория 69—70
- Колумбия 315, 429, 431—433, 435—436, 549
- Коммунистический Интернационал 296, 316, 332—334, 339, 340, 344, 345, 383, 388, 399, 458, 464
- Конгресс производственных профсоюзов 146, 245, 410—414, 434, 462, 481, 484, 498—499
- ВФП 569—579
- государственный департамент 582, 585, 590, 597, 600
- делегация в Советский Союз 546
- забастовка во Флинте 634
- политика мира 593
- программа 592

- раскол 595—598
- членство 547
- Япония 613
- Корея 195, 415, 616, 620
- война (1950—1953) 618, 622, 627, 629
- Красный Профинтерн 354, 378
- Федерация профессиональных союзов Северной Кореи 543
- Коста-Рика 428—429, 431, 433, 435—436
- Красный Профинтерн (Красный Интернационал профессиональных союзов) 285, 331—343, 356—357, 365, 382—390, 400, 408—409, 415—416, 422, 424—425, 433, 441, 447
- единый фронт 362—364
- исключение из МФП 352—353
- колониальные страны 354—355
- Коммунистический Интернационал 339
- Корея 378
- Латинская Америка 378
- образование 333—334
- программа 334—337
- профсоюзное единство 337, 360—362
- синдикализм 337—340
- членство (1930) 378
- Крестьянство 11, 16, 21—24
- Кризис экономический 29, 43, 51
- (1929—1932) 350, 379—388, 412
- программа 707—708
- Куба 188—189, 428, 431—433, 435—436, 549, 599
- Национальная конфедерация трудящихся 188—189
- первые союзы 188
- Латвия 324, 398, 486
- Латинская Америка 265, 315—316, 341, 357, 381, 400, 462, 499, 569
- борьба профсоюзов 426—428
- ВФП 580, 598, 600—601, 603
- кабальные долги 26
- католические профсоюзы 603
- коммунистические партии 315, 432, 436
- Конфедерация трудящихся Латинской Америки 433—437, 483, 549, 600—601, 603
- Красный Профинтерн 378, 430—433
- Межамериканская конфедерация трудящихся (МКТ) 601
- Панамериканская федерация труда 316, 428—430, 434, 601
- первые профсоюзы 187—190
- Профсоюзная федерация Латинской Америки 431, 433
- РБЛА 578
- синдикализм 234, 342
- Лига наций 321—322, 329, 331, 335, 478
- Лига профсоюзного единства 354, 409
- Лига профсоюзной пропаганды 352
- Литва 398, 409
- Люксембург 529
- Малайя 194, 487, 543, 615
- Марокко 227, 259, 554
- Генеральный совет конфедеративных профсоюзов 554

- Мартиника 426
Маршалла план 570—581, 583, 585, 593
Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП)
1949 год 568—579, 580—581, 584, 601, 612—614, 646—649, 656,
678, 686—688, 696—697, 699—700
— Красный Профинтерн 646—659
— образование 576—579
— РБЛА 578
— «холодная война» 626—631, 686
— численность 687
Международная профсоюзная лига просвещения 236—237
Международная федерация профессиональных союзов (МФП),
1909 год 203—204, 259, 263, 275—276, 320—321, 325, 355—357, 360,
363—366, 377—378, 382—387, 400—416, 418, 422, 430, 434, 441, 447,
460, 464, 465, 484, 497—501, 503, 508
— АФТ 330, 331
— Амстердамский Интернационал (1919) 321—331, 335, 342
— политика исключения 352—354
— программа 327—329
— реорганизация 325—327
— членство 378
Международная федерация христианских профсоюзов 205—206, 357,
501
Международное бюро труда 318, 322—323, 329, 434
Международное социалистическое бюро 257, 276
Международное товарищество рабочих 37, 45, 47, 78, 79, 93, 94,
95, 107, 124, 129, 136, 171, 175, 182—183, 197, 208, 256, 263, 266
— английские союзы 78
— Временный устав 75—76
— всеобщая забастовка 220
— гражданская война (США) 115—116
— зарождение 57
— Маркс 66—76
— Национальный союз труда 95—106
— негритянское рабство 77
— роспуск 133
— США 104—106
Международный конгресс трудящихся женщин 320
Международный кооперативный альянс 494
Международный секретариат профессиональных союзов (1900—1914)
197—208, 355
Мексика 234, 342, 428—433, 483, 549, 599
— Конституция 1917 г. 189
— Конфедерация трудящихся Мексики 433
— Мексиканская революция 315
— Мексиканская региональная рабочая конфедерация 189
— первые профсоюзы 188
— синдикализм 241
«Меньшего зла» теория 393, 396, 406
Меркантилизм 13—14, 117
Мир 655
— Всемирный Совет Мира 622
— Конференция матерей (1955) 676
— силы во всем мире 620

Молли Магвайрс (тайное ирландское националистическое общество) 162
 «Мондизм» 376
 Мюнхенское соглашение 473, 478

Народной демократии страны 287, 486, 488—491, 508—518, 607, 641—642, 691, 700, 711
 — профсоюзы 653—655
 — социализм 709

Народный фронт 401—414, 462

Национальный и колониальный вопросы 193, 335, 414—416, 436, 459, 467, 487—488, 553—554. См. Африка, Китай

Негритянский народ (США) 25—27, 47, 50—52, 55, 98—99, 172, 245, 335, 359, 364, 410—411, 466, 675
 — АФТ 358
 — Всемирная профсоюзная организация 675
 — гражданская война 114
 — Национальный альянс цветных фермеров 165
 — Национальный рабочий союз 97—99, 104
 — Национальный союз цветных рабочих 99, 102, 359
 — начало рабства 10, 47, 51
 — шовинизм в рабочем движении 188

Независимое политическое действие 30, 125—128, 247, 469, 650
 — фермеры 165
 — Маркс о 74

Неравномерное развитие капитализма 117—118

Нидерланды 529
 — рабочие союзы 265

Никарагуа 430, 433, 602

Новая Зеландия 65, 260, 401, 483, 550—551
 — лейбористская партия 159
 — синдикализм 241
 — стачки докеров (1890) 153

Новый курс 409, 470

Норвегия 65, 184—185, 325, 477, 529
 — влияние социалистических партий 267
 — начало социал-демократического движения 185
 — синдикализм 240

Общество членов католических профсоюзов 207

Общий кризис капитализма 297, 646, 690, 704—709, 712

Организация европейского экономического сотрудничества 573

Организация неорганизованных рабочих — АФТ 314, 346, 410—411, 545, 597, 634—635, 673—679
 — коммунисты 410
 — КПП 410, 412, 545
 — проблемы 673—679

Организация Объединенных Наций 323, 499—500, 622
 — Китайская Народная Республика 625
 — «холодная война» 558, 562

Пакистан 534, 542, 616, 665

Пан-Тихоокеанский секретариат профессиональных союзов 425

Парагвай 428, 431, 433, 435, 602

- Парижская коммуна 79, 82—86, 172, 268
- Первая мировая война 226, 239, 253—254, 261, 263, 269, 273, 287, 297, 326
 - профсоюзы 275—283
 - синдикалисты 340—341
- Первого Мая день 134, 154, 163—164, 232, 630
- Первоначальное накопление капитала 16
- Перу 431, 433, 435—436, 601
 - всеобщая забастовка 223
 - первые профсоюзы 188
- Полинезия 131, 264, 488
- Польша 77, 111, 185, 288, 313, 324, 344, 353, 358, 380—381, 398, 438, 477, 513—518, 620
 - борьба безработных 387
 - Красный Профинтерн 334, 352
 - начало рабочего движения 186
 - синдикализм 240
 - социалистическая партия 186, 329
 - фашизм 389
 - Центральный совет польских профессиональных союзов 511
- Порто-Рико 189, 426—427, 435
 - Региональная федерация трудящихся 190
- Португалия 25, 108, 426, 487
 - ВКТ 342
 - работорговля 14
 - революция в американских колониях 17
 - синдикализм 137
- Прибавочная стоимость 69, 73
- Программа восстановления для Европы 562
- Промышленная революция 14, 15, 28—30, 33, 57, 117, 118
- Работорговля 14, 77
 - Международное товарищество рабочих 77
 - США 26—27, 47—48
 - феодализм 16, см. Негритянский народ
- Рабочая аристократия 34, 46, 65, 146, 150, 168—169, 246, 367, 468, 692—696
 - «Раздаточная система» 19, 20, 23, 117
 - Второй Интернационал 692
 - деградация 265
- Рационализация 344—351
- Революция 1848 г. 111—114
- «Рерум новарум» 205
- Россия (царская) 30, 57, 111, 133, 192, 238, 243, 247, 253, 258, 268, 272, 277, 280, 359
 - всеобщие забастовки 225—228
 - Второй Интернационал 324
 - успехи социал-демократов на выборах 267
 - отмена крепостного права 22
 - развитие профсоюзного движения 641—642
 - революция 1905 г. 192, 208—218, 227, 229, 257, 270, 274, 316—317
 - Российская социал-демократическая рабочая партия 216
 - русско-японская война 215, 227

- Февральская революция 1917 г. 328
- феодализм 9
- Румыния 187, 307, 324, 398, 400, 433, 486, 489, 517
- Всеобщая конфедерация труда 511
- фашизм 389
- «Рыцари труда» 40, 106, 126, 164, 207
- и АФТ 167—170

- Сальвадор 188, 429, 430, 602
- Сан-Доминго 430
- СЕАТО 618
- Сельское хозяйство, капиталистическое 22
- движение фермеров США 165—166
- занятость (США) до 1880 г. 120—121
- издольщина 26
- организация трудящихся 675, 678
- союзы в Латинской Америке 188
- феодальное общество 10, 22
- См. Национальный и колониальный вопрос; Негритянский народ; фермеры
- Сербия 187, 260, 324
- Синдикализм 74, 87, 181, 185, 188—189, 206, 220, 222—224, 232, 252, 255, 262, 271, 281, 295, 337—342, 350, 405, 407, 428, 464, 644—645
- база 137
- «воинствующего меньшинства» принцип 176
- всемирное движение 230—241
- всеобщая забастовка 176
- Ленин 341
- Синдикалистская лига Северной Америки 236, 283
- упадок 340—342
- Сирия 544
- Скандинавия 138, 183—185, 265, 313, 350, 358, 381, 398, 471, 487, 550
- квалифицированные рабочие 693
- МКСП 580
- Служащие 676—678
- Советский Союз 291—292, 295, 320, 325, 328—329, 340, 363, 365, 380, 399, 406, 415, 417, 438, 473—475, 477—479, 482—483, 499—501, 510, 514—518, 607, 610—611, 614—615
- Англо-русский комитет 459
- военно-воздушные базы США 563, 617
- Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов 657—659
- заводские комитеты 292—294
- заработная плата 453, 454
- Коммунистическая партия 293—295, 566
- Коммунистический союз молодежи 457
- Красная Армия 620
- Красный Профинтерн 334, 400
- новая экономическая политика (НЭП) 294
- Октябрьская революция (1917) 226, 258—259, 281, 290, 297, 316, 364, 437
- промышленное производство 642, 657
- пятилетние планы 452

- роль профсоюзов 653—656
- сдельщина 292
- стахановцы 515
- стачки 291—292
- структура профсоюзов 456—458, 465
- Соединенные Штаты 24, 28, 30, 33, 35, 38, 66, 68, 94—96, 108, 125, 146, 148, 189, 193, 201, 218, 230—231, 236, 243—245, 248—249, 252, 261, 263—266, 271, 278, 280, 282—283, 288, 325—328, 334, 337, 339, 347—348, 358—359, 379, 400—401, 406—414, 426, 430—432, 465—466, 469—470, 548, 565—566, 569—570, 576—577, 581—582, 589, 600, 624—625, 663—664, 674—675, 683—684, 693—695
- аресты руководителей Компартии 564
- военно-воздушные базы 563, 617
- вторая мировая война 480—482
- ВФП 501
- гражданская война 17, 52, 55—57, 114—116
- движение за 10-часовой рабочий день 54
- Декларация независимости 18, 109
- Демократическая партия 103, 166, 413, 691, 704
- Железнодорожное братство 161, 413, 484
- женщины, проблемы организации 675—676
- закрытые цеха 667—669
- Закон о гомстедах 100, 116, 163
- Западная федерация 163
- квалифицированные рабочие 693—696
- Комиссия конгресса по расследованию антиядериканской деятельности 628
- Коммунистическая партия 358, 409, 596, 690
- Коммунистический клуб (Нью-Йорк), 1857 г. 54
- консерватизм рабочих 704
- концентрация капитала 130
- Красный Профинтерн 352
- кризис (1837) 51, (1854 и 1857) 56, (1929) 379—388
- лендлиз 474, 482
- Международное товарищество рабочих 104—106
- Национальный рабочий союз 57, 96—106, 125, 167
- Новый курс 409, 432, 470
- о роли США 591—592
- первые профсоюзы 47—57, 124, 265
- промышленное развитие (1830—1860) 51 (после 1929) 657
- профсоюзы во второй мировой войне 480—481
- рабочие партии 103, 125—127, 165—166
- революция 1776 г. 108
- служащие 676—677
- советы безработных 387
- социал-демократия 689—690, 692
- социалистическая партия 161, 232, 260, 266, 278
- стачки 47—50, 59, 124, 159—172, 223, 263, 386, 481
- условия труда 703—704
- утопизм 53
- фабричная система 48, 56
- феодализм 10
- Хеймаркт 164
- «холодная война» 557—568

— цеховая система 12, 19
— членство в профсоюзах (1873) 122, (1920) 320, (после 1945) 545
— Япония 536
Социал-демократия 344
— «меньшее зло» 393
— первая мировая война 254—255
— рационализация промышленности 344
— социальное страхование 661
— стратегия 666
— упадок 687—700
— фашизм 391—393
Социализм 70—72, 116, 148
— Бернштейн 147
— вдохновляющая сила 709—710
— Ленин 214
— новая социальная эпоха 710
— профсоюзное движение 72—73, 250, 605
Социалистическая рабочая партия 160, 170—172, 272

Тайланд (Сиам) 424, 543
— Всеобщая федерация профессиональных союзов 543
Тайвань (Формоза) 610, 623
Тафта — Хартли закон 564, 628, 666, 690
Тресты и промышленные союзы 145
Троцкизм 272, 294, 394, 459, 580
Трумэна доктрина 560—564, 585, 617, 627
Турция 57, 185, 218, 307, 398, 544

Уругвай 223, 430—433, 435—436

Фабианцы 148, 156
Фабричная система 32, 48
— женщины и дети 22
— зарождение 15
Фабричное законодательство 31, 37, 127
Фашизм 388—395, 399—400
— Австрия 395—398
— всеобщий кризис 389
— вторая мировая война 472—483
— зарождение в Италии 308—309
— определение 388—390
— отпор во Франции 401—405
— профсоюзы против 388—400
— рабочие организации 437—449
— социал-демократия 391—392
Феодализм 9—11, 16, 28, 36, 57, 106, 117
Фермеры 23
— независимое политическое действие 165—166
— опролетарившиеся 21—22
Филиппины 189, 317, 415, 487, 616
— Коммунистическая партия 425
— Конгресс трудящихся Филиппин 189
— Федерация трудящихся Филиппин 543
— Хукбалахпское движение 543

- Финляндия 267, 324, 398, 530
- Франко-прусская война 83, 102, 256
- Франция 25, 28, 30, 33, 35, 60, 83, 96, 108, 111, 120, 125, 148, 182, 193, 197, 201, 206, 257—259, 271, 280—281, 288, 307, 321—322, 325, 328, 333—334, 338, 344, 350, 352, 357—359, 369, 400, 406, 415, 426, 431, 552, 560, 585—588, 663, 676, 685, 693
- всеобщая забастовка 222—223
- ВФП 501, 580
- Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) 173—177, 232—234, 236, 283, 309—310, 401—405, 470, 489, 522—523, 556, 572, 623—624, 627
- Декларация прав человека 18, 110
- женские организации 676
- закон о запрещении объединений 63
- заморские капиталовложения (1913) 131
- квалифицированные рабочие 693
- Коммунистическая партия 486—487, 496, 522—523, 529, 561, 566
- коммунисты в правительстве 486
- коммунисты и профсоюзы 689
- Красный Профинтерн 334, 352
- Народный фронт 403, 465
- Национальная федерация рабочих союзов 174
- Объединенная конфедерация труда 341
- революция 1789 г. 17, 42, 109
- революция 1830 и 1848 гг. 17, 61—62, 111—112
- рост профсоюзов 122, 173—174, 265, 320, 640
- синдикализм 137, 174—178, 230, 252, 310
- социалистические партии 175, 249, 259, 262, 267
- стачки 386—387, 630, 702
- Унитарная всеобщая конфедерация труда 401
- условия труда 702
- Федерация бирж труда 174, 176
- Хлебные законы (1846) 45
- «Холодная война» 556—568
- Хорватия 187
- Христианские (католические) союзы 138, 140, 301, 305, 320, 404, 444, 512, 522, 527
- Католический рабочий интернационал 205—208, 356—357, 686
- Цейлон 487, 534, 542, 615
- Центральная Америка 187—190, 426, 429, 432
- Цеховая система 11—13, 20—21, 35—36, 58, 117, 119, 414
- Циммервальдская конференция 285
- Чартизм 36—40, 66, 101, 197, 219, 225, 239
- Чехословакия 185, 240, 307, 313, 325, 334, 342, 344, 350, 352, 358—359, 381, 398, 400, 473, 477, 509, 512, 518, 566
- борьба безработных 387
- задачи профсоюзов 659
- Коммунистическая партия 566
- Красный Профинтерн 352
- синдикализм 240
- стачки 386
- Центральный совет профсоюзов 510

Чили 108, 234, 342, 428, 432—433, 435, 549, 599, 630
— борьба безработных 387
— всеобщая забастовка 223
— первые союзы 188
— стачки 188, 315
«Чистый и простой» трэд-юнионизм 46, 74, 79, 137, 171,
212, 271

Швейцария 206, 324—325, 475, 531, 637
Швеция 65, 184—185, 268, 325, 342, 434, 530—531, 637
— избирательное право 225
— синдикализм 185
Штутгартский конгресс 286

Эквадор 315, 430—431, 433, 435—436
Энкомьенда система (система полужакрепощения индейцев испанскими конквистадорами) 25
Эрфуртская программа 141—144
Эфиопия 473—474

Югославия 185, 240, 477, 486
Южно-Африканский Союз 359, 401, 551, 554
— лейбористская партия 159, 191
— первые профсоюзы 190
— синдикализм 241
— Южно-африканский профессиональный и рабочий совет 551, 555

Япония 30, 193, 208, 215, 247, 253, 262, 265, 277, 280, 288, 350, 353, 358,
367, 388, 398, 417, 425—426, 446—449, 477, 531, 532, 548
— борьба безработных 387—388
— ВФП 580
— вторая мировая война 472, 474
— Компартия 317, 537, 612
— Красный Профинтерн 378, 447
— кризис 1929 г. 381
— левые в профсоюзах 690
— МКСП 613
— начало рабочего движения 194—197
— профсоюзные федерации 612—614
— революция 1868 г. 17
— «рисовые бои» 317
— рост профсоюзов 536—541
— синдикализм 240—241
— служащие 677
— социалистическая партия 196—197, 241, 262, 447—449, 537
— стачки 223, 386
— фашистские трудовые организации 446
— федерации труда 447, 537—541
— «холодная война» 611—615

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие к американскому изданию .	3
Предисловие к русскому изданию	6
Часть I. Формирование основ профсоюзного движения (1764—1876)	
<i>Период капиталистической конкуренции</i>	9
Г л а в а 1. Зачатки капитализма	9
Цеховой строй	11
Развитие меркантилизма	13
Промышленный переворот	15
Буржуазная политическая революция	17
Г л а в а 2. Зарождение рабочего класса	19
Превращение ремесленников в наемных рабочих	19
Пролетаризация крестьянства	21
Принудительный труд, пеонат и рабство	24
Г л а в а 3. Зарождение тред-юнионизма в Англии (1764— 1824)	27
Сопrotивление рабочих	29
Разрушение машин и бунты	31
Забастовки и профсоюзы	33
Цехи и профсоюзы	35
Г л а в а 4. Оуэнизм и чартизм (1817—1868)	36
Великий национальный объединенный союз профессий	39
Возникновение чартизма	40
Упадок чартистского движения	42
Рабочие организации поворачивают вправо	45
Г л а в а 5. Профсоюзное движение в Соединенных Штатах (1776—1865)	47
Зарождение профсоюзного движения	48
Жгучий вопрос о рабстве	51
Успехи рабочих организаций	53
Профсоюзы и гражданская война	55

Глава 6. Первые шаги профсоюзного движения в Европе (1848—1864)	57
Зарождение немецкого профсоюзного движения	58
Первые французские профсоюзы	60
Зарождение профсоюзного движения в Италии	63
Зачатки профсоюзного движения в других странах	64
Глава 7. Первый Интернационал и Карл Маркс	66
Маркс и общая рабочая программа	68
Марксизм и профсоюзное движение	72
Учредительный манифест и временный устав Международного товарищества рабочих	75
Глава 8. Интернационал, профсоюзы и Парижская коммуна (1864—1876)	77
Роль британских тред-юнионов	78
Немецкие профсоюзы и Интернационал	80
Профсоюзы и Парижская коммуна	82
Возрождение французского рабочего движения	85
Глава 9. Итальянские и испанские профсоюзы и Бакунии (1864—1879)	87
Бакунии в Италии	87
Лиги сопротивления	89
Испанские организованные рабочие в Интернационале	90
Раскол Первого Интернационала	93
Глава 10. Национальный рабочий союз и Первый Интернационал (1866—1876)	95
Национальный рабочий союз	96
НРС и негритянские рабочие	97
Профсоюзы и вопрос о земле	99
НРС и Интернационал	101
Упадок НРС	103
Первый Интернационал в Соединенных Штатах	105
Глава 11. Рабочие и буржуазная революция (1644—1876)	107
Английская, американская и французская революции	107
Рабочие в европейской революции 1848 года	111
Профсоюзы и вторая американская революция	115
Глава 12. Мировое рабочее движение до 1876 года	117
Рост мирового капитализма	117
Развитие рабочего класса	119
Создание основ профсоюзного движения	122
Политические действия и организации	126

Часть II. Профсоюзы и монополистический капитализм (1876—1914)

<i>Период созревания империализма</i>	129
Глава 13. Империализм и Второй Интернационал	129
Развитие мирового империализма	129
Основание Второго Интернационала	132
Роль профсоюзов во Втором Интернационале	135

	Стр.
Глава 14. Бисмарк и немецкие профсоюзы (1878—1900)	139
Закон против социалистов	139
Эрфуртская программа	141
Образование Всеобщей профсоюзной комиссии .	142
Тресты и производственные профсоюзы .	145
Бернштейнианский ревизионизм . . .	147
Глава 15. Великобритания. Классовое сотрудничество и новые формы тред-юнионизма (1876—1906) .	149
Консервативные британские тред-юнионы .	149
Великая забастовка докеров	151
Основание английской лейбористской партии .	154
Лейбористские партии в доминионах . .	158
Глава 16. Ожесточенная профсоюзная борьба в Соеди- ненных Штатах (1876—1900) .	159
Войска против забастовщиков	160
Политический союз рабочих и фермеров	165
«Рыцари труда» и Американская федерация труда	167
Роль марксистов	170
Глава 17. Организованные рабочие во Франции, Италии и Испании (1876—1900) . .	172
Рост французского профсоюзного движения .	173
Развитие французского анархо-синдикализма	174
Марксистское профсоюзное движение в Италии .	178
Профсоюзы в Испании	181
Глава 18. Профсоюзы в других странах (1876—1914) .	183
Профсоюзное движение в Нидерландах и Скандинавии	183
Профсоюзы в Восточной Европе	185
Первые профсоюзы в странах Латинской Америки .	187
Начало профсоюзного движения в Африке	190
Начало пробуждения рабочих Азии . .	191
Зарождение рабочего движения в Японии .	194
Глава 19. Международный профсоюзный секретариат (1900—1914)	197
Организация профсоюзных секретариатов	200
Международный секретариат национальных профсоюз- ных центров	201
Международная федерация профсоюзов .	203
Католический рабочий Интернационал	205
Глава 20. Профсоюзы в период русской революции 1905 года	208
Восстановление Лениным марксистских принципов	209
Ленинская партия нового типа	210
Ленин и профсоюзы	211
Ход революции 1905 года	215
Роль профессиональных союзов .	216
После революции	218

Глава 21. Вопрос о всеобщей забастовке	219
Всеобщая стачка в истории рабочего движения	219
Всеобщие экономические забастовки и забастовки солидарности	222
Общие забастовки за предоставление рабочим избирательного права	224
Антивоенные и революционные всеобщие стачки	226
Всеобщая стачка как оружие в руках рабочего класса	228
Глава 22. Анархо-синдикализм как мировое движение (1906—1914)	230
Анархо-синдикализм в латинских странах	232
Американская организация Индустриальные рабочие мира и синдикализм	235
Синдикалистское движение в Англии	237
Анархо-синдикализм в других странах	240
Глава 23. Борьба против ревизионизма в профсоюзном движении (1900—1914)	241
Практическая сущность борьбы против ревизионизма	244
Борьба за самостоятельные политические действия	247
Партия и профсоюзы	250
Глава 24. Профсоюзы и борьба против военной угрозы	253
Ответственность социал-демократии за войну	254
Ход антивоенной борьбы	256
Предательство по отношению к рабочим в период войны	259
Роль профсоюзов	262
Глава 25. Мировое профсоюзное движение (1876—1914)	263
Рост рабочего движения	265
Борьба рабочего класса	267
Успехи и недостатки в области идеологии	270

Часть III. Профсоюзное движение в период между двумя мировыми войнами (1914—1939)

<i>Общий кризис капитализма и зарождение мирового социализма</i>	275
Глава 26. Профессиональные союзы в период первой мировой войны (1914—1918)	275
Профсоюзные лидеры становятся частью государственной военной машины	276
Выколачивание прибылей и сопротивление рабочего класса	280
От активности военного времени к революционной борьбе	284
Глава 27. Профсоюзы в период русской революции 1917 года (1917—1921)	286
Профсоюзы в период революции	288
Забастовка, сдельщина и рабочие советы	290
Профсоюзы, партия и государство	293

	Стр.
Глава 28. Профсоюзные массы и революция в Германии (1918—1920)	297
Свержение монархии Гогенцоллернов	298
Легин и К° предают дело социализма	301
Рабочие пытаются совершить революцию	303
Веймарская республика и капповский путч	305
Революция в Венгрии	307
Глава 29. Волна революционного подъема во всем капиталистическом мире (1918—1921)	308
Зарождение итальянского фашизма	308
Наступление и контрнаступление во Франции	309
Провал английского Тройственного союза	311
Послевоенная борьба в странах американского континента	314
Развитие профсоюзного движения в Азии	316
Рост мирового профсоюзного движения (1914—1921)	320
Глава 30. Реорганизация международной федерации профсоюзов (1919—1920)	321
Лига Наций	321
Международная организация труда	322
Возрождение Второго Интернационала	323
Реорганизация международной федерации профсоюзов	325
Прокапиталистическая программа МФП	327
АФТ и МФП	330
Глава 31. Создание красного интернационала профсоюзов (1919—1921)	331
Создание Профинтерна	333
Программа Профинтерна	334
Спорные вопросы политики	337
Упадок анархо-синдикализма	340
Размах работы Профинтерна	342
Глава 32. Классовая борьба и классовое сотрудничество (1921—1926)	343
Сторонники Гомперса возглавляют капитуляцию	345
«Рационализация» в Англии, Германии и других странах	347
Программа Профинтерна в области классовой борьбы	350
Политика исключений, проводившаяся МФП	352
Роль Профинтерна в колониальных странах	354
Глава 33. Борьба за единый фронт и профсоюзное единство (1919—1926)	356
Общая проблема единства профессиональных союзов	357
Борьба за органическое профсоюзное единство	360
Вопрос единого фронта	363
Англо-русский профсоюзный комитет	364
Глава 34. Английская всеобщая забастовка (1926)	367
События, вызвавшие всеобщую забастовку	368
Ход забастовки	371
Последствия забастовки	375
Соотношение сил между МФП и Профинтерном	377

	Стр.
Глава 35. Рабочие и мировой экономический кризис (1929—1932)	379
Разрушения, вызванные экономическим кризисом	380
Контраст между СССР и капиталистическим миром	382
Противоположность политики МФП и Профинтерна	382
Борьба с обнищанием трудящихся в капиталистических странах	385
Глава 36. Профсоюзы в борьбе против фашизма и войны (1929—1939)	388
Победа фашизма в Германии	390
Фашисты захватывают Австрию	395
Изменения в международном пролетарском фронте борьбы	398
Глава 37. Народный фронт во Франции, Испании и Соединенных Штатах	401
Рабочие наносят поражение фашизму во Франции	401
Профсоюзы в испанской антифашистской войне	405
Американские рабочие отражают наступление реакции	408
Глава 38. Рост профсоюзного движения в колониальных странах Азии (1921—1939)	414
Бурное развитие китайского профсоюзного движения	416
Развитие профсоюзного движения в Индии	421
Профсоюзное движение в других колониальных странах Азии	424
Глава 39. Борьба профсоюзов в Латинской Америке (1918—1945)	426
Панамериканская федерация труда	428
Профинтерн в Латинской Америке	430
Конфедерация трудящихся Латинской Америки	433
Глава 40. Профсоюзные организации в фашистских странах	437
Фашистские профсоюзы в Италии	438
«Фашистский рабочий фронт» в Германии	441
Клерикальный фашизм в Австрии	444
Профсоюзы во франкистской Испании	445
Фашистские профсоюзные организации в Японии	446
Глава 41. Советские профсоюзы и социализм (1917—1939)	449
Роль профсоюзов в промышленности	451
Различные функции профсоюзов	454
Структура советских профсоюзов	456
Советские рабочие возглавляют мировое профсоюзное движение	458
Глава 42. Мировое профсоюзное движение в 1914—1939 годах	460
Рост борьбы рабочего класса во всем мире	461
Победы и поражения	462
Политическая и профессиональная организация рабочего класса	464
Идеологический подъем и упадок	467

**Часть IV. Профсоюзное движение во время и после
второй мировой войны
(1939—1955)**

Стр.

Мировой социализм против мирового капитализма

472

Глава 43. Профсоюзы во время второй мировой войны (1939—1945)	472
Общее состояние рабочего движения	475
Расстановка классовых сил в антифашистских странах	477
Профсоюзная деятельность в союзных странах	479
Первые шаги к международному единству профсоюзов	483
Глава 44. Революционное наступление после второй мировой войны (1944—1950)	485
Волна революционного подъема во всем мире	485
Европейские страны народной демократии	488
Китайская революция	491
Рост массовых организаций во всем мире	494
Глава 45. Образование Всемирной федерации профсоюзов (1945)	496
Лондонская конференция	498
Париж. Создание ВФП	500
Программа ВФП	503
Недостатки новой мировой системы единства рабочего движения	507
Глава 46. Профсоюзы в странах народной демократии (1944—1946)	508
Рост профсоюзов в странах народной демократии	509
Задачи профсоюзов в странах народной демократии	514
Глава 47. Возрождение профсоюзного движения в странах капиталистической Европы (1944—1947)	519
Возрождение итальянского профсоюзного движения	519
Объединение профсоюзного движения во Франции	521
Воскрешение профсоюзного движения в Германии	524
Рабочее движение в других странах Европы	529
Глава 48. Расцвет профсоюзного движения в Азии (1945—1947)	531
Революционные профсоюзы Китая	532
Профсоюзы в революционной Индии	534
Огромный рост профсоюзов в Японии	536
Профсоюзное движение в других странах Азии	541
Глава 49. Профсоюзное движение в странах Америки, Британских доминионах и в Африке (1945—1947)	544
Положение в Соединенных Штатах Америки и в Канаде	545
Профсоюзное движение в странах Латинской Америки	547
Профсоюзы в Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке	550
Пробуждение народов Африки	551

	Стр.
Глава 50. Начало «холодной войны» (1947—1949) . . .	556
Стремление американского империализма к мировому господству	557
Доктрина Трумэна, план Маршалла, Северо-атлантический пакт	560
Раскол в рядах рабочего движения	564
Глава 51. Раскол в ВФП. Создание МКСП (1947—1949)	568
Расхождение во взглядах по поводу плана Маршалла	570
Раскол в ВФП	574
Образование МКСП	576
Взаимоотношения между силами Всемирного профсоюзного движения	579
Глава 52. Раскол в профсоюзах Германии, Франции и Италии (1947—1949)	581
Раскол в профсоюзном движении Германии	582
Наступление раскольников на всеобщую конфедерацию труда Франции	585
Раскол в профсоюзном движении Италии	588
Глава 53. Раскол профсоюзного движения в странах Америки: КПП и КТЛА (1947—1949)	591
Раскол в КПП	595
Раскол профсоюзного движения в Латинской Америке	598
Глава 54. «Холодная война» в Азии (1945—1950)	604
Профсоюзы в новом Китае	604
«Холодная война» и профсоюзы в Индии	608
«Холодная война» и японские профсоюзы	611
«Холодная война» в других странах Азии	615
Глава 55. Борьба против угрозы мировой атомной войны (1947—1955)	617
Военные аспекты борьбы народов за мир	619
Политическая борьба за мир в международном масштабе	621
Две международные профсоюзные организации в период «холодной войны»	626
Глава 56. Общий закон развития профсоюзного движения	631
Пути развития профсоюзного движения	633
Две фазы рабочего движения и их оценка	636
Опыт всемирного профсоюзного движения	638
Общий закон и некоторые выводы	643
Глава 57. ВФП — профсоюзный Интернационал нового типа	646
Переход от экономической борьбы к борьбе политической	649
ВФП и политическая борьба	650
Три типа проблем, стоящих перед профсоюзами	653
Текущие задачи социалистических профсоюзов	656

Глава 58. Профсоюзные проблемы в капиталистических странах	660
Безработица, социальное обеспечение, гарантированный годовой минимум заработной платы, скользящая шкала, автоматизация	660
Наступление на права профсоюзов	665
Профсоюзный цех и принцип привилегии по стажу	667
Участие профсоюзов в управлении предприятиями	669
Арбитраж	672
Глава 59. Профсоюзная организация, демократия и един- ство	673
Организация неорганизованных	673
Опасность профсоюзной бюрократии	679
Важнейший вопрос о профсоюзном единстве	682
Глава 60. Полевление мирового профсоюзного движения	687
Упадок правого профсоюзного руководства	687
Ослабление позиции квалифицированных рабочих	692
Рост гомперсизма в МКСП	696
Глава 61. Социалистические перспективы мирового проф- союзного движения	700
Обнищание трудящихся масс	700
Углубление общего кризиса капитализма	704
Вдохновляющая сила социализма	709
Исторические результаты профсоюзного движения	710
Библиографический указатель	714
Именной указатель	740
Предметный указатель	745

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС ПРОФИЗДАТ — Калужское шоссе, 66

Уильям З. Фостер

Очерки мирового профсоюзного движения

Редактор *Л. М. Железнова*. Техн. редактор *Н. А. Кирсанова*

Художник *Г. А. Сотсков*

Сдано в набор 10/X1956 г. Подп. к. печати 17/XII 1956 г. А 14704.
Бумага $84 \times 108/_{32} = 48,25$ п. л. или условных 39,56 л. Уч.-изд. 41,43 л.

Тираж 10 000 экз. Цена 16 р. 85 к. Зак. № 2302.

Типография «Известий». Москва. Пушкинская пл., 5.

*Издательство просит читателей
посылать свои отзывы на книгу
по адресу:
Москва, Калужское шоссе, 66,
Профиздат*

16 р. 85 к.

Уильям З.
ФОСТЕР

ПРОФИЗДАТ 1050